PX
ΓA

Санкт-Петербургский научно-культурный центр
по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии
Исторический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Русская Христианская гуманитарная академия

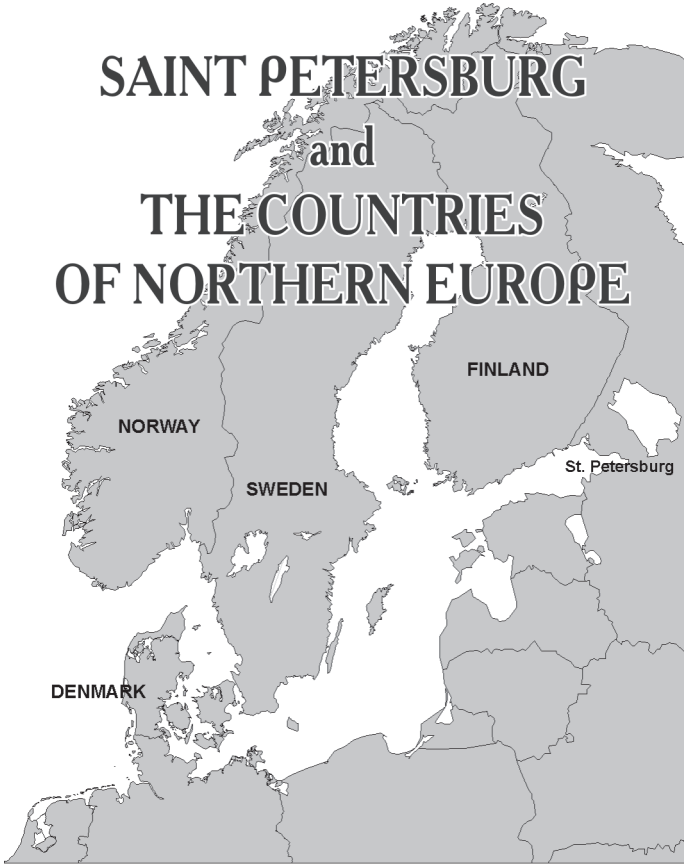
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ и СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции

Санкт-Петербург
2007

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of history
The Russian Christian Academy for the Humanities

SAINT PETERSBURG and THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE



Proceeding of the 8th Annual International Conference

Saint Petersburg
2007

Приложение к журналу «Вестник Русской Христианской гуманитарной академии», т. 5

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, профессор *В. Н. Барышников* (ответственный редактор); *Т. Н. Гордецкая*; докт. ист. наук, профессор *А. П. Кротов*; канд. ист. наук *К. Е. Нетужилов*; канд. филос. наук *Т. Ф. Фадеева*; докт. филос. наук *Д. В. Шмонин*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент *Б. П. Заостровцев* (Высшая религиозно-философская школа);

канд. ист. наук, доцент *А. В. Лихоманов* (Российская Национальная библиотека);

докт. ист. наук, профессор *В. И. Фокин* (Санкт-Петербургский государственный университет)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 06-01-14064г

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции (13—14 апреля 2006 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2007. — 534 с.

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов восьмой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Книга рассчитана на всех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

ISBN 978-5-88812-255-6

© Коллектив авторов, 2007
© В. Н. Барышников, П. А. Кротов, составление, 2007
© Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов восьмой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии кафедрой истории Нового и Новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге. Кроме того, в организации конференции принял также участие Историко-этнографический музей-заповедник «Ялкала».

Конференция проходила с 5 по 6 апреля 2006 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения Петербурга и Северо-Западного региона. Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98—99», а также в последующих изданиях, вышедших под названием «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» [1].

Традиционно на конференции принимали активное участие ученые РХГА, многие из профессорско-преподавательского состава исторического, филологического факультетов и факультета международных отношений СПбГУ, а также научные сотрудники Российской Академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Финляндии.

[1] Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98—99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург—2003». СПб., 1999. С. 431—490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepaired on the base of reports' materials of the eighth annual International conference "Saint Petersburg and Northern European countries".

The conference was organised by St.Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the Historical faculty of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Institute of Finland in St. Petersburg. The Historical-ethnographic museum-reserve "Yalkala" took part in organising the conference too.

The conference was held 5—6 April 2006. Historians, philologists, ethnographists, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. The materials of previous conferences were published in volume "Petersburg readings 98—99" and further editions called "Saint Petersburg and North European countries"[1]. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, philological faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and ar-

chives took part in the conference. Foreign participants of the conference were historians from Sweden and Finland.

[1] Petersburg and North European countries // Petersburg readings 98—99. The materials of Enciclopedia's library "Saint Petersburg 2003". SPb., 1999. P. 431—490; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2001; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. Spb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The materials on the fourth annual Scientific Conference. SPb., 2003; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2004; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2005. The materials on the sixth annual Scientific Conference. SPb., 2005; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the seventh annual Scientific Conference. SPb., 2006.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

А. И. Терюков

АДМИРАЛ ЭТОЛИН — ПРАВИТЕЛЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ

История финна в российском флоте

Включение Финляндии в 1809 г. в состав Российской империи предоставило новые благоприятные возможности для служебной карьеры как для представителей высших сословий, так и для детей нетитулованных чиновников. Как пишет профессор Матти Клинге, «все XVIII столетие было весьма трудным временем для финляндских дворян и служителей церкви, сыновьям которых не хватало офицерских и пасторских должностей» [1]. В середине XIX в. каждый 5 взрослый финляндский дворянин служил в российской армии — 143 из 695 родившихся в 1790—1830 гг. И это число позднее колебалось между 10—17% [2]. Многие из них дослуживались до генеральских чинов. Финны играли и видную роль в военно-морских силах России. И это понятно, ведь у них были давние традиции в области морского судоходства. Как отмечают финляндские исследователи, на императорской военно-морской службе в разное время состояло 340 человек, из них 9 стали полными адмиралами, 21 — вице-адмиралами, 46 — контр-адмиралам [3]. А адмирал Т. К. Авелан до 1905 г. даже возглавлял Морское министерство империи.

Примером такой удачной карьеры в российском военно-морском флоте может служить судьба Адольфа Карловича Этолина (29.12.1798—17.03.1876) — контр-адмирала, в течение нескольких лет бывшего главным правителем и исследователем Русской Америки.

А. К. Этолин родился в Гельсингфорсе в семье бургомистра. Учился, как и многие дети финляндских дворян и чиновников, в Фридрихсгамском кадетском корпусе в г. Фридрихсгаме (в наст. время — г. Хамина). Учеба в этом корпусе была первым шагом к карьере в России. Ибо здесь, кроме специальных военных дисциплин и европейских языков, кадетов учили русскому языку. Это учебное заведение пользовалось большой популярностью в Финляндии. Его закончили многие известные финские государственные деятели. Например, его выпускником был Маннергейм.

Выбрав морскую службу, А. К. Этолин продолжил свое образование в Морском кадетском корпусе в Петербурге.

1 августа 1817 г. был зачислен во флот гардемарином. В 1817—1818 гг. он в качестве «вольного морехода» и гардемарина на военном корабле — шлюпе «Камчатка» под командой В. М. Головнина перешел из Кронштадта вокруг мыса Горн в Петропавловск-Камчатский, а оттуда в Русскую Америку, на Аляску [4]. Первая половина XIX в. занимает особое место в истории военно-морского флота России. В это время русские военные моряки совершают около 30 кругосветных путешествий [5]. Обычно говорят о научном значении этих морских походов. Они действительно были значительны, можно вспомнить хотя бы открытие Антарктиды во время плавания Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. Но эти океанские переходы были вызваны одной практической целью — снабжением Русской Америки, территории, находившейся под юрисдикцией России в Северной Америке. Одним из таких путешествий и был поход «Камчатки».

На Аляске А. К. Этолин поступил на работу в Российско-Американскую компанию (РАК). Он был принят на службу в качестве штурмана с окладом 2000 руб. в год [6]. В 1819—1824 гг., командуя различными кораблями компании, плавал в северной части Тихого океана к берегам Калифорнии и Гавайским о-вам. При этом в 1821—1823 гг. (вместе с В. С. Хромченко) производил, командуя куттером «Баранов», опись восточного берега Берингова моря, открыл и описал юго-восточный берег — залив Кускоквим и пролив, названный его именем [7]. Он пользовался в это время полным доверием главного правителя колоний РАК в 1820—1825 гг. М. И. Муравьева, который

всегда хорошо отзывался о нем. Так, в своем донесении от 18 января 1821 г. он отмечает: «Г-на Этолина я рекомендую в особенное вам покровительство. Деньгами его наградить невозможно, он выше сей награды, а есть ли Главное правление приложит свое попечение и заинтересует его судьбой графа Николая Петровича, то флот может приобрести прекрасного морского офицера, а Компания приобретет отважнаго, умнаго, самаго ревнастнаго капитана» (Здесь речь идет о рекомендации А. К. Этолина государственному канцлеру, графу Н. П. Румянцеву, одновременно одному из акционеров РАК. — *А. Т.*) [8]. Характеризуя деятельность штурмана 14 класса А. К. Этолина в этом плавании, М. И. Муравьев в своем донесении в Петербург писал, что «РАК может гордится, что имеет такого человека в своей службе и что чрез ея содействие и ея волею была совершена самая удачная экспедиция. <...> Г-н Этолин просит, дабы иметь честь надеть российско-флотский мундир, он зделает честь всякому мундиру. Главное правление усмотрит, как полезно поощрить при начале человека с большим достоинством и пламенным рвением» [9]. В 1824 г. он очень сожалел, что А. К. Этолин вынужден вернуться в столицу. М. И. Муравьев писал: «К сожалению, Этолин оставляет колонии вместе с сею депешею, а г-н Хлебников по частым недугам своим тоже не может оставаться здесь на службе. С отлучкою сих двух человек колонии и вся Компания многое теряют. Жаль, что Главное правление не могло исходатайствовать для Этолина чин мичмана, сим бы оно удержало сего достойного человека в колониях еще на некоторое время» [10].

В 1825 г., будучи штурманом на фрегате «Крейсер» под командой М. П. Лазарева, Этолин совершил плавание от о. Баранова на Аляске вокруг мыса Горн в Кронштадт. Так он завершил свое первое кругосветное плавание. По возвращении в Петербург по представлению Главного правления РАК был произведен в мичманы и стал настоящим военным моряком.

А в 1826 г. А. К. Этолин снова поступает на службу Российско-Американской компании и через Сибирь отправляется в Охотск, а оттуда на одном из судов компании совершает плавание к Аляске, на остров Баранова.

На этот раз его служба в Америке продолжалась почти 10 лет. В 1827—1836 гг., командуя кораблями компании, в частности шлюпом «Байкал», плавал в Тихом океане, доходя до острова Лаврентия на севере и дважды до Вальпарайсо (Чили) на юге. В 1828 г. экспедиция под его командованием основывает постоянный русский промысловый поселок на о-ве Уруп (юго-западные Курильские о-ва) [11]. Позднее он направлялся Ф. П. Врангелем для проведения переговоров с представителями американской Компании Гудзонового залива об определении сфер влияния [12].

Дослужившись до звания капитан-лейтенанта, через Сибирь возвратился в Петербург. В 1838 г. в чине капитана 2 ранга А. К. Этолин был назначен главным правителем Русской Америки. Выбор Главного Правления Российско-Американской компании был крайне удачен. К этому времени он уже отслужил почти 15 лет на Дальнем Востоке и Аляске и был прекрасно осведомлен в проблемах русских колоний в Новом Свете. Еще во время своего первого путешествия в Америку, в Ново-Архангельске, столице Русской Америки, ему довелось встретиться с легендарным А. А. Барановым, основателем компании и первым правителем этих заморских территорий. А в 1832 г. как наиболее достойный морской офицер Этолин был утвержден царем в качестве помощника Главного правителя колоний Ф. П. Врангеля.

В 1839—1840 гг. на корабле компании «Николай I» перешел из Кронштадта через Рио-де-Жанейро (где купил второе судно) вокруг мыса Горн к о-ву Баранова на Аляске, завершив, таким образом, свое второе кругосветное путешествие. 1 июня 1840 г., прибыв в Ново-Архангельск, он вступил в должность.

Встав во главе Русской Америки, А. К. Этолин как бы вдохнул вторую жизнь в ее экономику. В Ново-Архангельске развернулось бурное строительство. Уже в 1840—1841 гг. здесь были возведены нескольких жилых домов, новая мукомольная водяная мельница, мост через реке Малышевку, плотина, а также специальное помещение у крепостной стены для торгующих тлинкитов (местных индейцев. — *А. Т.*). В Озерском редуте вблизи колониальной столицы были построены часовня, баня и лавка для торговли с индейцами, а также были отремонтированы старые здания редута. Строится церковь на о-ве Кадьяк. Для снабжения этих строительных работ в 1841 г. на полуострове Кенай вблизи Николаевского редута был воз-

веден новый кирпичный завод производительностью ежегодно до 50 000 кирпичей, который долгие годы снабжал колонию превосходным кирпичом. В 1843 г. была достроена и введена в строй пристань в Ново-Архангельске, что очень облегчило разгрузку кораблей, приходивших в порт. Кроме того, в 1843 г. здесь появилась деревянная набережная на каменном фундаменте, на которой располагался бруствер для орудий. На скале, где находился дом главного правителя колоний, была построена новая батарея и деревянная башня. И этот список можно продолжить.

Но основной формой деятельности А. К. Этолина как правителя компании было сохранение его флота. На место обветшавших судов под его контролем весной 1840 г. со стапелей местной верфи в Ново-Архангельске сошел новый бриг «Промысел». В том же году здесь был построен и первый маленький пароход «Мур» (названный так в честь механика-американца Мура), машина которого была полностью изготовлена в мастерских Ново-Архангельска. В 1842 г. был спущен на воду бот «Камчадал», в 1845 г. — маленький бриг «Тунгус». Суда продолжали строить и в последующие годы.

Главной заботой А. К. Этолина как правителя колоний было увеличение пушной торговли. Доходы от аляскинской пушнины, доставлявшейся из колоний на кораблях Российско-Американской Компании на материк, были основной ее прибылью. Только в 1840 г. два брига компании — «Охотск» и «Константин» — привезли в Охотск мехов на огромную сумму в 1 870 000 руб. ассигнациями. Стабильности в добыче пушнины в немалой степени способствовала система природоохранных мер, практиковавшаяся РАК, и в первую очередь система так называемых «запусков», т. е. запретов на промысел различных видов животных на определенных территориях в течение ряда лет. Благодаря этой системе компания смогла добиться того, что за 10 лет (с 1830 по 1840 г.) добыча калана в ее владениях оставалась стабильной. И А. К. Этолин должен был продолжить эту традицию. Так, например, в 1842 г. на о-ве Кадьяк по его приказу на два года был введен запрет на добычу каланов, тюленей и лис. Стремясь усилить добычу калана, А. К. Этолин распорядился возобновить промысел в заливе Якутат. Для этого в 1841 г. он приказал снарядить для этого

40 байдарок с охотниками чугачами, кадьякцами и танаина под прикрытием брига «Полифем».

Особенно эффективной оказалась система природоохранных мер при добыче морских котиков. Благодаря регулярным «запускам» на о-вах Прибылова уже в 1841 г. удалось увеличить ежегодный промысел котиков с 4000 до 8000 животных, а в 1844 г. поднять квоту до 10 000 без видимого ущерба для популяции этого ценного морского зверя. Поскольку «емкость» китайского рынка в Кяхте была ограниченной, то решено было пересылать часть добытых котиков в Лондон, а в будущем и в Нью-Йорк.

Одновременно А. К. Этолин расширяет районы торговли с местными племенами на севере Аляски, что позволяет резко увеличить закупки пушнины. Как отмечалось в официальном отчете Главного правления РАК, именно благодаря его деятельности в 1842—1843 гг. из колоний были доставлены в Охотск особенно крупные грузы пушнины.

Правление А. К. Этолина было отмечено также организацией многочисленных исследовательских экспедиций в глубинные районы Аляски, наиболее крупной из которых была экспедиция лейтенанта Лаврентия Загоскина, продолжавшаяся более полутора лет (1842—1844 гг.). Одной из ее главных целей было изучение маршрута, по которому пушнина из долины Юкона попадала на побережье материка, а затем доставлялась на Чукотку, где ее скупали колымские купцы. Для пресечения утечки мехов с Аляски в Азию колониальная администрация и Главное правление РАК предполагали даже отстроить еще один редут компании около залива Коцебу. Но от этого проекта пришлось отказаться из-за чрезвычайно сурового климата к северу от Берингова пролива и тяжелых льдов, часто преграждавших путь и делавших невозможным прохождение судов, а следовательно, и снабжение предполагаемого торгового поста.

А. К. Этолину приходилось выполнять и дипломатические поручения. Это было связано с тем, что в сферу влияния РАК с конца 1830-х гг. начинают активно проникать иностранные конкуренты, преимущественно американские китобои, что приводило иногда к столкновениям с ними, и ему как главному российскому чиновнику разрешать эти проблемы. Для борьбы

с ними он предпочитал использовать экономические методы, увеличивать закупочные цены, что не всегда нравилось петербургскому начальству. Например, пушнина приобреталась по следующим эквивалентам: бобровая шкурка приравнивалась к фунту табака, а за две шкурки русские давали полфунта красного (белого) бисера или топор. Существовали некоторые различия в снабжении отдельных редутов и одиночек РАК на Севере. Так, в Михайловский редут и Нулато поставлялся белый и красный бисер, табак, медные кружки, зеркальца, топоры, ножи и другие железные изделия, а в Колмаковский редут на реке Кускоквим — бисер черного и белого цвета, маленькие, так называемые «алеутские» топорики, медная и чугунная посуда, байковые одеяла, немного европейской одежды и купленные у тлинкитов «колошенские накидки» — большие четырехугольные куски темного сукна с цветными узорами и аппликациями. Последние стоили очень дорого (около 15 бобровых шкурок), и далеко не всякий индеец мог позволить себе иметь подобную накидку.

Именно при А. К. Этолине наблюдалось наиболее тесное за всю историю Русской Америки сближение между местными аборигенами — тлинкитами и хайда-кайгани и РАК. По его инициативе тлинкитов стали часто нанимать для работ в порту, а некоторые из них даже ходили матросами на судах РАК. Такая практика была весьма выгодна для компании, так как жившие в Ново-Архангельске алеуты и кадьякцы, которые высвобождались благодаря использованию на работах тлинкитов, могли с большей пользой для РАК участвовать в промысловых партиях по добыче калана. Кроме того, содержание работника-тлинкита обходилось компании в два раза дешевле, чем русского, не считая затрат на доставку последнего из метрополии и обратно. В отчете компании за 1843 г. отмечалось, что тлинкиты «с охотою занимаются поденными работами, за выгодную для Компании плату, и тем дают возможность с успехом производить в Ново-Архангельске встречающиеся необходимые и спешные постройки и занятия. Сверх того, Колоши с изобилием снабжают новоархангельский рынок съестными припасами и дровами». Как отмечают историки Русской Америки, среди безусловных заслуг А. К. Этолина следует отметить также его попытки искоренить ритуальные убийства рабов, бытовавшие в это время среди тлинкитов-ситкинцев, живших под стенами Ново-Архангельска. В июле 1840 г. ему удалось уговорить двух индейских вождей отказаться от жертвоприношений: они обменяли предназначавшихся на заклание рабов на пушнину, которую затем выгодно продали русским. А в 1841 г. главный правитель устроил для индейцев у стен Ново-Архангельска празднество с угощением (что обошлось РАК в 1200 руб.). Это мероприятие показывает, что А. К. Этолин хорошо был знаком с обычаями индейцев. Он этим праздником совершил существовавший у тлинкитов обычай *потлач* — праздничного угощения и раздачи даров, совершаемого периодически племенными вождями среди своих соплеменников. Это мероприятие еще более сблизило индейцев и русских.

Для усиления влияния РАК на независимых индейцев Главное правление ходатайствовало об учреждении в колониях поста «главного колошенского тоена» (т. е. вождя). Эта должность была санкционирована императором Николаем I 6 декабря 1842 г., и по представлению Главного правителя колоний 10 октября 1843 г. в это звание был возведен один из лояльных к русским крещеных тлинкитских вождей — Михаил Кухкан. Торжественная церемония, включавшая и вручение Кухкану царских подарков (парчового кафтана и кушака с бахромой и треуголки с перьями на сумму 1056 руб. 50 коп.), состоялась в новоархангельском соборе в присутствии всего колониального начальства, а также наиболее знатных индейских вождей. Позднее эта практика продолжалась до продажи этих территорий США.

В 1844 г. А. К. Этолин уведомил Главное правление о своем решении возвратиться в Россию на следующий год, когда истекал срок его контракта с РАК. Директора компании выразили по этому поводу свое искреннее сожаление и занялись подбором замены. Его преемником на этом посту стал капитан 2-го ранга М. Д. Тебеньков. Оценивая его деятельность на посту главного правителя, в целом можно признать его правление наиболее благоприятным периодом развития Русской Америки. При А. К. Этолине особенно успешно развивались различные отрасли колониального хозяйства, были проведены важные социально-экономические и административные реформы, плодотворно шло сотрудничество с компанией Гудзонова за-

лива и независимыми туземцами Юго-Восточной Аляски, были организованы многочисленные исследовательские экспедиции в долину Юкона и реке Коппер, способствовавшие освоению новых территорий Аляски.

С другой стороны, А. К. Этолин стал непосредственным участником начала ликвидации деятельности Российско-Американской компании. Еще в 1838—1839 гг. в Петербурге активно обсуждалась судьба форта Росс, русских владений в Калифорнии. С торгово-экономической точки зрения содержать эти территории было нецелесообразно, они были убыточны. В апреле 1839 г. император Николай I принял решение об его ликвидации[13]. И как главному правителю Русской Америки, Этолину пришлось в 1840—1842 гг. заниматься ликвидацией этого поселения, эвакуацией русских сотрудников и членов их семей на Аляску[14]. Здания компании и остальное имущество было продано за 30 000 долларов швейцарцу Дж. Суттеру. А эти места не были для него пустым звуком. Еще в годы второго срока своей службы в компании, в 1828—1829 гг., ему приходилось посещать форт Росс, чтобы купить там соль и зерно для поселений на Аляске[15].

Заканчивая обзор деятельности А. К. Этолина в Русской Америке, следует отметить еще один факт — увлечение сбором различных коллекций. В этом нет ничего удивительного. Находясь в далеких странах и сталкиваясь с иными культурами и необычной природой, они привозили домой различные диковинные предметы и вещи. Этим занимались многие участники русских морских путешествий. Сегодня коллекции русских морских офицеров хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН и Центральном военно-морском музее в Петербурге. Не избежал этого увлечения и А. К. Этолин. Еще после своего первого пребывания в Америке в 1826 г. он преподнес Академии Або (Университету Турку) свою этнографическую коллекцию из 46 предметов. К сожалению, ее судьба была печальной. Она сгорела во время страшного пожара 1827 г., когда выгорел почти весь город. Новая коллекция была собрана во время его второго пребывания на Аляске. В 1829—1834 гг. он отправляет в адрес Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе (сегодня — Хельсинский университет. — *А. Т.*) несколько небольших зоологических и этнографических коллекций. После завершения службы в Америке в 1846 г. А. К. Этолин привез в Хельсинки большую этнографическую коллекцию, состоящую из почти 500 предметов. Сегодня это самое крупное подобное собрание в Финляндии. Каталог ее был опубликован финской исследовательницей Пирье Варьерой, в атрибуции экспонатов ей помогали советские этнографы-американисты Р. Г. Ляпунова и Ю. П. Аверкиева[16]. Как считает С. А. Корсун, большая часть этого собрания была получена А. К. Этолиным от русского ученого, путешественника И. Г. Вознесенского. Они вместе проделали путь из Петербурга до Аляски, а в дальнейшем А. К. Этолин как главный правитель Русской Америки оказывал всяческую административную поддержку путешественнику. Позднее И. Г. Вознесенский отмечал, что состоял под особенным покровительством Главного правителя колоний — ныне контр-адмирала г-на Этолина, давшего мне все зависящие от него средства, радушно оказывая во всех случаях необходимые пособия в течение всего моего пребывания и 5-летнего правления г-ом Этолином тех мест»[17]. С. А. Корсун, опираясь на имеющиеся архивные записи, пришел к выводу, что эта коллекция является собранием И. Г. Вознесенского. Но я позволю возразить ему, и вот по какой причине. Если говорить точно, то идея сбора коллекции принадлежала самому А. К. Этолину, ведь он занимался этим и раньше. То есть у А. К. Этолина было стремление к подобной деятельности. С. А. Корсун не отрицает, что в ней есть предметы, собранные самим Главным правителем. Немалую роль в образовании этого собрания сыграли личные средства А. К. Этолина, она формировалась на его деньги. И. Г. Вознесенский не отрицает, что он приобретал этнографические предметы как для него, так и для Академии наук. Сходство отдельных предметов в этих двух собраниях можно объяснить тем, что они покупались в одном месте, и, может быть, даже у одного человека. А. К. Этолин в своем письме в Императорскую Академию наук от 15 мая 1845 г. сообщает, что, «покидая колонии, отправил через Лондон 34 ящика материалов Вознесенского и 8 ящиков собственно моих под знаком: А. К. Э. с таковыми же предметами, адресованными на имя Зоологического Музеума Академии. Покорнейше прошу Академию, — продолжает Этолин, — по получении моих ящи-

ков, приказать сохранить их до моего возвращения. При оставлении ныне г-м Вознесенским Российско-Американских Колоний, долгом справедливости считаю свидетельствовать пред Императорскою Академиею о неусыпных трудах его и добросовестном, отличноусердном выполнении его обязанности, не упуская ни малейшего случая к обогащению ея Музеума; а скромностию своею, благородством характера и примерным поведением заслужил общее в Колониях уважение и приобрел готовность и охоту каждого помогать ему словом и делом, — чему, конечно, должно некоторым образом приписать возможность г. Вознесенскому собрать такую огромную коллекцию разных предметов для Академии при ограниченных его денежных средствах» [18]. Все это позволяет говорить о том, что данное собрание этнографических предметов может по праву считаться коллекцией А. К. Этолина, ибо оно было результатом сознательной деятельности этого чиновника.

После возвращения в Петербург в 1846 г. Этолин получил звание капитана 1-го ранга и был избран одним из директоров Главного правления Российско-Американской компании, где работал до 1865 г. [19] Вышел в отставку контр-адмиралом. Выступил против продажи Аляски США. За заслуги перед русской наукой и личный вклад в географические открытия в Тихом океане в 1852 г. А. К. Этолин был избран почетным членом Московского общества испытателей природы при Императорском Московском университете. Потом работал одним из управляющих «Финляндского легкого пароходства», которое было основано в 1873 г. и занималось перевозкой пассажиров по Неве и каналам.

---

[1] *Клинге М.* На чужбине и дома. СПб., 2005. С. 9.

[2] *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 185—190.

[3] *Клинге М.* Указ. соч. С. 49—55.

[4] *Болгурцев Б. Н.* Морской биографический справочник морских офицеров Русской Америки и русского Дальнего Востока. Владивосток, 1998.

[5] *Иванищев Н.* Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб., 1872.

[6] Российско-Американская компания и изучение тихоокеанского Севера. 1815—1841: Сб. документов. М., 2005. С. 72.

[7] Там же. С. 87, 90, 93, 101—102, 105—106, 134—138, 151—152.

[8] Там же. С. 101—102.

[9] Там же. С. 125—126.

[10] Там же. С. 169—170.

[11] Там же. С. 224—225, 237—240.

[12] Там же. С. 264—267

[13] *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски: 1834—1867. М., 1990. С. 36—38, 43; История Русской Америки. Т. 3. Русская Америка: от зенита к закату. М., 1999. С. 54, 57, 228—229, 274.

[14] Русские в Калифорнии. М., 1996. С. 108.

[15] Там же. С. 638. 686.

[16] *Varjola P.* The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki: The National Board of Antiquities of Finland. Helsinki, 1990. Об этом см.: *Engelberg R.* Suomi ja Amerikan suomalaiset: keskinäinen yhteys ja sen rakentaminen. Helsinki, 1944; *Engle E.* The Finns in America. Minneapolis, 1977.

[17] Цит. по: *Корсун С. А.* Этнографическое собрание И. Г. Вознесенского в Национальном музее Финляндии // Радловские чтения. 2006. СПб., 2006. С. 68—73.

[18] Архив внешней политики Российской империи. Ф. РАК. Оп. 888. № 1011. Рулон 49. Л. 370 об. — 371 об.

[19] *Ермолаев А. Н.* Главные правители Русско-Американской компании: состав, функции, взаимоотношения с правительством. 1799—1871 // Американский ежегодник. 2003. М., 2003. С. 271—293.

А. В. Смолин

ВОССТАНИЕ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ 3—4 МАРТА 1917 г. И УБИЙСТВО ВИЦЕ-АДМИРАЛА А. И. НЕПЕНИНА

Вооруженное восстание в Петрограде 27—28 февраля 1917 г. получило свое продолжение на главной базе Балтийского флота в Гельсингфорсе. Вначале события там развивались вполне мирно и не предвещали трагической развязки. После получения известий о восстании в столице командующий флотом вице-адмирал А. И. Непенин, чтобы не выпускать ситуацию из-под контроля, решил сам информировать личный состав флота о происходящем в Петрограде. Утром 28 февраля он оповестил флот о перемене власти в столице [1]. И это оказалось весьма своевременным, поскольку уже вечером того же дня известия о событиях в Петрограде стали поступать в Гельсингфорс от рабочих порта, местного населения и радиотелеграфистов [2].

2 марта в 12 ч. дня А. И. Непенин объявил по флоту о признании Временного комитета Государственной думы [3]. В этот же день произошло отречение Николая II в пользу брата Михаила. В 3 часа ночи 3 марта в штабе Балтийского флота был получен телеграфный текст манифеста [4]. Сразу же после этого командующий издал приказ с его текстом [5]. Однако в 6 ч. 45 м. утра в штаб флота поступила телеграмма начальника штаба Ставки верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева. В ней содержалась просьба председателя Государственной думы М. В. Родзянко о приостановке объявления манифеста. Ознакомить с ним разрешалось только старших начальников [6]. Непенин сразу же понял всю опасность этого распоряжения

и в ответной телеграмме писал: «Всякое промедление будет губительно» [7]. Однако телеграмма Алексеева запоздала и манифест уже начал распространяться. Несмотря на это, командующий принял все меры, чтобы приостановить его дальнейшие оглашение [8].

Меры, принятые А. И. Непениным по сохранению порядка и дисциплины на флоте, не смогли остановить нарастающее брожение [9]. Понимая, что своими силами ему не справиться, командующий обратился к М. В. Родзянко и А. И. Гучкову с просьбой прислать депутатов Государственной думы [10].

Около 2 ч дня 3 марта началось выступление в береговой минной роте. Матросы, построившись, взяв красные флаги и оркестр, игравший марсельезу, двинулись к кораблям. Вскоре к колонне подъехал командующий флотом и пригрозил прислать солдат и подавить выступление. После этого часть демонстрантов возвратилась в казармы, а другие ушли в город [11]. В 3 ч. дня Непенин направил телеграмму начальнику Морского штаба верховного главнокомандующего адмиралу А. И. Русину и командующему армиями Северного фронта генералу Рузскому, в которой сообщал о том, что беспорядки прекращены лично им и адмиралом А. С. Максимовым [12]. Непенин также издал распоряжение о недопустимости каких либо манифестаций [13]. Чтобы как-то сбить накал страстей, около 18 ч. началось оглашение манифеста об отречении [14]. Судя по всему, такая мера запоздала, поскольку матросы уже знали об этом [15].

Между 6 и 7 часами вечера за городом состоялось собрание матросов. На нем было принято решение начать выступление в 8 ч утра 4 марта. Об этом сообщили на все корабли [16]. Однако события стали развиваться значительно быстрее.

Восстание началось 3 марта около 7 ч. вечера. Застрельщиком выступления стала команда линкора «Император Павел I». В монографии Д. А. Гаркавенко говорится, что восстание началось по призыву большевиков [17]. Исследовавший этот вопрос несколько ранее В. В. Петраш был не столь категоричен. Он писал, что руководящий центр восстания находился на «Павле I», но его состав установить не удалось [18]. Наиболее полный рассказ о начале восстания содержится в воспоминаниях непосредственного участника этих событий матроса-большевика Н. А. Ховрина, опубликованных в 1926 г. [19]

По свидетельству Ховрина, после спуска флага часть команды корабля собралась на баке и перекликалась с матросами линкора «Андрей Первозванный», стоявшего рядом. В это время на баке появился старший офицер лейтенант В. А. Яновский, ненавистный всем без исключения за свой жестокий характер. «Что ему было надо, ему, который всегда и везде шпионил за командой? На корабле “Андрей Первозванный” закричали что-то, у нас подхватили, не то ура, не то что-то вроде этого. Старший офицер бросился бежать в жилую палубу, матросы за ним. В жилой палубе его схватили и повалили, но он был очень сильный и все вырывался. Тогда кто-то из кочегаров схватил из стоящей рядом пожарной пирамиды кувалду и ударил ею Яновского по голове. С этого и началось. Связанная между собой уже не словами, а делами, команда не могла остановиться на этом, но она не знала, что ей предпринять дальше» [20]. Тогда кто-то предложил выпустить арестованных из карцера. Когда караульный офицер лейтенант Савинский отказался это сделать, то был убит кувалдой. После этого матросы захватили винтовки, находившиеся в караульном помещении. Выскочившего на палубу вахтенного начальника мичмана Булича сразила пуля. Затем решили рассчитаться с ненавистными офицерами. Мичман Шиманский заперся в каюте. Завязалась перестрелка, затем восставшие взломали дверь, и один из матросов воткнул штык в горло раненного офицера. Командиру корабля удалось уговорить матросов прекратить расправу [21]. На «Павле I» подняли боевой флаг, зажгли красные огни, навели орудийные башни на «Андрея Первозванного», там в свою очередь тоже подняли боевой флаг и начали расправу с офицерами. Вслед за этими двумя линкорами боевые флаги начали поднимать и другие корабли 2-й и 1-й бригады линкоров [22]. С «Павла I» и «Андрея» на другие корабли передали призыв: « Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры арестованы» [23].

Передавая психологическое состояние восставших, Ховрин вспоминал: «Никто не был уверен, что это пройдет безнаказанно, да притом все отлично помнили 1905—1906 г. ...» [24]. Так, на «Андрее» был убит боцман за то, что похвастался, что видел кто стрелял в адмирала А. К. Небольсина. Сразу возникло подозрение, что он может выдать, и его убили [25]. Рассказывая

об убийстве штурмана «Павла I» лейтенанта В. К. Ланге, Ховрин обратил внимание на то, что когда офицер хотел сказать окружившим его матросам, кто из них являлся доносчиком, то получил прикладом по голове. В связи с этим мемуарист резонно заметил, что убийца и был этим доносчиком [26]. По рассказу Ховрина, начало восстания имело спонтанный характер, постепенно приобретая определенные организационные формы.

Ситуацию накалило и то обстоятельство, что, узнав о восстании, А. И. Непенин хотел сначала обстрелять «Павел I», но, немного подумав, отменил свое решение, поскольку выполнять его было некому [27]. О бунте на флоте командующий сообщил М. В. Родзянко [28]. Обостряло ситуацию и то обстоятельство, что на линкоре «Слава» находились арестованные Непениным по приказу Временного правительства генерал-губернатор Финляндии А. Ф. Зейн и вице-председатель Финляндского Сената Боровитинов. Чтобы разрядить обстановку и спасти жизнь высокопоставленных чиновников, командующий приказал перевести их в штаб флота на «Кречет», а затем в сопровождении капитана 2 ранга В. В. Романова отправил этих лиц в Петроград по железной дороге [29]. Чтобы хоть как-то успокоить восставших, командующий отдал распоряжение собрать в штабе флота делегатов от кораблей. Состоялся долгий разговор, который, судя по всему, не удовлетворил ни одну из сторон.

Кровопролитие удалось остановить только после того, как около 9 ч. вечера состоялись переговоры министра юстиции А. Ф. Керенского с представителем команды «Павла I» машинистом 1-й статьи А. Ф. Сакманом, который происшедшее объяснил недоразумением [30]. Виновных в убийстве офицеров Непенин предложил передать Временному правительству для проведения расследования [31].

Пока в штабе флота, на посыльном судне «Кречет», шли переговоры командующего флотом с представителями команд, к штабу флота стали подходить матросы и солдаты, после чего начался митинг. Матрос с транспорта «Покой» Т. Липпик, наблюдавший за происходившим, рассказывал: «Сразу бросилась в глаза некоторая определенность в организации: некоторые были вооружены ружьями, револьверами, санитары явились

с носилками, сумками и т. п.»[32] Среди собравшихся раздавались крики «Долой немцев!». Митинг продолжался до 12 ч. ночи и выработав программу на следующий день матросы стали расходиться[33]. Разошлись по кораблям и депутаты, вызванные к А. И. Непенину. Однако спокойствия не наступило. На «Павле I» была создана Объединенная флотская демократическая организация[34]. В 5 ч 30 мин с «Павла I» в адрес судовых комитетов поступила телеграмма с призывом не доверять командующему флотом А. И. Непенину, которая заканчивалась словами: «Смерть тирану и никакой веры!»[35]

Здесь следует отметить, что взаимоотношения А. И. Непенина с личным составом флота были непростыми. Вступив в должность командующего флотом 6 сентября 1916 г., адмирал предпринял ряд шагов, направленных на поднятие дисциплины. 28 ноября 1916 г. он издал приказ о правильном и отчетливом отдании чести. Перед этим командующий лично задержал 9 офицеров и 39 нижних чинов в Гельсингфорсе за неотдание чести военнослужащим, находящимся на другой стороне улицы, а также нижними чинами друг другу и их плохой обученности при постановке во фронт. Для исправления замеченных недостатков адмирал приказал два раза в неделю по часу обучать матросов отданию чести и знанию начальствующих лиц. Для наблюдения за исполнением приказа в городе устанавливались дежурства штаб-офицеров, в обязанности которых входило следить за соблюдением военнослужащими мер, перечисленных в приказе. На нерадивых накладывались взыскания: 2 недели домашнего ареста для офицеров и 2 недели неувольнения для нижних чинов. Взыскания накладывались и на начальников частей, в которых служили нарушители дисциплины[36]. Этот приказ вызвал недовольство и настолько запал в память рядовых матросов, что они поставили его в вину Непенину через три месяца во время восстания[37].

По наблюдениям командира крейсера «Баян» С. Н. Тимирева, «подобный педантизм в вопросах, которым во время войны не придавалось особого значения, произвел с самого начала невыгодное впечатление на личный состав и создал Непенину немало врагов среди офицерской молодежи и особенно среди матросов»[38]. С назначением Непенина на пост командующего флотом «застонал весь флот», писал в апреле 1917 г.

матрос с «Павла I»[39]. Карцеры на «Павле I» были переполнены и очередь на отсидку составляла 40—50 человек. Особенно раздражало матросов то, что на берег специально посылались офицеры, чтобы следить за ними и докладывать начальству кто курит, не отдает честь, ездит в трамвае. Командующий больше всего любил «сажать на оклад», т. е. лишать денежного довольствия на 6 месяцев, что в свою очередь вело к воровству. Раздражение Непениным вызвали запрет на продажу книг нижним чинам[40].

На жеское отношение Непинина к подчиненным обращали внимание люди, вполне доброжелательно настроенные к нему[41]. Масло в огонь недовольства действиями командующего добавил эпизод накануне Февральской революции. На «Павле I» команда отказалась есть суп из гнилой рыбы. На линкор прибыл Непенин. По свидетельству одного из матросов, он «выпустил на нас [матросов. — *А. С.*] такой поток самых грязных, нецензурных ругательств, которых бы не услышали от ломового извозчика в старое время»[42]. При этом 53 старшины адмирал посадил на оклад[43]. Мелочно-придирчивое отношение Непенина к понятиям служебной дисциплины во время войны, разносно-хамский стиль командования сфокусировали на нем всю ту озлобленность, которая накопилась у нижних чинов к офицерам. Как вспоминал матрос «Павла I» Н. Ховрин, «не проходило ни одного дня, чтобы не было кому-либо дано в морду»[44].

Итак, в 5 ч 30 мин 4 марта в радиограмме с «Павла I» прозвучало: «Смерть тирану». Но, как свидетельствовал один из моряков с «Павла I», «Непенин не сделался жертвой разъяренной толпы. Нет. Решение вынесено давно»[45].

4 марта около 8 часов утра по сигналу «пушка» с кораблей стали сходить матросы и двигаться на вокзальную площадь, куда должны были прибыть представители Временного правительства. Некоторые демонстранты несли портрет нового верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. К 12 часам дня площадь заполнилась матросами и солдатами, начался митинг. На нем, по словам очевидцев, начался суд над Непениным. Общее настроение собравшихся сводилось к тому, чтобы выбрать командующим кого угодно, только убрать Непенина. Митинг сначала постановил казнить

адмирала, затем решили арестовать и привести на площадь, чтобы судить. Для этого в штаб флота послали несколько человек, вооруженных винтовками [46].

В 13 ч 10 мин Непенин сошел с «Кречета» и в сопровождении конвоя отправился на митинг, а в 13 ч 40 мин (по другим данным, в 13 ч 45 мин) у ворот Свеаборгского порта конвой расстрелял адмирала [47]. Таким образом, от момента ухода из штаба флота прошло 30—35 мин. О том как происходил расстрел командующего флотом и где это было, сообщения свидетелей существенно расходятся, о чем свидетельствуют воспоминания флаг-офицера А. И. Непенина лейтенанта Тирбаха [48], лейтенанта Таранцева [49] и матросов береговой минной роты И. Новикова [50] и П. А. Грудачева [51]. По словам Тирбаха, который находился рядом с Непениным до последних минут жизни адмирала, а потом перевозил покойного на квартиру, матрос Грудачев принимал непосредственное участие в убийстве командующего флотом. Лейтенант Таранцев стал случайным очевидцем казни. О степени причастности матроса Новикова к событиям из его воспоминаний установить трудно, поскольку они крайне беллетризированы и состоят почти из одних диалогов.

Итак, Тирбах и Новиков утверждают, что Непенин был убит у ворот порта. Об этом же говорили и матросы, вернувшиеся из города на «Петропавловск» [52]. По воспоминаниям Грудачева, расстрел произошел почти рядом со штабом флота [53]. Таранцев сообщал, что адмирал был убит неподалеку от его дома, но названия улицы, на которой он жил, не привел. Поскольку воспоминания Таранцева еще не использовались историками, следует процитировать их как можно полнее: «Во время завтрака (был уже второй час) я услышал выстрелы, доносившиеся с улицы. Подбежав к окну, я увидел, что наискосок от нашего дома публика с любопытством перевесилась через перила и что-то наблюдала, а напротив нас в нижнем ярусе улицы стояла кучка матросов и солдат, стреляя вниз под каменную стену... Предполагая, что происходит какое-нибудь убийство, я попросил сторожа узнать в чем дело. Он немедленно возвратился и с волнением сообщил мне, что убили Непенина. Я был поражен этим ужасным известием. Накинув на себя меховую куртку, я выбежал на улицу. На нижнем ярусе

нашей улицы, под самой стеной, лежал Непенин в расстегнутом пальто, без фуражки, лежал на спине, ноги на сугробе, выше чем голова. На расстоянии шагов 10 от него стояла небольшая кучка вооруженных матросов и солдат, причем один из них, строевой унтер-офицер, продолжал стрелять из нагана в видимо уже мертвого адмирала. Кто-то из убийц сказал: «Довольно на него патронов тратить». Другой добавил: “Собаке собачья смерть!”» [54] Один из участников расстрела, пригрозив публике оружием, потребовал, чтобы она разошлась, что и было сделано. Далее, со слов сторожа, который оказался очевидцем, они ограбили труп, взяв бумажник, кольцо, часы. Далее Таранцев сообщал, что «вскоре затем пришел грузовой автомобиль, на который бросили тело убитого адмирала, причем голова его, свешивающаяся вниз с площадки, болталась сзади, не имея опоры» [55].

Сколько же человек принимало участие в аресте и расстреле командующего? Тирбах сообщал, что арестовывать Непенина пришла толпа в 50 человек, а два выстрела в спину адмирала сделал матрос, на ленточке бескозырки которого имелась надпись «Гангут». Тирбах, осматривавший тело Непенина, обнаружил на нем два пулевых и три штыковых отверстия [56]. О том, что стрелял один человек, писал также И. Новиков. Однако орудием убийства в его рассказе являлся револьвер, из которого было произведено несколько выстрелов [57].

П. А. Грудачев, непосредственно участвовавший в расправе над адмиралом, говорил еще о трех матросах, которые на митинге якобы уговорили совместно исполнить «приговор революции». По его словам, все четверо стреляли в Непенина из револьверов [58]. Таранцев же дополняет, что в расстреле принимала участие «небольшая кучка матросов и солдат», среди которых ему запомнился строевой унтер-офицер. Это первое из известных упоминаний о солдатах, участвовавших в расстреле [59].

Из рассказа матроса Т. Липпика следует, что митинг, собравшийся на вокзальной площади, отправил за командующим караул. И видя, что он долго не возвращается, послали второй из 6 человек [60]. Вряд ли состав первого был намного больше второго. Как видно, большая часть свидетелей склонялась к тому, что в аресте и расстреле принимала участие сравнительно

небольшая группа людей. В этом случае под сомнение ставится рассказ Тирбаха о том, что на теле Непенина были следы от двух пуль и трех штыковых ран. Трудно предположить, что, стреляя с близкого расстояния, несколько человек попали в цель только два раза. При этом И. Новиков и П. А. Грудачев говорят о том, что производившие выстрелы были вооружены револьверами. Таранцев, правда, не упоминает о том, какое оружие имелось у стрелявших в Непенина, замечая лишь, что у унтер-офицера имелся наган. При этом только у Тирбаха говорится о стрельбе Непенину в спину. Скорее всего, это понадобилось автору, чтобы усилить эмоциональное впечатление об убийстве.

Рассказ об ограблении убитого адмирала скорее можно отнести к домыслу. Тем более что сам Таранцев при этом не присутствовал, а передавал со слов сторожа[61]. В свою очередь, вдова адмирала О. В. Романова говорила, что врач, осматривавший в морге тело Непенина, передал ей часы и обручальное кольцо мужа. При этом, со слов врача, никаких признаков издевательств над телом покойного обнаружено не было[62].

Недостаточно выясненным остается вопрос о том, почему караул, посланный для ареста командующего флотом, не доставил его на митинг для последующего суда. Очевидно, у состава караула возникли сомнения относительно того, что суд на площади приговорит адмирала к расстрелу. Тем более, что сначала на митинге Непенина приговорили к казни, а затем решили устроить суд. К тому же ожидаемый приезд в Гельсингфорс представителей Временного правительства мог предотвратить расстрел. Поэтому конвоировавшие командующего приняли решение о расстреле сами, тем более что Объединенная флотская организация уже вынесла смертный приговор[63].

В заключение требуется уточнить следующее. Смертный приговор адмиралу был вынесен в начале восстания. На митинге же на вокзальной площади его подтвердили, но затем решили устроить публичный суд. Однако караул, посланный в штаб флота, чтобы привести командующего, расстрелял его по дороге из-за опасения, что адмирал может быть оправдан. Таким образом, адмирала А. И. Непенина расстреляли русские матросы (солдаты). И нет никаких оснований говорить о том, что это сделал кто-то иной[64]. За пять месяцев командования

флотом адмирал настолько восстановил против себя своими действиями рядовой состав, что уже в начале восстания это привело к такой развязке.

Итак, прежнее командование в лице адмирала А. И. Непенина было устранено, и новый выбранный командующий флотом адмирал А. С. Максимов, как старший по званию, вступил в должность. В 15 ч. поступила телеграмма военного и морского министра А. И. Гучкова об утверждении Максимова в должности командующего флотом[65]. К трем часам дня в Гельсингфорс прибыла делегация из Петрограда. В нее входили товарищ председателя Петроградского Совета меньшевик М. И. Скобелев, министр по делам Финляндии кадет Ф. И. Родичев, а также депутаты Петроградского Совета: член исполкома солдат Ю. А. Кудрявцев и два матроса, Хомяков и Масловский. Речи этих представителей перед депутатами с кораблей и депутатами Совета депутатов армии и флота постепенно внесли успокоение в ряды восставших, что дало возможность командующему флотом и Исполкому Совета ввести революционную стихию в определенные рамки[66]. И если офицеров только что убивали, то после отъезда делегатов к ним стали проявлять на кораблях уже определенную лояльность и уважительность[67].

---

[1] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 17—18.

[2] *Гаркавенко Д. А.* Партия армия и флот в Февральской революции. Военная работа большевистской партии в период подготовки и проведения Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Л., 1972. С. 151.

[3] *Смолин А. В.* «Морской заговор» — факты и вымысел // Проблемы новейшей истории России: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 118.

[4] Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153 (*Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте (опыт статистического исследования революционных событий). Машинопись. Ч. 1. 1924.). Л. 91.

[5] Там же. Л. 93.

[6] Там же. Л. 94.

[7] Там же. Л. 95.

[8] Там же. Л. 96; *Смолин А. В.* Указ. соч. С. 119.

[9] *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 254.

[10] *Смолин А. В.* Указ. соч. С. 119.

[11] *Новиков И.* Перед Октябрьским переворотом в Гельсингфорсе // Красный балтиец. 1921. № 1. Стб. 52—53.

[12] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 63.

[13] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 29.

[14] Там же. С. 30.

[15] *Граф Г. К.* Указ. соч. С. 255.

[16] *Новиков И.* Указ. соч. Стб. 53; *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. № 5 (20). С. 56; РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 2. Материалы к истории революции в Гельсингфорсе. Рассказ Терентия Липпика; *Зингер М. Е.* Указ. соч. Л. 151.

[17] *Гаркавенко Д. А.* Указ. соч. С. 152; *Богданов А. В.* Моряки-балтийцы в 1917 г. М., 1955. С. 25—27; *Столяренко М. А.* Сыны партии — балтийцы. (Работа партии большевиков в Балтийском флоте 1907—1917 г.) Л., 1960. С. 175—177.

[18] *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 50.

[19] *Ховрин Н.* Указ. соч. С. 55—75; *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. Лит. запись. М., 1966.

[20] *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса). С. 56—57.

[21] Там же. С. 57—58.

[22] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 30.

[23] Там же. С. 31.

[24] *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса). С. 59.

[25] Там же.

[26] Там же. С. 58.

[27] *Смолин А. В.* Указ. соч. С. 119.

[28] Там же.

[29] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 22, 29, 94.

[30] *Смолин А. В.* Указ. соч. С. 119.

[31] Там же.

[32] РГА ВМФ. Ф. 431 Оп. 1. Д. 771. Л. 3 об.

[33] Там же.

[34] *Петраш В. В.* Указ. соч. С. 50; Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 33.

[35] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 33.

[36] РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 141—143.

[37] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 33.

[38] *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 57.

[39] Цит. по: РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 143.

[40] Там же. Л. 144; Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 7.

[41] *Смолин А. В.* Указ. соч. С. 110; *Тимирев С. Н.* Указ. соч. С. 57—61.

[42] Цит. по: РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 144.

[43] Там же.

[44] *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса). С. 56.

[45] РГА ВМФ. РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 143.

[46] Там же. Ф. 431 Оп. 1. Д. 771. Л. 7, 7 об., 8, 8 об.

[47] Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 136. По записи в дневнике Ренгартена, убийство Непенина произошло в 13 ч. 45 36(?) (Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 194. Л. 390).

[48] *Дудоров Б. П.* Указ. соч. С. 227—229.

[49] РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771 **(**Рукопись б. д. и подписи (Рассказ лейт.-кап. Таранцева)**)**. Л. 29 об.

[50] *Новиков И.* Указ. соч. Стб. 51—56.

[51] *Грудачев П. А.* Багряным путем гражданской. Воспоминания. Симферополь, 1971. С. 7—10; Воспоминания радиста с линкора «Слава» В. Стрелкова, якобы присутствовавшего при убийства Непенина, говорят, что адмирала расстреляли из пулемета, что является вымыслом (Балтика в 1917 г. Рассказ матроса. Киров, 1960. С. 16).

[52] *Дудоров Б. П.* Указ. соч. С. 228; *Новиков И.* Указ. соч. Стб. 54; Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 37.

[53] *Грудачев П. А.* Указ. соч. С. 10.

[54] РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 29 об.

[55] Там же.

[56] *Дудоров Б. П.* Указ. соч. С. 228, 229. Впоследствии матросы с «Гангута» отрицали свою причастность к убийству (Там же. С. 229, 230).

[57] *Новиков И.* Указ. соч. Стб. 54.

[58] *Груданов П. А.* Указ. соч. С. 10.

[59] РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 29 об.

[60] Там же. (Рассказ Терентия Липпика). Л. 8 об.

[61] Там же. (Рассказ лейт.-кап. Таранцева...). Л. 29 об.

[62] *Дудоров Б. П.* Указ. соч. С. 229.

[63] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 33.

[64] РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 21; *Дудоров Б. П.* Указ. соч. С. 7, 229, 230; *Граф Г. К.* На службе Императорскому дому России. 1917—1941. СПб., 2004. С. 540; *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. С. 285.

[65] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 34—35.

[66] Там же. С. 37, 40—41, 42; *Гаркавенко Д. А.* Указ. соч. С. 158—159.

[67] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 44.

В. Н. Барышников

О СУДЬБЕ ФИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЗАНЯТОЙ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ В 1939—1940 гг.

Одной из наиболее важных составляющих плана войны Советского Союза против Финляндии в 1939 г. являлось то, что в Москве видели возможность революции в соседней стране с самого начала войны. Как следствие этого еще накануне наступления частей Красной Армии у советского руководства возникла идея подготовить из числа финских эмигрантов-коммунистов и представителей левых сил Финляндии, живущих в СССР, «народное правительство». Сама эта идея оказалась трудно осуществимой, хотя для реализации ее предпринималось немало усилий.

Следует отметить, что до сих пор по затрагиваемому вопросу написано в истории «зимней войны» крайне мало. Это во многом связано с чрезвычайно ограниченным кругом источников, проливающих свет на события, происходившие в советско-финляндских отношениях. В результате единственной более или менее обстоятельной работой, посвященной рождению и краху так называемого «терийокиского правительства», стала книга, опубликованная в 1985 г. в Финляндии, и монография, появившаяся в России в 2003 г.[1]

Однако до сих пор в отечественной литературе встречаются работы, в которых авторы, недостаточно знакомые с источниками, выдают свои фантазии и основанные на них оценки за реально происходившие тогда события.

Наблюдается такой подход и к слабо изученной проблеме истории финского населения на занятой советскими войсками

территории Финляндии в 1939—1940 гг. Красноречивой иллюстрацией явилась попытка, предпринятая в начале 2000-х гг., в вышедшей в Петрозаводске книге «Заложники зимней войны (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период зимней войны 1939—1940 годов)»[2]. В этой публикации на основе архивных данных и имевшейся в распоряжении авторов литературы была предпринята попытка «начать» изучение, как сказано в книге, путем «комплексного подхода» к изучению судьбы финских граждан, оказавшихся на занятой советскими войсками небольшой территории Финляндии в районе Суомуссалми[3].

Безусловно, в этой работе явно расширялись представления (в дополнение к уже описанным ранее) о судьбе жителей в района Суомуссалми. Наиболее интересным в данном случае представляется выяснение причин, почему там оказалось все же много финских граждан, проявивших стремление к сотрудничеству с представителями «народного правительства»[4]. Кроме того, в книге содержится ряд интересных подробностей. Для уяснения чисто локальных сюжетов, касающихся практической работы членов «терийокского правительства», это, конечно, важно.

Однако при описании деятельности этого «правительства» в более широком контексте у авторов, как видно, были проблемы. В силу чего в тексте встречаются очевидные неточности и даже весьма упрощенные обобщения, которые сразу же резко снизили уровень научности данного произведения, которое можно отнести скорее к жанру публицистики.

Наиболее удивительным выглядит суждение о том, что «зимой 1939—1940 годов в Финляндии впервые (?! — *В. Б.*) была апробирована идея народного фронта, предложенная 7-м конгрессом Коминтерна еще в 1935 году»[5]. Это заключение отнесено к раскрытию вопросов, связанных с созданием на финской территории, занятой советскими войсками в декабре 1939 г., так называемых «комитетов народного фронта». Кстати, ранее подобного рода высказывания уже появлялись в легковесных изысканиях петрозаводского автора Ю. Килина[6], которые прежде не раз были объектом обстоятельной критики[7]. Однако это не помешало опять пойти и в данном случае по пути повторения буквально слово в слово допущенных нелепостей.

Трудно поверить, что авторы работы, где речь идет о событиях 1939—1940 гг., просто «забыли» о существовавшем с 1936 г. правительстве «народного фронта» в Испании или во Франции. Уходя от перечисления подобного рода «натяжек», которые в основном были, видимо, вызваны попытками неких «теоретических обобщений» авторов, заметим, что именно это, собственно, и снизило значимость содержания работы, выполненной на весьма добротном фактическом материале локального характера.

Сам же вопрос, затронутый в упомянутой работе, действительно является весьма острым. Ведь по замыслу, который вытекал из документов, провозглашенных в Терийоки, как раз именно финское гражданское население и должно было «поддержать» действия «финского народного правительства», олицетворяя якобы «восставший финский народ».

Однако, как известно, с самого начала деятельности этого «правительства» его глава, известный финский политический деятель О. В. Куусинен, а также члены этого «правительства» столкнулись с весьма неприятным для себя обстоятельством. Финское руководство еще до начала войны осуществило массовую эвакуацию жителей Карельского перешейка и некоторых других прифронтовых районов в глубь Финляндии. Всего тогда было эвакуировано «из районов возможных боевых действий» порядка 100 000 человек[8]. В результате «подданных» у «народного правительства» практически не оказалось.

Всего на той части территории Карельского перешейка, которую в начале декабря заняли советские войска, было обнаружено лишь 98 человек. Это были преимущественно глубокие старики, не имевшие средств к существованию. К тому же среди них оказалось 14 душевнобольных, требовавших госпитального лечения[9]. Это, очевидно, сразу же обозначило проблемы для «правительства» О. В. Куусинена.

Однако несколько иначе обстояло дело в Карелии и Заполярье. Здесь в начале декабря достаточно стремительно начали наступать части 8, 9 и 14-й армий, и в результате в некоторых районах полосы их продвижения финские жители не были эвакуированы. Об этом, естественно, сразу же было сообщено в Москву. Уже 2 декабря из Карельского обкома партии ушла срочная телеграмма: «Москва. ЦК парт. тов. Жданову

А. А. На всех участках наших частей противник при отступлении силой оружия эвакуирует гражданское население». Но затем сообщалось, что в ряде мест население все же осталось и оно «приветливо встретило наши части». Далее отмечалось, что пока «сообщение об образовании Народного правительства Финляндии в занятых районах еще не доведено»[10]. Иными словами, обозначился реально фронт работ для «правительства» Куусинена.

По произведенным подсчетам, на занятой советскими войсками финской территории в начале войны осталось приблизительно 3000 человек[11]. Больше всего гражданского населения при этом оказалось в полосе наступления 8-й армии вблизи Суоярви. Там насчитывалось до 1534 оставшихся местных жителей. В начале войны они отказались выехать из прифронтовой зоны при отходе финских войск[12] и теперь могли превратиться в «подданных» «народного правительства».

В архивных материалах Куусинена существует документ, который разрабатывался еще до начала боевых действий. Это была инструкция «С чего начать политическую и организационную работу на территории, освобожденной от власти белых»[13]. Текст данной инструкции готовился «министром просвещения» Инкери Лехтиненом[14], но затем, судя по правке, содержащейся в тексте, при ее дальнейшей доработке активное участие принимали Куусинен и Жданов[15].

Теперь же именно на основе этой инструкции и началась разворачиваться соответствующая работа на занятой советскими войсками территории. Как считает финский исследователь К. Рентола, использование данной инструкции стало «первой попыткой осуществления в конкретной обстановке установления власти на захваченной Красной Армией территории»[16].

В самом же документе отмечалось, что на занятой советскими войсками территории Финляндии немедленно следует начать создание особых комитетов «народного фронта», которые должны были «функционировать исключительно как политические органы единого фронта для дальнейшего развития движения народного фронта, проведения кандидатов народного фронта в выборах в сейм и органы коммунального самоуправления». Кроме того, указывая на необходимость создания комитетов «народного фронта», подчеркивалось, что они

должны были еще «выполнять весьма важную роль передаточных ремней между Народным правительством и широкими массами трудового народа» [17]. Таким образом, образование комитетов «народного фронта» становилось для «правительства» одной из первоочередных задач.

И вот в условиях вступления советских частей в район Суоярви командование 8-й армии сразу же направило в войска указание обращать особое внимание на местных жителей. Советские войска должны были способствовать обеспечению населения товарами первой необходимости, возвращать скот тем, кто покидал свои дома, укрываясь в лесу, а также, что было наиболее важно, — помогать в организации местных комитетов «народного правительства» [18].

Иными словами, командование Красной Армии в этот момент пыталось соблюдать максимальную корректность в отношении к финскому гражданскому населению. Был даже отдан приказ, который строжайше запрещал производить какие-либо реквизиции у населения. В направленном указании в воинские части разъяснялось: «Для закупки питания, частных предметов вам будут отпущены средства в финской валюте». Что же касалось местных органов власти, то они должны были всячески содействовать войскам в их размещении и приобретении продуктов питания [19].

Вполне понятно, что войска первыми вступили в соприкосновение с финским гражданским населением, далее же должны были действовать представители «народного правительства». Поэтому вся последующая работа в данном направлении начала осуществляться уже под руководством прибывшего туда в декабре «министра по делам Карелии» терийокского «правительства» П. Прокконена.

Однако еще до его появления в этих местах Карельский обком партии стал направлять туда своих уполномоченных. Они официально именовались представителями «народного правительства» и должны были начать пропагандистскую и организаторскую деятельность среди финского населения, связанную с созданием новых органов власти и с «разъяснением» населению сути политики «народного правительства» [20].

В частности, в начале войны из Петрозаводска было откомандировано на занятую территорию 25 человек [21]. Это позволило незамедлительно начать работу по созданию комитетов «народного фронта», которые быстро стали появляться. Первые комитеты возникли в деревнях Хаутаваара и Игнойла [22]. По прибытию же в эти места Прокконена был организован еще один комитет в деревне Мойсинваара. В результате в первые же дни декабря «комитеты» объединили до 500 человек [23], что являлось в тех условиях достаточно большим показателем.

Таким образом, довольно стремительно начали образовываться новые органы местной власти. Причем представители «народного правительства» пытались создавать их даже путем демократических выборов «на общих собраниях жителей деревни открытым голосованием», но «при предварительном обсуждении каждой кандидатуры» [24]. Как утверждал в данном случае первый секретарь Карельского обкома партии Г. Н. Куприянов, «у большинства населения настроение хорошее, они... охотно идут на собрания, читают правительственную газету (“Кансан-Валта”), охотно разговаривают с красноармейцами и представителями народного правительства, задают сотни вопросов» [25].

Чем же занимались эти новые органы власти?

Местные органы управления должны были, конечно, решать прежде всего самые насущные вопросы, связанные с экономической жизнью. Это выражалось в оказании помощи крестьянам в сохранении поголовья скота, восстановлении разрушенных войной хозяйств, налаживании торговли и др. [26] Кроме того, под их руководством возобновилась работа просветительных органов. В частности, там открылась одна из школ и, более того, была определена новая программа обучения, которая учитывала уже требования «народного правительства». В ней, например, отменялись в процессе обучения такие предметы, как богословие и история [27]. Одновременно были «приняты меры по книгообслуживанию населения деревень Восточной Финляндии» [28], а издававшиеся «правительством» газеты стремились подробно освещать эти перемены.

Все это делалось, как отметил Г. Н. Куприянов, исходя из того, чтобы реально превратить комитеты «в органы народного восстания» и «вслед за военными победами Красной Армии быстрее добиться победы социализма в нынешней Финлянд-

ской народной республике» [29]. Поскольку эти задачи являлись далеко не простыми и требовали затрат большого количества времени, средств и людских ресурсов, «терийокское правительство» вынужденно было на практике взаимодействовать с советским партийным руководством.

Так, по просьбе Прокконена Карельский обком партии начал увеличивать число представителей «правительства» на занятых территориях. В частности, дополнительно туда было направлено «в помощь народному правительству Финляндии» еще 22 человека [30]. Кроме того были открыты и трехмесячные курсы для интенсивного изучение финского языка теми, кто затем должен был работать на занятой советскими войсками территории Финляндии [31]. Куприянов же в докладной записке, адресованной Жданову и Маленкову, заверил, что в Карельском обкоме партии ни в коем случае не собираются прекращать работу по подготовке представителей «правительства» и создавался уже резерв (более 50 человек), который, как он сказал, «мы будем посылать по мере продвижения частей Красной Армии в глубь Финляндии» [32].

Действительно, к середине декабря советские войска еще углубились в направлении города Оулу. Там с боями продвигалась вперед 9-я армия. В полосе ее наступления также осталась значительная часть финского населения. Находящийся в зоне боевых действий начальник Главного политического управления Красной Армии Л. З. Мехлис стремился зорко следить за всем происходящим и обо всем увиденном лично докладывал Сталину и Ворошилову. Так, 7 декабря он писал: «Население было крепко терроризировано и напугано щюцкоровцами», но «на митингах выносились резолюции об отношении к Народному правительству и в ряде случаев все присутствующие подписывают ее» [33].

На самом деле в этот день в деревне Пююккескюля состоялось первое собрание, проведенное при участии финского населения, которое закончилось принятием приветствия от лица жителей деревни бойцам Красной Армии. Однако, как показалось самим участникам этого собрания, «русские не поняли... из-за плохого перевода», о чем говорили на этом собрании [34]. Но в любом случае для советского руководства было крайне

важно, что местные жители все же достаточно доброжелательно отнеслись в этих местах к советским войскам.

Объяснение этому явлению исследователи дают лишь только тем, что здесь «часть населения... была крайне левой» и устойчиво существовал так называемый «лесной коммунизм» [35]. Естественно, что местные жители пока еще ничего не знали о «терийокском правительстве» и, таким образом, в результате здесь также создавалась «министрам народного правительства» соответствующая зона для их дальнейших практических действий.

Именно туда срочно отправился Прокконен. Процесс же организации «комитетов народного фронта» продолжал развиваться. Местное население интенсивно стали «готовить» к созданию новых органов власти. Отмечалось, что жившие вблизи Суомуссалми явно приветливо встретили Прокконена и положительно отзывались о «народном правительстве» [36]. Здесь же, севернее Суомуссалми, в Юнтусранта проживало довольно большое количество населения — до 600 человек [37], и среди них стала активно разворачиваться весьма энергичная работа по организации комитетов «народного фронта».

По донесению, направленному О. В. Куусинену представителем «правительства» в этих местах А. Горбачевым, работа здесь началась уже с 15 декабря 1939 г. [38] Всего же территория, которая контролировалась «волостным комитетом», составляла 360 км^2, да и жителей там оставалось много — почти 1500 человек [39].

Естественно, проводившаяся среди них работа не могла не напоминать ту, которая осуществлялась в южной части Карелии. Но особое внимание в этом районе было сосредоточено на организации торговли и создании для жителей общей торговой базы, поскольку, как считалось, «одним из главных вопросов был продовольственный» [40]. В этих целях срочно была осуществлена «инвентаризация товаров и сосредоточение их в одном месте», а недостающие товары были приобретены у военторга. Причем, как отмечалось в информации о деятельности «комитета», «торговля шла только на финские марки» [41]. Все это указывало на сориентированность принятых мер на обеспечение местного населения и на преодоление возможных продовольственных трудностей.

Предпринимались, кроме того, попытки «организации населения на работу». С этой целью создавались рабочие бригады, которые занимались ремонтом дорог, заготовкой леса и мелкой хозяйственной деятельностью, необходимой для частей Красной Армии. Причем за все это выплачивалась зарплата в финской валюте, которая поступала из средств, получаемых от торговли [42].

Кроме того, в ряде деревень были организованы небольшие группы самообороны, деятельность которых в основном заключалась «в извещении комитета и частей Красной Армии» о появлении финских войск. Из местных жителей был сформирован и партизанский отряд, который участвовал даже в боевом столкновении с подразделениями финской армии [43]. Примечательно, что и в журналах боевых действий частей финской армии на этом направлении указывалось о противнике, который «говорил по-фински». У финского командования сложилось мнение, что первоначальный успех войск 9-й армии в наступательных операциях был во многом связан с тем, что у советских частей появились местные проводники [44].

Иными словами, в данном случае наблюдалась определенная поддержка советских войск мирным населением. Об этом свидетельствовало и то, что из района Юнтусранта 40 человек изъявили желание вступить в «финскую народную армию» [45]. Однако их все же не стали пока приписывать к частям войск А. Анттила, а лишь включили в состав местных вооруженных отрядов.[46] Кроме того, советская военная разведка в этих местах сумела привлечь ряд местных жителей к своим операциям, перебрасывая их за линию фронта «для сбора разведывательной информации и распространения пораженческих слухов» [47]. Вместе с тем со стороны органов НКВД принимались меры по выявлению среди жителей лиц, которых квалифицировали как «диверсантов» и «шпионов». Их арестовывали и нередко достаточно быстро выносили смертные приговоры [48].

Что же касалось идеологической работы среди местного населения, то она тогда выражалась, как отмечено в подготовленной по этому поводу справке, «в сколачивании актива вокруг комитета, создании сети корреспондентов для армейской газеты “Suomen Kansan Ääni”, развертывании работы в созданной при комитете библиотеке и в решении текущих вопросов

с населением и частями Красной Армии» [49]. Также обращалось внимание и на создание там сети школьного обучения. В частности, в этом районе было открыто три школы, в одной из которых учителем стал один из местных жителей, а в двух других учителя присылались из Петрозаводска [50].

В целом все мероприятия, проводившиеся на занятой советскими войсками финской территории с населением, осуществлялись по единой программе. Причем о ходе этой работы регулярно информировался Жданов. Он продолжал играть в данном случае весьма активную роль. Из документов видно, что в наркомате обороны внимательно следили за тем, чтобы обо всех вопросах, связанных с проблемами взаимодействия с финским населением, информировался именно Жданов. Характерно, что когда, например, Ворошилов получил донесение от командования 8-й армии о передаче финского имущества на занятой частями Красной Армии территории «комитетам народного правительства», то он обратил на это особое внимание, в результате чего последовала резолюция: «Знает ли т. Жданов, выяснить» [51].

Что же касается Прокконена, то по результатам своей поездки в Карелию он составил для Куусинена специальную справку относительно той работы, которая велась в ряде мест Финляндии, куда вступили части Красной Армии. К 22 декабря, отмечалось в ней, было уже, в частности, образовано 10 комитетов «трудового народного фронта». Кроме того, Прокконен сообщил, что он также занимался тогда решением проблем по «пополнению полков Народной Армии, находящихся в Восточной Финляндии и в районе Карелии». Указывалось при этом, что уже «призвано 720 человек», но добровольцев из карел и финнов оказалось всего 62 человека [52]. Это явно свидетельствовало о том, что ситуация для «правительства» была тогда далеко не благополучной.

В целом как проведение пропагандистских мероприятий «правительством», так и решение вопросов, связанных с увеличением численности «народной армии», и, наконец, преодоление проблем, касающихся создания местных органов власти в восточной части финской Карелии, становилось для него все более и более трудным делом. Более того, продвижение советских войск ко второй половине декабря не только было приос-

тановлено, но наступавшим пришлось вскоре отойти в районах Толваярви-Иломантси и Суомуссалми, понеся ощутимые потери. Это стало ударом и для «народного правительства», чья деятельность не получала дальнейшего развития.

Естественно, что прекращение наступления частей Красной Армии поставило «правительство» Куусинена в кризисное положение: контакты с финским населением в целом установить не удалось. Отступление же советских войск вообще приводило к ликвидации всего того, что до этого делали представители «народного правительства» в отношении к местному финскому населению.

Наиболее заметно это было в отношении ранее созданных на финской территории «комитетов народного правительства». Вначале, когда советские войска были вынуждены отступить в районе Суомуссалми — Юнтусранта, представителям «правительства» пришлось распустить там комитеты, а часть активных представителей комитета эвакуировать к советской границе [53]. Таких людей было немного и их впоследствии разместили в Ухте [54].

Тем не менее в других местах комитеты еще продолжали свою работу. Наиболее активно она осуществлялась в районе Суоярви. Здесь, как докладывали Куусинену, к 25 января в 13 деревнях уже существовали комитеты трудового народного фронта или были избраны их уполномоченные [55]. Здесь же в это время продолжали действовать еще две школы и работать шесть магазинов, финскому населению показывали советские кинофильмы [56]. Всего же, по подсчетам Прокконена, под контролем «народного правительства» в этих местах оставалось более 1500 граждан Финляндии [57]. Это означало, что основная часть населения, оказавшегося на территории занятой советскими войсками, теперь проживала исключительно в районе Суоярви.

Однако при этом следует также еще учитывать и то, что сведения, которыми располагал Прокканен, являлись весьма приблизительными. Впоследствии выяснилось, что на занятой советскими войсками территории района Суоярви жителей оставалось как минимум около 1760 человек. Более того, значительное число финского населения продолжало еще проживать в районе Петсамо и Суомуссалми, где их оставалось приблизительно по 300 человек [58]. Тем не менее неверные представления «министра по делам Карелии» о количестве граждан Финляндии, живущих на территории, контролируемой советскими войсками, были вполне объяснимы. Дело в том, что тогда еще не было точного учета всего финского населения как представителями «народного правительства», так и советскими властями.

В любом случае, важным оставалось лишь то, что «правительство» пыталось продолжать там вести свою деятельность. Показательно, что Куусинену был представлен и план работы на февраль 1940 г. «по обслуживанию населенных пунктов», подведомственных «народному правительству». В соответствии с этим планом предполагалось развивать «экономическую, медицинскую и культурно-образовательную работу». Кроме того, появилась даже идея создать «народную милицию» [59]. Но всему намечавшемуся уже не суждено было исполниться.

30 января 1940 г. перед началом февральского наступления советских войск Главный Военный совет Красной Армии отдал директиву, согласно которой предусматривалось переселение финских граждан на восток, на территорию Карелии, в глубь СССР [60]. С этого момента «народное правительство» уже никак не могло осуществлять свои действия в духе принятой им ранее Декларации.

5 февраля начался срочный вывоз населения из района Суоярви. Финским гражданам предлагалось за 2—3 часа собрать все самое необходимое, а уже затем за ними приходил транспорт [61]. Для жителей это переселение в условиях сильных морозов и трудной дороги стало большим испытанием [62]. Их распределяли по трем специальным поселениям, самым большим из которых был так называемый «интерпоселок» [63], который находился на территории прежнего монастыря Васойярви (Пряжинский район Карелии). На новом месте им пришлось находиться в неблагоустроенных бараках по 50—60 человек и работать на лесоразработках.

Наряду с этим произошло переселение финских граждан из контролируемых советскими войсками территорий северо-восточной и северной Финляндии. Жителей этих мест направляли в Калевальский, Кондопожский и Кемьский районы Карелии, а также Кандалакшский район Мурманской области [64].

Естественно, организовывавшиеся прежде «комитеты народного фронта» теперь прекратили свое существование, так же как и не было никакой особой связи с Терийоки. Направленный в эти места Прокконен лишь вынужден был признать, что здесь оказались весьма трудные условия для жизни переселенцев[65]. Ощущались и серьезные сложности с питанием. Люди должны были своим трудом на лесозаготовках зарабатывать себе средства для существования, получая при этом весьма низкую заработную плату. К тому же большинство переселенцев состояло из женщин и детей, которым трудно было выполнять тяжелый физический труд. Тем же, кто абсолютно не мог работать, а такая категория переселенцев была довольно значительна по численности, «народное правительство» стало вначале выплачивать мизерные пособия в финской валюте, но, как указывает петрозаводский историк В. Г. Макуров, «эти платежи были не частыми и постепенно полностью прекратились»[66].

В результате на поселениях стал наблюдаться рост заболеваний, а также были и факты смертности, что в основном являлось следствием ухудшения питания. Это все вело к тому, что у финских граждан формировалось к СССР и «народному правительству» откровенно враждебное отношение[67]. Рассчитывать теперь на какую-то с его стороны поддержку явно не приходилось.

Несколько иначе обстояло дело на Карельском перешейке. «Народное правительство» способствовало тому, чтобы сконцентрировать в Терийоки всех тех финских граждан, которые не эвакуировались из ряда населенных пунктов. Их к концу войны оказалось 118 человек[68]. Это в определенной степени оживило жизнь в поселке. Бойцы «финской народной армии» устанавливали контакты с этими людьми. Как вспоминал один из военнослужащих, «недалеко от штаба корпуса образовалось поселение финских граждан... Мы иногда в этом поселке меняли хлеб на молоко»[69]. В связи с тем, что часть финских граждан была весьма преклонного возраста, то для 32-х наиболее пожилых, нетрудоспособных людей был создан «дом престарелых». Другие же жители были обеспечены работой при создании хлебозавода, в торговой сети и на железной дороге[70]. Но и здесь проявлялось заметное негативное отношение финского населения к властям, представлявшим «народное правительство»[71]. Таким образом, советское руководство в своей политике по отношению к финским гражданам потерпело серьезную неудачу.

С окончанием войны те финские граждане, которые волей судеб оказались за пределами новой границы Финляндии, установленной по мирному договору 1940 г., также попали в весьма сложное положение. Их возвращение на родину произошло не сразу.

4 мая 1940 г. председатель Ленгорисполкома Н. В. Соловьев подготовил проект постановления советского правительства и Центрального Комитета партии «О мерах по освоению территории Карельского перешейка, отошедшего к Ленинградской области», в котором предлагалось «переселить в течение первого полугодия 1940 г. оставшееся финское население в Казахстан»[72]. Этот проект был одобрен в Ленинградском обкоме партии и направлен в Москву. Но там придерживались иного мнения, согласно которому финским гражданам должно было быть предоставлено право остаться в Советской Карелии, преобразованной 31 марта 1940 г. в Карело-Финскую ССР.

Решающую роль в этом вопросе сыграла позиция финляндского правительства, договорившегося через своего посланника в Москве Ю. К. Паасикиви о переселении финских граждан на добровольной основе в Финляндию. В начале мая 1940 г. постановление было окончательно принято и вскоре 2389 человек вернулось на родину. В Советском Союзе пожелало остаться, по всей видимости, около 70 человек[73].

Но не у всех из тех, кто возвратился на родину, просто складывалась дальнейшая судьба. Как писала впоследствии финская газета «Хельсингин Саномат», государственная полиция «искала шпионов и стремилась получить отдельные сведения о Советском Союзе», а также «хотела определить степень виновности в совершении государственных преступлений»[74]. В конечном счете нескольким лицам были предъявлены обвинения в совершении «преступлений против государства». Причем больше всего осужденных (45 человек) являлись жителями района Суомуссалми. Шесть из них были даже приговорены к высшей мере наказания[75].

[1] *Jussila O.* Terijoen hallitus l939—1940. Porvoo; Hels.; Juva, 1985; *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939—1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003.

[2] *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Заложники зимней войны. Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период зимней войны 1939—1940 годов. Петрозаводск; Йоенсуу; Суомуссалми, 2004.

[3] Там же. С. 34.

[4] Там же. С. 155—156.

[5] Там же. С. 52.

[6] *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 195.

[7] См.: Север. 2000. № 12; Клио. Журнал для ученых. 2003. № 4 (23); Ulkopolitiikka. 2004. Vol. 1. N 1.

[8] Talvisodan pikkujättiläinen. Porvoo, 2002. S. 881. Общая же число эвакуированных, по подсчетам финских исследователей, составила 420 тыс. чел. (Ibid.), хотя данное количество в отдельных изданиях оспаривается (см.: *Стеткин В.* Кому еще кусок России, или Кто получит от мертвого осла уши? М., 2005. С. 97—98).

[9] Центральный государственный архив историко-политических документов в Санкт-Петербурге (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4239. Л. 2, 3.

[10] Государственный архив общественно-политических движений и формирований Республики Карелия (ГАОПДФ РК). Ф. 3. Оп. 5. Д. 272. Л. 43.

[11] Там же. Д. 278. Л. 8.

[12] Helsingin Sanomat. 1990. 9.9.

[13] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 23.

[14] *Rentola K.* Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937—1945. Juva, 1994. S. 174.

[15] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 34; Ф. 77. Оп. 1. Д. 889. Л. 19—25.

[16] *Rentola K.* Op. cit. S. 175.

[17] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 34—40.

[18] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 238. Л. 18.

[19] Там же. Д. 235. Л. 1; Ф. 34980. Оп. 5. Д. 51. Л. 1—2; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. р-970. Оп. 2. Д. 124. Л. 29; Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. СПб., 2000. С. 113.

[20] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 238. Л. 10; ГАОПДФ РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278. Л. 8—9.

[21] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 10.

[22] Helsingin Sanomat. 1990. 9.9.

[23] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 14.

[24] ГАОПДФ РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278. Л. 9.

[25] Там же. Л. 10.

[26] Там же. Л. 9—10; РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 15.

[27] Helsingin Sanomat. 1990. 9.9.

[28] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 16.

[29] ГАОПДФ РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278. Л. 9; Д. 296. Л. 14.

[30] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 13.

[31] *Rentola K.* Op. cit. S. 174; *Веригин С. Г.* Советская Карелия в «зимней войне» 1939—1940 гг. // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939—1944 гг. СПб., 2006. С. 137.

[32] ГАОПДФ РК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278. Л. 9.

[33] РГВА. Ф. 377977. Оп. 1. Д. 285. Л. 111.

[34] См.: *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч. С. 61.

[35] Там же С. 155.

[36] *Jussila O.* Terijoen hallitus // Maailma ja Me. 1989. № 9. S. 58.

[37] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 15.

[38] Национальный архив Республики Карелия (далее: НА РК). Ф. 606. Оп. 12. Д. 10/90. Л. 9; Подобную информацию А. Горбачев направил и Л. З. Мехлису (см: РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 51. Л. 1). Кроме того, существует мнение, что комитет «народного правительства» в Юнтусранта был создан ранее — 9 декабря 1939 г. (*Килин Ю. М.* Указ. соч. С. 197).

[39] РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 51. Л. 1.

[40] *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч. С. 65.

[41] Там же.

[42] Там же.

[43] НА РК. Ф. 606. Оп. 12. Д. 10/90. Л. 9; РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 51. Л. 1—2.

[44] См.: *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч. С. 65.

[45] *Килин Ю. М.* Указ. соч. С. 198.

[46] Там же; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч. С. 65, 75.

[47] *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч. С. 134.

[48] *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939—1953 гг.). М., 1997. С. 208—209.

[49] РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 51. Л. 2.

[50] Там же.

[51] РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 238. Л. 18.

[52] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

[53] РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 51. Л. 2.

[54] Там же.

[55] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 18.

[56] Там же. Л. 20, 47—48.

[57] Там же. Л. 44—49.

[58] См.: *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч. С. 80, 88, 155.

[59] РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Л. 43.

[60] РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 51. Л. 3.

[61] *Makurov V.* The fate of finish inhabitants of the territories annexed by the USSR from Finland as a result of the Winter War, 1939—1940 // Historia Fenno-Ugria. 1:2. Oulu, 1996. P. 66.

[62] Helsingin Sanomat. 1990. 9.9.

[63] *Makurov V.* Op. cit. P. 66.

[64] РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 51. Л. 3; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч. С. 80.

[65] *Makurov V.* Op. cit. P. 67.

[66] Ibid.

[67] Ibid.; *Макуров В. Г.* Карелия в годы второй мировой войны // История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 590.

[68] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4250. Л. 19.

[69] *Гюннинен Э. М.* «Народная» армия // Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939—1940 гг. СПб., 2000. С. 142.

[70] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4250. Л. 19.

[71] *Гюннинен Э. М.* Указ. соч. С. 142.

[72] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4247. Л. 14.

[73] Там же Д. 4250. Л. 15; Helsingin Sanomat. 1990/ 9.9.; *Vuorimaa A.* Neuvostoliiton suurhyökkäys kannaksella // Kansakunta sodassa. 1. S. 191; Ulkoasiainministeriön arkisto. 12 L/34. N 55; *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч. С. 155. По другим сведениям, учтено было количество финских граждан на территории Советского Союза — 2540 человек, из них «изъявило желание остаться в СССР — 155 челов.» (см. Приложение к кн.: *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч.).

[74] Helsingin Sanomat. 1990. 9.9.

[75] *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Указ. соч. С. 158.

В. А. Кутузов, В. И. Демидов

А. А. ЖДАНОВ И СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939—1940 гг.

В основу предпринимаемой первой попытки оценить роль А. А. Жданова в советско-финляндской войне положены документы, воспоминания, а также материалы ранее изданных работ о ней, и прежде всего специальная публикация по данной теме В. Н. Барышникова [1].

Известно, что к тому времени А. А. Жданов являлся членом Политбюро и Оргбюро, секретарем ЦК ВКП(б), членом Президиума Верховного Совета СССР, первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии. В дополнение к своим многочисленным обязанностям ему довелось быть членом Главного военного Совета ВМФ и членом Комитета Обороны при СНК СССР [2]. Вполне логично, что партийный руководитель Ленинграда и области заменил в 1935 г. С. М. Кирова на посту члена Военного Совета Ленинградского округа.

После раскрытия «заговора» Тухачевского Жданов вновь был утвержден в данной должности. В бывшем партийном архиве Ленинградского обкома КПСС хранится выписка из приказа Народного комиссариата обороны Союза ССР по личному составу армии от 23 июля 1937 г. Приказ гласит: «Согласно предложению ЦК ВКП(б) назначаются членами Военных Советов округов: 1. Секретарь ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома ВКП(б) т. Жданов А. А. — членом Военного Совета Ленинградского военного округа. Подлинник подписал народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К. Воро-

шилов»[3]. Заметим, что в списке членов Военных Советов округов его имя стоит первым.

Работая ряд лет в непосредственной близости от Финляндии, А. А. Жданов получал о ней разнообразную информацию, в том числе и от разведывательных органов. Зачастую их соображения вызывали озабоченность. Существовала опасность в связи с тем, что кратчайшее расстояние от государственной границы до Ленинграда не превышало суточного пешего перехода (32 км), а в зимнее время по льду Финского залива и того меньше — 25 км.

В 1939 г. назначенный незадолго до этого новый командующий Ленинградским военным округом командарм 2-го ранга К. А. Мерецков совершил поездку по округу. Впечатления его были удручающими: «Гарантия безопасности СССР на северо-западе отсутствует». Об этом Кирилл Афанасьевич доложил Жданову, который в свою очередь «решил взглянуть на все еще и сам»[4]. Как вспоминает К. А. Мерецков, «сначала они отправились в Карельскую республику, потом — перешеек. Потом — юг: решили создавать псковский и островской укрепрайоны, а на севере — срочно дороги». Это предложение Москва утвердила[5]. Работа закипела.

Но вскоре, 28 сентября 1939 г., под советским нажимом Эстония заключила с СССР пакт о взаимопомощи. Этот документ предоставил советским вооруженным силам право использовать в своих целях эстонскую территорию. Пакты о взаимопомощи были подписаны также 5 октября с Литвой и 10 октября с Латвией. Таким образом, прибалтийское направление перестало, как тогда считалось, быть опасным. Строительство оборонительных сооружений на данном направлении было свернуто.

12 октября 1939 г. СССР поставил перед Финляндией вопрос о том, чтобы перенести границу на 70 км от Ленинграда, а также получить в аренду для военной базы полуостров Ханко. Партийное руководство СССР исходило из того, что большой опасностью было бы создание Германией плацдарма в Финляндии с целью базирования там своего флота и наступления на Ленинград через Карельский перешеек. О такой возможности развития событий А. А. Жданов говорил постоянно[6]. Еще в 1936 г. он заявил, что если в Европе возникнет конф-

ликт, то СССР необходимо будет оккупировать часть финской территории[7].

Нельзя не согласиться с утверждением В.Н. Барышникова о том, что в конце 1930-х гг. Жданов был своего рода негласным куратором (в кругу высшего партийного руководства) политики, проводимой в отношении Финляндии[8]. Не случайно Жданов участвовал во многих совещаниях у Сталина, где обсуждались советско-финляндские отношения. В октябре — ноябре 1939 г. Жданов был на приеме у Сталина 12 раз. Присутствовал он и на 7-часовом совещании 15 ноября 1939 г., за день до отдачи войскам ЛВО приказа быть готовым к реализации плана начала войны. На нем Сталин, Молотов, Ворошилов и Жданов в присутствии находившегося в Москве руководителя компартии Финляндии и члена исполкома коминтерна О. В. Куусинена обсуждали сложившуюся ситуацию[9].

Как известно, вопреки мнению начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова было решено нанести поражение Финляндии в кратчайший срок силами одного Ленинградского округа. На это отводилось всего три недели[10]. Забегая вперед, скажем, что позднее, после окончания войны, Жданов, вопреки фактам, утверждал, что якобы в руководящих кругах СССР исходили из того, что военные действия в Финляндии будут иметь затяжной характер и вряд ли закончатся раньше августа месяца[11]. Уже к 20 ноября 1939 г. Военному совету ЛВО, согласно директиве Ворошилова, нужно было представить план действий. В Карелию срочно выехали Мерецков и Жданов. Их прежде всего беспокоила неготовность войск к наступлению, материальная необеспеченность и снизившееся моральное состояние личного состава. Военный комиссар 1-го стрелкового корпуса 8-й армии П. И. Крайнов в личном письме к А. А. Жданову отмечал: «У большинства бойцов обувь совершенно разбита и непригодна к носке», «перчатками не обеспечены», «положенную норму хлеба не получали»[12]. Существенно изменить что-либо за несколько дней до начала войны было уже невозможно.

О плане прорыва линии Маннергейма Мерецков и Жданов докладывали Сталину в Москве[13].

По сообщению ТАСС, 26 ноября финская артиллерия обстреляла нашу пограничную территорию у деревни Майнила,

при этом четыре красноармейца были убиты и девять ранены. Вокруг этого инцидента до сих пор не утихают страсти. Часть исследователей считает, что выстрелы прозвучали с советской стороны [14]. Нас прежде всего интересует вопрос, какое же отношение имел к этому инциденту Жданов. В его личном фонде хранятся лишь краткие записи, касающиеся данного события: «1. Батальон войск НКВД. 2. Рация. 3. Митинги. 4. Люди. О начале. Насчет полка. Войны не объявляются (последнее слово зачеркнуто. — *Авт.*). 5. Листовки 30. 6. Речь Молотова. 7. Радиоперехват. Обращение ЦК Финской компартии. К трудящемуся народу Финляндии (радиоперехват — перевод с финского)» [15].

Финские историки первый пункт о батальоне войск НКВД рассматривают как относящийся к событиям у Майнилы. При этом они ссылаются на показания одного из советских военнопленных о том, что в этом районе видели начальника НКВД по Ленинградской области С. А. Гоглидзе. По свидетельству генерала КГБ Окуневича, высказанному в 1985 г., он во время этого инцидента вместе с 15 другими военнослужащими и двумя экспертами по баллистике произвел выстрелы из нового оружия. Было произведено пять выстрелов. Последние сведения согласуются с информацией из финских источников. Следовательно, заметки Жданова можно расценивать и как предварительные наброски плана данного инцидента. По утверждению профессора О. Маннинена, «они не прошли бы на суде в качестве доказательств, но представляют интерес для историка» [16].

Согласно мнению одного из исследователей А. Г. Донгарова, события в Майниле стали попыткой реализовать, хотя и не самым достойным образом, последний шанс мирного решения конфликта. Фактически это означало предъявление ультиматума: либо правительство Финляндии идет на территориальные уступки, либо инцидент будет использован в качестве предлога к войне [17].

Исходя из предшествовавшего опыта польской кампании в сентябре 1939 г., во время которой украинское и белорусское население с симпатией отнеслось к советским войскам, со стороны Сталина, Молотова, Ворошилова и Жданова ожидалось нечто похожее и от населения Финляндии. После вступления

Красной Армии на территорию Финляндии, они решили создать там альтернативное правительство во главе с О. В. Куусиненом, а также подчинить этому правительству специально сформированные национальные вооруженные силы [18].

Некоторые авторы приходят к выводу, что целью войны было даже не изменение границы, а приведение к власти просоветского правительства Куусинена, что вообще разрешило бы вопрос о границах. При этом М. И. Мельтюков ссылается на текст обращения к солдатам финской армии, написанный по данным исследователей, Ждановым от имени «народного правительства». В обращении Жданов писал: «Ведь Советский Союз не хочет ничего большего, чем такого правительства в Финляндии, которое не строило бы козни совместно с империалистическими державами, угрожая безопасности Ленинграда». Правда, сам же автор и вычеркнул из текста данное предложение [19]. По-видимому, Жданов посчитал его слишком откровенным.

Сценарий, подготовленный советским правительством, выглядел следующим образом. С началом войны руководство Коммунистической партии Финляндии обращается с призывом прекратить войну. Далее оно выступает с предложением сформировать подлинное «народное правительство». Для создания видимости того, что текст данного обращения неизвестен советскому правительству, его должны были сообщить в виде «радиоперехвата» и «перевода с финского». Эта идея, как уже отмечалось, принадлежала А. А. Жданову [20].

Известно, что Жданов участвовал в написании или редактировании ряда других политических документов, в том числе проекта «договора о взаимопомощи между Советским Союзом и Финляндской демократической республикой». Предполагалось, что А. А. Жданов и О. В. Куусинен подпишут его в городе Кякисалми (Кексгольм). Но он не был взят даже к концу войны. Поэтому договор подписал в Москве председатель Совнаркома, нарком иностранных дел В. М. Молотов [21].

Есть сведения, что Жданов лично занимался подбором кадров для «народного правительства» и его аппарата. Об этом свидетельствуют воспоминания выпускника Всесоюзной академии железнодорожного транспорта В. М. Виролайнена. Из них видно, что его встреча со Ждановым происходила в декаб-

ре 1939 г. Во время беседы Жданов задал несколько вопросов о предварительной работе Виролайнена на Октябрьской железной дороге, поинтересовался, знает ли он Казенную Финляндскую дорогу. В конце было сказано, что Виролайнен поступает в распоряжение товарища Куусинена, присутствовавшего в ходе встречи. «Нам тут нужны толковые консультанты, люди, знающие хорошо нашу дорогу», — сказал Жданов на прощание [22].

Вопрос о создании «народного правительства» был непосредственно связан с формированием его армии из числа финнов и карел, служивших в Красной Армии, а также находившихся в запасе. Ленинградский обком ВКП(б) произвел персональный отбор командиров, владеющих финским языком для направления их на политическую работу в «народную армию» [23].

Началось формирование 106-й стрелковой дивизии — костяка будущей «народной армии». 7 января 1940 г. Жданов, Куусинен и военный министр «терийокского правительства» Анттила обратились к Сталину и Ворошилову с просьбой ускорить процесс развертывания еще двух дивизий «народной армии» [24]. Просьба была удовлетворена. Это позволило сформировать 1-й горнострелковый корпус, позднее переименованный в стрелковый [25]. К марту 1940 г. личный состав корпуса насчитывал 22 773 человека, без учета не до конца сформированных 3-й и 4-й стрелковых дивизий (2839 и 1924 чел.) [26].

Наибольшую проблему при формировании «народной армии» создавала нехватка командиров различного уровня. Последовало распоряжение о присвоении этническим славянам финских фамилий. По некоторым предположениям, реальное количество финнов и карел составляло примерно около $^{2}/_{3}$ личного состава [27].

Все вопросы укомплектования «народной армии» согласовывались непосредственно со Ждановым, Куусиненом, командующими армиями. В сформированных частях велась подготовка к боевым действиям и принималась присяга, составленная Ждановым по образцу Военной присяги РККА [28].

Практически всю войну корпус находился в тылу советских войск на Карельском перешейке. Его личный состав, экипированный в особую форму, нес гарнизонную службу, занимался

сбором и охраной трофеев, конвоированием пленных. Лишь один полк имел разовый боевой опыт, правда, не совсем удачный. 5 апреля 1940 г. вышел приказ о расформировании корпуса [29].

Большое внимание уделял Жданов пропагандистской поддержке мероприятий, проводимых «народным правительством». С этой целью привлекались работники политотдела 7-й армии, а также Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) [30].

Для солдат и населения Финляндии Жданов лично написал тексты ряда листовок [31]. Упомянем здесь, что он в молодые годы, в Шадринске и Твери, да и позже весьма плодотворно сотрудничал в ряде газет и журналов, любил это дело и всегда лично писал свои статьи, доклады и выступления. Однако в данном случае опыт не достиг ожидаемого результата.

Неэффективными оказались и радиопередачи, которые велись на финском языке через широковещательную радиостанцию Ленинграда. Материалы для нее готовились преимущественно в редакции газеты «народного правительства» «Кансан Валта». Председатель Ленинградского радиокомитета в докладной записке А. А. Жданову и другим секретарям Ленинградского горкома и обкома отмечал в январе 1940 г., что ведущиеся на Финляндию «специальное вещание крайне неэффективно и недоходчиво», «дает материалы общего характера, мало доступные для финского радиослушателя» [32].

С началом войны Жданов стал членом Военного совета (ВС) 7-й армии, а с 9 января 1940 г. — членом ВС Северо-Западного фронта. Из 3 месяцев 12 дней военных действий Жданов пробыл непосредственно на фронте свыше двух месяцев [33]. Можно предположить, что вряд ли он мог должным образом вникать в тонкости оперативно-стратегических вопросов, не обладая достаточной для этого компетенцией. Хотя, по всей видимости, все же старался это делать. Ведь он умел учиться у специалистов. Напомним, что все его военное образование сводилось к четырехмесячной школе прапорщиков, которую он окончил уже в самом конце Первой мировой войны. В гражданскую войну его служба была связана с организационной и политической работой в армии. Но это не значило, что он был плохим членом ВС. Жданов выполнял те обязанности, которые были ему близки по мирной жизни, а именно держал

связь с местными органами власти, решал кадровые вопросы, занимался госпиталями, бытом бойцов, политической работой в войсках и т. д. Одной из главных обязанностей первого члена ВС являлось быть своего рода комиссаром при командующем К. А. Мерецкове, а позже — С. К. Тимошенко.

Первые же дни войны выявили неэффективность управления войсками 7-й армии, действовавшей на главном направлении. 21 декабря 1939 г. Ворошилов в письме Сталину и Молотову отмечал, что у Мерецкова дела в хаотическом состоянии. Положение на фронте он не знает, считая, что все идет хорошо. Ворошилов сообщал: «Он предупредил Жданова, чтобы тот не доверял болтовне Мерецкова, больше требовал от командования, в связи с чем Мерецков от имени Ставки был предупрежден, что если он не наведет порядка в войсках, то будет снят и отдан под суд...» [34]

Вся 90-километровая глубина обороны Карельского перешейка изобиловала минными полями, что существенно затрудняло продвижение войск. Между тем, наши военные инженеры давно работали над образцом миноискателя, но дело шло медленно [35]. Тогда Жданов дал группе профессора Н. М. Изюмова из Военной академии связи сутки на создание проекта миноискателя [36]. Задание было выполнено в срок.

К производству столь необходимого прибора была подключена промышленность. Трубный цех Ленинградского завода по обработке цветных металлов получил заказ на выпуск миноискателя. По существующим нормам на выполнение такого заказа полагалось не меньше 10—12 дней. Коллектив цеха управился за одну ночь. Уже через трое суток миноискатели стали поступать в войска [37].

По инициативе Жданова в кратчайшие сроки в регионе была организована валяльная промышленность по производству валенков, в которых так нуждалась армия [38].

Жданов также занимался организацией производства на ленинградских предприятиях печек-буржуек, разборных домиков (обогреваемых), санок-волокуш [39]. Аналогичные примеры можно продолжить. Достаточно сказать, что за 3,5 месяца военных действий ленинградская промышленность дала Красной Армии свыше 100 наименований новейших машин [40]. Не случайно начальник снабжения Красной Армии корпусной

комиссар Хрулев говорил по горячим следам событий: «Ленинград занимает большое место по поставкам для армии и тут надо отдать должное исключительному вниманию к заказам наркомата со стороны товарища Жданова» [41].

Ленинградские предприятия посылали ремонтные бригады, которые под огнем противника ремонтировали боевые машины.

Для улучшения обслуживания раненных бойцов в учреждения фронта и тыла было направлено 90 дружин Красного Креста. Более 2,5 тыс. медицинских сестер и медработников помогали раненным на фронте. Около 6 тыс. женщин без отрыва от производства дежурили в госпиталях. Над госпиталями было организовано также шефство предприятий и учреждений.

60 тыс. ленинградцев явилось в институт переливания крови, что позволило отправить на фронт свыше 8 т крови. В действующую армию и флот направили подарков на общую сумму свыше 25 млн. руб. [42], в том числе перчатки, теплое белье, подшлемники, теплые портянки, валенки.

Выступая 2 февраля 1940 г. на заседании Военного Совета, Жданов имел все основания заявить: «Если взять Ленинград, то у его партийной организации, у его большевистских кадров, рабочих, служащих и интеллигенции нет другой мечты, нет другой задачи и мысли, как мысль, мечта и задача о том, как можно лучше помочь нашим бойцам действующей Красной Армии» [43].

В ходе войны с Финляндией выяснилось, что часть красноармейцев, особенно прибывших из южных военных округов, в отличие от финнов плохо владеют лыжами. Комсомольцы Ленинграда обратились к А. А. Жданову с предложением о формировании лыжных частей [44].

В партийных и комсомольских организациях города был открыт прием добровольцев.

В январе 1940 г. племянник Андрея Александровича Антон Жданов, студент-комсомолец четвертого курса Ленинградского военно-механического института, принимает активное участие в организации отряда из студентов-добровольцев. В составе 100-го отдельного лыжного батальона комсорг взвода, первый номер ручного пулемета, он участвует в очистке островов Питна-Саарви и Лови-Саарви. В разгар боя снайпер пора-

зил его прямо в сердце. За доблесть и мужество, проявленные в боях, Антона Жданова наградили орденом Ленина посмертно.

Желая отомстить за своего брата, ушел добровольцем на фронт и старший племянник Андрея Александровича Евгений Жданов, выпускник Академии моторизации и механизации [45]. Как видим, никто из племянников не прятался за широкую спину родного дяди, так же как и дядя не искал для племянников «теплых местечек».

К. Е. Ворошилов с полным правом отмечал «исключительную, большую, прямо таки гигантскую работу партийной организации и всего Ленинграда, являвшегося ближайшим тылом фронта». Тогдашний нарком обороны подчеркнул: «Всю эту большую и полезную работу возглавлял товарищ Жданов» [46]. Конечно, в этой оценке слышится риторика того времени, но заслуги Жданова в этом отношении несомненны.

Особенно большое внимание Жданов уделял санитарной службе. В середине декабря он получил письмо от директора Центрального Государственного травматологического института, доктора медицинских наук Ф. И. Машанского. Последний только что вернулся с фронта, где «был свидетелем большой путаницы и явных дефектов при приеме врачей в армию, при снабжении госпиталей оборудованием и аппаратурой, при использовании ленинградских медучреждений и кадров» [47]. О том, как отреагировал на это Жданов, видно из воспоминаний Д. Н. Верховского, назначенного новым начальником медицинской службы 7-й армии. Воспоминания написаны для Института истории партии в мае 1949 г., уже после смерти А. А. Жданова. Они самые подробные, относящиеся к советско-финляндской войне, изобилуют весьма ценными деталями и наглядно демонстрируют масштабность личности А. А. Жданова.

Хотя надо отметить, что они, как нам представляется, не совсем объективны, что вполне понятно, ибо написаны летом 1949 г., когда имя Жданова было окружено ореолом, как ближайшего соратника Сталина, но заслуживают внимания. Предоставим слово самому Д. Н. Верховскому: «Моя первая встреча с А. А. Ждановым состоялась 14 декабря 1939 г. В то время я занимал должность помощника начальника фронтового эвакопункта в г. Ленинграде. В день моей встречи между 2—3 часами ночи меня вызвали на заседание бюро ОК и ГК ВКП(б). К назначенному времени я прибыл в Смольный и стал вместе с другими товарищами ожидать возвращения А. А. Жданова с Карельского перешейка. В 5 часов утра приехал Андрей Александрович и нас тотчас пригласили в зал заседаний. В повестку дня заседания бюро ОК и ГК был включен вопрос “О состоянии медицинского обеспечения войск Н-ской армии”. Докладывал начальник медико-санитарной службы Ленинградского Военного округа Диваков. Все выступавшие в прениях, как и сам докладчик, признавали неудовлетворительным состояние медико-санитарной службы в Н-ской армии. В заключение выступил А. А. Жданов. Он согласился с этой оценкой и поставил вопрос о назначении нового человека на эту должность. Присутствовавшие на этом заседании тт. Кузнецов, Штыков дали положительную оценку моей предыдущей работы и предложили мою фамилию. Внимательно выслушав все то, что было сказано про меня, тов. Жданов обратился ко мне с вопросом: “справлюсь ли я с порученным участком?” Дав согласие о назначении меня на эту должность, А. А. Жданов категорически потребовал к исходу этих суток прибыть на место и незамедлительно приступить к исполнению служебных обязанностей.

Поздно вечером того же дня я добрался до штаба армии, расквартированного в дер. А. Ввиду большой занятости ни командующий армией, ни его начальник штаба не смогли меня принять. Тогда я решил доложить непосредственно т. Жданову, который уже вернулся сюда из Ленинграда. А. А. Жданов, занимавший пост первого члена Военного Совета армии, выслушал мой рапорт о прибытии и, прочитав предписание, сам проводил до начальника штаба армии и попросил ввести меня в курс дела. Расставаясь, А. А. Жданов приказал мне немедленно приступить к приему дел и через двое суток закончить.

К исходу второго дня я был опять принят Андреем Александровичем. Он попросил меня доложить о состоянии принятых дел. При этом тов. Жданов чрезвычайно внимательно и подробно расспрашивал меня о намеченных мною мероприятиях по выправлению положения. Во время моего рассказа было видно, как Андрей Александрович всесторонне и глубоко взвешивал каждое высказанное мною соображение. Задав

еще ряд дополнительных вопросов, он перешел к разъяснению целей и задач моей предстоящей работы. При этом сразу почувствовалась его глубокая эрудиция и подлинная большевистская забота о жизни и здоровье вверенных ему людей. Особое внимание Андрей Александрович обратил на изучение и подбор кадров аппарата медико-санитарной службы армии. В частности, он посоветовал мне в интересах дела отпустить бывшего начальника этой службы, которого первоначально я хотел оставить своим заместителем. В процессе беседы, я понял глубокую справедливость и этого замечания. Ибо в самом деле вряд ли мог быть хорошим заместителем человек, снятый с этой должности.

С этих пор мои встречи с Андреем Александровичем Ждановым состоялись почти ежедневно в занимаемом им домике дачного типа, находившемся на командном пункте штаба армии в 10—12 км от передовой линии.

Каждый день в 20 часов я отправлял ему доклад о санитарных потерях армии за истекшие сутки. Проанализировав его содержание, он около 24 часов приглашал меня для того, чтобы выслушать ответ на возникшие вопросы. Эти беседы, носившие простой неофициальный характер, очень часто затягивались до 2-х часов ночи.

Андрей Александрович приглашал меня в свой очень просто и скромно обставленный кабинет. Посредине кабинета стоял Т-образный, чисто убранный стол. На столе всегда лежали стопки книг. Наши беседы протекали с глаза на глаз. Андрей Александрович в своем обычном сером френче приветливо встречал меня, усаживал в кресло и начинал беседу по интересующим его вопросам. А когда я при ответе на них пытался вставать, он с силой усаживал меня на прежнее место, а сам продолжал ходить по кабинету и время от времени задавал новые вопросы. Всегда без исключения он сам вел беседу. Он развивал ее по какому-то заранее определенному направлению и когда я хотел что-либо сказать или дополнить, он вежливо, но энергично говорил: “Успеете”. Чувствовалось, что в ходе этих бесед он проверял свои выводы. Иногда он задавал такие вопросы, которые на первый взгляд, казалось, не имели никакого отношения к теме разговора, но в дальнейшем выяснялось, что без них вообще нельзя было охватить всего существа той или иной поднимаемой им проблемы. Изредка он вынимал из кармана тоненькую записную книжечку, что-то записывал в нее и вновь убирал обратно. И о чем бы ни шла речь, Андрей Александрович всегда заострял внимание на политическом значении того или иного вопроса. Он неоднократно подчеркивал, что в деле охраны здоровья войск нет мелочей, и любой связанный с этим вопрос он поднимал на принципиальную высоту. При этом беседы носили конкретный действенный характер. В заключение, а иногда и в процессе беседы, он формулировал новые мероприятия и проверял выполнение ранее данных указаний. В основном наши беседы вращались вокруг того, как медико-санитарная служба выполняет те задачи, которые были возложены на нее. Эти задачи были определены им с предельной ясностью еще во время беседы, состоявшейся после того, как я доложил о приеме дел.

Прежде всего, Андрей Александрович всегда требовал тщательного и глубокого анализа санитарных потерь армии за сутки по количеству, по характеру, по локализации.

Эти данные интересовали его потому, что по ним он мог определить процент раненых, которые могли вернуться в строй. Исходя из материалов санитарного анализа, он мог давать указания о придании того или иного профиля развертываемым госпиталям. И, наконец, по ним он проверял сводки строевых частей о потерях, работу войсковых штабов и инженерной службы. Одним словом, это была система глубоко продуманного контроля. И нередко факты, почерпнутые из анализа санитарных потерь армии, служили основанием для вскрытия ряда неполадок и проведения необходимых мероприятий для их устранения. Во второй половине января одна из войсковых частей, продвигавшихся к фронту, остановилась в придорожном домике и стала разбирать потолок для отопления. Это привело к несчастному случаю: обвалился потолок и несколько красноармейцев было убито. Это было отражено в санитарных потерях. Заинтересовавшись этим фактом, Андрей Александрович выяснил, что о движении этой части не знало командование, и что ее расквартированием никто не руководил. По инициативе т. Жданова вскоре после этого был установлен порядок, по которому навстречу каждой части, направ-

ляющейся к фронту, высылался проводник, указывающий ей дорогу и место расквартирования.

Быт бойца повседневно находился в центре внимания т. Жданова. Он повседневно заботился о питании, об обмундировании, о банном деле наших войск. Он сразу же глубоко расследовал причины возникновения цинги в одной из частей, прибывших с юга. Когда я ему доложил, что заболевание возникло в результате того, что запас овощей этой частью был оставлен на зимних квартирах, и что интенданты привезли неполуженные котлы, он кроме наказания нерадивых, принял самые срочные меры для устранения этой ненормальности. Он направил меня к ленинградским ученым с предложением разработать способ витаминизации водки. Узнав, что для этого им потребуются месяцы, он распорядился завести из Ленинграда витамины и закладывать их в готовую пищу. В результате энергичных мер, принятых А. А. Ждановым, случаи заболевания бойцов цингой не повторялись.

Тов. Жданову принадлежит большая заслуга в деле организации диетпитания раненых бойцов в войсковом районе. Смелым решением он изъял распределение диетпродуктов из рук не справлявшихся с этим делом интендантов и передал в руки начальников медицинской службы. С этого времени диетпитание стало поступать регулярно и жалобы бойцов прекратились.

Анализируя материал санитарных потерь, А. А. Жданов обратил внимание на случаи обморожения бойцов. Это было тем более непонятно, что в этот период наступательных операций не велось. Он приказал мне разобраться в причинах этого вида потерь. Вскоре я доложил Андрею Александровичу результаты расследования. После этого он немедленно дал указание начальнику инженерной службы армии оборудовать сушилки, а командование — сократить срок нахождения бойцов в карауле.

Такую работу проводил т. Жданов в борьбе за улучшение медико-санитарного обслуживания бойцов до начала активных наступательных операций.

...Начались бои за прорыв линии Маннергейма. Под особый контроль взял т. Жданов организацию выноса раненых с поля боя и доставку их в медицинские учреждения. Он предложил

мне выяснить, почему на поле боя остается много убитых. Проведенным вскрытием трупов выяснилось, что часть из них умерли от большой потери крови.

А. А. Жданов решительно поддержал мое предложение о том, чтобы дивизионные медицинские учреждения подвинуть ближе к линии фронта. И если раньше квалифицированную медицинскую помощь могли оказать на расстоянии 20 км от фронта, причем, чтобы добраться до места, нужно было преодолеть многочисленные пробки, потратив 3—6 часов, то теперь такая помощь стала оказываться в 3—4 км от передовой. Решительно, с подлинной большевистской смелостью был разрешен этот вопрос А. А. Ждановым, вопреки “установкам” отставших от жизни уставов и возражениям отдельных военных “чиновников”.

А. А. Жданов всегда давал полный простор творческой инициативе, безоговорочно поддерживал все предложения, направленные на пользу дела. Еще более ярко это видно на другом примере.

В боях за прорыв линии Маннергейма имели место боевые потери в личном составе. Это создавало целый ряд новых трудностей: 1) эвакуация раненых была ограничена крайне низкой пропускной способностью железной дороги; 2) для размещения раненых в Ленинграде требовалось организовать новые госпитали. Для их оборудования надо было закрыть ряд школ, больниц, клубов и т. п.; 3) раненые, увезенные в Ленинград, как правило, после выздоровления на фронт не возвращались. А прибывавшие пополнения поступали необстрелянными. Для разрешения этих вопросов было созвано совещание Военного Совета, на который были приглашены тт. Кузнецов, Эдмин, Малишевский, я и др. Когда меня спросили мое мнение по этому вопросу, я предложил организовать госпитали в населенном пункте А, где имелось много пригодных помещений, а перевозку организовать при помощи армейского автотранспорта.

Оценив преимущества этого предложения, А. А. Жданов горячо его поддержал, и оно было принято. Вскоре стали реально ощущаться результаты этого мероприятия.

Это была последняя встреча с А. А. Ждановым в дни войны с белофиннами. С приездом в Ленинград т. Тимошенко Андрей

Александрович переехал в город и оттуда стал руководить операциями. Мои встречи с А. А. Ждановым прекратились до начала Великой Отечественной войны» [48].

Можно предположить, что и при решении других вопросов Жданов был столь же действенен, столь же компетентен, вдумчив и оперативен.

О том внимании, которое уделял Жданов раненым, наглядно видно и из книги начальника военно-санитарного управления Красной Армии Е. И. Смирнова. Он пишет, что госпиталь № 1170 принимал в сортировочное отделение одновременно 1300 человек. Раненые и больные лежали на носилках, а не на кроватях.

Во время пребывания Е. И. Смирнова в этом госпитале ему позвонил А. А. Жданов. Он хотел знать мнение начальника военно-санитарного управления о причинах неудовлетворительной периодами организации приема раненых, их распределения, а следовательно, и оказания им неотложной квалифицированной помощи. Смирнов ответил, что избежать этого можно только путем организации второго сортировочного госпиталя, который бы принимал поезда, приходящие с фронта...

Вскоре было дано Ждановым соответствующее указание, и 9 января 1940 г. развернули второй сортировочный госпиталь на базе больницы им. И. И. Мечникова [49].

Конечно, большое внимание Жданов уделял политической работе. Во-первых, в ней он был наиболее компетентен, во-вторых, неудачный в начале войны ход боевых действий, большие потери, суровые условия войны стали оказывать негативное влияние на морально-психологическое состояние бойцов и командиров. Ходили слухи, что и «противоречий с Финляндией можно было избежать» [50].

В связи с этим А. А. Жданов искал новые формы работы. Сошлемся на один лишь пример. Газету «Боевая красноармейская» редактировал давний знакомый Жданова А. С. Магад, который еще в 1931 г. работал в выездной редакции «Правды» на «Красном Сормове». Жданов вызвал редактора и сказал: «Надо как-то развеселить красноармейцев. Подумайте как. Неплохо было бы дать в газете “Раешник”». В то время в газете сотрудничали поэты А. Твардовский, Е. Далматовский, прозаик Ардаматский.

Однажды газета напечатала рассказ о том, как около одной переправы ездовой остановил свою лошадь, вынул кисет, закурил и начал рассказывать байки. Этот рассказ Твардовский положил в основу поэмы «Василий Теркин» [51].

В апреле 1940 г., после завершения советско-финляндской войны, заранее обдумывая «Книгу про бойца», которая создавалась в годы Великой Отечественной войны, А. Т. Твардовский записал в своем дневнике: «При удаче это будет ценнейший подарок армии, это будет ее любимец, нарицательное имя. Для молодежи это должно быть книжкой, которая делает любовь к армии более земной, конкретной...» [52] Так оно и стало.

Неунывающий Теркин живет на войне и верит в победу, и доходит до этой победы, доходит, даже побывав, как впоследствии, через десятилетия, выяснилось, на том свете... [53]

С 7 по 12 марта 1940 г. в Москве проходили переговоры с делегацией Финляндии о заключении мирного договора. С советской стороны в переговорах участвовал В. М. Молотов, член Президиума Верховного Совета СССР А. А. Жданов и комбриг А. М. Василевский [54]. Сталин на переговорах не появлялся, что вызвало разочарование финской делегации. Дело в том, что однажды посол США в Москве заявил в доверительной беседе финской делегации, что Сталин никогда не хотел войны с Финляндией. Его подтолкнули на нее прежде всего А. А. Жданов и К. А. Мерецков, которые были уверены в том, что Финляндию можно победить за несколько дней. Не вызывает сомнений, что эта дезинформация была запущена специально. Конечно, Сталин лично сформулировал условия мира, а члены советской делегации являлись по сути исполнителями его решений [55]. Молотов под аккомпанемент Жданова обвинял финнов в том, что они предоставляют страну западным державам в качестве плацдарма для нападения на СССР, а что касается условий договора, то они должны быть приняты в предложенном виде, в противном случае войну придется продолжить [56].

В конце марта 1940 г., вскоре после окончания войны, на собрании городского партийного актива в Ленинграде с двухчасовым докладом «О военно-политических итогах войны с Финляндией» выступил Жданов. В. Скоробогатько вспоминал: «Мы привыкли видеть Жданова всегда улыбающегося, но

в тот день он не улыбнулся ни разу. Возвращались на завод мы в подавленном состоянии. После доклада мы еще более утвердились в мысли, что страна, и в особенности ее вооруженные силы, к большой войне не готовы. На душе было очень скверно»[57].

Политическое руководство сделало выводы. Сменили наркома обороны. Акт приема наркомата С. К. Тимошенко от Е. К. Ворошилова подписали А. А. Жданов, Г. М. Маленков и Н. А. Вознесенский. В нем, а также в приказе наркома обороны от 16 мая 1940 г. «О боевой и политической подготовке войск в летний период 1940 учебного года» нашли отражение крупные недостатки в боеготовности войск во всех направлениях строительства Красной Армии, которые ранее затушевывались[58].

Результаты войны заставили советское руководство освободить из тюрем и лагерей около 4 тыс. репрессированных командиров и вернуть их в Красную Армию. Летом 1940 г. в войска был разослан проект нового полевого устава РККА. В октябре того же года издается новый дисциплинарный устав[59]. В армии вводится принцип единоначалия. Были приняты и другие меры.

Однако до начала Великой Отечественной войны не все из них удалось претворить в жизнь.

Какова же роль А. А. Жданова в советско-финляндской войне? Ее оценил в докладе на Ленинградской IX областной и VII городской партийной конференции второй секретарь горкома А. А. Кузнецов: «...душой всего дела нашего и в Красной Армии, и здесь в Ленинграде, был наш руководитель — товарищ Жданов»[60]. Конечно, надо учитывать особенности того времени. Ведь складывался не только культ Сталина, но и культ местных руководителей. Тем не менее А. А. Жданов, как нам представляется, в целом успешно справился со своими многочисленными обязанностями. Об этом свидетельствуют не только награждение его орденом Красного Знамени, но и дальнейшее продвижение. Спустя немногим более года после окончания советско-финляндской войны, 9 апреля 1940 г., Жданов становится заместителем председателя Комитета обороны. 4 мая 1941 г., когда Сталин возглавил советское правительство, Жданова назначили заместителем Сталина по секретариату ЦК[61], т. е. фактически вторым лицом в партии. В совместных постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) подпись Жданова стала стоять рядом с подписью Сталина.

Что же касается оценок финских историков роли Жданова, то, насколько можно судить по отечественной литературе, некоторые из них преувеличивают роль Жданова как в развязывании советско-финляндской войны, так и в создании «терийокского правительства» при заключении мирного договора. Коллеги-историки из Финляндии, видимо, недостаточно учитывают специфику политического руководства СССР в рассматриваемые годы, когда определяющим было слово Сталина.

---

[1] *Барышников В. Н.* Роль А. А. Жданова в создании и деятельности т. н. «терийокского правительства» (1939—1940) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003. С. 99—100.

[2] *Макаров П. В.* Подчиняя всю систему власти интересам обороны // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 19; Центральный Комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б); Историко-биографический справочник. М., 2005. С. 207.

[3] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 26. Д. 2512. Л. 4.

[4] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1984. С. 169.

[5] Там же.

[6] См.: *Кристофер Э., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 257.

[7] *Вихаваинен Т.* Внешняя политика Финляндии // Зимняя война 1939—1940. Книга первая. Политическая история. М., 1998. С. 55.

[8] *Барышников В. Н.* От прохладного мира к Зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 34.

[9] Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1994. С. 166.

[10] *Кристофер Э., Гордиевский О.* Указ. соч. С. 266.

[11] *Барышников В. Н.* Экономика и социально-политическая обстановка в СССР // Зимняя война 1939—1940. Книга первая. Политическая история. С. 224—225.

[12] *Барышников В. Н.* От прохладного мира к Зимней войне. С. 263.

[13] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 182.

[14] См.: *Донгаров А. Г.* Война, которой могло не быть (к политической и дипломатической истории советско-финляндского вооруженного конфликта 1939—1940 гг.) // Вопросы истории. 1990.

[15] *Барышников Н. И., Маннинен О. В.* В канун зимней войны // Зимняя война 1939—1940. Книга первая. Политическая история. С. 137.

[16] *Маннинен О.* Выстрелы были // Родина. 1995. № 12. С. 57.

[17] *Донгаров А. Г.* Указ. соч. С. 37.

[18] *Барышников Н. И., Маннинен О.* Указ. соч. С. 136.

[19] *Мельтюхов М. И.* «Народный фронт» для Финляндии? (К вопросу о целях советского руководства в войне с Финляндией 1939—1940 гг.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 100.

[20] *Барышников В. Н.* «Терийокское правительство» (1939—1940): феномен его образования // Университетские Петербургские чтения. Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград. 1703—2002. СПб., 2002. С. 234.

[21] *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Правительство в Терийоки // Зимняя война 1939—1940. Книга первая. Политическая история. С. 179—180.

[22] *Виролайнен В. М.* Зеленая улица. М., 1977. С. 112—113.

[23] *Барышников В. Н.* Роль А. А. Жданова в создании и деятельности т. н. «Терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 105.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] *Андреев В. А.* «Красные финны» // Сержант. Независимый военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 23.

[27] Там же.

[28] *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Правительство в Терийоки. С. 184.

[29] *Андреев В. А.* Указ. соч. С. 24.

[30] *Барышников В. Н.* Роль А. А. Жданова в создании и деятельности т. н. «терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 104.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 3628. Л. 121.

[34] См.: *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992. С. 162—163. Заметим, что после советско-финляндской войны К. А. Мерецков стал начальником Генерального штаба.

[35] Зимняя война 1939—1940. Книга вторая. И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1998. С. 141.

[36] *Мерецков К. А.* Указ. соч. С. 179.

[37] Металлурги с Матисова острова. Краткий очерк истории Ленинградского завода по обработке цветных металлов. Л., 1967. С. 135; Зимняя война 1939—1940. Книга вторая. С. 140.

[38] Зимняя война 1939—1940. Книга вторая. И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). С. 168.

[39] Руководители Санкт-Петербурга. СПб.; М., 2003. С. 357.

[40] Отчет о работе Городского Комитета ВКП(б) / Доклад секретаря Горкома ВКП(б) тов. А. А. Кузнецова // Пропаганда и агитация. 1940. № 8. С. 27.

[41] Зимняя война 1939—1940. Книга вторая. И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). С. 169.

[42] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 3628. Л.123 — 124.

[43] *Демидов В.* Повесть о Военном Совете // Звезда. 1987. № 1. С. 91.

[44] См.: Советско-финляндская война 1939—1940: В 2 т. Т. II. СПб., 2003. С. 558.

[45] Стенограмма сообщения тов. Ждановой Татьяны Александровны 29 марта 1948 г. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3595. Л. 30—31; Стенограмма беседы авторов с сыном А. А. Жданова Юрием Андреевичем. С. 31—32. Личный архив авторов.

[46] «Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной». Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939—1940 гг. // Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 38.

[47] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1983. Л. 72 — 73.

[48] Там же. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3604. Л. 1 — 7.

[49] *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина 1939—1945 годы (мысли и воспоминания). М., 1976. С. 70—71.

[50] *Фролов Д. Д.* Советские военнопленные зимней войны // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. 2001. № 11—12. С. 68.

[51] *Жданов Ю. А.* Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004. С. 118—119.

[52] *Твардовский А. Т.* Собр. соч. М., 1976. Т. 1. С. 7.

[53] Там же. С. 8.

[54] Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939—1940 годы) // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 55.

[55] См.: *Вехвиляйнен О., Барышников В. Н.* От войны к миру // Зимняя война 1939—1940. Книга первая. Политическая история. С. 346.

[56] Там же. С. 346—347.

[57] *Скоробогатько В.* Электросиловский феномен // Ленинградская правда. 1987. 8 сентября.

[58] *Гребельской З. В.* Нападать на Германию СССР не собирался // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 88.

[59] *Дайк К. В.* Легко отделались // Родина. 1995. № 12. С. 113—115.

[60] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 3628. Л. 121.

[61] *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 254; *Макаров П. В.* Указ. соч. С. 20.

Н. И. Барышников

ИЗВЕСТНЫЙ ФИНЛЯНДСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ЛИТЕРАТОР АРМАС ЭЙКИЯ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ В 1941—1944 гг.

Среди защитников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны хорошо известны имена уроженцев Финляндии, которые внесли свой вклад в героическую оборону города. Одним из них был весьма известный деятель — финский коммунист Армас Эйкия, оказавшийся в Советском Союзе в 1930-е гг. после непрерывных преследований за свою политическую деятельность и неоднократные аресты сыскной полицией.

Коснемся кратко того времени, когда Армас Эйкия сформировался как деятель левого движения Финляндии и активный борец за политические и социальные права трудящихся. Родился он 14 марта 1904 г. в сельской местности в районе Пюхяярви и достиг юношеского возраста в период революционных событий и гражданской войны в стране в 1918 г. Начав свою трудовую деятельность на лесохозяйственных работах, он постепенно включился в рабочее движение и вошел в организацию социалистической молодежи.

С раннего возраста он стал увлекаться литературой и вскоре проявил себя в поэтическом творчестве. Его способности нашли практическое применение затем в журналистике. Эйкия начал писать корреспонденции в рабочие газеты Вааса и Хельсинки. Его взгляды совершенно определенно стали выражать марксистскую направленность. В 1924 г. он вступил в Коммунистическую партию Финляндии [1], находившуюся на нелегальном положении. Известный в будущем литератор и близкий его товарищ У. К. Викстрем писал, что Армас Эйкия «был обожаемым среди нашей молодежи журналистом» [2]. Не удивительно, что проявленные способности позволили ему стать главным редактором газеты левых сил «Тиедонантая».

Деятельность Армаса Эйкия в рабочей печати сопровождалась к тому же его активными, пламенными выступлениями среди трудящихся. Многим запомнилась его яркая речь на первомайском празднике 1930 г. в Хельсинки [3]. Все происходило в атмосфере разгула реакции и насилия, чинившихся членами профашистского лапуаского движения. Став с 1928 г. членом бюро ЦК Коммунистической партии Финляндии, действовавшего в глубоком подполье, он оказался объектом особого внимания полиции, пристально следившей за активистами революционно настроенных масс. В результате А. Эйкия четырежды арестовывался и отбывал тюремное заключение почти 8 лет [4], причем в одиночной камере.

Находясь в тюрьме, он энергично занимался самообразованием и поэтическим творчеством. При всем этом, по словам О. В. Куусинена, «Армас Эйкия относился к числу тех поэтов, для которых литература является прежде всего средством политической борьбы» [5]. В тюрьме, в частности, им были написаны стихи, вошедшие в сборник под названием «Тюремная лира». Овладевая русским языком, Армас Эйкия стал успешно переводить на финский язык поэзию А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и В. В. Маяковского.

Для А. Эйкия было характерным непрерывное совершенствование своего образовательного уровня. В. Г. Федоров — дипломат, историк и публицист, близко знавший его, писал: «Самообразование, которым Армас Эйкия занимался всю жизнь, позволило ему стать высокообразованным человеком. Он хорошо знал теорию марксизма-ленинизма, мировую культуру, литературу и искусство в их лучших образцах, самостоятельно изучил русский, немецкий, английский, французский и итальянский языки» [6].

Непрерывные преследования полицией и аресты вынудили А. Эйкия во второй половине 1930-х гг. эмигрировать из Финляндии в Швецию, а оттуда в Советский Союз и сосредоточиться на работе в руководстве финской компартии (зарубеж-

ной части ЦК КПФ), будучи избранным на ее VII съезде в состав центрального комитета.

Когда в конце 1939 г. началась советско-финляндская война и в поселке Терийоки было сформировано 1 декабря так называемое «Народное правительство Финляндии», то одним из членов его стал А. Эйкия. Решение об этом было принято, очевидно, в ЦК КПФ. В составе этого «правительства» он находился до его самороспуска в марте 1940 г.[7]

В обстановке начавшейся 22 июня 1941 г. агрессии фашистской Германии против СССР Армас Эйкия вступил в ряды Красной Армии, где ему было присвоено офицерское звание. В силу того, что Финляндия также оказалась втянутой в эту войну ее политическим и военным руководством в качестве «брата по оружию» Германии, то для А. Эйкия четко определилось направление деятельности в составе Советских вооруженных сил. Она выразилась в активной работе с использованием радио и печати в Ленинграде для противодействия дезинформации и военной пропаганде, осуществлявшейся в Финляндии. Главным при этом являлось раскрытие сущности захватнической политики финского руководства, поставившего своей целью реализовать идею создания великой Финляндии путем включения в ее состав обширной территории СССР, действуя совместно с Германией.

Свою работу А. Эйкия осуществлял, являясь офицером аппарата Политуправления Ленинградского фронта. В блокированном немецкими и финскими войсками Ленинграде Эйкия в течение 1941—1944 гг. вел передачи на финском языке из студии городской радиостанции РВ-53. Это делалось двояким образом. Одно направление заключалось в цельном и подробном изложении сведений информационного характера о событиях войны, а также раскрытии ложной интерпретации происходившего средствами официальной финской пропаганды. Другое направление отличалось по своей оригинальности тем, что Эйкия, входя в эфир на волне финской радиовещательной станции, короткими репликами уличал выступавших по радио пропагандистов в лживости сообщавшегося ими. Это давало большой эффект.

Особенно удачными были разоблачительные реплики Эйкия, когда из Финляндии передавались широковещательной

радиостанцией, находившейся в г. Лахти, выступления радиокомментаторов Яхветти (Кильпеляйнена) и Ватанена. Он короткими фразами опровергал искажения ими реальных фактов, что явно изумляло финских радиослушателей и приковывало пристальное внимание к разоблачительным сведениям, услышанных ими. Об этом способе, применявшемся А. Эйкия, впоследствии, после войны, рассказывалось в финской печати[8]. В свою очередь, о происходившем в эфире писали и в исторической литературе. Киммо Рентола, в частности, касался того, как Эйкия «исключительно эмоционально вторгался в передачи ненавистного ему социал-демократического фельетониста Яхветти, делая это в момент паузы или прямо таки сразу обличал его»[9].

Особенно большое воздействие на слушателей оказывали передачи по радио Армаса Эйкия, посвященные поражению немецких войск под Сталинградом. Тогда в этой связи он говорил, в частности: «...Маннергейм и Рюти, выполняющие данное Гитлеру обещание, продолжают все еще дальше приносить в жертву финских людей, хотя и глупцу уже ясно, что гитлеровская игра проиграна»[10]. Такая констатация воспринималась тогда в Финляндии уже без сомнений и явно способствовала активизации движения в общественно-политических кругах за выход страны из войны.

Находясь в блокадном Ленинграде в столь тяжелый период для жителей города и оборонявших его войск, А. Эйкия, естественно, перенес все это. Упоминавшийся уже писатель У. К. Викстрем рассказывал впоследствии: «Во время войны мы были вместе в блокированном Ленинграде. В условиях сильных бомбежек, когда царили голод и холод, Армас выполнял трудную работу. Он сидел в накинутой на плечи серой солдатской шинели и писал непрерывно. Читал и писал... Несколько раз я сидел тихо в студии вместе с ним, когда Армас вторгался со своими репликами в передачу станции Лахти на ее волне. Он забивал голос Яхветти, громко сообщал слушателям Лахти, почему тот ничего не говорит о Сталинграде. Тогда из Лахти прерывалась передача и слушателей просили выключить радио, поскольку "противник говорит на нашей волне". Армас же удовлетворенно посмеивался»[11].

Когда же Финляндия вышла из Второй мировой войны, порвав с Германией в 1944 г., А. Эйкия горячо выступал за то, чтобы были преодолены все те сложности, которые возникли в отношениях с СССР. Будучи интернационалистом, он добивался создания прочной дружбы между советским и финским народами. Еще в 1943 г. он писал в стихотворении «Завещание»:

Есть у меня завет один:
Пусть труд мой завершит
И русского полюбит финн
Как брата — младший брат[12].

Возвратившись в Финляндию после войны, в 1946 г., Армас Эйкия много усилий направил на общественно-политическую и литературную деятельность. Жизнь его, оборвавшаяся в 1965 г. в возрасте 61 года, свидетельствовала неизменно о том, что он был последовательным борцом за мир и дружбу между народами.

---

[1] Kansan Uutiset. 1965. 21.3.

[2] *Vikström U.* Armas Äikiä: 85 vuotta syntymästä 14 maaliskuuta // Neuvosto Karjala. 1989. 12.3.

[3] Kansan Uutiset. 1965. 21.3.

[4] Ibid.

[5] *Куусинен О. В.* Предисловие // Эйкия А. Под северным сиянием. М., 1955.

[6] *Fedorov V.* Suomalainen vallankumouksellinen // Tiedonantaja. 1984. 11.4.

[7] См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939—1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003.

[8] Armas Äikiä — Leninin kaupungin puolustaja //Tiedonantaja. 1974. 9.2.

[9] *Rentola R.* Kenen joukoissa seisot? Porvoo; Hels.; Juva, 1994. S. 360.

[10] Armas Äikiä — Leninin kaupungin puolustaja.

[11] *Vikström U.* Op. cit.

[12] *Fedorov V.* Op. cit.

А. С. Омшина

ФИНСКИЙ СИБИРЯК ХУДОЖНИК ТОЙВО ВАСИЛЬЕВИЧ РЯННЕЛЬ

Сибирская живопись ушедшего XX века обогатилась работами крупного и самобытного мастера, более того — сибирское наше искусство уже немыслимо без колоритных картин народного художника России Тойво Васильевича Ряннеля, ленинградского финна, волей судьбы оказавшегося в Сибири, где силой воли своего характера преодолел титанические трудности.

Родился Тойво Васильевич Ряннель 25 октября 1921 г. в деревне Тозерова Ленинградской области, на Ладоге, в финской крестьянской семье. Светлый новый дом, построенный отцом, находился за околицей деревни среди полей, березово-осиновых перелесков. От озера, которое просматривалось между вершин темных елей, доносился гул прибоя. Летом все цвело, сверкало, колосилось.

Родство с природой вошло в жизнь с самых ранних лет. Здесь и следует искать зарождение глубоких духовных связей с природой, проявившихся впоследствии в живописи художника. Для характеристики творчества Ряннеля существенно и то, что он одарен не только как художник, но также как поэт и прозаик.

В семье хорошо рисовал брат Эйно. Первые уроки Тойво получил у него. Эйно давал краски, бумагу и учил писать акварелью. Отец тоже любил искусство. «В свободное время, — рассказывает Тойво Васильевич, — он вырезал нам игрушки из дерева — то были коровы, кони, кричащие петухи и другие

поделки, выполненные в духе народного примитива и, несомненно, способствовали развитию детского воображения, побудили к самому творчеству» [1].

В книге «Мой черный ангел» Тойво Васильевич вспоминает о счастливых годах раннего детства, омраченных внезапным изгнанием всей семьи из родных мест. Весной 1931 г. произошла массовая выселка финнов, и он был депортирован вместе с родителями в Сибирь. «Наш поезд, как одноглазый, длинный дракон, объевшийся людским горем, с лязгом и грохотом двигался на Восток», — пишет в своей книге Ряннель [2].

Потом была первая встреча впечатлительного мальчика с Сибирью. На всю жизнь сохранилась в детской душе поездка в эти далекие неведомые края. Восемнадцать суток ехали до Красноярска на поезде, затем долгий путь с караваном по Енисею на север, в золотоносный Удерейский район, где ему предстояла трудная жизнь спецпереселенца, трудная работа, учеба в Южно-Енисейской школе-интернате.

В этом далеком краю, в рабочей среде рос, воспитывался и трудился Тойво Ряннель. Здесь он пошел в школу в первый класс. Поначалу учеба давалась трудно. Плохо знал русский язык, писал неграмотно, но был упорен и терпелив. В свободные часы рисовал все, что видел вокруг: заиндевелые корявые лиственницы, остроконечную сопку за речкой, рабочих с тачками, лошадей, самосвалы. Очень хотелось нарисовать сибирскую зиму и послать пейзаж брату Эйно в Ленинград, но не было красок. Рисовал портреты рабочих, хорошо получалось, даже заказывать стали.

Однажды, когда накопилось много рисунков, решил устроить выставку. Приколол свои рисунки к влажным бревнам барачной стены. Ждал, как отнесутся рабочие, — заметят ли, обратят ли внимание. «Было страшно, — говорит Тойво Васильевич, — когда притихшие люди стоят у моих работ. Это был тяжелый день, но это был мой праздник, моя победа над страхом, над робостью, над одиночеством в среде людской» [3].

Реакция зрителей была самая благоприятная. «Мой праздник, как мне казалось, — говорит Ряннель, — овладел всей артелью: в этот день не ругались и не ссорились. На меня старшие поглядывали благосклонно. Я поверил в полезность моего труда. Мой труд как бы поднимал меня до уровня много умеющих, выносливых, сильных людей» [4]. События, о которых рассказал художник, во многом примечательны. Мы видим как мальчик «врастал» в жизнь с самых ранних лет. Как тяжесть той жизни не сломила его характера, не погасила заложенные в нем чувства красоты и добра.

Пятнадцатилетним юношей Тойво Ряннелю посчастливилось побывать в 1936 г. на экскурсии в Москве. Третьяковка потрясла его. Многие картины он знал по книгам, репродукциям и открыткам. То, что он увидел в залах, было выше человеческих возможностей: это и «Девятый вал», и «Утро в сосновом бору», и «Над вечным покоем», и «Иван Грозный», и «Три богатыря», и «Тройка» Перова, и непостижимое «Явление Христа народу» А. Иванова.

По приезду в родные места Ряннель засел за работу. Написал портрет Байрона. А потом была картина «Папанинская льдина»: четверка папанинцев на льдине машет руками самолету Водопьянова. Она была на выставке детского творчества в Красноярске, репродуцировалась в молодежной газете. Молодой художник получил премию — 50 рублей.

Тогда Ряннель решил послать письмо в Академию художеств ректору И. И. Бродскому с просьбой принять в существующую при Академии среднюю художественную школу. Из Академии пришел ответ профессора Любимова. Он советовал поступить в Омское или Иркутское художественное училище.

Как ни мечтал художник, не удалось пробиться в Ленинград в Академию художеств — мешало клеймо спецпереселенца. Разрешили, правда, поступить в Омское художественное училище. Отправил документы и работы по рисунку, живописи и композиции. Скоро пришел ответ: «допущен к экзаменам». Экзамены Тойво сдал успешно и был принят в 1939 г. на учебу.

Омское училище считалось хорошим учебным заведением, имело свои традиции. Организованное в 1920 г., оно называлось тогда «Художественно-промышленный техникум имени М. А. Врубеля».

Из стен художественного училища вышли многие художники, коренные сибиряки, ставшие членами Союза художников и образовавшие ядро творческих Союзов во многих городах

Сибири. В Омском училище всегда был сильный педагогический коллектив.

Смена «таежной» на городскую жизнь обострила впечатления, дала обширную пищу для развития любознательности. Учился Ряннель с большим старанием и радостью. Собравшиеся с разных концов Сибири учащиеся оказались дружной, активной группой. Из этой группы вышли многие известные живописцы: Н. Бачинин, А. Моторин, А. Пятков, П. Поротников, Б. Ряузов и др. Ряннель любил уроки рисунка, живописи, композиции, особый интерес проявлял к истории искусств и другим гуманитарным предметам, много читал. Его всегда отличала целенаправленность мышления и творческих исканий, стремление «докопаться» до истинны как в вопросах анализа творчества выдающихся мастеров, так и в проблемах своего творчества.

Ряннель пробыл в Омском художественном училище два года, был переведен на третий курс, но продолжить учебу не удалось. В июне 1941 г. мирный труд советского народа был нарушен вероломным нападением фашистской Германии. Жизнь страны была перестроена в интересах фронта. В эти тяжелые для страны годы училище было закрыто. Ряннель уехал к родителям в Южно-Енисейск. Надо было думать о работе. Предложили работу учителя рисования и черчения в школе, где до отъезда в Омск учился сам.

Два года работал в школе. С ребятами получился хороший контакт. С особой охотой занимался в неурочное время с рисующими школьниками. Старался их учить так, как учили его.

Но были причины, которые не могли удержать Ряннеля на педагогическом поприще. Получив в училище необходимые познания и навыки самостоятельной работы, вкусив «сладкий плод» творческого труда, Ряннель искал возможности постоянного, близкого общения с природой. Он хотел целиком отдать себя во власть ее торжественной красоты. Влекло величие горных хребтов, безмерных пространств, желание пройти эту «школу природы». Молодой художник уже осознал, что природа является первоосновой избранной им профессии художника — пейзажиста. Поэтому с большим удовлетворением Ряннель принял приглашение Енисейской топогеодезической экспедиции треста «Золоторазведка». Был рабочим, десятником на строительстве пунктов триангуляции. Быстро освоил топографическое черчение, инструменты и ведение полевых журналов. Через год был аттестован как техник.

Специфический характер работы позволил Ряннелю наблюдать природу в любое время суток и при различных ее состояниях, начиная с самой ранней весны, когда природа пробуждается и тайга постепенно начинает одевать свой летний наряд, до поздней осени, когда она расточительно отдает человеку свои дары и поразительную, отчасти грустную, красоту.

В Красноярск Ряннель приехал весной 1946 г. Период этот — самый решающий в жизненной судьбе Ряннеля. Началась новая страница в биографии молодого художника. В эти первые послевоенные годы Красноярская творческая организация как бы заново формировалась. Часть художников выбывала, уезжали в родные места западных районов страны, другие возвращались с фронта. Ядро организации составляли старейшие: Д. И. Каратанов, А. П. Лекаренко, Г. Д. Лавров, К. И. Матвеева, К. Ф. Вальдман. Возглавлял Красноярское отделение союза художников молодой график Р. К. Руйга.

Ряннель тепло был принят коллективом и сразу включился в творческую и общественную работу. Он близко сошелся с ведущими мастерами — Каратановым и Лекаренко. В постоянном контакте с опытными художниками он внимательно присматривался к их профессиональным приемам и навыкам в работе над этюдом, эскизом, картиной.

Близкое знакомство с Д. И. Каратановым, приверженцем правды в искусстве, хранителем и продолжателем реалистических традиций своего знаменитого земляка и учителя В. И. Сурикова, не могло не повлиять на Ряннеля.

Уроки Дмитрия Иннокентьевича не привели Ряннеля к подражанию «каратановской» манере. Путь Тойво Васильевича был свой, не заимствованный, а порожденный личным дарованием, темпераментом и мировосприятием. «Сама природа предлагает композиционные решения, учит меня молча, терпеливо: чувствуй, запоминай, выбирай самые выразительные сочетания красок, способные взволновать твоих зрителей, позвать в безграничный мир красоты, будить в них чувства добрые, гордость за свою землю, за свой дом» [5].

Эти высказывания художника объясняют очень важную особенность его творческого кредо. Ряннель твердо шел дорогой реализма, смело, вторгаясь в жизнь, черпая ее краски и образы. Свои первые работы «Август в тайге», «Река сухой Пит», «В долине Вангата», «Охотничья избушка», «Усть-Питское» (1946 г.) Ряннель показал на краевой, художественной выставке, посвященной тридцатилетию со дня смерти В. И. Сурикова. Это были виды мест, где художник побывал с геологической партией. В небольших написанных маслом пейзажах звучало очарование «тихих» встреч художника-лирика с природой. В них чувствуется любовь к цвету и стремление передать через природу свои переживания. Совершенствование шло различными путями. Были занятия на творческих дачах, поездки за рубеж.

В первые послевоенные годы в Москве при «Всекохудожнике» была организована Центральная студия повышения профессионального мастерства художников. Для руководства студией были приглашены А. М. Герасимов, Б. В. Иогансон, лекции по истории искусств читал И. Э. Грабарь. В 1947 г. Красноярской организацией Союза художников в эту студию был направлен и Тойво Ряннель. Учеба в студии дала ему много. Его работы, выполненные во время учебы, получили высокую оценку.

Важным и памятным для Ряннеля был 1948 г. Его активное и успешное выступление на межобластной выставке и на очередной краевой, посвященной столетию со дня рождения В. И. Сурикова, было оценено зрителями и критикой. Его приняли в Союз художников СССР. Так он стал полноправным членом профессиональной творческой организации.

Чтобы глубже понять творчество Ряннеля, следует отметить, что две грани таланта художника — живопись и слово оказываются в близком родстве и очень схожи по своим характеристикам. Лирическое восприятие окружающего было подготовлено давним пристрастием Ряннеля к поэзии. «Живопись и поэзия живут во мне рядом, — говорит Ряннель, — у них много общего, но есть непримиримая специфика материала. Живопись не требует перевода. Я мог, мысля по-фински, написать те же сибирские свои картины. Средство поэзии — это язык национальный. От финского языка я оказался оторванным. Русскому языку учился по книгам, и получилось, что мой поэтический язык оказался вторичным, я не постиг той глубины, которая естественна для поэтов русских, то есть я оказался без той глубинно-языковой платформы, без которой настоящей поэзии не может быть. Поэтому не стремлюсь к публикации своих стихов. Поэзия всегда остается со мной» [6].

Выход своим литературным способностям Ряннель дал, обратившись к прозе, публицистике. В периодической печати — журналах, газетах систематически появляются его очерки. В них автор затрагивает различные, жизненные и творческие проблемы, рассказывает о беседах и встречах с интересными людьми — первооткрывателями, строителями, оленеводами и рыбаками Севера.

Интересные наблюдения мы находим в очерке «Эвенкийские встречи», напечатанном в журнале «Москва» [7]. Здесь можно найти и описание характерных особенностей суровой природы, с растущими на скалах и каменных россыпях сибирскими лиственницами и елями, чудом выстоявших на скудной почве, на вечной мерзлоте под напором порывистых ветров. И восхищение красотой предвечернего часа, настраивающего на созерцание, когда слышишь в тишине лишь редкое щелканье глухарей.

По материалам поездок, а их было несколько, Ряннель написал ряд пейзажных картин и портретов.

Были очерки о поездке в Ливан, Египет, Алжир, на Кипр. Художник отмечал красоту и своеобразие природы этих стран. «Но любовью и привязанностью, — считал он, — всегда и навсегда оставалась Сибирь от Мунгун-Тайги на юге до островов Северной земли» [8].

Творческие успехи, которых достиг Ряннель в первые годы, не снизили энергии поисков, не «усыпили» его. Он ставил перед собой все более сложные задачи. У него появилось естественное желание шире познакомиться с краем, соседними областями, их природой, ощутить биение пульса жизни. Он едет в Игарку, в низовья Енисея, на Саяны, в Туву, в Хакасию, Кузнецкий Ала-Тау. Многие из этих путешествий были сложными, трудными, опасными. Походы совершались и в места, где редко бывал человек. Ряннель увлекал многих художников края в эти далекие смелые походы, к истокам Енисея, на его

водопады и пороги, в глубину Саян, на Саянские хребты и перевалы.

Все более углубленное изучение природы края побуждало художника переходить от накопления отдельных наблюдений к обобщению. Его перестает удовлетворять непосредственная передача интимных уголков природы. Ряннель зорче присматривается к могучей сибирской природе, к ее просторам, ищет мотивы, которые бы ответили романтической взволнованности, зревшей в его душе. И эти мотивы он находит в сказочных Саянах.

Многообразна тематика, которая связана у Ряннеля с Енисеем. В разное время на краевых, республиканских и Всесоюзных художественных выставках экспонировались: «Енисей у Курейки» (1949 г.), «Енисей. Казачий порог» (1953 г.), «Енисей. Большой порог» (1955 г.), «Енисей. Порог Дар Ужар» (1956 г.), «Енисей. Белая ночь», «Енисей. Восход луны», «Рождение Енисея» (все — 1957 г.), «Енисей. Ледоход» (1963 г.), «Енисей у полярного круга» (1966 г.), «Перекрытие Енисея в Саянах» (1976 г.), «Угрюм река» (1987 г.), «Енисей. Серый день» (1991 г.) и многие другие работы. Красота и мощь Енисея, восхищающие нас в этих пейзажах, говорят о том, что «ключ» к раскрытию волновавшей художника темы был найден.

Персональные выставки произведений Т. В. Ряннеля, начиная с 1965 г., прошли во многих городах — Красноярске, Омске, Барнауле, Новосибирске, Москве и в городах Северного Кавказа — Краснодаре, Ставрополе, Нальчике и Грозном.

В последние годы автор показал ряд своих выставок в Словении, Англии, Швеции, Финляндии. В экспозициях многих художественных музеев России, в частных коллекциях Японии, Китая, США, Франции, Германии, ЮАР, Швеции и Финляндии экспонируются работы сибирского художника.

Будучи настоящим художником, Тойво Ряннель в своем творчестве вдохновляется любовью, которая обращена прежде всего к Сибири, к ее прекрасной природе, к ее замечательным людям.

В 1993 г., через 62 года после начала ссылки, состоялась гражданская реабилитация художника. С 1995 г. известный сибирский живописец, народный художник России Тойво Васильевич Ряннель живет в Финляндии — на родине своих предков. Поселился в пригороде Хельсинки. Там у него и квартира, и мастерская, он часто ездит писать пейзажи в Лапландию, объездил весь мир, был в Египте, Ливане, Италии, Греции, но Сибирь его не отпускает. Он часто приезжает в Красноярск, где у него остались дочь Лариса, внуки, родственники, близкие друзья. Свою квартиру, мастерскую и российское гражданство Тойво Васильевич сохранил за собой, точно так же, как и любовь к сибирской природе.

Не по доброй воли оказался Тойво Васильевич далеко от земли предков, но сложилось так, что Сибирь стала для него и второй родиной, и неиссякаемым источником творческого вдохновения. Как бы в жизни тяжело не было, он никогда не утрачивал оптимизма, не терял надежды. Ведь не случайно имя «Тойво» в переводе на русский язык означает «Надежда». А ведь так легко иногда было прийти в отчаянье![9]

Ряннель является не только художником, но и своеобразным поэтом и незаурядным прозаиком. С 1948 г. он участвует в поэтическом сборнике «Слово земляков», в выпусках альманаха «Енисей», в журналах «Сибирские огни», «Вокруг света». В 1949 г. издано его эссе о художнике Д. И. Каратанове. В 1970 г. вышел альбом-очерк «Улугхем — Енисей — Ионесси».

В конце XX в. опубликованы две прозаические книги воспоминаний «Мой черный ангел» и «Незваный гость». Каждый, кто прочел эти увлекательные и драматические повести о становлении мастера, мог убедиться, что Ряннель не только прекрасный художник, но и талантливый писатель. Стихи он тоже пишет по-молодому темпераментно и предельно искренне. В этом можно убедиться, ознакомившись с его поэтическими сборниками «Капля в море», «Свернула пламенем Жар-птица», «Горные кедры», «В кругу друзей», «Тропа через век».

Сравнивая новые живописные работы, любопытно отметить, что живопись Ряннеля с годами словно помолодела, стала яркой и свежей и более этюдной. Если раньше художник тяготел к монументальному романтизму, создавая своеобразные «поэмы» на холсте, то позднее его работы стали камерными, импрессионистичными, напоминая живописную «лирику». Полотна Ряннеля наполнены теплыми красками — кисть

художника (душа художника) словно бы оттаяла вдалеке от Сибири. Реалистическая живопись сибирских пейзажей дополнилась глубинной лирикой новых полотен[10].

В 2001 г. вышел в свет авторский альбом «Мой белый свет», в него включено 160 цветных репродукций, созданных мастером, в том числе и в последние годы.

Сегодня, проживая на исторической родине в Финляндии и имея большие возможности для поездок по всему миру, Тойво Ряннель присылает многочисленным друзьям короткие, но самые теплые приветы и сам не замечает, как всем своим настроением сердца и души он подтверждает то, что писал Левитан из Ниццы, на берегу Средиземного моря: «Только в России может быть настоящий живописец!»

В России, а точнее, в Сибири мужала и крепла душа художника. «Сибирь вошла в мое творчество как чувство Родины!» — говорит Ряннель. Вот почему, наверное, «Мой черный ангел» с годами превратился для Тойво Васильевича в «Мой белый свет», осветивший для всех нас такие высоты, от которых поет и сердце, и душа.

---

1 *Давыденко И. М.* Тойво Васильевич Ряннель. Любляно, 1991. С. 6.
2 *Ряннель Т. В.* Мой черный ангел. Красноярск, 1996. С. 12.
3 *Давыденко И. М.* Указ. соч. С. 8.
4 Там же.
5 Из архивов художника.
6 *Давыденко И. М.* Указ. соч. С.17.
7 *Ряннель Т. В.* Очерк «Эвенкийские встречи» // Москва. 1984. № 3.
8 *Русаков Э.* Горячий финский парень. Красноярск, 2001. С. 33.
9 Сто знаменитых красноярцев. Красноярск, 2003. С. 363.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Е. А. Андреева

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ГАРНИЗОНЫ ШВЕДСКОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ И КАРЕЛИИ И СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕТЕРБУРГА (в 1703—1710 гг.) *

В 1617 г. по Столбовскому миру, заключенному между Россией и Швецией, принадлежавшие до этого России Ингерманландские (Ижорские) земли, на которых находились русские города-крепости Орешек, Ивангород, Ямы (Ям) и Копорье, отошли к Швеции [1]. Граница между государствами проходила по реке Лаве. Ингерманландские города находились под властью шведской короны около 90 лет и были возвращены России в результате побед армии Петра I в Северной войне.

Начало освобождению этих земель было положено взятием в октябре 1702 г. русскими войсками Нотебурга (Орешка), переименованного Петром I в Шлиссельбург [2]. В мае 1703 г. была захвачена основанная в 1611 г. шведская крепость Ниеншанц [3] и возвращены Ям и Копорье [4], а в следующем году — Ивангород. Следовательно, фактически Ингерманландские (Ижорские) земли вернулись в состав Российского государства в 1702—1704 гг.

Карельские земли вошли в состав России в 1710 г., когда были взяты два главных города-крепости: основанный шведами в 1293 г. Выборг и заложенная русскими в 1279 г. Корела (Кексгольм) [5].

* Автор выражает благодарность Шведскому институту, благодаря которому была предоставлена возможность работы в Государственном архиве Швеции (Стокгольм).

Петр I неоднократно подчеркивал, что возвращает исконно русские земли, поэтому запрещал разорять Ингерманландию, в отличие, например, от Лифляндии. По мнению П. О. Бобровского, царю нужна была населенная и богатая Ингрия, «а не разоренная — с нищими крестьянами и убогими мызниками» [6].

Так ли в действительности обстояло дело? В августе 1702 г., еще до взятия Нотебурга, русские войска под командованием новгородского воеводы П. М. Апраксина прошли ниже Нотебурга вниз по Неве до р. Тосны и до р. Ижоры, и, как видно из донесения воеводы царю, «...всякое селение розвоевали и разорили без остатку» [7].

В марте 1703 г., до сдачи войскам Петра I Ниеншанца, русские во главе с А. Д. Меншиковым совершили рейд по селениям. 22 марта в Москву из Шлиссельбурга пришло сообщение об этой вылазке, которое было опубликовано в десятом номере «Ведомостей»: «Господин губернатор ходил в неприятельские мызы, отстоящие от Шлютенбурга 95 верст, а от Корелы 36. И там победу одержал над неприятели изрядну, в разных мызах побито с 200 человек неприятелских людей. Да в полон взято 19 человек офицеров, а кроме того простых шведов мужеска полу и женска 2000 в полон же взято и на побеге их побито доволно, а наши ратные люди лошадми скотиною и запасом велми удоволилися и остальные запасы пожгли, а сами за Божиею помощию в целости» [8]. Пленных привели для продажи в Шлиссельбург, но в только что отвоеванном у шведов городе не было столько покупателей живого товара, и пленников отправили для продажи в Ладогу.

Итак, как видно даже из официальных сообщений, наказ Петра I не соблюдался: местное население убивали, забирали в плен, а селения разоряли и сжигали. Так же поступали и в последующие годы.

Согласно немецкому описанию Петербурга 1716—1717 гг. до прихода на берега Невы русских по одну сторону реки жили карелы, по другую ингерманландцы, подчинявшиеся Швеции. Война и чума уничтожила большинство местных жителей, а их «имения и хозяйство были розданы и подарены русским, которые заняли деревни и дворы частично со своими соотечественниками, а частично вместе с оставшимися финнами, и те-

перь получилась изрядная смесь, и нельзя назвать определенную нацию...» [9]

Оскудение ингерманландских земель людьми показывает и царский указ от 4 декабря 1713 г., согласно которому в Ингерманландии были розданы земли «людям по их челобитью», и поскольку «ныне у них на тех землях чухонских или русских налицо меньше указного числа дворов и тем людям теми наличными дворами владеть, а крестьян указное число поселить впредь с 714 года в 3 года; а буде кто в те 3 года того указного числа не исполнит, и те земли у тех людей взяты будут иным» [10].

Подобные свидетельства содержатся в донесениях иностранных дипломатов. Так, в «Записках» датского посланника при русском дворе Юста Юля, приехавшего в Россию в 1709 г., указано: «Ингерманландия, чрез которую я до сих пор ехал, вследствие войны повергнута в крайнюю бедность и испытывает недостаток в зерне и хлебе. Бедняки сушат в печи отруби, которые в Дании даются только лошадям; потом, мелко истолокши, мелют их на ручной мельнице и из получаемой таким путем ужасной муки пекут хлеб, замесив его на теплой воде» [11]. Еще одна зарисовка того же автора: «Дорогою из Петербурга в Новгород я сделал наблюдение, что дома по всей Ингерманландии весьма грязны, плохи и построены в один ярус...» [12] Ю. Юль также отмечает, что «как Ингерманландия, так и Карелия... были в конец опустошены русскими и казаками» [13].

Итак, ингерманландские и карельские земли вследствие неурожаев и военных действий были опустошены и обезлюдели. Их население, находясь в течение 90 лет под властью шведской короны, воспринимало русские войска как завоевателей, которые, впрочем, и действовали здесь как завоеватели. По подсчетам С. Кепсу, к началу XVII в. в Ингерманландии оставалось менее 20% православного населения, причем в основном это были ижорцы [14].

Тем не менее сразу же после взятия в мае 1703 г. Ям и Копорья какое-то количество православных крестьян этих уездов было выслано на строительство Петербургской (Петропавловской) крепости в дельту Невы, что подтверждает обнаруженный пропуск от 30 июля 1703 г. крестьянина Григория Леонтьева на выход из Петербурга домой в Копорский уезд [15]. Этот пропуск подписал глава Семеновской приказной палаты дьяк А. Я. Щукин. Пропуск написан ровным писарским почерком, и только слова «Копорского уезду крестьянин Григорей Леонтьев» вписаны другим, более беглым. Следовательно, писарь написал какое-то количество отпусков от 30 июля 1703 г., куда затем только вписывались нужные имена и уезды.

Итак, можно заключить, что какая-то часть оставшегося православного населения Ингерманландии летом 1703 г. принимала участие в строительстве деревоземляной крепости в Невской дельте на Заячьем острове.

Какова же была судьба шведских гарнизонов ингерманландских и карельских городов-крепостей? Принимали ли они участие в создании будущей российской столицы?

После взятия 11 октября 1702 г. Нотебурга гарнизону крепости в главе с ее комендантом полковником Г. В. фон Шлиппенбахом, а также «прочим гражданским и уездным людям», согласно аккордным пунктам, было разрешено переправиться по Неве до Ниеншанца [16].

Гарнизону и жителям Нотебурга недолго пришлось укрываться под стенами Ниеншанца, который 1 мая 1703 г. был также взят русскими войсками. Согласно договору о сдаче, гарнизон этой крепости, включая офицеров и рядовых с женами, детьми и слугами, а также «всех чиновных людей, пасторов и гражданских служителей, и всех которые тамо обретаютца», получал вольность и, взяв движимое имущество, переправлялся в Нарву. Им также должны были выдать провиант на месяц [17]. Позднее их решено было отправить в Выборг, что и было сделано.

Гарнизоны Копорья и Ямбурга были отпущены в Нарву [18], которая, как известно, была взята русскими 9 августа 1704 г. Нарвский комендант барон Горн не сдался на аккорд, русские войска брали крепость приступом. И, ворвавшись, учинили там бойню. Вот что отмечено в редактированной Петром I «Гистории Свейской войны»: «...ежели бы салдаты наши не были от кровопролития уняты, то бы мало кто остался» [19]. Всех, кто остался жив — 4555 человек, взяли в плен и отправили в Казань [20].

После взятия Нарвы к ивангородскому коменданту был направлен тайный секретарь П. П. Шафиров с предложением

сдаться. По всей видимости, узнав о судьбе нарвского гарнизона и жителей города, ивангородский комендант сдал город 16 августа «на договор». Гарнизон и жителей отпускали, по их желанию, в Ревель (Таллинн) или Выборг, которые в свою очередь были взяты русскими в 1710 г.[21] Гарнизон сдавшегося 29 сентября 1710 г. Ревеля был отпущен[22].

Выборг был взят ранее Ревеля — 13 июня того же года. Как отмечено выше, в Выборгском гарнизоне помимо собственно выборгского оказались гарнизоны завоеванныхингерманландских городов Ниеншанца, Нотебурга и часть ивангородского. Согласно «Запискам» датского посланника при русском дворе Ю. Юля, который прибыл в Выборг 27 июня 1710 г., коменданту этой крепости М. Стиернстрале и гарнизону (2400 человек) «был предоставлен свободный выход из города». Позднее царь приказал адмиралу Ф. М. Апраксину и назначенному выборгским комендантом бригадиру Г. П. Чернышеву передать М. Стиернстрале, «что его величество не намерен исполнить этого условия, и удерживает в качестве военнопленных его самого и гарнизон» до тех пор, пока не будут освобождены захваченные под Нарвой и отправленные в Стокгольм русские генералы, а также шнява «Сокол», «взятая в 1709 г. шведским флотом как приз вопреки военным правилам, несмотря на поднятый ею белый флаг»[23].

Юст Юль, выехавший из Выборга в Петербург 3 июля 1710 г., «тот час по выезде из города нагнал 400 шведских солдат, поступивших на царскую службу и уходящих в Петербург»[24]. Итак, из 2400 человек захваченного в плен выборгского шведского гарнизона 400 (т. е. 16,6%) сразу же перешли на русскую службу. Датский посланник проследил также и судьбу пленных, не перешедших на русскую службу: 23 июля он увидел в Петербурге пришедших из Выборга пленных, из числа которых офицеров отвели в Новгород, а солдаты были отправлены в качестве рабочей силы на остров Котлин[25].

Автор описания Петербурга 1710—1711 гг. говорит о том, что пленный шведский выборгский гарнизон в эти годы принимал участие в сооружении каменных бастионов Петербургской крепости[26].

Кроме того, существует свидетельство непосредственного очевидца этих событий Л. Ю. Эренмальма (до 1719 г. — Мальма) — финляндского шведа, попавшего в русский плен при сдаче Выборгской крепости. Л. Ю. Эренмальм осенью 1710 г. был отправлен в Петербург, где пробыл до начала 1711 г., когда его отвезли в Москву. В 1712 г., по его словам, он выкупился из плена и в июне 1712 г. вновь прибыл на берега Невы, где пробыл два года и в 1714 г. вернулся в Стокгольм[27]. Перу Л. Ю. Эренмальма принадлежит «Описание Петербурга», составленное в 1712—1714 гг., в котором он отмечает, что в 1711—1712 гг. на возведении каменной крепости на Заячьем остраве работали «плененные в Выборге солдаты», а также «другие шведские пленные»[28].

Таким образом, уже в июне-июле 1703 г. православные крестьяне только что отвоеванных Копорского и Ямбургского уездов принимали участие в возведении деревоземляной Петербургской крепости. При этом следует отметить, что основная часть Ингерманландии относилась враждебно к пришедшим на их земли русским. Что же касается участия в создании шведских гарнизонов городов-крепостей Ингерманландии и Карелии, то можно предположить, что какая-то часть гарнизонов Нотебурга, Ниеншанца и Ивангорода могла остаться в Выборге, а по взятии его попасть вместе с выборгским гарнизоном в качестве пленных на берега Невы. Судьба же копорских и ямбургских гарнизонов сложилась по иному: те, кто выжили при взятии Нарвы, были отправлены в центральную Россию.

---

[1] *Сербина К. Н.* Историко-географический очерк района Петербурга до основания города // Очерки истории Ленинграда. Т. I. М.-Л., 1955. С. 17.

[2] Гистория Свейской войны. Первая редакция. 1702 г. // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 98.

[3] *Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц: 700 лет поселению на Неве. СПб., 2001. С. 33.

[4] В 1240 г. немецкие рыцари-крестоносцы захватили Копорский погост и построили здесь крепость, которая была разрушена в 1241 г. Александром Невским. В 1280 г. сын Александра Невского князь Дмитрий построил здесь каменный город, но в 1282 г. новгородцы изгнали его из Копорья и разрушили крепость. В 1297 г. новгородцы восстановили крепость, которая была перестроена в конце XV — начале XVI вв.

[5] Походный журнал. 1710 г. СПб., 1854. С. 13, 21; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ). Т. IV. № 2293. СПб., 1830. С. 551; Письма и бумаги императора Петра Великого (П и БПВ). М., 1956. Т. X. № 3978. С. 329; № 3979. С. 329; История Северной войны: 1700—1721 гг. М., 1987. С. 101.

[6] *Бобровский П. О.* Завоевание Ингрии Петром Великим: 1701—1703 гг. СПб., 1891. С. 16.

[7] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9 (Кабинет Петра Великого и его продолжение). Отд. II. Кн. 2. Л. 35.

[8] Ведомости времени Петра Великого. Вып. 1: 1703—1707 гг. № 10. М., 1903. С. 31.

[9] Описание... столичного города С.-Петербурга... / Пер. с нем. Е. Э. Либталь, предисл., науч. ред. и коммент. С. П. Луппов // Белые ночи. Л., 1975. С. 232.

[10] ПСЗ. Т. V. № 2748.

[11] *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: 1709—1711 // Лавры Полтавы: Юст Юль, Оттон-Антон Плейер. М., 2001. С. 94.

[12] Там же. С. 95.

[13] Там же. С. 174.

[14] В конце XVII в. в Ингерманландии осталось около 20% православного населения. Исключение составляли деревни в устье Невы, где в 1696 г. было более 30% православных ижор. Основную часть населения жившего к началу XVIII в. в Ингерманландии составляли принадлежавшие к лютеранской вере финны и латыши (ПиБПВ. Т. II. Примеч. к № 497. С. 483—484; *Кепсу С.* Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петербурга / Пер. с финского К. Сульг. СПб., 2000. С. 104; См. об этом также: *Базарова Т. А.* Местное население и военные действия в Приневье начала XVIII в. // Приневье до Петербурга: Сборник научных статей. СПб., 2006. С. 71—72.

[15] Архив СПбИИ РАН. Колл. 238 (Н. П. Лихачева). Оп. 2. Картон 222. Ед. хр. 25. Л. 1.

[16] П и Б. Т. II. № 458. С. 88—89; № 471. С. 104; Гистория Свейской войны. Первая редакция. 1702 г. С. 100.

[17] Sveriges Riksarkiv. ДК 243. Defensions-kommissionens arkiv. Vol. 107. Bil. 1703 19/5; П и Б. Т. II. № 516. С. 155—157.

[18] Гистория Свейской войны. С. 106, 234.

[19] Там же. С. 115, 245.

[20] Там же. С. 246; Походный журнал. 1704 г. СПб., 1854. С. 114.

[21] Гистория Свейской войны. С. 115, 245; Походный журнал. 1710 г. СПб., 1854. С. 21.

[22] Гистория Свейской войны. С. 363.

[23] *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом. С. 187.

[24] Там же. С. 187.

[25] Там же. С. 192.

[26] Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окресностях... // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 50; *Беспятых Ю. Н.* Введение // Там же. С. 4. Ю. Н. Беспятых предполагает, что автором этого сочинения мог быть нарвский пастор Симон Дитрих Геркенс (Там же. С. 9).

[27] *Беспятых Ю. Н.* Введение // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 21.

[28] *Эренмальм Л. Ю.* Описание города Петербурга, вкупе с несколькими замечаниями // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I... С. 91—92.

П. А. Кротов

РЕКРУТСКИЙ НАБОР ФИННОВ В РУССКУЮ АРМИЮ В КОНЦЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1720)

Последние восемь лет Великой Северной войны 1700—1721 гг. Финляндия фактически находилась в составе Российского государства. Летом 1710 г. под контроль русской администрации перешел Выборг с прилегающей областью, в 1713—1714 гг. — остальные финляндские территории. В 1714 г. Петр I вообще желал оставить за Россией по предстоявшему мирному урегулированию «в заплату великих потерь» восточную половину Финляндии «даже до города Гелзинфорс» [1] (Гельсингфорс). С 1714 г. российский войсковой корпус прочно контролировал территорию Финляндии; надежды шведов вернуть ее военным путем перешли в разряд беспочвенных мечтаний. Русские власти теперь на своем каждодневном опыте смогли ознакомиться, что финские подданные Шведского королевства — это отнюдь не собственно шведы. У финнов, как видели и российские военнослужащие, и представители администрации, были не только свой язык и культура, но, главное, собственное отношение к россиянам. Все это привело к мысли о возможности использовать финнов для пополнения российской армии. Произошло это в условиях, когда Северная война хотя и клонилась к завершению, но было еще далеко не ясно, сколько лет она будет длиться. Складывалась ситуация, свидетельствовавшая, по существу, о наметившихся тенденциях и перспективах развития финско-шведско-русских взаимоотношений: финны готовы были служить в вооруженных силах своего восточного соседа и даже воевать со шведами!

Весною 1720 г. Петр I велел провести набор 2000 рекрутов из финнов, уроженцев Финляндии. За каждого взятого рекрутом финна засчитывалось 50 рублей в счет собиравшейся контрибуции. Установлено было призывать по одному новобранцу с манталя. Следовало брать только молодых финнов в возрасте от 18 до 25 лет [2].

Петербургский выпуск газеты «Ведомости» от 25 июня 1720 г. сообщил своим читателям: «Сего ж 21 (июня. — *П. К.*) двадцать три галеры из команды генерала князя Голицына из корпусу из Финляндии с финскими рекруты прибыли сюда в Санкт-Питербурх» [3]. Следующий выпуск газеты конкретизировал и уточнил напечатанные ранее сведения: «Сего июня в 22 день привезено в Санкт-Питербурх на галерах из Финляндии финских жителей 1850 человек, которые волею своею приняли службу и присягали, и по смотру в Военной коллегии явились все годные, и определены будут в пристойную им службу вскоре» [4]. В июле 1720 г. в Санкт-Петербург были отправлены 210 финских рекрутов, в августе того же года — еще 216 человек. Общее число призванных на российскую воинскую службу финнов составило 2342 чел. [5]

Финские рекруты влились в личный состав российской армии. Газета «Ведомости», правительственный официоз, в выпуске от 6 июля 1720 г. привела общие цифры и оценку прибывших в город на Неве рекрутов: «...многими засвидетелствовано, что таких добрых рекрут еще никогда или зело мало бывало, каких ныне в разные числа в Санкт-Питербурх приведено, и по разным командам: в драгуны, салдаты, и матрозы, и в артиллерию — отдано 9322 человека» [6]. Среди столь высоко оцененных в газете новобранцев были, понятно, и прибывшие морем в июне того года финские рекруты.

Тот же выпуск газеты описывал и произошедшие изменения в положении рекрутов, поступавших на обучение в вооруженные силы России. Сообщалось следующее: «... привод рекрутам перед прежним не в пример стал быть лутче. И какое напредь сего чинилось воровство от приводцов и рекрутам изневаги (принуждение, насилие. — *П. К.*) в губерниях и в дороге, от чего многие бегали и помирали; ныне... все то пресеклось и рекрут так исправно приводят, что редкой побежит или умрет...» [7] На путь следования до Санкт-Петербурга рекрутам из

Финляндии действительно было выделено в достатке продовольствия — месячная норма солдат пехотных полков русской армии[8].

Проследить далее судьбу взятых в вооруженные силы России рекрутов-финляндцев не удалось. Очевидно, их служба ничем существенно не отличалась от той, что несли многие тысячи других российских солдат. Для изучения истории российско-финляндских отношений важен именно сам показательный пример успешного призыва на русскую службу рекрутов из Финляндии в конце Великой Северной войны 1700—1721 гг.

---

[1] *Стерликова А. А.* Петербург — Стокгольм: Поиск мира (1716 — начало 1718 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы пятой ежегодной научной конференции (23—25 апреля 2003 г.). СПб., 2004. С. 86.

[2] *Дуров И. Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. СПб., 2002. С. 92.

[3] Ведомости. СПб., 1720, июня 25. С. 2.

[4] Там же. С. 1.

[5] *Дуров И. Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. С. 92.

[6] Ведомости. СПб., 1720, июля 6. С. 5.

[7] Там же.

[8] *Дуров И. Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. С. 92.

Т. А. Шрадер

БЕЖЕНЦЫ ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Военные действия на любой территории, большой страны или малой, в первую очередь ложатся тяжелым бременем на местное население. Не являются исключением и русско-шведские войны XVIII в. — Северная война 1700—1721 гг., война 1741—1743 гг. и война 1788—1791 гг. Военные действия двух последних из них велись в приграничных районах России и Финляндии. Последствием войн явились изменения границ между государствами. По Ништадскому мирному договору в 1721 г. Швеция уступила России Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, юго-восточную часть Карелии с крепостями Кексгольм и Выборг. А по Абоскому мирному договору в 1743 г. к России отошла часть южной Финляндии с городом Вильманстранд (Лаппеенранта).

На упомянутой карельской территории в 1744 г. была образована административная единица — Выборгская губерния, получившая название «Старая Финляндия», где преобладало финское население. Город же Выборг был полиэтничным — в нем русские составляли 30%, финны — 44%, шведы — 14% и немцы — 12%. У населения Выборга, а также Карельского перешейка в целом были тесные связи с Россией и прежде всего с Петербургом. Они не прерывались на протяжении всего XIX в. [1]

В ходе русско-шведской войны 1808—1809 гг. бывшая провинция Швеции Финляндия отошла к России. Нередко ее стали назвать «Новой Финляндией» [2].

11 декабря 1811 г. Александр I издал манифест, по которому Выборгская губерния, относившаяся к «Старой Финляндии», вошла в состав Великого княжества Финляндского. После этого на территории «Старой Финляндии», так же как и в «Новой Финляндии», стали действовать единые законы и постановления[3].

В данном случае, видимо, не стоит проводить анализ шведско-русских военных действий и рассматривать межгосударственные политические контакты. На базе ряда публикаций и архивных материалов предпринимается попытка раскрыть условия, в которых оказалось в XVIII в. население приграничных районов присоединенных к России территорий.

Российские власти не оставляли без внимания присоединенные земли. Уже в 1722 г. была проведена сенаторская ревизия «Старой Финляндии», а затем в 1742 г. и Кюмменгородской провинции. С 1765 г. несколько раз проводилась ревизия Выборгской и Кексгольмской провинций под руководством статского советника Кальмана. Именно в этот период было начато генеральное «ревизионное» межевание земель и пересмотр оброчных платежей. Перед войной 1809 г. были проведены еще две ревизии.

«Старая Финляндия» являлась аграрной, с преобладанием сельских населенных пунктов. В ней еще до Северной войны окультуренные земли подразделялись на три категории: податные (скаттовые), коронные и помещичьи (фрельзовые). Соответственно и крестьянское население было представлено собственниками земли на податных землях и съемщиками на коронных и помещичьих землях без права на землю. Крестьяне «Старой Финляндии» не знали крепостничества, они были лично свободными, должны были за пользование землей платить оброк, и к тому же выполняли барщинные отработки в частных владениях[4].

После заключения Ништадтского мирного договора шведские коронные земли в России были переданы в фонд государственных (казенных) земель. В конце XIX в. большую часть «Старой Финляндии» занимали казенные земли, на которых проживало более половины населения из общего числа крестьян[5]. Крестьяне на государственных казенных землях были приравнены к сословию государственных крестьян России

и пользовались землей за оплату оброка государству. Во второй половине XVIII в. в «Старой Финляндии» часть казенных земель была пожалована частным лицам в количестве 63 имений, из которых 20 являлись особо крупными, и на этих землях проживало значительное количество крестьян. Земельные владения были сосредоточены в руках петербургских властей и царских фаворитов. В частности, большие имения были пожалованы представителям графских семей Воронцовых, Орловых, Чернышевых, баронам Фредриксенам[6]. Но еще при Петре I и Елизавете Петровне царские фавориты получали поместья, но особого развития они не получили. Так, например, Елизавета Петровна даровала в 1760 г. усадьбу в Лохикоске (Lohikoske) генерал-фельдмаршалу князю А. Б. Бутурлину[7]. На дворянских пожалованных землях в Выборгской и Кексгольмской провинций проживало 24 112 крестьян (25,5% от общего числа представителей этого сословия)[8]. Кроме того, в «Старой Финляндии» с 1740 г. происходила раздача земли в аренду военным, чиновникам, вдовам государственных служащих, различного рода специалистам «за усердие», «в уважение их бедности» и пр. В обязанности арендатора входил сбор податей с крестьян на арендованных землях. Причем доход арендатора составляла разница между суммой государственного оброка и суммой, которую взимали с них арендаторы, что способствовало обнищанию местных крестьян.

Помимо казенных земель в «Старой Финляндии» после Северной войны существовали удельные площади размером в 56 000 десятин, на которых проживало более 4000 крестьян. Удельные земли также раздавались в аренду. После проведения межевания земель владельцы земельных угодий стали увеличивать размеры оброка, что вызвало сопротивление крестьян.

Заметим, что в «Старой Финляндии» на землях, не отведенных «в пожалованиях» и числившихся в собственности российской казны, было распространено «захватное крестьянское землевладение» — росчисти, пожоги и осушение болот, которые не были зафиксированы в «Поземельных» или «Описных» книгах, и эти земли были свободны от всех податных повинностей[9]. Традиционное подсечное хозяйство было основ-

ным ресурсом жизни местных крестьян в отличие от шведской стороны [10].

Присоединение к России города Выборга и «Старой Финляндии» изменило жизнь населения этих земель, особенно крестьян. Ярким примером тому является небольшой приграничный участок между шведским королевством и Российской империей.

Согласно мирному договору от 8 августа 1743 г. к империи отошла провинция Саво (Savo) и население ее оказалось по обеим сторонам границы. Этот район в отношении пограничной линии определялся географическим положением крепости Улофсборг (Olavinlinna). Русские власти настояли, чтобы граница проходила в 20 верстах от крепости. В эту территорию были включены не только близлежащий город Нюшлотт-Савонлинна (Nyslott-Savonlinna), но и значительная часть приходов — Керимяки, Рантасалми, Сулкава и Пуумала (Kerimäki, Rantmasalmi, Sulkava, Puumala). Западная часть границы шла с севера на юг, от озера Сипилянсаари (Sipilänsaari) на юге и до озера Хаукивеси (Haukivesi). В районе Сулкава граница составляла более 25 верст и в основном проходила по водному разделу [11].

Большая часть Сулкава и около $^4/_5$ населения остались на шведской стороне, где находился центр и церковь. Восточная ее часть вошла в состав Выборгской провинции — уезд Яски (Jääski). Пограничная линия создавала трудности для крестьян обеих сторон, так как часть их угодий была разделена границей. Поначалу был создан план обмена землями. В 1778 г. губернатор шведской стороны представил план такого обмена шведскому королю, но в 1781 г. получил отказ, так как Густав III предполагал вернуть эти земли [12]. Граница делила и частные владения бывшей как шведской администрации, так и земли прихода. К примеру, населенный пункт Коммерниеми (Kommerniemi) после мирного договора назывался Шведский или Русский Коммерниеми, и до настоящего времени называется Коммерниеми Сулкава и Коммерниеми Сяяминки (Sääminki). Вопрос о разделе и возврате земли был снова поднят в 1799 г., но был отложен до более точного определения линии границы [13].

С установлением новой границы торговые связи в «Старой Финляндии» усложнились и связь с внешним миром стала иной. Для жителей шведской стороны ближайшим местом торга стал город Ловииса (Loviisa), расположенный на довольно большом расстоянии от Сулкава. С русской же стороны традиционные связи с Карелией расширились и достигали Выборга. Кроме того, 4 канала по водному пути Лаппеенранта-Саволинна (Lappeeranta-Savolinna), построенные в 1790-х гг. под руководством А. В. Суворова, отвечавшего за организацию обороны на шведской границы, стали одним из важных путей торговых контактов [14]. Хотя граница и охранялась, часто ее пересечение носило нелегальный характер. Легальные паспорта выдавались представителям русского купечества и их помощникам, которые официально закупали на шведской стороне зерно, масло и другие сельскохозяйственные продукты. Попадая на шведскую сторону, купцы осуществляли нелегальный торг табаком и другими товарами, провозимыми нелегально. Для представителей русской стороны такие контакты были выгодны, так как табак, пользовавшийся популярностью на шведской стороне, закупался в Выборге или Санкт-Петербурге. Другим видом нелегальной торговли была водка, особенно в те годы, когда на шведской стороне было запрещено гнать спирт и вся соответствующая аппаратура была опечатана. Представитель местной шведской администрации Мейнандер писал в 1756 г. губернатору Норденстаму: «Прихожане, жившие на русской стороне, имели привычку привозить спирт на лодках к церкви и продавали его до начала службы секретно, а открыто в гавани для лодок уже за пределами церкви» [15].

Известны случаи и нелегальной торговли со шведской стороны. Официально представители шведского купечества могли торговать на русской территории лесоматериалами, но они на вырученные деньги покупали соль, табак и нелегально, по более высоким ценам, продавали на шведской стороне. Так, торговец лесоматериалами Б. Ю. Мейнандер обвинялся в подобного рода торговле с гражданами города Ловииса [16].

Центр прихода Сулкава сохранился на шведской стороне. Русская администрация пыталась в 1760 г. создать свой центр в Сяяминки (Sääminki), но безрезультатно, так как жители отказались посещать там церковь ввиду ее отдаленности. Пасто-

ры Сулкава крестили, венчали и отпевали прихожан обеих сторон. В церкви осуществлялась регистрация жителей прихода. Были случаи, когда представитель русской стороны входил в состав церковного совета. Но с российской стороны прихожане не могли участвовать в выборе пастора. В 1798 г. на собрании прихода рассматривался вопрос о крестьянах русской империи, как так они не считались членами прихода. Но контакты продолжались ввиду плохой охраны границы и толерантности властей с обеих сторон [17].

Но жители прекрасно понимали, что они проживают рядом с разграничительным рубежом двух противоположных военных сил. Базой российских войск была крепость Улафсборг. Шведы, потеряв эту крепость, должны были реорганизовать защиту. Все чувствовали опасность новой войны, и пограничники около Сулкавы были в боевой готовности, и на обеих сторонах начали строить фортификации. Сулкава становилась «солдатской», так как с обеих сторон власти рекрутировали солдат в свои войска. По обеим сторонам пролива Вакарансалми (Vakaransalmi) располагались укрепления. До настоящего времени на русской стороне сохранились развалины стен метровой толщины. Со шведской стороны у границы стояло войсковое подразделение численностью до 100 солдат. Учениями руководил полковник Георг Магнус Спренгпортен, который внес большой вклад в обучение офицерского состава шведов. Но впоследствии, до начала войны 1789—1790 гг., он перешел на службу в Россию, где в 1786 г. получил чин генерал-майора и участвовал в войне на стороне Российской империи [18].

При приближении опасности на границе было сосредоточено до 800 человек. В приграничных районах возникали большие трудности — эпидемия чумы, нехватка хлеба и соли и последующие военные действия создавали огромные трудности для мирного населения

Нелегальный переход границы происходил практически в течение всего периода с 1743 до 1809 г. По финским источникам, в течение 50 лет (1761—1810 гг.) около 6 человек перешли границу из Сулкава и остались жить в Санкт-Петербурге. Жители шведской стороны были заинтересованы попасть не только в Выборг, но и в Санкт-Петербург, а также в Ингерманландию. В ту и другую сторону границу пересекали криминальные элементы, а также те, кто бежал из армии или уклонялся от рекрутчины. При удобном случае государственные служащие, особенно офицеры, переходили на русскую службу [19].

Как же реагировала российская сторона на желание граждан со шведской территории поселиться в России? Об этом говорят документы, хранящиеся в Российском Государственном архиве. Так, в адрес Правительствующего Сената на имя генерал-прокурора князя А. Б. Куракина в июне 1797 г. поступили донесения от Архангельского и Выборгского губернаторов о пришедших из Швеции на поселение людях с просьбой дать указания, как с ними поступить. В донесении из Архангельска сообщалось, что в 1797 г. через пограничную заставу перешло 6 шведских подданных без паспортов. Губернатор хотел разрешить выслать их обратно за границу или принять на основании узаконения о вольных людях [20].

В донесении из Выборга сообщалось, что шведские подданные, перешедшие границу, отказывались переселиться в другие районы. Ссылаясь на указы от 7 августа 1794 г. и 27 марта 1795 г., по которым требовалось «отвращать от поселения в Выборгской губернии и уговаривать поселиться во внутренних губерниях России», губернатор указал, что на уговоры шведы не реагировали, не соглашалить из-за незнания других языков кроме шведского и финского. Губернатор просил «наставления» [21].

В делах А. Б. Куракина 1796 г. имеются донесения из Выборга, в которых указано, что 4 апреля три выходца из Швеции пожелали принять подданство и остаться в Выборгской губернии и отказались поселиться в Санкт-Петербургской губернии. Кроме того, 13 марта сообщалось, что шведский выходец из числа бывших военнопленных был согласен переехать в Новгород и записаться там в мещанство [22]. За три месяца 1797 г. губернатор Ридингер регулярно доносил о том, что из Швеции перешло 27 человек, из которых 15 пожелали переехать в Санкт-Петербургскую губернию, а все другие навсегда остаться в Выборгской [23].

Из этих донесений можно заключить, что желающих переселиться в Россию из шведской Финляндии не уменьшалось. Об этом свидетельствовал и указ Екатерины II от 26 июня

1794 г., в котором говорилось, что с некоторых пор число выходцев из Шведской границы умножается, они просят записать их в подданство и разрешить поселиться в Выборгской губернии. В этой связи Правительствующий Сенат распорядился выходцев из Швеции «отвращать от поселения в Выборгской губернии и уговаривать их поселяться в Курской, Воронежской, Тамбовской и прочих внутренних губерниях». А какие на то отзывы их будут иметься, донести Сенату [24]. В другом документе от 27 марта 1795 г. Сенатом предлагалось сообщать в дальнейшем сведения о том, сколько человек поселилось в Выборгской губернии, каковы их звания, род жизни, в какие местности поступить желают и «тотчас доносить Сенату» [25].

В целом полученные сведения явствовали, что в Выборгской губернии переселенцев из шведской Финляндии за период с 1748 по 1788 г. поселилось 278 человек, а с 1788 г. до времени запроса сведений прибывших было 274 человека. Из них духовного звания — 67, находившихся на военной и гражданской службе, а также в отставке — 61, арендаторов — 22, купцов — 9, мещан — 3, цеховых — 6, крестьян, желавших поселиться по уездам — 180 и мастеровых — 174. Всего 522 человека. Подданство приняло 297 человек, а отказались взять — 225 [26].

В докладе князя Куракина на имя Императора Павла I от 1797 г. «О выходцах из Швеции в Финляндскую и Архангельскую губернии» обращается внимание императора на указ Екатерины II от 26 июня 1794 г. по поводу выходцев из шведской Финляндии, и князь просил разрешить переселять выходцев для поселения во внутренние губернии, а тех, которые «не живут порядочными домами и шатаются праздно» отсылать обратно за границу. При этом Куракин высказывал мнение о том, что и русские беглецы тогда тоже будут выданы, а многие «удержатся в России, боясь выдачи из-за границы». В конце доклада Куракин передал на рассмотрение императора донесения от 1797 г. архангельского и выборгского губернаторов, о которых шла речь выше. На документе имелась пометка, что государь император подтвердил указ от 1794 г. о выселении переселенцев во внутренние губернии — в Новгородскую, Тверскую и другие. Сразу же на имя губернаторов Архангельска и Выборга были направлены распоряжения о выселении упомянутых выходцев внутрь России [27].

Рассматривая вопрос о переселенцах из шведской Финляндии в Россию нельзя не упомянуть несколько необычный случай. Среди документов Правительствующего Сената в канцелярии генерал-прокурора имеется «Переписка о переселении из Выборгской губернии в Новороссийскую шведских цыган, с приложением копии повеления верховной власти об особом попечении и водворении их на одинаковом положении с другими переселенцами, составленное в 1797 г.». Суть дела состояла в том, что на имя князя Куракина пришло донесение из Екатеринославля от 27 августа 1797 г. о шведских цыганах, проживавших ранее в городе Нейшлот и присланных из Московского в Екатеринославское наместничество. Поселили их сначала по их желанию в то место, где проживали одни колонисты, а потом по их прошению в город, населенный малороссами. В июне 1797 г. цыгане посетили наместника и сообщили о своем бедственном положении, о переселении по причине бывшей шведской войны, о том, что они не знали местного языка, не было у них способности к местным работам, жили они подаяниями и пр. Местные власти ничего не знали о них, об их поселении и поэтому обращались к Куракину с просьбой рассмотреть этот вопрос [28].

Между ведомствами началась переписка. А. Б. Куракин дал распоряжение Выборгскому губернатору, откуда были высланы цыгане, разобраться с этим. И уже 6 октября того же года получил от него рапорт, в котором докладывалось следующее. В 1790 г. из Выборга в бывшее Екатеринославкое наместничество была направлена на поселение группа цыган [29], которые ранее числились «в подушном окладе» в разных уездах Выборгской губернии. В 1789 г., «шатаясь по обыкновению их из одного места в другое», они перешли через границу в шведскую Карелию, возвратясь откуда в том же году в Выборгскую губернию, были приняты за шпионов и отправлены главнокомандующим финляндской армией генералом В. П. Мусиным-Пушкиным в губернское правление на его рассмотрение. Это был военный период и переход границы, а также возвращение обратно вызвало подозрение, да и верности от них не ожидали. По распоряжению командующего 27 июля 1789 г. и после-

довавшему затем сообщению губернатора предписывалось отправить их в Екатеринославскую губернию, что и было сделано. Их отправили на юг. 14 ноября 1797 г. губернатор Новороссийской губернии отдал распоряжение принять их на особенное попечительство и «водворить их на одинаковое положение с их собратьями в Новороссийской губернии» [30]. Шведские цыгане так и не вернулись на север, в Финляндию.

Итак, присоединение южной части Финляндии к России нарушило традиционный уклад жизни как местного крестьянства, так и крупных латифундистов. Бывшие королевские земли были отданы представителям петербургской власти и царским фаворитам. Меньшие владения принадлежали представителям старофинляндской губернской администрации, которые отличились в русско-шведской войне 1788—1790 гг. на стороне России, высшему офицерству (выборгский губернатор Н. Энгельгардт, предводитель выборгского дворянства коллежский советник В. Балянкий, генерал-майор Сухтелен и другие). Крестьяне, владевшие землей, превратились большей частью в арендаторов.

Близость и доступность посещения таких крупных городов как Выборг и Санкт-Петербург, и имевшиеся, вероятно, отдельные трудности жизни на шведской стороне стимулировали рост миграции в Россию. Включение Финляндии в состав Российской империи способствовало процессу буржуазных преобразований в аграрных отношений в «Старой Финляндии», но этот процесс затянулся до 1880-х гг., хотя еще в 1811 г. был издан документ «О главных правилах, на основе которых должно быть осуществлено преобразование Старой Финляндии, по которому аграрные и другие положение должны были сравняться с Новой Финляндией». В 1860—1880 гг. в «Старой Финляндии» была проведена аграрная реформа, в соответствии с которой осуществилось ожидание местного крестьянства относительно начала ликвидации помещичьего землевладения.

[1] *Выскочков Л. В.* К этнической и политической истории Карельского перешейка // Страницы Выборгской истории. Краеведческие записки. Выборг, 2000. С. 95.

[2] Энциклопедический словарь. Россия. СПб., 1898. С. 211.

[3] *Новосёлова З.А.* Русские учебные заведения Выборга XIX — начала XX вв. // Страницы Выборгской истории. С. 263.

[4] *Бобович И. М.* Состояние сельского хозяйства «Старой Финляндии» в конце XVIII — начале XIX вв. (По материалам ленинградских архивов) // Скандинавский сборник. XXШШ. Таллинн, 1977. С. 33.

[5] Там же. С. 32.

[6] Там же. С. 38.

[7] *Seppänen P.* The Border of 1743 at Sulkava // Россия и Финляндия в XVIII—XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 13—14.

[8] *Бобович И. М.* Указ. соч. С. 32.

[9] Там же. С. 34.

[10] *Seppänen P.* Op. cit. P. 18.

[11] Ibid. P. 10.

[12] Ibid. P. 12.

[13] Ibid. P. 13.

[14] Ibid. P. 15.

[15] Ibid. P. 19.

[16] Ibid. P. 16.

[17] Ibid. P. 19.

[18] Ibid. P. 1.

[19] Ibid. P. 17.

[20] Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1374. Оп. 1. Д. 130. Л. 1—1 об.

[21] Там же. Л. 2—2 об.

[22] Там же. Л. 5 об., 6, 6 об.

[23] Там же. Л. 6.

[24] Там же. Л. 9, 10.

[25] Там же. Л. 10 об.

[26] Там же. Л. 4 об.

[27] Там же. Л. 13—14.

[28] Там же. Д. 164. Л. 1, 2.

[29] Имена цыган, перешедших шведско-русскую границу и высланных в Новороссийскую губернию — Ларс Лумберг с женой, Агнета Стремфелт с сыновьями Андерсом и Матсом и с невесткою Христиною Болстроём и ее дочерью Агнетою, Фридрих Корп с женой Ульрикой, Болстрём с сыном Элиасом, Арон Стремфельдт с дочерью Марией, Фридрих Глазберг, Фридрих Рейнгом и вдова Бадсеба Корп.

[30] РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 164. Л. 6.

А. Е. Фишер

ПОЛИТИКА НАПОЛЕОНА И РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1808—1809 гг.

За два века, прошедших после русско-шведской войны 1808—1809 гг., в сознании многих утвердилось мнение, что война эта была спровоцирована Россией, которая своей главной целью имела присоединить к себе Финляндию и наконец получить выход к Балтийскому морю, о чем мечтал еще Петр I. Возможно, это было вызвано тем, что хотя во всех исследованиях об этой войне так или иначе упоминается Наполеон, его роль непосредственно в ее начале практически не рассматривалась историками и исследователями. Поэтому необходимо рассмотреть причины войны России и Швеции в их международном контексте и попытаться выяснить истину.

Как известно, в 1801 г. российским императором стал Александр I[1]. Международные отношения после вступления его на престол продолжали развиваться в общем в том же направлении, что и при Екатерине II и Павле I. Перед Россией стояли такие политические задачи, как завоевание Константинополя, являвшееся главной целью, присоединение Польши, раздел Германии, завоевание Финляндии для защиты Санкт-Петербурга и присоединение Норвегии к Швеции (в качестве компенсации). Хотя балтийское направление для России к тому времени было уже более актуальным, так как в отношении торговли основным сырьем экспорта по Балтике был лес, но его все более вытесняла пшеница, следовательно, более важным становилось Черное море, и конфликты с Турцией по этому поводу разгорались постоянно, перерастая в войну.

В Европе же главными противниками были владычица морей Англия и набирающая мощь Франция. Конечно, другие державы не могли остаться в стороне. Скандинавия и Россия также оказались втянутыми в противоборство. Постепенно Франция пришла к мысли, что к Англии в конце концов придется применить меры экономической блокады, и позиции России стали волновать Бонапарта все больше и больше.

Россия же не хотела рвать отношений с Великобританией, так как та была ее главным торговым партнером[2]. Добиваясь мира с Англией, Российская империя стремилась учесть и интересы союзников, таких, как Дания и Швеция. Но позиция Швеции была двойственной: хоть она и примкнула к русско-английскому союзу, рассматривались и перспективы союза с Францией. Однако последняя не была заинтересована в Швеции.

Политика Швеции на протяжении веков была реваншистской, и шведский король вынашивал грандиозные планы по покорению Петербурга. При этом начать войну не решался и постоянно шел на провокации, чтобы Россия первой объявила войну. Под удар в первую очередь попадала Финляндия как пограничная с Россией провинция. Одной из самых серьезных провокаций Густава IV Адольфа был инцидент на пограничной реке Кюмень, когда интересы России были затронуты непосредственно. Разгорелась дипломатическая война. Скорее всего, дальнейшую судьбу Финляндии тогда же бы и решили, но Англия активно выступала за примирение России и Швеции, упрекая Швецию в том, что она забыла о своих союзных обязательствах перед лицом общего врага в лице Франции. С русской же стороны высказывались недовольства, что конфликт с Густавом-Адольфом так и не был завершен[3]. Затянувшийся конфликт свидетельствовал о том, что Финляндия не была главной целью России, все внимание которой было приковано к Турции.

Но после убийства герцога Энгиенского колебания Швеции во внешней политике прекратились. Швеция объявила себя «воюющей державой». 2 (14) января 1805 г. Густав заключил союз с Россией, занимающей довлеющее положение в северном регионе, чтобы воспрепятствовать Франции закрыть Зунд для английских судов.

Бонапарт проводил активную военную политику как на севере Европы, так и на юге. Оккупировав Италию, он получил возможность угрожать интересам России в Турции. Туда был послан наполеоновский представитель Себастьяни, перед которым были поставлены такие задачи, как разрушение планов России в отношении Турции и предотвращение ее распада путем создания тройственного союза с участием Франции, Турции и Персии.

Если бы Франция вызвала распад Турции, то стала бы хозяйкой проливов, а это было так опасно, что для предотвращения этих событий можно было решиться даже на войну. По мнению правительства России, Франция должна была вернуться в пределы своих прежних границ, и международные отношения установились бы в выгодном для России направлении. Учитывая возможность со стороны Франции новых аннексий и стремясь достичь единства действий континентальных европейских держав, Россия по договоренности с Англией решила создать единый наступательный союз государств Европы. Именно тогда, в 1805 г., был заключен союз Великобритании и Швеции, определивший их политику на долгие годы и приведший к войне с Россией в 1808 г. 30 октября 1805 г. Густав IV Адольф объявил войну Франции [4]. Все более развивалась антифранцузская политика и в России, гвардейское офицерство требовало войны с Наполеоном, и «партия войны» быстро утвердилась [5].

После войн 1805—1807 гг. могущество Франции только возросло. Было ясно, что бороться с Наполеоном надо дипломатически.

Швеция нашла положительную сторону в противоборстве Франции и России: планы Швеции состояли в том, чтобы дождаться поражения России в войне с Францией и напасть на нее со стороны Финляндского княжества. Практически все силы России тогда поглощала борьба против Франции, и Александр I стремился заводить как можно меньше новых внешних врагов. Д. Алопеусу (посол России в Швеции) поэтому было предписано всячески удерживать Густава-Адольфа от разрыва. Чтобы поддерживать мирные отношения, Россия шла на уступки [6]. Вот еще одно свидетельство того, что Финляндия и Балтийское море тогда не являлись главной целью России.

События на Востоке, при всех трудностях на Севере, имели для Российской империи первостепенное значение. В результате давления со стороны Франции и Турции и угрозы турецкой армии русским пришлось оставить Дунайские княжества. Все чаще Александра стали посещать мысли о сближении с Францией. Вопросы об отношениях с ней тревожили императора постоянно. Дружественные отношения сулили Российской империи авторитет и могущество во внешней политике, и еще в 1802 г. распространялась идея союза с французами. Наполеон также был заинтересован в заключении мира с Россией, так как Франция нуждалась в передышке. В конечном счете ко времени подписания Тильзитского мира 1807 г. в нем были заинтересованы обе стороны [7]. 25 июня (7 июля) 1807 г. в Тильзите был заключен договор о мире и союзе России и Франции. По нему Россия должна была признать все территориальные и политические изменения, которые были произведены Францией в Европе. Признавалась гегемония Наполеона на Западе. Россия становилась союзником Франции против Англии, а Наполеон дал Александру I Павловичу обещание содействовать удовлетворению притязаний России на Ближнем Востоке (в Молдавии и Валахии) — за счет Турции, и в Швеции — присоединение шведской Финляндии к России [8]. Таким образом, именно тогда стала решаться судьба Финляндии [9]. После Тильзитского мира глобальных изменений в целях внешней политики России не произошло. Основная цель — обуздание наполеоновской агрессии — так и осталась в силе [10]. Хотя некоторые историки утверждают совершенно противоположное, например, К. К. Злобин. Он пишет, что «со времени Тильзитского свидания политика императора Александра приняла направление, совершенно противоположное тому, которому он следовал до тех пор с самого вступления своего на престол» [11].

Так действительно ли Наполеон первым предложил Александру Финляндию и действительно ли Бонапарт искренне желал усилить могущество России, вознаградив ее, и, наконец, только ли после Тильзитского мира Россия задумалась о присоединении Финляндии или же это случилось ранее? Историк Финляндии М. М. Бородкин, например, говорит, что вряд ли Наполеон хотел отдать России Финляндию без какого-то хитрого расчета. Он считает, что Бонапартом руководили два со-

ображения: во-первых, надо было наказать Густава IV Адольфа за отказ примкнуть к континентальной блокаде Англии, и, во-вторых, надо было предоставить России такое вознаграждение, которое бы удовлетворило ее и которое смогло бы послужить началу и ведению боевых действий. Наполеон рассчитывал, что Финляндия станет «рассадником смут» на границе с Российской империей, и тогда Швеция и Россия станут непримиримыми врагами. Но нельзя также допускать, что Александр Павлович не думал о присоединении Финляндии ранее, еще до предложения Бонапарта. Вопрос о Финляндии занимал важное место в политике России уже в 1802 г., а война со Швецией не была тогда начата лишь случайно. По утверждению того же М. М. Бородкина, некоторые писатели считают, что Александр принял от Франции предложение о Финляндии потому, что она должна была стать компенсацией за Испанскую корону, которая была обещана дому Бонапартов. Это был очень благоприятный момент, так как в другое время европейские державы, для сохранения равновесия в Европе, могли бы возразить против приобретения Россией Финляндии, а теперь же все совершалось с согласия Наполеона, и никто не мог воспрепятствовать завоеванию земель на русской границе. И поэтому русский император решил воспользоваться сложившимся положением. В Петербурге просто не могли не думать о Финляндии. Все столкновения со Швецией сопровождались риском для столицы. Получается, таким образом, что географическое положение Санкт-Петербурга было одной из важнейших причин желания России присоединить к себе Финляндию. Да и король Швеции усугублял положение. Главной причиной войны 1808—1809 гг. стало то, что после Тильзитских переговоров Швеция заключила союз с Англией вместо того, чтобы присоединиться к континентальной блокаде[12]. Многие историки, например В. В. Рогинский, утверждают, что Александр I начал военные действия против Швеции отнюдь не столько в целях захвата Финляндии, сколько для того, чтобы заставить Густава IV Адольфа порвать с Англией и примкнуть к континентальной блокаде. Но цель войны быстро изменилась после того, как русским войскам в течение весны 1808 г. легко удалось оккупировать территорию почти всей Финляндии[13]. Причем на присоединение Финляндии в России смотрели совсем

не так, как на обычный захват. Этой стране предстояло примкнуть к России на совершенно иных началах, чем те, которые применялись к территориям, ранее отвоеванным у Швеции[14]. Историк К. К. Злобин также отмечает, что неприязнь России к Швеции была обусловлена отнюдь не личными чувствами, а положением дел и дружескими отношениями между Швецией и Англией, ведь после Тильзита союзники Англии автоматически становились противниками России. Да и в самой Швеции негодовали на Великобританию, но Густав-Адольф не обращал на это внимания[15]. А еще до войны 1808 г. одним из главных направлений внешней политики России стало намерение мирным путем убедить Швецию отказаться от союза с Англией и примкнуть к континентальной блокаде[16].

Тем временем русская дипломатия терпела неудачи на Востоке: 13 августа в Слободзцах были начаты переговоры с Турцией. Наполеон хотел настроить турок против России, сохранив их расположение к Франции. И французы встали на путь измены Александру, занявшись тайным подстрекательством: интересы Турции отстаивались Францией в ущерб интересам России. Турция склонилась к войне с Великобританией. 25 августа 1807 г. русским навязали Слободзейское перемирие, совершенно невыгодное для России[17]. Правда, Наполеон все больше ощущал свою зависимость от России и не возражал против нахождения русских войск на Дунае. Он просил Александра присоединиться к блокаде Англии и повлиять на Швецию. Оба придерживались тактики выжидания. Однако после нападения Британии на Данию Россия начала приготовления к войне против Швеции[18]. Таким образом, Россия все больше склоняется к разрыву союза с Англией, а следовательно, и со Швецией. При этом о захвате Финляндии в Петербурге тогда не могло идти и речи, так как это вызвало бы окончательный разрыв со Швецией и укреплению ее союза с Британией. У России же стояла противоположная задача — разрушить этот союз, нажив при этом себе как можно меньше врагов. А те войска, которые были бы брошены на войну со Швецией, больше были нужны на юге, в Турции. Франции настойчиво намекали на то, что Россия жертвует очень многим, исполняя свои тильзитские обязательства, и она заслуживает турецкие земли в качестве компенсации. Указывалось и на то, что союз с Англией

был бы для России даже более выгодным, чем союз с Францией, так как Великобритания не требовала от России участия в войне с Бонапартом, и при этом не возражала против аннексии Российской империей Дунайских княжеств и гарантировала восстановление русского господства на Ионических островах и изгнание оттуда Франции. Правда, вопрос о войне против Англии был уже решен: 2 ноября война Англии была объявлена [19]. Перед Россией вставала новая проблема — война со Швецией [20]. Со стороны России война допускалась, но откладывалось ее объявление. Швеция была источником получения политических и территориальных выгод — быть может, Наполеон и отдаст России земли на юге. Конечно, присоединение Финляндии дало бы империи много преимуществ, основным из которых стало бы обладание Балтикой. Но в России с опаской относились к войне. Финляндия — слишком малое вознаграждение за тяжелейшую борьбу против Великобритании. Александр уже открыто высказывал требование присоединить к России, помимо Финляндии, еще Молдавию и Валахию. Но Бонапарт отвечал на эти требования, как всегда, уклончиво. Своими требованиями относительно Швеции Франция изо всех сил пыталась отвлечь правительство Петербурга от южных земель. Молдавию и Валахию Наполеон считал слишком щедрым вознаграждением для России. Хотя, по утверждению В. В. Похлебкина, «стратегическое значение Финляндии для России было настолько важным, что соображения военного порядка были основным, и, можно сказать, почти единственным фактором, который побудил царизм пойти на присоединение к империи территории, столь отличавшейся от России и природно-географическими, и социально-политическими, и национально-историческими условиями» [21]. Войну Швеции Россия в итоге все же объявила [22]. При этом русские хотели оградить финнов, и для этого Буксгевдену было приказано установить в армии самый строгий режим дисциплины. Русских в Финляндии принимали хорошо. Как отмечает историк Захаров, именно «растущая напряженность международного положения в районе Балтики, начиная с конца XVIII века, неистребимый реваншизм шведов, 3 войны на протяжении одного лишь XVIII века в непосредственной близости от столицы, а также наступление в начале XIX века благоприятной для

России внешнеполитической ситуации — все это, вместе взятое, совпадение всех условий — и исторических, и конъюнктурных — заставило Россию именно в 1809 г. отважиться на присоединение Финляндии к империи. При этом Россия стремилась достичь двух целей: во-первых, прочно гарантировать мир на северо-западной границе империи, выйдя к морскому побережью и обезопасив себя Ботническим заливом, как рвом, от любых попыток реванша со стороны Швеции в будущем, и, во-вторых, гарантировать безопасность своей Северной столицы, отодвинув государственную границу подальше от ее стен. Обе эти задачи носили сугубо оборонительный характер и, учитывая военно-технический уровень того времени, полностью решались присоединением Финляндии». Тогда, в 1800-е гг., начавшаяся фактически без предупреждения война рассматривалась как оккупация, рассчитанная на быстрый захват и временное присоединение Финляндии к России до наступления мира или до выполнения Швецией требований союзников. Присоединение Финляндии к России не было актом заведомой агрессии и не носило характера исторически случайного завоевания. Оно было логическим следствием всего предшествующего по меньшей мере столетнего исторического развития и было обусловлено как глубокими историческими причинами, так и мотивами военного и внешнеполитического порядка, возникшими непосредственно в конце XVIII — начале XIX веков [23]. Даже после присоединения к Финляндии относились совсем не так, как к территории, которую стремились присоединить. Об этом свидетельствует то, что занимала она совершенно особое положение, была практически автономией, тогда как Швеция осуществляла над ней строгий контроль, понимая ее важность как форпоста на границе с Россией. Продвижение русских войск в Финляндии шло стремительно. В Петербурге были настроены оптимистично. Считалось, что война сложностей не вызовет. Уже в феврале Александр сообщал Наполеону, что завоевать Финляндию будет легко, города сдаются без боя [24]. Важным было и то, что покорение Финляндии в Петербурге было тщательно обдумано, и предполагало не только военные действия, но и мирные средства, чтобы среди населения утвердилось положительное отношение к России [25]. Тем временем с ноября 1807 по февраль 1808 г. Толстой вел переговоры

с Францией по восточному вопросу, но успеха не было, так как ни Франция, ни Россия не шли на уступки [26].

Русские и зарубежные историки долго бились над вопросом, можно ли было избежать войны России и Швеции путем коренного изменения шведской политики после Тильзитского мира. Возможно, тогда еще Бонапарт был даже склонен к заключению дружественного соглашения со Швецией. Но Густав IV Адольф не предпринял в этом направлении шагов, а наоборот, вел себя вызывающе. В течение всего 1807 г. в связи с неудачами Швеции и растущими успехами Франции отношения все обострялись [27]. Кроме того, многие факты говорят о том, что сама Швеция не исключала возможности войны со своим соседом, хотя многие государственные деятели в Швеции были противниками войны с Россией.

На самом деле, хотел ли Наполеон падения Швеции? Нет. Поэтому он и не оказал на всем протяжении войны никакого серьезного содействия России. Это был со стороны Франции лишь отвлекающий маневр. Бонапарт обещает Александру земли на Севере, отвлекая его внимание от Турции, Молдавии и Валахии, и при этом привлекает к России и Швеции внимание Великобритании, тем самым отвлекая ее внимание от Испании и Средиземноморья. Франция всегда хотела добиться полного разгрома России, что позволило бы ей продиктовать свои условия. Но было ясно и то, что сил Франции для этого недостаточно. И на южных границах Российской империи Наполеон пытался сколотить антирусскую коалицию. Поняв, что Франция не намерена помогать России при вторжении в Швецию, Александр вообще поставил под сомнение необходимость такой операции. Все прекрасно понимали, что чем больше Россия увязает в Финляндии, тем труднее ей будет контролировать ситуацию в Турции [28]. Значит, даже при всей успешности боевых действий в Финляндии в Петербурге сомневались, нужна ли Финляндия вообще России, или стоит сосредоточить все силы на Турции. Русские дипломаты опасались также, что в отношении Финляндии может повториться история с Молдавией и Валахией [29], поэтому цели войны в итоге изменились: предполагалось завоевать Финляндию в кратчайшие сроки и присоединить к России, пока Бонапарт не приобрел еще большую власть [30].

Как и у России, положение у Франции не было блестящим. Позиции Австрии усиливались, Франция терпела все новые неудачи. Турецкий вопрос с Россией не был решен, и Бонапарт предлагал Александру встретиться для его обсуждения в Эрфурте. Александр ответил согласием [31]. При этом складывающаяся в Европе ситуация сулила России, при сохранении верности Тильзитскому соглашению, получить от Франции желанные территории на Востоке и Финляндию. Как и в Тильзите, позиции императоров по ряду важных вопросов на конгрессе расходились. Но, в отличие от Тильзита, решались проблемы в пользу России [32]. Особое внимание на переговорах уделялось вопросам о Финляндии и Дунайских провинциях. В итоге в союзной конвенции появилась 5 статья, в которой говорилось, что «высокие договаривающиеся стороны обязуются считать непременным условием мира с Англией признание ею Финляндии, Валахии и Молдавии как входящих в состав Российской империи» [33]. Кроме того, встреча в Эрфурте ясно показала, что интересы России и Франции все больше расходятся, и столкновение между ними неизбежно. Александр I говорил, что Европа мала для него и Бонапарта, и кому-то придется посторониться, и, хоть Наполеон и считает его (Александра) глупцом, победа будет у России [34]. Ситуация в России настолько накалилась, что это вызывало беспокойство даже во Франции [35]. Союз двух императоров не имел под собой экономической основы и поэтому был обречен.

Тем временем военные действия в Финляндии подходили к концу. Шведская армия без боя отступала. Боевые действия велись уже на территории Швеции. Жителей Финляндии продолжали приводить к присяге, но шли и на многие уступки, приобретая тем самым их расположение.

Швеции нужны были новые союзники, и теперь ставка была сделана на Францию. Но Франция встретила эти попытки презрительно, ссылаясь на трудное положение в Испании и Австрии, а также на союз с Россией, который не позволяет поддержать Швецию. Но не все было так просто: Наполеон, как опытный политик, конечно же, не мог не думать о Швеции как о возможном союзнике в войне против России. Поэтому Стокгольму была обещана помощь, правда, лишь в будущем.

Пока же Франции дороже был мир с Россией, для которой обладание Финляндией является необходимым[36].

Война же в Швеции тем временем подошла к концу. 5 сентября (ст. ст.) 1809 гг. состоялось подписание мирного договора между Россией и Швецией во Фридрихсгаме. Отношение России к войне было положительным. Хотя находились и те, кто был недоволен подписанием Фридрихсгамского мира: они боялись новой войны со Швецией и потери значительных территорий. Многие смотрели на присоединение Финляндии как на подачки Бонапарта. Были и те, кто упрекал Александра в том, что тот вел войну против своего родственника. Вообще, в России не поняли огромного значения войны 1808—1809 гг. и присоединения Финляндии, что позволило получить наконец выход к Балтийскому морю и защитить Петербург с севера.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что война со Швецией в 1808 г., по сути, началась по принуждению Франции, хотя, конечно, и в России о ней периодически задумывались. Почему же получилось так, что вершителем судеб Финляндии и Швеции стал Наполеон? В то время его могущество в Европе было бесспорно, и даже такая великая держава, как Россия, пришла к выводу, что союз с Францией будет самой оптимальной возможностью удовлетворить свои притязания на Востоке. А так как Наполеон имел влияние в Турции, то решение восточного вопроса затягивалось. Бонапарт считал, что гораздо проще отдать России Финляндию, чем Дунайские княжества. К тому, как уже упоминалось ранее, война со Швецией была следствием Тильзитского договора, ведь Шведское королевство так и не разорвало союза с Англией. И несмотря на все колебания Александра и тактику проволочек, России все же пришлось начать под давлением Франции войну со Швецией. Следовательно, Наполеон на время сумел изменить геополитические интересы России в выгодном для себя направлении. И хотя после Эрфуртского конгресса Россия получила Дунайские княжества, война уже шла, и Финляндия также была присоединена к России.

---

[1] *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 10—13.

[2] *Кяйвяряйнен И. И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965. С. 4—5, 46, 51—52; *Коваленко Г. М.* Кандидат на престол: из истории политических и культурных связей России и Швеции XI—XX веков. СПб., 1999. С. 149.

[3] *Бородкин М. М.* Указ. соч. С. 24; *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 23, 53, 55.

[4] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 57—61, 63, 72—74, 76.

[5] *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. статей. London, 1991. С. 11—15.

[6] *Бородкин М. М.* Указ. соч. С. 25—26.

[7] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 65—82.

[8] *Бородкин М. М.* Указ. соч. С. 31.

[9] *Виноградов В. Н.*, *Гусева Н. М.*, *Зверев А. М.* и др. Новая история стран Европы и Америки. М., 1997. С. 90; *Аграшенков А. В.*, *Блинов Н. М.*, *Бякина В. П.* и др. Мир русской истории: энциклопедический справочник. М., 1998. С. 227; *Белогорцев Н. Е.*, *Цыганков Н. С.*, *Адашев А. М.* Россия: история XIX века. М., 1998. С. 31—33.

[10] *Виноградов В. Н.*, *Гусева Н. М.*, *Зверев А. М.* и др. Указ. соч. С. 90.

[11] Цит. по: *Злобин К. К.* Дипломатические сношения между Россиею и Швециею в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России. СПб., 1868. С. 64.

[12] *Бородкин М. М.* Указ. соч. С. 33—34.

[13] *Рогинский В. В.* Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978. С. 46—47.

[14] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 40.

[15] *Злобин К. К.* Указ. соч. С. 64.

[16] *Бородкин М. М.* Указ. соч. С. 34—35.

[17] Предлогом послужило то, что турки грабили оставляемые русскими княжества.

[18] *Jutikkala E.*, *Pirinen K.* A History of Finland. Espoo, 1984. P. 160.

[19] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 100—101, 111—123.

[20] *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962. С. 494.

[21] *Злобин К. К.* Указ. соч. С. 71.

[22] *Похлебкин В. В.* СССР—Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975. С. 63.

[23] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 141—144.

[24] *Захаров Г.* Русско-шведская война 1808—1809 годов. М., 1940. С. 6, 63—64.

[25] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 146—147, 156; *Злобин К. К.* Указ. соч. С. 78.

[26] *Бородкин М. М.* Указ. соч. С. 86.

[27] *Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801—1812 гг. М., 2003. С. 206—210.

[28] *Бородкин М. М.* Указ. соч. С. 81—83.

[29] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 158—160.

[30] *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 213—214.

[31] Цит. по: *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 161.

[32] История внешней политики России. Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года). М., 1995. С. 68.

[33] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 174, 177—178, 180—182, 186—188, 195—196, 202—204, 208—209, 211; *Бородкин М. М.* Указ. соч. С 94—95; История внешней политики России. С. 68, 71; *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 217—218.

[34] Цит. по: *Сироткин В. Г.* Указ. соч. С. 221.

[35] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 213—214.

[36] История внешней политики России. С. 74—76.

[37] *Кяйвяряйнен И. И.* Указ. соч. С. 219—220, 247—249; *Бородкин М. М.* Указ. соч. С. 273—274.

А. Н. Цамутали

РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ О СОВМЕСТНЫХ МАНЕВРАХ РУССКИХ И ФИНЛЯНДСКИХ ВОЙСК (1863, 1888 гг.)

Истории финляндских войск посвящен ряд специальных исследований[1]. Настоящая статья преследует ограниченную цель: напомнить о публикациях, появившихся в начале XX в. и воспроизводивших впечатления русских офицеров о финляндских войсках, полученных во время совместных маневров в 1863 и в 1888 гг. В «Историческом вестнике» в 1907 г. были опубликованы фрагменты из дневника генерала Н. П. Литвинова[2], а в 1910 г. в «Русской старине» — воспоминания кавалерийского офицера В. А. Ковалевского[3].

Н. П. Литвинов вел дневник, в котором, в частности, записывал свои впечатления о совместных маневрах финляндских и русских войск в 1863 г. Литвинов был помощником воспитателя великих князей Александра Александровича (будущего императора Александра III) и Владимира Александровича. Маневры, в ходе которых предполагалось проверить боевую готовность финляндских войск, происходили в районе Тавастгуса (Хяменлинны) в присутствии Александра II и при непосредственном участии великих князей Александра Александровича и Владимира Александровича. В Гельсингфорсе (Хельсинки) на вокзале прибывших встречали в торжественной обстановке старшие чины войск, расположенных а Финляндии, финляндский генерал-губернатор И. П. Рокасовский, гражданский губернатор А. В. Валлен, которые сопровождали императора и в Тавагусе. По мнению Литвинова, население Гельсингфорса

устроило торжественный и радушный прием: «Финны встретили государя с большим энтузиазмом... Вся набережная была битком набита народом, оглашающим воздух неумолкаемым ура; давка была неимоверная». Такое же дружественное отношение ощущалось на пути следования и в самом Тавагусе: «Везде, где поезд проходил по населенным местам, весь народ был на ногах, несмотря на поздний час ночи, и оглашал воздух восторженными криками» [4].

В маневрах участвовал «отряд», который состоял из лейб-гвардии Финляндского стрелкового батальона, 2-го батальона Выборгского пехотного полка, девяти поселенных финских стрелковых батальонов, Финляндской нарезной № 2 батареи и сотни 16-го Донского казачьего полка. Всего в отряде насчитывалось 4000 человек. Литвинову запомнилось «всеобщее внимание к финляндским поселенным батальонам, являвшим собой необычные для русских офицеров и генералов формирования. Финляндские офицеры объяснили Литвинову, что поселенные батальоны — «организация чисто шведская, ведущая свое начало еще с XVII столетия, со времен Карла XI» [5].

В XVII в. жители одной из шведских провинций, истощенной долгими войнами, «предложили Карлу XI поставить три полка, обмундировать и вооружить их, постоянно держать в готовности, но с тем, чтобы короли свыше этого ничего не требовали от этой области». В соответствии с выработанной вслед за этим системой один из общинников, которому остальные платили деньги, получил название «ростгальтера» и должен был «добывать» себе «постояльца», обмундировать, и, что особенно важно, дать ему «известный участок земли в полное владение, пока он несет службу». Вооружить охотника должно было правительство. Система поселенных батальонов была упразднена, но в 1854 г. восстановлена Николаем I. Под впечатлением полученных разъяснений Литвинов решил, что «всякий финн с охотою идет в поселенные солдаты, после чего он делается собственником, и землею своею он не только пользуется во время службы, но может передать в потомство, если только один из его сыновей, а затем — один из внуков пожелает быть солдатом». Поселенные солдаты обязаны были собираться на шесть недель в окрестностях Тавагуса для обучения военной службе [6]. Ко времени очередных сборов поселенных батальонов и были приурочены описываемые Литвиновым маневры, происходившие 17 и 18 июля 1863 г.

Не только Литвинов, но и другие русские офицеры и генералы с интересом ждали, как покажут себя на учениях поселенные батальоны. При этом некоторые русские военные считали, что в составе поселенных батальонов собраны «вооруженные и наряженные по-солдатски мужчины», «над внешним видом которых» они «собирались потешиться». Однако, во время смотра они убедились, что солдаты поселенных батальонов «по своему наружному виду» не уступают хорошо обученным солдатам кадровых частей, даже таких, как лейб-гвардии Финляндский стрелковый Батальон. Образцовая строевая подготовка отличала солдат поселенных батальонов и во время церемониального марша. С большой заинтересованностью обсуждая устройство поселенных батальонов, русские офицеры и генералы прикидывали, что «в случае войны...финны... выставят на каждый батальон еще по 1000 человек», и поэтому «на эти батальоны можно смотреть как на кадры». Высокие показатели были и у финских артиллеристов во время стрельб, получивших оценку «отлично» [7].

Александр II «остался доволен» и проведенными в его присутствии стрельбами финских стрелков. Высоко оценили русские офицеры и генералы и тактическую подготовку финляндских войск во время двусторонних маневров. Противоборствующими отрядами на маневрах командовали великие князья Александр Александрович и Владимир Александрович.

Как вспоминал Литвинов, «маневры производились в отличном порядке и с большим смыслом», а финляндские войска действовали так хорошо, «что ничего лучшего не нужно было бы желать и для тех войск, которые маневрируют ежегодно в окрестностях Красного села». Напомним, что в красносельских маневрах участвовали отборные гвардейские части, так что сравнение с ними в устах генерала Литвинова звучало как наивысшая похвала. Оценивая тактическую подготовку финляндских войск, Литвинов пришел к выводу, что на маневрах в Тавасгусе «не только офицеры, но даже и солдаты взвешивали те обстоятельства, при которых они находились, и делали все, соображаясь со здравым смыслом». Более того, он признавал, что в действиях солдат и офицеров финляндских войск

проявлялось больше инициативы, чем в действиях военнослужащих русских частей [8].

Литвинов утверждал, что Александр II «остался очень доволен маневрами», которые показали высокую выучку финляндских войск и прошли в атмосфере гостеприимства и доброжелательности. Литвинов не упоминает о том, что маневры в Тавасгусе были проведены в то время, когда в Царстве Польском происходили бои русских войск с польскими повстанцами, и, возможно, их успешное завершение в спокойной, даже, как представлялось Литвинову, да и, по-видимому, не ему одному, дружественной обстановке, успокаивающе действовало на Александра II, носившего титул не только императора Всея Руси, но и Великого князя Финляндского. Литвинов, во всяком случае, передавая, как он считал, общее настроение русских участников маневров 1863 г., писал, что они «отчалили от берегов гостеприимной Финляндии полные приятных впечатлений и самых светлых надежд в будущем» [9].

Двадцать пять лет спустя после маневров 1863 г. на совместных маневрах финляндских и русских войск, на этот раз происходивших в 1888 г. в Вильманстранде (Лаппенранте), побывал командир эскадрона лейб-гвардии Драгунского полка В. А. Ковалевский. В его воспоминаниях, написанных позднее и опубликованных в 1910 г., немало интересных подробностей, позволяющих представить впечатления русского офицера не только от совместных действий с финляндскими войсками, но также о населении и природе Финляндии, об особенностях быта в городской и сельской местности. Ковалевский вспоминал, что к приходу его полка в район маневров «для русских солдат и офицеров все было приготовлено», в деревнях, в которых должны были быть расквартированы драгуны, «для кухонь сложены новые печи; офицерские квартиры вымыты и вычищены; все предусмотрено до мельчайших подробностей; заготовлены дрова, доски, гвозди различной величины и даже уголь для самовара». По словам Ковалевского, для его драгун все это было особенно приятно, так как они были «мало избалованы в этом отношении приемом наших чухон под Красным Селом». «Нашими чухнами» Ковалевский называл финнов-ингерманландцев или ижор, составлявших заметную часть сельского населения около Красного Села и других

петербургских пригородов [10]. Лагерь финских войск, куда прибыли драгуны, был расположен «в прекрасной сосновой роще и щеголял своим порядком и чистотою» [11].

В ходе совместных маневров драгуны, которые «должны были познакомить финские батальоны с действиями кавалерии», «участвовали в тактических учениях батальонов, произвели ряд атак, то с фронта, то с фланга, то с тылу».

Учения проходили в напряженном темпе. Финские солдаты и офицеры проявили хорошую выучку и выдержку. «Невозмутимо хладнокровные финны сразу освоились с видом кавалеристов и совершенно спокойно встречали конные атаки драгун выдержанными залпами», — вспоминал Ковалевский [12]. По словам Ковалевского, финские офицеры в силу присущей им «пунктуальности и педантичности, желали предоставить каждой своей роте практику в действиях кавалерии» [13]. Это утомляло и драгун, и их лошадей, но и Ковалевский и другие русские офицеры старались действовать так, «чтобы драгуны нигде не ударили в грязь лицом перед финнами» [14].

Воспроизводя детали учений, Ковалевский отмечал, что «команды у финнов производились по-русски», что все финские офицеры «свободно говорят и понимают по-русски», что «большинство из них служило в русских войсках». Ковалевский обращал внимание на то, что после того как были сформированы восемь новых финских батальонов, командные должности в них заняли офицеры-финны, ранее служившие в разных частях русской армии. Ковалевский встретил среди них представителей разных родов войск: «бывших гусар, улан, Драгун и артиллеристов». При этом он подчеркивал, что эти офицеры при первой же возможности поступили на службу в финские войска, чтобы «перейти на родину и служить дома, хотя и в непривычном и незнакомом доселе роде оружия, но лишь бы в своем национальном войске». Комментируя такие настроения среди финских офицеров, Ковалевский восклицал: «Вот у кого поучиться силе национального чувства!» Сравнивая материальное положение русских и финских офицеров, получаемые ими денежные оклады, Ковалевский пришел к выводу, что «содержание офицеры финских войск получали значительно большее, сравнительно с русскими офицерами», что

«при финляндской дешевизне содержание офицеров выходило очень приличное» [15].

Ковалевский вспоминал, что финские офицеры были очень гостеприимны и доброжелательны: «Положительно носили нас на руках, куда только ни покажешься, начинают усиленно угощать, а в ресторанах не дают расплачиваться» [16].

Обратил внимание Ковалевский и на особенности непривычного для русских уклада жизни в Финляндии. Опуская подробности, отметим, что русские обратили внимание на отличие финских хуторов от русских деревень [17].

Ковалевский решил написать свои воспоминания под впечатлением «обострившихся теперь, в 1910 г., донельзя наших отношений с Финляндией». Под впечатлением от ухудшения этих отношений Ковалевский, с одной стороны, писал, что тогда, в 1888 г., ему представлялось, что «интеллигенция, по крайней мере в лице ее офицеров, солдаты да и крестьяне высказывали нам тогда сильнейшую симпатию и радушие», и что об ухудшении отношений с Финляндией не ему судить [18]. С другой стороны, под влиянием настроений последних лет он задает вопрос: был ли радушный прием, оказанный русским драгунам в 1888 г. финляндскими войсками и населением города Вильманстранда (Лаппенранты) «искренен и радушен»? «Как старый скептик», Ковалевский в 1910 г. начинает сомневаться в искренности оказанного его полку радушия, называет его «сверхрадушием», за которым «уже тогда» «проглядывала идея финляндского сепаратизма и игра в иностранную державу» [19]. Вспоминая 1888 г., Ковалевский сетует на то, что офицеры, уроженцы Финляндии, во время службы в русской армии не успевали обрусеть. При этом он отличал финский и шведский патриотизм, находя второй более опасным. По этому поводу он писал: «Беда вся еще не в финской национальной идее, а в шведской, которую исповедует вся интеллигенция страны, а в том числе ее офицеры, идее, значительно нам более враждебной, чем первая, составляющая достояние лишь простого народа». «Шведская идея», по мнению Ковалевского, находила поддержку из-за близости Швеции. Ковалевский обратил внимание на то, что на устроенном в честь русских офицеров вечере финляндские офицеры сами показывали им «шведского капитана генерального штаба, одетого, однако, предусмотрительно в штатское платье, показывали, как своего завсегдатая и имеющего среди них многих друзей» [20].

Сопоставляя дневник Литвинова и воспоминания Ковалевского, можно отметить как общие черты: интерес к Финляндии, хорошее впечатление от боевой подготовки финских войск, упоминания о радушии со стороны финнов, так и отличия, главное из которых — сомнения Ковалевского в искренности радушного приема, оказанного финнами. Нельзя исключить и того, что рассуждения Ковалевского о неискренности приема, оказанного ему и его сослуживцам в 1888 г., были сделаны под влиянием каких-то неизвестных нам лиц, поддерживавших антифинляндские настроения, исходившие от консервативных сил и влиявших на политику царского правительства в начале 1910-х гг. Тем не менее, на наш взгляд, важно, что Ковалевский в воспоминаниях свои положительные впечатления о маневрах в Финляндии излагал довольно объективно, а если и сомневался в искренности и радушии финнов, то довольно прямо объяснял это переменами во взаимоотношениях России и Великого княжества Финляндского. Несмотря на эти сомнения, появившиеся уже к 1910 г., воспоминания Ковалевского дают материал для того, чтобы представить, какое впечатление Финляндия и финляндские войска производили на русских офицеров, оказавшихся на совместных маневрах в 1888 г.

---

[1] См., напр.: *Screen J. E. O.* The finnish army 1881—1901. Training the Pifl Battalions. Hels., 1996.

[2] Из дневника Н. П. Литвинова // Исторический вестник. 1907. № 3. С. 789—799.

[3] *Ковалевский В. А.* Командировка дивизиона лейб-драгун в Финляндию в г. Вильманстранд в лагерь финских войск в 1888 году // Русская старина. 1910. № 7. С. 65—82.

[4] Из дневника Н. П. Литвинова. С. 790.

[5] Там же. С. 792.

[6] Там же. С. 793.

[7] Там же. С. 793—794.

[8] Там же. С. 795—796.

[9] Там же. С. 799.

[10] *Ковалевский В. А.* Командировка дивизиона лейб-драгун в Финляндию... С. 72.
[11] Там же. С. 74.
[12] Там же. С. 78.
[13] Там же. С. 79.
[14] Там же. С. 78.
[15] Там же. С. 79.
[16] Там же. С. 74.
[17] Там же. С. 72—73.
[18] Там же. С. 65.
[19] Там же. С. 82.
[20] Там же. С. 80.

Л. В. Садова

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И РАСТОРЖЕНИЕ ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКОЙ УНИИ В 1905 г.

На протяжении ряда столетий Норвегия не обладала государственной самостоятельностью. В 1814 г. была заключена шведско-норвежская уния, которая просуществовала до 1905 г. Межгосударственные отношения России и Норвегии XIX — начала XX в. приходится рассматривать сквозь призму российско-шведских связей.

В отмеченный 90-летний период просматриваются два больших этапа в отношениях России и Шведско-Норвежского королевства.

Первый начался в заключительный период наполеоновских войн и длился до Крымской войны. Характерными особенностями данного временного отрезка была идеологическая близость консервативных монархий, сотрудничество по Священному союзу, общее противостояние либеральным и демократическим переменам, поддержание статус-кво на севере Европы. Забота о сохранении дружественных отношений диктовала взаимную предупредительность и готовность к уступкам. В 1826 г. был урегулирован территориально-пограничный вопрос, проведена демаркация российско-норвежского участка границы. Заключение в 1838 г. договора о дружбе, торговле и мореплавании создало благоприятный климат для внешнеэкономических отношений, были созданы особый статус и привилегии поморской торговли [1].

Однако либеральная и демократическая общественность небольшого скандинавского государства испытывала страх пе-

ред подавляющей военной мощью гигантской империи. В свою очередь, в России Норвегия имела тогда скромную репутацию бедной европейской окраины и представлялась современникам глухой культурной и политической провинцией Европы, что было недалеко от истины [2].

Со времен Крымской войны и до 1905 г. в политических отношениях двух стран на десятилетия поселился холод отчуждения и взаимной подозрительности. Причиной тому было подписание Соединенными Королевствами в ноябре 1855 г., во время Крымской войны, гарантийного договора с Францией и Великобританией, имевшего антирусскую направленность [3].

Однако уже на рубеже XIX и XX столетий наблюдались заметное оживление торговли, настоящий расцвет культурных связей. Это было связано с последствиями капиталистической индустриализации, которую переживали Россия и Норвегия, ростом образованности населения, научными достижениями и сотрудничеством российских и норвежских ученых и путешественников в исследовании Арктики [4].

Это был период глобальных перемен в мировой экономической и политической жизни, характерными чертами которого являлись выход на мировую арену новых экономических лидеров (США, Германия), снижение влияния Великобритании, борьба между великими державами за новые рынки сбыта и передел мира. Российкая империя в этот период активно включается в эту борьбу. Во второй половине XIX в. наступает новый этап в экономическом развитии Норвегии. Быстро проходит индустриализация страны, наряду со старыми развиваются новые отрасли хозяйства (электротехническая, гидроэнергетика), мощными темпами происходит строительство флота [5].

Международное положение Норвегии в означенный период определяли три основных фактора:

1. Стратегическая важность ее географического положения. Для России было весьма важно, чтобы выход русского флота из Балтийского моря или вход в него был всегда свободен. Вот почему для царского правительства возможное образование панскандинавского союза было крайне нежелательно. Такой блок мог быть опасным для империи в военное время

в случае коллективного решения закрыть Бельты (датские проливы) для прохода русских судов. С другой стороны, для облегчения в будущем переходов русского флота можно было попытаться заручиться содействием Норвегии [6].

2. Тесная связь экономики с внешними рынками. В силу того что норвежские экономические интересы были связаны преимущественно с морем, морской торговлей и фрахтом, норвежские судовладельцы и промышленники оказывались в первую очередь зависимыми от крупнейшей морской державы — Англии. Российско-английское соперничество в Азии и на Дальнем Востоке на рубеже веков заставляло российский МИД внимательно следить за развитием событий на Скандинавском полуострове, в целях обеспечения безопасности своих границ. Несмотря на то что экономические связи между Россией и Норвегией были невелики, по отдельным статьям товаров, таким, как хлеб и рыба, они достигали значительных размеров. Особое место в экономических связях двух стран занимала поморская торговля, снабжавшая жителей Северной Норвегии мукой, а жителей Архангельской области — рыбой [7].

3. Третьим фактором международного положения Норвегии был фактор политический — ее нейтралитет. За спиной у скандинавских государств был опыт более или менее успешного и согласованного друг с другом сохранения нейтралитета в ряде международных конфликтов, например, в Крымской войне [8].

Кризис шведско-норвежской унии, начавшийся в 90-е гг. XIX в., в основе которого лежал «консульский вопрос», привлек особое внимание великих держав к событиям на Скандинавском полуострове. Необходимо отметить, что на протяжении развития шведско-норвежского конфликта Россия рассматривала борьбу вокруг унии как внутреннее шведско-норвежское дело. К примеру, в конце 1890-х гг. шведский министр иностранных дел граф Дуглас, разрабатывая план вмешательства иностранных держав против Норвегии, включая Россию, получил от императорского правительства категорический отказ от участия в подобной операции. Главным аргументом российских властей была именно ссылка на то, что конфликт между Швецией и Норвегией — внутреннее дело двух стран [9].

К России же отношение Норвегии было двойственным: с одной стороны, успешные торговые отношения и зависимость от поставок российского зерна, с другой — «русификация» Финляндия и устойчивый стереотип о «русской угрозе» норвежскому Северу осложняли отношения между соседними странами.

Распространяемый в Норвегии слух об агрессивных намерениях России в отношении северных норвежских территорий оказывал давление на русско-норвежские отношения в конце XIX — начале XX в. В немалой степени осложнению отношений двух стран на почве норвежской русофобии содействовала Швеция. Весной 1905 г., в период крайнего обострения шведско-норвежских отношений, шведский путешественник Свен Хедин, который и в предшествующий период выступал в прессе с резкими заявлениями о постоянной «русской угрозе» Норвегии, опубликовал ряд статей в «Таймс». Главный его тезис состоял в том, что Россия вследствие поражения на Дальнем Востоке теперь направит свое внимание на север и Норвегия окажется в зоне опасности [10].

Идеи шведского путешественника получили отклик и в Норвегии. Главнокомандующий норвежской армией генерал-лейтенант Х. П. Л'Оранг еще в сентябре 1904 г. высказал подобную точку зрения в газете «Афтенпостен» («Aftenposten»). Норвежский главнокомандующий считал, что Россия в последние десятилетия проявляла устойчивый интерес к Финнмаркену, война же на Дальнем Востоке еще не свидетельствовала о перемене внешнеполитического вектора. В результате для Норвегии не остается никакого другого выхода, как укрепление обороны [11]. Впрочем, точку зрения генерал-лейтенанта Х. П. Л'Оранга можно расценивать как попытку мотивировать развитие и финансирование норвежским правительством перевооружение армии и флота, а также укрепление границы.

6 июня 1905 г. ушедший в отставку премьер-министр Ф. Хагеруп предостерегал в Стортинге, что Россия сознательно пытается закрепиться в Финнмаркене. Министр торговли Софус Арктандер ему возражал, что определенный риск для Северной Норвегии существует, однако уния со Швецией ни при каких обстоятельствах не сможет защитить Норвегию от такой опасности [12].

Однако часть норвежского общества воспринимала критически агитацию Свена Хедина против России. Газета «Тронхейм Адресавис» («Tronheim Adressavis») 3 (16) сентября писала: «Вредом для нашего отечества являются всякие газетные статьи и рассуждения о желании России захватить часть Северной Норвегии. Этот не норвежский, а шведский страх перед Россией занесен к нам шведскими газетами. В конце концов, такие неосновательные обвинения дружелюбно к нам расположенного народа могут оказаться вредными, так как русское правительство может поверить, что Норвегия враждебно настроена по отношению к России. Столь же вредна и неуместна радость, как будто обнаруживаемая некоторыми газетами по поводу несчастий, поражающих Россию. Мы не имеем никаких доказательств, что Россия питает враждебные к Норвегии чувства. Напротив того, при историческом изучении наших отношений к России мы постоянно видим наибольшую к нам предупредительность. Все деловые люди, ведущие торговлю с Россией, могут засвидетельствовать, что с ними всегда рассчитывались честно и даже широко, превышая их ожидания» [13].

Вот почему при формировании своей политики в отношении кризиса унии Российский МИД в сложной международной ситуации стремился всеми средствами продемонстрировать доброжелательную и миролюбивую позицию.

Как следует из донесений российского военного агента Алексеева, три основных вопроса волновали российскую дипломатию:

1) будущее норвежского престола или иная форма государственного устройства;

2) создание «оборонительного союза» между Швецией и Норвегией, что считалось не только возможным, но и необходимым;

3) создание «панскандинавского союза», к чему стремилась более всего Дания, в Швеции же к подобной мысли относились прохладно [14].

Изучение дипломатических донесений представителей России в скандинавских странах дает основание для вывода, что российские власти были готовы к расторжению шведско-норвежской унии. Дипломаты не раз в своих отчетах начала 1905 г. рассматривали данную возможность с точки зрения выгоды

для страны. Как писал российский вице-консул в Гаммерфесте Цурь-Мюлен в мае 1905 г., «...спор между Норвегией и Швецией ныне принял такой оборот, при котором вызвавший его вопрос об учреждении отдельных для Норвегии консульств уже отступает на второй план, а речь идет о том, удастся ли норвежскому стортингу и народу достигнуть поставленной задачи (имеется в виде проведение закона о собственной норвежской консульской службе. — *Л. С.*), вопреки определенному желанию его королевского высочества кронпринца-регента...» [15] Вывод из существующего положения вещей, по мнению вице-консула, только один: «Все же единственное активное действие со стороны Норвегии — если таковое состоится — в случае отказа с шведской стороны привести в исполнение консульский закон — будет заключаться в заявлении державам об ее отложении от Швеции, к каковому заявлению правительства иностранных государств, конечно, могут отнестись как положительно, так и отрицательно» [16].

В своем частном письме А. К. Бентковскому барон Цурь-Мюлен, описывая политическую обстановку в Норвегии, отмечал, что «все бывшие до сего времени переговоры, как и затронутые в их течение принципиальные вопросы и попытки к разрешению оных, ныне, следовательно, имеют лишь исторический интерес, и положение дел рисуется в совершенно новом виде; но шведские и норвежские противоположные интересы столкнулись столь резким образом, что возврат к бывшим до настоящего спора взаимным отношениям скандинавских государств представляется весьма маловероятным» [17].

Еще в мае 1905 г. норвежское правительство, прежде чем решиться на «крутые меры» в отношении Швеции, зондировало почву на предмет отношения великих держав к вероятному расторжению шведско-норвежской унии. 20 мая 1905 г. посланник в Российской империи граф Врангель обратился в МИД с вопросом, как отнеслось бы императорское правительство к разрыву Норвегией унии. Докладывая Николаю II о состоявшейся беседе, российский министр иностранных дел граф Ламздорф сообщил, что ограничился уклончивым ответом, ссылаясь на невыясненную позицию других стран. На документе значилась резолюция царя: «Во всяком случае, чтобы ни ответили другие государства, мы должны сообразовывать

наш ответ с последствиями, касающимися исключительно пользы и выгоды России» [18].

Обострение отношений между Швецией и Норвегией и обсуждение в различных политических кругах возможности сведения существующей унии к личной унии с дополнительным подписанием соглашения об оборонительном союзе обратило на себя внимание российских дипломатов. Посланник в Стокгольме барон Сталь фон Гольштейн в своем донесении от 25 мая 1905 г. делал особое ударение именно на угрозу создания военного, оборонительного союза между Швецией и Норвегией. Следуя логике рассуждений посланника, распад унии неизбежно ослабит оба государства, «что с точки зрения русских интересов может быть, конечно, только желательным» [19]. Несмотря на нежелание и сопротивление короля Оскара II преобразовать унию в личную и заключить оборонительный союз, вероятность подписания данного союза была весьма велика хотя бы по причине географической близости двух стран. В связи с тем, что в середине XIX в. панскандинавские идеи находили живой отклик у населения трех скандинавских государств, то не исключалась возможность того, что к оборонительному союзу может примкнуть и Дания. «Близкое родство между этими народами много способствует популярности подобной комбинации, равно как и сознание, что союз представит собой в политическом строе Европы фактор, с которым придется считаться другим державам» [20]. Главным препятствием к созданию данного союза являлось различное видение тремя странами целей его формирования. Шведы и норвежцы рассматривали его как залог против завоевательных замыслов России, в то время как Дания рассчитывала на союз как на опору против Германии [21].

Таким образом, посланник делает вывод, что общескандинавский союз вряд ли был бы желателен для России. Более того, ввиду враждебных настроений в Швеции и Норвегии, он мог бы представлять опасность для Империи в военное время в случае закрытия Бельтов для прохода российских судов. Дания одна не в силах перекрыть проливы, но при наличии оборонительного союза «дело примет совсем иной вид» [22]. Единственным выходом было бы объявление всех трех скандинавских государств нейтральными при заключении союза.

По мнению посланника, в Швеции, Норвегии и Дании существовало значительное количество сторонников нейтралитета.

Тем не менее деятельность российской дипломатии ограничивалась обсуждением различных вариантов развития событий и возможных последствий.

Как писал шведский историк Суне Юнгар, позиция российского кабинета в вопросе расторжения шведско-норвежской унии получила четкие очертания лишь осенью 1905 г. во время переговоров в Карлстаде. Ранее, отвечая на запрос посланника в Петербурге барона Врангеля о мнении России в унитарном кризисе, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф пояснял, что пока очевиден революционный характер решений Стортинга, Норвегия может рассчитывать только на симпатию с российской стороны [23].

С точки зрения норвежского историка Йенса Петера Нильсена, Россия весной-летом 1905 г. была далека от проблем на Скандинавском полуострове в силу следующих причин: страну парализовала революция, а 7 июня 1905 г., когда Стортинг принял решение о разрыве унии, русско-японская война вступила в свою завершающую стадию. Всего за неделю до этого российский флот был уничтожен в сражении при Цусиме [24].

Главная задача России состояла в том, чтобы избежать вмешательства великих держав в «норвежский вопрос», принимая во внимание уязвимые северные территории империи. Страна была сильно ослаблена из-за войны и внутренних беспорядков и не в состоянии вмешиваться в вооруженный конфликт. Вот почему Петербург был настроен решить этот вопрос как можно быстрее. Целью российской политики было завоевать доверие норвежцев. Удачное достижение намеченных целей снижало потребность Норвегии в поддержке великих держав [25].

Разрыв унии 7 июня 1905 г. был односторонним действием Норвегии и мог восприниматься великими державами как революционные действия. Вот почему бурная дипломатическая деятельность Норвегии летом и осенью 1905 г. была своего рода попыткой обеспечить поддержку со стороны великих держав в разрыве со Швецией, а также в ходе Карлстадских переговоров и при выборе нового кандидата на норвежский престол.

10 июня МИД России получил сведения о возможном желании Временного норвежского правительства отправить доверенных лиц к иностранным дворам для уведомления их о разрыве унии. Осуществление такого шага поставило бы царское правительство в затруднительное положение относительно Швеции, не давшей еще никакого официального согласия на разрыв. Поэтому русскому генеральному консулу в Кристиании А. А. Теттерману было предложено вернуть переданное ему Временным правительством Норвегии послание, основываясь на соображении, что он как консул не был уполномочен принимать сообщения политического свойства [26].

Тем временем МИД России определил свое отношение к новому положению между Норвегией и Швецией в записке «О современном юридическом положении Норвегии» от 19 июня, составленном советником министерства бароном М. А. Таубе. Сущность ее заключалась в том, что Кильский трактат 1814 г., как заключенный только между Швецией и Данией о передаче Норвегии Швеции, по мнению Петербурга, в 1905 г., «ни в коем случае» не являлся «коллективным актом европейских держав, гарантирующих его исполнение». 22 июня эту записку разослали в посольства и миссии России для сведения на случай обмена мнений [27].

Последовательную позицию в этом вопросе Россия занимала и в дальнейшем. После фактического разрыва унии 7 июня 1905 г. и норвежские и шведские правящие круги стремились узаконить этот разрыв. С этой целью представители Швеции и Норвегии начали в августе—сентябре 1905 г. переговоры в шведском городе Карлстаде. Исход переговоров был еще далеко не ясен, а сами переговоры сопровождались обострением шведско-норвежских отношений и слухами о возможности возникновения войны на Скандинавском полуострове.

Требование Швеции ликвидировать военные укрепления вдоль норвежско-шведской границы встретило сильное сопротивление со стороны норвежских участников переговоров. Норвегия категорически отказывалась уничтожить две исторические крепости Конгсвигнер и Фредрикстен. В результате шведы стали подтягивать войска к границе с соседом, а норвежские власти объявили частичную мобилизацию.

В начале сентября 1905 г. в Карлстадских переговорах наступило резкое обострение и 12 сентября 1905 г. они были прерваны. В Европе распространились тревожные слухи о возможности войны в Скандинавии. Посланник России в Дании А. П. Извольский, полагавшийся на осведомленность датского министерства иностранных дел в этом вопросе, принял всерьез такую возможность. И хотя русский военный агент в Скандинавии полковник Алексеев, объехавший Швецию и Норвегию в период обострения шведско-норвежского конфликта, доносил русскому генеральному штабу 12 сентября 1905 г., что «воинственного настроения в народных массах не было и нет» [28], русское правительство направило распоряжение своему посланнику в Стокгольме Ф. А. Будбергу предложить посредничество шведскому правительству с целью урегулировать конфликт с Норвегией мирным путем.

Российский посланник Будберг тотчас же вступил в переговоры с английскими, германскими и французскими коллегами о форме совместного представления шведскому правительству. Лишь представитель Франции в Стокгольме, господин Маршан, располагал необходимыми инструкциями и предпринял отдельное представление. Великобритания и Германия уклонились от совместного выступления, считая, что оно не окажет никакого действительного влияния на ход событий. Инициатором демарша, направленного в основном против Швеции, выступила Дания, менее всех из великих держав заинтересованная в разжигании военного конфликта в соседних Швеции и Норвегии [29]. Россия живо откликнулась на предложение датчан и высказала готовность участвовать в демарше великих держав. Выяснив точки зрения коллег, российский посланник счел нужным присоединиться к заявлению Франции, с тем лишь различием, что Россия включила пункт о необходимости арбитражного договора. Российский демарш звучал следующим образом: «Императорское правительство поручило мне предпринять чисто дружеское представление, а именно обратить внимание шведского правительства, что оно приобрело бы право на признательность Европы, обнаружив свою умеренность, помешав возникновению кровавого конфликта и внесши дух примирения в вопрос о крепостях и арбитражном договоре, просимом Норвегией». Заявление барона Будберга было выдержано в умеренных тонах и являлось своего рода дружеским увещеванием Швеции [30].

Возможно, именно под влиянием демарша великих держав, 26 октября 1905 г. было ратифицировано Карлстадское соглашение, которое оформило отделение Норвегии в самостоятельное государство и означало признание Швецией этого отделения.

27 сентября 1905 г. российский министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф получил частное письмо от премьер-министра Норвегии К. Микельсена с неофициальным запросом об установлении дипломатических отношений между соседними государствами (письмо было отправлено 23 сентября). Карлстадские переговоры только закончились, и достигнутое соглашение еще не получило ратификации со стороны Стортинга и Риксдага.

Выражая благодарность российскому правительству за оказанную поддержку в переговорах со Швецией и «...за доброжелательное к нам отношение», господин Микельсен интересовался у графа Ламздорфа: «...сочтет ли императорское правительство возможным принять полномочного посланника и консулов, назначенных норвежским правительством, и будет ли оно расположено, со своей стороны, назначить полномочного посланника при норвежском правительстве» [31].

О полученном письме был тотчас же уведомлен Николай II. В ответном послании российский министр иностранных дел, выражая признательность за теплые чувства норвежского правительства и народа по отношению к России, выражал уверенность в том, что дипломатическая и консульская службы будут непременно учреждены, как только Карлстадское соглашение будет ратифицировано парламентами обеих стран и отделение Норвегии от Швеции нотифицировано великими державами [32].

В октябре 1905 г. в российский МИД поступили тревожные донесения от представителя Российской империи в Скандинавии о попытках возобновления действия ноябрьского трактата 1855 г. после разрыва шведско-норвежской унии. Поводом к подобным опасениям послужила статья во французской газете «Темпс» («Temps»), автором которой был известный журналист Рене Пюо. По словам автора, во время аудиенции у короля Оскара II и министра иностранных дел Швеции Вахтмейстера, на

вопрос о ведущихся переговорах о перезаключении трактата от 9 (21) ноября 1905 г., министр дал уклончивый ответ, но и не «...отрицал высказанного им предположения, что Англия будто бы попыталась оказать давление как на Стокгольм, так и на Христианию»[33].

Английский коллега барона Ф. А. Будберга никак не отреагировал на появившуюся статью. Посланник же Франции, господин Маршан, убеждал барона, что правительство ни разу не упомянуло о договоре. Однако распространился слух, что правительство Великобритании «...готово стать гарантом территориальной неприкосновенности Норвегии при том условии, что будущее правительство этой страны даст *гарантии стабильности*». Очевидно, политика сент-джемского кабинета была продиктована отсутствием поддержки со стороны Франции, союзника России, и стремлением обезопасить Скандинавский полуостров от возможного влияния Германии.

Обеспокоенный интригами Англии и имея представление о влиянии «Туманного Альбиона» на политику и экономику Норвегии, барон Будберг всячески рекомендовал российскому правительству незамедлительно приступить к процессу признания нового государства в как можно более дружественной форме. «Раз Швеция санкционировала существующее положение, признание его со стороны держав не вызывает больше сомнений. Достаточно было бы с нашей стороны сопроводить наше признание заявлением, которое сделает всякие условия в духе договора 9 (21) ноября 1855 г. излишними, чтобы заслужить нам признательность нового королевства, закрепить дружественные отношения, ставшие традицией нашей политики, и помешать Норвегии поддаться влияниям, которые могут быть для нас нежелательны».

О степени озабоченности императорского правительства попытками Великобритании возобновить договор 1855 г. свидетельствует докладная записка В. Н. Ламздорфа Николаю II о внешнеполитической линии России в отношении Норвегии. По мнению российского министра иностранных дел, первым шагом с целью помешать заключению англо-норвежского оборонительного договора было признание независимости Норвегии со стороны России «во всей ее территориальной целостности». Из донесений посла в Лондоне, графа Бенкендорфа,

следовало, что инициатором переговоров по вышеозначенному вопросу выступала не Великобритания, а Норвегия. Поэтому вторым и важным шагом, по мнению Ламздорфа, следовало бы инструктировать будущего императорского посланника в Кристиании о необходимости предпринять шаги с целью недопущения возобновления Ноябрьского трактата. Как вариант, министр иностранных дел предлагал выразить свое «...принципиальное согласие и на коллективную гарантию неприкосновенности Норвегии со стороны *всех* великих держав». Предложения В. Н. Ламздорфа были одобрены Николаем II[34].

27 октября 1905 г. в российский МИД поступило официальное уведомление шведского поверенного в делах в России Г. Лёвлана В. Н. Ламздорфу о прекращении действия шведско-норвежской унии. Как было сказано в заявлении, шведский парламент по предложению короля согласился на отмену Риксакта 1815 г. и разрыв союза. Король со своей стороны отказался за себя и за свою семью от норвежской короны[35].

А уже на следующий день, 28 октября, последовала телеграмма от министра иностранных дел Норвегии Й. Лёвланда с просьбой установить дипломатические отношения между Норвегией и Россией, на что было получено высочайшее одобрение императора Николая II[36].

29 октября состоялось официальное признание независимости Норвегии со стороны Российской империи: «...Императорское правительство... признает Норвегию в качестве совершенно независимого государства во всей ее территориальной целостности и заявляет о своей готовности незамедлительно войти в официальные сношения с Норвегией»[37]. Россия была первой державой, признавшей независимость Норвегии. Норвежский кабинет получил телеграмму российского МИД в 11 часов 15 минут, то есть раньше всех других иностранных держав. Параллельно были разосланы запросы о сроках назначения дипломатических представителей и их рангах в посольства в Берлине, Вене, Париже, Лондоне и Риме[38].

30 октября 1905 г. было сделано правительственное сообщение о признании независимости Норвегии и об установлении с ней дипломатических отношений.

Вслед за Россией последовали официальные ноты с признанием появления на международной арене нового государства

от Англии, Америки, Италии, Швейцарии и Бразилии и Франции.

2 и 8 ноября был произведен обмен нотами между Россией и Норвегией об установлении дипломатических отношений.

Временным исполняющим обязанности представителя России в Норвегии был назначен генеральный консул в Кристиании А. А. Теттерман [39]. Его кандидатура была встречена с радостью в Норвегии, так как он находился на своем посту уже достаточно давно и пользовался уважением в правительственных кругах.

2 ноября 1905 г. В. Н. Ламздорф получил официальную ноту норвежского министра иностранных дел Лёвланда с выражениями признательности за быструю реакцию российского правительства и признание Норвегии «...во всей ее территориальной целостности», а также за назначение А. А. Теттермана временным представителем империи в Норвегии [40]. С норвежской стороны временным поверенным в делах в Санкт-Петербурге был назначен Иоган Якхельн, секретарь посольства [41].

Республика или монархия — еще один вопрос, который волновал великие державы. До тех пор пока король Оскар II не дал своего официального отказа на восшествие на норвежский престол одного из принцев дома Бернадотов, норвежское правительство не имело возможности начать официальные переговоры с принцем Карлом Датским. Однако тайные консультации все же проводились как с датским двором, так и с английским.

Уже в феврале 1905 г. в политических кругах Норвегии стал обсуждаться вопрос о возможности предложить норвежский престол второму сыну датского наследного принца принцу Карлу, женатому на дочери английского короля принцессе Мод [42]. Подобная политическая комбинация еще больше сблизила бы Норвегию с Англией и имела бы свои выгоды для России. Сближение Скандинавских стран с Великобританией, заинтересованной в свободном проходе через Бельты, в определенной степени гарантировало бы благоприятные условия и для Российской империи. С другой стороны, укрепление позиций Англии в Северной Европе сдерживало бы распространяющееся влияние Германии в регионе, в чем также была заинтересована Россия [43].

Еще летом 1905 г. в вопросе о кандидатуре на будущий норвежский престол Россия занимала пассивную позицию, объяснение которой вызывает споры в исторической литературе [44]. После отказа шведских Бернадотов выбор шел между двумя сыновьями датского короля: Карлом и Вальдемаром. Русский посланник в Копенгагене А. П. Извольский избегал всех разговоров на эту тему с норвежским эмиссаром Ведель-Ярлсбергом. Не имея инструкций от Ламздорфа, А. П. Извольский ограничивался ответом на все вопросы, что выбор кандидатуры является делом исключительно королевской семьи Дании и поэтому российское правительство не может принять в нем никакого участия [45]. Опасность роста английского влияния в Норвегии русскими дипломатами в скандинавии усматривалась вовсе не в родственных связях Карла с английским двором, какие, между прочим, существовали и с Петербургом (мать Николая II была датской принцессой Дагмарой), а в самом республиканском строе Норвегии, если бы норвежцы не нашли подходящего кандидата. Как писал российский посланник в Стокгольме барон Сталь фон Гольштейн, для России введение республиканского режима в Норвегии было бы нежелательно «...не только ввиду принципиальных соображений, но и потому, что... Норвегия скорее подпадет под влияние чужой страны, а именно Англии» [46].

25 ноября 1905 г. в российский МИД поступило официальное норвежское уведомление о результатах прошедшего в Норвегии 12 и 13 ноября плебисцита о форме правления государства. «По указанию моего правительства имею честь довести до сведения Вашего превосходительства о том, что в результате этого плебисцита 259 563 голоса было подано “за” (монархию. — *Л. С.*) и 69 264 голоса “против” из общего числа действительных избирателей 439 728» [47].

18 ноября 1905 г. стортинг избрал сына датского короля Кристиана IX принца Карла на норвежский престол, чья кандидатура устраивала в основном все европейские державы. Он принял древненорвежское имя Хокон (VII), а его сын Александр стал теперь носить также древненорвежское имя Улаф. 22 июня 1906 г. король Хокон и его супруга королева Мод были торжественно коронованы в старинном соборе Нидарос

в Тронхейме, где ранее короновались короли средневековой Норвегии.

По мнению норвежского историка Берга, основной задачей норвежского правительства было заручиться поддержкой Великобритании. Россия и Германия рассматривались как державы второстепенного значения. Однако даже по сравнению с Германией норвежские власти придавали меньшее значение поддержке со стороны Российской империи. Ни Нансен, ни кто-либо другой не получил, по-видимому, инструкций активно работать для усиления позиций Норвегии в России. Однако именно Российская империя совместно с Францией и Данией была единственной из держав, которая фактически внесла свою лепту к норвежской выгоде в ходе переговоров в Карлстаде [48]. Об огромном значении для норвежцев данного демарша свидетельствует Ведель Ярлсберг, который писал, что это была не дружественная просьба, а серьезное предупреждение, что произвело сильное впечатление в Швеции [49].

Очевидно, тот факт, что ни английский, ни германский, ни датский консулы не получили инструкций на случай провозглашения временного правительства свидетельствует не о слабой информированности правительств вышеозначенных государств, а о слабой заинтересованности и внимании к Скандинавским проблемам и разрыву шведско-норвежской унии. Так, русский посол в Германии Н. Д. Остен-Сакен в ответ на запрос МИД об отношении Германии к разрыву шведско-норвежской унии писал, что «ввиду неопределенности даже ближайшего будущего статс-секретарь по иностранным делам полагает преждевременным обсуждение этого вопроса, который здесь не стоит еще на очереди» [50]. Ответ министра иностранных дел Великобритании лорда Лэнсдауна на запрос российского посланника А. К. Бенкендорфа был весьма и весьма расплывчат. Министр заявил, что в случае прибытия норвежского представительства правительство Великобритании считает необходимым выслушать все, что будет сказано, но в то же время четко обозначить, что отношения между двумя странами носят пока временный характер и ни о каком формальном признании речь не идет [51].

Сдержанность позиций великих держав можно объяснить тем, что, прежде всего, внимание великих держав было отвлечено на решение сложных международных конфликтов (Марокканский кризис, Русско-японская война) и устранение внутренних беспорядков (революция в России). Ни одна из стран не была заинтересована в вооруженном конфликте на севере Европы.

Позиция же России и формулировка признания, принятая царским правительством, являлись следствием общего ослабления страны вследствие поражения в русско-японской войне и революции. Для русской дипломатии было важно, прежде всего, наладить дружественные отношения с новым государством, воспрепятствовать продлению Ноябрьского трактата 1855 г. и помешать образованию панскандинавского союза. Со всеми вышеозначенными задачами российские власти успешно справились.

Оценивая в своих донесениях «норвежскую революцию», полковник Алексеев писал, что «ни один политический переворот в мире не начинался при таком спокойном положении страны, как норвежский». Переворот был проведен обдуманно и в удобный для Норвегии момент. Норвежцы, не дожидаясь окончания реформы шведской армии и флота и по мере усиления притязаний шведов на независимость Норвегии, решились определить будущее нации. «Еще 2—3 года, и, быть может, было бы уже поздно: Швеция станет много сильнее, и успех расторжения унии много сомнительнее» [52].

---

[1] Соседи на Крайнем севере. Россия и Норвегия. От первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск, 2001. С. 197.

[2] Там же. С. 198.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] The Fontana Economic History of Europe. The Emergence of Industrial Societies. Pt. 2. Vol. 4. New York; London, 1970; First International Conference of Economic History. Communication. Paris; Hague, 1968.

[6] *Бацис П. Э.* Русско-норвежские отношения в 1905—1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 25—27.

[7] Там же. С. 27—28.

[8] Там же. С. 28; *Канн А. С.* Нейтралистские традиции во внешней политике скандинавских государств // Новая и новейшая истории 1962. № 4. С. 63—65.

[9] *Нильсен Й. П.* Старая Россия и новая Норвегия (1905—1917): Соседство без страха // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX в. Архангельск, 1997. С. 12.

[10] Там же. С. 16; Архив Внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 111. Л. 71 об.

[11] *Нильсен Й. П.* Указ. соч. С. 15; *Burgman T.* Svensk opinion och diplomati under rysk-japanska kriget. Stokholm, 1965. S. 152—155.

[12] *Нильсен Й. П.* Указ. соч. С. 17; *Berg R.* «Det land vi venter hjælp af...» Norge og stormaktene 1905—1908. En holdninganalyse. Bergen, 1983. S. 76.

[13] Признание Россией норвежского независимого государства (сборник документов). М., 1958.

[14] Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 3 об.

[15] Г. Г. Цурь-Мюлен — русский вице-консул в Гаммерфесте (См.: Признание Россией норвежского независимого государства. С. 99).

[16] Признание Россией норвежского независимого государства. С. 17.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 23.

[19] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 111. Л. 45 об.

[20] Там же, Л. 46.

[21] Там же. Л. 46 об.

[22] Там же. Л. 47.

[23] *Jungar S.* Ryssland och den Svensk-Norska Unionens upplösning. Tsardiplomati och rysk-finländsk pressopinion kring unionsupplösningen fren 1880 till 1905. Ebo, 1969. S. 86—87.

[24] *Нильсен Й. П.* Указ. соч. С. 13.

[25] Там же.

[26] *Бацис П. Э.* Указ. соч. С. 31—32.

[27] Там же. С. 32—33.

[28] РГВИА. Ф. 400. Оп. 71. Д. 169216. Л. 76.

[29] Признание Россией норвежского независимого государства. С. 37.

[30] Там же. С. 39—40.

[31] Там же. С. 44.

[32] Там же.

[33] Там же. С. 46.

[34] Там же. С. 61—63.

[35] Там же. С. 50.

[36] Там же. С. 50—51.

[37] Там же. С. 52.

[38] Там же. С. 53.

[39] Там же. С. 54.

[40] Там же.

[41] Там же. С. 59. Полное имя Юхан (Иоган) Фредрик Винтер Якхельн. В телеграмме указан по первому имени, в действительности основным именем Якхельна является второе — Фредрик.

[42] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л 5.

[43] Там же. Л. 5 об.

[44] *Jungar S.* Op. cit. S. 94—98.

[45] *Бацис П. Э.* Указ. соч. С. 33.

[46] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д 111. Л. 152.

[47] Признание Россией норвежского независимого государства. С. 78.

[48] *Berg R.* Op. cit. S. 8.

[49] Ibid. S. 8—9.

[50] Признание Россией норвежского независимого государства. С. 27.

[51] Там же. С. 29.

[52] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 24.

М. А. Катцова

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «РУССКОЙ ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ» ДЛЯ ШВЕЦИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проблема так называемой «русской военной опасности» для Швеции является одним из главных факторов, определяющих шведскую внешнюю политику в начале XX в. В предвоенное десятилетие «русская опасность» активно обсуждалась и всячески муссировалась в шведских политических кругах [1]. И лишь сам ход Первой мировой войны выявил несостоятельность прежних подозрений (однако не умалил недоверия шведов к своему восточному соседу).

Феномен так называемой «русской угрозы» для Швеции интересно рассматривать в комплексе всей внешней политики Швеции начала XX в., ибо именно в это время шведский нейтралитет (традиция которого в Швеции имела на тот момент уже вековую историю) впервые подвергается серьезному испытанию. Естественно, что отношения с Россией — многовековым противником и «шведской головной болью» — теперь приобретают более острый и напряженный характер [2].

В начале XX в., особенно вплоть до 1905 г., в настроениях шведских военных преобладали пессимизм и дух пораженчества. Помимо британского и усилившегося германского флота военное командование особенно беспокоилось о возможной перспективе сопротивления русской агрессии. После расторжения унии на норвежскую армию больше рассчитывать не приходилось [3], что усиливало панические настроения.

Однако поражение России в Русско-японской войне изменило в шведском сознании восприятие термина «русская опасность» [4]. В 1907 г. в обсуждениях вопросов безопасности в Комитете обороны политики все еще были настроены достаточно скептично относительно шансов Швеции выстоять в одиночку против русского вторжения; но в военных кругах преобладали более оптимистические настроения, чем раньше. Так, например, в плане, рассматриваемом в Министерстве обороны в 1906 г., учитывалась возможность того, что Россия спровоцирует вступление Швеции в войну «дипломатической грубостью, которую шведская сторона не сможет, уважая свое достоинство, перенести» [5].

В 1908—1910 гг. сдержанная оборонительная тактика шведских военных кругов, которой придерживалось оперативное командование в предшествующий период, сменяется более агрессивными, подчас даже наступательными настроениями, что обусловили появившиеся перспективы сотрудничества с Германией, для которой антирусские настроения шведских военных и консервативных кругов были весьма кстати [6]. В данной связи Швеция начала интересоваться ситуацией в Финляндии [7], которую Россия могла использовать как плацдарм в будущей войне.

О назревающих двухсторонних отношениях свидетельствуют, в частности, берлинские переговоры 1910 г., в ходе которых шведский министр иностранных дел получил неожиданное предложение от немецкого дипломатического кабинета — заключить секретную военную конвенцию, направленную против России (консервативный кабинет Арвида Линдмана, однако, отклонил данное предложение, опасаясь спровоцировать Россию на какие-либо неблагоприятные для шведов действия [8]). В свою очередь, не желая терять Германию в качестве неофициального союзника, на встрече в 1910 г. в Берлине шведский представитель уверил немецкую сторону, что шведы будут готовы пересечь финскую границу самое большее на 14-й день после начала мобилизации. Хотя не осталось подтверждений детально разработанного плана операций в Финляндии, шведский Генеральный штаб в это время (1910—1913 гг.) разработал секретный проект сухопутной операции в районе между реками Кемь и Калике [9].

На флоте настроения были тоже в большей степени наступательными, чем оборонительными[10] (по плану 1906 г. шведский флот должен быть в состоянии проводить наступательные операции в уязвимых местах вражеского побережья). В тогдашней напряженной обстановке говорили даже о возможной войне с Норвегией, в ходе которой норвежское побережье должно быть блокировано, а флот — уничтожен под корень, не говоря уже об экономической блокаде района. В одной из статей в самой популярной шведской газете «Svenska Dagbladet» было помещено заявление морского офицера Отто Любека о том, что «новая стратегическая ситуация в Швеции дала возможность командовать несоизмеримо большими военно-морскими силами и оказать немедленное сопротивление в ситуации, затрагивающей шведские интересы»[11] (однако подобное заявление отражало мнение лишь части военного командования).

Здесь же представляется целесообразным в нескольких словах напомнить содержание термина «русская угроза»[12] в понимании шведского правительства, а также определение этого явления историками. Накануне войны дебаты в риксдаге часто шли именно при обсуждении различных форм «русской опасности». Предполагалось, что Россия стремиться к прямому доступу в незамерзающие порты на севере Норвегии, и для достижения этой цели лишь ждет подходящего момента нанести удар. Русификация Финляндии (особенно после царского манифеста 1899 г.) подогревала негодование и опасения по поводу готовящегося удара с востока. Строительство железных дорог в Финляндии и слухи о русских шпионах также интерпретировались правительством как подготовка России к нападению. В свою очередь, массовая ориентация Швеции на кайзеровскую Германию провоцировала опасения царского правительства, что Швеция может предоставить державам Оси плацдарм для нападения на Санкт-Петербург (именно это составляло главную проблему шведско-русских отношений в первые месяцы войны).

В зарубежной историографии нет единого мнения по поводу истинности и обоснованности «русской угрозы». Французский историк Л. Маури определяет в своей работе (1918 г.) «русскую угрозу» как «двустороннюю», «исходящую не столько от России, сколько от самой Швеции»[13], имея в виду, судя по всему, абсолютную необоснованность шведских опасений и излишнее раздувание милитаристских настроений, что могло «разъярить русских». Шведский историк Ф. Линдберг[14] (1958 г.) также не находит оснований считать планы России атаковать Скандинавский полуостров состоятельными, предполагая, что «русская угроза» явилась своего рода девизом для шведского правительства, мотивом для наращивания вооружений и усиления обороны страны. С. Карлссон (1980 г.), однако, замечает, что остается неясным, в какой степени Россия действительно рассчитывала атаковать Швецию. «Переселения точильщиков из России на север Швеции (именно эти миграции считались в Швеции шпионскими операциями), конечно, нельзя считать военными приготовлениями, но все же непонятно, почему русское правительство не пресекало подобные демарши, крайне накалявшие отношения со Швецией»[15]. Г. Оселиус в своем капитальном труде[16], посвященном исследованию «русской угрозы», высказывает мысль о том, что вряд ли Россия имела серьезные виды на экспансионистские захваты в Скандинавии, однако стремилась к закономерному предвоенному укреплению своих позиций на Балтике. А подобные намерения для Швеции, которая с начала XX в. стала рассматривать систему обороны своей страны не как борьбу за выживание, а с точки зрения сохранения шведского могущества и влияния в скандинавском регионе, были недопустимы и оскорбительны для шведских национальных интересов. Отсюда раздувание «русской угрозы» и осложнение отношений с Россией в период Первой мировой войны. Безусловно, никакими реальными мерами Россия не собиралась запугивать Швецию, однако шведский МИД сам затягивал узел все туже, заигрывая с Германией и тем самым давая повод России предъявлять претензии к шведскому нейтралитету (которые, к чести России, и так высказывались крайне редко). Подобным спокойствием не отличалась русская пресса (особенно бушевала националистическая газета «Новое время», выказывая крайнее недоверие к шведам). Что же касается русского МИДа, то, судя по всему, «Сазонов только в виде исключения позволял себе сомнения в искренности шведского государственного стремления к нейтралитету; с другой стороны, на его позицию немало

влияли упрямо повторяющиеся слухи о тайном сговоре шведского и германского генерального штабов»[17].

Известный российский скандинавист А. С. Кан раскрывает ситуацию следующим образом: готовясь к предстоящей войне Россия, конечно же, укрепляла свою столицу и Кронштадт, однако конкретно против Швеции никаких оперативных планов не разрабатывала (равно как и против Норвегии и Дании), поэтому, с недоумением взирая на паникующих шведов, русские по традиции сами опасались своих соседей и Генеральный штаб изучал Швецию как возможного противника, печатали карты и разговорники[18].

Подводя некоторый промежуточный итог оборонительной политике Швеции в предвоенное десятилетие и значению для нее «русской опасности», необходимо иметь в виду следующее: Швеция в масштабе мировой международной политики рассматривается в начале XX в. как держава второго ряда, «лидер среди небольших скандинавских государств». И это в некотором смысле умаляет те военно-стратегические достоинства, которыми она, без сомнения, обладала накануне Первой мировой войны. В понятии «трансатлантической державы» Швеция не могла конкурировать ни с одной из великих держав, однако на Балтике она была более чем «великой державой». Именно поэтому в конечном итоге в военных кругах Швеции начали понемногу проявляться оптимистические настроения в борьбе с «русской угрозой». Незащищенная в политическом плане Швеция к началу войны выработала достаточно четкий план действий, придерживаясь традиционного нейтралитета в мировой борьбе, однако получая большие преимущества от посреднической торговли[19].

Внутриполитическая ситуация в Швеции в предвоенные годы была крайне напряженной: основные прения шли, разумеется, именно по вопросу обороноспособности страны. В 1911—1912 гг. консерваторы, «затаив в душе горечь поражения на выборах и горя желанием отыграться при первой возможности»[20], начали проводить шумную кампанию по постройке нового поколения боевых судов — броненосцев типа F — и усиления военной мощи Швеции. Хотя либералы (и даже некоторые военные — такие, как, например, адмирал Людвиг Сиднер) были настроены скептически относительно этой программы

(считая, что следует строить не дорогостоящую наступательную, а мобильную оборонительную, шхерную флотилию — канонерки, миноносцы и др.) по некоторым пунктам они разделяли ее целесообразность[21]. Лидер партии либералов Карл Стааф считал, что если у Швеции будет достаточно сильный флот для того, чтобы осуществлять хотя бы оборонительные операции против России, она сможет также вести наступательные действия против Норвегии и Дании. Однако в общем новое либеральное правительство, при поддержке социал-демократов, придя к власти в 1911 г., сократило военные расходы.

После этого в стране началась невероятно бурная милитаристская агитация, в которой размеры «русской опасности», как обычно, значительно преувеличивались правыми партиями. Декларировалось, что не стоит больше возлагать надежд на международную поддержку, необходимо вооружаться самим «перед грозным врагом на Востоке»[22], активнее следует вести военную подготовку к самообороне. Военный психоз накаляла также позиция Густава V, который высказывался за реформу обороны, — консерваторы толковали мнение монарха, разумеется, в своих интересах. При этом интересно, что в качестве главного зла и источника агрессии зачастую указывался русский *царизм*, стремящийся к новым территориальным захватам для расширения империи[23] и не укротимый никакими демократическими институтами (таким образом, не только внешняя, но и внутренняя политика России — ее государственный строй — подвергались критике). И хотя было ясно, что накануне войны для России в Балтийском регионе создалась своеобразная «патовая» ситуация (даже если бы Россия хотела что-либо изменить в Скандинавии в свою пользу, она не смогла бы осуществить этого без сопротивления Великобритании и Германии), дух пораженчества и паника шведской общественности в предвоенные годы этим не умалялись[24].

В преддверие войны в Швеции расцвел «активизм»[25], возникший вначале как антирусский, а с ходом войны приобретший антианглийскую направленность. Активисты представляли собой узкую, но влиятельную группировку — сюда входила только элита общества (офицеры, дипломаты, профессора, некоторые члены королевской семьи). Их пропаганда была сосредоточена на убежденности, что Россия, «наследственный

враг шведского государства», собирается атаковать шведские порты ввиду войны между Англией и Германией и в связи с этим активисты небезуспешно раздували в сознании шведов нависающую «русскую угрозу», трактуя выступление Великобритании в союзе с царской Россией как «ужасное предательство всей европейской цивилизации» [26]. Активисты, поджидая удобного момента для вступления в войну на стороне Тройственного союза, задействовали все обширные, доступные им средства массовой информации — прежде всего печать. Воззвания «активистов» часто носили романтический характер: Свен Хедин утверждал, что в «этом соперничестве германской и славянской культур, безусловно, Швеции надлежит выступить на стороне Германии» [27]. Профессор Рудольф Йеллен, апологет консервативного движения «активистов», определял «идею 1914 года» как противоположность «идее 1789 года»: «вместо свободы, равенства и братства мы хотим видеть порядок, культуру и высокую моральность» [28], чему победа Германии в войне будет, по его мнению, очень способствовать. В своих выступлениях он называл Швецию «оплотом германского народа перед лицом культуры менее развитой» (имея в виду славянскую) и пропагандировал идею создания пангерманистской национальной общности. Уже в течение первых военных лет «активисты» дважды поднимали кампанию в печати с целью вовлечь Швецию в войну, но оба раза неудачно [29] (первый раз — летом 1915 г. в период наибольших успехов Германии на восточном фронте, второй — летом 1916 г., когда ослабевшие «активисты» требовали войны не столько против России, сколько против Англии). И в целом «активистское» движение подавлялось силой антивоенных настроений шведского народа, а также сравнительно малой заинтересованностью Германии в распространении военных действий на Скандинавию и, наконец, добрососедской политикой России в отношении Швеции.

Не последнее место в российско-шведских отношения предвоенного периода играло обострение ситуации в Финляндии: правые экстремисты требовали прервать железнодорожные коммуникации в случае выступления России против Швеции, а также организовывалась система шпионажа (так как подобные предложения не нашли в Финляндии отклика, шведский генеральный штаб начал планировать налеты на финское побережье специальных карательных сил, которые, к счастью, не осуществились). Наиболее детально разработанной стала так называемая «операция против X» [30], которая была одобрена шведским командованием в феврале 1912 г. и заключалась в следующем: в течение 12 часов после приказа начать операцию: два торпедных крейсера должны были покинуть морскую базу в Стокгольме, направляясь в Обболу, где они соединятся с несколькими баржами и получат подкрепления 20-й пехотной дивизии; на борту эти крейсеры имели бы минометные орудия и множество взрывчатки и направлялись на финское побережье.

Таким образом, по столь мощным для небольшой страны приготовлениям можно судить о том, что на международное право и поддержку, как и в предыдущий период, Швеция не возлагала особых надежд. Поэтому все большее внимание стало уделяться вопросам «самообороны» против (прежде всего) России. И хотя после расторжения унии с Норвегией шведские войска уменьшились примерно на 20 тыс. человек [31], уверенность в возможности достойно встретить русское вторжение, сразу сосредоточив действия на вражеской территории, становилась все прочнее в шведских военных кругах.

Однако противоречия в общественно-политической жизни Швеции бурлили. Парламент раскололся на две части. Большинство либералов (и, прежде всего, сам Стааф) утверждали, что общее положение требует укрепления обороны на той же основе, что и в 1890-х гг. Правые же требовали немедленной и полной реформы обороны. Этого же мнения придерживался, начиная с 1911 г., король Густав V, иногда находясь даже в остром противоречии с правительством. Военный психоз в Швеции раздувался также извне агентами Германии и стран Антанты, усиленно готовившихся к войне и поэтому не жалевших средств для подготовки скандинавского плацдарма [32].

Одной из главных вех общественной жизни предвоенного времени стал выход в знаменитом шведском издательстве «Albert Bonnier» написанной в сенсационном антирусском духе брошюры доктора философии, известного путешественника Свена Хедина («Слово предостережения», 1912 г.) [33]. Эта брошюра-прокламация, по сути напоминающая собранные в одну

книгу провокационные листовки, но по объему — небольшую книгу (70 страниц мелким шрифтом в изначальном, шведском варианте), вышла огромным по тем временам тиражом — 420 тыс. экземпляров и взбудоражила все шведское общество, культивируя пресловутую «русскую угрозу» (русская газета «Новое время» назвала этот тираж «420 тысяч книг клеветы на Россию»). По этическим соображениям подобное выступление С. Хедина выглядело как нож в спину — сам путешественник не раз пользовался русским гостеприимством, проезжая транзитом в Персию и Тибет через Россию. Его неоднократно принимали при русском императорском дворе, он имел едва ли не дружеские связи с русскими дворянскими домами, и теперь отзывался о стране, с которой так долго сотрудничал по роду своих занятий, оскорбительно, как о главном враге своей родины. Вокруг «Слова предостережения» сразу разгорелся ожесточенный спор между консерваторами и либералами, который может послужить лучшим примером для выявления тех точек зрения по вопросам внешней политики, которые существовали в шведском обществе накануне войны.

Основные положения брошюры Гедина заключаются в следующем: Швеция, маленькое государство, должна в первую очередь и всегда держать наготове восточный фронт, так как «именно на Востоке когда-нибудь завяжется дело» [34]. Россия имеет, по мнению автора, то, чего недостает Швеции — определенную цель своей внешней политики (не довольствуясь Балтикой, в течение 200 лет она неизменно пробивается к мировому океану), и идти своей дорогой, когда прочие великие державы будут заняты войною, России не помешает никто. После 1905 г. России пришлось отложить свои планы на Тихий океан — ныне она форсирует новую линию, проникновение к Индийскому океану. «Куда же Россия затем направит свои взоры? К Ледовитому океану, который непригоден для навигации и устройства морских станций? Остается третий путь — Атлантика. <...> Московская Русь, крадучись, тихо и осторожно, как холера, впилась в Финляндию и шаг за шагом приближается к нашей восточной границе, строит железные дороги для переброски войск. <...> Но Швеция может защититься, так как, как учит история, в наступательных войнах никогда, а в оборонительных очень редко могла использовать

всю свою военную мощь» [35]. Не выбирая зачастую выражения, Гедин и далее в таком же духе повествует о нависшей над Швецией угрозе.

Прогрессивные газеты («Jämtlands Tidning», «Dagens Nyheter», «Socialdemokraten») сразу ответили на эти рассуждения жесткой и здравомыслящей критикой. «Если русские уяснят себе, — писала “Jämtlands Tidning”, — что на их народ и страну постоянно клевещут в Швеции, они, конечно, быстро откажутся от дальнейших экономических связей с нами. Нельзя, в самом деле, требовать от русских большего снисхождения, чем от других людей. <...> Поведение профессора Гедина относительно России неприлично. (Наука, твое ли дело звать на кровопролитие?..) Безответственные выпады правых, выдающих себя за партию торговли и промышленности, нанесли шведской промышленности гораздо больше вреда, чем сами в состоянии исправить. <...> Правительство обязано снять со шведского народа ответственность за писания Гедина» [36].

Как в Швеции, так и в России в 1912 г. вышли многочисленные статьи и брошюры-ответы, брошюры-опровержения «Слову предостережения» [37]. Защищать Россию бросились такие известные шведы, как Август Стринбдерг, Фабиан Монссон (член риксдага), социал-демократ Густав Меллер. Наиболее развернутую и яростную критику направил в адрес Гедина некий дворянин, напечатавший свою работу под псевдонимом Гаральд Свенске. Требуя прекратить шарлатанское запугивание русскими и призывая правительство решать вопросы обороны в мудром спокойствии, Свенске отмечает: «У нас в Швеции практиковался всегда обычай не принимать ни самомалейшей меры по обороне без того, чтобы демонстративно не указать на “врага”, против которого направлены наши вооружения. Величайшая бестактность, которая легко могла бы вовлечь нас в войну с соседом, будь он хоть несколько раздражителен. Но Россия не вспыльчивая нация, она с изумительной выдержкой относилась к нашим воинственным демонстрациям. Нас пугают финляндской проблемой — но даже сами финляндцы не раз открещивались от непрошенной опеки великошведской партии! <...> история говорит нам, что Россия никогда не была для нас опасною, если мы сами не нарушали ее покоя <....> мы можем защититься взаимной пониманием и дружбой, так как

военной столкновение между Россией и Швецией выглядит, скорее, как стычка медведя с малорослой собакой, локомотива с дрезиной»[38].

Из вышеприведенных фрагментов, которыми изобиловала шведская печать накануне войны, видно, что далеко не вся интеллигенция придерживалась того же мнения, что и Свен Гедин, и приписывать антирусские настроения какому-то определенному сословию или социальному слою шведского общества в высшей степени неверно.

Однако в 1912 г. антирусская агитация не завершилась. Пиком панических настроений стал так называемый «крестьянский поход» в феврале 1914 г., когда 30 тыс. крестьян и помещиков съехались со знаменами и хоругвями в Стокгольм, требуя усиления шведской армии и флота[39]. Это движение было организовано консерваторами (так называемое народно-патриотическое движение «друзей обороны»)[40], и особенно важно то, что милитаристские требования участников похода публично поддержал король, выступив перед собравшимися во дворе королевского дворца с речью, несогласованной с премьер-министром и, более того, — отчасти написанной Хедином. Речь была воспринята как антиправительственная, и, заявив свой протест, который Густав V отклонил, либеральный кабинет ушел в отставку — так называемый «кризис внутреннего двора» (*borggerdskrisen*). После победы консерваторов на выборах их лидер Я. Хаммаршельд провел-таки военную реформу в соответствии с требованиями милитаристов, однако она была «смазана» политическим кризисом летом 1914 г., в разгар которого разразилась мировая война...

Необходимо заметить, что также и прогерманские настроения консервативных кругов шведского правительства, особенно придворного лагеря, сильно обостряли шведско-русские и шведско-английские отношения в предвоенные годы, несмотря на заверения нового кабинета Хаммаршельда (и его министра иностранных дел К. А. Валленберга) сохранять строгий нейтралитет в случае европейской войны. В первые дни войны державы Антанты официально объявили о своем намерении уважать нейтральную политику Швеции, однако Швеция до последнего тянула с ответом (шведские официальные декларации о нейтралитете от 31 июля и 3 августа) были обнародованы в последний момент, и еще 2 августа Валленберг грозил английскому посланнику вступить в войну на стороне Германии в случае выступления Англии на стороне России. Однако уже на следующий день министр старался замять свое голословное заявление. Тем не менее, очевидно, что на первом этапе войны страны Антанты (особенно сильно этого опасалась Россия, для которой балтийский регион становился в наступившей войне крайне важным в стратегическом плане) считали Швецию вероятным союзником кайзера. На официальном дипломатическом уровне все шаги Швеции были тем не менее безупречны. Российский посланник в Швеции, корректный и по-современному либеральный А. В. Неклюдов, был сразу оповещен о шведском нейтралитете, на что и удовлетворенный российский МИД заверил королевское правительство в полном уважении шведской независимости.

Рядовому же шведу эти объявления не принесли никакого облегчения — «русская угроза» слишком прочно укоренилась в народном сознании. В начале августа, после известия об объявлении Германией войны России, в Швеции началась паника: жизнь в портах замерла, спешно закупалось продовольствие, дачи шведов в шхерах опустели (так как этот район представлялся наиболее вероятным для нападения России). В первых числах августа шведский посланник в Берлине Арвид Таубе в срочном письме к А. Линдману настоятельно советовал немедленное выступление на стороне Германии, отмечая, что «хотя Швеция как военная держава, может быть, и незначительна, но в данной обстановке ее участие может оказать влияние на ход войны»[41].

Уже 2 августа по всей Швеции стала проводиться частичная мобилизация. В боевую готовность были приведены флот и военные базы. Шведское командование опасалось, что со стороны России могут последовать какие-либо меры предупредительного характера. Особенно укреплялся район острова Готланд. Надо заметить, что русское командование действительно готовило превентивный удар по Швеции, но лишь в случае, если германский флот попытается соединиться со шведским. 9 августа, спустя неделю после начала войны, русский балтийский флот направился к острову Готланду с намерением заблокировать шведам выход из портов и держать блокаду в те-

чение всей Русско-германской войны. Предполагалось предъявить шведскому флоту ультиматум с тем, чтобы он на все время войны отошел в Карлскруну[42]. Однако, не дойдя до цели, в последний момент эскадра была отозвана петербургским морским ведомством. Этот шаг тем не менее не явился демонстрацией доверия России шведским обещаниям, и русские власти продолжали готовиться к отражению ожидаемой атаки объединенного шведско-германского флота.

В целом же шведский нейтралитет, хоть и подтачиваемый Германией, обрадовал Антанту (и в первую очередь Россию), да и вопреки ожиданиям многих шведов, всерьез воспринимавших русскую угрозу, отношения с Россией в ходе войны складывались благоприятно. Для воюющей России строгий международно-правовой нейтралитет Швеции (особенно в связи с ее стратегическим положением как товарно-транзитным пунктом) значил очень много. Петроград мирился и с прогерманскими интригами, опутавшими шведские правительственные круги, и постоянно предостерегал и западных союзников от разрыва со Швецией.

Пожалуй, лишь по единственному моменту между двумя странами возникали серьезные разногласия. Самый крупный конфликт возник в 1916 г., когда в шведской прессе и в риксдаге поднялась волна возмущения по поводу того, что «русские, несмотря на их обещания по Балтийским трактатам 1856 года, начали укреплять Аланды»[43]. В 1856 г. Аланды были демилитаризованы, но не нейтрализованы. Русские действительно высадили десант на Аландских островах, но сразу же заверили шведов, что острова используются только в оборонительных целях против возможных действий германского флота и все укрепления после окончания войны будут здесь срыты. Успокоенная временным характером русских мероприятий, Швеция не заявила официальных протестов. Между обоими правительствами начались переговоры о новом статусе Аландов, но они вплоть до выхода России из войны не завершились. К тому же против развязывания новой антирусской кампании по аландскому вопросу решительно выступили ведущие парламентарии и крупные шведские организации, заинтересованные в поддержании нормальных отношений с Россией и Англией как с важными торговыми партнерами[44]. Таким образом,

уже во второй половине 1916 г. в Петербурге были твердо уверены в надежности шведской мирной позиции.

Россия, со своей стороны, была возмущена движением за освобождение Финляндии и превращение ее в самостоятельное государство, которое разжигали беженцы из Финляндии в Стокгольме. Швеция также без возражений пропускала через свою территорию тысячи финнов (преимущественно егерей и охотников), направляющихся в Западную Германию, где они получали военное образование, многие из которых по возвращении на родину становились революционерами.

Финляндский вопрос (и в период нахождения Финляндии в составе России, и после получения Финляндией независимости в 1917 г.), таким образом, создавал известное напряжение в шведско-русских отношениях. До 1917 г. Россия обращала особое внимание на укрепление своей границы со Швецией, которая находилась именно в Финляндии. Е. Ю. Дубровская в своей статье приводит любопытные выдержки из донесений капитана Уперова, служившего в русском армейском корпусе, расположенном в Норботтенском лене. Делая военный очерк местности, Уперов указывает: «Трудно предположить, что когда-либо между Швецией и Россией возникнет война, а еще труднее, что военные действия разовьются на сухопутной русско-шведской границе, но было бы неосновательно совершенно отрицать возможность вооруженного столкновения с соседом... и отказываться от изучения театра военных действий только потому, что он является второстепенным»[45]. И далее Уперов подчеркивает, что «пока власть находится в руках свободомыслящих с премьер-министром Стаафом во главе, возможно, Швеция будет сохранять нейтралитет, но правительство это не вечно и главное, что придворная партия, очень сильная, призывает к союзу с Германией против России»[46]. Хотя этот документ датирован 1913 г., на наш взгляд, он отражает мнение большой части русских военных кругов и касательно первых лет войны. Таким образом, Финляндия привлекала особое внимание русского командования. После же 1917 г. шведско-русские отношения в связи с финляндскими событиями обострились.

Как указывает в своей «Истории Швеции» И. Андерссон, шведское правительство довольно открыто способствовало

финским белогвардейцам в их борьбе против Советской России после революции 1917 г. Советская власть еще 31 декабря 1917 г. признала независимость Финляндии, буржуазное правительство Свинхувуда фактически превратило Финляндию в необходимый Германии плацдарм для нападения на Россию [47]. Через Швецию из Германии пересылали вооружение для финнов, а в Финляндию, как указывалось выше, переправлялись отряды финской молодежи, проходившие специальную военную подготовку в Германии. Когда же Германия попыталась организовать интервенцию с целью захвата Финляндии (под предлогом ее полного отделения от России) Швеция, оставаясь формально нейтральной, не препятствовала вербовке добровольцев, а в феврале 1918 г. пыталась захватить Аландские острова, принадлежавшие России [48]. В марте 1918 г. спор между Германией, Швецией и Финляндией был урегулирован сепаратным соглашением о демилитаризации Аландов. Наконец, отметим, что в 1917 г. скандинавские государства (в частности, Швеция) официально не признали Советское правительство в России, но до конца 1918 г. поддерживали с ним тесные экономические связи (одной из удач взаимовыгодной торговли стало советско-шведское торговое соглашение в июне 1918 г.).

В целом отношения Швеции с Россией в военный период складывались довольно благоприятно, омрачаемые в начале войны реакцией шведов на пресловутую «русскую опасность» (антирусские настроения части политических партий в ряде случаев тоже подрывали авторитет России в глазах шведского общества) и небольшими (в масштабах идущей мировой войны) конфликтами по аландскому и финляндскому вопросам. Более того, русская дипломатия, осознав намерения Швеции не примыкать к германскому блоку, и будучи, возможно, больше всех заинтересованной в сохранении ее нейтралитета, даже неоднократно пыталась добиться от Англии (своего союзника) смягчения блокадных строгостей в отношении Швеции, а также старалась всячески поощрить и одобрить курс нейтралитета Швеции. Напротив, в первый период войны 1914—1916 гг., несмотря на то что в шведской прессе появлялось очень много негативных отзывов о России, «на самом деле шведская элита всерьез опасалась не России, а Германии... от которой в начале войны исходила наибольшая угроза национальной безопасности Швеции, и... шведский нейтралитет в первый период войны носил ярко выраженный прогерманский характер» [49].

«Русскую угрозу» («ryska faran»), таким образом, следует рассматривать отчасти как один из предлогов, эффективных способов для шведской элиты воздействовать на риксдаг для увеличения ассигнований на оборону. С другой стороны, «русская опасность» — явление, скорее, психологического характера, суть которого заключалась не в реальных фактах, действиях со стороны Российской империи, а в опасениях и общественном мнении самих шведов, которые, однако, очень ощутимо могли отразиться, при неблагополучном стечении обстоятельств, на шведско-российских отношениях военного периода.

К счастью для обеих сторон, обоюдная сдержанность, взвешенность в принятии решений и относительное взаимопонимание перевесили недоверие шведов и русских, что и определило мирную дипломатию двух стран по отношению друг к другу в ходе Первой мировой войны.

---

[1] См., например: *Johansson F.* Sverige partipolitiseras: Dagpressen som en spegel av politisk utveckling 1896—1908. Kungalv; Lund, 1977; *Andersson R.* «Svenska Dagbladet» och det politiska livet, 1897—1918. Uppsala; Stockholm, 1952.

[2] Об этом см.: *Nerman T.* Svensk och ryss: Ett ingänge i krig och handel. Stockholm, 1946.

[3] См. подробнее: *Thulstrup A.* Svensk politik 1905—1939 fren unionsupplösning till Andra världkriget. Stockholm, 1968. 191 s.

[4] См. об этом: *Burgman T.* Svensk opinion och diplomati under rysk-japanska kriget 1904—1905. Uppsala, 1965.

[5] *Eselius G.* The «Russian menace» to Sweden: The belief system of small power security elite in the age of imperialism. Stockholm, 1994. P. 347.

[6] *Torbacke J.* «Försvaret främst». Tre studier till belysning av borggerdskrisens problematik. Stockholm, 1983. S. 34.

[7] Подробнее см.: *Менгер М.* Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны // Скандинавский сборник. XVII. Таллин, 1972. С. 110—128.

[8] *Carlgren W.* Neutralität oder Allianz: Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des ersten Weltkrieges. Stockholm, 1962. S. 253.

[9] *Eselius G.* Op. cit. P. 186.

[10] См. об этом: Svenska flottans historia: Bd. III. Andra perioden 1881—1945. Malmö, 1949.

[11] *Saxlund T.* 1914 ers ideer (en studie i svensk litteratur). Stockholm, 1975. S. 78; *Andersson R.* Op. cit. S. 95.

[12] См. об этом: *Aselius G.* Op. cit. 455 p.

[13] Цит. по: *Malmborg M.* Neutrality and state-building in Sweden. New York, 2001. P. 105.

[14] См., напр.: *Lindberg F.* Kunglig utrikespolitik (studier i svensk utrikespolitik under Oskar II fram till borggerdskrisen). Stockholm, 1966; *Lindberg F.* Scandinavia in Great Power politics 1905—1908. Stockholm, 1958.

[15] Цит. по: *Malmborg M.* Op. cit. P. 106.

[16] См.: *Eselius G.* Op. cit.

[17] Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. III:4. Stockholm, 1958. S. 290.

[18] *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 180.

[19] См., в частности: *Bäckman I.* Sveriges handelsintressen i ryska riket. Stockholm, 1912.; *Nerman T.* Op. cit.

[20] *Гедина С.* «Слово предостережения» и полемика, вызванная ею в Швеции. СПб., 1912. С. 4.

[21] См. подробнее: Svenska flottans historia: Bd. III. Andra perioden 1881—1945. Malmö, 1949. S. 309—376.

[22] *Emeljanov N.* Rysslands framträngande till Atlanten och de rysk-svenska relationernas framtid (Svar pe «Ett varningsord» af Sven Hedin). Petrograd, 1915. S. 22.

[23] См., в частности: *Гедина С.* Указ. соч.

[24] См.: *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. С. 176—181.

[25] Такое название течения обусловил наиболее ходовой его лозунг — «Активный нейтралитет!».

[26] *Thulstrup A.* Op. cit. S. 60.

[27] Ibid.

[28] Цит. по: *Malmborg M.* Op. cit. P. 109.

[29] См. подробнее: *Carlgren W.* Op. cit.

[30] *Berge A.* Sakkunskap och politisk rationalitet. Den svenska flottan och pansarfartygsfregan 1918—1939. Stockholm, 1987. S. 34.

[31] *Lindberg F.* Kunglig utrikespolitik. S. 67.

[32] См. Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. III:4 (1872—1914). Stockholm, 1958. S. 145-155.

[33] См. подробнее: *Гедина С.* Указ. соч.

[34] Там же. С. 5.

[35] Там же. С. 7—18.

[36] Там же. С. 22—23.

[37] См. например: *Emeljanov N.* Op. cit.

[38] *Гедин С.* Указ. соч. С. 31—36.

[39] См. об этом: *Torbacke J.* Op. cit. S. 178.

[40] См. подробнее: *Nyman O.* Högern och kungamakten 1911—1914. Ur borggerdskrisen fürhistoria. Uppsala; Stockholm, 1957.

[41] Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. IV. Stockholm, 1951. S. 37.

[42] Ibid. S. 59.

[43] *Norgborg L.-A.* 170 ers i Sverige: svensk samhällsutveckling 1809—1979. Berlings, 1982. P. 118.

[44] См. подробнее: *Nerman T.* Svensk och ryss: Ett ingänge i krig och handel. Stockholm, 1946. 367 s.

[45] Цит. по: *Дубровская Е. Ю.* Шведское общество и мировая война (по материалам 1914—1917 гг. в делах русских военных властей в Финляндии) // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. С. 217.

[46] Там же.

[47] См. об этом: *Андерссон И.* История Швеции. М., 1951. С. 393.

[48] Об этом см. подробнее: История Швеции. М., 1974. С. 453.

[49] *Новикова И. Н.* Между молотом и наковальней. Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб, 2006. С. 395.

И. Н. Новикова

О ПОБЕГАХ НЕМЕЦКИХ И АВСТРИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЧЕРЕЗ ФИНЛЯНДИЮ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Тема военнопленных воюющих держав в годы Первой мировой войны не является новой для российской историографии. В советский период историки уделяли преимущественное внимание трем аспектам проблемы: формированию из военнопленных национальных воинских частей, агитации большевиков среди военнопленных и участию последних в событиях Октябрьской революции [1]. В настоящее время как отечественные, так и зарубежные исследователи проявляют повышенный интерес к таким вопросам, как взаимоотношения военнопленных с властями и местным населением, реинтеграция бывших военнопленных в гражданское общество [2]. Целью данной статьи является стремление привлечь внимание историков к такому практически неисследованному в историографии аспекту, как побеги немецких и австрийских военнопленных из внутренней России через Финляндию и Скандинавские страны. Северо-западный путь пересечения российской границы считался среди немецких и австрийских пленных одним из самых безопасных.

Первая мировая война привела в движение миллионы людей. На полях сражений столкнулись регулярные армии, насчитывавшие в своих рядах сотни тысяч солдат и офицеров. Столкновение армий привело к резкому увеличению числа военнопленных воюющих сторон. К 1 марта 1916 г. общее количество немецких и австрийских военнопленных в России, по официальным данным, составило 1 млн 19 тыс. 473 чел. [3] Всего в России за годы войны оказалось более 2 млн военнопленных, подавляющую часть которых составляли солдаты и офицеры австро-венгерской армии [4].

Размещение военнопленных было организовано «сообразно с национальностью». В привилегированном положении оказались военнопленные славянского, румынского и итальянского происхождения. Пленных же немцев, австрийцев и венгров, как «менее надежных», отправляли подальше от центра — обычно за Урал. Значительная часть пленных была размещена в Омском, Иркутском, Туркестанском и Приамурском военных округах.

Условия содержания военнопленных в России были нелегкими, но их положение не имело ничего общего с тем, что пришлось испытать пленным в годы Второй мировой войны. Гаагская конвенция 1907 г. провозгласила принципы гуманного обращения с военнопленными. В октябре 1914 г. Николай II утвердил «Положение о военнопленных», где говорилось о том, что с пленными «как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво» [5]. Разумеется, на практике декларации сталкивались с жесткой реальностью и не всегда выполнялись в полном объеме. Но физическое уничтожение пленных, бесспорно, не входило в круг задач ни российских, ни германских властей. Правительства воюющих стран просто не были готовы к такому большому количеству пленных. Обеспечение приемлемых условий существования для сотен тысяч военнопленных являлось непосильным бременем для экономики воюющих государств. Поэтому труд военнопленных использовали все воюющие страны. В России, экономика которой была подорвана войной, военнопленные стали одним из основных резервов пополнения рабочей силы. Уже весной 1915 г. из-за крайнего недостатка рабочих рук началось широкое привлечение военнопленных к работам практически во всех отраслях экономики. Военнопленные трудились на строительстве укреплений, на лесозаготовках, в шахтах, на рудниках, на металлургических заводах, строительстве железных дорог. В первой половине 1917 г. количество занятых на различных работах пленных превышало 1,5 млн чело-

век[6]. Размещенные за Уралом «ненадежные» немцы и австрийцы постепенно стали направляться на работы в центральную Россию, что облегчало возможность для побегов.

Однако на организацию побега решались самые дерзкие и отчаянные люди. При этом наиболее популярными среди военнопленных являлись маршруты перехода границы через Финляндию — в Норвегию или Швецию. Для этого имелись соответствующие причины: во-первых, тысячи военнопленных были отправлены на постройку Мурманской железной дороги, расстояние от отдельных пунктов которой до границы составляло «всего» 125 км, правда, по безлюдным просторам Карелии или Мурмана. Кроме того, северная Финляндия слабо контролировалась российскими военными органами, а некоторые финны оказались способными проводниками. В конце войны участились побеги военнопленных через южную Финляндию: из Петрограда по железной дороге до финско-шведской границы. Наконец, определенную помощь оказывала Швеция, где под дипломатическим прикрытием работали многочисленные немецкие и австрийские агенты, а шведский Красный крест, имевший доступ с инспекторскими проверками на территорию лагерей для военнопленных в России, также часто выполнял «особые поручения» Берлина.

Первые сведения об удачном пересечении военнопленными финско-шведской границы попали в руки российских военных властей осенью 1915 г. Причем источником информации оказались шведские газеты. В одной из шведских газет был описан случай бегства шести германских военнопленных, из которых трое перешли границу в 20 км севернее Торнео и 13 ноября 1915 г. были радушно приняты жителями одного из шведских сел, откуда они отправились затем в Германию. В статье также сообщалось, что бежавшие работали на строительстве Мурманской железной дороги. Строительство этой стратегически важной для России железной дороги военнопленные немцы расценивали как «личное оскорбление». Но ненависти к россиянам они не испытывали. Местное население относилось к ним в целом неплохо. Как сообщил один из беглецов: «Там на Севере не занимаются политикой, а более придерживаются чувства любви к ближним: приютить озябшего и насытить голодного — пусть он друг или враг»[7].

Второй случай удачного побега, ставший достоянием общественности благодаря шведским газетам — это побег австрийского полковника графа Лубенского из лагеря военнопленных под Костромой. В конце декабря 1915 г. полковник Лубенский прибыл в Стокгольм и дал интервью шведской газете «Стокхольмс Дагблад», где красочно обрисовал картину своего побега. Переодевшись в штатскую одежду, полковник незаметно затерялся в толпе посетителей и вышел из лагеря для военнопленных. Лубенскому удалось приобрести российский паспорт, с которым он путешествовал на поезде по территории России, а затем пересек Финляндию. Финны переправили его через Ботнический залив в Швецию, где австрийский полковник оказался под покровительством германского консула. Дальше Лубенский планировал отправиться через Берлин к себе на родину — в Вену[8].

Военнопленные использовали несколько маршрутов для побегов. Достаточно распространенным был маршрут Петроград — Белоостров — Выборг — Гельсингфорс. Из Гельсингфорса пленные стремились попасть в финские города на побережье Ботнического залива или переходили шведскую границу в северной Финляндии. Другой распространенный маршрут побега — это Сердоболь (Сортавала) — Нейшлот — Оулу — Торнео, а далее переход границы севернее Торнео. При этом фальшивые документы в Петрограде можно было приобрести, в частности, в Польской аптеке, которая находилась на Екатерининском канале. В Гельсингфорсе документы продавались в ночлежном доме «Армии спасения»[9].

Определенной популярностью среди военнопленных пользовалось норвежское направление. Например, в середине июля 1916 г. на ушедшем из Архангельска норвежском пароходе «Плутон» отправились на родину два бежавших из Сибири военнопленных немца. Они спрятались на пароходе незадолго до его ухода из Архангельска и благополучно добрались до Норвегии[10].

Весьма притягательной целью для побегов военнопленных являлись также норвежские порты Нарвик и Киркенес. По сообщению российских консулов в Норвегии, в середине августа 1916 г. в Киркенес прибыло 18 пленных австрийцев, бежавших из северной Финляндии[11]. В сентябре 1916 г. российский

императорский консул в Финмаркене сообщил о побеге еще двух пленных, которые в Петрограде купили фальшивые паспорта, затем по железной дороге проехали до Рованиеми, оттуда прошли пешком до лопарских селений и спустились вниз по реке к Порсандерфъорду. Здесь они сели на пароход и прибыли в Норвегию [12].

Бежавшие из российского плена так красочно описывали неспособность властей обеспечить надлежащую охрану пленных, что руководители немецкой военной разведки в Стокгольме даже предлагали организовать «спасательную операцию», чтобы с помощью «оружия и компаса» освободить тысячи военнопленных, работавших на Мурманской железной дороге [13]. Предложение, однако, не вызвало энтузиазма в Берлине.

Следует заметить, что «северный путь» побегов выбирали, прежде всего, пленные, работавшие на постройке Мурманской железной дороги. В августе 1916 г. военный министр Д. Шуваев сообщал в Министерство путей сообщения о том, что «бегство пленных с Мурманской железной дороги превратилось в постоянное явление и стало в последнее время массовым. Средств же задержать всех бегущих имеется недостаточно». Военный министр просил принять меры для более строгого надзора за военнопленными [14].

Однако в министерстве путей сообщения предпочитали не драматизировать ситуацию. По данным этого ведомства, за время пребывания военнопленных на строительстве Мурманской железной дороги — с июня 1915 по август 1916 г. — было совершено 189 побегов, причем 134 беглеца сами вернулись или были пойманы. Таким образом, лишь 55 человек российские власти не смогли разыскать. В то же время количество пленных, строивших железную дорогу, достигало 40 тыс. чел. Отсюда отношение числа бежавших к числу всех пленных — 0,14%. Поэтому охрана пленных, по мнению чиновников министерства путей сообщения, была вполне удовлетворительной [15].

Противоположного мнения придерживался архангельский губернатор Бибиков. В своем докладе в Министерство внутренних дел он назвал другие цифры побегов: за весну-лето 1916 г. с постройки Мурманской железной дороги, оказывается, бежало 177 военнопленных, а задержано всего 23, остальные 154, возможно, успели перейти границу [16].

Губернатор считал, что розыск пленных «становится почти невозможным и обнаружение бежавших может быть лишь чистой случайностью». С точки зрения Бибикова, «надзор за пленными настолько слаб, что они без всякой охраны разгуливают не только по селениям, лежащим близ железной дороги, но и свободно посещают... иностранные теплоходы». Вероятно, архангельский губернатор сгущал краски, но на то были свои причины. Население приграничного с Финляндией региона было крайне малочисленным, «большей частью состояло из стариков, женщин, детей, которых некому охранять». Поэтому губернатор просил министра внутренних дел заставить руководство Мурманской железной дороги усилить надзор за военнопленными, запретить им посещение городов и сел без усиленного конвоя, укрепить на границе с Финляндией военные кордоны [17].

Действительно, несмотря на оптимизм чиновников Министерства путей сообщения, реальное положение на Мурманской железной дороге оставалось сложным. Во второй половине 1916 г. со строительства этой дороги только по официальным данным бежали около 230 военнопленных [18]. Пленные устраивали преимущественно групповые побеги, ибо пробраться в одиночку до границы с Финляндией по безлюдным просторам Севера являлось задачей трудно осуществимой. Далеко не всем удавалось перейти границу. Тех, кого арестовывали в Финляндии, возвращали в лагеря для военнопленных.

Ситуация на Мурманской железной дороге привлекла внимание представителей международного и российского Красного Креста. Бежавшие со строительства Мурманской железной дороги немцы рассказали на родине о невыносимо тяжелых условиях существования. Государство выделяло средства на строительство бараков, медицинское обслуживание пленных, необходимые одежду и медикаменты, но значительная часть средств, как показала экспертиза шведского Красного Креста, не доходила до адресатов и оказывалась в карманах подрядчиков, руководителей стройки, чиновников и охранников [19]. В августе 1916 г. здесь побывал член Особого комитета помощи военнопленным М. Горяинов. Цель поездки заключалась в том, чтобы раздать пленным подарки, собранные для них в Австро-Венгрии и Германии, и познакомиться с условиями содержа-

ния. В своем отчете Горяинов, который одновременно являлся представителем российского Красного Креста, сделал акцент на тяжелом положении военнопленных. «Военнопленным не удалось предоставить сносные условия на строительстве этой дороги... Из 10 тыс. славян, поступивших в 1915 г. на работу, в настоящее время не осталось почти никого. Одни умерли, другие уже эвакуированы по болезни, а остальные ожидают эвакуации... Каждый пленный, пробывший на тяжелой работе свыше года, заболевает цингой, но чаще и раньше срока», — сообщал Горяинов. Арестованные беглецы среди причин, толкнувших их на побег, называли невыносимо тяжелые климатические условия и условия содержания. Вид людей, заболевших цингой, производил на остальных такое сильное впечатление, что они решались на побег. Кроме того, пленные жаловались на жестокость охраны, состоящей преимущественно из «не дисциплинированных, плохо понимавших русский язык, без нужды прибегавших к нагайке» и занимавшихся вымогательством денежных средств черкесов, ингушей, других выходцев с Северного Кавказа. Но и такая охрана была немногочисленной. Сами участники побегов утверждали, что осуществить побег было легко из-за малочисленности охраны. В августе 1916 г. она составляла 942 горца [20], т. е. на каждого стражника приходилось более чем по 40 пленных. К тому же военнопленные обладали определенными денежными суммами. Расценка труда пленных на строительстве дороги в среднем составляла 50—60 коп. в день, при сдельной работе — от 1,5 до 2,5 руб. Лучшие работники, которыми считались прежде всего немцы как наиболее трудолюбивые и дисциплинированные, зарабатывали по 100 руб. в месяц при 9-часовом рабочем дне [21]. Таким образом, даже с учетом постоянных задержек в выплате зарплаты, у пленных имелись необходимые денежные средства, чтобы решиться на побег.

Кроме того, в Швеции существовала специальная организация, которая оказывала помощь в побегах. За денежное вознаграждение ее члены нанимали финских проводников, которые затем отправлялись на строительство Мурманской железной дороги, предлагая военнопленным свою помощь [22]. В частности, одной из ключевых фигур в организации побегов военнопленных с Мурманской железной дороги являлся бывший

немецкий консул в пограничном с Финляндией шведском городке Хапаранда Свен Унандер. С началом войны он сотрудничал со шведским Красным Крестом, имея, таким образом, свободный доступ на территорию России [23].

Для борьбы с побегами российские военные власти приняли решение довести численность стражи на Мурманской железной дороге до 2 тыс. человек: по одному стражнику на 20 пленных. Но местное население не желало служить охранниками. Поэтому Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) предложило использовать в качестве стражников военнообязанных туркмен из расчета 1 охранник на 10 пленных. Однако управление строительства Мурманской железной дороги отказалось от этого предложения по той причине, что «туркмены были совершенно непригодны к перенесению климатических условий Севера» [24]. Управление Мурманской железной дороги решило бороться с побегами, а заодно и с жалобами международного Красного Креста другим способом — сокращая время пребывания военнопленных на строительстве Мурманской железной дороги до нескольких месяцев, чтобы пленные не успели разработать план побега. Выживших перебрасывали для поправки здоровья на юг, например, на строительство Черноморской железной дороги.

С другой стороны, были приняты меры по усилению охраны финско-шведской и финско-норвежской границы. В частности, увеличилось количество жандармов в северной Финляндии. В Лапландии организовали охрану границы на оленях. Тем не менее особое значение придавалось помощи местного населения. Власти обещали жителям северных районов Финляндии выплачивать за каждого задержанного пленного по 100 марок [25].

Финляндия и связанная с ней возможность перехода границы привлекала не только военнопленных, работавших на строительстве Мурманской железной дороги. География побегов была обширной. В Финляндию бежали военнопленные из лагерей под Нижним Новгородом, с заводов в Тульской области, лесозаготовок в Новгородской области, из Украины (Киев, Тарнополь, Харьков) и даже из Средней Азии (Самарканд, Ташкент), Западной и Восточной Сибири (Симбирск, Омск, Тюмень).

Удивительно, как военнопленные «путешествовали» по всей России, разыскивая возможность проникнуть через ее границы. Например, в августе 1916 г. из лагерей под Красноярском бежали два пленных германских офицера А. Бредель и И. Рей. Сначала они пытались перейти границу с Ираном, но неудачно. Тогда они повернули в Финляндию [26]. Еще один пример: выпускник Кембриджа поляк Зенон-Владислав Червинский, сражавшийся в годы Первой мировой войны в польском легионе Ю. Пилсудского. Сначала он пытался бежать через Дальний Восток в Америку. Однако, добравшись до Красноярска, польский легионер познакомился с одним юристом, который посоветовал перейти финско-шведскую границу. Червинский повернул назад и отправился в Петроград. Здесь он прожил 25 дней у своей знакомой из Варшавы. Затем бывший польский легионер поехал поправить здоровье в одном из финских санаториев, где в ресторане познакомился со шведом, который и посоветовал бежать в Швецию через северо-западную Финляндию, в районе Торнео. Именно здесь Червинский и был арестован [27].

Для организации побега, например из Сибири или Средней Азии, нужны были немалые денежные средства и документы. При задержании военнопленных на финляндской границе часто наблюдались случаи обнаружения у них крупных денежных сумм. Например, у унтер-офицера М. Шмидта было обнаружено в момент ареста более 400 австрийских крон. Деньги с момента пленения, как правило, не отбирались. Кроме того, в Германии и Австро-Венгрии был создан целый ряд частных фондов, аккумулирующих средства для помощи военнопленным. В период войны из Германии через Дойче Банк было переведено для военнопленных в России 14 млн 700 тыс. рублей и из Австро-Венгрии более 7 млн рублей. Правда, эти деньги далеко не всегда благополучно доходили до адресата. К примеру, как показали инспекции международного Красного Креста, комендант гарнизона в Тобольске присвоил 70 тыс. руб., один русский полковник в Самарканде — 100 тыс. руб., а комендант лагеря для военнопленных в Омске — 500 тыс. Другие коменданты брали с каждого денежного перевода определенный процент [28]. Военнопленные офицеры получали от военного министерства жалование в зависимости от чина в 50—100 руб.

в месяц. Поскольку в Сибири или в Средней Азии не хватало квалифицированных специалистов, пленные офицеры могли подрабатывать инженерами, бухгалтерами, трудились на сельскохозяйственных работах и учили русский язык. В итоге к лету 1916 г. некоторые, узнав о наиболее благоприятном переходе границы через Финляндию, решались на побег. Тем более что фальшивые удостоверения личности в местах сосредоточения военнопленных можно было купить на рынке за 150—200 руб [29]. Офицеры, бежавшие из плена, иногда покупали документы прямо в поезде, на пути в Петроград, у финнов, возвращавшихся со строительства Мурманской железной дороги.

Для проникновения в Финляндию и затем перехода границы военнопленные использовали различные хитроумные приемы. Они могли изображать из себя прибалтийских беженцев или богомольцев, страстно желающих попасть в святые обители, правда, исключительно на финской территории. Иногда военнопленные договаривались между собой бежать небольшой группой. Одного, похожего на славянина, одевали в форму русского солдата, который играл роль конвоира, сопровождавшего остальных военнопленных. На вокзале мнимый конвоир, хорошо владевший русским языком, обращался к местному начальству, которое обычно оказывало ему полное содействие, иногда даже отводило специальное купе. Таким способом группа добиралась до финской границы. Например, на станции Белоостров была задержана группа пленных из пяти человек, бежавших из Туркестана [30].

Что касается отношения местного населения, то в целом оно было благожелательным и сочувственным к военнопленным. В одном из донесений российских военных властей сообщалось, что «финны и норвежцы, все без исключения, с полной готовностью оказывают услуги бежавшим пленным, снабжая их одеждой, пищей, картами и другими нужными вещами и даже показывают кратчайшие дороги и тропы» [31]. Так, жандармские власти безуспешно разыскивали «бродившего по всей Лапландии финляндского разбойника и анархиста» Ю. Иоэнсуу, который на деле являлся опытным проводником, помогавшим военнопленным перейти границу. По финским законам он был приговорен к смертной казни. Согласно показаниям бежавшего из Томска немецкого военнопленного Карла Сот-

мана, финны помогли ему перейти российско-финскую границу, затем он в течение двух недель жил в одной финской деревне: изучал финский язык и учился ходить на лыжах. Местные жители довезли его до Ботнического залива, который он должен был преодолеть самостоятельно на лыжах [32].

Однако немало пленных было арестовано и при непосредственном участии финского населения. Особенно важным для российских властей было содействие со стороны жителей северной Финляндии, так как сам факт задержания при малонаселенности этой территории нередко производился только благодаря информации местных жителей. Российские власти считали необходимым поощрять любое участие финнов денежным вознаграждением. В октябре 1916 г. генерал-майор Игнатьев ходатайствовал в штаб VI-й армии о выделении 1515 марок для поощрения финских крестьян [33]. Особое рвение проявили в задержании военнопленных губернатор Улеаборга (Оулу) Энегельм и ленсман прихода Куолаярви В. Ванхала. С 16 ноября по 25 декабря 1916 г. в Финляндии было задержано 60 военнопленных, причем основная масса — 57 человек были задержаны в Улеаборгской губернии, 3 человека — в Выборге [34].

Февральскую революцию в России приветствовало большинство военнопленных. Российская печать не скупилась на гневные слова по поводу страданий военнопленных при царизме. Одновременно утверждалось, что революция в корне изменила правовое положение военнопленных и чуть ли не превратила их в «свободных граждан России». Охрана лагерей военнопленных была ослаблена, и они получили возможность относительно свободного выхода из мест содержания (во второй половине 1917 г. были случаи организации охраны пленных офицеров силами солдат-военнопленных из тех же лагерей — членов Красной гвардии), что позволило военнопленным посещать митинги и демонстрации, активными участниками которых они постепенно становились. В лагерях военнопленные создавали выборные комитеты, которые занимались вопросами быта, трудоустройства и т. д. Вместе с русскими рабочими военнопленные требовали на митингах введения 8-часового рабочего дня. В некоторых лагерях удалось наладить издание газет на национальных языках военнопленных.

Для пленных были открыты двери рабочих и солдатских клубов, которые по возможности выписывали для них газеты и книги на их родных языках, устраивали лекции на «политические темы» [35]. Таким образом, постепенно размывалось само понятие «плен».

Значительно увеличилось и число побегов. С сентября 1917 г. постоянное увеличение числа бежавших из русского плена привело к тому, что военное министерство Германии создало при немецком дипломатическом представительстве в Стокгольме специальное Бюро для содействия побегам военнопленным. При поддержке рейхсканцлера Михаэлиса был также создан общий германо-австрийский «Фонд содействия военнопленным» [36].

Вследствие тяжелого продовольственного положения в России ухудшилось снабжение пленных. Они превращались в «нежелательных едоков». Так, в июне 1917 г. в городе Або (Турку) был задержан немецкий унтер-офицер Роберт-Хельмут Циннерт. На допросе он сообщил, что в составе группы из примерно 200 военнопленных был отправлен на строительство Мурманской железной дороги. Через пять недель подвоз продовольствия совершенно прекратился. Пленные устроили бунт, в результате чего местное руководство, не в силах обеспечить всех сносным питанием, распустило их «на все четыре стороны». 18 человек направились в Финляндию, некоторые остались на работах у местных крестьян, а большинство отправилось в Петроград [37].

Революционный Петроград стал местом притяжения значительного количества военнопленных. Среди таких пленных австро-венгерской армии оказался и будущий лидер социалистической Югославии И. Броз Тито. Весть о Февральской революции застала его в железнодорожных мастерских небольшого городка Кунгур в Пермской губернии. Решив бежать в Петроград, он сел в товарный поезд и, спрятавшись среди мешков с зерном, через несколько дней оказался в городе на Неве. Тито участвовал в Июльской демонстрации против Временного правительства, а затем решил отправиться через Финляндию на родину. Однако под городом Улеаборг (Оулу) он был арестован [38]. Тито к тому времени неплохо говорил по-русски, и даже на вятском диалекте, поэтому его сначала при-

няли за «опасного большевика» и отправили в тюрьму. Затем, разобравшись, что перед ними пленный австрийской армии, русские власти отправили его назад в лагерь для военнопленных. После долгих мытарств Тито вернулся домой в 1920 г.

В марте 1918 г. между Россией и Германией был подписан Брест-Литовский мирный договор, который предусматривал освобождение военнопленных противоборствующих сторон. Однако в России военнопленные оказались втянутыми в события гражданской войны. По воспоминаниям дочери шведского посланника в Петрограде Эльсы Брандстрём, активной деятельницы шведского Красного Креста, лично занимавшейся обменом военнопленных, летом и осенью 1918 г. вернулись домой 80 тыс. военнопленных немцев, 450 тыс. военнопленных Австро-Венгрии и 25 тыс. турок. Но в Сибири находилось еще около 400 тыс. военных и гражданских пленных, и примерно 35 тыс. — в Туркестане. К лету 1920 г. в Сибири оставалось еще около 20 тыс. военнопленных [39].

«Россия — страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... В России военнопленные временами пользовались свободой и благосостоянием, которые не могли иметь пленные в других странах. Но это благоприятное существование не предотвратило... гибели тысяч людей, которые умирали от нужды и лишений...», — напишет впоследствии Э. Брандстрём в своих мемуарах.

---

[1] См., напр.: *Попов А.* Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. // Красный архив. 1929. № 33, 34; *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России 1914—1921 гг. М., 1965; *Жаров Л. И., Устинов В. М.* Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960.

[2] См.: *Греков Н. В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914—1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 154—177; *Солнцева С. А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1; Рецензия П. Гатрелла на работы зарубежных историков: *Gatrell P.* Prisoners of War on the Eastern Front during World War I // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. P. 557—566.

[3] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 166. Л. 47. Справка о движении военнопленных. По данным на 1.03.1916.

[4] П. Гатрелл приводит цифру 2,5 млн солдат и офицеров Австро-венгерской армии и более 200 тыс. германских солдат и офицеров попали в российский плен (*Gatrell P.* Op. cit. P. 560).

[5] *Греков Н. В.* Указ. соч. С. 160.

[6] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 550. Л. 58.

[7] Там же. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 947. Л. 4, 54—54 об (донесение А. М. Еремина в штаб 6-й армии, 30.11.1915).

[8] Там же. Л. 24 (генерал-майор Батюшин в штаб 6-й армии, 16.12.1915).

[9] Там же. Д. 1120. Л. 10—11 (доклад помощника начальника контрразведывательного отделения 42-го армейского корпуса штабс-ротмистра Пятницкого).

[10] Там же. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1258 (штабс-капитан Петров в ГУГШ от 28.07.1916).

[11] Там же. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 948. Л. 354 (генерал-квартирмейстер Баженов в ГУГШ от 4.09.1916).

[12] Там же. Л. 462 (российский консул в Финмаркене от 14(27).09.1916).

[13] *Wanner G.* Die Bedeutung der k. u. k. Gesandschaft in Stockholm während des Ersten Weltkrieges. Osnabrück, 1983. S. 100.

[14] Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 274. Оп. 1/2. Д. 177. Л. 4 (записка Д. Шуваева А. Ф. Трепову от 8.08.1916).

[15] Там же. Л. 156—157 (доклад начальника управления путей сообщения от 12.09.1916).

[16] Там же. Л. 479 об. (доклад губернатора Бибикова, август 1916).

[17] Там же.

[18] Подсчет осуществлялся согласно данным: РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 947.

[19] *Brandström E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien. 1914—1920. Leipzig, 1927. S. 107.

[20] РГИА. Ф. 274. Оп. 1/2. Д. 177. Л. 157 (доклад начальника управления сооружения железных дорог А. Ф. Трепову от 12.09.1916).

[21] РГИА. Ф. 274. Оп. 1/2. Д. 177. Л. 38—43 об. (отчет М. Горяинова, 13.08.1916).

[22] РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 1000. Л. 36 (протокол допроса Т. Луканинена, 24.11.1916).

[23] Там же. Д. 948. Л. 619—620, 694 (отчет командира 42-го армейского корпуса, 17.12.1917).

[24] РГИА. Ф. 274. Оп. 1/2. Д. 177. Л. 285—286.

[25] РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 947. Л. 62—62 об. (командир 42-го армейского корпуса — начальнику штаба 6-й армии от 6.02.1916).

[26] Там же. Д. 1041. Л. 10.

[27] Там же. Л. 218—219 об. (протокол допроса З. В. Червинского).

[28] *Brandström E.* Op. cit. S. 67.

[29] РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 1120 (показания пленного Ф. Саути, 19.11.1917).

[30] Там же. Д. 1102. Л. 41.

[31] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1258 (штабс-капитан Петров в ГУГШ, 28.07.1916).

[32] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 494. Оп. 2. Д. 152. Л. 17—18 (записка ротмистра Федорова А. М. Еремину, 31.01.1917).

[33] РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 1000 (генерал-майор Игнатьев в штаб VI армии, 21.10.1916).

[34] Там же. Д. 948. Л. 581 (генерал Баженов в штаб VI армии, 28.11.1916).

[35] *Солнцева С. А.* Указ. соч. С. 147.

[36] *Wanner G.* Op. cit. S. 101.

[37] РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 1041. Л. 373 (протокол допроса Р. Х. Цинперта).

[38] *Броз Тито И.* Избранные речи и статьи. М., 1973. С. 28.

[39] *Brandström E.* Op. cit. S. 199, 232.

В. Н. Барышников

«КРАТКОВРЕМЕННАЯ ОТТЕПЕЛЬ» ИЛИ ПЕРСПЕКТИВНАЯ ПРОГРАММА СОТРУДНИЧЕСТВА

(К итогам визита министра иностранных дел Финляндии в СССР в 1937 г.)

Визит министра иностранных дел Финляндии Рудольфа Холсти в Москву в 1937 г. и переговоры, которые там состоялись, стали одними из ключевых с точки зрения определения будущих перспектив в развитии советско-финляндских отношений. Более того, этот визит породил определенные чувства возможного их улучшения, которые, однако, не оправдались. И в данном случае сразу же возникали вопросы: насколько возникшие тогда надежды были обоснованными? Был ли данный визит лишь тактическим шагом дипломатов или все же он показывал возможность определения будущих стратегических позиций в двухсторонних отношениях двух государств?

Ответов на эти вопросы, однако, до сих пор в историографии практически нет. В исследовательской и мемуарной литературе обычно считается все произошедшее тогда, в 1937 г., лишь «кратковременной оттепелью» в советско-финляндских отношениях[1] либо, когда затрагиваются сюжеты кануна войны, его вообще не касаются, а если рассматривают, то крайне схематично[2]. В данном случае, безусловно, назрела необходимость отнестись к этому первому в истории советско-финляндских отношений визиту министра иностранных дел Финляндии более внимательно, рассмотреть именно перспективное значение прошедших тогда московских переговоров. При этом

очевидно, что лишь использование максимально доступного комплекса советских, финляндских, а также, естественно, германских дипломатических документов[3] позволит создать необходимую научную базу для соответствующего анализа происшедших событий.

Первое же, что, безусловно, следует особо учитывать, является то, что советско-финляндские отношения были тогда достаточно сложными и этот факт несомненен. При этом сам же «финляндский вопрос» для Москвы являлась лишь небольшой частью общей проблемы отношений СССР со странами Запада и в большей степени был связан исключительно с проблемой безопасности северо-западных рубежей Советского Союза. Тогда как для Финляндии проблема отношения со своим восточным соседом была достаточно серьезная, если не сказать, основная в определении ее внешнеполитического курса[4].

Одновременно с этим на отношения между СССР и Финляндией также накладывалось в целом непростая международная обстановка в Балтийском регионе, где, со стремительно приближающейся Второй мировой войной, явно нарастала активность Германии. Так, именно в это время, в 1936—1937 гг., в рейхе предполагали в случае начала крупномасштабной войны получить на финской территории военные базы, в частности на Аландских островах и в районе Петсамо. Однако особо при этом учитывалась необходимость «приобретения базы при выходе из Финского залива». Ее существование для германского флота считалось чрезвычайно важным, так же как необходимым виделся и контроль в этом районе над островами, которые, как считалось, были нужны «для овладения Балтийским морем» в целом[5]. Но, по мнению немецкого профессора М. Менгера, для германского командования все же оптимальным вариантом был тот, при котором, «Финляндия или Эстония активно вмешалась бы в немецкую войну против русских»[6].

Таким образом, военно-стратегический аспект в советско-финляндских отношениях, естественно, тогда должен был выдвигаться на первый план. В Финляндии же внутриполитическая обстановка становилась в этом плане достаточно благоприятной для соответствующей координации ее восточной политики, поскольку в середине 1936 г. в стране состоялись

парламентские выборы, а в начале 1937 г. — президентские. Они показали, что политическая обстановка в Финляндии меняется и происходит укрепление позиций либерально настроенных кругов и социал-демократии в целом.

Сформированное после парламентских выборов правительство во главе с умеренным по своим политическим взглядам К. Каллио, который затем стал президентом страны, с первых шагов своей деятельности считало необходимым проводить более гибкую политику в отношении Советского Союза и постараться «оздоровить отношения с востоком»[7]. «Поскольку, — как считал Каллио, — отношения между великими державами стали основательно меняться, то и политику Финляндии следует, очевидно, также изменить»[8].

И вот именно такую не простую задачу было решено поставить новому министру иностранных дел Рудольфу Холсти, который в данном отношении был весьма подходящей фигурой. Как сам Холсти указывал, «я заметил, как повсюду за рубежом Финляндия рассматривается в качестве как бы некоего союзника Германии и, если такое мнение окончательно утвердилось бы, то, пожалуй, могло принести непомерно большой ущерб, причем уже скоро, после того, как возник бы серьезный европейский конфликт»[9]. Поэтому уже в октябре 1936 г., при личной встрече с Литвиновым на заседании Лиги наций, он прямо заявил советскому наркому, что будет пытаться сделать «все от него зависящее, чтобы удовлетворить» Советский Союз[10].

С советской стороны финская инициатива была подхвачена, поскольку затем, через советского посланника в Хельсинки Э. Асмуса, ему был передан подробный перечень предложений, реализация которых могла, как считалось в СССР, освободить «путь к хорошим отношениям» друг с другом[11]. При этом на первое место была поставлена проблема создания нормальных условий для развития политического и экономического сотрудничества, а также установление научных контактов. Наряду с этим обращалось внимание на необходимость устранить из средств массовой информации резкие выражения в адрес СССР и разжигание националистических страстей по поводу Восточной Карелии и Ингерманландии. Холсти выразил готовность разрешить эти проблемы и через несколько

дней направил Ирье-Коскинену в Москву указание «обдумать» предложенные советской стороной вопросы «для выработки конкретных действий» [12].

В результате объективно возникала перспектива серьезного улучшения советско-финляндских отношений, причем подобной ситуации ранее никогда не было.

Действительно, накануне Рождества — 23 декабря Холсти дал посланнику в СССР указание обратиться в наркомат иностранных дел с просьбой получения официального приглашения в Москву для начала соответствующих переговоров [13]. В советских руководящих кругах отреагировали стремительно. В ответ на обращение Ирье-Коскинена было сообщено, что Литвинов будет «рад видеть с визитом» в Москве Р. Холсти [14].

Следует отметить, что к этой поездке в Хельсинки начали готовиться весьма основательно. Р. Холсти, в частности, должен был организовать тогда с представителями различных стран соответствующую разъяснительную работу по поводу его предстоящего посещения Москвы. Более того, финские дипломаты начали целую кампанию, в которой доказывали за рубежом, что визитом в СССР «Финляндия теперь ясно показывает всему миру, что никаких агрессивных намерений не имеет» и, наоборот, подчеркивалось, что «если русские газеты продолжают нападать, следовательно, становиться понятно: Россия что-то планирует» [15].

Что же касается финско-немецких отношений, то здесь также требовались соответствующие уточнения, поскольку в Хельсинки опасались их возможного обострения. Холсти, в частности, должен был проинформировать немецкого посланника в Хельсинки В. Блюхера, что его визит в СССР «никоим образом не преследует цели ухудшения отношений с Германией» и что финский министр иностранных дел хочет с Берлином «сохранить хорошие отношения, какими до этого являлись эти отношения» с Германией [16].

Одновременно также Министерство иностранных дел начало особо обращать внимание на позицию финских средств массовой информации с тем, чтобы печать Финляндии не допускала таких публикаций, где просматривалась бы попытка «предугадывания и обсуждения программных положений визита» [17]. Прессе при оценке предстоящего визита даже давались конкретные рекомендации подчеркивать скандинавскую направленность внешней политики страны и тем самым развеивать подозрительность в СССР к финской внешней политике [18].

Что же касается самого круга вопросов, который Холсти должен был затронуть в ходе московских переговоров, то он был согласован уже 2 февраля 1937 г. В Москве следовало коснуться, прежде всего, двух проблем. С одной стороны, Холсти должен был затронуть вопросы экономического и информационного сотрудничества с СССР, предполагая возможность «принципиально оздоровить импортные выгоды Финляндии» в торговле с Советским Союзом, а также постараться преодолеть «трудности с передачами в эфире радиостанций Лахти и Москвы» [19].

Но одновременно с этим от финского министра иностранных дел требовалось затронуть и негативные, с точки зрения Хельсинки, вопросы. Они, в частности, касались «выяснения случаев происходившей недавно стрельбы на границе» [20], а также «военного шпионажа и коммунистической пропаганды в Финляндии». Особо же в данном случае считалось важным обсудить «неудовлетворенность согласованиями по Тартускому мирному договору в пользу населения Дальней Карелии (Советской Карелии. — *В. Б.*) и Ингерманландии» [21]. Как пояснял этот вопрос сам Холсти, «в Финляндии истолкование положений Тартуского мирного договора в отношении Дальней Карелии и Ингерманландии было иным, чем у правительства Советской России», а в результате, по мнению финского министра иностранных дел, «никакие прочные соседские нормальные отношения нельзя достигнуть между Финляндией и Советским Союзом, если будет сохраняться этот трудный противоречивый вопрос» [22].

Иными словами, исходя из тех установок, которые имел финский министр иностранных дел, отправляясь в Москву, трудно было бы ожидать серьезного прорыва в развитии советско-финляндских отношениях.

Тем не менее Р. Холсти прибыл в начале февраля в Советский Союз и с 8 по 10 февраля 1937 г. у него проходили соответствующие встречи с ответственными представителями руководства СССР.

Показательным было то, что Холсти встречали в Советском Союзе весьма радушно. Это финский министр иностранных дел смог почувствовать уже на пограничной железнодорожной станции в Белоострове, а затем в Ленинграде, где он сделал небольшую остановку и, наконец, в Москве. По свидетельству полпреда Э. А. Асмуса, «ничего лучшего для изменения атмосферы мы сделать не могли» [23]. Радушие и внимание к финляндской делегации проявлялось во всем. В частности, М. М. Литвинов, будучи в тот период больным, принимал Р. Холсти у себя достаточно необычно. Финляндский министр вел беседу с ним, находясь у кровати больного [24].

Как и предполагалось, центральное место в ходе визита занял вопрос об улучшении советско-финляндских отношений, чему и был посвящен первый обмен мнениями между Р. Холсти и М. М. Литвиновым. Принимая во внимание заявление своего коллеги, что он видит цель предпринятой поездки в Москву именно в достижении прогресса в отношениях Финляндии с СССР, Литвинов сразу же перевел разговор на более значимые для Советского Союза вопросы, касавшиеся международных отношений, нежели те, которые намеревался обсуждать финский министр иностранных дел.

Нарком обратил внимание на беспокоящий СССР фактор, связанный с позицией финского руководства, которое, как выразился Литвинов, «предпочитает интимную близость с Германией, Польшей и Японией». Дело в том, пояснил он, что Советский Союз обеспокоен отнюдь не возможностью «самостоятельного нападения на нас Финляндии», а тем, что «в случае большой европейской войны Финляндия может очутиться в противостоящем нам лагере» [25].

Эта мысль получила развитие и во время беседы, которая состоялась между наркомом обороны К. Е. Ворошиловым и Р. Холсти. Происходила она перед началом приема, устроенного в связи с визитом в Москву министра иностранных дел Финляндии. В беседе участвовал и начальник Генерального штаба маршал А. И. Егоров. Развивая ранее высказанное Литвиновым положение относительно опасений, что финляндская территория может быть использована «третьим государством» в случае агрессии против Советского Союза, Ворошилов поставил вопрос о необходимости получения от Финляндии объяснений, как она будет при этом действовать [26].

Холсти вынужден был выразить только свою точку зрения, которая заключалась в том, что «Финляндия окажет противодействие каждому, кто попытается нарушить ее суверенитет». Наряду с этим Холсти заметил, что «между Финляндией и Германией нет никаких тайных планов против других стран» [27]. Судя по всему, эти слова произвели впечатление, поскольку Холсти сделал такой вывод: «Я сразу заметил, что оба маршала крайне напряженно следят за переводом. Когда с ним было закончено, они исключительно тепло пожали мне руку» [28].

Этот вывод подтвердился и в ходе заключительной беседы, состоявшейся между Литвиновым и Холсти. Нарком так резюмировал свою позицию: «Если Советский Союз в ближайшем будущем получит заверение, что Финляндия действительно намерена в своей внешней политике поддержать выдвигаемые Холсти взгляды, тогда можно начать переговоры между обеими странами по отдельным вопросам» [29]. В итоговом совместном коммюнике была подчеркнута необходимость развивать взаимовыгодное советско-финляндское сотрудничество, укреплять всеобщий мир и коллективную безопасность.

Следовательно, в Москве в ходе произошедших переговоров сумели несколько сместить акценты. Советские участники переговоров, отойдя от предполагавшегося с финской стороны рассмотрения частных моментов взаимоотношений двух стран, перевели обсуждение в русло общеполитического международного значения. Для СССР основным тогда являлось создание определенного противостояния растущей активности Германии на Балтике, и Холсти продемонстрировал, что Финляндия не намерена занимать позицию конфронтации по отношению к Советскому Союзу.

Однако Холсти, очевидно, не обратил особого внимания на этот поворот в ходе переговоров, удовлетворившись, видимо, устным заявлением. По мнению Холсти, сделанные им заверения были вполне достаточны для советской стороны. «Я сравнительно легко отверг те утверждения», вспоминал он, которые выдвигались Москвой по поводу «тайных отношений между Финляндией и Германией» [30]. Да и в финском руководстве также не обратили особого внимания на смещение акцен-

тов советской стороной в ходе переговоров. «Дело сошло куда лучше, чем мы ожидали, старина», — сказал К. Каллио при встрече Холсти на вокзале[31]. Эта фраза обошла тогда многие газеты Финляндии и иностранную печать.

Не обратили серьезного внимания на сделанные в Москве заявления в ходе переговоров и в финляндском представительстве. Здесь заметили, конечно, общеполитический лейтмотив переговоров, предложенный советской стороной, но, пока не почувствовали в нем какую-либо опасность. Так, 14 февраля посланник в Москве А. Ирье-Коскинен писал: «...пребывая здесь, министр иностранных дел смог заметить прежде всего, что советские официальные круги исключительно довольны визитом... Уже в первый день визита говорилось, что ему суждено иметь заметное политическое значение и, когда затем визит подошел к концу, уже говорили о его международном значении». Далее он подчеркнул: «С окончанием визита важно, по моему мнению, не потерять время для попытки улучшить достигнутое тогда положительное впечатление»[32].

Положительную оценку последствиям визита Холсти давало и советское представительство в Финляндии. «Полпредство и я лично, — докладывал Асмус, — наглядно ощущаем изменение атмосферы... Сейчас предстоит сложная, более трудная часть работы — закрепление достигнутого»[33]. В этом донесении отмечалось также, что по отношению к Германии в Финляндии «чувствуется холодок».

С учетом наметившихся сдвигов во внешней политике Финляндии полпредство СССР в Хельсинки считало важным развернуть широкую работу, направленную на всестороннее развитие советско-финского сотрудничества, и начать прежде всего с взаимоотношений в области культуры. Об этом был проинформирован Наркомат иностранных дел, и уже с марта 1937 г. предпринимаются практические шаги в этом направлении. В Хельсинки состоялись выступления с концертами ряда ведущих артистов Москвы, а затем посещение страны группой журналистов СССР.

В практике общения между обеими странами такого никогда прежде не было. По поводу выступления в Хельсинки советских артистов Асмус писал: «...мы глубоко захватили интеллигенцию. Пресса впервые в Финляндии демонстративно дружелюбно описывала наши вечера, помещала фотографии и т. д.»[34] Сам же министр иностранных дел Холсти так оценил это начинание: «Лед тронулся»[35].

Между тем в официальных кругах Берлина, наоборот, в это время начало быстро нарастать беспокойство по поводу наметившихся перемен в Финляндии. По словам Холсти, его визит в Москву «вызвал в немецких кругах прямо-таки испуг»[36]. Еще в преддверии этой поездки немецкая печать окрестила министра «другом большевиков»[37]. Как только этот визит состоялся и Холсти вернулся в Хельсинки из Москвы, то ему сразу же, 12 февраля, позвонил германский посланник В. Блюхер и срочно изъявил желание с ним встретиться. Причем он настаивал на этой встрече даже до официального доклада о московском визите Холсти своему руководству.

Финский министр иностранных дел вынужден был подчиниться этому требованию и подробно изложил германскому дипломату о произошедших советско-финских переговорах. Блюхера же интересовало прежде всего то, что говорилось в ходе этих переговоров о коллективной безопасности[38]. Таким образом, Германия очень хорошо улавливала, что больше всего волновало Москву и что советское руководство более активно начало стремиться не допустить сползания Финляндии в возможный «германский лагерь», направленный против СССР.

В результате же в Берлине увидели именно в Холсти главного проводника политического курса, направленного на ослабление влияния Германии на Финляндию. Поэтому в рейхе развернулась достаточно целенаправленная компания, сориентированная на дискредитацию финского министра иностранных дел. В частности, германский МИД распространил о Холсти материл, содержавший острую критику проводившейся им политики[39]. При этом финский посланник в Берлине Вуоримаа сообщил в Хельсинки 18 февраля, что уже тогда имел целый ряд бесед с ответственными сотрудниками МИД Германии, в которых ему высказывали откровенно негативные суждения относительно посещения Холсти Москвы. В частности, финский посланник заметил, что в Берлине внимательно изучают итоги этого визита, где «особое раздражение вызывается

речью Литвинова с грубыми нападками на Германию» и тем, что Холсти «мог бы этому воспрепятствовать», но этого все же не произошло. Далее, Вуоримаа сообщал достаточно тревожные для финского руководства сведения, что в немецкой столице начали выражать опасения, что у Финляндии вследствие состоявшегося визита «может сформироваться негативное отношение к Германии» [40].

Естественно, все это требовало от Холсти соответствующих ответных действий. Для него было важно разъяснить свою позицию посланнику в Берлине Вуоримаа, чтобы не было «ни в коем случае повода выдвигать против» финского министра иностранных дел каких-либо «замечаний» [41]. Поэтому Холсти постарался разъяснить суть новых нюансов представлявшейся ему немецкой политики в отношении Финляндии. Он считал, что негативное отношение к нему со стороны Германии, вызванное его поездкой в Москву, связано прежде всего с той информацией, которую в Берлин направляет немецкий посланник в Хельсинки В. Блюхер. Министр иностранных дел по этому поводу прямо указал, что даже еще тогда, когда визит только планировался, «со стороны германского представительства началась довольно открытая борьба против меня». Далее же Холсти заметил: «Когда же затем мой визит удался... немецкое посольство почувствовало, к сожалению, свое дипломатическое поражение». После этого, по словам Холсти, «посланник фон Блюхер больше не пытался сдерживать себя, а хотел найти хотя бы какой-то повод для критики и поэтому предпринял наилучшее, по его мнению, наступление против меня, использовав при этом речь М. Литвинова» [42].

Таким образом, Холсти опять не почувствовал главного, что беспокоило тогда Берлин. Вуоримаа же, со своей стороны, принялся докладывать в Хельсинки обо всех мельчайших фактах, которые относились к оценке в Германии деятельности министра иностранных дел Финляндии. В одном из более поздних сообщений, адресованных им лично Холсти как сугубо «доверительном» и «дружественном», Вуоримаа писал, что в беседе с сотрудником МИД Германии (фамилия не называется) тот поставил вопрос так: «Разве министр иностранных дел и дальше остается на своем посту?» [43] Из этого можно было

понять, что в Берлине хотели, чтобы Холсти был отстранен от руководства внешнеполитическим ведомством.

Таким образом, у Холсти представления фактически начали сводиться к личностным моментам, связанным с восприятием его политики В. Блюхером и то, какие он тогда слал в рейх донесения. Однако на самом деле это было значительно сложнее, поскольку в Берлине почувствовали, что могут все же потерять Финляндию как своеобразный форпост на советских рубежах. Достаточно указать на то, что второй человек в руководстве рейха Г. Геринг, который к тому же считался хорошим другом Маннергейма, начал обращать весьма пристальное внимание на итоги состоявшегося визита. В частности, он достаточно неожиданно стал выяснять у Вуоримаа обстоятельства заключения «между Финляндией и Россией некого соглашения о культурном сотрудничестве» [44]. Более того, Геринг, оценивая этот визит, даже воскликнул тогда: «Мы получили как будто бы удар ножом в голову» [45].

Разговор на таком уровне, произошедший у финского посланника в Берлине, конечно, не мог быть вызван исключительно тревожной информацией, которую, очевидно, направлял в рейх Блюхер. Это была, естественно, попытка прощупать позицию финского руководства и постараться выяснить значительно большее в отмеченном факте, нежели определить степень культурного сближения двух стран. Холсти при этом реагировал на данную информацию крайне нервно и срочно отправил в Германию телеграмму, где говорилось, что «вести речи относительно соглашения с Советским Союзом о культурном сотрудничестве — полная фантазия» [46].

Действительно, всем этим Холсти был тогда весьма встревожен и даже позволил себе поделиться с советским посланником Асмусом проблемой явно обостряющихся отношений с Германией. Министр иностранных дел достаточно откровенно поведал ему о сути вопроса, который стал выяснять в это время Геринг [47]. В Берлине же Вуоримаа 11 марта 1937 г. сделал официальное заявление, касавшееся визита Холсти в Москву, где сообщалось, что «никаких новых соглашений, тем более культурных, как и других, во время визита не заключалось» [48].

Таким образом, в Берлине явно демонстрировали свою встревоженость, а в Хельсинки стремились как-то успокоить

рейх. В этом смысле, безусловно, важным является выяснить: как в это время оценивал финскую внешнюю политику германский посланник В. Блюхер и были ли у Холсти основания именно его подозревать в обострении финско-германских отношений?

В данном случае весьма любопытным представляется оценочный документ, подготовленный немецким дипломатом в июне 1937 г. и хранящийся в Архиве внешней политики Германии. В нем он не без иронии доносил, что «нервно-деятельный способ, с которым финский министр иностранных дел путешествует по миру... приковывает внимание к финской внешней политике». Пытаясь определить нюансы во внешнеполитических ориентирах Финляндии, он все же констатировал, что у него «нет, к сожалению, достаточного материала для основательного анализа» происходивших изменений в политике Финляндии [49].

Тем не менее у Блюхера, очевидно, сложилось представление, что политика Финляндии в отношении Советского Союза явно начала меняться. Именно тогда он сообщал в Берлин: «В течение прежних лет финская внешняя политика была подчинена страху перед Россией. Сегодня этот страх больше не играет важную роль в представлениях ключевых персонажей финской политики». Поясняя эту мысль, он заметил: «Сегодня, за небольшим исключением, ни руководящие офицеры, ни ключевые политики в глубине своего сердца не верят в серьезную угрозу независимости Финляндии. Здесь господствуют представления, что достаточно большая Россия не имеет ни военных, ни экономических целей для захвата соседних территорий и Кремль не хочет ставить в игре на позицию войны» [50].

Переходя же непосредственно к оценке значения визита Холсти в Москву, Блюхер особо подчеркнул, что финский министр иностранных дел имел здесь «подготовленную почву», которая теперь позволила добиться «ощутимой разрядки... в отношениях между обеими странами». Но при этом немецкий дипломат вполне справедливо заметил: «Ни один из острых вопросов в отношениях между обеими странами не разрешен... Но атмосфера между обеими странами улучшена, и это оценивается финской стороной с бухгалтерской точностью как очевидный позитивный результат не только в отношениях

с Россией, но и со Скандинавией, Англией и другими государствами Лиги наций» [51].

В данном случае для немецких дипломатов, прежде всего, было важно понять, насколько политика, которую начал осуществлять финский министр иностранных дел, будет иметь перспективу, если Холсти, по мнению Блюхера, «хотел бы теперь оформлять нормальные связи с Россией по-дружески». Такого исхода в Берлине, естественно, не могли приветствовать. Однако именно в этом отношении Блюхер приходит к достаточно оптимистическому заключению, что для Германии далеко еще не все потеряно. Он прямо указывает, что «если господин Холсти действительно стремится» к дружеским отношениям с СССР, то «для этого предпосылки отсутствуют». Раскрывая эту мысль, немецкий дипломат заметил: «Оба народа разделяются их прошлым, они... чувствуют антипатию друг к другу и предпочитают противоположные политические мировоззрения. Поэтому связи не войдут в следующее время в режим *vivendi* (здесь — единомыслия. — *В. Б.*)» [52].

Таким образом, из этого сообщения можно было понять, что главным проводником новой политики был Р. Холсти и что именно с ним Германии и следовало прежде всего бороться. Отрадным при этом, по мнению В. Блюхера, было все же то, что в Финляндии «Холсти имеет много личных противников», которые «надеются, что его министерство не продержится дольше осени (1937 г. — *В. Н.*)» [53]. Очевидно, что Германию, прежде всего, не устраивала сама политика, которую Финляндия начала проводить, и главная задача для немецких дипломатов заключалась в том, чтобы расстроить саму перспективу развития советско-финляндских отношений.

Эти опасения в Берлине скрывать не собирались, что в свою очередь весьма скрупулезно фиксировал финский посланник в рейхе А. Вуоримаа. В своем донесении, направленном 2 сентября, он, в частности, сообщал о высказывавшихся во влиятельных кругах Третьего рейха суждениях, что если возникнет война Германии с СССР, то из Москвы может быть оказано настолько сильное «давление на северные страны, что они, несмотря на искреннее желание сохранить нейтралитет, вынуждены будут занять позицию, направленную против Германии» [54].

В процессе анализа складывавшейся таким образом обстановки в Хельсинки стремились все же понять: продолжать ли размораживать отношения с СССР или же действовать с учетом ориентировки на Берлин. Осуществления прогерманского курса упорно требовали воинственно-националистически настроенные круги. С их стороны выражалось резкое осуждение политики Холсти и утверждалось, что такой путь «делает пустыми цели» [55], за которые они «борются» во имя будущего Финляндии.

Но в Берлине все же не считали, что возвращение Финляндии к ранее проводившейся политике произойдет само по себе стихийно. С лета 1937 г. на финляндское правительство стало оказываться все большее давление из Берлина. Как отмечал позднее в своих мемуарах финский посланник А. Вуоримаа, ему довольно определенно давали понять, что руководство Третьего рейха недовольно поведением Финляндии. Однажды даже во время спектакля в театре Геринг решил попытаться воздействовать на Вуоримаа. «Он отвел меня в сторону, — вспоминал посланник, — и затем особо тихим голосом сказал, что поездка министра Холсти в Москву оставила в Германии очень плохое впечатление» [56].

Как в Германии, так и в самой Финляндии начали вестись наиболее усиленные атаки именно на Холсти, поскольку от позиции, которую он занимал, зависело очень многое. О Холсти стала распространяться молва, в частности, что он злоупотребляет алкогольными напитками, а также допускает должностные финансовые нарушения [57]. Все это было направлено на то, чтобы опорочить его как министра.

Неблагоприятным для Холсти было, кроме того, отрицательное к нему отношение со стороны маршала Маннергейма, считавшего министра иностранных дел «ненадежным» [58].

Так или иначе, между двумя странами стала нагнетаться атмосфера конфликта. В июне 1937 г. финская печать приковала внимание общественности к факту задержания военным кораблем СССР финского судна береговой охраны. Этим вынуждено было особо заниматься советское полпредство в Хельсинки. Началось также дипломатическое разбирательство происшедшего тогда нарушения советскими самолетами воздушной границы с Финляндией. Естественно, все это не сообразовывалось с линией, которую стремился проводить Холсти, реализуя московские договоренности. Прав был историк К. Хокканен, когда писал, что «потепление отношений между Финляндией и Советским Союзом являлось реальностью, но происходило оно не на слишком надежной основе» [59].

Успех визита Холсти не получил своего развития и в области экономических отношений. Советско-финляндская торговля по-прежнему находилась в застывшем состоянии. Возникала опасность, что сближение двух стран на политической основе не сможет быть реализовано. Этого, во всяком случае, добивались сторонники прежней концептуальной линии в восточной политике Финляндии. На них возлагали надежды и в Берлине. Поведение Германии, как выразился Р. Холсти, «строилось на существовавшем ранее у немцев мнении, что в Финляндии у них имелись определенные преимущества» [60].

В обстановке давления на Холсти опять начали наблюдаться некоторые подвижки в сторону сближения страны с Германией и смягчения складывавшихся в Берлине натянутых отношений с новой финской администрацией. Это сразу же отметили в советском полпредстве в Хельсинки, о чем поступила информация в Москву [61]. Проявления прогерманской направленности заметили и другие зарубежные дипломаты в Финляндии.

Когда посланник Англии в Хельсинки Т. М. Сноу в беседе с К. Г. Маннергеймом летом 1937 г. обратил внимание на тенденцию к повороту внешней политики Финляндии от позиции нейтралитета в сторону Германии, то маршал эмоционально ответил: «Что же вы хотите, нам ведь надо выбирать между большевиками и Германией, кто из них лучше» [62].

Зарубежные наблюдатели не без оснований оценили состоявшийся в августе 1937 г. визит в Хельсинки эскадры немецких подводных лодок как демонстрацию германо-финляндского сближения. Вместе с тем было очевидно, что Финляндии давали понять, насколько значительно возросла сила Третьего рейха на Балтийском море. По данным советской разведки, 11 немецких боевых судов, прибывших в Финляндию, составляли до половины всего германского подводного флота. При этом дело заключалось не просто в визите. Как считали в СССР, целью такого похода было «изучение районов западной части Финского залива» [63].

Обращал на себя внимание и тот факт, что советским полпредством в Хельсинки предпринимались усилия с целью воспрепятствовать проведению визита немецких подводных лодок. Асмус дважды поднимал вопрос об этом в Министерстве иностранных дел[64]. Но все оказалось безрезультатным. «Вообще нет сомнения в том, — докладывал в Москву 11 августа советский военный атташе полковник П. Иванов, — что финны серьезнее, чем раньше, взяли установку на Германию, и с нашей стороны требуется самое пристальное внимание к проискам немецких фашистов в Финляндии»[65].

Советская разведка начала обнаруживать проявление повышенного интереса у немецких офицеров, дипломатов, журналистов и других лиц к стратегически важным районам Финляндии, где они стали частыми гостями. Разведуправление Красной Армии, анализируя эти данные, усматривало в них совершенно определенно антисоветскую направленность. Выводы докладывались наркому обороны К. Е. Ворошилову[66].

Отмеченные же факты поездок высокопоставленных финских генералов и офицеров в Германию показывали определенную заинтересованность военного руководства вооруженных сил Финляндии в расширении сотрудничества с немецким вермахтом. В этом отношении показательной являлась поездка в Германию летом 1937 г. руководителей шюцкора генерала Л. Малмберга и полковника А. Мартола, а осенью — встреча там с Г. Герингом К. Г. Маннергейма[67].

Особого внимания заслуживает беседа, состоявшаяся у финского маршала с этим ближайшим соратником Гитлера. В финской исторической литературе лишь вскользь говорится о ее содержании. Акцент делается главным образом на ее итогах, при этом подчеркивается, что «Финляндия могла надеяться на большие симпатии со стороны Германии»[68]. Между тем важно отметить особое стремление Маннергейма, чтобы эта встреча состоялась, и подробности того, о чем шла тогда речь. Первоначально, 6 августа, когда маршал «проездом» побывал в доме Геринга, ему не удалось повидать его хозяина. Затем уже на обратном пути в Финляндию в октябре состоялись встреча с ним, охота вблизи Берлина и беседа, главное место в которой заняло рассмотрение складывавшихся финско-германских отношений.

Обстоятельный доклад об этом представил в МИД Финляндии 16 октября А. Вуоримаа, присутствовавший на встрече. В ходе беседы Геринг совершенно определенно выразил негативное отношение к проводимой Холсти восточной политике, заявив, что его визит в Москву «вызвал в Германии обеспокоенность тем, что за этой поездкой, вероятно, скрывается стремление изменить внешнеполитический курс Финляндии и осуществить поворот в сторону враждебности к Германии». Кроме того, Геринг добавил, что «в немецких кругах царит определенное опасение», как бы Финляндия вместе со скандинавскими странами не «образовала союз с Россией... против Германии»[69]. От себя лично Вуоримаа добавил в заключение, что Финляндия сможет рассчитывать на благосклонность со стороны Германии, но, естественно, если сделает для себя соответствующие выводы.

Не случайной явилась также поездка в Берлин во второй половине октября 1937 г. бывшего президента П. Э. Свинхувуда: надо было устранить имевшиеся там сомнения относительно верности Финляндии Третьему рейху. Для этого он встречался с Г. Гиммлером и рядом других высокопоставленных лиц. Развивая взгляды по вопросам внешней политики на обеде, устроенном посланником Вуоримаа, Свинхувуд довольно четко провел мысль, что «противник Советского Союза всегда будет являться другом Финляндии». По его мнению, поскольку «Финляндия представляет для Петербурга постоянную угрозу», ей неизменно надо видеть в лице восточного соседа своего врага. Наконец, если возникнет война в Восточной Европе, считал он, Финляндия не сможет оставаться нейтральной. Германия и Италия рассматривались Свинхувудом в качестве защитников Финляндии[70]. Вполне понятно, что такого рода взгляды выражались на тот момент уже неофициальным лицом. Но в стране он продолжал оставаться влиятельным.

По всему было видно, что в Берлине хотели, чтобы Финляндия покаялась за свой «грех», допущенный в связи с наметившейся оттепелью в отношениях с Советским Союзом. В Хельсинки это понимали и пришли к заключению, что целесообразнее будет, если поездку в Германию совершит Р. Холсти, поскольку по нему «велся огонь» за визит в Москву.

Эта поездка была санкционирована правительством и комиссией парламента по иностранным делам[71]. Но было при этом одно неудобство для Финляндии: персонально Холсти не приглашался в Германию ее правительством[72]. В Берлине явно хотели поставить финского министра в унизительное положение. Поэтому, когда в газетах Финляндии появилась информация, что Холсти выезжает в Германию по приглашению министра иностранных дел Нейрата, то в немецкой печати сразу же разъяснили, что поездка осуществляется по желанию самого финского коллеги[73].

В преддверии этого визита посланник Германии в Хельсинки В. Блюхер счел необходимым доложить своему руководству, что надо иметь в виду, принимая финского гостя, чтобы не возникло особых «неожиданностей» и какой линии надо придерживаться в ходе переговоров. «Политически, — писал он, — мы не должны требовать ничего большего, чем соблюдение подлинного нейтралитета... Вместе с тем, с другой стороны, мы не можем оставаться безучастными к тому, если Финляндия вознамерится вступить в блок с великой державой, имеющей антигерманские тенденции»[74].

Визит Р. Холсти в Германию состоялся 22—24 октября 1937 г. и, по мнению немецкого исследователя М. Менгера, в рейхе ему должны были «в поучительном тоне рассказать малую таблицу умножения»[75]. Позиция германского руководства в ходе этого визита заключалась в том, чтобы «поставить на место» руководителя финского внешнеполитического ведомства и вместе с тем постараться максимально приблизить Финляндию к себе.

Естественно, Холсти не мог не почувствовать сдержанность и холодок к себе, но на иное он и не мог рассчитывать. Вместе с тем в ходе визита ставилась задача поправить отношения с Германией или, точнее, как писал А. Вуоримаа, «со стороны Финляндии хотели повлиять таким образом, чтобы сохранить необходимые хорошие отношения» с нею[76].

Длительная дипломатическая атака Германии, предпринятая на Холсти, очевидно, сыграла свою роль. Линия Финляндии в отношении Советского Союза определялась уже несколько иначе, более приемлемой для Германии.

В ходе начавшегося визита в Германию Холсти в переговорах с Нейратом учитывал твердые заявления немецкого министра, что Финляндии следует при любых обстоятельствах неукоснительно осуществлять нейтралитет. Холсти подчеркнул при этом, что «полностью сознает угрозу Финляндии, исходящую из России»[77].

В Берлине поняли, что с финской стороны не поддержат инициативу СССР, направленную на объединение усилий ряда государств против возможности германской экспансии. Поэтому в ответ Нейрат заверил Холсти в симпатиях Германии к Финляндии и выразил стремление развивать в дальнейшем хорошие отношения с ней[78]. Финские дипломаты вынесли впечатление, что с позиций Германии «нейтралитет Финляндии является желательным». Докладывая 28 октября в Хельсинки о результатах визита Холсти, посланник Вуоримаа оценивал их с точки зрения интересов Финляндии как вполне положительные[79].

Тем самым визит Холсти в Берлин как бы сводил на нет тот прогресс, который был достигнут до этого в развитии отношений с СССР. Объективно он явился демонстрацией покорности финской стороны Третьему рейху. Финляндия оказывалась в роли извиняющейся за «неразумный поступок», выразившийся в поездке министра иностранных дел в Москву, и за последующие «прегрешения» в ходе либерализации восточной политики.

Справедливую оценку этому дал известный финский историк и дипломатический эксперт Юхани Суоми. Он писал, что «едва ли можно было найти наихудшие действия с точки зрения развития хороших восточных отношений, в которых нуждалась Финляндия...»[80]. Действительно, в Советском Союзе такой шаг могли расценить лишь как отход от наметившейся в Хельсинки линии после визита Холсти в Москву.

«Оттепель» в советско-финляндских отношениях оказалась, таким образом, непродолжительной. Но возникает все-таки вопрос: было это лишь маленьким эпизодом в ходе развития советско-финляндских отношений или все же с советской стороны обозначилась перспективная программа сотрудничества, на которую в Москве продолжали рассчитывать?

Дальнейший ход развития событий показал, что «размораживание» холодных советско-финляндских отношений было лишь только временным эпизодом, который не изменил в целом тенденции в сложившихся советско-финляндских отношениях в течение 1920—1930-х гг. и в конечном итоге привел к войне между двумя странами. Однако те вопросы, которые в ходе этого визита начали решаться, затем во многом даже перешагнули через последующие две советско-финляндские войны.

В этом отношении визит Р. Холсти в Москву стал в какой-то степени судьбоносным, поскольку идеи, выдвинутые в ходе этого визита советскими представителями, стали последовательно реализовываться в будущем в течение десяти лет. Они четко просматриваются в ходе последующих советско-финляндских переговоров 1938—1939 гг., в договоре с «народным правительством» О. В. Куусинена и, наконец, в итоге нашли свое выражение в заключенном в 1948 г. договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Все это явно говорит о том, что советское руководство в финляндском вопросе имело достаточно последовательную позицию, которая не зависела от того, кто в то время находился у руля внешнеполитического ведомства СССР. Период же 1937 г. стал своего рода началом выработки у советского руководства подхода к Финляндии в условиях стремительно приближавшейся угрозы возникновения коалиционной войны. Причем первоначально это было лишь стремлением получить от Финляндии устные заверения, что ее территория не превратиться в так называемый «плацдарм» для нападения на Советский Союз. Возможно, в момент визита в Москву Р. Холсти личные соображения финского министра в СССР даже могли посчитать вполне достаточными. Но затем, по мере того как ситуация в мире обострялась, позиция СССР в отношении Финляндии становилась все более решительной.

Таким образом, сугубо внешние признаки вероятной перспективы добиться существенных перемен в сторону улучшения советско-финляндских отношений породили в Москве иллюзию возможности использовать проявившийся в 1937 г. нюанс в своих отношениях с Финляндией уже в военно-политическом плане.

Как отмечается в «Очерках истории российской внешней разведки», советское руководство уже в 1938 г. «предприняло попытку осуществить смелый план — склонить руководителей Финляндии к сотрудничеству, учитывающему интересы обеих стран» [81]. Иными словами, в Москве, очевидно, решили воспользоваться даже намеком на диалог с финским руководством с тем, чтобы превратить Финляндию из потенциального союзника Германии в ее противника в случае начала общеевропейской войны. Как по этому поводу справедливо заметил М. Менгер, для руководства СССР развитие советско-финляндских отношений «в данной международной ситуации и ввиду стратегического положения Финляндии потребовало бóльшего, чем отдельные слова и жесты доброй воли» [82].

---

[1] См.: *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Hels., 1971. S. 157—160; *Suomi J.* Talvisodan tausta. Hels., 1973. S. 153—154.

[2] *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Porvoo; Hels., 1968; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo; Hels., 1970; *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—41. Osa I. Porvoo; Hels., 1958; *Tanner V.* Olin ulkoministerina talvisodan aikana. Hels., 1950.

[3] Документы внешней политики СССР. Т. XIX, XX. М., 1974, 1976; Российский государственный Военный архив (РГВА). Ф. 33987; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГАВМФ). Ф. р-1889; Ulkoasiainministeriun arkisto (UM). 110. G12. Lähete N 12. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937; 12 L / 24; 5 D; 5 G 18; 5.C 18; 109 A 10 e; 5 C 5; 5 C 16; Kansallisarkisto (KA) R. Holstin kokoelma; Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PAAA). Po2 Finnland. Bd. 1; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. London, 1953.

[4] См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997.

[5] *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 25—26.

[6] Ibid. S. 26.

[7] *Hokkanen K.* Kyösti Kallio. Os. 2. Porvoo; Hels.; Juva, 1986. S. 238.

[8] *Suomi J.* Op. cit. S. 33.

[9] R. Holstin muistelmia vuosilta 1936—1940 // Suomen Kuvalehti. 1984. № 51—52. S. 74.

[10] Документы внешней политики СССР. Т. XIX. С. 466—467; См. также: UM. 110. G12. Lähete N 12. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Kirjelmä 28.1.1937 lähettiläille Holma H., Gripenberg G. A., Thesleff R., Vuolijoki H. R.: Paasikivi J. K.

[11] UM. 12 L / 24. R. Holstin kirje A. S. Yriö-Koskiselle Moskovaan, 3.11.1936; 110. G12. Lähete N 12. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Kirjelmä 28.1.1937 lähettiläille Holma H., Gripenberg G. A., Thesleff R., Vuolijoki H. R., Paasikivi J. K.

[12] Ibid. 12 L / 24. R. Holstin kirje A. S. Yriö-Koskiselle Moskovaan, 3.11.1936.

[13] Ibid. 110. G12. Lähete N 12. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Salasähke Moskova, 23.12.1936.

[14] Ibid. Salasähke Moskovasta, 28.12.1936; R. Holstin muistelmia vuosilta 1936—1940. S. 74; *Suomi J.* Op. cit. S. 48.

[15] UM. 110. G12. Lähete N 12. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Salasähke Lontoosta, 6.1.1937.

[16] Ibid. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937.

[17] Ibid.

[18] Ibid.

[19] Ibid. Ulkoasiainministeri Holsti esitteli.

[20] Здесь, видимо, имелось в виду, что осенью 1936 г. на советско-финляндской границе на Карельском перешейке участились случаи обстрелов с финской стороны территории СССР, результатом чего стали человеческие жертвы (см.: Документы внешней политики СССР. Т. XIX. С. 768—769, 492, 775).

[21] UM. 110. G12. Lähete N 12. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Ulkoasiainministeri Holsti esitteli.

[22] Ibid. Kirjelmä 28.1.1937 lähettiläille Holma H., Gripenberg G. A., Thesleff R., Vuolijoki H. R., Paasikivi J. K.

[23] Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 121.

[24] *Korhonen K.* Op. cit. S. 151.

[25] UM. 5 D. R. Holstin virallinen vierailu Moskovaan helmik. 1937. (26.2.1937); KA. R. Holstin kokoelma. 74. Virallinen vierailusta Moskovaan, 8—10.2.1937.

[26] KA. R. Holstin kokoelma. 74. Virallinen vierailusta Mosokovaan, 8—10.2.1937.

[27] Ibid.

[28] Цит. по: *Korhonen K.* Op. cit. S. 153.

[29] Цит. по: Ibid.

[30] R. Holstin muistelmia vuosilta 1936—1940. S 75.

[31] Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 122.

[32] UM. 110. G 12. Lähete N 12. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Moskovan lähetystön raportti N 8. 14.2.1937.

[33] Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 123—124.

[34] Там же. С. 123.

[35] Там же.

[36] UM. 109 A 10 e. R. Holstin selostus «Suomen ja Saksan suhteet v. 1917—1939» (Genevestä-UM. 31.10.1939).

[37] KA. R. Holstin kokoelma. 59 A. Wuorimaa — R. Holstille. 14.1.1937.

[38] UM. 110. G 12. Lähete N 13. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Kirjelmä Berliinin-lähetystölle, 2.3.1937.

[39] Ibid. 5 C 5. Berlinin-lähetystön raportti, 15.2.1937.

[40] Ibid. 110. G 12. Lähete N 12. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Kirjelmä Berliinista 28.2.1937.

[41] Ibid.

[42] Ibid.

[43] KA. R. Holstin kokoelma. 59. A. Wuorimaa R. Holstille, 3.3.1937.

[44] UM. 110. G 12. Lähete N 13. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Muisteripresidentti Göring ja ministeri Holstin Moskovan matka, 2.3.1937; *Korhonen K.* Op. cit. S. 159.

[45] Цит. по: *Korhonen K.* Op. cit. S. 159.

[46] UM. 110. G 12. Lähete N 13. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Salasähke Holstilta Berliiniin, 5.3.1937.

[47] Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 123.

[48] UM. 110. G 12. Lähete N 13. Holsti käynti Moskovassa helmikuussa 1937. Berliinin lähetystön kirjelmä ministeri Holstille, 12.3.1937.

[49] PAAA.Po2 Finnland. Bd. 1. Politische Beziehungem Finnlands zu Deutschland. R 104612.

[50] Ibid.

[51] Ibid.

[52] Ibid.

[53] Ibid.

[54] UM. 5 C 5. Berlinin-lähetystön raportti, 2.9.1937.

[55] KA. R. Holstin kokoelma. 74. Suomen lehdistö R. Holstin vierailusta Moskovaan, 9.3.1937.

[56] *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967. S. 70.

[57] *Kalela A.* Isäni A. K Cajander kirjeiden ja muistikuvien valossa. Jyväskylä, 1985. S. 405.

[58] *Selŭn K.* C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. Keuruu, 1980. S. 259.

[59] *Hokkanen K.* Op. cit. S. 243.

[60] Цит. по: *Korhonen K.* Op. cit. S. 159.

[61] Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 373.

[62] Там же. С. 381.

[63] РГАВМФ. Ф. р-1889. Оп. 1. Д. 67 (разведсводки РО КБФ, 1.9.1937).

[64] Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 441.

[65] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1085. Л. 229 (донесение военного атташе в Финляндии П. Иванова, 11.8.1937).

[66] Там же. Д. 1236. Л. 67 (сообщение разведывательного управления РККА, 1937).

[67] *Menger M.* Op. cit. S. 41.

[68] *Peltovuori R. O.* Saksa Suomen talvisota. Keeruu, 1975. S. 21.

[69] UM. 5 C 5. Berlinin-lähetystön raportti, 16.10.1937.

[70] Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. P. 535—536.

[71] *Jakobson M.* Op. cit. S. 43—44.

[72] Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. P. 533; *Peltovuori R. O.* Op. cit. S. 22.

[73] UM. 5 C 5. Berlinin-lähetystön raportti. 28.10.1937.

[74] PAAA.Po2 Finnland. Bd. 1. Politische Beziehungem Finnlands zu Deutschland. Bd. 1. R 104612; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. P. 533—534.

[75] *Menger M.* Op. cit. S. 39.

[76] UM. 5 C 6. Berlinin-lähetystön raportti. 28.10.1937.

[77] Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. P. 537.

[78] Ibid.; *Suomi J.* Op. cit. S. 142.

[79] UM, 5 C 5. Berlinin-lähetystön raportti. 28.10.1937.

[80] *Suomi J.* Op. cit. S. 145.

[81] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 297.

[82] *Menger M.* Op. cit. S. 42.

К.-Ф. Гёуст

ФИНСКИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ АЭРОФОТОСЪЕМКИ ДО «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»

Военно-воздушные силы Финляндии заказали 6 октября 1939 г. в Англии 18 современных бомбардировщиков «Бристоль Бленхейм» в качестве первой экспортной закупки нового типа самолета. По своим качествам двухмоторный «Бристоль Бленхейм» представлял собой наивысший уровень самолетов того времени. По скорости он не уступал истребителям, но для взлета требовалась только гладкая взлетная полоса в 800 метров.

Капитан (позднее подполковник) Армас Эскола до 1937 г. работал представителем финских ВВС в Англии на Бристольском авиационном заводе. В период 1937—1938 гг. он лично летал на шести самолетах типа «Бленхейм» из Англии в Финляндию. И вот в апреле 1939 г. А. Эскола получил приказ от иностранного (разведывательного) отдела полковника Ларса Меландера испытать самолет «Бленхейм» в воздухе и возможность аэрофотосъемок на высоте 7000 м. 21 апреля 1939 г. Эскола совершил первое подобное испытание. Полет длился 1 ч 40 мин, и была сфотографирована с высоты 6700 м территория севернее летной базы в Иммола. Полет на этой высоте очень сложен, поскольку кабины самолетов того времени не были герметичными, так что приходилось применять кислородную маску. Температура воздуха также не зависела от времени года и составляла обычно 40—50°, что, естественно, было весьма опасно для экипажа. Во всех «испытательных полетах»

* Перевод с финского языка выполнен канд. филол. наук, доцентом С. Г. Халиповым.

1939 г. вперед смотрящим был поручик Лаури Рятю, а фотографом — старший сержант Оскар Ойнонен.

Уже 22 апреля 1939 г. Эскола представил результаты фотосъемки в Генеральный штаб, где ему сразу же предложили продолжать съемки, но уже над территорией СССР. Полеты должны были проходить секретно, и если в момент полета что-либо могло произойти с самолетом, то «никто не будет в этом случае запрашивать о судьбе экипажа», «фотокамеру же надлежало выбросить», что на практике было почти невозможно.

Первая задача съемки включала, в частности, портовые районы Ленинграда и морскую базу Кронштадта. Полет предстояло выполнять вдоль южного берега Финского залива на восток от границы Эстонии с Советским Союзом. Сами объекты следовало снимать уже при перелете на север к границе Финляндии. Причем, согласно воспоминаниям Эскола, полет для съемок над Ленинградом и Кронштадтом был осуществлен накануне Первомайских праздников — 30 апреля 1939 г., однако на самом деле он произошел еще ранее — 26 апреля (с 10.50 до 12.30 утра) [1]. При этом по данному полету нет никакого документального материала. Но вряд ли Эскола мог получить для первой разведывательной операции такой столь опасный маршрут перелета. Зато 19 августа 1939 г. действительно перелет по маршрут Кронштадт — Стрельна и далее до финской границы был выполнен [2]. Фотографии данного полета получили название «Серия I», причем обнаружены фотографии конечной части перелета, который проходил к северу от Ленинграда.

26 апреля того же года, вероятно, был выполнен менее рискованный полет. Уникальный же перелет и съемки района Кронштадта-Ленинграда так глубоко запомнились Эскола, что спустя 30 лет он в своих воспоминаниях объединил их с описанием своего первого разведывательного полета, который, естественно, был также весьма исключительным и запоминающимся достижением.

За лето 1939 г. Эскола выполнил 13 полетов для аэрофотосъемки в советском воздушном пространстве, в ходе которых он фотографировал Карельский перешеек, а также Советскую Карелию. Информация об этих полетах являлась секретной более 30 лет. Впервые о них стало достаточно широко известно лишь в 1979 г. из полудокументальной книги о летчиках на самолетах «Бленхейм» периода «зимней войны» второго летчика-ветерана, известного еще как писателя Йоппе Кархунена [3].

Кархунен рассказал о действительном характере испытаний Эскола и перечислил его полеты [4]. Эту информацию затем использовали в период 1987—1988 гг. в своих основных трудах генерал Раймо Хейсканена и профессор Маунено Йокипии, писавшие о военной разведке Финляндии и об истории возникновения «войны-продолжения» [5]. Следовательно, источником всех вышеуказанных публикаций был сам Эскола, и до сих пор не представлено никакой другой документальной базы. Причиной тому стало, естественно, уничтожение разведывательных документов, а также материалов аэрофотосъемок или переправка их в сентябре 1944 г. из Финляндии за рубеж.

В военном архиве тем не менее обнаружена часть фотографий полетов, выполненных Эскола 19 и 29 августа 1939 г. (42 фотографии полета 19 августа и 13 фотографий полета 29 августа). Обнаруженные фотографии запечатлели южную часть советской территории Карельского перешейка, начиная от военных баз в Левашове и в Касимове и заканчивая северными районами Ленинграда, а также до Кирьясало на севере Ленинградской области вблизи финско-советской границы. Далее, обнаружены схемы пяти полетов, выполненных летом 1939 г. над Советской Карелией, а также значительное количество ссылок на фотографии Эскола [6].

Полеты Эсколы возможно также подтвердить материалами наблюдений о нарушении границы, зафиксированные в документах Архива министерства иностранных дел Финляндии [7]. Действительно, финские пограничники в нескольких случаях замечали, как самолет Эскола пересекал границу и возвращался затем из воздушного пространства Советского Союза, хотя организаторы полета Эскола, по-видимому, полагали, что высоко летящий самолет вообще с земли нельзя обнаружить.

Судя по всему, командование финских пограничных войск и Министерство иностранных дел Финляндии не знали о сути дела. Нарушение границы во время того же полета, как правило, отмечались разными пограничниками, но их нельзя было

обобщенно представить, а «полеты неопознанных самолетов» истолковывались, как правило, как осуществляемые Советским Союзом. Со стороны Финляндии по данным полетам иногда даже заявлялись дипломатические протесты.

В Министерстве иностранных дел также имеются некоторые выраженные Советским Союзом протесты по полетам Эскола, которые обычно Финляндией отвергались. Заметим, что советские самолеты допускали в течение 1939 г. над Карельским перешейком много нарушений границы, о чем открыто писали в финской прессе.

Что касается разведывательных полетов финской авиации над территорией Советской Карелией, то прежде всего фотографировались грунтовые и железные дороги, а также населенные пункты, казармы и аэродромы.

Съемки начались 29 июня 1939 г. в 15.15. Первый маршрут полета проходил через Вителе и Туулос в Олонецкую Карелию, далее к устью Свири и затем назад в Финляндию вдоль восточного побережья Ладоги в направлении Саалми. Фотографирование же осуществлялось на высоте 7500 м. Любопытно, что в момент этого полета кислородный аппарат Эскола давал сбои, и после подъема до 6000 м он потерял сознание. К счастью для него, впередсмотрящий Рятю обнаружил это и направил самолет на снижение. Самолет, таким образом, терял высоту до тех пор пока Эскола не пришел в сознание. Это произошло уже на высоте 3000 м, как сам он поведал, у Олонца. После ремонта кислородного аппарата Эскола решил все же выполнить задание до конца. Сам же полет закончился удачным приземлением в Вяртселя в 17.15 вечера.

На следующее утро, 30 июня, в 06.10 утра был организован еще один полет в центральную часть Советской Карелии. Погода благоприятствовала, поэтому съемка происходила с высоты 8000 м. Затем, сразу же на следующий день, 1 июля в 05.55 утра был произведен еще один разведывательный вылет, причем маршрут полета был увеличен и пилот должен был долететь до Петрозаводска. Границу же пересекли в этих двух полетах в ту и в другую сторону севернее Саалми.

Тем не менее с советской стороны фиксировали нарушение финской авиацией границы, что вело к дипломатическом протестам. «Виновного» в Финляндии, разумеется, не находили,

заявляя, например, что лишь один из самолетов в учебном полете перелетел границу, о чем финское Министерство иностранных дел с сожалением признало 22 сентября 1939 г.[8]

В июле 1939 г. Эскола стал работать в Онттола под Йоенсуу. Утром 22 июля 1939 г. совершили долгий полет из Порасозеро к Медвежьегорску и затем через Паатене на север. Последним полетом над Советской Карелией был перелет границы 11 августа 1939 г. вблизи Лиекса и вдоль нее самолет шел над шоссе обратно через Лендеры, Линтуярви и Мундярвенлахти. В Финляндию он возвратился через северную часть Хюрсельского изгиба в районе Суоярви. Сделанные фотографии были зарегистрированы в «Серию X».

Почти все серии съемок территории Советской Карелии были сделаны английской камерой «EAGL», последние же съемки были произведены новой немецкой камерой «RMK».

Полеты 19 и 29 августа 1939 г. являлись последними «экспериментальными полетами аэрофотосъемки» осенью 1939 г.[9] Фотографии, сделанные 19 августа 1939 г., зафиксировали, в частности, аэродромы севернее Ленинграда в Шувалово, Левашово и Касимово, а также в этих местах были сфотографированы отдельные казармы, бараки и железнодорожные станции. Причем маршрут полета из района Ленинграда пролегал на север к Кирьясало.

«Серия V», снятая 29 августа, начинается с Кирьясало. Фрагменты этой серии зафиксировали территорию в районе Мискула, Лемпааля и Лехтойнкеле. Этот полет стал для Эскола последним до «зимней войны». Посетив Генеральный штаб 6 сентября, он получил еще одно задание по аэрофотосъемке, которое почему-то не было выполнено.

После окончания «зимней войны» Эскола дважды фотографировал территорию советской военно-морской базы Ханко (13 октября и 11 ноября 1940 г.), а также — в мае и июне 1941 г. — территорию отошедшего к СССР Карельского перешейка (24, 25 мая и 11 июня 1941 г.). По крайней мере три последние аэрофотосъемки, вероятно, связаны с приближавшейся «войной-продолжения».

Что же касается фототехники, которую Эскола использовал для выполнения своих заданий, то его экипаж подписал заключения по испытаниям английской «EAGL- IV» 4 сентября

1939 г. и немецкой камеры «RMK P50/30*30» 5 сентября 1939 г.[10] Заметим, что лучшее качество при аэрофотосъемках получалось при использовании немецкой камеры. Аппарат камеры при всех обстоятельствах высоты, температуры и влажности действовал все время уверенно и надежно. Английская ИГЛ IV действовала очень ненадежно, особенно на высоте свыше 4000 м[11].

Во время «зимней войны» это была единственная (!) действующая безотказно камера аэрофотосъемок, и ее применяли постоянно для важнейших разведывательных съемок. Ее объектами был ареал прорыва «линии Маннергейма», района ладожской Карелии и островов Финского залива. Камеру применяли в «зимней войне» и для съемок баз советских ВВС, например, в Суулоярви, Каукярви, Лоттинепелто и Луганлахти.

Итак, съемки капитана Эскола летом 1939 г., несомненно, предоставили финским ВВС значительный дополнительный опыт и информацию по разработке фоторазведки. Финская разведка получила ясное представление о возможностях аэрофотосъемки. Очень хорошо были сняты летом 1939 г. Карельский перешеек, а также Кронштадт и побережье Финского залива между Ленинградом и Эстонией. Кроме этого, хорошего качества был материал, отображающий значительную часть Советской Карелии, в частности района Олонца и Свири, а также Петрозаводска, Медвежьегорска и Реболы. Здесь были зафиксированы, прежде всего, коммуникации. Однако уровень анализа снимков был весьма ограниченным. Было лишь несколько специалистов, способных осуществлять комплексный анализ снимков, так что можно предположить, что со снимков была получена далеко не вся возможная информация[12].

Фотоснимки, сделанные Эскола летом, начали более широко использоваться начиная с 1 ноября 1939 г., когда подразделениям ВВС получили «предварительную информацию о некоторых зенитных орудиях на Карельском перешейке», отмеченных на топографических картах в районе Терийоки, Токсово, Белоострова, Лембавлово и Вуоле. Затем был отдан новый, значительно более подробный список станций и вышек воздушного наблюдения, обнаруженных на Карельском перешейке[13]. Разведывательный отдел направил 16 ноября 1939 г. начальнику штаба ВВС отмеченные на топографической карте

сведения о советском укрепленом регионе в зоне Белоостров—Ленинград, «основываясь на надежной информации лета 1939 года». Вскоре последовала передача схемы укреплений западнее Лемболовского озера, а 23 ноября 1939 г. разведывательный отдел отправил уже карту укреплений северо-восточной части Карельского перешейка[14]. Также отметим, что, начиная с 9 ноября 1939 г., раздавались исправленные листы топографических карт[15]. Серии копий снимков, сделанных Эскола, распространялись с 24 ноября[16].

В последние дни «зимней войны» ожидалось, что в Финляндию прибудут войска западных союзников. Первыми должны были прибыть английские и французские бомбардировщики. Командующий ПВО генерал-лейтенант Лундевист приказал 9 марта 1940 г. своему штабу, а также 4-му авиаполку собрать сведения о военных целях для пребывающих бомбардировочных подразделений. Для бомбардировочных эскадрилий требовалось представить данные о целях на территориях Карельского перешейка, Ленинграда и его окрестностей, а также по всей зоне ответственности войск Ленинградского военного округа по линии северная часть Чудского озера—Волхов—Онежское озеро, Карелия и Эстония. Причем предполагалось передать еще в их распоряжение «*фотографии аэрофотосъемок, сделанных летом 1939 г.* (курсив мой. — *К. Г.*)». Как мишени бомбардировок должны были быть указаны особенно железные дороги, АЗС и авиабазы, военные заводы и электростанции[17]. Однако не обнаружено ни одной готовой папки со следами целей, и неизвестно, успели ли передать фотографии Эскола представителям Англии и Франции до заключения мира 13 марта 1940 г.

Возникает вопрос: зачем финский Генеральный штаб весной 1939 г. предпринял рискованную аэрофотосъемку, которая при обнаружении могла бы привести к самым серьезным внешнеполитическим последствиям?

Перед тем, как ответить на этот вопрос, заметим, что советский летчик-испытатель Владимир Коккинаки также отправился 28 апреля 1939 г. на самолете типа «ЦКБ-30» в исключительный дальний полет из Москвы в Нью-Йорк, который пролегал «через воздушное пространство Финляндии». Кстати, запрос о разрешении перелета Коккинаки стал предлогом

для резидента НКВД в Финляндии Бориса «Ярцева» (Рыбкина) посетить министра иностранных дел Рудольфа Холсти 14 апреля 1938 г.[18] На основании заявлений Генерального штаба и штаба ВВС (то есть именно тех органов, которые в то же время санкционировали полеты Эскола!) Министерство путей сообщения и общественных работ выдало Коккинаки разрешение перелета, что по разным причинам ранее неоднократно приходилось затягивать. После этого само по себе маловажного рутинного запроса «Ярцев» был вовлечен в тайные политические переговоры относительно безопасности Ленинграда. Правда, они не привели к желаемым результатам. Неужели острая нужда Генерального штаба провести разведывательные полеты на территории СССР реально имела взаимосвязь с ярцевской инициативой провести переговоры, истолкованные финской стороной в агрессивном смысле?

На основании того, что удалось получить для съемок уникальные фотокамеры можно допустить, что сами организаторы начала этой авиационной разведки, возможно, находились в Германии. В тот же день, 11 мая 1939 г., когда Эскола уже совершил свой четвертый съемочный полет через границу, в Хельсинки тайно в 10 часов вечера прибыли два офицера немецких ВВС[19]. Один из них был известен как основоположник немецкой аэрофотосъемки, другой же — подполковник Теодор Ровель являлся начальником испытательного аэродрома для высотных полетов[20].

Когда же капитан Эскола посетил 12 мая 1939 г. генеральный штаб, то вполне мог встретиться с прибывшими из Германии. Позднее он рассказывал, что в обучении по применению новой камеры участвовали «немецкие специалисты по аэрофотосъемке». В данном случае наверняка имеется в виду именно Теодор Ровель. Предполагается, что немцы повлияли на выбор снимаемых ареалов. Одновременно сотрудничество осуществлялось и в области оперативной разведки — немецкие радиоспециалисты работали на станциях радиоподслушивания в Тюрисеве (Ушково. — *Ред.*) — Сейвест[21]. Вильгельм Канарис, как известно, летом 1939 г. посетил Финляндию[22], хотя все же нет конкретной информации о вопросах, касавшихся сотрудничества с ним.

Что было обещано в качестве ответной услуги за предоставленную камеру? По крайней мере, этим могли быть копии фотографий, снятых в полетах через границу. При этом также следует учитывать, что после подписания между Германией и СССР 23 августа 1939 г. Договора о ненападении немецкая разведка, вероятно, на какой-то срок прекратила открытую работу по приобретению информации о СССР, когда Финляндия могла быть подходящим продолжателем такого рода деятельности. Наконец, следует подчеркнуть, что СССР действительно фиксировал полеты Эскола. Этот факт, на который никто из многих исследователей политической истории «зимней войны» не обращал внимание. Тогда, однако, СССР не мог еще убедительно доказать, что они осуществлялись финнами. Ведь легко можно было предположить, что нарушавшие границу самолеты, летевшие из Финляндии, в действительности принадлежали другой стране, скажем, Германии или Великобритании?

Смелые полеты Эскола, таким образом, могли подтвердить подозрения Кремля, что безопасность Ленинграда была объектом угрозы со стороны Финляндии. Эти подозрения вскоре породили конфликтную ситуацию, которая в конечном счете, привела к началу «зимней войны». Симптоматично, что 16 сентября 1939 г. командующий пограничными войсками, заместитель командира народного комиссара внутренних дел СССР И. И. Масленников обратил внимание народного комиссара обороны маршала К. Е. Ворошилова на факты неоднократных нарушений воздушной границы с финской стороны. Масленников просил усилить воздушную оборону именно со стороны Карелии[23].

На следующий день, 17 сентября, Красная Армия перешла восточную границу Польши. После этого события развивались весьма быстро. После договоров о базах Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой на рубеже сентября и октября подошла очередь и Финляндии. 5 октября СССР потребовал, чтобы финское правительство прислало в Москву своего представителя...

В следующий раз финские самолеты пролетали в советском воздушном пространстве на второй день «зимней войны». Утром финская эскадрилья совершила два разведывательных по-

лета района населенных пунктов Нижние Станки и Левашово. На Левашовском аэродроме были обнаружены тогда 20 самолетов.

---

[1] Sota-arkisto (далее: Sark). T23063/Aca1 (Эскадрилья 44 авиационный дневник 1.3.1938-31.5.1940) и T23294/3 (Авиационный полк 4, Эскадрилья 44 1939).

[2] Ibid. T19277/1T. Сопроводительная записка к раздаче снимков штаба ВВС 15.11.1939 Четвертому авиационному полку II./76/II/8sal.

[3] *Karhunen J.* Blenheim-pommittajat armottomalla taivaalla. Keuruu, 1979. S. 7—23.

[4] Составленный Эсколой подробный отчет был опубликован в малотиражной газете «Ilmaviesti» (1984. 3—4; 1985. 1—2).

[5] *Heiskanen R.* Saadun tiedon mukaan. Keuruu, 1988. S. 25; *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Keuruu, 1987. S. 471 (сокращенный перевод на русский язык: *Йокипии М.* Финляндия на пути к войне. Петрозаводск, 1999. С. 236—237).

[6] Снимки — Sark. P7578 (Эскадрилья 12 1940), восковка P4433/2 (IVAKE Ilmakomentaja 1939—1940).

Удачные полеты аэрофотосъемки, осуществленные капитаном А. Эскола в 1939 г.

Дата	Часы	Самолет	Территория аэрофотосъемки, маршрут полета	База Примечания	Серия, количество фотографий
21.04		BL-104	Севернее Иммолы		Испытание
26.04	10.50–12.30	BL-114	Карельский перешеек	Самолет BL-104?	
10.05	11.50–12.50	BL-114	Карельский перешеек	Иммола	
10.05	13.50–14.50	BL-114	Карельский перешеек	Иммола	
11.05	11.25–13.10	BL-114	Карельский перешеек	Иммола	
15.05	12.45–14.15	BL-114	Карельский перешеек, восточная часть	Иммола	
29.06	15.05–17.05	BL-118	Оленец. Аэродром Вителе-Туулос-Нурмола-маяк на Торопецком мысе (монастырская)-Юляма-Мекри-Соримеки-Гумборица юго-западнее Писи-деревня-онтрусовский монастырь от Каукойярви около 3 км на юго-восток.	Верцеля	XV(?) 99 фотографий

Дата	Часы	Самолет	Территория аэрофотосъемки, маршрут полета	База Примечания	Серия, количество фотографий
30.06	6.10–8.00	BL-118	Северо-восток и восток Ладоги, направление Саалми. Пэллюсярви-Каппа-Кинаярви-Киналахтенярви-Лиммасниями-Тууласярви-Варисваара-Уутярви Полья-Пюхяярви-Симанисто-Меллица-Терунсельке-Конкисниями-Нуаярви-Вуохтаярви-Виялиярви-Палахти-Кохтаселькe-Койвуниями		
01.07	05.55–07.55	BL-118	Направление Петрозаводска. Луматярви-Васоярви-Станция Тарсеполе-Ивино Паюйоки-Миконсельке-Пясенселькe-Деревянка-Петрозаводск-Пуолияве-Матросса-Пряжа-Манга-Нуосярви-Ссиссойнен-Мяльвяярви-Ваэра-Ляйвяниями	Вяртселя	XIII(?), по крайней мере 190 снимков
22.07	06.30–09.00	BL-118	Направление Медвежьегорска. Серия XI: Пограничная казарма Пораярви--Пораярви-Савастила-Сантаярви-Семссивара-Юсутярви-Торасярви-Семсярви (Сувипяя)-Кумсярви-Контиоваара-Келтоваара-Цопино-Медвежьегорск-Ахвенярви (Маркинолампи). Серия XII: завод Паадене--Сейсярви-Сялькиярви--Ментюниеми-Петруваара	Онттола	XI, 203 фотографии XII, 46 фотографий
08.08	13.20–13.50	BL-118		RMK P50/30 *30 камера	Испытания нового оборудования
09.08	09.25–12.10	BL-118	Иммола-Йоенсуу-Лахденпохья-Иммола	Иммола	

Дата	Часы	Самолет	Территория аэрофотосъемки, маршрут полета	База Примечания	Серия, количество фотографий
11.08	10.55–13.45	BL-118	Направление Пораярви. Инари-Луонтсаари-Лентиера-Суоверкка-Лупасалми-Сиянваара-Мяретярви-Куутаммолахти-Пораярви-Пяльвиярви-Линтуярви-Хаманярви-Муньярвинлахти-Нелканярви-Вуохтаярви-Онкамус-Киватсу-Цалкки-Кангасярви-Суаярви	Онттола	X, 171 фотография
19.08	07.45–09.30	BL-110	Карельский перешеек. Заключительная часть полета: Кронштадт-Стрельна-Ленинград-Шувалово-Дибуны-Киссолово-Лемпаала-Липола-Новая Кирьясало	Иммола	I, 119 фотографий
29.08	08.05–09.45	BL-110	Карельский перешеек. Липпола-Лемпаала-Ройканярви-Грузино-Вассалово-Питкаряви-Матокса (Александрово)-Пери-Токсово-Коросенмяки-Рагозинка-Аланиккуласи-Орлиоя-Лумисуо-Коросаари-Сиркеянсаари-Хуухти-Раасули-Исокоркиямяки-Кирьясало	Иммола	V, 120 фотографий

Примечание: О наблюдениях пограничников, связанных с полетами Эскола, и о дипломатических протестах см. сноску № 8.

[7] Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 12 G1:18 Перелеты границы финскими самолетами 1924—1939; UM G1:21 Перелеты границы русскими самолетами 1939. См. также: UM 109 A 8 Война Финляндии и СССР 1939—1940.

[8] Замеченные финскими и советскими пограничниками полеты Эскола и дипломатические протесты.

1. Полет 11 мая 1939 г., взлет из Иммола в 11.50 на юг перешейка, возвращение в Иммолу в 13.10.

11.05.1939 финские пограничники Оллила (ныне Солнечное) заметили в 12.10, что летит самолет на высоте около 3 000 м южнее пограничной вехи № 6 в сторону реки Сестры, «детали самолета нельзя было рассмотреть». Пограничники Таппари юго-восточного берега заметили в 12.24, что самолет летит на высоте 4000 м на север на расстоянии 2000 м от берега. Самолет пе-

релетел границу в 12.26. По первому наблюдению самолет кружил над Оллилой, или около 3—4 км от границы над Финляндией. На основании двух вышеуказанных замечаний посланник Финляндии в Москве А. С. Юрьё-Коскинен 23 мая 1939 года заявил протест о нарушении финского воздушного пространства заместителю наркома иностранных дел В. Потемкину.

2. Полет 15 мая 1939 г., взлет из Иммола в 12.45 на юг перешейка, возвращение в Иммола в 14.15.

15 мая 1939 г. финские пограничники в Вартио заметили, что самолет пересекает границу СССР в Финляндию в 13.37 на высоте 3500—4000 м в направлении Кортикюля—Кауксамо под Кивеннапа. Протест был подан 31 мая 1939 г., на что заместитель наркома Потемкин ответил 08.07, что советские самолеты не совершали полетов над Карельским перешейком 15 мая 1939 г.

3. Полет 30.06.1939 г., взлет из Вяртселя в 15.05 к Олонцу, возвращение в Вяртселя в 17.05.

29.06.1939 батарея Мантця заметила в 15.50, что летит самолет над Ладогой в сторону Матссиля (т. е. из Финляндии в СССР). Пограничники же деревни Грозный заметили в 16.25, что самолет летит «на высоте нескольких километров над границей (т. е. из СССР в Финляндию) между деревнями Грозный и Виртселя в сторону Кавайно-Мантссила-Матцысаари». Продолжали наблюдать, что самолет летит над Саариярви и Варпуселькe, а также севернее Саалми. Также наблюдения были сделаны в Туламайоки в Ууксйоки. По замеченному в 16.24 полету «севернее Ладоги в направлении запад-северо-запад» была подана нота народному комиссару иностранных дел СССР.

4. Полет 30.06.1939, вылет из Вяртселя в 06.10 в советскую Карелию в 08.00.

30.06.1939 г. финские пограничники в Пирттисельке услышали в 06.45—06 в направлении 58-00 сильный шум мотора, исчезавший к востоку в направлении 08-00. Этот шум немного раньше был слышен в Питкяранте по направлению 15-00 и констатировали также, что он исчез на востоке. В 07.20—07.25 пограничники Кясмясельке услышали, что прямо над ними движется шум мотора с востока на запад, который был услышан во многих местах в регионе Котаярви под Уомаа, Полвиярви, а также Кясмясельке-Кауносельке. По наблюдениям за шумом была подана нота 17.07.1939 г.

5. Полет 01.07.1939 г., взлет из Вяртселя в 05.55 в направлении Петрозаводска, возвращение в Вяртселя в 07.55.

01.07.1939 г. финские пограничники услышали шум с запада на восток, в частности, в Уомаа и Кясноселькe в 06.20—06.30, а также в регионе Хиисиярви под Салми в востока на запад шум в 07.15—07.25. Самолет также увидели в Котаярви в 07.20. Протест подали также 17.07.1939 г. в ноте № 804, правда, с известным ограничением: «из-за большой высоты нельзя было различить национальную принадлежность самолета, но, очевидно, речь идет о советских самолетах». Итак, финские пограничники услышали оба перелета границы Эсколой, а возвращение также и увидели. Народный комиссариат иностранных дел СССР ответил 31.08.1939 г. на ноты от 31.08.1939 и констатировал, что «по информации компетентных органов» советские самолеты не нарушали государственной границы с Финляндией в период 29.06—2.07.1939. В ответе Министерства иностранных дел, очевидно, есть помета начальника отдела Ааро Пакаслахти: «Оговорено с Министром, оставим дело без последствий. 11/9

А. П.» Нота касалась советского самолета, замеченного у Ино в 13.35 02.07.1939 г.

6. Полет 22.07.1939 г., взлет из Онттола в 6.30 по направлению к Медвежьегорску, возращение в Онттола в 09.00

22.07.1939 г. пограничники СССР заметили финский самолет в 09.15—09.30 по московскому времени или по финскому времени в 08.15—08.30 между пограничными отметками № 600-623, когда самолет пролетел на глубину 10—12 км. Председатель второй советской местной комиссии наблюдения совместного финско-советского пограничного комитета, майор Новиков подал 10.08.1939 г. в Репола письменный протест финской стороне, командиру пограничной заставы Йоенсуу подполковнику Э. Раапане.

7. Полет 11.08.1939 г., взлет из Онттола в 10.55 в направлении Петрозаводска, возвращение в Онттолу в 13.45.

11.08.1939 г. советские пограничники заметили нарушение границы финским самолетом в 12.50 по московскому времени, а по финскому времени в 11.50 у приграничных отметок № 617-618 в районе Пиелисярви. Самолет проник на советскую территорию 10—12 км. Председатель второй советской местной наблюдательной комиссии пограничного комитета майор Новиков подал 16.08.1939 г. в Репола письменный протест подполковнику Раапане. 23.08.1939 г. советское посольство в Хельсинки подало по данному вопросу ноту, в которой констатируется, что финский самолет проник 11.08.1939 г. в 12.50 по московскому времени или в 11.50 по финскому времени на высоте 500 м на 15 км в воздушное пространство СССР и пролетел через деревни Верхоламбанярви, Миндери и Майтовара, через деревню Кивинярви, а также Царверк до возвращения в 7-ю. Подполковник Э. Раппана направил 26.08.1939 протесты майора Новикова о случаях 22.07 и 11.08.1939 г. начальнику пограничных застав, генерал-майору В. Э. Томппо с сопроводительным указанием «я установил соответствие действительности».

Министерство же иностранных дел направило 28.09.1939 г. финской комиссии пограничного комитета подписанных министром Э. Эркко ответ, в котором констатировалось, что согласно исследованиям генерального штаба «22.07.1939 г. — вопреки мнению подполковника Раппаны — был не перелет границы, а ошибочные наблюдения зависят от того, что пограничная полоса делает резкие повороты, так что при наблюдении за ней можно легко ошибиться о точном месте высоко летящего самолета». Зато признали, что 11.08.1939 г. «с финской стороны был перелет границы, зависевший от ошибочного указания компаса, а также от... марева и частичной облачности».

В записке министерства иностранных дел указывалось далее, что на вербальную ноту советского посольства по случаю 11.08.1939 г. было отвечено и констатировано, что перелет границы произошел, что сожаление по поводу происшествия было представлено и что приняты меры по предотвращению повторения. В письме констатировалось несколько иронично, что представитель пограничного комитета, вероятно, может констатировать, что вопрос улажен дипломатическим путем, но поскольку «по поводу перелета границы якобы случившегося 22.07.1939 г. советское посольство не сделало никакого заявления, то и не было основания сообщать посольству и о результатах исследования относительно перелета».

8. Полет 19.08.1939 г., взлет из Иммола в 07.45 к Ленинграду и Кронштадту, возвращение в Иммола в 9.30.

19.08.1939 г. в 08.55 финские пограничники заметили, как самолет летит через Вепсу в направлении Валкярви на высоте около 5000 м. Также самолет видели в Ууенкиркко, летящим в направлении Ино в 08.22. В Министерстве иностранных дел составили проект ноты для подачи в народный комиссариат иностранных дел СССР. Однако нота не была подана, но в проекте есть следующая помета: «Ввиду незначительности вопроса не будем делать никаких замечаний, министр утвердил, что поступим таким образом. 25/8-39 А. Р.» А. Р — по-видимому, начальник политического отдела министерства иностранных дел Ааро Пакаслахти.

На решение Министерства иностранных дел не протестовать могла повлиять нота, поданная советским посольством в Хельсинки накануне 24.08.1939, в которой констатировалось, что финский самолет именно 19.08.1939 г. в 10.50 по московскому времени или в 9.50 по финскому времени проник на высоте 3000 м в советское воздушное пространство на глубину 17—20 км у пограничных отметок № 659 и 660 и пролетел 46 км в советском воздушном пространстве на высоте 2000 м у отметки № 681, и вернулся в Финляндию, пролетев 600—700 м на советской стороне. Однако сроки случая нарушения границы, указанные в советской ноте, не подходят к полетам Эсколы.

9. Полет 29.08.1939 г., вылет в 08.05 из Иммола к перешейку, возврат в Иммола в 09.45.

29.08.1939 г. в 08.35 финские пограничники снова услышали шум самолета в деревне Вепса. Шум двигался в направлении Лемпаала. В 09.15 шум приблизился из России и исчез в направлении Валярви. Наблюдательная станция УР2 на отметке 178 в 08.41 увидела, как «большой белый истребитель» летит на высоте 5—6 км с запада на восток к России и в 09.09 снова назад в Финляндию на высоте 4—5 км.

05.09.1939 г. советское посольство в Хельсинки подало новую ноту о том, что финский «водяной самолет» на высоте 1500 м 22.8.1939 в 10.25 проник на глубину 6 км в воздушное пространство СССР у пограничной отметки № 674 и пролетел 15 км по территории СССР у Репола и Ниемиярви до своего возвращения в Финляндию. В той же ноте констатировалось также, что 29.08.1939 в 09.50 по финскому времени 08.50 финский самолет проник на высоте 4000 м в воздушное пространство СССР у Аутко и пролетел 10 км по территории СССР до своего возвращения в Финляндию. Это последнее наблюдение касается полета Эскола на восток.

По всем четырем последним перелетам границы якобы финскими самолетами Министерство иностранных дел запросило заключение Генерального штаба, которое было получено 20.09.1939 г. В заключении ссылались на информацию, полученную от командующего ВВС, признали только перелет границы 11.08.1939 и категорически опровергли констатируемые СССР перелеты границы от 22.07, 19.08 и 29.08.1939 г.

10. Записка заместителя народного комиссара внутренних дел СССР народному комиссару обороны маршалу К. Ворошилову 19.09.1939 г.

16.09.1939 г. командующий пограничными войсками СССР, заместитель народного комиссара внутренних дел Масленников направил официальную

записку о «нарушениях границы финскими самолетами» народному комиссару обороны маршалу К. Ворошилову. В записке перечислены вышеуказанные нарушения границы: 22.07. в 9.00 (см. пункт 6 выше), 11.08. в 12.50 (см. пункт 7 выше), 19.08. в 10.50 и 11.46 (см. пункт 8 выше), 22.08 в 10.25, а также 29.8 1939 г. в 9.50 (см. пункт 9 выше). И 22.08, и 29.08.1939 г. был открыт огонь по перелетевшему границу самолету, однако «без результата». Записка заканчивается следующим образом:

«По всем явно преднамеренным случаям нарушения границы финнам предъявлен протест через местные пограничные комиссии.

Насколько мы знаем, Красная армия не имеет в Карелии никакой особой зенитной системы против финских разведывательных самолетов.

НКВД обращает серьезное внимание на осуществляемые разведывательными самолетами тяжкие нарушения границы, и нуждается в Вашем решении по активизации охраны границ воздушного пространства СССР».

[9] Несколько снимков серии I (авиабаз Касимова и Левашова, в частности) были опубликованы в книге: *Geust C.-F., Tirkeltaub S., Petrov G.* Red Stars. Vol. 5 (Soviet Naval Air Forces in the Winter War). Tampere, 2004

[10] Sark. Штаб ВВС / Фотоотдел / 112 (Испытания камеры 1936—1939) (на финском).

[11] Ibid.

[12] Информация от ветерана воздушной разведки Аймо Юхолы.

[13] Sark. T19277/2T: Записка второго отдела штаба воздушной обороны № 96/II/1b 1.11.39, а также T23294/3: Записка четвертого воздушного полка II№ 338/II/8a 3.11.39.

[14] Ibid. T19277/2T. Напр., записка разведотдела главной ставки № 438/Tied.1/sal 16.11.1939 Начальнику штаба ВВС «в виде приложения высылаются 8 экземпляров карты советских укреплений в районе колеи Белоостров-Ленинград. Карта основывается на надежной информации лета 1939... № (Обнаружена только сопроводительная записка).

[15] Ibid. T19277/2T. 09.11.39 розданы воздушным подразделениям исправленные листы карт Лемпаалы, 14.11.1939 Белоострова и 27.11.1939 Вуоле.

[16] См., напр.: Ibid. T19277/1T, T19277/2T, P4433/2, P7578. Записка штаба ВВС № 226/II/8b 24.11.1939 г. Первому авиаполку (сопроводительная записка обнаруженных теперь снимков): «...как приложение высылается из сделанных на Перешейке снимков 3 серии. Снимки чрезвычайно секретны, но офицеры LeR должны изучить снимки, чтобы ознакомиться с данным ландшафтом и с находящимся на нем оборудованием, а также чтобы привыкнуть к исследованию таких снимков, сделанных с оборудования и пейзажа противника» (T19277/2T). Итак, записка была отправлена почти за неделю до начала «зимней войны».

[17] Ibid. T19277/2T. Штаб воздушной обороны. Отдел воздушных ресурсов. Отдел III. № 443/III/1b.9.3.1940.

[18] См., напр.: *Suomi J.* Talvisodan tausta. Hels., 1973. S. 186.

[19] Sark. 1631/38. Военный атташе Финляндии в Берлине salx u yl kiry 1939.

[20] Теодор Ровель в 1935 г. основал секретное подразделение воздушной разведки под названием Ханса Луфтбильд, которое «сбившимися» со своих маршрутов гражданскими самолетами фотографировало интересные с военной точки зрения объекты соседних с Германией стран. В 1939 г. была основана вышеуказанная «экспериментальная организация высотных полетов», которая стала стратегическим разведывательным подразделением верховного командования Луфтваффе под началом Ровеля (известная также как «Команда Ровеля»). Ее первая эскадрилья прибыла в Луонетярви 18.06.1941. Эта эскадрилья совершала еще до начала войны долгие перелеты вглубь СССР (см., напр.: *Valtonen H.* Luftwaffen pohjoinen sivusta. Jyväskylä, 1997. S. 297—298; *Smith J. R.* On Special Missions. The Luftwaffe's Research and Experimental Squadrons 1923—1945. Hersham, 2003).

[21] Sark. 1631/38. Сотрудничество в области радиоразведки, возможно, было оговорено при посещении Берлина капитаном Рейно Халламаа и капитан-лейтенантом Ларсом Острёмом 06—13.03.1939.

[22] *Heiskanen R.* Op. cit. S. 25.

[23] Российский государственный Военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 265—267 (опубликовано в кн.: Тайны зимней войны 1939—1940. М., 2000. С. 42—43).

Д. А. Журавлев

ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939—1940 гг.

Период, последовавший за окончанием советско-финляндской войны 1939—1940 гг., имел исключительно важное значение для Вооруженных сил Советского Союза, так как он во многом являлся показателем того, что и в какой степени было воспринято в процессе работы в военное время. Основываясь на анализе полученного опыта, шло развитие вооруженных сил в последующий период. Широкое обобщение опыта было значимым для Красной Армии, так как позволяло обратить внимание на имевшие место ошибки, извлечь необходимые уроки, обозначить отдельные достижения в работе. Подведение итогов происходило как со стороны военных, так и гражданских органов. В данном исследовании мы затронем работу органов военно-санитарной службы, которые в период боевых действий 1939—1940 гг. сумели выполнить основной объем поставленных перед ними задач.

В первую очередь, важно остановиться на публичном обсуждении проделанной работы. Обобщение богатого материала, полученного в ходе боев, и его обсуждение проходило на различных уровнях, в соответствии с чем определялся и круг поднимаемых вопросов, а также их характер. В связи с этим необходимо отметить, что обсуждения в целом отличались высокой степенью критики. Это объяснялось как стремлением выступавших объяснить существовавшие ошибки и поделиться полученным опытом, так и желанием использовать трибуну

для выражения собственных взглядов в условиях жесткой командно-административной системы. Подобная критичность, имевшая, однако, свои ограничения, поддерживалась на определенном этапе военно-политическим руководством страны. Показательными в данном случае являются слова наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова, произнесенные им в начале Совещания при ЦК ВКП (б) 14 апреля 1940 г.: «...я думаю, что товарищи должны будут сообщить нам и о положительных сторонах, а главным образом об отрицательных сторонах, которые имели место в этой войне и в вопросах организации нашей армии, и в вопросах руководства частями, и в вопросах командования, в том числе и высшего и верховного и т. д.» [1] Вместе с тем, увидев негативные стороны критики, военно-политическое руководство пошло на свертывание обсуждения данных вопросов. Рядовые участники дискуссии, таким образом, ограничивались критикой лишь отдельных ошибок и просчетов низовых исполнителей, в то время как высокопоставленные лица оставались вне критики.

28 марта 1940 г. на Пленуме ЦК ВКП (б) был заслушан доклад наркома обороны СССР, который был посвящен итогам войны с Финляндией. Основная часть выступления была уделена деятельности стрелковых войск, низкая подготовка которых отмечалась особо [2]. Вопросам медицинского обеспечения Красной Армии было уделено мало внимания. К. Е. Ворошилов отмечал, что формирования военно-санитарной службы «проделали большую и полезную работу... и в общем со своей задачей справились» [3]. В целом положительной оценки удостоилась и работа госпиталей, чья деятельность по «скорейшему выздоровлению бойцов и командиров» была признана эффективной [4]. Вместе с тем в докладе отмечалось, что война вскрыла большое число ошибок в организации медицинского обеспечения военнослужащих. Для исправления данной ситуации предполагалось наметить план соответствующих мероприятий. С этой целью конкретные предложения должны были адресоваться в СНК СССР. Однако вопросы военно-санитарной службы не вызывали интереса со стороны центрального руководства и были отнесены к компетенции более низкой инстанции — Санитарного управления Красной Армии, имевшего более профессиональный состав, но не обладавшего власт-

ными полномочиями для проведения необходимых изменений. Координирующая роль в данном процессе отводилась Ученому медицинскому совету при начальнике Санитарного управления, который был создан в сентябре 1940 г.[5]

7—10 апреля 1940 г. в Ленинграде было проведено особое совещание при Санитарном управлении РККА, на котором присутствовали военные врачи и медицинские работники, участвовавшие в боевых действиях 1939—1940 гг. В рамках совещания рассматривались различные вопросы, связанные как с организацией медицинского обеспечения войск Красной Армии в целом, так и с актуальными проблемами военно-санитарной службы округа. Среди выступавших были не только высокопоставленные руководители военной медицины, но и врачи стрелкового батальона, старшие врачи полков, которые непосредственно выполняли задачи по обслуживанию войск во время войны. Подобный состав участников и определил характер рассматриваемых вопросов. Основное внимание выступавших было сосредоточено на оказании первой помощи и работе полевых медицинских учреждений. Данное совещание имело значение для рассмотрения вопросов, связанных с организацией работы в войсковом звене. Вместе с тем в более широком масштабе проблемы, существовавшие в сфере лечебно-эвакуационного обеспечения Красной Армии, практически не затрагивались. Отдельные выступления были посвящены работе госпитальных баз армий и их взаимодействию с фронтовыми лечебными учреждениями[6]. Выступавшие отмечали особую роль Ленинграда в процессе организации медицинской помощи в период боевых действий, подчеркивая особое значение его лечебных учреждений. Однако лишь Е. И. Смирнов, начальник Санитарного управления Красной Армии, попытался затронуть имевшие место трудности на уровне города в данное время, указав, что причиной сложившегося положения была необходимость компенсировать отсутствие опыта и материально-технического оснащения на предыдущих этапах медицинской помощи[7].

В целом же совещание не принесло ощутимых результатов, что Е. И. Смирнов объяснял силой традиции в среде руководящих работников Санитарного управления[8]. Кроме того, Е. И. Смирнов отмечал недостаточную компетенцию непосредственных исполнителей, «плохо представлявших свою роль» в организации медицинской помощи[9]. Косность не только в организации практической работы, но и научной деятельности, отмечал в своем выступлении главный хирург Красной Армии Н. Н. Бурденко: «Мною лично и ведущими хирургами обращалось внимание на то, что мы устраиваем специальные съезды, читаем доклады, эти доклады печатаются (правда, с опозданием), говорим об этом на наших конференциях, члены правления хирургической ассоциации на местах рассказывают, проводят собеседования, которые охватывают все вопросы, но выходит, что наша хирургическая мысль настолько забронирована, что ее никакими силами не пробьешь»[10].

Одной из главных заслуг совещания являлось то, что оно стало первым шагом к широкому обсуждению опыта прошедшей войны. Попытки создать отдельные органы, в задачу которых входило бы рассмотрение комплекса материалов относительно боевых действий 1939—1940 гг. и внесение необходимых предложений относительно принципов работы, были неоднозначны по своим итогам. С одной стороны, деятельность созданной под председательством Е. И. Смирнова по окончании совещания комиссии, в состав которой входили М. Н. Ахутин, Н. Н. Бурденко, П. Д. Диваков, Ю. В. Друсов, Н. И. Завалишин, принесла ощутимые результаты. По итогам ее работы был подготовлен доклад наркому обороны СССР о наиболее важных мероприятиях по совершенствованию организационной структуры военно-санитарной службы на военное время[11]. В докладе на основании серьезного анализа давалась взвешенная оценка состояния службы по целому ряду пунктов, при этом критике подверглись отдельные важные аспекты организации военной медицины. Относительно «готовности к большой войне» в нем отмечалось, что «санитарная служба Красной Армии к большой войне подготовлена неудовлетворительно: чрезвычайно слабо обеспечена госпитальной коечной сетью, медицинскими кадрами, особенно хирургами, врачами и фельдшерами-мужчинами, санитарно-хозяйственным и медицинским имуществом, постоянными военно-санитарными поездами, автомобильным санитарным транспортом, санитарной авиацией...»[12].

В то же время, по окончании боевых действий, в Санитарном управлении была создана специальная комиссия по обобщению полученного опыта во главе с руководителем одного из подразделений данного органа Хенкиным. Однако к июню 1940 г. она так и не приступила к своей работе [13], что затягивало и общее подведение итогов, а также внесение необходимых изменений [14].

В апреле 1940 г. комиссия, в состав которой входили руководящие работники Санитарного управления, составила проект предложений, имевший название «О структуре санитарной службы Красной Армии на военное время». В нем, в частности, давалась характеристика проделанной работы и очерчивались перспективы на будущее: «Опыт работы санитарной службы во время войны с белофиннами подтвердил жизненность общей структуры санитарной службы и системы лечебно-эвакуационного обеспечения войск» [15]. Данная оценка была характерна также и для тех изданий, которые выходили в открытой печати. По результатам прошедших боевых действий система организации помощи раненым в военное время со стороны одного из его участников, начальника Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова М. Н. Ахутина, была охарактеризована как «совершенно правильная» и отвечающая интересам наиболее полноценного «хирургического обслуживания» [16]. Указанная оценка, несмотря на наличие очевидных заслуг военно-санитарной службы и гражданского здравоохранения, являлась односторонней и не учитывала значительного числа недочетов, вследствие чего отсутствовала и возможность их исправления. Однако в предложениях Санитарного управления все же делалась существенная оговорка — «...практическая работа санитарной службы в ходе боевых действий протекала со значительными затруднениями», среди которых, в первую очередь, назывались отсутствие необходимой организации в работе, а также проблемы в сфере материально-технического оснащения [17].

18—25 апреля 1940 г. в Москве проходил сбор руководящего состава военно-санитарной службы, где в числе прочих был заслушан доклад Е. И. Смирнова «Об итогах медико-санитарного обеспечения боевых действий в МНР и Финляндии, о состоянии и задачах санитарной службы Красной Армии».

В нем подводились итоги той работы, которая была проведена в предыдущий год [18]. Значение данного сбора состояло в том, что большая часть высказанных предложений и пожеланий по организации медицинского обеспечения Красной Армии и об ее изменении вошли в проект устава военно-санитарной службы [19].

Более детальный анализ проделанной работы, в том числе обмен мнениями по злободневным вопросам, проходил в закрытой форме на совещаниях в Санитарном управлении РККА. На одном из таких совещаний, который был посвящен докладу Е. И. Смирнова на окружной конференции в апреле 1940 г., разгорелась острая дискуссия, касавшаяся дальнейших перспектив развития военно-санитарной службы, и, в первую очередь, характера ее подготовки в мирное время. Рассмотрение данной дискуссии представляет интерес в рамках проводимого нами исследования вследствие того, что в ней раскрывались различные взгляды, показывающие многообразие представлений не только по вопросу подготовки военной медицины, но и обшей мобилизационной готовности, в том числе всей медицинской инфраструктуры. Это показывает также то, какая точка зрения являлась доминирующей в кругу руководящих работников санитарной службы Красной Армии. Один из руководящих работников управления высказал мнение о необходимости создания резерва для работы военно-санитарной службы лишь на первый месяц боевых действий. Дальнейшие мероприятия, согласно его позиции, должны были определяться уже самой обстановкой [20]. Такая точка зрения была воспринята подавляющим большинством присутствующих отрицательно. В противовес было высказано мнение о необходимости создания действенной системы, имеющей сформированные в предшествующий период необходимые ресурсы, чья работа в военное время строится исходя из разработанной ранее концепции. Таким образом, была доказана устойчивость прежнего курса на заблаговременную подготовку необходимой материальной и кадровой базы в мирное время. Л. А. Ходарков в своем выступлении отметил следующее: «В основном мы должны подготовить все в мирное время. Во время войны некогда строить железнодорожные пути и рампы. Коренные вопросы по принятию раненых мы должны провести в мирное время.

И я совершенно не согласен с тем, что нужен маневр на ходу»[21]. В схожем ключе выступил и Е. И. Смирнов. Подчеркивая не только необходимость готовиться на опыте прошлых боевых действий, но и «держать в уме то, что могло быть», начальник Санитарного управления настаивал на широком анализе наличных ресурсов как гражданской, так и военной сферы: «В мирное время необходимо учесть процент коечной сети армии, подготовку дорогу к городам, санрампы»[22].

Итоги подводились и на уровне отдельных лечебных учреждений. Как правило, это были конференции, по итогам которых печатались сборники научных работ и различные издания по различным вопросам лечебного дела. На базе Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова было подготовлено несколько томов, где были отражены основные вопросы военной медицины, затронутые в период боевых действий[23]. В Ленинградском краснознаменном военном госпитале им. З. П. Соловьева также выходили научные работы, основу тематики которых составляли главным образом вопросы военно-полевой хирургии[24]. Лечебные учреждения гражданского здравоохранения также стремились ознакомить с результатами своей работы. В частности, в больнице им. Коняшина на основании материалов, подготовленных для конференции, были подготовлены «Труды оборонной конференции Московского района». В них содержались доклады и выступления о работе отдельных медицинских учреждений, затрагивались вопросы, связанные с подготовкой кадров в мирное время[25].

В ходе советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и после ее окончания вновь поднимался вопрос о создании музея военно-медицинского характера. В данное время отдельные военные врачи осуществляли сбор различных материалов, характеризующих особенности работы военно-санитарной службы в период боевых действий. Большим энтузиастом по сбору коллекции боевых повреждений был профессор Военно-медицинской академии А. А. Васильев[26], однако эта идея не была реализована накануне Великой Отечественной войны, и только в ходе войны удалось создать Музей военно-медицинской службы Красной Армии (ныне Военно-медицинский музей МО РФ). Вместе с тем, по мнению первого начальника музея А. Н. Максименкова, план его организации основывался на

материалах, которые были получены при составлении отчета за период советско-финляндской войны.

Коснемся далее вопросов, связанных с обобщением опыта медицинского обеспечения войск в 1939—1940 гг. ведущими представителями военно-санитарной службы, имея в виду научное значение полученных знаний и навыков.

11 июня 1940 г. помощник начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-майор М. В. Захаров в письме на имя начальника Санитарного управления Красной Армии дивврача Е. И. Смирнова высказал необходимость предоставления материалов, которые содержали бы как информацию относительно работы медицинской службы в период советско-финляндской войны, так и характеризовали бы боевые действия 1939—1940 гг. с различных сторон[27]. Генштаб был заинтересован в статистических данных, которые давали представление относительно характера шедших боев. Запрашиваемая информация касалась локальных вопросов, что может свидетельствовать о заинтересованности главного командования в объективных данных, способных дать максимально полную оценку положительных и отрицательных сторон в работе военной медицины. В частности, в письме М. В. Захарова отмечалась необходимость предоставления информации относительно «движения раненых и больных в санитарных учреждениях войскового района», «о больных и раненых, прошедших через лечебные учреждения войскового армейского, фронтового и тылового районов», «о медико-санитарных потерях по каждой армии», «об эвакуированных из армейских медико-санитарных учреждений во фронтовые и тыловые госпитали». Генштаб также запрашивал сведения относительно санитарных потерь по родам войск. При этом следовало предоставлять соответствующую информацию оформленной в таблицы по установленным Генштабом формам. Требуемые сведения полагалось предоставить в сжатые сроки — к 15 июля 1940 г.[28]

Подобные временные рамки были, по-видимому, неприемлемы для Санитарного управления, и лишь в конце июля того же года необходимые материалы были направлены в Генштаб, при этом они не были полными. Как отмечал Е. И. Смирнов в донесении на имя М. В. Захарова, по пяти формам из девяти, представленных Генштабом, информация не была представле-

на, что было связано с отсутствием соответствующих данных: военные медики не вели требуемой в формах статистики, вследствие чего и не было должных выкладок. В частности, возникли сложности с учетом прошедших через отдельные санитарные учреждения раненых и больных, по распределению санитарных потерь в зависимости от рода войск, по видам ранящего оружия по родам войск [29].

Кроме того, Е. И. Смирнов, по-видимому, желавший показать эффективность проводимой работы по обобщению опыта войны отмечал, что «опыт работы по медико-санитарному обеспечению боевых действий с финскими войсками учитывается при разработке специальных нормативов по санитарной службе на военное время, выработана новая специализация коечной сети, потребности санитарного транспорта и так далее» [30].

Указанные материалы должны были стать частью общего труда по обобщению опыта войны с Финляндией. Подобной работой занимался исторический отдел при штабе ЛВО, созданный по распоряжению Генерального штаба Красной Армии 28 марта 1940 г. 11 июня того же года, в соответствии с приказом наркома обороны С. К. Тимошенко, отдел был преобразован в комиссию под председательством Н. Корнеева [31] для составления военно-исторического труда «Советско-финляндская война 1939—1940 гг.», при этом располагаться он должен был в Москве [32]. Схожие задачи решались и в 1-м (оперативном) отделе штаба Балтийского флота, который занимался сбором, а также обобщением материалов, отражавших деятельность частей и соединений КБФ в ходе советско-финляндской войны [33].

По представлению председателя комиссии составления военно-исторического труда в рамках медицинского раздела, необходимо было осветить предвоенный период, а также «обеспечение в санитарном отношении войны в целом и отдельных операций по направлениям» [34]. Кроме того, предполагалось «популяризировать» деятельность руководящих работников военно-санитарной службы и «особо отличившихся на войне медицинских работников». Таким образом, собственно подведению итогов прошедших боевых действий внимания не уделялось, и будущий труд планировался скорее как общий обзор

отдельных событий, нежели обстоятельное исследование с разбором как ошибок и недостатков, так и демонстрацией имевших место достоинств в медицинском обеспечении действующей армии.

В Санитарном управлении Красной Армии были заинтересованы в обобщении богатого опыта, полученного военно-санитарной службой в период боевых действий 1939—1940 гг., при этом важно было рассмотреть не только организационные вопросы, но и лечебные, так как советско-финляндская война, наравне с выявившимися специфическими особенностями боевых действий в отдельном регионе, во многом продемонстрировала особенности современной войны. Обобщая опыт отдельных представителей санитарной службы, принимавших участие в боевых действиях, появлялась возможность распространить его в более широких масштабах, применив на практике.

Работа, проводимая санитарной службой в данном направлении, носила во многом новаторский характер, как по специфике, так и по объему обобщаемого материала [35]. Предполагалось проанализировать всю совокупность полученных в ходе советско-финляндской войны 1939—1940 гг. сведений, создав для этого соответствующий алгоритм статистической обработки. Для анализа всего комплекса историй болезни предусматривалось провести пятипроцентную выборку с оформлением «карточки углубленной характеристики истории болезни раненого», включающей в себя 35 пунктов, в частности: личные данные, область поражения и характер заболевания, ранящее оружие, итоги лечения и др. [36]

Для теоретической проработки подобной деятельности привлекались крупнейшие специалисты в области медицины: Н. Н. Бурденко, В. С. Левит, В. Н. Шевкуненко. Центром по обработке всего массива историй болезни должна была стать Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова в Ленинграде. На это повлияли как высокий уровень квалификации профессорско-преподавательского состава академии, так и наличие значительного числа медицинских работников, принимавших участие в боевых действиях 1939—1940 гг. Кроме того, подавляющая часть материалов, связанных с работой санитарной службы Красной Армии в прошедшей войне, находилась

в Ленинградском военном округе и сосредотачивалась в учреждениях военного ведомства.

В Санитарном управлении была создана редколлегия по подготовке санитарно-статистического и лечебного отчета о работе военно-санитарной службы Красной Армии в период боевых действий 1939—1940 гг. В ее состав входили Е. И. Смирнов, Н. Н. Бурденко (главный хирург Красной Армии), В. Н. Шевкуненко (начальник кафедры оперативной хирургии Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова), М. Н. Ахутин (начальник ВМА им. С. М. Кирова), П. А. Куприянов (хирург-консультант ЛВО). Последние двое принимали непосредственное участие в оказании медицинской помощи во время советско-финляндской войны: М. Н. Ахутин — в качестве хирурга-консультанта армии, П. А. Куприянов — главного хирурга Северо-Западного фронта. Известные специалисты выступали также в качестве редакторов разделов: П. Д. Диваков (заместитель начальника Санитарного управления Красной Армии, бывший во время советско-финляндской войны начальником санитарного отдела Северо-Западного фронта), С. С. Гирголав (начальник кафедры госпитальной хирургии), В. П. Осипов (начальник кафедры психиатрии ВМА им. С. М. Кирова) и др. Врачи, возглавлявшие различные подразделения военно-медицинской службы в период боевых действий 1939—1940 гг., участвовали в непосредственной подготовке и написании глав отчетов. В частности, для этого привлекались А. Е. Песис, Д. С. Скрынников, С. А. Семека, И. М. Черняк, С. И. Банайтис, А. Н. Григорьев, Н. А. Маляревский. Вместе с тем, не было реализовано предложение академика Н. Н. Бурденко, которое было одобрено на заседании комиссии по составлению отчета военно-санитарной службы Красной Армии, о привлечении к указанной работе также целого ряда крупных специалистов-медиков, принимавших непосредственное участие в боевых действиях — В. В. Гориневской, Н. Н. Приорова, А. А. Лимберга, А. Э. Рауэра, С. А. Новотельнова и ряда других.

Как явствует из перечня глав отчета, планировалось осветить практически все направления деятельности военно-санитарной службы в ходе прошедшей войны: от оперативного обзора боевых действий и общей схемы организации военно-санитарной службы ЛВО до анализа оперативной документации и участия общественных организаций в помощи санитарным учреждениям.

Анализ переписки подразделений Санитарного управления Красной Армии показывает, что к середине 1941 г. планировалось обсудить предстоящую работу по отчету, а также его схему. Весной 1941 г. решались исключительно организационные вопросы, наравне с этим проходила и разработка планов работы по разделам отчетов. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. отчет находился в начальной стадии. Одной из основных причин подобного положения следует назвать отсутствие необходимого финансирования проводимой работы, в частности, М. Н. Ахутин на заседании комиссии по составлению отчета санитарной службы Красной Армии 19 января 1941 г. отмечал в качестве серьезного недостатка, тормозившего процесс подготовки работы в отведенные сроки, отсутствие бумаги[37]. Приведенный факт может свидетельствовать о малой заинтересованности в данной теме руководящих органов.

Вместе с тем следует отметить целый ряд положительных сторон проделанной работы, которые были реализованы впоследствии, после окончания Великой Отечественной войны. В январе 1941 г. комиссией под руководством В. Н. Шевкуненко, созданной 12 ноября 1940 г., были выработаны формы алфавитной и рабочей карточек. Формы заслужили высокую оценку со стороны руководства Санитарного управления Красной Армии. На основании анализа документов военно-санитарной службы можно утверждать, что на конец 1940 г. уже был сформирован архив, в котором находились истории болезни за период 1939—1940 гг. В соответствии с приказом по Военно-медицинской академии от 26 октября 1940 г. военврачу 2-го ранга А. Н. Максименкову была поручена организация архива и подготовка документов по советско-финляндской войне для научной разработки. В этот архив, наряду с историями болезни из военных госпиталей, должны были передаваться и соответствующие документы, которые велись в гражданских лечебных учреждениях, где оказывалась медицинская помощь военнослужащим Красной Армии в период боевых действий 1939—1940 гг. Наряду с этим, по словам М. Н. Ахутина, истории болезни по распоряжению Санитарного управ-

ления Красной Армии выдавались отдельным исполнителям глав будущего лечебного отчета, в том числе работавшим в Москве. Согласно его данным, на январь 1941 г. в архиве отсутствовало более 52 тыс. историй болезни [38]. При этом значимость архива, в первую очередь с точки зрения оказания социальной помощи военнослужащим, проявилась сразу после окончания советско-финляндской войны, когда из военкоматов со всей страны стали поступать запросы о ранении или заболевании того или иного военнослужащего.

Все истории болезни сортировались по определенному алгоритму. Основные данные историй болезни переносились на специальную рабочую карточку. Кроме того, на каждого раненого или больного заполнялась алфавитная карточка в трех экземплярах. Затем все карточки сортировались по алфавиту, по диагнозу и по номерам. Дальнейшая статистическая обработка данных рабочих карточек историй болезни должна была производиться машинным способом. Всего требовалось обработать 225 тыс. карточек. Особо острым оказался недостаток квалифицированных кадров. Для обработки историй болезни должны были привлекаться специалисты, имевшие необходимые навыки и знания, однако можно предположить, что оплата подобной деятельности оказалась несопоставимой с объемом предстоящей занятости, вследствие чего они «не считали необходимым и подходящим заниматься подобной работой» [39]. Наряду со статистической работой по мере готовности того или иного разделов должна была производиться разработка отдельных тем, составлявших главы отчета. На заседании комиссии по составлению лечебного отчета в октябре 1940 г. при обсуждении вопроса о формировании алфавитной картотеки высказывалось мнение об использовании ее впоследствии для организации работы справочного бюро, функции которого выполнял в то время архив [40]. Однако, как можно судить по документам, указанное предложение так и не было реализовано.

Наиболее важным и постоянно обсуждаемым вопросом в рамках заседаний комиссии были сроки выполнения работы. Неоднократно ставился вопрос об их сокращении и скорейшем завершении над отчетами, но каждый раз начало работы откладывалось, упираясь в проблемы финансирования, недостатка штатов, материально-технического обеспечения.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны фундаментальная работа по обобщению опыта медицинского обеспечения войск в 1939—1940 гг. не была готова. Какова же дальнейшая судьба этих материалов? В сентябре 1942 г. на совещании в Военно-санитарном управлении Красной Армии, где обсуждался вопрос о создании музея военно-санитарной службы, В. Н. Шевкуненко, возвращаясь к периоду 1940—1941 гг., отмечал, в частности, интересный факт, характеризующий отчасти комплекс историй болезни за время советско-финляндской войны: «Для отчета по финской кампании мы собрали 400 000 историй болезни, а когда провели первичную обработку их, то мы получили... что 150 000 относятся к одним и тем же лицам, а фактически общее число раненых составило 250 000» [41]. В этом же выступлении В. Н. Шевкуненко остановился и на судьбе материалов отчетов по советско-финляндской войне, в первую очередь обработанных историй болезни: «В данное время этот материал нам может быть и не так интересен. Он сейчас передан для хранения в Свердловск, а пленки пришлось зарыть в сейфах в землю» [42]. Теперь истории болезни периода советско-финляндской войны, общее число которых составляет 345 412 единиц, хранятся в архиве военно-медицинских документов Военно-медицинского музея МО РФ, в его архиве есть также материалы, отражающие разработку данных материалов.

Необходимо отметить, что пример военно-санитарной службы не является исключением, к июню 1941 г. не была завершена работа по многим проектам, связанным с обобщением опыта предшествующих военных кампаний. В частности, остался незавершенным обобщающий труд «Советско-финляндская война 1939—1940 гг.» [43]

Безусловно, начало Великой Отечественной войны явилось главным препятствием для создания перечисленных фундаментальных трудов, в том числе суммировавших опыт медицинского обеспечения Красной Армии, полученный в ходе боевых действий 1939—1940 гг. Вместе с тем возникает вопрос, насколько было заинтересовано руководство страны в этом, а также имелись ли предпосылки для активизации данного процесса. После окончания Великой Отечественной войны, когда подобная фундаментальная работа по обобщению ко-

лоссального материала завершилась, существовала ощутимая заинтересованность в данном исследовании первых лиц государства[44]. Война показала, насколько значима военная медицина во время крупномасштабных боевых действий, особое внимание уделялось ей и в свете разработки средств защиты от оружия массового поражения. Исходя из этого, материально-техническая база проекта была очень весомой, что и позволило в 1946—1955 гг. провести высококвалифицированную работу по обобщению опыта медицинского обеспечения войск в 1941—1945 гг.[45] и выпустить в свет труд, и по сей день не потерявший своей актуальности.

Вместе с тем необходимо отметить, что в определенной степени работа военных медиков в 1940—1941 гг. была востребована при создании «Опыта советской медицины...». В первую очередь это касается принципа, заложенного в основу труда — он базировался на материалах научной разработки первичных документов, прежде всего историй болезни.

В результате можно говорить о том, что опыт медицинского обеспечения Красной Армии в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. был изучен недостаточно, вследствие чего не было внесено необходимых изменений в организацию санитарной службы, лечебный процесс. Вместе с тем в преддверии Великой Отечественной войны была разработана методика статистической обработки значительного комплекса материала, позволившая впоследствии сделать важный шаг в развитии отечественной медицинской науки.

---

[1] Зимняя война 1939—1940. Кн. первая. Политическая история. М., 1998. С. 11.

[2] Подобное можно сказать и в отношении Совещания при ЦК ВКП (б) 14—17 апреля 1940 г. Первостепенное внимание на нем уделялось проблемам, которые стояли перед боевыми частями таких родов войск, как артиллерия и стрелковые войска, в то время как вопросы, связанные с медицинским обеспечением Красной Армии, практически не обсуждались.

[3] «Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной». Доклад народного комиссара обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939—1940 гг. // Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 40.

[4] Там же.

[5] Труды Первого пленума Ученого медицинского совета при начальнике Санитарного управления Красной Армии. М., 1940. С. 20.

[6] *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина. 1939—1945. М., 1976. С. 99.

[7] Архив Военно-медицинского музея (ВММ). Ф. 1. Оп. 4064. Д. 28. Л. 8.

[8] *Смирнов Е. И.* Указ. соч. С. 102.

[9] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 34. Оп. 1. Д. 33. Л. 77.

[10] Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 13822. Д. 1. Л. 82.

[11] Медицинское обеспечение Советской Армии в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. М., 1991. С. 26.

[12] Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 35482. Д. 9. Л. 140.

[13] РГВА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 33. Лл. 144 — 145.

[14] *Черняк И. М.* Организация и условия работы госпитальных баз на Северо-Западном фронте в советско-финляндскую войну и на Ленинградском — в Великую Отечественную войну (1939—1940 и 1941—1945 гг.) // Труды Военно-медицинского музея. Т. XXVI. Л., 1970. С. 182.

[15] Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 35482. Д. 13. Л. 44.

[16] *Ахутин М. Н.* Хирургический опыт двух боевых операций. Куйбышев, 1940. С. 10.

[17] Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 35482. Д. 13. Л. 44.

[18] Медицинское обеспечение Советской Армии в операциях Великой Отечественной войны. С. 26.

[19] *Георгиевский А. С.* Исторический очерк развития медицинской службы армейских объединений. Л., 1955. С. 195.

[20] Как заметил по этому поводу сам выступавший, «жизнь будет нам контролировать планы» (РГВА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 33. Л. 79).

[21] Там же. Л. 83.

[22] Там же. Л. 84—85.

[23] Труды Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. Т. XXVIII. Л., 1940; Т.XXIX. Л., 1941; Т. XXX. Л., 1941.

[24] Материалы к истории Ленинградского окружного военного госпиталя, бывшего Первого военно-сухопутного госпиталя. Л., 1948. С. 62; Сборник трудов Ленинградского красноармейского военного госпиталя. Л., 1942. С. 371—375.

[25] ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 290. Л. 268.

[26] *Будко А. А., Мурга Л. М.* Хранитель исторических традиций российской военной медицины // Военно-медицинский журнал. 2002. № 10. С. 74.

[27] Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 13739. Д. 40. Л. 121.

[28] Там же. Л. 122.

[29] Там же. Л. 132.

[30] Там же.

[31] Там же. Оп. 46962. Д. 1. Л. 15.

[32] «Продолжаем продвигаться в глубь Безуютной Страны» // Источник. 1993. № 3. С. 29—30.

[33] *Петров П.* Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005. С. 9.

[34] Там же.

[35] Практика составления медицинских (санитарных) отчетов была хорошо известна в мире — за различные войны были подготовлены отчеты в США, Англии, Германии. Имелся подобный опыт и в России, где были изданы санитарно-статистические отчеты за Русско-турецкую 1877—1878 гг. и Русско-японскую войны. Вместе с тем они были основаны на анализе оперативно-штабных документов медицинской службы, а не документах персонального учета раненых и больных, в первую очередь, историях болезни (*Шабунин А. В.* Военно-медицинский музей. 1943—1993. Исторический очерк. СПб., 1993. С. 47—49).

[36] Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 46962. Д. 1. Л. 9—12.

[37] Там же. Л. 57.

[38] Там же.

[39] Там же. Л. 80.

[40] Там же. Л. 61.

[41] Там же. Ф. 2. Оп. 69530. Д. 1. Л. 13.

[42] Там же.

[43] Источник. 1993. № 3. С. 30.

[44] Е. И. Смирнов в своих воспоминаниях так описывает начало работы над «Опытом советской военной медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945»: «Идея создания “Опыта” принадлежала И. В. Сталину. 23 февраля 1946 г. в Центральном доме Советской Армии проходил прием по случаю дня Советской Армии... Прием подходил к концу, когда меня попросили к телефону. Звонил Сталин. Он сказал, что работа медицинской службы во время Великой Отечественной войны заслуживает того, чтобы ее тщательным образом изучить, обобщить и издать труд. Сталин поручил мне в месячный срок подготовить проект постановления Совнаркома СССР по этому вопросу и представить его на рассмотрение. 26 марта проект был рассмотрен и утвержден». (*Смирнов Е. И.* Указ. соч. С. 513.)

[45] *Шабунин А. В.* Указ. соч. С. 46—55.

Э. Вуорисярви

ПЕТСАМО 1940—1941 гг.: НУЖЕН ЛИ БЫЛ РОССИИ НИКЕЛЬ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ?

В Финляндии в историческом плане район Петсамо еще весьма слабо изучен, хотя в определенной степени уже существуют исследования по географии, демографии, геологии и т.п., где касаются проблем данного региона. Пока лишь только в мемуарных работах, которые уже сейчас представляют довольно значительный объем, затрагивается история финского периода (1920—1944 гг.) истории района Петсамо.

Как известно, и в Советском Союзе и в России тоже слабо изучали эту тему, причем по финскому периоду исследований вообще отсутствуют. Однако проблема Петсамо очевидно все же заслуживает своего изучения. Дело в том, что она явилась в финско-российских отношениях во время 1940—1941 гг. одним из серьезнейших спорных вопросов. По мнению финского посланника в Москве Ю. К. Паасикиви, который после окончания «зимней войны» работал в СССР, она стала даже самым крупным вопросом в этих отношениях. Более того, с точки зрения Финляндии интересы Германии, да и даже Великобритании были тесно связаны именно с никелем Петсамо. В данном случае существует, очевидно, необходимость особо остановиться на том, как в финском политическом руководстве относились к неоднократным попыткам СССР заполучить никель Петсамо.

---

* Перевод с финского языка выполнен канд. филол. наук, доцентом С. Г. Халиповым.

Прежде всего следует раскрыть суть того, как Финляндия получила район Петсамо. Исторически до 1920 г. Петсамо не принадлежало Финляндии. Эта территория на протяжении ряда веков была общей норвежско-шведско-русской, и о ее границах договорились окончательно в 1826 г. Финские переселенцы разместились на побережье Северного Ледовитого океана во второй половине XIX в. После этого Великое Княжество Финляндское также захотело получить там себе территорию. Эта возможность представилась в 1864 г., когда царь Александр II обещал финнам полоску побережья Северного Ледовитого океана в обмен на передачу русским территории Сестрорецкого оружейного завода. Это финны не забыли, и на мирных переговорах в 1920 г. в Тарту настаивали на выполнении Советской Россией данных в 1864 г. обещаний, поскольку российская сторона уже получила от Финляндии в предшествующий период на Карельском перешейке район Сестрорецка. Ослабленная революцией и войной Советская Россия согласилась на требования финнов. Финляндия стала иметь вожделенный выход к Северному Ледовитому океану, правда, взамен Петсамо она лишилась восточно-карельских районов Реполы и Поросозера, на которые тоже тогда претендовала.

Следовательно, Советская Россия, как отмечал российский историк Виктор Холодковский, очень неохотно, лишь «в силу необходимости» уступила Петсамо [1]. Более того, можно вообще утверждать, что в Москве так до конца и не признали передачу Петсамо. В 1940 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов, в разговоре с германскими представителями, употребил относительно петсамской территории понятие, которое соответствовало бы немецкому термину «домен», т. е. как бы части территории Советского Союза. Подобные представления русских указывают, разумеется, на то значение, которое они вкладывали, предъявляя финнам требования на петсамский никель в 1940—1941 гг.

Действительно, еще в 1921 г. в Петсамо был обнаружен никель, и это стало поворотным моментом в истории района Петсамо. Еще в 1920—1930-х гг. никель был малоприменяемым при сплавах металлом. После начала Второй мировой войны его значение возросло, так как он требовался для укрепления прочности чугуна и стали. Мировой никелевый рынок

в 1930-е гг. контролировала поддерживавшаяся американцами канадская фирма «Интернешенел Никель ов Кэнэда (Инко)». Канадцы полагали, что петсамское месторождение никеля настолько велико, что окажись она в руках конкурентов, оно могло бы нарушить ее монополию. Поэтому они решили завладеть этим месторождением, имея его как бы «на будущее», поскольку финны в 1930-е гг. начали уже предпринимать пытки наладить экспорт никелевой руды за рубеж.

20 июня 1934 г. между Финляндией и фирмой «Мондом», являющейся дочерним отделением английской компании «Инко», был заключен концессионный договор, предполагавший начало добычи этой фирмой петсамской руды. То, что договор подписали с английской фирмой, имело большое значение и при заключении Московского мирного договора после окончания «зимней войны», и позднее, когда русские потребовали для себя концессию по добыче руды.

«Инко» («Монд») и их финская дочерняя фирма («Петсамон Никкели») уже начали строить шахту для добычи никеля, и к сентябрю 1939 г. подготовительные работы продвинулись довольно далеко, поскольку согласно договору производство должно было начаться в 1942 г.

Однако 1 сентября 1939 г. с нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Финляндия спустя три месяца также попала в водоворот войны, когда в последний день ноября СССР напал на Финляндию. В этот же день советские войска перешли границу и у Петсамо. К середине декабря они прошли по побережью десятки километров, дойдя до реки Корнеттийоки. Далее в самый последний день «зимней войны» русские захватили поселок Наутси, самую южную деревню петсамского района.

Тем не менее по Московскому мирному договору русские не выдвинули требования Петсамо, а довольствовались тем, что получили западную часть Каластаясааренто. С учетом как прежнего, так и последующего положения вещей, такае позиция СССР представлялась неожиданной, и историки предлагают самые разные оценки о причинах возврата.

Тем не менее сразу же после «зимней войны» Молотов заявил, что СССР желает предоставить финнам возможность сохранить незамерзающий порт. Но, однако, финские иссле-

дователи не совсем верят в проявление здесь особой доброжелательности со стороны Молотова. В общем принято считать, что в состоянии неоконченной войны русские остерегались раздражать англичан и не решились захватывать шахту [2]. Это положение может быть подтверждено тем, что, по информации военнопленных, русские солдаты в период войны не продолжали работать на строительстве шахты. Также исполнительный директор акционерного общества «Петсамон Никкели» Й. О. Сёдерхольм сообщал в своих отчетах, что русские на мирных переговорах хотели, чтобы финны признали тот факт, что получают шахту и ее оборудование в неприкосновенном состоянии [3].

В свою очередь дипломат Юхан Нюкопп, участвовавший в московских переговорах, в частной беседе сообщил также и то, что Молотов, оценивая тогда «общественное мнение» в Советском Союзе, квалифицировал его как настроенное на необходимость «разрешения петсамского вопроса» и получения СССР Петсамо [4].

Почему же Советский Союз не потребовал Петсамо? Этого Молотов Нюкоппу тогда не сообщил. Можно полагать, что за данным решением стоял лично И. В. Сталин [5].

Однако уже, по крайней мере, через три месяца СССР потребовал возможность участвовать в разработке петсамского никелевого месторождения. Это, очевидно, было связано с тем, что с точки зрения русских положение полностью изменилось, поскольку война явно затянулась, и Германия, переживавшая острый дефицит в сырье, не имела для своей военной промышленности достаточные объемы, в частности, никеля. В Петсамо никель был, хотя шахта еще не была готова.

Тем не менее по секретному протоколу к Договору о ненападении между Германией и СССР, заключенному в августе 1939 г., Финляндия входила в зону влияния Советского Союза. Но отчаянное положение, связанное с дефицитом никеля для немецкой промышленности, толкало Германию к необходимости все же начать сближаться по этому вопросу с Финляндией. Уже весной 1940 г. началось финско-германское обсуждение возможности закупок никеля. Вопрос же окончательно был решен на торговых переговорах в июне.

В свою очередь для финнов стало сюрпризом, что на финско-русских торговых переговорах, начавшихся 3 июня, русские также начали интересоваться возможностью получения Советским Союзом никеля из Финляндии. При продолжении торговых переговоров 23 июня Молотов еще раз пояснил, что русские хотят именно петсамский никель. Русские были заинтересованы в получении либо лицензии на шахту, либо, как вариант, довольствовались бы участием в смешанной русско-финской фирме, которая стала бы заниматься добычей руды.

При заключении же мира, завершившего «зимнюю войну», СССР вообще не проявлял заинтересованности в никеле Петсамо, считая, очевидно, что в Советском Союзе и так существуют свои большие никелевые месторождения. В частности, в одном из советских учебников по экономической географии, вышедшем в 1940 г., посланник в Москве Ю. К. Паасикиви тогда обнаружил, что уже летом 1936 г. в СССР были введены в строй три новых предприятия, которые, как полагали, сильно поднимали производство в стране никеля.

То, что русские заинтересовались Петсамо только тогда, когда немцы пришли на север и толькотогда, когда немцы заявили о желании купить петсамский никель, естественно, связанно было с интересами безопасности СССР. Очевидно, однако, что то, чего Молотов не сказал финнам, сообщил уже русский историк В. В. Похлебкин своей книге «Финляндия как враг и как друг в период 1714—1967», вышедшей в 1967 г. Он писал, что «СССР надеялся получить вблизи Петсамо лицензионную территорию, небольшой шахтерский район петсамских никелевых месторождений. В своем требовании советское правительство руководствовалось лишь военной необходимостью». В период 1940—1941 гг. Паасикиви не знал истинных целей советского правительства, когда десятки раз слышал от Молотова упреки в том, почему же финны не хотят идти на концессию или почему не соглашаются создать смешанную акционерную компанию, где с советской стороны будет большинство голосов. Действительно, для Паасикиви решение вопроса о петсамском никеле было очень тяжелой задачей.

Русские заявили о своем желании получить петсамский никель после того, как был подписан 23 июня договор между немецкой компанией «Фарбениндустри» и финской «Петсамон

Никкели», где 60% петсамского производства должно было быть передано немцам. Русские же тогда начали устойчиво демонстрировать свое желание также иметь петсамский никель, хотя подлинной их целью было закрепиться в петсамском районе и стремиться его контролировать.

Переговоры Молотова и Паасикиви привели к тому, что 19 сентября в Москву поехал исполнительный директор «Петсамон Никкели» Сёдерхольм. Было достигнуто согласие по всем вопросам, за исключением ценовых деталей, решение которых отложили на следующий день. Но другой встречи уже не состоялось. Русские сообщили, что вновь будут изучать ценовой вопрос. Спустя неделю Сёдерхольм, вернувшись в Хельсинки, полагал, что некоммерческие вопросы будут разрешены только после изменения русскими своей позиции. Однако к своему удивлению Сёдерхольм получил от русской стороны новое ценовое предложение. Обмен телеграммами относительно цен продолжался в течение несколько дней, и в конце концов позиции сторон сблизились настолько, что 12 ноября Сёдерхольм вторично отправился в Москву. Состоявшиеся переговоры привели к соглашению, подготовленному к 29 ноября. Однако в процессе его подписания получилось так, что Сёдерхольм поставил свою подпись под документами от имени «Петсамон Никкели», тогда как выяснилось, что российский представитель не имел права подписывать соглашение с советской стороны, поскольку не имел печати, заверяющей данный документ.

На следующий день Сёдерхольм выехал в Хельсинки, а итоговые документы решили переслать позднее. Однако никакого подписанного с советской стороны договора финны так и не получили, и, по мнению Сёдерхольма, тем самым военно-политическое решение оказалось более важным для СССР, чем достижение какого-либо коммерческого результата.

На рубеже ноября-декабря Паасикиви предложил Молотову начать вновь переговоры о создании смешанной фирмы, которая стала бы заниматься добычей руды. На переговорах Молотов был нетерпелив и обвинял финнов в затягивании дела. Однако он согласился на создание особой комиссии для этой цели, хотя этот вопрос, по мнению Паасикиви, казалось, его не интересовал.

Переговоры в данной комиссии не привели к результату. Они проходили 19—23 декабря в Москве, и после пяти встреч зашли в тупик при обсуждении вопроса о том, чья сторона получит в фирме большинство акций. Затем в Москве с конца января до 11 февраля они продолжились, но опять прошли безрезультатно. Для финской стороны все это совершенно ясно демонстрировало, что речь идет не о никеле, а о контроле над петсамским районом.

Более того, с весны 1941 г. переговоры относительно никеля вообще уже не велись. Масштабные планы Второй мировой войны затмили петсамские события. Начавшаяся в конце июня 1941 г. «война-продолжение» закончилась заключением в Москве соглашения о перемирии лишь 19 сентября 1944 г. На данных мирных переговорах вопрос о Петсамо также не был главным. Русские заявили, что Петсамо будет возвращено без каких-либо компенсаций[6]. Но переговоры затянулись на несколько дней из-за того, что англичане и русские не сразу пришли к взаимопониманию о том, кто оплатит фирме «Инко» неустойку в связи с потерей ею никелевой шахты. Наконец, русские согласились заплатить фирме за счет полученных ими от Финляндии военных репараций.

Как уже отмечалось, СССР все же так и не пошел на передачу Петсамо Финляндии. При изменившихся обстоятельствах и, будучи победителем в войне, СССР взял свое обратно. Вместе с никелем СССР получил и экономически значимый регион. В соглашении о перемирии в районе Петсамо была сохранена граница, которая существовала у России до Тартуского мирного договора. В связи с этим русские не обратили внимание на то, что плавильня в Петсамо получала энергию с электростанции в Янискоски, оставшейся за пределами новой границы, на финской территории. Этот вопрос был урегулирован в 1947 г., когда Финляндия передала СССР регион Янискоски в коммуне Инари площадью 176 км^2 в обмен на имевшуюся в Финляндии немецкую задолженность, которая по мирному договору перешла к СССР.

Итак, по рассмотренной многоплановой теме изложены взгляды, как в Финляндии реагировали на требования, предъявлявшиеся русской стороной. Заметим, что при этом не делалось ссылок на то, какую поддержку Финляндия получала от

Германии и Англии, противостоя требованиям СССР, касающимся Петсамо. Известно, что англичане и русские также вели переговоры друг с другом по никелю, как велись аналогичные переговоры между немцами и русскими.

В заключение можно констатировать, что в Финляндии после «зимней войны» существовало мнение, что русские продолжат курс на ее подчинение. В Финляндии видели на ранней стадии еще и то, что по-настоящему русские не добивались получения никеля, а хотели прежде всего установить свой контроль над петсамским районом. Никель же являлся в этом отношении лишь подходящим предлогом. По данному вопросу финны не хотели уступать, так как полагали, что передача Петсамо приведет к еще большим требованиям русских в ограничении финской независимости.

В целом по проблеме петсамскоского никеля в международном плане существуют весьма разнообразные представления. Очевидно, что в этом отношении важным стало бы российское историческое исследование.

---

[1] См.: *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия 1918—1920. М., 1975. С. 219—220.

[2] См.: *Korhonen A.* Barbarossa-suunitelma ja Suomi. Porvoo, 1961. S. 38; *Jägerskiöld S.* Fältmarskalken Gustaf Mannerheim 1939—1941. Hels., 1975. S. 211—212; *Andreen P. G.* Finland i brännpunkten, mars 1940 — juni 1941. Stokholm, 1980. S. 167.

[3] *Söderhjelm J.O.* Kolme matkaa Moskovaan. Hels., 1975.

[4] Интервью с Ю. Нюкоппом. 23.8.1982.

[5] *Vuorisjärvi E.* Petsamon nikkeli kansainvälisessä politiikassa 1939—1944. Hels., 1990. S. 49.

[6] Ibid. S. 207.

В. Г. Макуров

ПЕТРОЗАВОДСК В ОККУПАЦИИ. 1941—1944 гг.

После внезапного нападения фашистской Германии на Советский Союз президент Финляндии Р. Рюти в выступлении по радио 26 июня 1941 г. официально объявил о состоянии войны между Финляндией и СССР, возлагая ответственность за это на Советский Союз, который якобы уже начал военные действия на территории Финляндии [1].

В ночь 30 июня на 1 июля 1941 г. финские войска перешли на ряде участков государственную границу СССР. 10 июля 1941 г. главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал Маннергейм отдал приказ, призывавший финских солдат «освободить земли карелов» [2]. В начале сентября Карельская армия финнов начала генеральное наступление на петрозаводском и олонецком направлениях. Ее 7-й армейский корпус наступал на петрозаводском направлении, где вели упорные оборонительные бои соединения РККА (Петрозаводская оперативная группа в полосе 100 км и 71-я дивизия в полосе 140 км).

В конце сентября финнское командование бросило сюда дополнительные резервы, которые смогли прорвать оборону советских войск на этом направлении. Сосредоточение большого количества артиллерии и минометов дало возможность противнику держать Петрозаводск под непрерывным артобстрелом в течение трех дней, в результате в городе возникли большие пожары и разрушения [3]. В связи с угрозой городу и опасностью быть окруженными командование советских войск приняло решение оставить Петрозаводск и отойти на северный берег р. Шуи [4].

Согласно финским оперативным сводкам, части финской Карельской армии ворвались в Петрозаводск 1 октября в 4 ч 30 мин утра и в тот же день водрузили государственный флаг Финляндии над зданием правительства Советской Карелии. Маршал Маннергейм издал специальный приказ, в котором оценил важность события так: «К своим уже имеющимся блистательным победам Карельская армия добавила самый крупный успех — взятие г. Петрозаводска. Таким образом, путем обширных и успешных действий достигнут результат, имеющий решающий характер...» [5]

Финны организовали и провели официальные праздничные торжества, посвященные захвату Петрозаводска. На площади Кирова, переименованной в площадь Свободы, состоялся парад оккупационных воинских подразделений. Во время празднования стоявший на площади памятник Кирову закрыли большим полотном, а потом снесли его совсем [6]. Через год широко отмечалась годовщина завоевания Петрозаводска проведением военного парада и праздничных торжеств. При этом в предназначенной для граждан Финляндии информации, на которую армия и Военное управление Восточной Карелией (ВУВК) имели контролируемую цензурой монополию, подчеркивались «положительные изменения», происшедшие за год [7].

Город, оставленный советскими войсками, по свидетельству финского офицера службы информации, выглядел так: «Первое впечатление такое, что здания неоклассической архитектуры на правительственной площади являются островами в море разрушений... После 18 часов улицы пустеют, так как с этого времени ходить по городу можно лишь по специальным разрешениям. Под луной, выглядывающей из-за предвещающих снег серых туч, город выглядит угрюмо темным и пустынным. Лишь сапоги патрулей или отдельных офицеров стучат по деревянным тротуарам. Из-за упавших на землю телефонных и телеграфных проводов передвижение по улицам напоминает хождение по полю среди капканов или противопехотных заграждений. Исчезли группы солдат, которые в течение дня ходили из дома в дом. Перед зданием театра возникает драка, которая прекращается после того, как пьяный фельдфебель бросает на темную площадь ручную гранату... Все говорят

о нехватке вина. В этом одна из причин того, что нигде не ощущается чувства победы...» [8]

К концу 1941 г. более половины всей территории КФССР, в том числе ее столица — Петрозаводск, оказалась оккупированной финскими и немецкими войсками, которые вводили свои порядки в устройстве жизни оставшегося по разным причинам населения. Еще накануне войны в Финляндии разрабатывались основные направления оккупационной политики. Суть ее сводилась к тому, что Восточная Карелия якобы исторически принадлежала Финляндии и поэтому должна находиться в ее составе. Специальное исследование об этом было напечатано осенью 1941 г. в Берлине под названием «Жизненное пространство Финляндии» [9]. Намерения финских правящих кругов нашли свое отражение и в официальных документах, в частности в приказах главнокомандующего финской армии маршала Маннергейма. Таким образом, участие страны в войне оправдывалось, во-первых, целью борьбы с советской властью и, во-вторых, необходимостью освобождения родственных народов и присоединения их территории к Финляндии [10].

Принятые Главной штаб-квартирой финской армии правила публикации сведений о Восточной Карелии и войне тоже во многом раскрывают государственную, национальную и военную политику Финляндии того времени и ее оккупационной администрации. Согласно этим правилам, следовало говорить только об «освобождении» Восточной Карелии (а не о ее завоевании) и что якобы карелы сами просили о своем освобождении. Рекомендовалось публично подчеркивать, что Восточная Карелия — это земля карелов, что у русских здесь нет никаких корней и что эта территория имеет большое значение для независимости Финляндии. Следовало говорить не о народе, а о населении Восточной Карелии, не о карельском языке, а о диалекте. О местном населении рекомендовалось писать доброжелательно: «Говоря о господствующей в Восточной Карелии отсталости, следует подчеркивать, что виноват в этом советский строй, а не население, которому, напротив, нужно отдать должное в том, что оно в трудных условиях сохранило свою национальность и обладает природной смышленостью и талантом. Необходимо подчеркивать, что теперь мы хотим

поднять население Восточной Карелии на уровень, соответствующий этим замечательным качествам». Все публикации и новости о жизни Восточной Карелии должны были получить предварительное одобрение финских органов — отдела цензуры Главной штаб-квартиры или штаба Военного управления Восточной Карелии [11].

15 июля 1941 г. маршал Маннергейм отдал приказ об организации управления на оккупированной территории ВУВК. Его начальник подполковник В. Котилайнен в тот же день выпустил обращение к гражданам захваченных районов Карело-Финской ССР, в котором объявил, что он принял на себя руководство оккупированной территорией и что с этого времени каждый ее житель обязан выполнять требования финских военных властей. В каждом районе назначался начальник, которому принадлежала полная власть на местах. В перечне требований из восьми пунктов местным жителям запрещалось иметь любое оружие и радиоаппаратуру, находиться на улице ночью (с 21 до 6 часов утра), присваивать или портить оставшееся государственное (колхозное) имущество, хранить или распространять политические книги и «необоснованные» сведения; населению предлагалось продолжать обычную работу и представить опись своего имущества, а оставшимся советским солдатам сложить оружие и сдаться в плен. За нарушение данных требований могли последовать разные наказания вплоть до смертной казни [12].

Основные направления работы ВУВК нашли отражение в его структуре, представленной целым рядом отделов: командным, противовоздушной обороны, административным, полицейским, надзора за населением, экономическим, интендантским, ветеринарным, просветительским, социальным, разведывательным, медицинским. Штат управления насчитывал: офицеров и военнослужащих — 470 человек, младших офицеров — 364, мужчин и юношей — 488, личный состав ПВО — 1081, женщин — 514, всего — 2917 человек [13]. Штаб ВУВК находился сначала в г. Йоэнсуу (Финляндия), а затем переместился в г. Петрозаводск. Территория, подчиненная Военному управлению Восточной Карелии, была разделена на 3 округа (Олонецкий, Масельгский и Беломорский), каждый из которых делился на районы, а они, в свою очередь, — на более мелкие административные единицы — участки (несколько населенных пунктов).

В оккупированном Петрозаводске также утвердилась финская система управления. Начальником Петрозаводского районного управления был назначен капитан М. Симойоки, который в мирное время служил полицмейстером в г. Куопио. Управление располагалось в правительственном здании на площади 25-го Октября (ныне пл. Ленина). Вначале оно состояло из 6 отделов (командный, по работе с населением, снабжения, строительный, просветительский, социального обеспечения), общая численность его штатов достигла к концу октября 1941 г. 60 человек, а концу 1943 г. — почти 400 человек [14].

Через две недели после захвата Петрозаводска штаб VIII-го армейского корпуса финской армии издал приказ о создании в городе концентрационного лагеря на 10 тыс. человек, куда следовало поместить русское население, «если того требовали общий порядок и безопасность, а также другие обстоятельства». Созданный лагерь был поделен затем на четыре отдельных лагеря, которые располагались на южной окраине города: на Кукковке (№ 1), на Северной точке (№ 2), в районе лыжной фабрики (№ 3) и на Голиковке (№ 4). Поскольку «мест» оказалось недостаточно, в ноябре организовали еще два лагеря в северо-западной части города: в «Красной деревне» (№ 5) и на Перевалочной бирже (№ 6).

Согласно специальному положению финского Военного управления Восточной Карелии о лагерях, в них следовало содержать: «а) лиц, относящихся к ненациональному населению и проживающих в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно; б) политически неблагонадежных лиц, относящихся к ненациональному населению; в) в особых случаях и других лиц, пребывание которых на свободе нежелательно».

Весь период оккупации Петрозаводск являлся центром финских лагерей. В них находилось около 25 тыс. человек. Вследствие тяжелых условий жизни (непосильные работы, голод, массовые эпидемические болезни) в них погибли, по разным источникам, от 4 до 7 тыс. человек. Погибших хоронили в северной части города на кладбище «Пески», расположенном вдоль шоссе на пос. Соломенное, в групповых могилах.

Сегодня в Петрозаводске проживает более тысячи человек из тех, чье детство прошло за колючей проволокой. В 1989 г. они объединились в Карельский союз бывших малолетних узников фашистских лагерей. Председателем его является К. А. Нюппиева. Спустя несколько лет по проекту архитектора А. Варухина, тоже бывшего узника одного из петрозаводских концлагерей, был сооружен Мемориал памяти на кладбище «Пески», на месте жертв оккупационного плена. Здесь каждый год 11 апреля в 11 часов собираются оставшиеся в живых (преимущественно уже бывшие малолетние узники концлагерей) на территории Карелии в 1941—1944 гг.[15]

Особой сферой деятельности оккупационной администрации являлись «просвещение и воспитание национального населения». У карелов следовало формировать «знание об исторической задаче финского племени в его противодействии вековому стремлению России захватить Финляндию». На разного рода просветительских мероприятиях следовало говорить о незначительных успехах СССР и восхвалять деятельность ВУВК на благо населения, подчеркивать национальное и естественное единство Финляндии и Карелии. Важнейшими каналами просветительской работы являлись газета и радио: «Вапаа Карьяла» («Свободная Карелия») и Аунуксен радио (Радио Олонца). 5 января 1942 г. было обнародовано положение о так называемой «народной школе» в Восточной Карелии. Основным языком обучения во всех школах становился финский. По этой причине дети «ненациональных» родителей оставались за рамками «народных школ» вплоть до конца 1943 г. К концу 1941 г. работали 53 школы, в которых насчитывалось 4700 учеников. В 1944 г. количество школ выросло до 112, в них числились примерно 8390 учеников-«националов» и, кроме того, в 13 школах учились около 3000 русских детей[16].

В Петрозаводске были открыты две школы для «национальных детей» (одна находилась в центре, другая — в северной части города), где стали выдаваться бесплатные завтраки, что позволило увеличить весной 1942 г. число учащихся до 500. В марте открылась школа в пос. Соломенное, а потом еще одна — на ул. Гористой. К концу 1942 г. насчитывалось 700 «учащихся-националов». Обучение их проводилось, согласно разработанным планам, на финском языке в «христианско-патриотическом духе». Прежде всего требовалось пробудить у детей «национальное чувство», которое бы развилось потом в любовь ко всему «Великому Финляндскому Отечеству». Главными предметами для решения поставленных задач являлись финский язык, история, география и религия[17].

Обучение «ненационалов» первоначально не планировалось. В концлагерях нашлись учителя, которые организовали с разрешения властей осенью 1942 г. начальное обучение детей, чтобы научить их читать и писать, но всякое обучение «ненационалов» прекратили, так как администрация посчитала, что эти учителя придерживались «коммунистических принципов». Обучение «ненационалов» формально стали восстанавливать в конце 1943 г., когда открыли начальные школы для детей «свободного ненационального» населения. При этом, если для «националов» вводилось всеобщее обязательное обучение от 7 до 15 лет, то для «ненационалов» — от 10 до 14 лет, а в лагерях — от 7 до 12 лет[18].

Вся территория оккупированной Карелии была поделена на три округа — Олонецкий, Масельгский и Беломорский. Общая численность местного населения составляла 86 119 чел. (в том числе национального, то есть карелов, вепсов, ингерманландцев — 35 919), из них в Олонецком округе — 83 612 (33 415), Масельгском — 1891 (1888), Беломорском — 616 (616) чел. В Петрозаводске проживали 4847 (2834) «свободных» человека[19]. Для усиления контроля и наблюдения за ними оккупационные власти провели подробную перепись населения. Даже в каждом крупном селе имелся полицейский участок. За нарушение установленного режима (нахождение на улице во время комендантского часа, пребывание в доме постороннего лица, выход за пределы постоянного места жительства без специального пропуска и т. п.) предусматривались различные меры наказания вплоть до расстрела.

Составной частью политики финнизации на оккупированной территории являлось переименование населенных пунктов, улиц, имен и фамилий местных жителей. Так, уже 16 сентября 1941 г. окружные начальники получили предписание ВУВК о приведении к единообразию названий населенных пунктов на оккупированной территории. В нем, в частности,

подчеркивалось: «Следует брать употребляемые местными жителями названия населенных пунктов, если они являются финскими. Группу деревень, построенных близко друг от друга, следует считать одной деревней. Предложения по переименованию русских названий деревень на финские с резолюцией окружного начальника следует посылать нам». Тогда же в районы были направлены рекомендательные списки для переименования улиц и населенных пунктов Восточной Карелии. Для этого предлагались имена героев предшествующих «племенных войн», а также имена карельских и финских «племенных» героев или же имена героев Калевалы. Так, г. Петрозаводск стал называться Яанислинна (Крепость на Онего), Олонец — Аунуслинна (Крепость Олонии). Переименование улиц Петрозаводска произошло в начале 1943 г. [20]

Финские оккупационные власти утвердили новые названия улиц Петрозаводска. Некоторые их переименования выглядели следующим образом.

Прежнее (советское) название улицы	Новое (финское) название улицы
Карла Маркса	Главная
Ф. Энгельса	Центральная
пл. 25 Октября	Административная пл.
пл. Кирова	пл. Свободы
Ленина	Карельская
Герцена	Олонецкая
Первомайское шоссе	Беломорское шоссе
Куйбышева	Северная
Кирова	Калевальская
Дзержинского	Вяйнямейнена
Комсомольская	Сампо
Пушкинская	Лённрота
Крупской	Ряйхя
Анохина	Егерская
Гоголя	Воина
Горького	Воина-соплеменника
Советская	Лотты
Мурманская	Кольская

Финская газета «Вапаа Карьяла» писала в этой связи: «Впервые за время своего существования Петрозаводск получает национальные финские названия улиц. Таким образом, город приобретает подлинно национальный характер, который ему, как важнейшему населенному пункту Восточной Карелии, и подобает иметь. Лицо города все более становится финским...» [21]

В связи с движением сопротивления оккупационному режиму финские власти принимали меры по усилению «порядка и контроля» в городе. Если вначале полицейские подразделения несли караульную службу и патрулировали наиболее оживленную часть города, проверяли жилые дома, гостиницы, места общественного назначения. В созданных 24 участках полицейские следили за своевременной регистрацией населения. В особых случаях (возможное появление подпольщиков, партизан или сбежавших военнопленных) проводились широкие облавы по всему городу, в которых участвовали не только полиция, но и части гарнизона. Только в 1942 г. было совершено 29 таких облав. Осенью 1943 г. отдел полиции «по поддержанию порядка» прекратил караульную службу в той форме, в какой она существовала ранее и распространил постоянное патрулирование на всю территорию города [22].

Таким образом, установленный финскими военными властями режим на захваченной территории Карело-Финской ССР представлял собой продуманную систему мер (экономических, идеологических, просветительских, политических), которая преимущественно определялась национально-исторической направленностью. Отправной момент оккупационной политики заключался в том, что родственных финнам людей по национальной принадлежности («соплеменников» — карелов, финнов, вепсов, ингерманландцев, составлявших 50% местных жителей) необходимо «освободить» как будущих граждан «Великой Финляндии». Реализация такой политики на практике выразилась в разделении жителей Восточной (Советской) Карелии на две основные группы: «национальное и ненациональное», или привилегированное и непривилегированное во всех отношениях население. Первая группа людей лучше обеспечивалась социальными благами (зарплатой, продовольственными и промышленными товарами, медицинским обслу-

живанием и т. д.), для них организовывались специальные народные школы и курсы по месту жительства и в Финляндии, проводилась активная идеологическая и просветительская работа. Вторая группа, в основном русские, находилась в худших условиях, и именно они, прежде всего, помещались в концентрационные (трудовые) лагеря с целью дальнейшего выдворения из Карелии после предполагавшейся победы в войне Германии и ее союзников.

О фактических результатах оккупационной национальной политики, отношении к ней местного населения Карелии можно судить в определенной степени по событиям на заключительном этапе военных действий на Севере: начавшемся здесь летом 1944 г. наступлении советских войск, уходе финнов и эвакуации с ними местных жителей, которая, по утверждениям финских военных властей, осуществлялась на добровольной основе. Из оккупированной территории Карелии, по данным финских источников, к лету 1944 г. переселились в Финляндию только около 3% жителей [23].

Усилилось сопротивление оккупационному режиму местного населения, воодушевленного успехами Красной Армии на фронте в битвах под Москвой, Сталинградом, Курском.

Финские оккупационные власти предпринимали все возможные меры по укреплению своих оборонительных позиций, стремясь превратить Петрозаводск в мощный укрепленный район. В марте 1942 г. численность городского гарнизона составляла 2000 чел., он располагал 50 танками, зенитными орудиями, а также расположенной в Ужесельге береговой артиллерией. На подходах к городу берег залива Онежского озера был превращен в минное поле. Ранее, осенью 1941 г., на аэродромах пос. Соломенное (пригород Петрозаводска) прибыла первая авиционная эскадрилья финских истребителей. На побережье Онежского озера была создана Онежская береговая бригада, части которой расположились на обширной территории — от Свири на юге до Большого залива Онежского озера на севере. На озере ей придали отряд кораблей. Артиллерию сосредоточили таким образом, чтобы образовалась единая огневая система от южного побережья озера до г. Медвежьегорска [24].

Мощные удары советских войск на Карельском перешейке и в южной Карелии, начавшиеся в июне 1944 г., поставили Финляндию перед поражением и вынудили руководство страны искать пути выхода их войны. В начале сентября Финляндия прекратила военные действия против СССР [25]. 19 сентября в Москве состоялось подписание соглашения о перемирии между СССР и Англией, с одной стороны, и Финляндией — с другой.

С освобождением территории Карелии и ее столицы началось возрождение мирной жизни. На основе материалов, собранных Чрезвычайной республиканской комиссией [26], утверждалось, что общая сумма ущерба, нанесенная республике военными действиями и временной оккупацией ее территории, составляла свыше 20 млрд. руб., не считая потерь от прекращения промышленного и сельскохозяйственного производства [27].

В сообщении комиссии об уроне, нанесенном экономике и культуре Петрозаводска, в частности, говорилось: «...финны сожгли и разграбили в Петрозаводске университет, научно-исследовательский институт культуры, публичную библиотеку, государственную филармонию, Дворец пионеров, театр, музыкальное училище, два педагогических училища, индустриальный техникум, пять школ, девять детских садов, кинотеатр, физиотерапевтическую лечебницу, психоневрологический диспансер, разграбили государственный музей, взорвали и сожгли все мосты и свыше 485 жилых домов... Они полностью уничтожили промышленность города, разрушили железнодорожный узел, сооружения и флот Беломорско-Онежского пароходства, все предприятия связи. Перед уходом из Петрозаводска финны взорвали, сожгли и разрушили семь электростанций, три плотины... электростанцию, плотину, жилой фонд, подсобные предприятия старейшего Онежского металлургического и машиностроительного завода, хозяйство которого создавалось на протяжении столетий... Они уничтожили лесопильные заводы, холодильник, типографию, ликеро-водочный и пивоваренный заводы, хлебозаводы, взорвали надворные сооружения и цехи судостроительного завода...» [28] Таким образом, по существу, предстояло не восстанавливать, а строить все заново.

С освобождением города от оккупации, 4—10 июля, в нем возобновилась деятельность основных государственных структур и общественно-политических организаций советской власти. 4 июля приступил к работе Петрозаводский горком компартии, секретарем которого стал Н. А. Дильденкин (с октября 1944 г. — Ю. В. Андропов), а 8 июля начал действовать Петрозаводский горисполком советов во главе с председателем Г. Степановым. Они сразу же развернули активную деятельность по восстановлению разрушенного хозяйства города и созданию необходимых условий жизни для петрозаводчан[29].

7 июля 1944 г. СНК и ЦК компартии республики приняли постановление о переезде руководства Карело-Финской ССР из Беломорска, где оно находилось во временной эвакуации, в освобожденный от оккупантов Петрозаводск. В соответствии с данным постановлением переезд республиканских учреждений начинался 15 июля, для чего были приняты специальные меры. Таким образом, в июле 1944 г. Петрозаводск вновь обрел облик столицы Карелии[30].

Стремясь возродить разрушенный город как можно быстрее, петрозаводчане устраивали массовые трудовые субботники и воскресники. Таким образом, еще продолжалась Великая Отечественная война, когда в городе активно проводились восстановительные работы, возрождение ее хозяйственной и культурной жизни. Конечно, пока делались лишь первые шаги, основная работа в данном направлении предстояла впереди. Население города находилось в крайне неблагоприятных условиях, вызванных трудностями послевоенного времени. Испытывалась нужда в самом необходимом — продовольствии, жилье, одежде. Товары отпускались по карточкам. Многие проживали в наспех сколоченных деревянных бараках. Чтобы вернуть к жизни все разрушенное во время войны, возродить родной город, требовалось время, большие материальные ресурсы и самоотверженные усилия горожан.

---

[1] По обе стороны Карельского фронта. 1941—1944 гг.: Документы и материалы. С. 54—59; Sinivalkoinen Suomi 1939—1941 julkisten asiakirjojen valossa. II. 1978. S. 128—136.

[2] По обе стороны Карельского фронта. С. 69—70; Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta. 1918—1945. Helsinki, 1970. S. 120; Suomen historian dokumentteja. Helsinki, 1970. S. 420.

[3] Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 340. Оп. 5370. Д. 6. Л. 316—323.

[4] ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1439. Д. 304. Л. 329; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 50—51.

[5] По обе стороны Карельского фронта. С. 111—112; Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyjä... S. 130.

[6] *Kulomaa J.* Äänislinna. Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941—1944. Hels., 1989. S. 204.

[7] Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1703—2003. Петрозаводск, 2002. С. 340.

[8] *Paavolainen O.* Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941—1944. Hels., 1961. S. 194—196.

[9] *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallimossa 1941—1944. Helsinki, 1982. S. 61—63; *Сепеля Х.* Финляндия как оккупант в 1941—1944 гг. // Север. 1995. № 4/5. С. 99.

[10] Puhtain asein. Op. cit. S. 120; Suomen historian dokumentteja. 2. S. 420; Salaiset keskustelut. Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939—1944. Lahti, 1967. S. 99.

[11] По обе стороны Карельского фронта. С. 264—266.

[12] Там же. С. 72—73.

[13] Там же. С. 153—175.

[14] *Kulomaa J.* Op. cit. S. 204; Петрозаводск: Хроника трех столетий. С. 331.

[15] См. подробнее: Судьба: сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999; Плененное детство: Сборник воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005.

[16] *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 81; Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы социальной экономики и политики. 60-е годы XIX—XX вв. Сборник научных статей. Петрозаводск, 1995. С. 103—104.

[17] По обе стороны Карельского фронта. С. 206—207; Vapaa Karjala. 1941. 11. jouluk.

[18] Ibid.

[19] Петрозаводск: Хроника трех столетий. С. 335—336.

[20] *Макуров В. Г.* Петрозаводск в годы суровых испытаний. 1941—1945. Петрозаводск, 2005. С. 31.

[21] Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 805. Оп. 1. Д. 11. Л. 7; Vapaa Karjala. 1943. 12. helmik.; По обе стороны Карельского фронта. С. 102, 312—314.

[22] *Kulomaa J.* Op. cit. S. 86—87.

[23] Suomen arkisto (SA). Spk. 25547; По обе стороны Карельского фронта. С. 541—553.

[24] *Kulomaa J.* Op. cit. S. 90—92.

[25] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 5. М., 1947. С. 423.

[26] После принятия 2 ноября 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР указа «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» руководство Карело-Финской ССР создало аналогичные республиканскую и районные комиссии (КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 268; Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 7 нояб.).

[27] Четвертая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. Стенографический отчет. С. 7.

[28] Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944—1950. Документы и материалы. Петрозаводск, 1988. С. 7.

[29] Карельский государственный архив новейшей истории (далее КГАНИ). Ф. 1230. Оп. 23. Д. 2. Л. 2; Ф. 1229. Оп. 3. Д. 629. Л. 1; НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 885. Л. 1; Ленинское знамя. 1944. 14 июля.

[30] НАРК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 207. Л. 2; Советы Карелии. С. 244—245.

В. Н. Степаков

ОСВОЕНИЕ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ В 1940-е — ПЕР. ПОЛ. 1950-х гг.

Вторая мировая война 1939—1945 гг. поменяла границы многих европейских государств. В этот период между СССР и Финляндией изменения государственной границы происходили дважды, в 1940 и 1944 гг. И оба раза они касались одной и той же территории — Карельского перешейка, части Карелии, районов Алакурти и Петсамо.

Оценка политической подоплеки военных событий, предшествующих изменениям советско-финляндской границы, не входят в рамки данного изложения. Эта тема уже достаточно подробно изучена российскими и зарубежными учеными. В данном же случае имеется в виду рассмотреть отдельные процессы, происходившие в связи с изменениями советско-финляндской границы в 1940 и 1944 гг., а именно освоение бывших финских территорий, отошедших к Советскому Союзу, и в частности территории Карельского перешейка.

Освоение СССР Карельского перешейка условно можно разделить на два этапа. Первый охватывает период с марта 1940 г. по июнь 1941 г., а второй — с сентября 1944 г. до середины 1950-х гг.

Первый этап связан с освоением Советским Союзом новых районов после окончания советско-финляндской войны, и это происходило по двум направлениям — военному и гражданскому, сочетаясь вначале с выходом советских войск на новые государственные рубежи, а затем с выводом воинских соединений 7-й и 13-й армий с Карельского перешейка.

Штабами Ленинградского военного округа (ЛВО) и Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) были созданы специальные комиссии, которые приступили к осмотру и описи сохранившейся финской военной инфраструктуры. Кроме этого, военные занимались захоронением в братских могилах погибших солдат и офицеров, разминированием территорий и населенных пунктов, сбором на местах боев различной амуниции, подбитой боевой техники, оружия, неразорвавшихся боеприпасов. Специальные подразделения производили демонтаж взрываемых финских укреплений [1].

Эта работа не всегда осуществлялась четко и оперативно, особенно при захоронении погибших и уничтожении неразорвавшихся боеприпасов. 15 июня 1940 г. Военный совет ЛВО получил телеграмму из наркомата Обороны СССР, в которой указывалось, что по имеющимся сведениям «сборка трупов и организация братских могил до сих пор поставлены неудовлетворительно. Огромное количество наших славных бойцов похоронены в случайных местах, а не в братских могилах» [2]. На основании этого наркомат потребовал от Военного совета округа создать специальную комиссию и «закончить всю работу по уборке трупов и захоронению их в братских могилах не позднее 25 июня» [3]. Нерасторопность же в уничтожении неразорвавшихся боеприпасов становилась причиной неоднократных несчастных случаев. Так, летом 1940 г. в районе деревни Сааренпя от взрыва авиабомбы погибла группа краснофлотцев из бригады морской пехоты КБФ. Осенью того же года в Койвистовском районе взрывом ручной гранаты было ранено четверо гражданских лиц. Приказом начальника Генерального Штаба Красной Армии командованию ЛВО и КБФ предписывалось «немедленно принять меры для окончательной и срочной очистки районов прошедших боевых действий от неразорвавшихся снарядов, гранат, авиабомб и т. д.» [4]

Со стороны административных и иных гражданских органов освоение новых районов Карельского перешейка велось намного энергичней и организованней. 16 марта 1940 г. в Выборг прибыла комиссия под руководством уполномоченного по Карельскому перешейку Борисова, в составе которой были представители Ленинградского областного совета депутатов трудящихся, управления милиции, управления связи, Ленэнерго и т. д. Задачей комиссии было создание Временных управлений и общее ознакомление с населенными пунктами новых районов, прежде всего Выборгом. А через день по поручению ЦК ВКП (б) на Карельский перешеек прибыл первый секретарь Карельского обкома партии Г. Н. Куприянов и О. В. Кусинен. Их целью являлся осмотр крупных промышленных объектов в Выборге, Энсо, Иоханнесе и других населенных пунктах.

В конце марта 1940 г. на территории Карельского перешейка появились районные и городские Временные управления, которые выполняли функции органов советской власти (действовали до конца 1940 г.). На первых порах задачи Временных управлений сводились к тщательному обследованию промышленных предприятий, населенных пунктов и мерах по их восстановлению. Выборг, как наиболее крупный город Карельского перешейка, был обследован в числе первых. Специальная Рекогносцировочная комиссия Временного управления Выборга совместно с представителями военной комендатуры произвели поквартальный обход города в целях выявления степени его разрушения в ходе военных действий. Комиссия признала, что Выборг «пострадал намного больше, чем другие населенные пункты Карельского перешейка» [5].

24 марта регулярный пассажирский поезд «Выборг-Ленинград» доставил в город 500 гражданских специалистов. Вечером того же дня в Выборг прибыл еще один большой отряд гражданских лиц. В числе их находились: представители Северо-Западного речного пароходства, Областного управления связи, а также инженерно-технические работники связи, почты, коммунального хозяйства, торговли и бригады строительных рабочих.

27 марта была восстановлена телефонная связь между Выборгом и Ленинградом, а также оборудован городской радиоузел на 1000 Вт. Комиссия управления Ленэнерго обследовала и сделала предварительное заключение о возможности скорейшего использования гидростанции Роухиала-Энсо и ряда других энергетических установок. В заключении специалистов отмечалось, что «вырисовываются восстановительные и реконструктивные работы большого размаха» [6]. Пока же ленинградские специалисты наладили питание Выборга электро-

энергией от гидростанции в Лавола. В порту Выборга, портах Выборгского залива и пристанях Ладожского озера к работе приступили специалисты Северо-Западного речного пароходства. Бригады строительных рабочих — каменщики, бетонщики, кровельщики, стекольщики, плотники — занялись ремонтом жилых домов, учреждений и промышленных предприятий Выборга. Как отметил один из очевидцев, «пролетарии Ленинграда своим горячим дыханием согревают, поднимают к жизни молодой советский Выборг» [7].

В других населенных пунктах Карельского перешейка также трудились десятки высококвалифицированных специалистов и сотни рабочих различных специальностей. К примеру, в Терийоки до конца марта было сделано следующее: установлена телефонная связь с Ленинградом, открыта больница на 15 коек, универмаг, аптека, отделение Госбанка, управление милиции, несколько продуктовых магазинов и столовых, начато строительство хлебопекарного завода [8].

29 марта 1940 г. в Москве открылась Шестая сессия Верховного Совета СССР. На втором ее заседании 31 марта был рассмотрен и единогласно принят «Закон по преобразованию Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику». На основании этого закона к 19 имевшимся районам КАССР было присоединено семь новых административно-территориальных единиц, в том числе Выборгский, Кексгольмский и Яскинский районы Карельского перешейка. Ленинградской области было передано три района: Койвистовский (центр город Койвисто), Каннельярвинский (с центром в поселке Каннельярви), Раутовский (с центром в поселке Рауту). Город Терийоки подчинялся Леноблсовету.

На дальнейших заседаниях сессии был рассмотрен и утвержден государственный бюджет СССР на 1940 г. В связи с образованием Карело-Финской ССР (КФССР), ей конкретно выделялось за счет резервного фонда Совнаркома СССР для освоения новых районов 300 млн рублей.

К середине апреля на Карельском перешейке началась новая фаза освоения, на первом плане которой стояло решение следующих задач: восстановление портов и портового оборудования, наладка и пуск промышленных объектов, решение

проблем коммунального хозяйства городов и поселков. Особенно успешными темпами продвигалась восстановительная работа в портах Финского и Выборгского заливов. В конце апреля 1940 г. по постановлению Экономического Совета при СНК СССР было образовано Выборгское речное пароходство. На первоначальном балансе пароходства числилось: 20 складов, 5 мастерских, 35 буксиров, 15 пассажирских пароходов, 55 лайб и около 200 моторных катеров [9].

Сложнее обстояло дело с промышленными объектами, поскольку на заводах и фабриках Карельского перешейка царила разруха и хаос. Финские предприятия были разгромлены и опустошены не только в результате военных действий, но и при эвакуации, целенаправленно и умело. Наладка и пуск предприятий требовали вложения огромных сил и средств.

Параллельно с восстановительными работами на Карельском перешейке к научным изысканиям приступили специалисты Ленинградской публичной библиотеки, научные сотрудники Эрмитажа, Русского и Карельского государственного музеев.

Ученые-библиотековеды К. И. Пюкке и В. С. Люблинский под руководством специалиста по этнографии финно-угорских народов Н. П. Никольского занялись разбором и учетом книжного фонда Выборгской городской библиотеки. Особо ценные книжные раритеты, а также неизвестная рукопись начала XVII в. по истории Гамбурга, собрание карт Финляндии, подшивки газет финской Красной гвардии и финского комсомола за 1918 г. пополнили собрание Ленинградской публичной библиотеки. Немало литературы было отобрано для отправки в Петрозаводский университет, Карело-Финский научно-исследовательский институт и Финский государственный театр. Оставшийся фонд подвергся строжайшему контролю. Книги, «имеющие действительную ценность для советского читателя», оставлялись в городской библиотеке, а иные изымались из фонда [10]. Чтобы не оставлять в Выборге чересчур оскудевшую библиотеку, из Ленинграда было впоследствии доставлено большое количество новой литературы.

Кроме этого, библиотекари, на предмет обнаружения книжных собраний, осматривали квартиры, различные учреждения Выборга и усадьбы, расположенные на Карельском перешей-

ке. Подобным образом было собрано порядка 100 тыс. книг, многие из которых представляли собой довольно редкие издания XVIII — начала XIX в.

Сотрудники музеев, возглавляемые ученым секретарем Русского музея Д. Я. Лешинским, научным сотрудником Эрмитажа Дьяковым и представителем Карельского музея Язвиковым, исследовали вещи, собранные трофейными командами, в целях обнаружения среди них предметов, имеющих историческую и художественную ценность. В числе таковых оказались: неизвестная картина Т. Г. Шевченко, датированная 1845 г., картины, акварели, гравюры, офорты Рериха, Репина, Карпинского, Богданова-Бельского, Лагорио, макет Выборга и Транзунда работы Лаури Валька, свидетельство, выданное в 1791 г. Вильгельму Фохту, с автографами императрицы Екатерины II и полководца А. В. Суворова, Библия 1476 г. на немецком языке и многие иные ценности. Более 200 экспонатов было отправлено в музеи Ленинграда. Из них 50 живописных работ пополнили коллекции Эрмитажа, а 10 полотен — Русского музея. Научные сотрудники отобрали также «вещи, характеризующие природу Финляндии, быт, культуру, историю, религию народа, полицейский режим, военное снаряжение белофиннов» [11].

С апреля 1940 г. в Советском Союзе под руководством партийных органов развернулась кампания по вербовке в новые районы рабочих, инженеров, техников, врачей, учителей и других специалистов. Она проходила планомерно, в соответствии с запросами того или иного Временного управления.

28 мая вышло постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР и Ленинградской области». Оно предусматривало оказание дополнительной помощи строительными материалами, техникой, сельскохозяйственными машинами и другими средствами. Кроме того, было намечено переселение в новые районы 40 тысяч семей колхозников из союзных, автономных республик и центральных областей РСФСР.

Первые семьи колхозников-переселенцев появились в новых районах в начале июня. На Карельский перешеек прибыло 60 семей колхозников из Ленинградской области, организовавших в поселке Хаапала колхоз «Победа». 11 июня в Выборг

приехали 42 колхозника из Вологодской области, а также представители от 9 колхозов Белоруссии. Колхозники-ходоки были направлены Временным управлениям для осмотра земель в районы Иоханнес, Сяккиярви и Куркийоки.

В Переселенческом управлении при СНК СССР сложилось твердое убеждение, что колхозники «горят желанием в кратчайший срок освоить новые места, создать там крупные большевистские колхозы» [12]. Ввиду этого управление широко размахнулось с организацией планового заселения, вознамерившись в течение месяца переселить в новые районы КФССР и Ленинградской области 5 тысяч колхозных семей. Однако на деле все вышло не так гладко, как планировалось. Колхозники, в отличие от рабочих и служащих, не спешили с переменой местожительства, находя для этого множество причин и отговорок.

9 июля в Москве состоялось заседание коллегии Народного комиссариата земледелия. На нем, помимо общих вопросов, был рассмотрен ход выполнения решений постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 28 мая по КФССР и Ленинградской области. Точнее, рассматривался конкретный пункт решений, касающийся переселения семей колхозников в новые районы. Доклад на эту тему сделал сотрудник Наркомзема Шаров. Заслушав докладчика, коллегия отметила, что «важнейшее решение партии и правительства выполняется неудовлетворительно» и приняла соответствующее меры, направленные на исправление недостатков в работе Переселенческого управления [13].

Однако положение с переселением не улучшилось. К концу июля на землях новых районов удалось организовать только 4 совхоза и 7 колхозов. И тогда Переселенческое управление и Наркомзем от уговоров и убеждений перешли к более решительным мерам. Отныне правлению колхоза, намеченного на переселение, ставился жесткий срок переезда к новому месту жительства. Правда, при этом был предусмотрен целый ряд льгот. Колхозникам-переселенцам предоставлялись продовольственные и денежные ссуды, а также они получали в собственность оставшиеся в новых районах дома и надворные постройки, с погашением их оценочной стоимости равными частями в течение 8 лет, начиная с третьего года после вселения [14]. С это-

го момента можно было смело утверждать, что партийно-правительственное постановление от 28 мая получило свое решительное воплощение в жизнь. Только за сентябрь 1940 г. в новые районы было переселено 987 семей и 187 колхозных хозяйств из Тульской и Рязанской областей, 90 семей и 200 хозяйств из Киевской области.

Летом 1940 г. заметные успехи были достигнуты в восстановлении промышленных предприятий и населенных пунктов на Карельском перешейке. На восстановление жилых домов Выборга правительством было отпущено 4 млн 800 тыс. рублей, по линии союзных наркоматов — 3 млн 750 тыс. рублей и по другим ведомствам — 2 млн 500 тыс. рублей. К концу года в городе удалось восстановить 179 тыс. м^2 полезной жилой площади, 212 домов с паровым отоплением. Уже подавалась электроэнергия в 2849 квартир, а газ — в 24 дома. Исправили также 75 км водопроводной и 80 км канализационной сети [15].

В июне-июле в Выборге работало 16 предприятий, в октябре вступили в строй еще 5 восстановленных фабрик и заводов. К концу 1940 г. из 23 крупных выборгских предприятий работало 18, а также 10 артелей, имевших 36 мастерских [16].

Кроме того, в городе было восстановлено автобусное, а также трамвайное сообщение. Открылось 8 начальных, средних и неполных школ, детский сад, Дом пионеров и школьников. Начали выходить газеты «Выборгский водник» (сентябрь) и «Вийпурский большевик» (октябрь). На восстановление театра, кинотеатров и библиотеки было выделено 644 тыс. руб.

В конце сентября на Карельском перешейке завершилось строительство высоковольтной линии Роухиала-Ленинград. Новая линия дала ток на Северную подстанцию Ленинграда, повысив энергобаланс городской промышленности на 1 млн киловатт-часов электроэнергии. Трест Ленэнерго приступил к изыскательным работам по прокладке еще одной высоковольтной трассы Энсо-Ленинград протяженностью в 200 км.

Помимо этого целый ряд восстановленных промышленных предприятий приобрел всесоюзную известность и значимость. В течение октября комбинату Энсо предстояло выпустить 220 т высококачественного глазированного картона, предназначенного на изготовление футляров к четвертому изданию сочинений В. И. Ленина. А гранитный карьер в Антреа получил ответственный правительственный заказ на поставку облицовочного гранита для строительства Дворца Советов в Москве (строительство завершено не было).

Ленинградский военный округ и Краснознаменный Балтийский флот также продолжали освоение новых районов.

Летом 1940 г. развернулось строительство оборонительных рубежей на северо-западной границе. Утвержденный Военным советом округа план строительства предусматривал 6—8-километровую приграничную полосу развить в главный рубеж обороны с постройкой на нем не менее двух (на важнейших направлениях — трех-четырех) боевых сооружений на 1 км фронта. Инженерному управлению ЛВО предстояло выполнить большой объем оборонных работ по созданию трех укрепленных районов (УР): Сортавальского, Кексгольмского и Выборгского. Строительство УРов велось силами войсковых частей и вольнонаемных рабочих. Однако темп работ был крайне низким, а на отдельных участках приграничной полосы рекогносцировочные комиссии лишь приступили к уточнению расположения опорных пунктов и узлов обороны.

В свою очередь КБФ принимал в наследство от финских ВМС значительную часть развитой береговой инфраструктуры. Постановлением СНК СССР № 1068-419сс от 21 июня, за КБФ закреплялось портовое хозяйство и ремонтные предприятия в портах Выборг, Транзуд, Койвисто [17]. В Выборге: судоверфь Викротиниеми, помещения, склады, оружейно-артиллерийские мастерские финского 2-го артиллерийского полка береговой обороны, восточная часть южного Выборгского порта, бывший финский аэродром Тервониеми; в Транзунде: бывшая военно-морская база финского флота на островах Равансаари и Куринсаари, два северных пирсовых причала порта; в Койвисто: порт целиком [18].

20 июня вышло постановление СНК КФССР «О закреплении жилых и служебных помещений за войсковыми частями местных гарнизонов» [19]. В соответствии с постановлением в ведение КБФ перешли жилые и служебные помещения, необходимые для размещения личного состава Шхерного и Учебного отрядов флота и семей комсостава в Выборге, Транзунде и Койвисто. Кроме того, КБФ получил немало трофейных судов

и прочих плавучих средств: 6 пассажирских и грузовых пароходов, 16 буксиров, 1 плавкран, 8 моторно-парусных шхун и др.[20]

На 1 января 1941 г. в новых районах Карельского перешейка проживало 144 тыс. человек, в том числе городского населения — 70 900 человек, из них в Выборге — 38 200 человек, сельского населения — 73 400 человек, из них колхозников — 35 400 человек[21]. Было организовано 244 колхоза, 24 совхоза, 129 подсобных хозяйств и 6 машино-тракторных станций[22]. Полностью или частично были восстановлены и введены в эксплуатацию все основные промышленные предприятия. Карельский перешеек начал постепенно приобретать широкую известность курортной зоны, чему всемерно способствовало открытие санаториев «Халила», «Патру», «Кирву», «Канкала», а также домов отдыха и пляжей на побережье Финского залива.

Дальнейшее освоение Карельского перешейка прервалось летом 1941 г. с началом Великой Отечественной войны.

Второй этап освоения начался после выхода Финляндии из войны в сентябре 1944 г. Он почти не отличался от этапа освоения Карельского перешейка в 1940—1941 гг. Для военных — захоронение погибших, разминирование, уничтожение боеприпасов, обустройство гарнизонов. Для гражданских — восстановление путей сообщения, населенных пунктов, промышленности, освоение сельского хозяйства. Чтобы не повторяться, остановимся на отдельных фазах второго этапа освоения.

Осенью 1944 г. в состав Ленинградской области были включены три района — Выборгский, Кексгольмский и Яскинский, ранее входившие в состав КФССР.

В январе 1945 г. вышло постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О переселении хозяйств колхозников в районы Карельского перешейка, входящие в состав Ленинградской области». Отметим, что на этот раз нежелания к переезду на новое место жительства со стороны колхозников не наблюдалось. Этому были свои объективные причины. Во многих областях РСФСР и союзных республик, где война уничтожила большую часть жилищного фонда, население остро нуждалось в крыше над головой. Причем далеко не все имели средства и силы для строительства новых домов. Поэтому,

когда в тех местах появились вербовщики, много времени на уговоры не потребовалось[23].

На 1 декабря 1945 г. в районы Карельского перешейка было переселено 2021 хозяйство; 246 хозяйств возвратились в порядке реэвакуации. Общее количество сельского населения составляло 11 700 человек, в том числе трудоспособных — 5900 человек. Был организован 131 колхоз, из них 15 рыболовецких, а также 25 совхозов и 225 подсобных хозяйств[24]. К концу 40-х гг. более 6000 хозяйств было переселено на Карельский перешеек.

Восстановление промышленности и населенных пунктов на перешейке также велось достаточно интенсивно.

Правительственным постановлением 1945 г. Выборг был включен в перечень городов, подлежащих первоочередному восстановлению. По распоряжению СНК РСФСР от 20 сентября 1945 г. «Об ассигновании спецсредств на восстановление г. Выборга» было выделено 3 млн 100 тыс. рублей. К январю 1948 г. в городе насчитывалось 31 437 человек, были восстановлены все основные промышленные предприятия и созданы новые, практически восстановлен жилищный фонд[25]. В других населенных пунктах Карельского перешейка объемы восстановительных работ были не менее высокими. Например, в феврале 1946 г. в Кексгольме население насчитывало 4 тыс. человек, было освоено для жилья 465 домов общей площадью 18 900 кв. м[26].

К середине 1950-х гг. основная фаза второго этапа восстановительного процесса на Карельском перешейке и освоения его территории была завершена.

В последующие десятилетия XX в. освоение уступило место развитию, которое не прекращается и в начале нового столетия.

В заключение необходимо сказать, что оба этапа освоения Карельского перешейка, в плане ликвидации последствий военных действий, проводились исключительно успешно, крайне высокими темпами. Однако при этом не следует забывать и о тех негативных явлениях и ошибочных решениях, которые сопровождали оба этапа.

В 1940—1941 гг. наиболее распространенным негативным явлением в новых районах стало хищение трофейного имуще-

ства. При этом хищениями, как правило, занимались не простые рабочие или колхозники, а люди, наделенные определенной властью. Примером может служить приговор суда Военного трибунала № 032 от 8 февраля 1941 г. по делу майора Золотова, трех офицеров 85-й отдельной авиаэскадрильи и бывшего уполномоченного Военного совета Северо-Западного фронта и Леноблисполкома Рыбакова, осужденных за хищение трофейного имущества [27].

В этот же период началась ликвидация финской хуторской системы и финского «лоскутного» землепользования, которые были признаны препоной на пути социалистических форм ведения сельского хозяйства. В результате ошибочного решения, принятого по политическим мотивам, экономическое состояние сельского хозяйства на Карельском перешейке даже к началу 50-х гг. оставалось весьма плачевным.

После 1944 г. развернулся процесс утаивания финской истории перешейка, который выражался в сносе или изменении функционального назначения, прежде всего, культовых зданий, замене финской топонимики, а также искажении либо умолчании о финском периоде в музейных экспозициях и литературе. Тогда же отдельные районы перешейка получили статус пограничной зоны, куда доступ был ограничен вплоть до 80-х гг. Этот негативный процесс продолжался с разной степенью интенсивности несколько десятилетий и прекратился только в начале 90-х гг. XX в.

---

[1] *Степаков В., Балашов Е.* В «новых районах»: Из истории освоения Карельского перешейка 1940—1941, 1944—1950 гг. СПб., 2001. С. 17.

[2] Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 673. Л. 85—86.

[3] Там же.

[4] Там же. Л. 382.

[5] *Выскочков Л. В.* Выборг между двумя войнами: Советский Выборг в 1940—1941 гг. // Страницы Выборгской истории: Краеведческие записки. Выборг, 2000. С. 360.

[6] Ленинградская правда. 1940. 27 марта.

[7] Полярная правда. 1940. 3 апреля.

[8] Труд. 1940. 9 апреля.

[9] *Степаков В., Балашов Е.* Указ. соч. С. 52.

[10] Там же. С. 24.

[11] Там же. С. 25.

[12] Ленинградская правда. 1940. 6 июля.

[13] Социалистическое земледелие. 1940. 11 июля.

[14] Красная Карелия. 1940. 26 июля.

[15] *Выскочков Л. В.* Указ. соч. С. 362—363.

[16] Там же. С. 361.

[17] РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 96—97.

[18] Там же.

[19] Там же. Д. 190. Л. 21—22.

[20] Там же. Д. 135. Л. 97.

[21] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 53. Д. 142. Л. 7.

[22] Там же.

[23] *Степаков В., Балашов Е.* Указ. соч. С. 65.

[24] ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 142. Л. 13—16.

[25] *Абдуллина С. А.* Возрождаясь из руин // Страницы Выборгской истории: Сборник статей. Книга вторая. СПб., 2004. С. 669.

[26] ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 105. Л. 283.

[27] Центральный военно-морской архив. Ф. 187. Оп. 022698. Д. 2. К. 7818. Л. 54—56.

Н. И. Барышников

СУДЬБА ЛЕНИНГРАДА НА КАРТЕ ФИНЛЯНДСКОГО РУКОВОДСТВА (1941—1942 гг.)

Минуло уже 60 лет после того, как в Финляндии завершился судебный процесс над виновниками войны — лицами из руководства страны, которые несли ответственность за соучастие ее в 1941—1944 гг. в гитлеровской агрессии. Многие из них имели прямое отношение к установлению жесточайшей блокады Ленинграда и последовавшей при этом гибели сотен тысяч его жителей. Весьма удивительным является поэтому то, что в финской историографии замалчивается факт этой виновности. Больше того, командующего финской армией маршала К. Г. Маннергейма называют даже «спасителем» города на Неве, поскольку он якобы проявлял «любовь» к нему и не осуществлял наступления на него с севера. А один из финских авторов, Эркки Вала, утверждал в свое время в журнале «Ууси Мааилма», что «маршал Финляндии не участвовал в блокаде Ленинграда, и именно поэтому произошло чудо: Ленинград выстоял» [1]. В настоящее время в таком духе распространяются, к удивлению, утверждения даже некоторых российских биографов маршала [2].

Ко всему этому следует добавить, что в Финляндии стали настойчиво выдвигать вопрос о полной реабилитации виновников войны и об объявлении недействительными итогов суда над ними. Подробно о такого рода тенденции писал в конце 2005 г. известный дипломат, российский посол в Финляндии в 1990-е гг., руководитель Центра Северной Европы РАН

Ю. С. Дерябин. «60 лет назад, — отметил он, — 15 ноября 1945 г., в “Доме сословий” столицы Финляндии начался процесс над лицами, виновными в вовлечение страны в войну против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии. В этой связи среди финнов нарастают настроения в пользу пересмотра итога процесса. Все чаще высказываются мнения о том, что для суда не было веских оснований, что приговоры нужно признать недействительными, отменить их, а осужденных — реабилитировать как “лиц, пострадавших за свой народ”» [3]. Речь идет именно об осужденных виновниках войны Финляндии с СССР — бывших высокопоставленных ее деятелях президенте Р. Рюти, премьер-министрах Ю. Рамсае и Э. Линкомиесе, министре В. Таннере и ряде других членов правительства военного времени, а также финском посланнике в Германии Т. М. Кивимяки.

Несостоятельность попыток обелить финских виновников войны особенно хорошо видна в связи с рассмотрением отношения государственно-политического и военного руководства Финляндии к судьбе Ленинграда, поскольку Гитлер намеревался не только взять его ударом с юга и севера, но также полностью уничтожить, а когда этого не удалось сделать, то город был подвергнут длительной, крайне жестокой блокаде.

О намерении уничтожить Ленинград финскому руководству стало известно уже 25 июня 1941 г., т. е. в день, когда принималось решение о вступлении Финляндии в войну. Днем ранее в Берлине финский посланник Т. М. Кивимяки вручил награду Финляндии — почетный знак «заслуженного летчика» — ближайшему соратнику Гитлера Герману Герингу. В ответ на это рейхсмаршал заявил, что немецкая армия глубоко вклинилась в территорию Советского Союза и ведет широкомасштабное наступление на восточном фронте. При этом было сказано, что в данной ситуации может получить Финляндия. В срочно направленной телеграмме в Хельсинки Кивимяки привел сказанное Герингом: «Мы можем взять что хотим, также Петербург», который, как и Москву, «лучше уничтожить» [4]. Эта телеграмма была передана из Министерства иностранных дел Финляндии президенту Р. Рюти, премьер-министру Ю. Рангелю, министру иностранных дел Р. Виттингу и маршалу К. Г. Маннергейму. Таким образом, начиная войну с СССР, эти

лица знали, какую судьбу определяло гитлеровское руководство Ленинграду.

Вопрос же о том, что финская армия должна вести наступление на Ленинград был уже полностью согласован между Генеральными штабами Германии и Финляндии. Еще 30 января 1941 г. начальник штаба немецких сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем служебном дневнике о достигнутой договоренности с Финляндией о скрытном проведении ею мобилизации и нанесении финской армией удара на ленинградском направлении [5]. Назначенный же командовать VI армейским корпусом на ленинградском направлении генерал-майор П. Талвела 5 июня 1941 г. получил сведения об участии финской армии в готовившемся нападении Германии на СССР от самого Маннергейма. «Когда я прибыл, — писал Талвела в своих мемуарах, — маршал объявил мне, что Германия на днях совершит нападение на Советский Союз... что немцы не просят нас ни о чем другом, кроме как нанести сильнейший удар в направлении Ленинграда...» [6]

Отдельные финские историки вопреки позиции официальной финской историографии, обеляющей Маннергейма, пишут о соучастии вооруженных сил Финляндии под его командованием в попытке овладеть Ленинградом в 1941 г. совместно с германской группой армий «Север». Это обстоятельно излагает весьма объективный финский военный историк Хельге Сеппяля в целом ряде своих исследований и прежде всего в книге «Финляндия как агрессор 1941 г.». Другой же автор А. Руси в своей диссертации подчеркивает особо позицию Маннергейма, говоря, что «в определении командующим общих оперативных планов в начальной стадии войны вопрос о взятии Ленинграда составлял сущность финско-немецкого сотрудничества» [7].

О какой же «любви» Маннергейма к Ленинграду можно вести речь, когда со вступлением Финляндии в войну финская армия по приказу маршала, знавшего уже о намерении Гитлера уничтожить город, развернула наступление с севера на ленинградском направлении?

В ходе осуществления намеченного плана наступления на Ленинград финские войска вышли 1 сентября 1941 г. со стороны Карельского перешейка к старой государственной границе,

проходившей по реке Сестре и, перейдя ее, после взятия Старого Белоострова стали продвигаться к Сестрорецку. Ожесточенные бои здесь продолжались до 9 сентября, пока Маннергейм не приостановил наступление. Но оно затем развернулось на перешейке между Ладожским и Онежским озерами, где финские войска стремились прорваться на соединение с немецкой группой армий «Север», соединения которой уже приближались с юго-запада. К моменту захвата ими 8 сентября Шлиссельбурга финские части вышли к реке Свирь. 11 сентября финская газета «Ууси Суоми» писала: «Когда немецкие войска захватили восточнее Петербурга Мгу, а финские войска достигли Свири, судьба Петербурга была решена».

В атмосфере царившего в Хельсинки ожидания скорого взятия Ленинграда был подготовлен даже текст выступления по радио, посвященного этому событию. Намечалось, что зачитать его должен был весьма сдержанный в отношении Советского Союза политический деятель Ю. К. Паасикиви. К тому же предполагалось, что Финляндия может быть привлечена к выполнению оккупационных функций в Ленинграде. Как отмечал председатель парламентской комиссии по иностранным делам профессор Вяйне Войонмаа, существовало мнение, что «Германия может потребовать от Финляндии 30 тыс. человек для несения полицейской службы в Питере после того, как он будет захвачен». И далее, со ссылкой на известных лиц — члена правительства В. Таннера, а также председателя парламента В. Хаккила указывалось: «Есть и такие, которые считают, что никакой полиции там не потребуется, поскольку Питер будет стерт с лица земли. Об этом всерьез говорил, в частности, Таннер, а Хаккила даже в восторге от такой перспективы» [8].

Действительно, положение Ленинграда, оказавшегося в блокаде, стало весьма критическим, но надежды противника, что он будет взят, провалились. Продвижение финской армии, достигшей к 21 сентября рубежа Свирьстрой-Подпорожье-Вознесенье, было приостановлено советскими войсками. Но в последующем в финской историографии изложение этих событий стало представляться таким образом, что приказ маршала К. Г. Маннергейма приостановить наступление финских войск определил дальнейшую судьбу Ленинграда. Он стал представляться «спасителем» его, отказавшись выполнять тре-

бование германского командования активизировать наступательные действия на ленинградском направлении.

В чем же реально заключались те факторы, которые обусловили поведение Маннергейма на данном этапе развития событий?

Такими являлись, по крайней мере, четыре фактора военно-политического характера: 1) на подступах к Ленинграду финская армия встретила возросшее сопротивление советских войск, заставивших ее остановиться, да к тому же в перспективе ей потребовалось бы прорывать Карельский укрепленный район; 2) возникли серьезные сомнения в возможности и способности немецких войск в дальнейшем взломать оборону города с юга; 3) в финских частях начало развиваться дезертирство и последовали отказы со стороны целого ряда солдат переходить рубеж старой государственной границы на Карельском перешейке, а также форсировать реку Свирь для дальнейшего наступления в глубь советской территории; 4) усилилось настойчивое требование со стороны США и Англии прекратить агрессию против СССР, а Черчилль обратился лично к Маннергейму с такой просьбой.

Поведение Маннергейма, естественно, согласовывалось с высшим государственно-политическим руководством Финляндии на каждом этапе хода войны. Вместе с тем сам он оказывал также существенное влияние на узкий круг лиц этого руководства и, прежде всего, на президента страны Ристо Рюти.

В связи с подготовкой Финляндии к войне Р. Рюти обсудил в узком кругу 30 мая вопрос относительно определения будущей финляндской границы на востоке. Было решено информировать Берлин о том, что этот рубеж видится таким: «Нева — Ладожское озеро — Онежское озеро — Белое море» [9]. Вообще же конкретной разработкой такой проблемы занимался в финском Генеральном штабе главный квартирмейстер генерал-майор А. Ф. Айро.

Ориентация финского руководства относительно того, что в перспективе граница должна проходить по Неве становилась для него к середине лета предметом весьма пристального внимания, поскольку финские войска прорывались на ближние подступы к Ленинграду. В июле доверенное лицо Г. Геринга подполковник Й. Вельтьенс в беседе с Р. Рюти вновь подтвердил ему следующее: «Территория Петербурга будет присоединена к Финляндии в тех границах, в каких Финляндия захочет...» [10]

К тому же Гитлер именно в это время довольно определенно дал установку на совещании Верховного командования Германских вооруженных сил как следует поступить в отношении Ленинграда. В день проведения указанного совещания, 8 июля, генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем военном дневнике: «Есть твердое решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землей...» [11] Это же подтвердил и М. Борман с уточнением: «На область вокруг Ленинграда претендуют финны; фюрер хотел бы Ленинград сравнять с землей, а затем передать финнам» [12].

Р. Рюти теперь и думать не хотел о каких-либо контактах с советским руководством в интересах прекращения кровопролития и достижения договоренности с СССР на новых условиях мира. Это особенно четко проявилось в начале августа, когда советское правительство, прибегнув к посредничеству США, решило предложить руководству Финляндии прекратить военные действия и достигнуть мира. И. В. Сталин в письме к Ф. Рузвельту от 4 августа сообщал: «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии. Советское правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор» [13].

Реакция на это была отрицательной с финской стороны, когда американский посланник в Хельсинки Г. Ф. Шоенфельд встретился с президентом Р. Рюти и передал ему советское предложение. Сразу же от Рюти последовал ответ, что с Москвой не может быть переговоров. «Ожидаемое взятие Ленинграда, — заявил он, — прояснит положение Финляндии на фронте» [14]. При этом им было добавлено, что таковое должно произойти через несколько недель.

Мысль о том, что новая граница Финляндии должна проходить по Неве, не покидала Рюти и в начале осени. В беседе с немецким посланником в Хельсинки В. Блюхером 11 сентября он подчеркивал, что территория Финляндии должна простираться до самой Невы, а произойдет это, если Ленинград

прекратит свое существование как крупный город[15]. Блюхер в свою очередь докладывал о взглядах финляндского президента в Берлин.

В условиях начавшейся блокады Ленинграда все требовательней проводилась линия Гитлера относительно необходимости уничтожения города. 21 сентября 1941 г. в директиве германского штаба ВМФ «О будущем города Петербурга» указывалось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли... Финляндия также заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у ее новой границы... Сравняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии»[16].

Уместно здесь указать, что в Национальном архиве Финляндии в фонде Р. Рюти сохранился заслуживающий внимания документ, имеющий отношение к сказанному выше. Это было письмо от 26 сентября посланника Финляндии в Берлине, адресованное финскому министру иностранных дел Р. Виттингу. Показательно, что оно отправлялось доверительно лично Виттингу. Но оказалось в конечном счете у Рюти и имело пометки на полях в той части, где говорилось как следовало поступать с Ленинградом. Кивимяки писал о «важнейшей для Финляндии цели войны». В качестве безотлагательной ее задачи, указывал он, «являлось взятие Петербурга». При этом, подчеркивал посланник, надо настаивать, обращаясь к Германии, чтобы «Петербург был полностью и окончательно уничтожен». Такая позиция с финской стороны, считал Кивимяки, могла способствовать реализации немецким руководством намеченной им цели стереть город с лица земли[17].

Хотя неизвестно как Рюти конкретно отреагировал на послание Кивимяки, но по той атмосфере, которую создавала финская печать в стране, можно судить о доминировавших взглядах в правительственных кругах и в ряде политических партий. 28 октября 1941 г. весьма распространенная в стране газета «Илкка», представлявшая влиятельную партию «Аграрный Союз», писала: «Петербург и Москва будут уничтожены еще до взятия их. К подготовительным действиям уже приступили». В фронтовой газете «Похьян Поика» 21 октября на первой полосе крупным шрифтом были выделены следующие слова о необходимости ликвидации Ленинграда: «Его уничтожение будет означать решающий исторический поворот в жизни финского народа»[18].

Вообще в это время, как писал упоминавшийся уже профессор Вяйне Войонмаа, «на гипотезе падения Питера» основывалась политика «всей официальной Финляндии»[19]. Но дальнейший ход событий в битве за Ленинград показывал полную несостоятельность такой политики. Особенно это почувствовалось в декабре 1941 г., когда немецкие войска потерпели поражение под Тихвином и рухнули надежды на соединение с ними финской армии. Все это произошло в обстановке разгрома германских войск на подступах к Москве и у Ростова-на-Дону.

Отражением наступивших перемен явилось явное проявление пессимизма в настроении главнокомандующего финской армии. Это отмечал находившийся в его ставке в г. Миккели представитель германского командования генерал В. Эрфурт. Но наиболее четко сказал о своей позиции К. Г. Маннергейм в своем письме родственнику, известному финскому дипломату Г. А. Грипенбергу. В феврале 1942 г. в письме к нему маршал писал, что «отказывается от наступления на Петербург, поскольку ни один русский никогда не забудет, если мы сделаем это»[20].

В свою очередь проявились перемены и в позиции президента Р. Рюти. Уже в мае 1942 г. В. Войонмаа писал по этому поводу так: «Рюти рассказывал, что некоторые поговаривают об уничтожении всего Питера, но было бы печально, если бы нашим вкладом в историю стало эдакое “уничтожение Карфагена”»[21].

Так выглядела эволюция во взглядах государственно-политического и военного руководства Финляндии на судьбу Ленинграда.

А как происходило в дальнейшем? Известный историк Финляндии профессор Туомо Полвинен назвал 1942 г. «годом выжидания»[22].

Реально же такие настроения стали исчезать, и брался курс на поддержку германского руководства, когда немецкие войска летом 1942 г. имели успех, выйдя к Сталинграду и вторгнувшись в пределы Кавказа. Оперативный план германского командования «Нордлихт», предусматривавший взятие Ле-

нинграда в 1942 г., не встретил в ставке Маннергейма отторжения. Больше того, как писал генерал Эрфурт, финский маршал выражал готовность предоставить свои силы в помощь германским войскам для наступления на Мурманскую железную дорогу. По словам немецкого генерала, в июле 1942 г. Маннергейм в этом отношении «однозначно поставил свое согласие на участие финнов в операции в зависимость от взятия Ленинграда» [23]. Кроме того, маршал способствовал тому, чтобы в период начавшейся летней навигации на Ладожском озере перерезать морскую коммуникацию, связывавшую Ленинград с Большой землей, парализовав снабжение города продовольствием судами Ладожской военной флотилии. Для этого специально использовались немецкие и итальянские суда типа самоходных десантных паромов и различного рода катеров, прибывших на Ладожское озеро в подчинение финского командования. Когда окончилась провалом их попытка захватить 22 октября 1942 г. остров Сухо, занимавший ключевое положение на морской коммуникации, связывавшей Ленинград с Большой землей, Маннергейм все же выразил благодарность участникам этого весьма опасного для Ленинградской Дороги жизни удара противника. «Маршал, — отмечал Эрфурт, — как старый кавалерист, прекрасно понимавший доблесть и безрассудную смелость, выразил свое одобрение их действиями поздравительной телеграммой, и кроме того, нанес визит немецким подразделениям в порту их стоянки» [24].

В финляндской историографии на протяжении многих десятков лет скрывается правда о поведении маршала Маннергейма в 1942 г., продолжает обычно приводиться мысль о том, что он якобы уже вообще не собирался наступать.

Но возвратимся в заключение к затронутому вопросу о суде в Финляндии над виновниками войны. Часто задается вопрос о том, почему в списке тех, кто оказался на скамье подсудимых, не было Маннергейма? Известно ведь, что когда определялся круг виновников войны, то финский судья на процессе по этому делу О. Петяус заявил, что, по его мнению, «военным преступником № 1 является Рюти, а военным преступником № 1а Маннергейм» [25]. Маршал, хотя и был в то время президентом страны, явно опасался оказаться в числе подсудимых и выехал из страны в Португалию, ссылаясь на ухудшившееся

здоровье. Вернулся же он в Хельсинки 2 января 1946 г. Это произошло после истечения срока, установленного для заведения дел на тех лиц, которые подлежали суду за военные преступления.

Известный финский историк профессор Охто Маннинен писал так: «Ясно, что Сталин не хотел привлечения Маннергейма к суду. Причины не известны» [26]. Официально же заместитель председателя Союзной контрольной комиссии в Финляндии, действовавшей там после заключения соглашения о перемирии, генерал-лейтенант Г. М. Савоненков заявил 27 января 1946 г. по указанию, полученному из Москвы, о позиции советского правительства относительно финляндского президента. Объяснялось, что с учетом позитивных действий Маннергейма при окончательном достижении мира, СССР не станет связывать его имя с ведением судебного процесса. Сам Маннергейм был уведомлен об этом [27].

Знание обстоятельств, связанных с личностью главнокомандующего финской армии, позволяет присоединиться к мнению известного эстонского историка Херберта Вайну о «многоликости» Маннергейма [28] и безосновательности льстивых оценок его деятельности некоторыми биографами. Тем более это относится к некоторым авторам, которые в своих публикациях пытаются безудержно воздавать похвалы по поводу роли его в «защите» Ленинграда. В этом смысле прав журналист А. Ерофеев, опубликовавший в «Парламентской газете» статью, озаглавленную весьма выразительно: «Пал миф о Маннергейме — “спасителе Ленинграда”» [29].

Действительно, когда идет речь о судьбе города-героя Ленинграде в годы Великой Отечественной войны, чрезвычайно важно очистить историю его борьбы от всякого рода мифологии, искажающей реальные события. Основой для этого являются во многом документы судебного процесса в Хельсинки над финскими виновниками войны.

---

[1] Uusi Maailma. 1963. N 9.

[2] *Йоффе Э.* Линии Маннергейма. СПб., 2005. С. 287; *Власов Л. В.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб., 2003. С. 138.

[3] *Дерябин Ю. С.* Преступники или жертвы: новые споры о прошлом // Независимая газета, 2005. 23 ноября.

[4] Ulkoasiainmisteriön arkisto (далее: UM). 12 L. Kivimäen sähkö 24.6.1941.
[5] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 343.
[6] *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa I. Jyväskylä, 1976. S. 269.
[7] *Seppälä H.* Suomi hyökkääjäna 1941. Porvoo; Hels.; Juva, 1984; *Rusi A.* Lehdistösensuuri jatkosodassa. Kokemäki, 1982. S. 144.
[8] *Войонма В.* Дипломатическая почта. М., 1984. С. 47.
[9] *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 295—296.
[10] *Manninen O.* Suur Suomen ääriviivat kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. 1941. Hels., 1980. S. 175.
[11] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 101.
[12] 900 Tage Blokade Leningrad. Leiden und Wiederstand der Zivilbevolkerung im Krieg. 2. Berlin, 1991. S. 68.
[13] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1986. С. 5; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы. М., 1984. Т. 1. С. 98.
[14] *Palm T.* Moskova, 1944. Jyväskylä, 1973. S. 21.
[15] См.: *Manninen O.* Op. cit. S. 259—260.
[16] Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. В 6 т. М., 1963. Т. 2. С. 91; *Фролов М. И.* Ленинград сравнять с землей (Планы политического и военного руководства Германии) // Ленинградская эпопея — феномен мировой истории. СПб., 1998. С. 10.
[17] Kansallisarkisto, Risto Rytin kokoelma. Suomen lähetystö Berliinissä, 26.09.1941: R. Wittingelle luottamuksellinen T. M. Kivimäki.
[18] См.: *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки, 2002. С. 118—119.
[19] *Войонмаа В.* Указ. соч. С. 71.
[20] Цит. по: *Manninen O.* Op. cit. S. 247—248.
[21] *Войонмаа В.* Указ. соч. С. 71.
[22] *Polvinen T.* Barbarossasta Teheraniin. Porvoo; Hels.; Juva, 1979. S. 133.
[23] *Эрфурт В.* Финская война. 1941—1944 / Пер. с нем. М., 2005. С. 106.
[24] Там же. С. 117.
[25] J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944—1956. Osa 2. Juva, 1985. PVK 29.9.1945. S. 128.
[26] *Маннинен О.* Маршал Маннергейм и причины войны // Север. 1992. № 11—12. С. 137.
[27] Pikkujättiläinen. Hels., 1995. S. 777.
[28] *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история. 1997. № 5.
[29] *Ерофеев А.* Пал миф о Маннергейме — «спасителе Ленинграда» // Парламентская газета. 2003. 22 марта.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

П. А. Кротов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ОСУДАРЕВОЙ ДОРОГЕ 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга)

Рубеж XX—XXI столетий отмечен всплеском интереса к истории Осударевой [1] (или Царской) дороги 1702 г. Новые сведения, наблюдения, выводы имеются в публикациях Ю. Н. Беспятых [2], М. Ю. Данкова [2], П. А. Кротова [4] и А. Л. Ларионова [5]. Под руководством М. Ю. Данкова более десятилетия ведется поиск и изучение следов трассы на местности. М. Ю. Данков справедливо характеризует Осудареву дорогу в следующих словах: «Не имеющий аналогов в мировой истории стратегический эксперимент» [6]; «уникальный инженерно-строительный эксперимент по возведению волока по ранее непроходимым местам» [7]. Историю Царской дороги 1702 г. прославил в героической поэме «Петр Великий» уже великий помор М. В. Ломоносов. Он посвятил царскому походу из Архангельска по морю к Соловкам, потом к селу Нюхча на берегу Белого моря, оттуда по новой дороге к Онежскому озеру и дальше к шведской крепости Нотебург/Орешек много вдохновенных строф:

Монарх наш, преходя Онежских крутость гор,
Свой проницательный кругом возводит взор.

Согласно эпической поэме М. В. Ломоносова, царь восклицал:

Спешу против врагов чрез горы и валы.

Во время шествия «надеждой, ревностью блистал геройский вид» великого преобразователя России и т. д.

Эпопея Царской дороги 1702 г. — важнейшая часть практического воплощения стратегического замысла Петра I — возвратить России выход к Балтийскому морю. Невероятно быстрое сооружение Осударевой дороги, проход по ней «лесами, мхами и болотами» царя Петра I с обширной свитой, пятью батальонами гвардейских полков и особенно волок на протяжении 160 верст (около 173 км) двух малых фрегатов, первенцев Балтийского флота, впечатлили современников и потомков. События, связанные с Осударевой дорогой 1702 г., стали прологом основания Санкт-Петербурга и начала Балтийского флота.

В чем же состояла суть замысла военной кампании 1702 г., который, собственно, и породил эпопею Царской дороги, многие обстоятельства которой еще и поныне окутаны плотной завесой тайны?

В конце 1701—1702 г. внимание царя было приковано к решению наиболее насущной военной задачи — отвоевать у шведов крепость Нотебург/Орешек, расположенную на небольшом острове в истоке Невы из Ладожского озера («намерение есть... Орешик доставать...» [8]). Эта крепость, основанная на северо-западных рубежах Руси еще московским князем Юрием Даниловичем в 1323 г., являлась естественно-географическим ключом к важным водным пространствам: реке Неве и обширному Ладожскому озеру.

Именным указом Петра I от 22 января 1702 г. предписывалось: «...в оборону и на отпор неприятельских свейских войск на Ладожское озеро сделать военных 6 кораблей по 18 пушек... а делать те корабли на реке Сяси, которая впала в Ладожское озеро...и на реке Паше, которая впала в Свирь, а Свирь в Ладожское озеро...» [9] Корабли эти, как сказано в указе, должны были использоваться для борьбы со шведской эскадрой, ежегодно приходившей на Ладожское озеро из Выборга. Разгром этой эскадры и вытеснение ее судов с Ладоги были необходимы для того, чтобы создать требовавшиеся условия для осады и штурма Нотебурга/Орешка летом — осенью 1702 г. Иначе рассчитывать на успех осады было невозможно.

Однако главную роль в воплощении замысла получить в руки осенью 1702 г. ключ к Балтийскому морю — крепость Нотебург/Орешек — призван был сыграть глубокий стратегиче-

ского значения обходной маневр. Ударная группировка русских войск (5 батальонов гвардии, около 4000 чел.) во главе с самим монархом должна была проследовать из Москвы к Вологде, далее по Сухоне и Северной Двине к Архангельску весной 1702 г. Этот маневр являлся тонко просчитанной военной хитростью.

Первая задача похода на север была вполне ясна (в том числе и для неприятеля) — защитить Архангельск от готовившейся в Гетеборге для повторного (после 1701 г.) нападения на этот важнейший русский город-порт шведской эскадры. Присутствие самого царя в составе этой группы войск для выполнения вышеназванной не столь сложной (после сооружения в 1701 г. Новодвинской крепости) задачи было, совершенно очевидно, вовсе не обязательно. Тем не менее царь действительно выехал из Москвы к Архангельску в ночь на 19 апреля и прибыл туда 17 мая 1702 г. Надо предполагать, русский монарх имел обстоятельно продуманное намерение «разыграть» шведского короля Карла XII, рассчитывая на то, что последний, получив сведения о северном направлении движения царя с войсками, решит, что Петр I перешел к стратегической обороне, боится действовать наступательно против победоносных шведских войск. Такая демонстративная потеря россиянами инициативы (намеренная и недолгая) должна была усыпить бдительность шведских властей, создать условия для благополучного исхода намеченной на осень осады крепости Нотебург.

Второй задачей кампании 1702 г., разгадать которую противоборствующей стороне было крайне трудно, как раз и являлся неожиданный для неприятеля выход осадного корпуса русских войск к Нотебургу и решительное овладение крепостью после массированной бомбардировки и обстрела из орудий. Осенью 1702 г., на исходе кампании, шведы уже не смогли бы сосредоточить для помощи этой крепости значительных военных сил.

Таким образом, замысел кампании 1702 г. предполагал дезинформацию противника относительно истинных намерений Петра I (овладеть Нотебургом/Орешком), для чего и предпринимался глубокий стратегический обходной маневр войск через Архангельск и Соловецкие острова, который неприятелю

сложно было предугадать и соответственно принять необходимые оборонительные меры. Стратегический маневр действительно усыпил бдительность шведов, ввел противника в заблуждение относительно настоящих планов царя и обеспечил столь нужную для успеха внезапность.

Для осуществления этого маневра была построена через непроходимые места дорога, получившая название «Осударевой», по которой были проведены войска и перетащены два боевых корабля из Белого моря в Онежское озеро.

«Гистория Свейской войны» повествует об этих событиях вкратце: «...Его Величество с... пятью баталионами гвардии августа в 5 день от города Архангелского учинил морем транспорт... мимо Соловецкого монастыря к деревне Нюхче, а оттоль сухим путем до... Повенца чрез пустыя места и зело каменистыя» [10]. 10 августа 1702 г. караван судов подошел к Соловецкому монастырю; 16-го снова двинулся в путь, а вечером прибыл к селению Нюхча (урочище Вардегора). 28 августа присутствие царя зафиксировано на берегу Онежского озера [11] (Повенец).

Столь значимое событие, как Царская дорога 1702 г., крайне слабо отражено во введенных в научное обращение исторических источниках. Как неизбежное следствие — обилие неразгаданных тайн августовского похода русского монарха. Из важных находок архивных материалов последнего времени следует выделить введение в научное обращение, можно сказать, «архива Осударевой дороги» — подборки донесений Петру I и писем ближнему боярину генерал-фельдмаршалу и адмиралу Ф. А. Головину, относящихся к 7—30 июля 1702 г., от гвардейцев, непосредственных руководителей обустройства трассы на местности. Государя и его «первого министра» осведомляли о ходе дел Преображенского полка поручик Афанасий Никитин сын Головкин, писарь Ипат Калинович Муханов, сержант Михаил Иванович Щепотев, адъютант Семеновского полка Михаил Яковлевич Волков. Интересные сведения содержит и донесение воеводы Олонецкого уезда И. Я. Яковлева дьяку Посольского приказа М. И. Родостамову от 9 июля 1702 г. [12]

Автору данной статьи в итоге многолетних поисков удалось обнаружить целый пласт неизвестных ранее ценнейших перво-

источников по истории Царской дороги 1702 г. Это делопроизводственные материалы вотчин Соловецкого и Крестного Онежского (Кийостровского) монастырей, по владениям которых прошла трасса знаменитой дороги: крестьянские челобитные, приговоры по ним монастырских властей и итоговые хозяйственно-финансовые документы названных монастырей. Названные источники самым удачным образом дополняют данные из уже введенной в научный оборот переписки гвардейских офицеров-устроителей Осударевой дороги. Теперь становится известным «массовый» материал о подробностях ее строительства и обслуживания крестьянами-поморами. Новый материал позволяет разглядеть действия и тяготы простых крестьян-поморов, выйти на изучение организационно-бытового уровня эпопеи Царской дороги.

Итак, что можно почерпнуть нового из обнаруженных источников?

Найденные материалы открывают некоторые подробности и, что не менее ценно в этом случае, подтверждают ранее сделанные заключения о характере проложенной трассы, показывают некоторые детали устройства пути для волока судов и прохода войск. Обратимся к «сказке» (рассказу) келаря Крестного монастыря монаха Памвы и казначея монаха Иоакима «з братьею» от 6 сентября 1702 г.[13] В документе говорится: «...монастырские ж наши крестьяне меж вотчинными волостми на грезях, и на мхах, и на речках, и на протоках мосты мостили, и дороги розчищали вновь шириною в три сажени, и признаки ставили, работали недели по три и по четыре человек ста с три и болше. И до сего числа те дороги починивают и мосты крепят почасту, потому что морскою погодою на речках мосты разбивает»[14]. По смыслу текста, эти слова относятся к участку трассы, пролегавшему по монастырским владениям («меж вотчинными волостми»). Иными словами, имеется в виду завершающая часть дороги, шедшей от Архангельска на запад, придерживаясь берега Белого моря, к устью реки Онеги и далее к Нюхче. Дальше в «сказке» речь идет о собственно новопроложенной Царской дороге от Нюхчи до Повенецкого рядка: «И от Нюхоцкой волости к Онегу-озеру, к Повенцу, впрямь чрез суземок вновь дорогу просекали и чистили и мосты мостили многими ж крестьяны многое время»[15].

В челобитной крестьян Нижмозерской волости в Соловецкий монастырь о распределении государевых работ по волостям (1703 г., апрель) написано: «В прошлом... 1702-м году по указу великого государя мы, сироты, мостили мосты... и дорогу чистили, и коренье высекали в ширину на три сажени и болши, работали четыре недели...»[16]

Поныне остается невыясненным: сколько людей сооружали и обслуживали Царскую дорогу в 1702 г.?

Народные предания нередко упоминают невероятно большое число работников-строителей. Служащий лесного ведомства Г. Родин записал около 1833 г. со слов местных жителей рассказ, что «якобы такое множество было людей при устройстве мостов, что на каждого человека досталось положить в течение всей дороги одну перекладину»[17].

Сохранившиеся делопроизводственные материалы Крестного Онежского монастыря дают уникальную возможность привести статистические (!) данные о численности работников во время эпопеи Осударевой дороги. Трудовой вклад крестьян вотчин Крестного монастыря обобщен в «Книгах перечневых», законченных в январе 1703 г. Подсчеты дали следующие итоги. На сооружении трассы Царской дороги работали с 13 июля 1702 г. в течение трех—семи недель 668 поморов. О трудовом подъеме поморов свидетельствует условная формулировка: «...работали днем и ночью безпременно». Люди жили «за своим хлебом и харчем». В возмещение затрат монастырские власти платили «на всякую неделю всякому человеку по пятнадцати алтын»[18] (45 коп.). Еще 369 поморов (из 17 монастырских волостей) были посланы до Повенца «в проводники за лошадми». Подводчики служили от восьми до девяти недель «с проходами» (включая путь до места работы и обратно). Недельная плата подводчикам была «по четыре гривны» (40 коп.) человеку и еще столько же на содержание лошади[19]. Перевозки необходимых грузов «на соймах и на судах» к пристани у Вардегоры осуществляли 112 поморов — кормщиков и работных людей. Они работали на протяжении двух недель тоже «за своим хлебом и харчем». Наем этих работников равнялся «по полтине человеку на неделю, а на суды по рублю»[20]. Еще 40 человек в течение 13 недель также «за своим хлебом и харчем» жили на устье реки Онеги «для перевозу государевых

служивых людей», солдат, лошадей и содействия почтовой гоньбе. Их недельная оплата составляла 11 алтын и 4 деньги [21] (35 коп.). На трех ямах — почтовых станциях, располагавшихся в вотчинах Крестного монастыря, несли службу с 1 июля 1702 г. 12 крестьян-«почтарей» [22].

Если подвести общий итог, то из вотчин Крестного монастыря, размещавшихся по берегам Онежского залива Белого моря, согласно изученному документу, в работах разного рода по прокладке и обслуживанию Царской дороги в 1702 г. принял участие 1201 человек.

Строили и обслуживали Царскую дорогу во второй половине 1702 г. не только поморы из волостей Крестного монастыря, но и из не менее обширных вотчин Соловецкого, других монастырей, множества черносошных волостей, по которым подобные статистические данные еще не выявлены. При таком уровне источниковедческой разработки вопроса есть основания с доверием воспринимать количественные данные, приведенные знатоком истории Царской трассы старым помором из Нюхчи Ф. Г. Поташевым. Старик очень подробно рассказал спустя полтора столетия, в 1856 г., путешествовавшему в этих краях С. В. Максимову о событиях 1702 г. Как это ни удивительно, его повествование хорошо соотносится с данными документальных и летописных источников. Ф. Г. Поташев сказал так: «...из разных мест народ пригнан был, несколько тысяч» [23].

Эпопея Осударевой дороги 1702 г. легла тяжелым бременем на хозяйства поморов. К примеру, крестьянские волости Крестного монастыря выслали на работы во второй половине года, как показали подсчеты, 649 лошадей [24]. Из них погибли 153 лошади — 24% [25]. Павшие на работах лошади были оценены в 692 руб. 14 коп. В «Книгах перечневых» говорится: «В прошлом же 1702-м году летом в разных месяцех и числех, что по имянному великого государя указу и по приказу Преображенского полку Бонбодерской роты салдата Михаила Ивановича Щепотева были с вотчин Крестного монастыря со всех волостей взяты лошади с хомуты, и со шлеями, и з дуги, и с ужищами в Нюхоцкую волость и из Нюхоцкой волости ходили в подводах под началными людми, и под салдатами, и пот казною великого государя к Повенцу пути по два и по три. И во множестве лошадином от безкормицы, и от гладу, и от солнечного

зною изнемогли, и, идучи с Повенца, померло тех лошадей многое число, и хомуты, и дуги во множестве в ыстери» [26].

Исследователям Царской дороги доныне не удавалось найти документальные свидетельства по важному вопросу: погибли ли на ней в 1702 г. люди?

Теперь такое надежное свидетельство (правда, единичное) найдено. В документе «Тетрать, сколько Крестного монастыря в вотчинах в умолоте какова хлеба, и накошено сена копен в прошлом 702-м году, и сколько к нынешнему 703-му году посеяно ржи» ярко изображены реальные тяготы крестьян в связи с прокладкой и функционированием Царской дороги. Вот выдержка из источника: «...в прошлом 702-м году по указу великого государя высланы были Крестного монастыря крестьяне и бобыли... в Нюхотскую волость для дорожного чищенья новоучиненной дороги из Нюхотской волости к Повенцу в самое сенокосное время и за лошадми в подводах выслано было многое число, а меж волостми для дорожного ж чищения поголовно от велика до мала, и работали во все сенокосное время. А инные сенные покосы по новоучиненной дороги подводными прохожыми лошадьми покормлены. А досталые некошеные сена и под снег пошли, потому что, *с Повенца идучи, в дороге многие люди и с лошадьми от гладу померли* (выделено нами. — *П. К.*), а которые и пришли, и те от прежние хлебные зябели (гибель посевов от холода. — *П. К.*) и от нынешние великие засухи гладом же помирают, а инные врознь розбрелись» [27].

Таким образом, «многие люди» погибли на обратном пути от Повенца в холодное время, поздней осенью 1702 г. Как уже сказано, из волостей Крестного монастыря всего послали до Повенца «в проводники за лошадми» 369 поморов. Летом же, когда все трудоспособное мужское население волостей Крестного монастыря «от велика до мала» выслали «для дорожного ж чищения» в пределах владений монастыря (то есть поблизости, «меж волостми»), погибших среди крестьян-поморов не было. Во всяком случае, источник ничего не говорит о гибели людей летом 1702 г. при сооружении Царской дороги. Сколько же конкретно мужчин, сопровождавших лошадей с подводами до Повенца и назад, умерло от холода и голода, остается неизвестным. Когда известный путешественник В. Н. Майнов,

находясь на месте, где пролегала Осударева дорога (1875), спросил местных жителей, гребцов его лодки, выясняя их отношение к «факту», как он предполагал, гибели при ее сооружении и волоке по ней двух военно-морских кораблей тысяч людей, то получил поразивший его своей неожиданностью ответ.

— Много тут народу сгибло по его воле, — начал «сложный» разговор путешественник.

— Много! Ну, да и то сказать, кабы они не сгибли, так и дело такое никогда бы не сделалось! Чего им — все бы равно померли, а тут по крайности у дела [28].

Обнаруженное в бумагах Крестного монастыря «дело» 1703 г., как представляется, показывает исток одного дожившего до наших дней в устной передаче поморского рассказа. Он записан у жительницы Нюхчи П. Е. Поповой в 1970 г. Вот его начало и суть.

«Еду в поезде, а проводник меня и спрашивает:

“Ты откуль?”

Говорю: “Из Нюхчи”.

“О! У Петра Первого кафтан украли”» [29].

4 октября 1703 г. бобыль Сумского Острога Иван Васильев сын Грезин бил челом «властям» Соловецкого монастыря о следующем: «...в прошлом 1702-м году был я, сирота ваш, на государевой мостовой поделке, и, будучи я в Нюхче, отдал я, Иван, на монастырском дворе повару кавтан серой новой, цена 13 алтын 2 де (деньги. — *П. К.*) да топор, и ныне мне он, повар, того моего кавтана и топора не отдает, сказывает он, что у него тот кавтан и топор нюхоцкой приказной старец взял, а я, сирота ваш, ему приказному старцу, бил челом весною, и он мне топора и кавтана не отдал» [30]. И. В. Грезин просил обязать монастырского слугу-повара вернуть за кафтан деньги («потому что тот мой кавтан носит слуга год целой») [31]. В тот же день последовало распоряжение приказному старцу Диодору, пребывавшему в Нюхче, изъять кафтан, предмет спора, у повара и вручить челобитчику, «а буде изношен, отдать ему новой таков же кавтан, также и топор ему выдать» [32].

Об «истории», имевшей место в действительности в 1702—1703 г., до возникновения байки о жителях Нюхчи, похитивших кафтан великого преобразователя России, передававшейся из уст в уста, можно думать, на протяжении уже трех столетий, всего один шаг. С Петром I, своеобразным «народным героем», связано огромное число преданий, баек, сказок, песен и др. Для рождения изложенной выше «истории», похоже, удалось найти «первотолчок» в монастырских бумагах начала XVIII в.

Недавно в исторической литературе появились утверждения, что перетаскивания по Царской дороге малых фрегатов «Св. Дух» и «Курьер» в 1702 г. просто не было! Мысль высказана М. Ю. Данковым. Исследователь полагает: «...легенды о волоке каких-либо судов по Осударевой дороге в августе 1702 г. образовались позже, очевидно, не без влияния таинственного перетаскивания какой-то английской яхты в феврале 1703 г.» [33]; «...специалистам пока не доступны прямые источники, указывающие на факт волока кораблей, участие их в осаде Нотебурга...» [34] Как представляется М. Ю. Данкову, Петр I, прибыв к морской пристани у Вардегоры, «понял абсурдность и бесперспективность возможной организации волока по сложной пересеченной местности морских фрегатов, имеющих... размерения корпуса... 21,3 × 5,5 × 2,7 м» [35]. В его новейшем очерке 2006 г. эта мысль утверждается столь же решительно: «...летописные и фольклорные сведения о волоке “по сухой настилке” этих кораблей до сих пор не подтверждаются ни одним прямым архивным источником. В то же время для многих современных исследователей тексты легенд по-прежнему выступают не артефактом, а достоверной информацией» [36]. Общий вывод исследователя категоричен: «Архивными данными, иконографическим материалом, эпистолярными источниками, как и выводами, полученными в ходе исследовательской работы на местности по научному проекту «Осударева дорога» (г. Петрозаводск), факт волока морских фрегатов по землям Карелии, к сожалению, не подтверждается» [37].

М. Ю. Данков полагает, что поморы Нюхоцкой волости в своей «сказке», данной в 1709 г., реальный факт волока в 1703 г., спустя год после прокладки Царской трассы, двух буеров, которые были подарены русскому монарху голландскими купцами И. Любсом и Х. Брантом, «с легкостью приписали личности Петра I» [38].

Разберем предложенное М. Ю. Данковым новое истолкование источников о волоке двух фрегатов по Осударевой дороге в 1702 г., используя найденные архивные источники.

Автором этих строк в архиве выявлена челобитная поморов, ранее не использовавшаяся в научных трудах, в которой прямо и недвусмысленно зафиксирован факт волока судов по Осударевой дороге в 1702 г. Крестьяне Нюхоцкой волости жаловались властям Соловецкого монастыря 15 сентября 1702 г.: «А как... великого государя путное шествие учинилося, и тогда и их, нюхоцких, лошадей в подводы и с людми побрали и многие лошади их вовсе погибли, потому что лошади летом иззаезжены, а людей, что было в волосте, всех, головами *болши ста человек, взяли судов провожать сухим путем к Повенцу*» (выделено нами. — *П. К.*) [39]. Итак, одно прямое упоминание в исторических источниках 1702 г. о волоке кораблей по Царской дороге в том году теперь известно.

Теперь об утверждении М. Ю. Данкова, что жители Нюхоцкой волости в своей «сказке» 1709 г. «с легкостью приписали личности Петра I» (то есть событиям 1702 г.) состоявшийся годом позже, в 1703 г., волок двух судов.

«Сказка» была дана властям в 1709 г., спустя несколько лет после легендарного перехода, его современниками и участниками. От имени выборных Я. Елфимова, Р. Поташева, И. Камбалина, Ф. Корманова, Т. Шмакова, А. Емельяновых, К. Стефанова «и всех крестьян» Нюхоцкой волости в ней говорится: «А в прошлые 702-й и 703-й годы к работе тое дороги и к мощению работные люди браны были с Каргополского, и с Олонецкого уездов, и с Лопских погостов, и с Соловецкой вотчины, и со всего Поморья. И мосты были крепкие. И по тое дороги наперед сего провожали буяры всем Поморьем. И мосты были тверды, и буяры поднимали, а под всякою буярою ходило подвод-лошадей по сту с подвотчики, да сверх ходило работных пеших человек по сту для тяги буяр» [40]. Поводом для подачи поморами «сказки» в 1709 г. стало то, что «на Нюхоцкую пристань» пришла заморская яхта, которую ее командир И. Балтруков, как жаловались поморы, «мирским людем... с принадлежащими потребами велит провожать до Онега-озера Нюхоцкою волостью» [41]. Власти, следовательно, хорошо помнили об успехе волока судов по Царской дороге в 1702 и 1703 гг.

Петербургский губернатор А. Д. Меншиков, от которого исходил в 1709 г. указ, был участником прохода войск по Царской дороге в 1702 г.

Поморы писали в «сказке» 1709 г. о волоке по Царской дороге двух судов в 1702 г. и двух в 1703 г. не случайно. Это соответствовало исторической реальности. О волоке 1703 г. также найдены новые свидетельства. 1 июля 1703 г. в Нюхчу прибыл адъютант Семеновского полка М. Я. Волков и именем шлиссельбургского губернатора А. Д. Меншикова послал оттуда в Сумский Острог приказ. Суть его сводилась к следующему. В Сумском Остроге следовало держать в готовности к отправке морем «двести человек крестьян для выгруски ис кораблей под Вардегору и для проводин заморских судов... и всяких потреб от морской пристани до Повенецкого рядку» [42]. В челобитной от 21 октября 1703 г. жители Сумского Острога известили власти Соловецкого монастыря о проделанных в том году работах на «новопостроенной Государевой дороге». Слова из названной челобитной поморов скупы на подробности: «...а мы на Повенец не один путь ходили и буеры сами на себе до Повенца тянули и тот случей провожали до глухой осени» [43].

Единственная неточность в «сказке» 1709 г. в том, что поморы, вспоминая о своем участии в волоке судов в 1702 и 1703 гг., все протащенные тогда до Повенецкого рядка суда обобщенно назвали буерами.

Почему был допущен такой «сбой», можно объяснить. Определение типа тянувшихся волоком судов в понимании крестьян зависело в первую очередь от числа мачт. Если три мачты — значит, малые фрегаты, две мачты — шнявы, одна мачта — яхты или буеры. Тащили по Царской дороге в 1702 г., безусловно, только пустые корпусы кораблей без мачт, такелажа, артиллерии и др. Очевидно, именно это обстоятельство привело к тому, что перетащенные волоком корабли именуются в источниках по-разному: суда, фрегаты, яхты, буеры. Петр I перед испытанием в море именовал только что построенные корабли «Св. Дух» и «Курьер» — «два малые фрегата» (1702 г., июня 5). Адмиралтейский комиссар в Архангельске Е. Е. Избрант также называл их фрегатами (1702 г., июля 10) [44]. После ходовых испытаний, можно думать, фрегаты переоснастили как яхты (с одной мачтой).

Именно яхтами «Св. Дух» и «Курьер» названы в записи о волоке 1702 г. в Двинской летописи: «...люди тянули две яхты на себе от взморья до повенецкой пристани» [45]. Оснащенными как яхты (с одной мачтой) эти корабли показаны и на российской гравюре анонимного автора, изображающей штурм крепости Нотебург/Орешек в октябре 1702 г. Эта малоизвестная гравюра имеет название на немецком языке «Prospect von der Belagerung Notheburg» (Вид осады Нотебурга). Она явно была напечатана вскоре после овладения крепостью с пропагандистской целью. Переданные гравером очертания корпуса исторических судов очень сходны с внешним видом половинчатой модели «Курьера» из собрания Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге: небольшое кормовое и баковое возвышения, похожие контуры форштевня и ахтерштевня [46]. Что музейная модель «Курьера», одного из кораблей-близнецов, относится к XVIII столетию, сомнений нет. При передаче из собрания Модель-камеры в Морской музей в 1809 г. она охарактеризована так: «Половинчатая на доске фрегата о 12-ти пушках, именуемаго “Курьер”, построеннаго у города Архангельска англинскими мастерами в 1702 году, одна» [47].

Таким образом, титаническое деяние крестьян-поморов — волок по Осударевой дороге в 1702 г. малых фрегатов «Св. Дух» и «Курьер», построенных на Соломбальской верфи вблизи Архангельска, засвидетельствовано надежными первоисточниками. Что первоисточников начала XVIII в. касательно овеянного легендами волока до сего дня выявлено немного — это приглашение к продолжению поисков в архивах.

Осударева дорога 1702 г. — важнейшая часть великого замысла царя-преобразователя по прорыву страны к берегам Балтийского моря, основанию столичного города Санкт-Петербурга, сооружению процветающих торговых гаваней, созданию сильного военно-морского флота. Замысел был с блеском осуществлен. Российский монарх получил в руки ключ для его воплощения. После непродолжительной осады крепость Нотебург/Орешек была взята российскими войсками в ходе упорного многочасового приступа 11 октября 1702 г. Крепость сразу же получила новое символическое имя: Шлиссельбург (нем. Ключ-город). Значение потери Нотебурга было тогда же верно оценено в правящих верхах Швеции. Члены

Королевского совета писали Карлу XII 20 ноября (ст. ст.) 1702 г. об очевидных ближайших последствиях этого события: русские «могут, спаси Боже, овладеть Нюенскансом [48] и там или в другом месте устроить себе морской порт на Балтике» [49]. Близилось время рождения Санкт-Петербурга — города воплощенных мечтаний Петра I, будущей столицы Российской империи.

Обнаруженные автором данной статьи архивные материалы позволяют более отчетливо высветить некоторые из многочисленных туманных обстоятельств легендарной эпопеи 1702 г. Найденные материалы о действиях поморов из вотчин Соловецкого и Крестного Онежского монастырей намечают исследовательскую перспективу — поиск ныне неизвестных архивных источников по истории Царской дороги 1702 г.

---

[1] Название «Осударева» носит исторически обусловленный характер и восходит к произношению поморами слова «Государева». Так дорога именовалась в народных преданиях Русского севера. Такое название употреблялось известными писателями и историками XX в., например М. М. Пришвиным.

[2] *Беспятых Ю. Н.* Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 31—62.

[3] *Данков М. Ю.* 1) Загадки «Осударевой дороги» // Север. 1996. № 7. С. 94—111; 2) О некоторых аспектах строительства «Осударевой дороги» 1702 г. // Изучение памятников морской археологии. Вып. 3. СПб., 1998. С. 201—209; 3) Архиепископ Афанасий — автор проекта «Осударевой дороги» // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Архангельск, 1999. С. 242—247; 4) Адриан Шхонебек и «Осударева дорога» // Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. С. 174—180; 5) Об организации по «Осударевой дороге» таинственного волока «буяр» полковником М. Бордовиком в 1703 году // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб., 2004. С. 121—133; 6) Неистовый гвардеец царя Петра // Петровское время в лицах-2004: Материалы науч. конф. СПб., 2004. С. 122—130; 7) «Вольные каменщики» и феномен «Осударевой дороги» 1702 г. // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха: Материалы Всеросс. науч. конф. (12—14 мая 2004). Ч. II. СПб., 2004. С. 12—15; 8) Карт-бланш царя на карельский поход 1702 года // Петровское время в лицах-2005: Материалы науч. конф. СПб., 2005 С. 112—121.

[4] *Кротов П. А.* 1) Зарождение регулярного флота на Балтике // История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. Гл. 8. С. 87—90; 2) Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. С. 77—78; 3) Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 178—220; 4) Царская (Осударева) дорога // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2001. Т. 1. Кн. 2. С. 491 —492.

[5] *Ларионов А. Л.* Малые фрегаты «Святой Дух» и «Курьер» (к истории Осударевой дороги 1702 г.) // Русский Север и Западная Европа. С. 221—228.

[6] *Данков М. Ю.* Об организации по «Осударевой дороге» таинственного волока «буяр» полковником М. Бордовиком в 1703 году. С. 122.

[7] *Данков М. Ю.* О некоторых аспектах строительства «Осударевой дороги» 1702 г. С. 205.

[8] Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 3—5.

[9] Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. 1. С. 3.

[10] Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 222—223.

[11] Походный журнал 1702 года. СПб., 1853. С. 1.

[12] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 1, 1702 г. Д. 109. Л. 2—23; Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Д. 53. Л. 336—336 об. Выдержки либо сведения из перечисленных документов опубликованы: *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 г. С. 178—220.

[13] РГАДА. Ф. 1195 (Крестный Онежский монастырь). Оп. 4. Д. 2. Л. 38—39 об.

[14] Там же. Л. 38 об.

[15] Там же.

[16] Там же. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Д. 1704. Л. 77.

[17] *Родин Г.* Описание дороги Петра Первого чрез Повенецкий уезд // Прибавление к Олонецким губернским ведомостям. Петрозаводск. 1841. № 28. Часть неофиц. С. 154.

[18] РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 650. Л. 7—10.

[19] Там же. Л. 12 об.—22.

[20] Там же. Л. 10 об.—11.

[21] Там же. Л. 11 об.

[22] Там же. Л. 30 об.

[23] Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Л., 1978. С. 157.

[24] РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 650. Л. 13—22.

[25] Там же. Л. 23—26 об.

[26] Там же.

[27] Там же. Д. 669. Л. 7 об.—8.

[28] *Майнов В. Н.* Поездка в Обонежье и Карелу. СПб., 1877. С. 240—241.

[29] Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). С. 160.

[30] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1704. Л. 151 об.—152.

[31] Там же. Л. 152.

[32] Там же.

[33] *Данков М. Ю.* Тайны яхты «Transport Royal» // «Мы были!». Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха... Ч. I. С. 48.

[34] *Данков М. Ю.* Неистовый гвардеец царя Петра. С. 124.

[35] *Данков М. Ю.* Об организации по «Осударевой дороге» таинственного волока «буяр» полковником М. Бордовиком в 1703 году. С. 125.

[36] *Данков М. Ю.* Тайны Золотой яхты // Север. 2006. № 7—8. С. 49—50.

[37] *Данков М. Ю.* Об организации по «Осударевой дороге» таинственного волока «буяр» полковником М. Бордовиком в 1703 году. С. 124.

[38] Там же. С. 128.

[39] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1704. Л. 43—43 об.

[40] Там же. Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее время и к высоким особам на русском языке). Оп. 1, 1709 г. Д. 10. Л. 21 об.

[41] Там же. Л. 21.

[42] Там же. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1704. Л. 134 об.

[43] Там же. Л. 154.

[44] *Кротов П. А.* Осударева дорога 1702 г. С. 209—213.

[45] О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... из царствующаго града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении новаго храма и сей крепости. М., 1783. С. 105.

[46] *Кротов П. А.* Зарождение регулярного флота на Балтике. С. 90; *Кротов П. А.* Соломбальская верфь в начале XVIII столетия. С. 78; 3. Осударева дорога 1702 г. С. 209—213.

[47] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 578 (Морской музей имени императора Петра Великого). Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

[48] Нюенсканс (нем. Ниеншанц) — шведская крепость при впадении реки Охты в Неву.

[49] Brefvexling mellan konung Carl XII och Redet // Historiska handlingar. Stockholm, 1862. D. 2. S. 222.

И. Г. Дуров

ПРОВИАНТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА ШВЕЦИИ В СЕВЕРНУЮ ВОЙНУ

Иностранцы, побывавшие или продолжительное время жившие в Петровской России, современники-россияне, описавшие свои непосредственные впечатления в форме записок, дневников, сочинений или мемуаров, отечественные историки, изучавшие боевые действия вооруженных сил России в Северную войну, в своих работах, так или иначе, затрагивали тему снабжения провиантом войск и флота [1]. При этом большинство исследователей, занимающихся изучением подготовки и проведения военно-морских, а также совместных операций флота и армии, неохотно признает, что провал стратегических замыслов нередко связан с неподготовленностью боевых сил в провиантском отношении.

Только в фундаментальной монографии известного ученого, одного из основателей «русской школы» военной историографии А. З. Мышлаевского, исследовавшего совместные действия армии, корабельного и галерного флотов в Финляндии в 1712—1714 гг., установлено, что наибольшие трудности войскам и галерному флоту пришлось преодолеть в провиантском обеспечении. Ученый показал, что начало операции, сроки ее проведения в Финляндии, боевая готовность и боеспособность войск и сил флота, находились в прямой зависимости от уровня провиантского обеспечения, возможностей командования по накоплению запасов продовольствия в распределительном и промежуточных магазинах, в полевых складах, создаваемых для непосредственного довольствия экспедиционного корпуса [2].

Им же рассматривается и провиантское обеспечение воинских частей шведской армии, дислоцировавшейся в Финляндии. Ряд сведений, касающихся провиантского обеспечения шведских войск в Северной войне, содержится в книге М. М. Бородкина «История Финляндии. Время Петра Великого» [3].

Вместе с тем отечественных исследований провиантского обеспечения другого вида вооруженных сил шведского королевства, военно-морского флота, который свыше десяти лет осуществлял жесткую морскую блокаду Санкт-Петербурга [4], препятствуя торговле России с западноевропейскими странами, до настоящего времени не проводилось. Хотя в ряде работ содержатся достаточно разнообразный фактический материал, раскрывающий вопросы питания, быта военных моряков, изменения нормирования пайков, размеры запасов продовольствия и посуды на шведских кораблях, способы удовлетворения военнослужащих шведского флота морской провизией и сухопутным провиантом, мероприятия проводившиеся командованием по пополнению запасов в море [5].

Однако сведения, касающиеся провиантского обеспечения ВМФ Швеции, изложенные в работах вышеупомянутых авторов, фрагментарны и не позволяют полностью сформировать представление по данной теме. Выявленные же в федеральных архивах новые материалы позволят в определенной мере осветить мероприятия, осуществлявшиеся по провиантскому обеспечению ВМФ Швеции в Северную войну 1700—1721 гг.

Противник России — Швеция к началу XVIII в., достигнув пика своего политического, экономического и военного могущества, доминировала в Балтийском регионе. Имея мощный военно-экономический потенциал, шведы создали сильную армию и первоклассный военно-морской флот. Шведское королевство, обладавшее в 1700 г. населением около 2 млн жителей, содержало большую по численности армию, где служили около 45 000 чел. Шведский военно-морской флот в 1700 г. насчитывал 38 линейных кораблей (2502 пуш.), 12 фрегатов, 13 713 матросов и 2383 морских солдат в экипажах [6], имел хорошую материальную часть, современное артиллерийское вооружение, был укомплектован обученным офицерским составом и по праву считался одним из сильнейших флотов Европы.

Кроме того, шведское королевство обладало многочисленным коммерческим флотом (до 900 судов, из них, по состоянию на 1697 г., 111 морских судов водоизмещением свыше 100 ластов[7]), что позволяло осуществлять оперативные перевозки войск и запасов материальных средств морем. Некоторые из торговых судов могли быть быстро переоснащены и использованы для военных целей. Швеция пользовалась дипломатической поддержкой Турции, Франции, Англии и Голландии[8].

Богатые хлебом провинции (Лифляндия, Померания), быстро восстановившиеся от неурожаев 1695—1697 гг., и непосредственно сельскохозяйственные угодья в южной Швеции (Сконе и Халланд), животноводческие ресурсы Финляндии практически полностью обеспечивали потребность северного королевства в продовольствии. Только из одной Лифляндии в конце XVII в. обязательные ежегодные поставки провианта в магазины армии и флота достигали до 10 000 шведских бочек ржи и до 5000 бочек овса[9].

Поражение 19 ноября 1700 г. русской армии под Нарвой показало, что, наряду с ее неподготовленностью к войне, противник опирался на мощную систему крепостей, расположенных на берегах Чудского, Ладожского озер и Балтийского моря. Абсолютное господство шведского флота на море позволяло перебрасывать резервы на угрожаемые участки, производить высадку десанта, осуществлять, осажденным с суши гарнизонам подвоз из метрополии снаряжения, боеприпасов и продовольствия.

На протяжении почти двух десятилетий русскими дипломатами отслеживалось состояние провиантского обеспечения экипажей кораблей военно-морского флота Швеции, которое на различных этапах Северной войны имело существенные особенности.

В начальный период (1700—1709 гг.) плавсостав практически не испытывал трудностей, связанных с котловым довольствием нижних чинов и своевременным получением офицерами столовых денег. Причем матросы и унтер-офицеры на базе и в море получали суточный рацион, в котором преобладали мясные и молочные продукты, их калорийность с избытком возмещала энергетические затраты.

Существенным недостатком шведских кораблей являлись малые емкости продовольственных кладовых, что не позволяло создавать значительные запасы морской провизии, особенно для длительного плавания. Так, в 1701 г. шведы предприняли попытку захватить и разрушить Архангельск, единственный русский морской порт, через который велась торговля с западноевропейскими странами, эскадрой из 3 фрегатов, шнявы, 2 галиотов и флейта (всего 127 пушек; 828 человек). Русские войска (около 700 чел.) на гребных судах при поддержке артиллерии Новодвинской крепости 25—26 июня того же года в устье Северной Двины захватили шняву и галиот с 13 орудиями, после чего шведы были вынуждены поспешно возвратиться в Гетеборг. Эскадра располагала ограниченными запасами морской провизии, обеспечивающими экипажи только на полтора месяца. 1 и 5 июля 1701 г. шведы, уходившие после неудачной попытки уничтожить Архангельск, дважды высаживались на берег, где захватили у поморов 24 коровы, 4 телки, 17 телят, 30 оленей, 63 овцы, 6 бочек ржаной муки, 400 штук соленой трески, 100 лососей, и также пополнили запасы воды и дров[10].

Первоначально продовольственные ресурсы Швеции позволяли Адмиралтейству учреждать в морском пайке ненормированный отпуск круп, соли «по удовольствии» (см. табл.).

Таблица

Ассортимент и количество продуктов, входивших в пищевой рацион нижнего чина военно-морского флота Швеции, служившего на кораблях, до принятия 6 февраля 1716 г. Адмиралтейств-советом в Карлскруне «Каждедённого кормового уложения»[11]

Наименование продуктов	Единица измерения	Количество на одного человека
Хлеб или сухари	фунт	80/40 в месяц
Крупа гречневая	фунт	По потребности
Горох	фунт	По потребности
Мясо соленое	фунт	8 фунтов на 7 человек в сутки

Продолжение табл.

Наименование продуктов	Единица измерения	Количество на одного человека
Ветчина	фунт	$^3/_4$ фунта в пятницу и воскресенье
Масло коровье	фунт	$^1/_2$ фунта в сутки
Вино	гарнец	1 в месяц
Пиво	канна	1 в сутки
Соль	фунт	По потребности
Табак	фунт	$^1/_4$ в месяц

После завершения кампании флота провиантское обеспечение нижних чинов производилось на основании «Уложения о содержании матросов», введенного в действие указом короля Карла XI от 10 июня 1683 г.: «Когда матрос подлинно в нашей государственной службе не определен и там пищу свою не имеет, то ему пищу давать в роте, или определенных мужиков (крестьян. — *И. Д.*)» [12].

Нормирование провиантского обеспечения основного контингента питающихся, так называемых «поселенных матросов», напрямую зависело от способа комплектования ВМФ Швеции личным составом. С целью накопления мобилизационных ресурсов вся приморская территория страны была распределена на три адмиралтейства, во главе с вице-адмиралом. В каждом из трех адмиралтейств содержался морской полк, состоящий из 5 рот матросов общей численностью 500 человек и 180 человек боцманов (унтер-офицеров).

В городах и прибрежных селах под надзором местной администрации заранее составлялись списки будущих матросов. Дворянство поставляло одного рекрута с 15 помещичьих крестьян, горожане двух рекрутов с 10 жителей, а крестьяне одного с 4—10 душ мужского пола. Призванные на военную службу рекруты содержались за их счет. Все крестьянские семьи, несущие рекрутскую повинность, сводились в роты (1 рота = 2 гейматам). Каждая рота содержала одного матроса, поставляла ему продукты питания и деньги на пошив мундира [13].

В конце XVII в. прежний принцип комплектования флота, по рекрутским спискам, был заменен так называемой «поселенной системой» (Indelningsverket). Поселенные матросы (bats manshal) составляли основную часть рядового состава кораблей ВМФ Шведского королевства [14]. После завершения кампании флота и разоружения корабля матрос, состоявший в браке, прибывал в роту, где ему, на период отпуска, выделялся дом с огородом, живностью, а также 6—8 далеров [15] серебром на текущие расходы. Если же нижний чин был холост, его селили на квартире одного из крестьян геймата. В течение зимы, а также, когда он был свободен от учебы на флоте, матрос работал по хозяйству, имея общий стол с семьей хозяина.

Из года в год усиливавшееся противоборство флота Швеции с военно-морскими силами союзников, и в первую очередь с Россией, требовало все более подготовленных кадров, особенно нижних чинов. Поэтому в Северную войну шведы стремились улучшить свою своеобразную систему набора рекрутов. Многие деревни, поставлявшие в армию кавалеристов или солдат, начали направлять рекрутов в морские полки (на корабли). С роты, а также с горожан, взамен рекрутов, призывавшихся ранее в сухопутные войска, во флот брали 1—2 матросов [16].

Кроме рекрутов для укомплектования линейных кораблей среди команд судов торгового флота ежегодно вербовалось 600 матросов и 300 юнг. Из них 300 волонтеров несли вахту при зимовке кораблей, остальные нанимались только на период кампании флота. Согласно «Уложению о содержании матросов», каждая рота для найма нижних чинов выплачивала в королевскую казну 60 медных далеров [17]. Попавший в плен в Гангутском сражении 1714 г. морской капитан А. Сунд на допросе показал: «Записных матрозов в домы отпущают, а валентиры (фр. volontaire — доброволец, служащий в вооруженных силах. — *И. Д.*) и наемные оставляются в Карлскроне» [18], тем самым шведское государство возложило бремя расходов по пищевому довольствию нижних чинов флота на самое большое сословие страны — крестьянство.

Размеры столовых денег, установленные для офицеров ВМФ Швеции, традиционно являвшихся привилегированной социальной группой шведского феодального общества, даже

при систематическом росте цен на продукты питания в стране во втором десятилетии XVIII в. позволяли высшим и старшим офицерам иметь в плавании богатый и обильный стол. Однако в отличие от голландских, французских, английских и корабельных офицеров прочих военно-морских флотов западноевропейских стран, где столовые деньги для совместного питания командного состава отпускались из Адмиралтейства командирам кораблей[19], для офицеров ВМФ Швеции были установлены персональные оклады, размеры которых зависели от воинского звания (должности). Командующий флотом, в воинском звании адмирал, получал по 300, старший флагман — вице-адмирал по 150, младший флагман — контр-адмирал по 75 серебряных далеров в месяц. Месячные оклады корабельных офицеров были значительно ниже: у капитана — 14 серебряных далеров, унтер-лейтенанта — 12 далеров[20].

После проигранных Полтавского и Гангутского сражений, тяжелых поражений армии в Прибалтике и Финляндии в 1709—1714 гг. внутреннее и внешнеполитическое положение Швеции заметно ухудшилось. Утрата богатейших сельскохозяйственных провинций Эстляндии и Лифляндии, нехватка рабочих рук в деревнях, наиболее плодородных областей Сконе и Халланд, вызванными ежегодными наборами рекрутов[21], частые неурожаи[22], фактическое прекращение внешней торговли и др., — всё это в совокупности привело к тому, что страна постепенно утратила продовольственную безопасность.

Во многих местностях королевства начался голод, вызвавший многочисленные смертельные исходы[23] и существенное ухудшение провиантского обеспечения вооруженных сил[24]. Так, летом 1711 г. в эскадре шведского флота, курсировавшей в Финском заливе, было «безденежье, голод в море, убавивший экипажи»[25]. В июле 1713 г. главнокомандующий русскими сухопутными войсками и галерным флотом в Финляндии генерал-адмирал Ф. М. Апраксин писал адмиралтейскому советнику А. В. Кикину, ответственному за обеспечение Балтийского флота морской провизией и сухопутным провиантом, что «не только нам прокормиться, но и шведская армия, чаем, скоро может с голоду пропасть»[26]. В кампанию 1713 г. нижние чины шведской корабельной эскадры, которой командовал вице-адмирал Э. Ю. Лилье (8 линейных кораблей, 1 фрегат,

1 шнява, по состоянию на 11 мая[27]), испытывали недостаток в морской провизии[28].

Также и команды линейных кораблей и военных судов эскадр вице-адмирала Э. Ю. Лилье и шаутбенахта Н. Эреншельда, попавшего в русский плен в Гангутском сражении 27 июля, уже к началу мая 1714 г. испытывали острый недостаток в морской провизии. 12 мая 1714 г. командующий ВМФ Шведского королевства Г. Ваттранг направил к вице-адмиралу Э. Ю. Лилье бригантину «Гейя» с письмом, в котором извещал об уменьшении порции морской провизии. Питание по новому, значительно сокращенному рациону начиналось с 16 мая[29].

Командование было вынуждено принять решение о совместном питании на военных судах нижних чинов армии и флота, причем по норме пайка для военнослужащего сухопутных войск. Для сравнения, в апреле 1714 г. российский Правительствующий Сенат приговорил «сухопутных полков салдатам, которым повелено быть на караблях и на скампавеях, правианту (выдавать. — *И. Д.*) против отпуску морских служителей...»[30].

Однако даже эта скорректированная норма на шведских кораблях постоянно уменьшалась. Пленные свидетельствовали, что «ныне во флоте имеют многую нужду и дают как солдатам и матросам, на 5 дней на человека 2 фунта, которого с нуждой станет на три дня. К тому, по вся дни в обеде варят горох, и на 7 человек дают по малому куску ветчины, а к вечеру варят кашу и на столько же человек дают по лопатке (фунту. — *И. Д.*) масла»[31]. Показания другого дезертира только лишь констатировали нехватку морской провизии как на корабельной, так и на галерной эскадре, и снижение норм установленного пайка вдвое[32]. Голландский посланник в России барон Я. де Би 16 июня сообщал: «Шведский флот, находящийся на высоте Ганга, состоит из 19-ти больших и малых судов... в командах его много больных и он терпит крайнюю нужду во всех жизненных припасах»[33]. Он же 9 сентября 1714 г. в очередном донесении, направленном в Генеральные штаты Соединенных Нидерландов, написал о состоянии шведских пленных, проведенных по Санкт-Петербургу в честь победы россиян в Гангутской баталии: «...все они люди чрезвычайно слабые, наружности самой жалкой и непривлекательной и все почти

без одежды донага, из чего можно делать заключение о плохом положении дел в Швеции» [34].

После проигранного шведами Гангутского сражения в русский плен попало 580 человек, из них «большей частью раненые» [35]. Пленные были направлены на остров Котлин, размещены в 9 казармах, расположенных за каторжным и кружечным дворами, зачислены на медицинское и провиантское обеспечение [36]. Шведы ежедневно получали «ветчины... на четыре человека фунт, а крупу и сухари против салдацких дач (146 г. крупы и 818 г. сухарей на одного пленного в сутки. — *И. Д.*)», а находившиеся в госпитале, через лекаря И. Л. Розе, — еще пиво, уксус и хлебное вино. Обратившись к коменданту гарнизона, пленные попросили, чтобы им вместо сухарей выдавали муку для выпечки хлеба [37]. Их просьба была удовлетворена.

11 декабря 1714 г. русский резидент в Швеции князь А. Я. Хилков докладывал в Санкт-Петербург о состоянии дел в столице северного королевства: «Ныне в Столькольме (Стокгольме. — *И. Д.*) все, а особенно харчево (продовольствие. — *И. Д.*), очень дорого, зане ни из Лифляндии и не из Финляндии, откуль прежнего Свея (Швеция. — *И. Д.*) питалася, ничего привозного нет, и Свея без привозу из иных земель сама собою стоять в пище не может» [38].

Виднейший деятель Русской православной церкви Феофан Прокопович в своей яркой проповеди, произнесенной 8 сентября 1720 г. в Троицком кафедральном соборе северной столицы и посвященной блестящей победе галерного флота при Гренгаме 27 июля, так охарактеризовал последствия невосполнимых потерь для Швеции важнейших сельскохозяйственных районов: «Отродилася бы неприятелю сила, паки бы было ему с Ливонии, Ингрии, Карелии, Финляндии множества и воинства, и имения, и хлеба, паки бы походы его и нападения на твоя (Петра I. — *И. Д.*) внутренняя (земли. — *И. Д.*); ныне же что? Наготствует, скудеет и глад терпит. И вместо того, чтобы на пределы наши нападал, своих видит разорение...» [39]

Вышеперечисленные трудности в сельском хозяйстве Швеции, безусловно, оказали существенное влияние на провиантское обеспечение личного состава ВМФ и особенно нижних чинов.

В принятом 6 февраля 1716 г. Адмиралтейств-советом в Карлскруне «Каждедённом кормовом уложении», по сравнению с предыдущим морским пайком, недельная норма хлеба уменьшилась на 1,8 фунта, масла коровьего — на 0,4 фунта, ветчины — на 0,3 фунта [40]. Выдача гороха и круп на камбуз и артельные баки [41] производилась не по «удовольствию», как ранее, а строго по норме. Ухудшился ассортимент круп, вместо гречневой на довольствие ввели овсяную. Мясо и ветчина систематически заменялись на рыбу, причем в соотношении 1 : 1. Из-за незначительных запасов зерна в стране, постановлением правительства Швеции запрещалось винокурение и пивоварение [42]. Поэтому из нормы продовольственного пайка рядового состава временно были исключены пиво и водка, которые заменили на квас [43].

Французский историк М. Морино, исследовавший пищевой рацион нижнего чина ВМФ Шведского королевства, пришел к следующему выводу: «В Швеции не делали различия между мясом и рыбой, несмотря на разную калорийность» [44]. Однако и эта норма недельной матросской порции не выполнялась и фактически существовала только на бумаге, так как среди податного населения прочно установился голод, вызванный недостатком съестных припасов.

Историк Э. Берендтс о состоянии сельского хозяйства Шведского королевства в заключительные годы Северной войны написал следующее: «...пустые дома (крестьян. — *И. Д.*), необработанные за недостатком рук поля, плуг без лошади и быка и стойло без коровы... пусты были рынки и амбары...» [45]

К 1718 г. в стране каждый второй крестьянин был принудительно призван либо в армию, либо на флот. Голландец Ван Эффен, проехавший летом 1719 г. по сельскохозяйственным районам Швеции, заметил, что на полях работали в основном старики, инвалиды, женщины и дети. Он записал в дневнике: «Я могу заверить Вас, что во всей Швеции я не видел, кроме солдат, ни одного мужчины от 20 до 40 лет» [46].

В стране свирепствовали заразные болезни, из-за чего многие люди стали явно не способны к активному труду. Исключительно жаркая погода, установившаяся летом, и страшные морозы зимой повсеместно привели к неурожаю зерновых.

В 1717—1718 гг. многократно возросли цены на продовольствие. Если в 1701 г. 1 тонна смешанного зерна (ржи и ячменя) стоила 11 медных далеров, то в 1718 г. — 220 далеров [47].

Численность линейного флота и плавсостава некогда грозного врага россиян из года в год неуклонно сокращалась [48]. К примеру, 29 апреля 1718 г. 25 русских линейных кораблей (1436 пуш.; 9198 чел. [49]) закончили прием морского провианта [50] и вышли в море. Русские крейсеры, пользуясь явным превосходством над противником, который снарядил только 15 линейных кораблей, находившихся в апреле месяце у острова Борнхольм и затем ушедших в Карлскруну, действовали в срединной части Балтики и у Данцига (Гданьска), где в течение кампании 1718 г. захватили 26 купеческих судов европейских стран, торговавших со Швецией [51].

Также значительно уменьшился и шведский торговый флот, насчитывающий ко времени смерти Карла XI в 1697 г. 775 судов, а в 1718 г. — только 209 [52], что не позволяло командованию иметь надежный резерв уже обученных моряков для укомплектования военных кораблей.

По собственноручно записанным Петром I показаниям иностранцев, наблюдавших шведские военные корабли в Карлскруне и Стокгольме зимой 1718 — весной 1719 г., они находились «в не состоянии», причем особенно плачевно было положение сильно сократившегося личного состава флота: «Матросы зело плохи и от голоду так худы, как мертвыя... ходят босиком...», полгода не получали денежного и хлебного содержания, «ходят, питаяся по миру (побираясь, прося милостыню. — *И. Д.*)». Один из свидетелей, француз, говорил: «Матрозов конечно трех тысяч собрать не могут, понеже король (Карл XII. — *И. Д.*) бульшую часть в Норвегию взял и там потерял». Факт гибели многих моряков шведского флота в сухопутном походе 1718 г. в южные области Норвегии Карла XII, который склонность более «имел к войску, нежели ко флоту», подтверждал и другой информатор — только что выехавший из Швеции голландец. Он также свидетельствовал, что как при жизни Карла XII в 1718 г., так и после его смерти, последовавшей 30 ноября того же года, в Швеции из новобранцев-рекрутов «лутчих... берут в салдаты, а худых в матрозы» [53].

Русский посол в Дании князь В. Л. Долгорукий, докладывая Петру I о состоянии шведского флота в кампанию 1719 г., также обратил внимание венценосного моряка на крайне неудовлетворительное провиантское обеспечение рядового состава. Он же сообщал о чрезвычайно высоких ценах на основные продукты питания и отсутствии в стране продовольственных резервов: «Во всем привеликая мизерия (лат. miser — бедный. — *И. Д.*)» [54].

В Стокгольме цены на все без исключения виды продовольствия в 1719 г. были значительно выше, чем в Петербурге, который при жизни своего основателя являлся самым дорогим городом России [55]. Например, мука ржаная была дороже в $2^1/_2$—3, говядина в 2—4, масло коровье в 2—$2^1/_2$, пиво в 5—10 раз [56]. Так, в июле 1719 г. в шведской столице бочка ржи стоила 7 ефимков, ячменя — 5, сельди — $8^1/_2$, соли — 5 ефимков, фунт мяса, ветчины, коровьего масла, сыра — 10 штиверов, кружка пива — от 5 до 10 штиверов, фунт табака — от 2 до 5 ефимков [57].

Таким образом, Швеция после занятия русской армией почти всей территории Финляндии в 1714 г. уже не могла бесперебойно обеспечивать свои вооруженные силы продовольствием. К 1718 г. в стране обрабатывалась только третья часть пахотных земель. Десант русских войск, высаживаемый в 1719—1721 гг. с судов галерного флота, практически без противодействия со стороны деморализованного противника, опустошал прибрежную полосу, поэтому крестьяне снимались с обжитых мест и бежали вглубь страны, в леса и горы Норвегии.

Русские военные корабли, с 1715 г. успешно действовавшие на морских коммуникациях противника, препятствовали подвозу хлеба в Швецию из европейских государств. Во многих областях страны население питалось травой и древесной корой.

По данным доктора медицины Дитриха, основная часть жителей северного королевства потребляла следующие виды «хлебов»: хлеб, приготовленный из сосновой коры, предварительно пролежавшей 14 дней в воде, с примесью овсяной муки; соломенный хлеб, приготавливаемый из ржаной (ячменной) соломы и пленок несозревшего хлебного зерна с примесью

муки; щавелевый хлеб, полученный из щавеля с примесями овсяной (или иной) муки и также липовой коры; хлеб из костяной и овсяной муки[58].

Поэтому на завершающем этапе Северной войны шведы могли рассчитывать только на внешние источники поступления съестных припасов. 1 марта 1720 г. В. Л. Долгорукий писал Петру I о морально-психологическом состоянии и материально-бытовом обеспечении шведских моряков в предстоящую кампанию: «...люди худы и неохотно служат для того, что жалованье не дают месяца два... В Карлскруне вооруженных кораблей сказывают толко шесть, толка провианту на них нет...»[59]

12 апреля 1720 г. В. Л. Долгорукий, вновь докладывая царю о количестве боеготовых линейных кораблей в предстоящую кампанию, особо отметил, что в адмиралтейских магазинах созданы только месячные запасы морской провизии, и шведы «ожидают великого множества из Англии, также под прикрытием английского флота надеются получить из разных портов, лежащих в Балтийском море»[60].

В начале мая 1720 г. под конвоем кораблей эскадры английского адмирала Д. Норриса в Стокгольм прибыло 40 торговых судов «со всякой провизией», что позволило обеспечить шведских моряков продовольствием в течение кампании.

Примерно в это же время, 13 апреля 1720 г., в русском военном флоте был принят Устав Морской, который окончательно ввёл месячную матросскую порцию, состоявшую из 45 фунтов ржаных сухарей, 10 фунтов гороха (4,09 кг), 15 фунтов крупы, в том числе 5 фунтов гречневой и 10 фунтов овсяной, по 5 фунтов свинины и говядины соленой, 4 фунта сушеной рыбы, 6 фунтов коровьего масла, 7 ведер (86,1 л) пива, 16 чарок (1,97 л) хлебного вина, $^1/_2$ кружки (0,61 л) уксуса, $1^1/_2$ фунта соли[61], что позволяло из высококачественных отечественных продуктов бесперебойно обеспечивать рядовой состав.

Так, предварительное выделение денег Балтийскому флоту на заготовку сухопутного провианта (50 тыс. четвертей муки[62] и 4 тыс. четвертей круп[63]) и морской провизии (180 тыс. пудов сухарей, 24 тыс. пудов мяса соленого, 12 тыс. пудов сушеной трески, 15 тыс. пудов 30 фунтов масла коровьего, 19 200 ведер вина, 4 тыс. четвертей круп, 4 тыс. четвертей гороху)[64] позволило заблаговременно создать в магазинах запасы.

На покупку и подряд морской провизии деньги собирали со всех российских городов, в том числе и приписанных к Адмиралтейству, кроме Олонца. Всего было собрано 145 313 руб. 13 алтын 2 деньги. Кроме того, на оплату «свиных мяс» из расчета указной цены по 23 алтына 2 деньги за пуд из Штатс-Ревизион-коллегии Морскому ведомству «из сборных денег» дополнительно выделялось 28 292 руб. 9 алтын[65].

Бесперебойное финансирование русского флота позволило не только своевременно накопить запасы в магазинах, но даже увеличить месячную норму продовольственного пайка по сравнению с 1719 г. на 2 фунта мяса и на 1 фунт коровьего масла[66].

В то же время, после завершения кампании флота 1720 г., матросы шведского флота, как и в прежние годы, были направлены для пропитания по крестьянским дворам, семьи которых очень бедствовали. Морскую провизию на 14 линейных кораблей в 1721 г. шведы планировали поставлять подрядным способом сроком на три месяца на 6000 чел., исходя из суточной стоимости порции в 6 шведских штиверов и 2 орта ($5^1/_4$ русских копеек), «с того числа как матросы на кораблях будут»[67].

Для сравнения, во флоте Петра Великого после вскрытия Финского залива ото льда в боевую готовность были приведены Ревельская (8 линейных кораблей[68], 2 фрегата, 5 малых боевых судов: 460 пуш.; 3217 чел.) и Котлинская эскадра (19 линейных кораблей, 5 фрегатов, 5 малых боевых судов: 1566 пуш.; 12 194 чел., сведения на 30 марта 1721 г.[69]).

В январе 1721 г. вышли именной указ Петра I и Сенатское определение о ежегодной заготовке морского провианта «в соответствии с Морским Регламентом из расчета на 15 272 порции и сроком на 4 месяца в Ревель и Кронштадт пополам»[70]. Фактическое же исчисление потребности в 1721 г. производили исходя из 20 173 суточных дач. Увеличение потребности было вызвано переводом некоторых контингентов питающихся с котлового довольствия по сухопутному провианту на морской паёк в результате принятия в 1720 г. нового штатного расписания Балтийского флота[71], а также стабильного обеспечения кораблей продовольствием.

Всего в завершающую кампанию Северной войны Россия из 35 имевшихся в наличии линейных кораблей и фрегатов

к маю 1721 г. вооружила 30 (1970 пуш.), что позволило достичь над шведами по огневой мощи почти тройного превосходства, которые смогли вывести в море только 11 линейных кораблей (752 пуш.; 5445 чел.) [72].

Стоимость месячной порции русского матроса (2 руб. 35 коп. [73]) в 1,5 раза превосходила стоимость морского пайка нижнего чина шведского флота. Однако установленный паек шведского матроса фактически не соблюдался, так как государство не могло расплатиться с подрядчиками даже за часть поставленного продовольствия. Население страны по-прежнему голодало. 1 сентября 1721 г. вице-адмирал К. И. Крюйс получил из Данцига донесение от русского агента, который охарактеризовал уровень жизни жителей шведской столицы как «скудность и бедность тамо неизреченная» [74].

Конец военным тяготам и страданиям народа Швеции положил Ништадтский мирный договор, заключенный с Россией 30 августа 1721 г.

В заключение следует отметить, что потеря Швецией богатейших заморских сельскохозяйственных провинций, нехватка рабочих рук в деревнях, вызванная ежегодными наборами рекрутов, частые неурожаи — все это в совокупности привело к тому, что страна постепенно утратила продовольственную безопасность. Все сокращающиеся продовольственные ресурсы королевства вынуждали Адмиралтейство периодически изменять месячную матросскую порцию, временно исключать из ее состава или значительно уменьшать нормы мясо-молочных продуктов и спиртных напитков, хлеба, а также ухудшать их ассортимент. Не удивительно, что среди экипажей ряда кораблей на завершающем этапе Северной войны начались голод и болезни. Это привело к подрыву боеготовности флота и, как следствие, явилось одной из многочисленных причин поражения шведов в военно-морском противоборстве с россиянами.

---

[1] *Белл Дж.* Белевы путешествия чрез Россию в разные асиятские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Ч. 1—3. СПб., 1776.; *Седерберг Г.* Бывшего полкового священника, магистра Генриха Седерберга заметки о религии и нравах русского народа во время пребывания его в России с 1708 по 1718 год // Чтения в Обществе истории и древностей рос-

сийских (ЧОИДР). Кн. 2. Отд. 4. М., 1873. С. I—II, 1—38; *Плейер О. А.* О нынешнем состоянии государственного управления в Московии: Донесения Оттона Плейера в 1710 г. // Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта и Оттона Плейера // ЧОИДР. Кн. 2. Отд. 4. М., 1874. С. I—IV, 1—21; *Юль Юст.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1899; *Вебер Ф. Х.* Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. Вып. 6. 1872. Стб. 1060—1168; Вып. 7—8. Стб. 1334—1457; Вып. 9. Стб. 1613—1704; *Бассевиг Г. Ф., фон.* Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713—1725) // Русский архив. Вып. 1. 1865. Стб. 1—54; Вып. 2. Стб. 141—204; Вып. 5/6. Стб. 567—636; *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом // Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта и Оттона Плейера // ЧОИДР. Кн. 2. Ч. IV. М., 1874. С. 1—120; Контр-адмирал Никита Петрович Вильбуа: (Автобиографическое показание) // Русский архив. Кн. 10. 1867. Стб. 1188—1203; Письма и донесения иезуитов о России конца XVII — начала XVIII века. СПб., 1904; *Перри Дж.* Сочинения капитана Перри: Состояние России при нынешнем царе. М., 1871; *Бруин К. де.* Путешествие Корнелия де Бруина через Московию. М., 1873; *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721—1725 год. Ч. 1—4. М., 1902—1903.; *Страленберг Ф. И.* Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и восточная часть Европы и Азии. Вып. 1; Вып. 2. М.; Л., 1985; *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999; Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта. М.; Л., 1988; *Грунд Г.* Доклад о России в 1705—1710 годах. М.; СПб., 1992; Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890.; Кн. 2. 1891; *Барш Я. С.* «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша. Часть пер. 1707—1725 // Сб. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 2. Л., 1954. С. 7—74; *Неплюев И. И.* Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). СПб., 1893; *Нащокин В. А.* Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842; *Головин В. В.* Записки бедной и суетной жизни человеческой // Казанский П. С. Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского, собранная П. К. М., 1847. С. 44—57; *Мордвинов С. И.* Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою. СПб., 1868; Архив графов Мордвиновых. Т. 1, 2. СПб., 1901; *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). СПб., 2001; *Бестужев Н. А.* Опыт истории Российского флота. Л., 1961; *Попов Н. А.* Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717—1720 годах // ЧОИДР. Кн. IV. Ч. 2. М., 1859. С. 1—116; *Елагин С. И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. Приложения. Ч. I, II; *Чубинский В. Г.* Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. СПб., 1869; *Веселаго Ф. Ф.* 1) Морские училища при Петре Великом // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 6. СПб., 1848. С. 329—385; 2) Очерк истории Морского кадетского корпуса. С приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852; 3) Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875; *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. Вып. I: 1683—1762 год. СПб., 1891; *Пузыревский А. К.* Начало посто-

янных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого // Военный сборник. 1889. № 1. С. 5—50; № 2. С. 229—281; *Пузыревский А. К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889; *Керсновский А. А.* История русской армии: В 4 т. Т. I: От Нарвы до Парижа, 1700—1814. М., 1992.; *Аничков В. М.* Военное хозяйство. СПб., 1860; *Затлер Ф. К.* Записки о продовольствии войск в военное время. Ч. II. СПб., 1860.; *Марченко М. К.* Продовольствие русских войск в первые годы Северной войны // Интендантский журнал. 1900. № 3. Неофиц. отд. С. 8—25; *Макшеев Ф. А.* 1) Военное хозяйство. СПб., 1913. Ч. II; 2) О снабжении войск продовольствием в годы войны // Военный сборник. 1895. № 9. С. 94—140; *Газенкампф М. К.* 1) Продовольствие войск в мирное и военное время в русской и иностранных армиях. СПб., 1876; 2) Военное хозяйство (СПб., 1880) и др.

[2] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 годах: Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896.

[3] *Бородкин М. М.* История Финляндии: Время Петра Великого. СПб., 1910.

[4] *Кротов П. А.* Прорыв шведской морской блокады С.-Петербурга в период Северной войны (1700—1721) // Петербургские чтения—98-99. СПб., 1999. С. 645—647.

[5] *Беспятых Ю. Н.* 1) Россия и Финляндия во время Северной войны 1700—1721 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980; 2) История знаменитого сражения: Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. Архангельск, 1990; 3) Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991; 4) Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998; *Кротов П. А.* 1) Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996; 2) Российский флот на Балтике при Петре Великом. Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1999; Материалы для истории русского флота (МИРФ). Ч. I—II. СПб., 1865—1866; Материалы для истории Гангутской операции (МИГО). Вып. I—IV. Пг., 1914—1918.; Тревожные годы Архангельска. 1700—1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993 и др.

[6] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 207. Л. 95 об.

[7] *Беспятых Ю. Н.* Россия и Финляндия во время Северной войны 1700—1721 годов. С. 31—32. По данным С. А. Фейгиной, в 1697 г. шведский торговый флот насчитывал 775 судов (*Фейгина С. А.* Аландский конгресс. М., 1959. С. 203). В Эстляндии и Лифляндии, являвшихся заморскими провинциями Шведского королевства, 1 ласт = 24 ревельским (таллинским) бочкам = 42 рижским пурам ржи = 48 рижским пурам ячменя = 60 рижским пурам овса = 1920 кг зерна. (*Палли Х.* Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны. Таллин, 1966. С. 287).

[8] Находившийся в Амстердаме вице-адмирал К. И. Крюйс в 1702 г. писал Петру I: «Я не могу видеть, что дружба из здешних (элит. — *И. Д.*) к шведу гораздо великая была» (РГАДА. Ф. 329. Оп. 1. Д. 22. Л. 3 об.).

[9] *Андерсон И.* История Швеции. М., 1951. С. 231. 1 шведская бочка зерна = 6,284 русских четверика. (*Петрушевский Ф. И.* Общая метрология. СПб., 1849. С. 586, 587). 1 русский четверик = 1 пуду = 16,38 кг.

[10] *Беспятых Ю. Н.* История знаменитого сражения: Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. С. 41—42, 80, 99, 134, 137—138. Подсчеты автора статьи.

[11] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 84. Л. 1—3. Составлено нами. 1 русский фунт = 409,5 г; 1 русский гарнец ($^1/_8$ четверика) = 3,28 л; 1 шведская канна = 0,798 русского гарнца (*Петрушевский Ф. И.* Общая метрология. С. 586, 587).

[12] Отдел рукописей Библиотеки РАН (ОР БАН). (К. Галерея Петра I). П. I. Б. 32. Л. 28—29.

[13] *Берендтс Э.* Государственное хозяйство Швеции. СПб., 1890. Ч. I. С. 201, 202, 338, 339, 407, 455, 456, 472—475; *Кирхгоф Г.* Влияние морской силы на Балтийском море на историю прибалтийских государств в 17 и 18 столетиях. СПб., 1908. С. 89, 90, 210, 211.

[14] *Беспятых Ю. Н.* Россия и Финляндия во время Северной войны 1700—1721 годов. С. 38—39.

[15] 1 талер (т. е. риксдалер) = 2 серебрянных далера = 6 медных далерам = 64 русским копейкам в 1713—1714 гг. 1 медный далер = $10^2/_3$ русских копейки (*Беспятых Ю. Н.* Россия и Финляндия во время Северной войны 1700—1721 годов. С. 125—126).

[16] *Штенцель А.* История войны на море. СПб., 1917. Ч. III. С. 454.

[17] ОР БАН. П. I. Б. 32. С. 28—32.

[18] МИГО. Вып. IV. С. 685—686. Более подробно о материально-бытовом обеспечении личного состава флотов России и Швеции см.: *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года.

[19] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. II. Д. 32. Л. 177.

[20] МИГО. Вып. IV. С. 686, 821, 822; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 84. Л. 1—3.

[21] *Bain N.* Charles XII and the Collapse of the Swedish Empire. 1682—1719. London, 1895. P. 304—305. Русский посол в Дании князь В. Л. Долгорукий 3 октября 1708 г. писал Г. И. Головкину, что «шведы не только в обозе своем (армии и флоте. — *И. Д.*), но и в домех (домах. — *И. Д.*) превеликую терпят нужду... от продолжительной так тяжкой войны, оскудели и обезлюдели, рекрутов збирают постоянно, и не могут уже набрать годных, в службу берут робят в 14 лет и стариков лет по 50 и тех куют рука с ногою, чтоб не разбежались» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. Вып. 2. М.; Л., 1950. С. 755).

[22] В результате неурожаев цена одной тонны ржи в Финляндии к 1709 г. увеличилась в 5—6 раз и достигла 30 далеров. Большие опустошения городам и селам в 1709 г. нанесла чума, в результате население уменьшилось на одну треть, а местами и более. (*Майков П. М.* Финляндия. История и культура. Ее происходящее и настоящее. СПб., 1911. С. 178—179). В течение лета 1709 г. по всей территории Швеции шли холодные дожди, в результате чего на полях сгнили посевы и в стране начался голод. Голодные и нищие крестьяне не только не смогли выплатить ежегодные провиантские налоги натурой, но и сами просили у местной администрации зерна для посева озимых хлебов. (*Берендтс Э.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. С. 434).

[23] *Брикнер А. Г.* Медные деньги в России 1656—1663 и денежные знаки в Швеции 1716—1719 годов. СПб., 1864. С. 111, 112.

[24] После Гангутского сражения на шведском флоте норма продовольственного пайка на одного нижнего чина (основные продукты) в сутки: 1,5 фунта сухарей, 0,25 фунта коровьего масла или ветчины, 1 фунт солонины, 1 канна пива, а «корабельному хлопцу (юнге. — *И. Д.*) в полы» (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 88. Л. 109 об.).

[25] *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1788. СПб., 1885. С. 30. Примеч. 63).

[26] МИРФ. Ч. I. С. 390, 411. Предвидение Ф. М. Апраксина полностью подтвердилось. Пленный швед на допросе, состоявшемся 10 февраля 1714 г., сообщил, что заготовительные команды «...провиант брали по (финским. — *И. Д.*) деревням, где что сыщут без остатку» (МИГО. Вып. IV. С. 260—261).

[27] МИРФ. Ч. I. С. 377.

[28] *Бородкин М. М.* История Финляндии: Время Петра Великого. С. 143.

[29] МИГО. Вып. III. Пг., 1915. С. 150.

[30] РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 534. Л. 220.

[31] МИГО. Вып. IV. С. 535.

[32] Там же. С. 538.

[33] Там же. С. 592.

[34] МИРФ. Ч. I. С. 564.

[35] *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. С. 135—136.

[36] МИРФ. Ч. IV. СПб., 1867. С. 399.

[37] *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. С. 135—136; Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 6763. Л. 1 об.—2; Д. 6762. Л. 1.

[38] МИГО. Пг., 1915. Вып. II. С. 461.

[39] *Прокопович Феофан.* Слова и речи. Ч. II. СПб., 1760. С. 55.

[40] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 84. Л. 1—3; ОР БАН. П. I. Б. 32. Л. 106—106 об. Подсчеты автора статьи.

[41] Бак (голл. back — посуда, миска).

[42] *Берендтс Э.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. С. 474.

[43] В другом источнике написано, что ежедневная норма пива для нижнего чина шведского флота составляла $^3/_4$ канны. (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 89. Л. 2 об.)

[44] *Morineau M.* Rations de marine (Angleterre, Hollande, Suéde et Russie) // Annales Economies Societés Civilisations. Paris, 1965. N 6. P. 1154.

[45] *Берендтс Э.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. С. 421.

[46] *Bain N.* Charles XII and the Collapse of the Swedish Empire. 1682—1719. P. 304—305.

[47] *Берендтс Э.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. С. 451—452.

[48] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 207. Л. 95 об., 161—161 об.

[49] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 39. Л. 454; МИРФ. Ч. II. С. 293—294.

[50] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 163. Л. 210.

[51] МИРФ. Ч. II. С. 330—333. *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 73—76. Подсчеты наши.

[52] *Фейгина С. А.* Аландский конгресс. С. 203.

[53] *Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом. С. 443—444.

[54] РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 44. Л. 547.

[55] *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX в.). Л., 1980. С. 194—195; РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 814. Л. 808—808 об.; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ея главнейших деятелей. СПб., 1876. Вып.VI. С. 630; Из книги *Фридриха-Христиана Вебера* «Преображенная Россия» // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 104; *Эренмальм Л. Ю.* Описание города Петербурга вкупе с несколькими замечаниями // Там же. С. 95.

[56] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 166. Л. 102—102 об.; Д. 186. Л. 2—3, 54, 58, 66 об. Подсчеты автора статьи.

[57] Там же. 1. Д. 186. Л. 1—8, 54, 58, 66 об. Выписка из протоколов допросов шведов, взятых в плен в кампанию 1719 г., и показаний русских людей, бывших в плену в Стокгольме. 1 шведская бочка зерна = 6,284 русских четверика. 1 русская четверть = 8 четвериков. Масса соли в бочке — 8 русских пудов; 1 шведский фунт = 1,038 русского фунта = 425,09 г. Ефимок (Joachimsthaler) в XVII и XVIII вв. являлся общеевропейской валютой. Вексельный курс одного ефимка на западноевропейских биржах в 1716—1717 гг. составлял 80, а к 1721 г. достиг 90 русских копеек (РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 9. Л. 123а; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 55. Л. 743). 4 шведских штивера = $^1/_4$ серебреного талера = 4 русским копейкам (*Петрушевский Ф. И.* Общая метрология. СПб., 1849. С. 585—590). Подсчеты автора статьи.

[58] Хлебопекарное производство (по Бирнбауму). СПб., 1880. Ч. I. С. 308.

[59] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 51. Л. 336 об.

[60] МИРФ. Ч. IV. С. 200, 204.

[61] Книга Устав Морской. СПб., 1763. С. 104—105. Все расчеты производились на 28 дней — морской провиантский месяц.

[62] Из них 10 000 четвертей муки выделялось для приготовления сухарей «галанским манером».

[63] РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 535. Л. 308—309; МИРФ. Ч. IV. С. 400—401.

[64] РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1720 г. Д. 34. Л. 136—136 об., 139, 247—248.

[65] Там же. Л. 247—248. 1 алтын =3 копейки; 2 денги =1 копейка.

[66] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 811. Л. 35.

[67] МИРФ. Ч. IV. С. 213.

[68] 2 февраля 1721 г. линейные корабли «Ягудиил» и «Уриил» под командованием З. Д. Мишукова (командир отряда), Д. Лоренса, Я. С. Барша вышли из Ревеля и взяли курс на Амстердам, чтобы привести оттуда в Россию, построенные по заказу Петра I, линейные корабли «Ништадт» и «Принц Евгений» (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 203. Л. 33; Ф. 315. Оп. 1. Д. 867. Л. 29; МИРФ. Ч. II. С. 549, 533, 646—647, 657; *Ден Д.* История... С. 104). По состоянию на 17 июля 1721 г. Ревельская эскадра состояла из 6 линейных кораблей, 2 фрегатов и 1 шнявы, на котловом довольствии находилось 2492 чел. (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 203. Л. 64).

[69] РГА ВМФ ЦХСФ (Центр хранения страхового фонда. Ялуторовск Тюменской области). Ф. 220. Оп. 1. Д. 43. Л. 157—157 об.

[70] *Квашнин-Самарин Е. Н.* Историческая справка о Ревеле при Петре Великом // Морской сборник. 1909. № 9. Неофиц. отд. С. 3.

[71] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 145. Л. 64.

[72] *Кротов П. А.* Создание линейного флота на Балтике при Петре I // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 325, 330; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 247. Ч. I. Л. 181; МИРФ. Ч. II. С. 548—549.

[73] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 233. Л. 320 об.

[74] МИРФ. Ч. IV. С. 213—214, 222—223, 228—229.

М. А. Партала

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ. ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Русская военно-морская разведка сыграла важную роль в боевых действиях на Балтийском море в Первую мировую войну (1914—1918 гг.). До настоящего времени, однако, отсутствуют военно-исторические исследования, позволяющие получить целостное представление о деятельности разведки Балтийского флота в указанный период. Многочисленные обращения к данной теме при описании общих вопросов истории Первой мировой войны на Балтийском море содержат, как правило, различного рода ошибки и неточности. Так, в целом ряде работ начальником разведки Балтийского флота ошибочно называется капитан 1 ранга А. И. Непенин, возглавлявший службу связи Балтийского моря[1]. Некоторые исследователи, в условиях дефицита достоверной информации, нередко «домысливают» недостающие факты или переносят на рассматриваемый период современные представления о роли и месте разведки в структуре органов управления Военно-Морского Флота. Одной из причин этого является, очевидно, недостаточная источниковая база многих исследований и отсутствие у их авторов четких представлений о структуре разведывательных органов русского флота накануне и в период Первой мировой войны.

Следует заметить, что в начале XX в. в русском флоте отсутствовали разведывательные органы в современном их понимании. Тяжелое поражение в Русско-японской войне, одной

из причин которого стали недостатки в разведывательном обеспечении действий сил флота, вынудило руководство морского ведомства пересмотреть существовавшие тогда взгляды на роль и место разведки в боевых действиях на море. В 1906 г. был создан Морской Генеральный штаб (МГШ), к компетенции которого было отнесено в том числе «изучение морских сил иностранных государств» [2]. Для решения этой задачи в его структуре было сформировано отделение иностранной статистики, ставшее, по сути, первым разведывательным органом в Морском ведомстве России [3]. В ведении МГШ находилась вся агентурная разведка, которая велась российскими военно-морскими агентами за границей, а также отдельными офицерами морского ведомства, временно командируемыми за рубеж для выполнения частных заданий.

По мере развития и углубления в России реформ органов управления силами флота (1906—1914 гг.) развивались также и взгляды на разведывательную работу, включая вопросы ее организационного оформления в штабах всех уровней. Безусловный интерес в этом плане представляет изданная МГШ в 1912 г. работа лейтенанта В. Е. Гончарова «Организация штабов частей флота и обязанности чинов» [4]. В своем исследовании, посвященном общим вопросам организации штабов различных уровней, автор представил весьма зрелые по тому времени взгляды на содержание и организацию разведывательной работы в штабах флота. В предложенном им «Проекте положения о штабах частей флота» было предусмотрено создание разведывательных бюро в штабе командующего флотом и в штабе начальника эскадры. В штабе командующего флотом данный орган должен был находиться в ведении заведующего разведывательным бюро и организационно входить в состав оперативной части. Должность заведующего бюро подлежала замещению офицером флота в штаб-офицерском чине. Предполагалось также, что в разведывательное бюро должен входить военно-морской агент, «бывший в том государстве, с коим ведется война». В штабе эскадры разведывательное бюро должно было находиться в ведении флагманского штурманского офицера. Следует, однако, констатировать, что эти идеи, в части, касающейся разведывательных органов, не были реализованы в русском флоте до начала Первой мировой войны. В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что встречающиеся в некоторых современных публикациях [5] упоминания о наличии в русском флоте в предвоенные годы разведывательных отделений в штабах флотов и флотилий не подтверждаются документальными источниками и не соответствуют фактическому положению дел.

В Первую мировую войну Балтийский и Черноморский флоты вступили имея штабы командующих, организованные согласно «Положению о Штабе Командующего Морскими Силами», утвержденному императором 12 мая 1914 г. [6] В соответствии с этим документом штабы включали оперативную часть, распорядительную часть и части флагманских специалистов. На оперативную часть штаба возлагалась в том числе задача «представлять Командующему Морскими Силами все данные, необходимые для выработки оснований оперативных планов». В «Положении» указывалось, что для этой цели в оперативной части «собираются и обрабатываются военно-статистические сведения, как относящиеся до театра предполагаемых действий, так и о состоянии собственных сил и средств и о состоянии сил и средств у вероятных противников» [7]. Вопросы разведки, таким образом, были отнесены к ведению оперативной части штаба. Каких либо дополнительных указаний, конкретизирующих организацию разведывательной работы, документ не содержал. В книге М. Алексеева «Военная разведка России», правда, показано со ссылкой именно на этот первоисточник наличие в составе оперативной части штаба статистического отделения [8], однако знакомство с реальным документом не дает никаких оснований для такой версии.

Весьма важным для понимания кадровых решений (в том числе и по линии разведки) в штабе командующего флотом Балтийского моря в первые месяцы войны является то обстоятельство, что утвержденное императором «Положение» не содержало штата штаба, т. е. не позволяло произвести его комплектование в соответствии с новыми задачами. В документе в связи с этим указывалось: «Предоставить Командующим Морскими Силами ... временно, впредь до установления штата штабов... распределять указанные в положении о Штабе Командующего Морскими Силами обязанности между положен-

ными по табели комплектации чинами штабов»[9]. Однако новый штат штабов так и не был утвержден до начала войны[10].

Таким образом, штабы командующих флотами Балтийского и Черного морей вступили в Первую мировую войну не только не имея в своем составе самостоятельных разведывательных органов, но и не располагая достаточным количеством штатных офицерских должностей для полноценного решения поставленных перед ними задач.

Уже июльский кризис (1914 г.) показал наличие серьезных проблем в вопросах разведывательного обеспечения Балтийского флота и необходимость скорейшего приведения организации разведывательной работы в штабе в соответствие с потребностями военного времени. Командование Балтийского флота в лице командующего адмирала Н. О. Эссена и начальника штаба контр-адмирала Л. Б. Кербера[11] оперативно отреагировало на эту ситуацию и в инициативном порядке ввело в штабе должность «заведующего разведкой». Исполнение обязанностей заведующего разведкой, судя по документам, было поручено старшему лейтенанту О. А. Щербачеву, слушателю Морской академии, прибывшему 13 июля вместе с капитаном 2 ранга М. Б. Черкасским в распоряжение командующего Балтийским флотом. Щербачев был назначен в штаб командующего флаг-офицером по оперативной части «сверх комплекта»[12]. К работе по линии разведки в этот период привлекался также исполнявший должность старшего флаг-офицера по оперативной части штаба лейтенант Ф. Ю. Довконт.

В начале сентября О. А. Щербачев получил назначение старшим офицером на линейный корабль «Петропавловск», а на его место был назначен лейтенант Г. Е. Чаплин[13], ставший, таким образом, вторым заведующим разведкой в штабе командующего Балтийским флотом. Однако и его служба в этом качестве продлилась недолго. Вскоре Г. Е. Чаплин, как владеющий английским языком, был направлен офицером связи на одну из английских подводных лодок, проникших в Балтийское море и поступивших под русское командование. В соответствии с этим он получил назначение вахтенным начальником на учебное судно «Рында», выделенное под плавучую базу для английских подводников[14]. Новым заведующим разведкой стал

лейтенант Ф. Ю. Довконт, который успешно исполнял эти обязанности до середины апреля 1915 г.

Основу деятельности заведующего разведкой в начальный период войны составляла преимущественно информационная работа: учет, анализ и доклад командованию разведывательной информации, поступающей из различных источников. Результаты этой работы отражались в сводках «Сведений о противнике», которые выходили сначала за подписью начальника штаба и флаг-капитана по оперативной части, а затем, с середины сентября, стали выпускаться самим заведующим разведкой. В полном виде сводка включала следующие разделы: состав сил, действия противника, базирование противника и намерения противника. В этот период также отмечен выпуск нескольких тематических документов[15]. Следует, однако, признать, что основным недостатком всех выпускавшихся тогда в штабе флота разведсводок и других информационных материалов была их нерегулярность.

К концу октября 1914 г. на Балтийском флоте произошел серьезный прорыв в области радиоразведки (РР), оказавший непосредственное влияние на процесс формирования разведывательных органов флота. В относительно короткий срок РР сумела превратиться в важнейший источник получения разведывательной информации, превзойдя по оперативности, полноте, достоверности и важности получаемых сведений другие виды разведки. Организатором и руководителем РР на Балтийском флоте являлся 2-й (радиотелеграфный) флагманский минный офицер штаба командующего флотом старший лейтенант И. И. Ренгартен[16]. В рассматриваемый период он сам осуществлял обработку и анализ всех радиоразведывательных материалов, поступавших в штаб флота. В середине ноября И. И. Ренгартен начал выпуск «Сводок наблюдений за радиотелеграфированием неприятеля» (в дальнейшем — «Радиосводок»), в которых он периодически обобщал всю добытую по линии РР информацию. Уже весьма скоро И. И. Ренгартен стал рассматриваться командованием в качестве основного специалиста по германскому флоту. В течение ноября И. И. Ренгартен дважды участвовал в минно-заградительных операциях отряда особого назначения под командованием контр-адмирала Л. Б. Кербера, в обоих случаях фактически исполняя обя-

занности начальника разведки походного штаба. К концу 1914 г. И. И. Ренгартен, сохраняя должность флагманского радиотелеграфного офицера и продолжая руководить всей радиосвязью флота, объективно выдвинулся на роль «главного разведчика» в штабе командующего флотом Балтийского моря.

Основной этап формирования разведывательных органов Балтийского флота пришелся на кампанию 1915 г. С 1 февраля заведующий разведкой лейтенант Ф. Ю. Довконт начал регулярный выпуск обновленных по структуре разведсводок с единой нумерацией, при этом в подписной части сводки № 1 (Сведения о противнике, полученные в штабе командующего флотом Балтийского моря с 1 по 14 февраля 1915 г.) впервые был использован термин «Разведывательное отделение штаба командующего флотом Балтийского моря» [17]. Примечательно, что в сводках разведывательного отделения (РО) в данный период весьма ограниченно использовались сведения РР, поскольку у них был более высокий гриф секретности. Эти сведения продолжали обобщаться в «Радиосводках» и имели очень узкий круг «потребителей». В мае 1915 г. Ф. Ю. Довконт, как получивший другое назначение, был отчислен из штаба флота, однако еще в апреле его сменил в должности заведующего разведкой лейтенант А. А. Сакович, назначенный в штаб исполняющим должность старшего флаг-офицера по оперативной части [18]. Сакович довел выпуск разведсводок «февральского» образца до № 8 (3—12 мая 1915 г.), когда к этой работе был подключен старший лейтенант И. И. Ренгартен. Далее началась их совместная деятельность, при этом с № 9 (13—23 мая 1915 г.) сводки разведывательного отделения стали выпускаться двух видов: полная (содержащая сведения РР) и обыкновенная (краткая) [19]. Краткая сводка печаталась в количестве 80 экземпляров и рассылалась на корабли и в штабы соединений. Полная сводка предназначалась только для командующего флотом и его штаба и выпускалась в ограниченном количестве экземпляров (как правило, 5 экз.). В последующем, с № 17, был продолжен выпуск только полной сводки, которая печаталась теперь в количестве 15—18 экземпляров и рассылалась согласно особому списку.

Таким образом, в мае 1915 г. в штабе командующего флотом Балтийского моря «де-факто» возникло и начало свою работу полноценное РО, руководимое флагманским радиотелеграфным офицером старшим лейтенантом И. И. Ренгартеном. Отметим при этом, что ведущая роль И. И. Ренгартена в работе РО подтверждается многими современниками и, в первую очередь, самим А. А. Саковичем, который в 1931 г. писал: «С началом войны... вопросы разведки... находились в ведении флагманского радиотелеграфиста флота — Ренгартена, в помощь которому был выделен из оперативной части штаба, весьма слабой по своему составу... один из двух старших флаг-офицеров» [20]. Уместным будет отметить также, что тандем Ренгартен—Сакович оказался исключительно удачным, и именно с его работой связаны одни из наиболее ярких и поучительных страниц в истории разведки Балтийского флота в годы Первой мировой войны.

«Де-юре» существование РО оформили 4 сентября 1915 г., когда начальником штаба контр-адмиралом Н. М. Григоровым было утверждено «Положение об Оперативной части Штаба Командующего флотом Балтийского моря в военное время» [21]. Согласно этому документу в составе оперативной части штаба впервые предусматривалось наличие РО, к предметам ведения которого было отнесено: установление заданий для агентурной разведки и контрразведки; сбор и обработка сведений о противнике; своевременное осведомление об обстановке подлежащих начальников и некоторые другие вопросы. Возглавлять РО должен был старший флаг-офицер по оперативной части. Однако данный пункт «Положения» носил в большей степени формальный характер. Фактическое руководство всей разведкой на Балтийском флоте сохранилось за И. И. Ренгартеном. Помощником И. И. Ренгартена до конца сентября 1915 г. оставался А. А. Сакович, но затем он был отчислен из штаба командующего и откомандирован в распоряжение МГШ [22]. В последующем оперативную часть штаба представлял в РО мичман М. М. Комелов. К работе РО привлекался также Ф. Ю. Довконт, вернувшийся в 1916 году в штаб и назначенный на вновь учрежденную на время военных действий должность флагманского историографа. По согласованию с начальником штаба, И. И. Ренгартен поручил Ф. Ю. Довконту работу по описанию германских баз и портов, объектов судостроитель-

ной промышленности, а также участие в составлении боевого расписания германского флота[23].

В течение осени 1915 — весны 1916 г. произошло существенное смещение акцентов в характере деятельности РО. Начав свою работу исключительно как информационный орган, занимавшийся учетом и обработкой разведывательной информации, к концу второй военной кампании разведотделение стало все в большей степени превращаться в орган руководства разведывательной работой на флоте. Особое внимание при этом уделялось вопросам организации добывания разведывательной информации.

Всесторонне оценивая обстоятельства возникновения РО в штабе командующего Балтийским флотом и его боевую работу, следует особо отметить, что вплоть до 1917 г. этот орган существовал, по сути, как внештатный, сформированный на основе внутренних распоряжений и документов штаба путем перераспределения обязанностей между его офицерами. Первые штатные разведывательные органы на Балтийском флоте появились только в 1917 г. Приказом начальника морского штаба Верховного Главнокомандующего от 1 января 1917 г. за № 1 были введены (на время военных действий) новое «Положение о штабе командующего флотом»[24] и новый штат штаба[25]. Согласно этому «Положению» оперативная часть штаба включала в свой состав разведывательное отделение, предметами ведения которого являлись: учет всех агентурных сведений; составление ежедневных и периодических сводок о неприятеле; сбор сведений о неприятельских и иностранных флотах и портах, а также опрос пленных. Впервые за свою историю в штабе командующего флотом была введена штатная должность начальника РО. Как и другие начальники отделений оперативной части штаба, он имел статус помощника флаг-капитана по оперативной части. Примечательно, однако, что для должности начальника РО была предусмотрена более высокая категория — капитан 1 ранга; начальники остальных отделений имели категорию на ранг ниже (капитан 2 ранга). В составе РО было предусмотрено до 3-х должностей старших флаг-офицеров и до 4-х — младших флаг-офицеров. (Конкретное их число должно было определяться «по действительной надобности».)

Первым штатным начальником РО отделения штаба командующего Балтийским флотом стал капитан 2 ранга И. И. Ренгартен[26]. Его ближайшим помощником в этот период являлся лейтенант М. М. Комелов, старший флаг-офицер по оперативной части штаба. Архивные документы позволяют назвать фамилии еще двух офицеров, причастных к работе РО в 1917 г.: это лейтенант А. Н. Смирнов и поручик по Адмиралтейству Е. И. Максимов[27]. В начале июня 1917 г. И. И. Ренгартен был уволен на два месяца в отпуск по болезни и зачислен в резерв чинов Балтийского флота (с оставлением в распоряжении штаба командующего). В связи с этим руководство РО в течение июня — июля 1917 г. осуществлял М. М. Комелов, допущенный приказом командующего флотом к исполнению должности помощника флаг-капитана по оперативной части[28]. В первых числах августа И. И. Ренгартен, прибыв из отпуска, вернулся к руководству разведкой Балтийского флота.

Как свидетельствуют документы, в 1917 г. на Балтийском флоте появилась еще одна штатная должность офицера-разведчика. Приказом Верховного главнокомандующего от 1 апреля 1917 г. за № 52 было введено в действие «Положение о начальнике сухопутных войск, подчиненных Командующему флотом Балтийского моря» и объявлен штат его штаба. Согласно штату в составе штаба была предусмотрена должность помощника начальника оперативного отделения по разведывательной части (в чине обер-офицера). Безусловного внимания заслуживает также введение в штат штаба должности переводчика, которую предполагалось замещать чиновником или офицером «из раненых 3-й категории». До настоящего времени, к сожалению, не удалось выявить конкретных лиц, исполнявших названные должности.

Важной особенностью развития разведывательных органов на Балтийском флоте в период Первой мировой войны явилось то, что уже с весны 1915 г. здесь, параллельно с РО штаба командующего флотом, стал складываться второй центр разведывательной работы — в Службе связи. Такой ход событий был обусловлен целым рядом причин объективного и субъективного характера, детальный анализ которых не входит в задачу данной статьи. Отметим лишь то обстоятельство, что штабы командующих Морскими силами изначально возникли

в русском флоте и развивались в основном как походные штабы. Вместе с тем, как показал опыт, условия походного штаба не позволяли в то время на должном уровне организовать сбор, обработку и учет разведывательной информации. Применительно к Балтийскому театру ситуацию осложняло одновременное использование флотом двух баз: Гельсингфорса и Ревеля, что приводило к частой передислокации штаба при смене флагманским кораблем места базирования. На этом фоне Управление Службы связи оказалось едва ли не единственным флотским органом с оперативными функциями, имевшим постоянную, береговую «прописку». В то же время Служба связи, в рамках сложившейся в русском флоте организации, уже объединила в себе все основные источники разведывательной информации: радиоразведку (включая шифрперехват), авиационную разведку и береговые наблюдательные посты. В этих условиях вполне естественным шагом стало учреждение командующим флотом в мае 1915 г. Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи (в составе 4 штаб-офицеров) [29], на которое был возложен широкий круг задач по ведению и анализу обстановки на море. В сентябре того же года Главнокомандующий армиями Северного фронта своим приказом утвердил на время войны создание Временного оперативного отделения, увеличив его состав до 6 штаб-офицеров [30]. Благодаря личностным качествам начальника Службы связи контр-адмирала А. И. Непенина это новое отделение в короткий срок выросло в хорошо организованное и налаженное «осведомительное бюро», претендующее на роль основного информационного центра разведки Балтийского флота. Уже к осени 1915 г. Временным оперативным отделением был начат выпуск собственных информационных документов по разведке. Регулярно выпускались следующие виды сводок: «[Разведывательная] обстановка» (полная и краткая), «Сведения о портах и фарватерах [противника]», «Вероятное распределение судов [противника] по портам». Кроме того, периодически выпускался перечень предполагаемых радиопозывных противника.

Как отмечалось нами ранее [31], создание Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи с возложением на него разведывательных функций сыграло в целом по-

ложительную роль и позволило существенно улучшить качество разведывательного обеспечения действий сил флота. Однако наряду с этим оно заложило предпосылки к развитию в будущем определенных негативных процессов, связанных с формированием на Балтийском флоте двух разведывательных центров, дублирующих друг друга по широкому кругу вопросов. На это обстоятельство впервые обратил внимание исследователей еще А. А. Сакович в своей статье в 1931 г. [32], но данная тема не получила по различным причинам дальнейшего развития в работах по истории военно-морской разведки.

В начале 1917 г. И. И. Ренгартеном, в связи с общей реорганизацией штаба, были предприняты шаги по созданию Берегового оперативного отделения штаба командующего флотом, к которому должны были бы перейти разведывательные функции Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи. Однако полностью воплотить в жизнь эти идеи тогда не удалось. А уже в августе 1917 г., на фоне общего развала в стране и на флоте, пришлось для сохранения необходимого уровня разведывательного обеспечения действий флота искать другие решения. В эти дни И. И. Ренгартен разработал и представил командованию «Соображения по организации Разведывательного отделения Оперативной части Штаба Командующего флотом Балтийского моря в связи с обстановкой кампании 1917 года» [33]. В соответствие с этим документом вся обработка разведывательной информации была передана в Службу связи и сосредоточена в оперативно-осведомительном отделении Службы связи, а также на радиостанции особого назначения. Часть офицеров РО (М. М. Комелов, А. Н. Смирнов) были для усиления откомандированы в Службу связи (для работы при оперативно-осведомительном отделении). За разведывательным отделением (И. И. Ренгартен, Е. И. Максимов) остались главным образом анализ и оценка обстановки, доклад командующему, а также своевременное оповещение об обстановке частных начальников. Проведенные И. И. Ренгартеном экстренные мероприятия по реорганизации разведывательной работы оказались весьма своевременными и позволили разведке Балтийского флота в целом успешно решить стоявшие перед ней задачи в ходе операции германского флота «Альбион» осенью 1917 г.

В заключение следует отметить, что реконструкция структуры разведывательных органов Балтийского флота в период Первой мировой войны является безусловно лишь первым шагом к воссозданию полноценной истории разведки флота. Необходим дальнейший архивный поиск с целью выявления всех участников разведывательной работы на Балтийском флоте, выяснения их персонального вклада в конкретные достижения разведки. Особый интерес также представляет сопоставительный анализ особенностей развития разведывательных органов на Балтийском и Черноморском флотах, имевших в вопросах организации существенные отличия.

---

[1] См., напр.: Флот в первой мировой войне. Т. 1. М., 1964. С. 221; *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. III. Час. Вт. М., 2001. С. 107.

[2] Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству. СПб., 1906. С. 810.

[3] В последующем: Иностранная часть (1908), Иностранное отделение Статистической части МГШ (1911).

[4] Организация штабов частей флота и обязанности чинов. Издание Морского Генерального Штаба. СПб., 1912.

[5] *Буяков А.* «Предмет детального изучения...» // Морской сборник. 1995. № 3. С. 91—93.

[6] Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству. СПб., 1914. С. 547, 549.

[7] Там же. С. 550.

[8] *Алексеев М.* Указ. соч. С. 477.

[9] Указатель... С. 547.

[10] Новый штат штабов командующих флотами Балтийского и Черного морей был утвержден императором 4 мая 1915 г. Объявлен Приказом по флоту и Морскому ведомству № 203 от 4 мая 1915 г.

[11] Контр-адмирал Л. Б. Кербер имел большой личный опыт работы в разведке: в 1906—1908 гг. он был первым заведующим Отделением иностранной статистики МГШ, а в 1909—1911 гг. — морским агентом в Англии.

[12] Приказ командующего флотом Балтийского моря (КФБМ) № 25 от 25 июля 1914 г.

[13] Оба назначения произведены приказом КФБМ № 191 от 10 сентября 1914 г.

[14] Приказ КФБМ № 314 от 20 октября 1914 г.

[15] Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 716. Оп. 2. Д. 21. Л. 359; Ф. 418. Оп. 1. Д. 389. Л. 23; Д. 400. Л. 9.

[16] *Партала М. А.* Радиоразведка Балтийского флота в Первую мировую войну (К истории создания) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14—16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 194—203.

[17] РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 297. Л. 12.

[18] Приказ КФБМ № 434 от 26 апреля 1915 г.

[19] Под сводкой № 9 стоят две подписи: А. А. Саковича и И. И. Ренгартена.

[20] *Сакович А.* Радиоразведка на Балтийском театре в войну 1914—18 гг. // Морской сборник. 1931. № 12. С. 51.

[21] Положение об Оперативной части Штаба Командующего флотом Балтийского моря в военное время. Типография Штаба КФБМ, 1915.

[22] Приказ КФБМ № 1023 от 29 сентября 1915 г.

[23] РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 327.

[24] Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 213. Л. 1, 5—10.

[25] Там же. Л. 2—4.

[26] Приказ КФБМ № 42 от 14 января 1917 г.

[27] РГА ВМФ. Ф.479. Оп. 2. Д. 191. Л. 2.

[28] Приказы КФБМ № 30 и 34 от 13 июня 1917 г.

[29] Приказ КФБМ № 578 от 28 мая 1915 г.

[30] Приказ Главнокомандующего армиями Северного фронта № 172 от 27 сентября 1915 г.

[31] *Партала М. А.* Указ. соч. С. 203.

[32] *Сакович А.* Указ. соч. С. 52, 53.

[33] РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 435а. Л. 4, 5.

Е. Ю. Дубровская

ГЕЛЬСИНГФОРС — ГЛАВНАЯ БАЗА БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ГОРОД И МОРЯКИ-БАЛТИЙЦЫ

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мирвой войны, особенностей психологии российских военных в Финляндии, представлений рядовых матросов и их офицеров об этносах-соседях (финнах и шведах), исследование вопроса о социально-нравственных нормах моряков позволяют представить ту реальность, в которой в 1914—1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных для флотской службы на северо-западном рубеже воюющей Российской империи [1].

Одним из аспектов окружавшей их реальности являлось городское пространство финляндской столицы — г. Гельсингфорс (совр. Хельсинки). Город, ставший столицей Финляндии в 1812 г., вскоре после присоединения финляндского княжества к России, изначально строился как город, не связанный с памятью о шведском прошлом. К концу XIX в. он сам стал символом имперской власти в Великом княжестве, противопоставлявшимся прежней древней столице Або (Турку). В его архитектуре и планировке имперская и административная символика поддерживали друг друга и должны были напоминать российским военнослужащим о могуществе и величии государства, на страже которого они призваны были стоять здесь, в Финляндии, прикрывая с моря столицу империи.

Под влиянием Петербурга город виделся его строителям и как морской порт России, и как «военная столица» княжества, и как центр административного управления краем. Идеал военной столицы, обусловливавший ее претензии на олицетворение имперской власти в Финляндии, требовал, чтобы, подобно Петербургу, «город строился, как полк на параде, по струнке» [2].

Частью архитектурного облика гарнизонного города и монументальным выражением могущества империи стали казарменные строения. В 1820-х гг. в городском районе Круунунхака появились казармы для жандармских и казачьих войск, а в начале 1830-х — Абоские казармы на тогдашней окраине города. Вместе с русской армией в Гельсингфорс прибыла специальная инженерная команда для проектирования и строительства казарм. Многие из проектов, разработанных офицерами инженерных войск, так же как и их имена, остались неизвестными. В этой команде служили полковник Бурмейстер, проектировавший Абоские казармы Козельский и Курочкин — авторы проектов здания Главной гауптвахты и береговых казарм Свеаборгского гарнизона.

Самым значительным среди гражданских зданий, возведенных при участии военных инженеров, стал Русский Александровский театр, призванный удовлетворять культурные запросы русского населения. Разработкой чертежей занимались, в частности, Начальник Свеаборгского инженерного управления подполковник Петр Бенард и полковник Кошперов [3]. Руководил работами по строительству театрального здания на Бульварной улице (Булеварди) начальник инженерных войск Финляндского военного округа генерал-майор М. Фролов. Из-за сходства в росписи потолка зала с петербургским прототипом театр называли «малым Мариинским». На одной из центральных улиц, на Унионской, названной в честь унии, заключенной в 1809 г. между российским монархом и Великим княжеством, по соседству с казармами был построен русский Военный госпиталь в неоклассическом стиле, действовавший в этом качестве до конца апреля 1918 г. [4] Казарменная улица получила название от здания Гвардейских казарм, на ней же располагался и Гвардейский манеж.

Однако главным символом императорской и великокняжеской власти в финляндской столице стал один из красивейших городских ансамблей Европы — монументальный комп-

лекс в пышном стиле ампир — административный центр в рамках Сенатской площади. План его строительства составил уроженец Гельсингфорса Й. А. Эренстрём, а в качестве архитектора был приглашен берлинский зодчий Карл Людвиг Энгель, до этого принимавший участие в возведении каменных шедевров Ревеля (совр. Таллинн) и Петербурга.

Морякам, служившим в Гельсингфорсе, во время увольнения в город приходилось «обживать» незнакомую территорию с ее площадями, улицами, парками, привыкать к иноязычным топонимам и выстраивать свои отношения со зданиями, памятниками и другими объектами городской среды. Многие из пространств города носили русские названия, другие же неофициально переименовывались военными по ассоциации со знакомыми местами, прежде виденными в России (знаменитые «Карпаты» в Брунс-парке вблизи порта [5]).

Таким локусом, напоминавшим рядовым о России, но не наделявшимся сакральным смыслом, стали, например, безлюдные скалы в живописных окрестностях города, которые солдаты и матросы называли «Карпатами», излюбленное место их досуга. В 1917 г. в обстановке снижения дисциплины в войсках и наступившей «свободы» от исполнения множества прежних регламентированных обязанностей оно стало синонимом веселого и праздного времяпровождения с игрой в «орлянку» и алкогольными излишествами.

«Карпаты», как и прочие локусы, удаленные от парадных площадей и улиц города (парки Кайсаниеми, Цисперия и т. д.), воплощали представления военнослужащих о символике «периферии», оппозиционной официальному «центру», с допустимыми для маргинальных территорий нарушениями поведенческих норм, клишированием бытовых практик «социальных низов», криминогенностью. Об этом сохранилось множество свидетельств, особенно в источниках личного характера. Среди них как опубликованные, так и не попавшие на страницы газет 1917 г. призывы читателей к солдатам и матросам не допускать действий, позорящих «революционные войска и юную обретенную свободу» [6].

Постепенное освоение города позволяло военнослужащим составить семиотическую «шкалу ценностей» различных точек на плане Гельсингфорса [7]. Символические противостояния,

в том числе и на уровне городского пространства финляндской столицы, стали частью Первой мировой войны наряду с конфликтами между военными и гражданской администрацией Великого княжества, с насаждением чрезвычайных мер военного времени в качестве государственной политики и общей атмосферой взаимного недоверия между российскими военнослужащими и жителями Финляндии. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, с возобновлением попыток центральных властей добиться унификации статуса Финляндии с положением других частей империи, российские военнослужащие прежде других категорий российских подданных испытали на себе усиление националистического, центробежного движения финляндцев, возмущенных ущемлением ранее приобретенных автономных привилегий [8].

Ситуация вокруг великокняжеской столицы примечательна тем, что ее статус выводил взаимоотношения Гельсингфорса с Петроградом за рамки обычных отношений провинции и имперского центра. На протяжении всех военных лет моряки воспринимали финляндскую столицу как «свой» и одновременно «чужой» город.

«Свой» — потому, что к весне 1917 г. на кораблях Гельсингфорсской базы, ставшей главным местом сосредоточения военно-морских сил империи на Балтийском море, служило до 20 тыс. моряков — нижних чинов и офицеров. Если в марте 1915 г. в Свеаборге насчитывалось 4 тыс. военнослужащих, включая солдат и офицеров крепостного пехотного полка, а в казармах на территории города и на островах, составлявших линию обороны города и крепости в окрестностях Гельсингфорса — до 5 тыс. чел., то к началу Февральской революции в финляндской столице численность сухопутных войск, размещенных в городе и крепости, выросла до 20 698 чел. [9]

А. И. Куприн, офицер и литератор, хорошо знакомый с историей края, все же упомянул о Свеаборгской крепости, построенной шведами в XVIII в., как о памятнике русского военно-инженерного искусства [10]. Рядовые военнослужащие тем более безоговорочно воспринимали крепость как «освоенное» пространство, «островок» России, защищенный от внешнего, подчас весьма враждебного мира.

Гельсингфорс являлся главной базой не только самого крупного российского флота, но и военно—морских сил России. Однако его превращение в фактический тыл в связи с тщательным минированием как акватории Финского залива, так и подступов к портам, удаленность базировавшихся на Гельсингфорс кораблей от театра военных действий на море подчас удручающе действовали на флотских офицеров. Смысл своей профессиональной деятельности они видели в непосредственном участии в сражениях начавшейся войны. Одним из сохранившихся тому свидетельств служит письмо лейтенанта Соболева, отправленное 8 августа 1914 г. капитану 2 ранга Ф. Ю. Довконту, который исполнял должность помощника флаг-капитана по оперативной части штаба командующего Балтийским флотом [11].

«Чужим» же город виделся российским морякам не только потому, что географически располагался на северо-западных рубежах империи. Его населяли жители, которые оставались поведенчески оппозиционны имперскому центру. «В двенадцати часах езды от российской столицы стоит на голубом граните скал иностранный город, и время в нем — не российское», — таким рисует образ финляндской столицы писатель-маринист Леонид Соболев, автор известного романа «Капитальный ремонт», посвященного событиям кануна российской революции 1917 г. на Балтике. «Гельсингфорс стоял на граните своих набережных у тихой воды рейдов аккуратно и чистенько, как белокурая крепкая фрёкен в крахмальном переднике у кафельной плиты над тазом теплой воды... чистый, неторопливый, хозяйственно-удобный город. Зеленые трамваи катились как игрушки. Витрины каждого магазинчика миниатюрно-солидны, а на Эспланаде они размахивались во всю стену, и тогда солидность их граничила с роскошью, и в них беспошлинные иностранные товары. Бесшумность автомобилей равна молчаливости их шоферов. Полицейские на перекрестках — в черных сюртуках, вежливы, неразговорчивы, подтянуты. Шведские и финские надписи на вывесках, на трамваях, на табличках с названиями улиц, шведская и финская речь неторопливой тротуарной толпы, белокурые проборы и локоны, марки и пенни сдачи заставляли чувствовать себя в иностранном городе. Даже часы — и те отличаются на двадцать минут от петербургского времени...» [12]

Однако «иностранный» характер города беспокоил флотское командование не в силу своей внешней «инаковости». По воспоминаниям капитана 1-го ранга С. Н. Тимирева, флаг-капитана командующего Балтийским флотом, Гельсингфорс считался «центром германского шпионажа и разрушительной революционной работы». Одной из причин такого предубеждения стал «состав населения», говорящего «на чуждом языке» и «в некоторых своих слоях настроенного германофильски». Опасение вызывала и «продолжительная стоянка больших кораблей (1—я и 2-я бригада линкоров, 2-я бригада крейсеров, эсминцы и миноносцы, всего более ста кораблей действующего флота. — *Е. Д.*) в Гельсингфорсе». По словам Тимирева, частые посещения матросами берега давали агитаторам «полную свободу ведения самой широкой революционной пропаганды среди команд» [13].

В дни Февральской революции 1917 г. в Гельсингфорсе матросы и солдаты придавали первостепенное значение символическому завоеванию особо отмеченных знаками «имперского присутствия» мест города, таких, как его центральные площади и улицы, здание бывшего царского дворца (Мариинского), дом финляндского генерал-губернатора, Александровский театр).

В ритуализированном поведении нижних чинов во время шествий, демонстраций и митингов тенденция к расширению «своего» пространства проявлялась в выборе направлений спонтанно возникавших маршрутов из периферии «освоенного мира» в центр города. Превращению сферы «чужого» в «свое» городское пространство помогало использование российскими военными музыкальных и графических символов революции, клишированных жестов, таких, как обмен красными лентами и бантами, что позволяло россиянам и финляндцам без перевода понимать друг друга, а также обращение к намеренным нарушениям норм поведения (попытки разрушить памятники, напоминавшие об империи, срезание погон с форменной одежды офицеров и рядовых и т. п.).

Василий Фролов, служивший писарем в Свеаборге и опубликовавший в 1917 г. в Гельсингфорсе несколько стихотвор-

ных сборников, в одном из них поместил стихотворение «Штрихи» — своеобразную картинку из повседневной жизни Свеаборгской крепости. Стихотворение написано в форме шутливого адресованного «дядюшке» послания из Гельсингфорса и свидетельствует о неспокойной обстановке в городе летом 1917 г.

Для русских военных она осложнялась не столько влиянием радикализированных периодических изданий (упоминание о знакомстве героя стихотворения с большевистской газетой «Прибой»), сколько недостатком платежных средств из-за значительного падения курса рубля по отношению к финской марке:

Надо, дядюшка, признаться,
Что хотя в толпе толкаться
Доставляет развлеченье,
Но зато, ей-ей, мученье
Сознавать, что вдруг начнется
Свалка тут же, что придется
Удирать во все лопатки —
Тут душа уходит в пятки.
Здесь повсюду забастовки,
А виной всему — плутовки
Марки, так как мародеру
Подавай их сразу гору.
Быть побитым — неприятно.
А поэтому понятно,
Что я крепость покидаю
Редко. Здесь «Прибой» читаю
И, душою умиляясь,
В доке Эссена купаюсь...[14]

Весной 1917 г. на митингах на Сенатской площади или в Рабочем доме в Сернесе российские военнослужащие объединялись с финскими рабочими, которые пытались привлечь радикально настроенных рядовых к своей борьбе за установление 8-часового рабочего дня или за принятие сеймом закона о коммунальном самоуправлении. Места проведения их совместных манифестаций и митингов все чаще совпадали с дореволюционной топографией протестных действий горожан, а маршруты демонстраций становились более упорядоченными.

Однако шествия, спланированные финнами, не предполагали прохождения мимо главного из прежних имперских символов города — бывшего царского дворца, что обязательно предусматривалось во время парадов, организованных русскими военными. Финляндцы сохранили и свои традиционные места проведения митингов, на которые предпочитали собираться без участия солдат и матросов (таким стал сквер на Эспланде возле памятника поэту Й. Л. Рунебергу, выразителю финских национальных устремлений).

Наряду с уже «освоенными» сверхсемиотизированными объектами городского пространства, каким стали Мариинский дворец — место нахождения исполкома Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих, высшего выборного органа власти военнослужащих, или бывшая царская яхта «Штандарт», на которой разместился Центральный комитет Балтийского флота, появлялись и новые, практически лишенные связи с прежней имперской символикой. Новой «святыней» для солдат и матросов становились здания Матросского[15] и Артиллерийского клубов, позже — Клуба анархистов.

В условиях снижения привычной воинской дисциплины и в соответствии с представлениями рядовых о наступившей «свободе» пространство города подчас воспринималось ими как место проведения ежедневного праздника с импровизированными представлениями, привлекавшими как военнослужащих, так и горожан. Те и другие, недавние подданные империи, почувствовавшие себя гражданами, зачастую воспринимали политический переворот как ритуальное праздничное «действо», в которое включалось городское пространство финляндской столицы.

В царской России армейские и флотские части на территории Великого княжества использовались для проведения мероприятий общеимперского значения. Парады, призванные демонстрировать силу правящего режима, вместе с тем положительно воздействовали на эстетические чувства населения, не искушенного в политике, вдохновляли эмоционально, военные оркестры оживляли жизнь гарнизонных городов, влияли на музыкальную культуру великокняжеской столицы[16].

С утратой войсками, находившимися в Финляндии, своей главной задачи — защиты трона и суверенитета империи, в гла-

зах военнослужащих теряла смысл и еще одна из их прежних задач — напоминать населению об обязательном уважении к центральной власти, гарантировать как политический, так и общественный порядок.

Летом одним из объектов «повышенной значимости», требующим совместного «освоения» радикально настроенными финнами и военнослужащими, неожиданно оказался главный лютеранский собор города на Сенатской площади. Присвоение пространства через ритуально инвертированное поведение/ритуальное осквернение прежней или чужой «святыни» наблюдалось и в последующие месяцы революционных перемен в жизни финляндской столицы. Пример тому — участие российских военнослужащих в предпринятом в июне французским анархистом Жаном Болдтом захвате Никольского лютеранского храма в центре Гельсингфорса.

Ворвавшись в собор вместе с четырмя сотнями своих сторонников, Болдт с амвона произнес «зажигательные речи» на шведском, французском и русском языках, требовавшие, чтобы финский сейм немедленно выработал законопроект о коммунальном самоуправлении. Выступления прерывались бурными аплодисментами поддерживавших его, пением «Марсельезы», «Интернационала», а также «рабочего марша и анархистских песен». Как отмечалось в прессе, среди слушателей Болдта было немного матросов и армейцев, из-за чего возникла опасность «кровопролития», в том случае, «если только солдаты вмешаются в это дело». При попытке финского комитета общественного порядка очистить церковь некий «матрос пригрозил, что на помощь придет военная сила в 5 тыс. человек» [17].

К утру Болдт и несколько участников захвата собора были арестованы и препровождены в полицейское управление. Когда толпа на Сенатской площади узнала об аресте, «многие бросились по направлению к гавани, чтобы позвать на помощь матросов». Находившиеся на площади, в их числе и российские военнослужащие, вступили в стычки с милиционерами и ранили троих из них, но не смогли освободить арестованных. На следующий день Ж. Болдт был вынужден уехать из финляндской столицы.

«Главная церковь наша почти что на целые сутки обращена была в постоялый двор... Худшей рекламы для новой свободы

трудно и придумать», — писала шведская газета «Хувудстатсбладет». За 15 часов их пребывания «захваченный» собор оказался приведенным в такое состояние, что на уборку помещения потребовалась целая неделя [18].

Подобное поведение, входящее в кодекс захватчика на оккупированной территории, все же не было типичным для солдат и матросов, остававшихся в бывшей великокняжеской столице вплоть до вывода российских войск из Финляндии весной 1918 г. в соответствии с Брестским мирным договором между Россией и Германией. Их больше беспокоила пусть даже мнимая опасность утраты уже «освоенных» ими городских пространств и объектов. Подозрения в «покушениях» такого рода вызывали ярость рядовых по отношению к офицерам и военным чиновникам. Осенью 1917 г. перипетии возникли между членами гельсингфорсского Матросского клуба и врачами морского госпиталя.

Первоначально клуб открылся в одном из помещений бывшего Мариинского дворца. Позже у морского ведомства появилась возможность приобрести для клуба отдельное здание частной гостиницы «Аполло». В начале октября 1917 г. врачи морского госпиталя, который вынужденно размещался в здании гельсингфорсского вокзала, включили помещение клуба в число тех, что были выбраны для эвакуации раненых в случае налетов на город немецких цепеллинов.

Делегация врачей и чиновников госпиталя с разрешения администрации Мастросского клуба осмотрела здание, и это послужило поводом для публикации комиссаром клуба матросом миноносца 120 Коршуновым обвинений в ее адрес в гельсингфорсских «Известиях». Как сказано в его письме, врачи замышляли захватить здание по той причине, что «аэропланы не будут бросать в него бомбы», так как оно построено «на немецкие деньги», а на его крыше «есть шифрованная надпись “не трогать”» [19].

Замечание врачебной комиссии о том, что в строительстве многих домов города участвовали германские средства, и что это «ни для кого не являлось секретом», дало основание комиссару клуба на страницах газеты разразиться проклятьями в адрес офицеров, якобы посягнувших на «матросскую собственность» на берегу, гарантированную от нападений непри-

ятеля. «Я прямо скажу, — писал Коршунов, — что вам не только попасть в клуб, но и посмотреть больше не удастся, не так вы нас поняли, не клуб получите, а 4 марта [20], если не успокоитесь... Клуб придется взять не иначе, как штурмом, причем на баррикадах его будет 10 тысяч человек».

Письмо заканчивалось обращением к «товарищам матросам»: «Стойте на страже своих интересов, иначе эти *храпоидолы* с нами разделаются, они не спят, им не нужен Рижский залив, а пока вы там боретесь, они под шумок устраиваются» [21]. Угроза им виделась не столько со стороны внешнего противника, сколько от «внутреннего врага» в собственном окружении. Вражеские аэропланы и опасность, которую нес неприятель городу, воспринималась как намного меньшее зло по сравнению с «происками» командного состава российской армии и флота, а любые действия офицеров неизбежно предполагали «презумпцию виновности».

В представлениях рядовых военнослужащих «освоенные» городские объекты бывшей великокняжеской столицы тесно связывались с завоеваниями революционного времени и становились символами этих завоеваний, которые необходимо было уберечь от поглощения «чужой» средой.

---

[1] Подробнее об этом см.: *Дубровская Е. Ю.* Роль Балтийского флота в обеспечении безопасности Петрограда в 1914—1917 годах // Петербургские чтения 98—99. СПб., 1999. С. 639—642.

[2] *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 208—220; *Hellberg-Hirn E.* Символика Петербурга: тема пространства // Studia Slavica Finlandensia. T. XIII. 1996. С. 68—88.

[3] *Byckling L.* Aleksanterin Teatteri 120 vuotta. Helsinki, 2000. S. 2—3; *Pakarinen R.* The Russian builders of Helsinki // Venalaisyys Helsingissa. 1809—1917. Hels., 1984. S. 99; *Kasanen A.* Bulevardin ooperatalo tyhjenee ensi kesana // Helsingin Sanomat. 1993. 13.01. S. G 6.

[4] *Bonsdorf B., Smedslun T.* Helsingin Venalainen Sotilassairala. Hels., 1969. S. 46.

[5] *Бажанов Д. А.* Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914—1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы 5-й ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2004. С. 155—164.

[6] Kansallisarkisto (KA). Ф. «Русские военные бумаги». Д. 11970 — Письма в редакцию «Известий Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. То же.

[7] См. также: *Дубровская Е. Ю.* Политическая топография Гельсингфорса в 1917 г. (восприятие города российскими военнослужащими) // Вестник Новгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 29. С. 9—15.

[8] *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 2004. С. 225—281; *Новикова И. Н.* «Финская карта в немецком пасьянсе»: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 127—148.

[9] *Eerola J.* «Siunattu olkoon turvamme tuoja» — Upseereihin kohdistunut väkivalta Helsingin venäläisessä varuskunnassa helmikuun vallankumouksen 1917 aikana. Helsingin yliopisto. Humanistinen tiedekunta, Historian laitos. Pro-gradu työ, 1995. Liite 2.

[10] *Куприн А. И.* Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919—1921). СПб., 2001. С. 344.

[11] РГА ВМФ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 14. Л. 32—33 об.

[12] *Соболев Л.* Капитальный ремонт. Ч. 1 и 2. М., 1977. С. 12—13.

[13] *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 71.

[14] *Фролов В.* На заре. Гельсингфорс, 1917. С. 23. Упоминаемый в тексте док был назван в честь адмирала Н. О. Эссена, командующего флотом Балтийского моря в 1914—1915 гг.

[15] *Halen H.* Helsingin venäläinen Matruusiyliopisto ja Kansanyliopisto 1917—1918. Hels., 2001.

[16] *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808—1918. Hels., 1997. P. 406.

[17] Грандиозный скандал в Николаевской церкви // К сведению финляндского православного духовенства, Гельсингфорс. 1917. С. 19.

[18] К сведению финляндского православного духовенства. № 3. Гельсингфорс. 1917. 17 июня. С. 13.

[19] КА. «Русские военные бумаги». Д. 11970.

[20] См. статью А. В. Смолина в наст. сборнике.

[21] КА. «Русские военные бумаги». Д. 11970.

В. И. Мусаев

ФИНЛЯНДИЯ И КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1921 г.

Участники Кронштадтского восстания 1921 г. составили последнюю, самую крупную и весьма специфическую группу среди российских беженцев периода Гражданской войны в Финляндии.

С самого начала восстания, вспыхнувшего 1 марта 1921 г., советские власти опасались связей мятежников в Финляндии. Они предполагали, что кронштадтскими событиями могут воспользоваться как собственно финские военные и политические структуры, так и русские эмигрантские организации, базировавшиеся на финской территории или имевшие связи в Финляндии. В агентурной сводке советского командования от 6 марта сообщалось о том, что «ревком мятежников имеет пешую связь с Финляндией» [1]. Советское руководство предпринимало попытки изолировать мятежную крепость от Финляндии и не допустить вмешательства финнов в события. Не исключалась и возможность провокации со стороны восставших. 7 марта глава НКИД Г. В. Чичерин направил ноту правительству Финляндии, в которой говорилось: «Вследствие мятежа, вспыхнувшего на линкоре («Петропавловск». — *В. М.*), находящемся в крепости Кронштадт, и ввиду возможной необходимости для Российского правительства прибегнуть к вооруженной силе для подавления мятежа, Российское правительство имеет основания полагать, что руководители мятежа, оказавшись в отчаянном положении, могут попытаться создать осложнения для Российского правительства и нарушить

дружественные добрососедские отношения между Россией и Финляндией, открыв стрельбу в направлении финляндской территории» [2].

Связь Кронштадта с финским берегом действительно установилась с самого начала восстания. В начале марта в Терийоки отправились члены кронштадтского ревкома И. Орешин и Н. Архипов, а через несколько дней в Кронштадт прибыл в качестве эмиссара Американского Красного Креста бывший командир линейного корабля «Севастополь» барон П. В. Вилькен. Ревком принял его предложение о помощи продовольствием и медикаментами, но отказался от услуг отряда белогвардейцев численностью в 800 человек [3]. По сообщению советской агентурной сводки, 10 марта из Терийоки в Кронштадт было отправлено 11 подвод с продовольствием [4]. Я. Агранов в своем докладе в президиум ВЧК сообщал, что мятежники получили из Финляндии до 400 пудов продовольствия [5]. По данным исследователя Кронштадтского восстания, американского историка П. Аврича, однако, количество отправленного продовольствия было гораздо меньшим, но даже и эта партия, которую финские контрабандисты перевозили по льду Финского залива на санях, была выслана слишком поздно и попала в руки большевиков [6]. Председатель ревкома С. М. Петриченко получил письмо и от лидера партии эсеров В. М. Чернова, просившего допустить в Кронштадт его с отрядом в 600 человек [7]. По сведениям эсеровского административного центра, оказать помощь кронштадтцам намеревались также ингерманландские организации [8]. Хорошую осведомленность о событиях в Кронштадте проявлял бывший командир ингерманландских повстанцев Г. Эльвенгрен; он и его новый друг и соратник Б. В. Савинков также имели свои виды на мятежных матросов [9]. Лидеры восставших воздерживались, однако, от активных политических связей с эмиграцией, боясь скомпрометировать себя и дать лишние козыри в руки большевистской пропаганды.

Официальный Хельсинки внимательно наблюдал со стороны за событиями в Кронштадте, но не вмешивался в них. Финский Генеральный штаб считал восстание преждевременным, неподготовленным и обреченным на поражение. Уже 10 марта подразделения пограничной охраны были выдвинуты на побережье в районе Терийоки для перехвата предполагаемых бе-

женцев из Кронштадта[10]. Финны намеревались лишь в качестве гуманитарной помощи отправить в Кронштадт партию медикаментов, но и это не было осуществлено[11]. Советские деятели и сами понимали, что активное вмешательство Финляндии в кронштадтские события маловероятно. В одном из номеров «Петроградской правды» была опубликована статья одного из лидеров «красной» финской эмиграции К. Маннера «Напрасные упования», в котором доказывалось, что надежды лидеров восставших на помощь со стороны финнов лишены оснований[12]. Советский представитель в Финляндии Я. А. Берзин 14 марта с облегчением писал Г. В. Чичерину: «Мы сами не должны преувеличивать роль Финляндии в деле Кронштадта и поддаваться по этому поводу панике»[13].

В ночь с 16 на 17 марта 1921 г. начался решающий штурм мятежной Кронштадтской крепости. Рано утром красноармейские части ворвались на остров Котлин, а к концу дня 17 марта сопротивление повстанцев было окончательно сломлено, Кронштадт полностью оказался в руках правительственных войск. Те из мятежников, кто не хотел сдаваться на милость победителя, начали уходить по льду залива в сторону Финляндии. Уже к полуночи 17 марта первые беженцы из Кронштадта появились на финском берегу у Терийоки. Утром следующего дня их поток значительно усилился. Бегство повстанцев в Финляндию стало возможным благодаря тому, что группа советских войск, которая наступала на Кронштадт с севера и должна была отрезать мятежникам путь отступления в Финляндию, встретила упорное сопротивление в ходе наступления и отклонилась влево, оставив незанятым форт Обручев. В результате дорога в Финляндию оказалась открытой[14]. 17 марта пограничный комендант подполковник Э. Хейнрикс издал распоряжение о том, чтобы кронштадтские беженцы, прибывающие к берегу, задерживались и разоружались. Выполнение этого распоряжения возлагалось на военных, полицейские и таможенные органы. Этим же распоряжением были определены пункты приема беженцев (Куоккала, Келломяки, имение Тойвола в Терийоки, Ваммелсуу и Лаутаранта близ Ино), откуда они должны были направляться в изоляционный лагерь у форта Ино. Содержание лагеря собирался взять на себя Американский Красный Крест, представитель которого в Терийоки

капитан Риндж уже предпринял соответствующие меры[15]. Поток беженцев не иссякал до 20 марта. Финская пограничная стража поджидала беженцев на берегу, разоружала вновь прибывших или заставляла подбирать брошенные на льду винтовки и пулеметы. Всего, по сообщению эмигрантской газеты «Последние новости», было подобрано более 10 000 винтовок. Совместная советско-финляндская комиссия, образованная в Раяйоки сразу после подавления мятежа, занималась очисткой льда залива от трупов. Винтовки, пулеметы, боеприпасы и прочее военное имущество были собраны на финских военных складах. Кроме того, в Финляндии оказалось около 12 млн руб.[16] На требование Я. А. Берзина вернуть Советской России государственное имущество, перемещенное беженцами в Финляндию, министр иностранных дел Финляндии Р. Холсти отвечал, что «оружие будет временно, в соответствии с принципами международного права убежища... сохранено как гарантия покрытия расходов, которые причинят упомянутые беженцы Финляндскому государству»[17]. Дальнейшие попытки советской стороны добиться возвращения оружия и прочего оказавшегося в Финляндии после Кронштадтского восстания имущества успехом не увенчались.

В общей сложности в Финляндии к концу марта 1921 г. собрались около 8000 беженцев из Кронштадта[18], что составляло примерно половину общего числа участников восстания. Кронштадтский ревком во главе с С. М. Петриченко ушел в Финляндию в полном составе. Там же оказались все или почти все военные специалисты, примкнувшие к восставшим, в том числе бывший генерал А. Н. Козловский и бывший подполковник Е. Н. Соловьянов, игравшие во время восстания ведущую роль в организации обороны мятежного острова. Кронштадтские беженцы были интернированы и размещены в нескольких пунктах. Самая большая группа — около 5000 человек — была размещена близ форта Ино; 1700 человек находились в Койвисто (Бьёркё), 600 человек — в Райвола. 500 кронштадтцев находились некоторое время в Терийоки, затем их перевели в лагерь Туккала в районе Миккели. Члены ревкома пребывали первоначально в терийокском карантине, а Петриченко находился в Ино[19]. Часть беженцев была затем помещена в лагерь на острове Туркинсаари близ Выборга. Подавляющее боль-

шинство беженцев были солдатами и матросами, среди них насчитывалось лишь ничтожное количество гражданских лиц. В самом большом лагере — у форта Ино, где, по данным газеты «Новая русская жизнь» от 27 марта, продолжали находиться 3597 интернированных, лишь 25 из 3584 мужчин не были военными (кроме них, в лагере было 10 женщин и три ребенка)[20]. Финские власти признавали нежелательным нахождение беженцев в пограничной полосе. Выборгский губернатор Р. Реландер и пограничный комендант Э. Хейнрикс считали, что необходимо переместить беженцев из Выборгской и других губерний[21]. Имелись предположения об организации нового большого лагеря для интернированных во внутренней части страны. Такое намерение удивительным образом совпадало и с интересами советской стороны: Г. В. Чичерин предлагал Я. А. Берзину потребовать у финского руководства, наряду с выдачей конфискованного у мятежников оружия, также удаления кронштадтцев вглубь Финляндии[22]. Финское правительство обращалось к Лиге наций с призывом помочь в размещении беженцев в других странах[23], однако в итоге для этого ничего сделано не было[24]. Беженцам, имевшим польское или прибалтийское происхождение, финские власти на протяжении 1921 г. обеспечили возможность вернуться на родину[25].

Положение кронштадтских матросов и солдат, интернированных в лагерях, мало чем отличалось от положения военнопленных. Выборгский губернатор издал инструкцию для беженцев, содержавшихся в лагере на острове Туркинсаари, согласно которой общение беженцев с местным населением было строго запрещено. Границу лагеря, охраняемую военной стражей, пересекать также запрещалось[26]. Согласно показаниям нескольких моряков, бежавших из лагеря у форта Ино в Советскую Россию и задержанных 20 апреля 1921 г. у Красной Горки, режим в лагере был крайне суровым: лагерь был огорожен проволокой, выход за ограждение запрещался под угрозой расстрела, общение с местными жителями и финскими солдатами было запрещено интернированным. Суточный паек составлял $^1/_4$ фунта хлеба, $^1/_{16}$ фунта сала и жидкий мучной суп, но сахар и табак не выдавались. Командный состав размещался отдельно и получал двойной паек. Среди беженцев старались поддерживать военную дисциплину: из них были сформированы два полка — армейский и морской, по два часа в день проводились строевые занятия: с пехотинцами ежедневно, а с моряками — 2—3 раза в неделю[27]. Корреспондент газеты «Воля России» сообщал в середине мая: «Режим, которому подвергнуты интернированные кронштадтцы, довольно строгий. Без особого разрешения никого в лагеря не пускают (в особенности русских). Письма можно писать только через главную комендатуру. Газеты и книги просматриваются и допускаются тоже главной комендатурой в Терионах или выборгским губернатором для Туркензари»[28].

На первых порах снабжение беженцев продовольствием и одеждой взял на себя Американский Красный Крест. Однако размеры помощи постепенно сокращались. По сообщению номера газеты «Карьялан Аамулехти» от 30 марта, представители Американского Красного Креста на совещании у выборгского губернатора заявили, что продовольствия хватит лишь на несколько месяцев, а надежд на получение новых партий продовольствия мало. На том же совещании, как сообщала газета «Карьяла», руководитель восточноевропейской комиссии Американского Красного Креста полковник Э. У. Райан обещал добиться у своего правительства, чтобы оно оказало давление на Лигу наций «для причисления этого вопроса к международным и для того, чтобы не все было возложено на плечи Финляндии»[29]. В конце марта и начале апреля из Копенгагена в Хельсинки пришли три парохода с подарками для кронштадтцев[30]. Однако это были лишь разовые акции. Финляндскому государству пришлось часть расходов по снабжению беженцев взять на себя. 27 апреля 1921 г. Государственный совет принял решение выделить властям Выборгской губернии 150 000 марок для снабжения кронштадтских беженцев[31]. Другое решение заключалось в том, чтобы разрешить беженцам самостоятельно добывать себе средства к существованию. В конце мая 1921 г. Министерство внутренних дел уведомило выборгского губернатора о том, что трудоспособных кронштадтских беженцев в лагерях Туркинсаари и Ино, не вызывающих сомнения в плане благонадежности, можно выпускать за пределы лагерей для выполнения тех или иных оплачиваемых работ[32].

Начиная с июня, часть кронштадтцев стала наниматься на различные работы: лесные, полевые, по прокладке и благоустройству дорог. Однако все же положение беженцев, оказавшихся на таких работах, нередко было незавидным. Об этом свидетельствует ходатайство, которое С. М. Петриченко 16 октября 1921 г. направил на имя выборгского полицеймейстера. Как явствовало из этого обращения, около 500 кронштадтцев, находившихся в лагере Ино, завербовались в конце июня на работы, предложенные лесным ведомством. За период работ кронштадтцы, однако, ни разу не получили обещанной оплаты или аванса, не были снабжены подходящей рабочей одеждой (а трудиться нередко приходилось по колено в воде), их жилищные условия были крайне неудовлетворительными. Работы должны были продолжаться лишь до 1 октября, однако с наступлением указанной даты они не были прекращены. Петриченко просил полицеймейстера походатайствовать перед правительственными органами о снятии беженцев с работ, связанных с рытьем канав и очисткой рек[33]. Его просьба, по всей видимости, осталась неудовлетворенной, так как в ноябре ему пришлось обратиться к полицеймейстеру с новым письмом, в котором отмечалось, что часть беженцев насильственно отправлена в Россию, другие же прибыли в лагерь как тяжелобольные, а некоторые еще продолжают трудиться в районе Мюллюмяки на тех же работах. Петриченко просил полицеймейстера передать выборгскому губернатору ходатайство «о снятии беженцев с лесных и гидрографических работ и возращении их в лагерь, где бы они могли получить заслуженный отдых после годового исполнения столь тяжелых как в физическом, так и в нравственном отношениях работ»[34].

30 человек из числа кронштадтцев находились на работах в Валаамском монастыре. Они тоже были недовольны своим положением и тяжестью работ, которые им пришлось выполнять. К тому же валаамские монахи вели среди них монархическую пропаганду, убеждали, что Россией должен править монарх из рода Романовых, что также не могло нравиться убежденным республиканцам и участникам революционных выступлений и Гражданской войны на стороне красных. 16 человек, потеряв терпение, самовольно оставили монастырь и отправились в лагерь. Выборгский губернатор, по жалобе отца-

эконома монастыря, распорядился о высылке тех, кто ушел из монастыря, в Советскую Россию. От высылки их оградил Петриченко, который сумел убедить губернатора отменить свое распоряжение и вернуть беженцев в лагерь[35].

Между тем С. М. Петриченко и другие предводители восстания, находясь в Финляндии, стремились продолжать политическую активность. Уже весной 1921 г., вскоре после своего прибытия в Финляндию, кронштадтские лидеры обсуждали с Б. В. Савинковым и Г. Эльвенгреном, а также с П. В. Вилькеном планы организации из беженцев диверсионных групп и заброски их в Петроград для участия в антибольшевистском выступлении, которое намечалось на 1 мая[36]. 3 октября того же года Петриченко и Эльвенгрен подписали в Выборге соглашение о совместных действиях против коммунистической власти. Стороны договорились о создании конспиративного центра под названием «Комитет северных боевых организаций». Вокруг комитета должно было «происходить объединение всех сил, борющихся против большевиков в направлении Петрограда и на Севере»[37]. Еще раньше, в мае, Петриченко и некоторые его соратники решили предложить свои услуги барону П. Н. Врангелю. В конце месяца они обратились с письмом к представителю Врангеля в Хельсинки профессору Д. Д. Гримму и предложили объединить усилия в борьбе против большевизма за возрождение идеалов Февральской революции 1917 г. Гримм тут же согласился на предложение. Врангель через несколько недель также дал положительный ответ. Летом 1921 г., по сведениям советских спецслужб, Петриченко совместно с Гриммом и Вилькеном создали из бывших кронштадтских матросов разведывательно-диверсионную группу и забросили ее в Советскую Россию[38]. У советского руководства имелись сведения и об участии кронштадтских мятежников в карельском восстании в конце 1921 г. В ноте НКИД от 28 ноября 1921 г. временному поверенному в делах Финляндии в РСФСР сообщалось, что в районе Лиексы готовится «новый вооруженный отряд для вторжения в Ребольскую волость, составленный в значительной степени из интернированных... в Финляндии участников Кронштадтского восстания». НКИД потребовал исключить участие кронштадтцев в карельских событиях[39]. Об участии кронштадтцев в «каравантюре» Чичерин писал и в ноте

от 17 декабря 1921 г.[40] Большинство беженцев, однако, не были склонны к каким-либо активным действиям и отрицательно отнеслись к предложению о своем переводе в отряды, находившиеся под началом Врангеля[41]. Д. Д. Гримм 4 октября 1921 г. писал генералу П. Н. Врангелю: «Расчет на то, что они (кронштадтские матросы. — *В. М.*), под влиянием всего пережитого в Кронштадте, настолько озлоблены против большевиков, что действительно готовы бороться с ними не на живот, а на смерть, — не оправдался»[42]. Препятствием для использования кронштадтцев в качестве боевой силы, по мнению Гримма, было и то обстоятельство, что они направлялись на сельскохозяйственные и иные работы. В результате их число в лагерях заметно сократилось и поддерживать среди них дисциплину становилось невозможно[43].

Между тем в 1922 г. у Петриченко возникли разногласия с некоторыми другими лидерами кронштадтцев. Один из членов бывшего кронштадтского ревкома, В. Байков, в мае 1922 г. обвинил Петриченко в тайном соглашении с большевиками. Поводом для этих обвинений послужила поездка в Петроград с разведывательными целями двух человек из числа кронштадтских беженцев. Эта поездка была согласована членами ревкома с финскими спецслужбами. Первоначально предполагалось отправить двух членов ревкома Архипова и Купалова, однако финны были против поездки членов ревкома. Тогда Петриченко своей волей, ни с кем не советуясь, отправил в Петроград двух других кронштадтцев, Пашкова и Комарова. Из них вернулся один Комаров, а Петриченко по поводу происшедшего объявил членам ревкома, что Пашков и Комаров были в Петрограде арестованы, однако Комарову удалось бежать из-под ареста и перейти границу обратно в Финляндию. Пашков, о котором ходили слухи, что он ранее служил в ЧК, по утверждению Байкова, снова начал сотрудничать с чекистами и способствовал раскрытию группы профессора В. Н. Таганцева[44]. Петриченко же, несмотря на этот провал, собирался совместно с савинковской организацией подготовить отправку новых людей в Петроград. О «провокаторской политике Петриченко» писал и другой участник восстания, М. Ф. Романов. По словам Романова, Петриченко «все время старался как можно больше склонить солдат к примирению с Советской властью... высказывался, что если поедем организованным порядком, то никому ничего не будет... сменил мнение о финляндском правительстве в смысле враждебного отношения к кронштадтцам...»[45]. Конфликт в рядах кронштадтских руководителей способствовал тому, что кронштадтцы так и не стали организованной политической силой, и что они не смогли установить сколько-нибудь тесного контакта ни с русскими эмигрантскими организациями, ни с финскими военно-политическими структурами.

Другой причиной такого развития ситуации было стремление многих участников восстания тем или иным способом возвратиться в Советскую Россию. Такое желание вернуться наблюдалось среди рядовых участников кронштадтского восстания с самых первых месяцев их пребывания в Финляндии. Упоминавшиеся выше моряки, задержанные в апреле у Красной Горки, говорили о «крайне угнетенном» настроении в лагерях и о сильной тяге в Россию. В лагерях ходили также слухи об обращении Л. Д. Троцкого с призывом вернуться в Советскую Россию тем из беженцев, которые попали в Финляндию в ходе событий случайно[46]. Имели место и попытки кронштадтцев бежать из Финляндии и перебраться в Россию нелегально. 7 мая 1921 г. в адрес начальника морских сил Балтийского моря поступило сообщение начальника особого отдела пограничной охраны о том, что к южному берегу Финского залива ежедневно пристают лодки с кронштадтскими мятежниками, «которые не отдаются в руки правосудия, а разбегаются по лесам, что может повлечь за собой организацию банд»[47]. В этой связи предлагалось усилить контроль над побережьем залива.

В основном, однако, кронштадтцы возвращались в Советскую Россию легальным путем. Поток возвращенцев усилился после того, как в ноябре 1921 г., к четвертой годовщине Октябрьской революции, была объявлена амнистия для рядовых участников восстания. В Выборге развернула работу специальная комиссия по реэвакуации кронштадтцев под руководством чекиста Я. Г. Озолина. Уже в ноябре в Россию вернулись около 3100 участников кронштадтского мятежа. Около трех тысяч человек еще оставались в Финляндии[48]. Срок подачи заявлений на репатриацию комиссией по реэвакуации был установлен до 15 июля 1923 г.[49] К указанному сроку реэвакуация дей-

ствительно была в основном завершена. По сообщению выборгского отделения сыскной полиции, стремлению беженцев вернуться на родину в значительной степени способствовали письма от ранее вернувшихся участников восстания, в которых сообщалось, что они по возвращении не испытали каких-либо преследований со стороны властей [50]. Однако несмотря на объявленную амнистию, не всем удалось избежать преследований. Многие из них оказались под судом и были приговорены к различным срокам заключения, а некоторые и к расстрелу [51].

Некоторые бывшие лидеры мятежников, не рассчитывая, видимо, на милость советской власти (амнистия не распространялась на руководителей восстания), предпочли остаться в Финляндии. Среди оставшихся был и С. М. Петриченко. В сентябре 1922 г. в советском консульстве в Финляндии было получено письмо от Петриченко с запросом о возможности его возвращения в Россию. Консул РСФСР в Финляндии А. С. Черных, комментируя это заявление в письме члену коллегии НКИД Я. С. Ганецкому, писал: «Очевидно, Петриченко “еще не дошел”. Постараюсь заставить Петриченко более подробно “изъясниться” и дать ему понять, что переговоры могут начаться только на основе полного и открытого отказа от “Кронштадта”» [52]. Такого отказа в тот раз добиться, очевидно, не удалось, и в 1920—1930 гг. Петриченко продолжал жить в Финляндии. В письме в Россию своему знакомому Луковцеву, которое было отправлено в ноябре 1923 г. из Улеаборга (Оулу) и опубликовано в «Ленинградской правде» в 1927 г., бывший председатель Кронштадтского ревкома писал о том, что до начала восстания он не состоял в каких-либо антисоветских организациях, а само восстание было стихийным: «Стихийно на поверхность был выброшен и я. Ну, а дальше уж подхлестываемый стихией и по инерции вынужден был продолжать начатое дело». Далее он жаловался на обстановку в эмигрантских кругах: «Жить здесь, слушать эмигрантские сплетни, грызню и т. д. противно стало. И чем дальше, тем грызня становится хуже» [53]. Начиная с 1927 г. Петриченко сотрудничал с советской разведкой [54]. В частности, в начале 1941 г. Петриченко сообщил ценные сведения о подготовке Финляндии к новой войне и о финляндско-немецком военном сотрудничестве. В июле 1941 г.,

вскоре после вступления Финляндии в войну против СССР, Петриченко был интернирован, а затем и арестован финскими властями (трудно сказать, было ли это чисто превентивной мерой или финнам стало что-то известно о работе Петриченко на советскую разведку). Под арестом Петриченко оставался вплоть до окончания войны и был освобожден только после заключения соглашения о перемирии в сентябре 1944 г. В апреле 1945 г., однако, он был арестован снова, выдан советской стороне и вскоре подвергся экстрадиции в СССР. В сентябре того же года Петриченко был приговорен Особым совещанием к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях [55]. Бывшего председателя кронштадтского ревкома не спасло от наказания и многолетнее сотрудничество с советской разведкой (возможно, это даже усугубило его положение: в Москве могли считать, что он знает больше, чем ему следует). Из своего лагерного срока Петриченко успел отбыть меньше двух лет: в июле 1947 г. он скончался в лагере в Соликамске [56].

Кронштадтцы, таким образом, находились среди русских беженцев и эмигрантов, оказавшихся в Финляндии в первые послереволюционные годы особняком. В отличие от беженцев предшествовавших нескольких лет, они составили компактную изолированную группу, единовременно перешедшую на финскую территорию 17—20 марта 1921 г. От большинства беженцев «первой волны» они отличались как своим социальным происхождением (среди них преобладали призванные на службу рабочие и сельские жители). Несмотря на свой конфликт с большевистским руководством, они оставались на стороне советской власти (в ходе восстания кронштадтцы выступали под лозунгом «Власть Советам, а не партиям»). Данных о партийности кронштадтских беженцев нет, но среди них вполне могли оказаться и члены РКП (б), так как известно, что часть кронштадтских коммунистов поддержала восстание (находясь в Финляндии, впрочем, они вряд ли стали бы афишировать свою принадлежность к большевистской партии). Бегство кронштадтских повстанцев в Финляндию не было результатом какого-либо заранее обдуманного плана, это была вынужденная стихийная акция. Также в отличие от многих других беженцев, ясно осознававших, что назад в Россию им пути нет, подавляющее большинство кронштадтцев не связывали своего

будущего ни с Финляндией, ни с какой-либо третьей страной. Этим объяснялось, очевидно, их нежелание или неспособность адаптироваться к новым условиям и установить связи с другими группами беженцев и стремление использовать любую возможность, легальную или нелегальную, для возвращения в Россию.

---

[1] РГА ВМФ. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 2. Л. 104.

[2] ДВП СССР. Т. 3. М., 1959. С. 572.

[3] Сообщения о времени приезда Вилькена в Кронштадт расходятся. В разведывательных сводках называется дата 9 марта (Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М., 1997. С. 240), в «Петроградской правде» — 15 марта (Петроградская правда. 1921. 16 марта).

[4] РГА ВМФ. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 2. Л. 303.

[5] Кронштадт 1921. С. 240.

[6] *Avrich P.* Kronstadt 1921. Princeton, 1991. P. 120—121.

[7] *Безбережьев С. В.* Кронштадтский мятеж и Финляндия // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 85.

[8] Кронштадтский мятеж: сборник статей, воспоминаний и документов / Под ред. Н. А. Корнатовского. Л., 1931. С. 174.

[9] *Щетинов Ю.* За кулисами Кронштадтского восстания // Родина. 1995. № 8. С. 69—74.

[10] РГА ВМФ. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 2. Л. 301.

[11] *Avrich P.* Op. cit. P. 120.

[12] Петроградская правда. 1921. 7 марта.

[13] Кронштадт 1921. С. 181.

[14] Петроградская правда. 1921. 20 марта; *Безбережьев С. В.* Указ. соч. С. 86.

[15] Kaakkoisen Rajamaan Komendanttilaitoksen Päävirasto. 17.3.1921 // Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф. 1. Оп. 16. Д. 87. Л. 22—23.

[16] *Безбережьев С. В.* Указ. соч. С. 87.

[17] Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. М., 1999. Кн. 1. С. 640; Кн. 2. С. 141.

[18] Вестник Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 22 марта.

[19] *Безбережьев С. В.* Указ. соч. С. 87; Кронштадт 1921. С. 340—341.

[20] По сведениям, которые в середине мая 1921 г. корреспондент газеты «Воля России» получил в терийокской комендатуре, в лагерях находилось в общей сложности 6346 беженцев, из них 4470 человек — в Ино, 1708 — на острове Туркинсаари и 168 — в Райвола; женщин среди них было зарегистрировано 22, детей — 12 (Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 141).

[21] Вестник Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 28 марта.

[22] Кронштадт 1921. С. 340, 342.

[23] Вестник Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 28 марта, 4 апреля. Среди беженцев ходили слухи об их скорой отправке в Швецию или Чехословакию (РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 491. Л. 306).

[24] *Avrich P.* Op. cit. P. 216.

[25] *Haimila M.* Kun kumous vie kodin. Suomeen paenneet venäläiset 1917—1927 // Kansa ja kumous. Modernin Euroopan murroksia 1880—1930. Helsinki, 1998. S. 77.

[26] Вестник Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 28 марта.

[27] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 491. Л. 306.

[28] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 142. Туркензари — имеется в виду остров Туркинсаари.

[29] Цит. по: Вестник Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 2 апреля.

[30] Там же. 4, 6 апреля.

[31] Sisäasiainministeriö — Viipurin läänin Maaherralle. 11.5.1921 // ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 698. Л. 6.

[32] Sisäasiainministeriö — Viipurin läänin Maaherralle. 27.5.1921 // Там же. Л. 8.

[33] Kansallisarkisto (KA). Etsivä Keskuspoliisi — Valtiollinen Poliisi (EK-Valpo). Ryhmä XXXIV. Kansio 660. Kapinaliikkeitä Venäjällä. Kronstadtin kapina.

[34] Ibid.

[35] Ibid.

[36] *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994. S. 178.

[37] KA. EK-Valpo. Ryhmä XXXIV. Kansio 660.

[38] *Avrich P.* Op. cit. P. 128.

[39] ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 535.

[40] Там же. С. 576.

[41] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 491. Л. 306.

[42] Письмо Д. Д. Гримма П. Н. Врангелю от 4 октября 1921 г. (из архива Гуверовского института войны, революции и мира) / Вводная статья, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского // Русское прошлое. Кн. 7. 1996. С. 110.

[43] Там же. С. 111.

[44] Kronstadtin vallankumouskomitean ent. jäsenen Vasili Baikoffin selostus // KA. EK-Valpo. Ryhmä XXXIV. Kansio 660. Комаров, впрочем, в письме Д. Д. Гримма П. Н. Врангелю тоже назван провокатором (Письмо Д. Д. Гримма П. Н. Врангелю от 4 октября 1921 г. С. 110). Из советских источников также следует, что именно показания Комарова послужили толчком к раскрытию подпольной «Петроградской боевой организации» (См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1980. С. 110—113).

[45] Показания М. Ф. Романова // KA. EK-Valpo. Ryhmä XXXIV. Kansio 660.

[46] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 491. Л. 306.

[47] Там же. Д. 492. Л. 215.

[48] По данным русских эмигрантских организаций, среди возвратившихся в Россию кронштадтских беженцев преобладали матросы, а остававшихся на тот момент в Финляндии — солдаты-пехотинцы (*Безбережьев С. В.* Кронштадтский мятеж и Финляндия. С. 90—91).

[49] EK:n Viipurin alaosaston viikkokertomus ja tilannekatsaus n:o 22, 27.5—2.6.1923 // KA. EK-Valpo. Ryhmä XV. Kansio 367. B 3.

[50] EK:n Viipurin alaosaston viikkokertomus ja tilannekatsaus n:o 29, 15—21.7.1923 // KA. EK-Valpo. Ryhmä XV. Kansio 367. B 3.

[51] *Haimila M.* Op. cit. S. 77.

[52] Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 288—289.

[53] Ленинградская правда. 1927. 17 марта.

[54] В августе 1927 г. Петриченко подал в советское консульство в Риге ходатайство о разрешении ему вернуться на родину, однако в Москве решили, что он будет более полезным, оставаясь в Финляндии.

[55] Одно из обвинений, предъявленных Петриченко, гласило, что он якобы являлся членом Российского общевоинского союза, к которому на самом деле он никогда не имел никакого отношения.

[56] См.: *Ицков А. Н.* Кронштадтский мятежник // Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. 1917—1933 годы. М., 1996. С. 148—152.

П. В. Петров

РАСШИРЕНИЕ СИСТЕМЫ БАЗИРОВАНИЯ И БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА ЛЕТОМ 1940 г.

Оборонительное строительство в Эстонии и Латвии в течение зимы—весны 1940 г. велось довольно медленно, с нарушением сроков сдачи позиций береговых батарей и других объектов. Причинами сложившейся ситуации было то обстоятельство, что эстонское правительство всячески тянуло с заключением соглашения об аренде земельных участков Советскими вооруженными силами в соответствии с договором о взаимопомощи между СССР и Эстонской республикой, заключенным 28 сентября 1939 г. Лишь 15 мая 1940 г. правительство СССР и правительство Эстонии договорились в Москве, подписав соглашение об отводе земельных участков для строительства советских военно-морских баз, военных городков, базовых и оперативно-учебных аэродромов, а также о размещении береговых батарей и по другим вопросам, связанным с нахождением частей РККА и РКВМФ в Эстонии [1]. Так что нет ничего удивительного в том, что намеченное в 1939 г. строительство военно-морских баз и береговой обороны в странах Прибалтики замедлилось.

Уже весной 1940 г. у командования Военно-Морского Флота (ВМФ) созрел план по реформированию существовавшей системы базирования Краснознаменного Балтийского флота

(КБФ), в связи с получением новых военно-морских баз в Эстонии и Латвии, а также на полуострове Ханко. Например, 5 апреля 1940 г. нарком ВМФ флагман флота 2 ранга Н. Г. Кузнецов направил правительству предложение относительно нового базирования КБФ: «Принципиально изменившаяся на Балтийском море обстановка требует пересмотра организации Краснознаменного Балтийского флота, который должен быть проведен под углом зрения смещения центра тяжести оперативных задач КБФ на запад к устью Финского залива и в Балтийском море. Это смещение уже нашло свое выражение в создании Военно-морских баз Балтийской, Либавской и Ханко с вхождением в них кораблей и частей флота, авиации и береговой обороны, имеющих задачи обороны самих баз и действий в районах, непосредственно к этим базам прилегающих. Одновременно оформлено ядро флота в виде эскадры, бригад больших и средних подводных лодок и основной массы бомбардировочной авиации, призванное к решению самостоятельных оперативных задач в масштабе театра, в отрыве от баз. Эти мероприятия необходимо дополнить созданием в восточной части Финского залива такой организации, которая смогла бы выполнить задачи охраны и обороны района Финского залива от Ленинграда до Гогланда, без привязывания к этим задачам ядра флота, и которая одновременно служила бы тылом для частей флота и баз, находящихся на западе» [2]. Наиболее удобной и приемлемой формой этой организации, полагал нарком ВМФ, станет уже проверенная и оправдавшая себя форма базы [3]. Н. Г. Кузнецов ходатайствовал перед Правительством о разрешении сформировать Главную военно-морскую базу КБФ, включающую в себя весь восточный район Финского залива до острова Гогланд включительно [4].

В повторном обращении к правительству нарком ВМФ поставил вопрос о переводе органов управления КБФ на запад и о конкретном реформировании системы базирования флота. Считалось целесообразным определить место нахождения Военного совета КБФ на базе Палдиски. Перемещение предлагалось произвести в течение ближайших трех месяцев *«и по крайней мере с частью штаба флота и политуправления»* [5]. Дальнейший перевод в Палдиски органов управления флота допускалось производить лишь по мере завершения там соответствующего строительства. Переход управления флотом в ВМБ Палдиски требовал ускорения проведения мероприятий по прокладке подводных кабелей из базы Палдиски в базу Ханко и из базы Палдиски в базу Кронштадт [6]. В связи с этим нарком ВМФ просил правительство разрешить перевод Военного совета КБФ «в течение ближайших трех месяцев в Палдиски с размещением в подготавливаемых помещениях и на теплоходе “Сибирь” с перспективой перевода в Палдиски всех органов управления флота по мере завершения строительства соответствующих помещений в Палдиски» [7].

Далее Кузнецов ставил вопрос о том, чтобы правительство разрешило сформировать Кронштадтскую военно-морскую базу, включающую в себя весь восточный район Финского залива, начиная от острова Гогланд [8]. Имелось также в виду подчинить командиру Кронштадтской военно-морской базы во всех отношениях Ленинградскую военно-морскую базу с входящими в ее состав отрядами строящихся кораблей и Балтийским флотским экипажем [9].

Тем временем командованием КБФ принимались меры по подготовке строительства береговых батарей в Эстонии и Латвии. Уже 22 мая 1940 г. Штаб КБФ, ссылаясь на решение Военного совета флота, отдал ряд приказов, касавшихся создания новой системы береговой обороны в Прибалтике. В частности, предписывалось сформировать для прикрытия Либавской ВМБ три 3-х орудийных 130-мм батареи (№ 45, 46 и 27) для БО Балтийской ВМБ две такие же батареи (№ 42 и 43) [10] и законсервировать тринадцать батарей, входивших в состав Северного укрепрайона КБФ (№ 111, 112, 116, 121, 123, 132, 135, 144, 145, 146, 152, 156, 159) [11]. 29 мая приказом штаба флота предписывалось приступить к формированию для Береговой обороны Балтийской ВМБ ряда тяжелых батарей — трех 180-мм 4-х орудийных башенных (№ 314, 315 и 316). Из них батареи № 314 и 315 должны были дислоцироваться на полуострове Симпернес, а батарея № 316 — на полуострове Сворбе. Кроме того, батарея, состоящая из 180-мм 4-х орудийной (№ 317) должна была быть размещена в районе Кюбоссаар [12]. В своем законченном виде данные переформирования Береговой обороны КБФ нашли отражение в «Плане форми-

рования частей КБФ» от 5 июня 1940 г., составленном штабом флота[13].

По состоянию на 22 июня 1940 г. система базирования КБФ в Прибалтике выглядела следующим образом. Балтийская военно-морская база (БВМБ) включала в себя Охрану водного района (ОВР) Балтийской базы в составе дивизиона сторожевых катеров и 1-го дивизиона тральщиков, 2-ю бригаду подлодок в составе 17-го, 21-го дивизионов ПЛ, Балтийский район СНиС, Береговую оборону Балтийской ВМБ в составе 34-го отдельного артиллерийского дивизиона (152-мм батарея № 11, 130-мм батареи № 21, 22), отдельных 130-мм батарей № 24, 25, 26, 27, отдельной 152-мм батареи № 12, отдельной 180-мм железнодорожной батареи № 12, отдельных 45-мм батарей № 241, 242, 243, 244, 245, 246, 180-мм башенные батареи № 314, 315, 316, 180-мм открытой батареи № 317, 130-мм батарей № 42, 43, 44, 100-мм батареи № 149, 10-ю авиационную бригаду в составе 15-й, 44-й отдельных разведывательных АЭ, 20-го отдельного авиаотряда, 30-го отдельного истребительного авиаотряда, участок ПВО в составе 83-го зенитного артиллерийского дивизиона, 202-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона и трех 76-мм зенитных батарей[14]. В состав Либавской военно-морской базы входили Отряд легких сил КБФ в составе крейсера «Киров», 1-го и 2-го дивизионов эсминцев, 13-й и 16-й дивизионы подлодок, отдельный отряд торпедных катеров, охрана рейда, сектор береговой обороны в составе 130-мм батарей № 23, 27, 45 и 46, отдельной железнодорожной батареи № 18 и 43-я авиационная эскадрилья[15].

После того как 17 июня 1940 г. Советский Союз осуществил массированный ввод войск в страны Прибалтики, наступил новый этап в деле расширения системы базирования и береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота. Выгодная ситуация была сразу же использована командованием ВМФ в своих интересах. Уже 22 июня 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, действуя в исполнение постановлений Комитета обороны при СНК СССР № 267сс, своим приказом № 00159 приказал Военному совету КБФ «перейти на базирование из Кронштадта в Палдиски вместе с частью штаба флота и Политуправления, в течение ближайших 3-х месяцев»[16]. Перевод

всех органов управления флотом полностью в р-н Таллин—Палдиски планировалось осуществить в течение 1940-го г.[17] Этим же приказом надлежало перевести по железной дороге через Финляндию на п-ов Ханко к 1 августа 1940 г. одну 180-мм (№ 17) и одну 305-мм (№ 9) железнодорожные батареи, а в Палдиски — 356-мм батарею (№ 11). Кроме того, Военному совету КБФ надо было выбрать и дать на утверждение к 1 июля 1940 г. места для следующих батарей: одной 4-х орудийной 130-мм («Б-13») в р-не маяка Михайловского и одной 180-мм открытой батареи на закрытой позиции на п-ове Ниннаст[18]. В связи с этим Инженерному и Строительному управлениям ВМФ к 1 августа 1940 г. было предписано построить ряд железнодорожных позиций — две для 180-мм батареи на п-ове Ханко, две для 305-мм батареи на п-ове Ханко, одну для 356-мм батареи на п-ове Пакри. Также требовалось установить на временных основаниях к 15 июня вторую 4-х орудийную 130-мм батарею («Б-13») в р-не маяка Михайловский и построить в течение 1940 г. на п-ове Ниннаст 180-мм открытую батарею, ранее предполагавшуюся к строительству в р-не Кейгуст, а вместо нее в 1941 г. выстроить 152-мм батарею[19].

23 июня 1940 г. комендант Береговой обороны Балтийской военно-морской базы генерал-майор С. И. Кабанов направил командиру БВМБ контр-адмиралу С. Г. Кучерову рапорт, где предлагал «в связи с изменившимся территориальным расположением границ БО БВМБ в сторону увеличения, количества батарей и дополнительно вырастающих оперативных задач», в кратчайший срок принять новую организационную структуру Береговой обороны Балтийской военно-морской базы[20].

Отныне штаб управления БО БВМБ предполагалось разместить в центре расположения береговой обороны, в Гапсале (Хаапсалу), усилив его оперативное отделение. Основной задачей Береговой обороны было назначено недопущение действий кораблей противника в северной части Балтийского моря в пределах дальности артиллерийского огня, уничтожение неприятельских кораблей при попытке проникновения в Финский залив, уничтожение транспортов противника при попытке высадки десанта на острова и побережье, обеспечение стоянки флота на рейдах Таллин—Палдиски, поддержка своих кораблей в бою в пределах дальности ведения огня[21]. Всего

Кабанов предлагал учредить 4 укрепленных сектора, подчиненных управлению БО БВМБ, — Таллиннский, Балтийский, Дагский и Эзельский. Каждому из секторов он определил боевые задачи [22].

Что касается дальнейшего совершенствования организационной структуры Береговой обороны КБФ в Прибалтике, то этот процесс, по мнению С. И. Кабанова, будет тесно связан со строительством береговых батарей на о-вах Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийуумаа) и на побережье Эстонии. По его словам, «существующий штаб управления БО БВМБ, естественно, не сможет охватить всех вопросов строительства и руководства боевой подготовкой до батареи включительно». Перспективы пополнения БО были довольны многообещающими: помимо уже располагавшихся в р-не Балтийской военно-морской базы полностью и частично построенных 13 береговых батарей, предполагалось принять 9 эстонских батарей, а в дальнейшем ввести в строй еще 25—30 батарей [23]. Естественно, что руководить строительством и боевой подготовкой огромного количества батарей из одного штаба представлялось невозможным по многим обстоятельствам. В связи с вышеизложенным Кабанов просил командира Балтийской ВМБ С. Г. Кучерова ходатайствовать перед Военным советом флота о докладе наркому ВМФ относительно данного вопроса [24].

Принимая во внимание эти предложения Кабанова, Военный совет КБФ 28 июня 1940 г. направил народному комиссару ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову соображения по поводу дальнейшего развития системы Береговой обороны на Балтике. При этом констатировалось, что в Эстонии и Латвии идет процесс «создания только артиллерийской обороны путем строительства и установки батарей береговой артиллерии» [25], где особое внимание уделялось островам Эзель, Даго и Оденсхольм, как своего рода ключам к Финскому и Рижскому заливам. Однако, полагал ВС флота, совершенно не решался вопрос об обороне самих островов. Чтобы подчеркнуть важность данной проблемы, командующий КБФ В. Ф. Трибуц указывал на опыт Первой мировой войны, в частности Моонзундской операции 1917 г., когда «острова были взяты путем высадки морского десанта в разных частях островов» [26]. Захват Моонзундского архипелага, как писал командующий флотом, дал

немецкому командованию «колоссальное преимущество в дальнейшей борьбе». В новых условиях, по мнению Трибуца, роль Моонзундских о-вов еще больше возрастала. И тем не менее, «несмотря на это совершенно очевидное положение, никакого решения по созданию комплексной обороны самих островов, как средства надежного удержания Рижского и Финского заливов для обеспечения коммуникаций Красной Армии, действующей в Латвии и Эстонии, — не принято» [27]. В еще большей степени Военный совет КБФ волновал принципиальный вопрос: кто отвечает за оборону островов Моонзундского архипелага — РККА или ВМФ? По мнению ВС флота, старая ошибка русского командования в период Первой мировой войны (отсутствие единого командования на Моонзундских островах и наличие армейского начальника, руководящего обороной островов независимо от морского командования) повторялась и теперь [28].

Осуществление строительства Береговой обороны в Прибалтике, «вернее, ее артиллерийских средств борьбы за входы в Финский и Рижский заливы», как полагало командование КБФ, требовало организационной перестройки ввиду своей громоздкости и негибкости. В данном случае ВС флота довел до наркома ВМФ идею коменданта БО Балтийской ВМБ С. И. Кабанова. В качестве вывода из всего вышесказанного, Военный совет КБФ предлагал в самом срочном порядке реорганизовать Береговую оборону БВМБ «по образцу Береговой обороны Главной военно-морской базы» [29].

Далее командование Балтфлота излагало свое решение поставленных вопросов. Во-первых, требовалось возложить на Краснознаменный Балтийский флот ответственность «за надежное удержание в своих руках Моонзунда». Причем оборону данных о-вов необходимо было возложить на коменданта БО БВМБ, которому подчинялись бы все силы и средства на этих островах [30]. Во-вторых, Береговую оборону Балтийской базы надлежало разделить на 3 сектора — Балтийский, Даго и Эзель [31]. Во главе этих оборонительных секторов требовалось поставить командиров, причем на островах Эзель и Даго они должны были иметь функции комендантов со всеми полагающимися полномочиями. Противовоздушная оборона о-вов Моонзундского архипелага нуждалась в усилении группами

истребительной авиации, а для непосредственной обороны самих островов от высадки десантов ВС КБФ предлагал включить в состав Береговой обороны «части моторизованной морской пехоты с бронетанковыми частями» [32].

С целью дальнейшего совершенствования структуры БО Военный совет предлагал объединить в оперативном отношении отдельные батареи в артиллерийские группы, «по признаку однородности выполнения задач». А для успешной стрелковой обороны этих групп и участков, им подчиненных, необходимо было придать командирам артиллерийских групп пулеметные батальоны, «выполняющие задачи охраны и обороны этих объектов как от десантов с моря, так и воздуха с возложением на них задач войсковых ПВО» [33]. Наконец, было предложено усилить в организационном плане штаб БО и разместить его в Гапсале (Хаапсалу) [34]. Вопрос, поставленный ВС флота, оказался весьма непростым и потребовал для своего решения большого количества реорганизационных мероприятий в течение лета—осени 1940-го г. Схема БО в новых районах вырабатывалась на практике по условиям нового театра. Не все удавалось продумать в этом процессе заранее, многие организационные приказы впоследствии неоднократно уточнялись и изменялись.

4 июля 1940 г. штаб КБФ поставил в известность коменданта БО Главной базы, командира Балтийской ВМБ, начальника тыла, коменданта Кронштадтского сектора БО и начальников отделов флота, что Военный совет КБФ приказал «подготовить к переброске в Балтийскую военно-морскую базу личный состав нижепоименованных частей и батарей Кронштадтского сектора и береговой обороны» [35]. К переброске в Эстонию предназначались следующие части и батареи: часть управления 31-го отдельного артиллерийского дивизиона, 4-х орудийная 305-мм башенная батарея № 311, 3-х орудийная 152-мм батарея № 331, 4-х орудийная 120-мм батарея № 332, 4-х орудийные 152-мм батареи № 142, 133, 114 и 131 (с фортов «К», «Р», «П»), 4-х орудийные 100-мм батареи № 153 и 154 (с фортов «Северный № 2» и «Северный № 4»). Ориентировочный срок переброски батарей в Балтийскую базу был назначен на 6 июля [36]. От коменданта БО ГБ требовалось предоставить все положенное имущество и снабжение для

личного состава батарей «из расчета до конца 1940 г.». Весь личный состав, предназначенный к переброске, полагалось обеспечить продовольствием на 20 суток [37]. Тем самым было произведено значительное перераспределение частей береговой обороны КБФ из восточной части Финского залива в Балтийское море. Явно избыточное количество сильных артиллерийских позиций в глубоком тылу флота оказывалось теперь ненужным и непрактичным.

Запланированное широкомасштабное строительство летом 1940 г. сильной, разветвленной береговой обороны в Эстонии, Латвии и на п-ове Ханко, значительно вынесенной на запад по отношению к бывшей главной базе флота (Кронштадту), привело к серьезному изменению существовавшей до этого схемы БО КБФ. Наличие слишком мощной Береговой обороны в глубоком тылу — восточной части Финского залива — теперь было сочтено командованием ВМФ нецелесообразным. Еще 15 мая 1940 г. нарком ВМФ распорядился законсервировать на КБФ, на фортах «Первомайский», «Красноармейский», «Комсомольский», «Южный 2-й и 3-й», «Северный 2-й, 6-й и 7-й» и в Большой Ижоре, следующие артиллерийские позиции береговой обороны: 254-мм батареи № 123 и 132, 152-мм батареи № 112 и 121, 120-мм батареи № 111, 145 и 152, 76-мм батареи № 144 и 313 и 45-мм батареи № 116, 135, 156 и 159. Кроме того, была законсервирована 152-мм батарея № 227 на о-ве Биеркэ [38].

В августе 1940 г. из состава Западного укрепрайона КБФ был исключен Лужский сектор БО, а материальная часть и личный состав были направлены на формирование береговой обороны главной военно-морской базы (Таллинн). Так, 26 августа 1940 г. комендант ЗУРа полковник И. А. Кустов в своем рапорте командующему КБФ вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу сообщил, что штаб Лужского сектора, штабная рота и рота связи передислоцированы из местечка Мукково в город Палдиски Эстонской ССР. Комендант ЗУРа просил вновь организованному сектору БО в Палдиски поставить оперативную задачу, определить границы сектора, объявить состав сил, а также установить организацию сектора. По мнению Кустова, новому сектору БО следовало поручить задачу обороны Главной базы КБФ при действиях против КБФ противника. Границы данно-

го сектора на морском направлении предполагалось назначить от мыса Юминда до острова Оденсхольм. В состав сил сектора комендант ЗУРа предлагал включить действующие и строящиеся береговые батареи, расположенные в границах сектора, а также охрану рейда ВМБ Палдиски[39]. Данный сектор БО, по мнению И. А. Кустова, следовало именовать «Береговая оборона Главной военно-морской базы КБФ»[40]. Окончательное решение по этому вопросу было принято наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым 6 сентября 1940 г., а после этого и командующим КБФ В. Ф. Трибуцем 10 сентября 1940 г. В соответствии с этими приказами, управление Лужского сектора БО Кронштадтской ВМБ расформировывалось, а его личный состав обращался на укомплектование Береговой обороны Главной базы (Таллинн). Оставшиеся части Лужского сектора БО были переданы в Кронштадтский сектор Кронштадтской военно-морской базы КБФ[41].

Однако, помимо собственно береговой обороны, под значительное сокращение попало и базовое строительство КБФ в восточной части Финского залива, и в первую очередь — строительство военно-морской базы в Лужской губе, осуществлявшееся во второй половине 1930-х г.[42] Так, 24 августа 1940 г. последовал приказ наркома ВМФ о том, что во исполнение постановления Комитета Обороны при СНК СССР от 14 августа 1940 г. решено сократить объема строительства военно-морской базы флота в Лужской губе на сумму 250—300 млн руб. В соответствии с принятым решением следовало полностью исключить из состава технического проекта базы ряд объектов (гавань № 2, береговую базу подводных лодок с казарменным городком, госпитальный городок, радиоцентр, ТЭЦ № 1 и 2, защищенные торпедные склады и прочие строения)[43].

Ввиду массовой передислокации соединений и частей флота, и в первую очередь БО, на новые базы в Прибалтике требовалось закрепить эти мероприятия в организационном отношении. 5 июля 1940 г. нарком ВМФ адмирал объявил новую организацию и состав Краснознаменного Балтийского флота[44], согласно которому береговая оборона и система базирования КБФ претерпела большие изменения. С этого времени Балтийская военно-морская база (БВМБ) включала в себя:

командование, штаб и политотдел, а также охрану рейдов, береговую оборону в составе управления коменданта БО, 34-го артиллерийского дивизиона, четырех 180-мм батарей, одной 152-мм батареи, семи 130-мм батарей, шести 45-мм батарей и железнодорожного артиллерийского дивизиона (батареи № 11 и 12), участок ПВО в составе 83-го и 202-го зенитных артдивизионов и десяти отдельных зенитных батарей; Балтийский район гидрографической службы; Службу наблюдения и связи Балтийской ВМБ в составе отделения связи и района СНиС с участками в Палдиски, Кердля и Курессааре; 10-ю смешанную авиационную бригаду в составе двух авиаполков; 1-ю особую бригаду морской пехоты; военный порт 2-го разряда в Палдиски со складами и производственными предприятиями; санитарное отделение базы с госпиталями и войсковыми лазаретами[45].

Этим же приказом главной базой (ГБ) КБФ ставился Таллинн. В связи с таким преобразованием базирования таллиннская база исключалась из состава Балтийской военно-морской базы, а командование ГБ было возложено на Военный совет флота. В состав главной базы (Таллинн) вошли: охрана водного района (ОВР) в составе группы сторожевых кораблей («Буря», «Циклон», «Тайфун»), 2-го дивизиона тральщиков (6 дизельных ТЩ), двух звеньев сторожевых катеров (6 СКА типа «МО-4») и охраны рейдов; участок СНиС с постами и станциями СНиС; военный порт 1-го разряда со складами и пожарной охраной; комендатура базы с отдельной флотской ротой[46].

Будучи лишенной своего прежнего статуса главной базы флота, Кронштадтская военно-морская база отныне должна была включать в себя: командование, штаб и политотдел ВМБ, охрану водного района в составе 4-го и 7-го дивизионов тральщиков (15 базовых ТЩ), двух дивизионов сторожевых катеров (8 СКА типа «МО-4» и 16 СКА типа «Рыбинский»), охраны рейдов ГБ, охраны рейдов МБ, двух сетевых заградителей, сетевой баржи № 101 и плавучих баз «Красная звезда» и «Яуза», 2-ю бригаду торпедных катеров в составе 1-го дивизиона волнового управления, 2-го дивизиона ручного управления, отряда торпедных катеров и 58-й авиаэскадрильи, Шхерный отряд в составе канлодки «Красное знамя», 5-го

дивизиона тральщиков (7 ТЩ), дивизиона бронекатеров (26 БКА), звена сторожевых катеров (3 СКА типа «Рыбинский»), Отряд строящихся и капитально ремонтирующихся надводных кораблей, Отряд строящихся и капитально ремонтирующихся подводных кораблей с береговой базой в Кронштадте, Учебный отряд, Балтийский флотский экипаж, Береговую оборону Кронштадтской ВМБ в составе Кронштадтского, Лужского, Выборгского и Гогландского секторов береговой обороны, участок ПВО и СНиС Кронштадтской базы [47].

Также был объявлен состав военно-морской базы Лиепая (Либава), в которую вошли командование, штаб и политотдел базы, отдельный отряд торпедных катеров (6 ТКА с береговой базой), Охрана водного района в составе 1-го дивизиона тральщиков (6 дизельных ТЩ), двух звеньев сторожевых катеров (6 СКА типа «МО-4») и двух охран рейдов, сектор БО в составе одной 180-мм железнодорожной батареи № 18, отдельных 130-мм батарей № 23, 27, 45, 46 и 40, участок ПВО в составе 84-го зенитного артиллерийского дивизиона и двух отдельных зенитных батарей, 43-я отдельная авиаэскадрилья, флотский полуэкипаж, СНиС Лиепая в составе отделения связи, района СНиС с участком в Вентспилсе, военный порт 1-го разряда со складами и производственными предприятиями, санитарное отделение с военно-морским госпиталем [48].

9 июля 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов распорядился, чтобы к 15 июля Военному совету флота, штабу флота, тылу, главному военному порту, а также всем отделам КБФ изменить дислокацию, переместившись из Кронштадта в Таллинн. По мнению командующего КБФ В. Ф. Трибуца, «поднять такую машину за короткий промежуток времени в момент разгара БП (боевой подготовки. — *Ред.*) и строительства и в этот момент перебазировать на Запад еще несколько тысяч человек — для нас было делом нелегким» [49]. Дело в том, что управленческий аппарат флота, штаба ВВС вместе с караульными ротами составлял не менее 4 тыс. человек, 46 больших и малых частей, а также различное имущество, оборудование и снабжение. И тем не менее, как отмечал Трибуц в своем отчете, «даже в такой короткий срок, не имея в Таллине ни одного метра своей служебной и жилой площади, Балтфлот в основном справился... не прерывая ни на один день руководства частями и соединениями» [50]. В реальности Военный совет, штаб и различные учреждения КБФ перебазировались в Таллин лишь к 20 июля[51].

Начался процесс ускоренного перевода органов управления, соединений и частей, а также береговой обороны КБФ в новые военно-морские базы в Прибалтике. В результате морские и железнодорожные перевозки для нужд флота резко возросли летом 1940 г. Если в марте и апреле 1940 г. из Ленинграда в Эстонию и Латвию было отправлено по железной дороге 1333 и 825 вагонов, то в мае, июне и июле этого же года — уже 2579, 2090 и 2056 вагонов соответственно [52]. Морские перевозки в интересах КБФ также все время увеличивались: в марте и апреле на запад (включая ВМБ Ханко) было отправлено 4 тыс. тонн грузов и 4 тыс. человек, в мае — 7 тыс. тонн грузов и 6 тыс. человек (только в Прибалтику), в июне — 18 тыс. тонн грузов и 10 тыс. человек, в июле — 30 тыс. тонн грузов и 4 тыс. человек, а в августе — 54 тыс. тонн грузов и 8 тыс. человек[53]. Таким образом, мы видим резкое увеличение масштабов перевозок (особенно грузов) в течение лета 1940 г.

Тем не менее заданные правительством и высшим командованием ударные темпы строительства береговых батарей в Прибалтике (и в первую очередь в Эстонии) не выдерживались, грозя общим срывом планов по оборонительному строительству. Происходило это из-за внезапного и незапланированного первоначально командованием КБФ масштабного перебазирования сил флота в страны Балтии. Возникшие проблемы по организации срочных перевозок различных строительных материалов и материальной части батарей, возложенные на командование КБФ, зачастую оперативно не решались. Происходили многочисленные случаи несогласованных действий в работе различных наркоматов и ведомств. Это не могло не наложить отпечаток на ход строительных работ в новых прибалтийских базах в течение 1940 г.

---

[1] Полпреды сообщают...: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990. С. 319—325.

[2] Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 421. Л. 46.
[3] Там же. Л. 47.
[4] Там же. Л. 49—50.
[5] Там же. Л. 53.
[6] Там же.
[7] Там же. Л. 53—54.
[8] Там же. Л. 53.
[9] Там же.
[10] Там же. Д. 423. Л. 92, 94.
[11] Там же. Л. 97.
[12] Там же. Л. 109.
[13] Там же. Л. 106—107.
[14] Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 271—275.
[15] Там же. Л. 276—278.
[16] Там же. Оп. 2. Д. 502. Л. 74.
[17] Там же. Л. 74.
[18] Там же. Л. 74—75.
[19] Там же. Л. 76.
[20] Там же. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 95.
[21] Там же. Л. 95.
[22] Там же. Л. 95—96.
[23] Там же. Л. 97.
[24] Там же.
[25] Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 9.
[26] Там же. Л. 9—10.
[27] Там же. Л. 10.
[28] Там же.
[29] Там же. Л. 11.
[30] Там же. Л. 12.
[31] Там же. Л. 12—13.
[32] Там же. Л. 13.
[33] Там же. Л. 13—14.
[34] Там же. Л. 14.
[35] Там же. Ф. Р-1887. Оп. 4. Д. 12. Л. 89.
[36] Там же.
[37] Там же. Л. 89—90.
[38] Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 172. Л. 23.
[39] Там же. Ф. Р-92. Оп. 7. Д. 384. Л. 498—499.
[40] Там же. Л. 499.
[41] Там же. Л. 529. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 46—48.
[42] *Курмышов В. М.* Базирование Балтийского флота в межвоенный период 1921—1941 гг. СПб., 2003. С. 86—91.
[43] РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 134. Л. 233.
[44] Там же. Д. 135. Л. 101—112.
[45] Там же. Л. 107—108.
[46] Там же. Л. 110.
[47] Там же. Л. 104—107.
[48] Там же. Л. 109—110.
[49] Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 63.
[50] Там же.
[51] *Красавкин В. К., Смуглин Ф. С.* Здесь град Петра и флот навеки слиты. История морских частей в городе на Неве (1703—2003). Историко-документальный очерк. СПб., 2004. С. 278.
[52] РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 53.
[53] Там же. Л. 50.

Ю. В. Косов

РАЗВИТИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ЗОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Как известно, в последнее десятилетие в Балтийском регионе произошли заметные изменения. Окончание холодной войны позволило повысить политическую однородность региона: демократические государства имеют (или создают) однотипные хозяйственные системы на принципах рыночной экономики. Балтийский регион в начале XXI в. ориентируется на Европейский Союз. Одни государства (Германия, Дания, Швеция, Финляндия) уже входят в это сообщество с прошлого столетия, другие (Польша, Эстония, Литва, Латвия) совсем недавно присоединились к Европейскому Союзу (ЕС). Россия также стремится внести свой вклад в развитие общеевропейской интеграции.

Одна из важных форм таких интеграционных процессов — *трансграничное региональное сотрудничество*. Это сотрудничество в последние десять-пятнадцать лет получило широкое распространение на Севере Европы и в зоне Балтийского моря. Основными участниками трансграничного регионального сотрудничества являются *внутренние регионы* — области, губернии, уезды, крупные города. Между субъектами данного сотрудничества устанавливаются прямые связи, которые регулируются национальными законодательствами и регламентируются в рамках договоров и соглашений, заключенными региональными властями. Подобная форма сотрудничества имеет наилучшие перспективы именно в рамках определенного *международного геополитического региона,* так как территориальные образования внутри него относительно компактны в географическом измерении, их отличает высокий уровень экономической и политической однородности, развитые системы транспортных коммуникаций и связи.

В развитии трансграничных региональных связей в зоне Балтийского моря и европейского Севера, в которую непосредственно входит Северо-Запад России, в 1990-е и первой половине 2000-х гг. можно выделить три основных этапа.

Первый этап приходится на 1992—1997 гг., когда происходило становление современной системы трансграничных связей в регионе.

На *втором этапе* (1997—2004 гг.) возобладала тенденция превращения трансграничных региональных связей во всеобщий для данной зоны вид международных отношений, в которые вовлекались все страны и их основные внутренние регионы.

Третий этап (начиная с 2004 г.) характеризуется трансформаций системы трансграничных региональных связей в регионе Балтийского моря и европейского Севера во всеобъемлющую сеть, которая стремится охватить все основные сферы жизнедеятельности общества: экономику, политику, культуру, образование и т. п.

Рассмотрим более подробно каждый из этих этапов.

На первом этапе (1992—1997 гг.) важным направлением развития трансграничных отношений явилась их *институционализация*. Речь идет о создании системы региональных международных организаций, дополняющих мировые политические институты. Так, с марта 1992 г. ведет активную работу Совет государств Балтийского моря (СГБМ), в деятельности которого участвует делегация Российской Федерации. Совет государств Балтийского моря — межправительственная организация, имеющая в качестве постоянного органа Комитет старших должностных лиц и Рабочие группы: по содействию демократическим институтам и правам человека; по экономическому сотрудничеству; по ядерной безопасности; Комиссара по Демократическим институтам и правам человека, включающим права национальных меньшинств.

В Совет государств Балтийского моря входит 12 членов: Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Исландия, Латвия, Лит-

ва, Норвегия, Польша, Россия, Швеция и Европейская комиссия (исполнительный орган Европейского Союза). Представители Санкт-Петербурга в составе делегации Российской Федерации принимают участие в работе СГБМ с 1993 г.

В том же 1992 г. был образован Союз балтийских городов, куда вошли 86 городов из 10 стран региона. Союз Балтийских городов (СБГ) — международная неправительственная организация, основанная на конференции представителей городов стран Балтийского моря в городе Гданьске 11 мая 1992 г. с участием представителей Санкт-Петербурга. Союз Балтийских городов ставит целью стимулирование всестороннего сотрудничества между городами региона Балтийского моря.

Следует также обратить внимание на Организацию субрегионального сотрудничества государств Балтийского моря (ОССГБМ). ОССГБМ — это неправительственная организация стран Балтийского моря, куда входят представители областей, районов и «вольных» городов, расположенных на берегу Балтийского моря. Организация субрегионального сотрудничества государств Балтийского моря основана в Норвегии (г. Ставангер) в октябре 1993 г. ОССГБМ выполняет координационные и посреднические функции для всех регионов Балтийского моря, осуществляет общую целевую политику на международных форумах и, используя имеющиеся ресурсы, способствует внедрению конкретных проектов на благо всего региона.

С 1997 г. в Санкт-Петербурге открыто Информационное бюро Совета Министров Северных стран, целью которого является поддержка сотрудничества стран Северной Европы (Дании, Швеции, Норвегии, Исландии, автономных областей Гренландии, Аландские и Фарерских острова) и Российской Федерации. Бюро поддерживает сотрудничество в сфере реализации проектов и на административном уровне в Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Республике Карелия, Мурманске, Архангельске, Пскове, Новгороде и Калининграде.

Основными сферами деятельности Инормационного бюро являются: сотрудничество в области энергетики; развитие деловых контактов в сфере малого и среднего бизнеса (программа «Нордпролинк»); программа для государственных и муниципальных служащих; поддержка проектов по сотрудничеству между странами Северной Европы и Северо-Западом РФ в следующих сферах: проблемы детей и молодёжи, защита окружающей среды, социальной безопасности и здравоохранения, гендерное равноправие и др.; сотрудничество в области культуры.

На втором этапе развития трансграничных региональных связей в рассматриваемом регионе ключевое значение приобрело выдвижение, формирование и реализация программ регионального развития. Наибольшую известность получила международная программа «Северное измерение», инициатором которой выступила в 1997 г. Финляндия.

Программа «Северное измерение» является одним из важнейших элементов внешней политики Европейского Союза. Она предназначена для политической поддержки проектов, направленных на развитие регионов Балтийского моря, Норвегии, Исландии, а также Северо-Запада России и повышения эффективности их взаимодействия путем согласования различных проектов и программ Европейского Союза.

Программа осуществляется в рамках Европейского соглашения со странами Балтийского региона, Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией, законодательства Европейской Экономической зоны. Приоритеты программы «Северное измерение»: охрана окружающей среды, ядерная безопасность, сотрудничество в сфере энергетики, деловое сотрудничество, правосудие и внутренняя политика, здравоохранение, социальное развитие и др.[1]

Программа «Северное измерение» позволила накопить значительный опыт формирования и развития трансграничных региональных связей.

Однако после расширения Европейского Союза в мае 2004 г. и вхождения в него новых членов из региона Балтийского моря условия для развития рассматриваемого вида международных связей существенным образом изменились. Возникло много новых благоприятных возможностей и одновременно появились серьезные, требующие своего решения организационные проблемы. Таким образом, начался третий этап в развитии трансграничных региональных связей.

Наступление этого этапа обусловлено не только региональными трансформациями, но и изменениями в мировом развитии в целом. Так, российские и финские эксперты, авторы до-

клада «Vision 2013» отмечают: «Процессы глобализации и развития новых информационных технологий заставляют регионы столкнуться лицом к лицу с проблемой вовлечения в мировую конкуренцию в условиях трудно прогнозируемой и изменяющейся среды. Способность создавать новые продукты и услуги, генерировать бизнес процессы становится необходимым условием для стимулирования экономического роста и усиления конкурентных преимуществ» [2].

На данном этапе для развития трансграничных региональных связей особое значение стало приобретать развитие приграничного сотрудничества. Как известно, приграничное сотрудничество касается в основном регионов, которые расположены вдоль сухопутных границ Европейского Союза. В этот процесс включено также ограниченное количество территорий вдоль морских границ, находящихся в непосредственной близости. В свою очередь трансграничное сотрудничество направлено на развитие широкомасштабного транснационального сотрудничества и как таковое не ограничено смежными приграничными областями.

В докладе Европейской комиссии «Внедрение нового механизма установления добрососедских отношений» определены следующие цели приграничного сотрудничества: способствовать экономическому и социальному развитию приграничных районов; работать сообща над решением проблем, возникающих в таких областях, как защита окружающей среды, здравоохранение, а также профилактика правонарушений и борьба с организованной преступностью; обеспечить эффективность и надежность защиты границ; организовать проведение акций местного масштаба для населения приграничных областей [3].

Внедрение такого механизма предполагается осуществить в два этапа. Первый этап, рассчитанный на 2004—2006 гг., предполагает осуществление разработки Программ соседства. На втором этапе, который должен начаться после 2006 г., планируется внедрение указанного нового механизма соседства. По мнению экспертов Европейской Комиссии, «такой механизм, способный работать на одинаковой основе с обеих сторон внешней границы ЕС, обеспечит комплексный подход к сочетанию и развитию трансграничного и регионального сотрудничества вокруг внешних границ. Кроме того, он позволит

решить практические проблемы, которые, по-видимому, сохранятся даже после того, как будут выполнены все вышеуказанные мероприятия, включая ограничения по поводу того, где и как будут использованы выделенные ассигнования» [4].

Можно считать, что развитие программ и становление механизмов соседства является наиболее перспективным направлением дальнейшей эволюции трансграничных региональных связей в регионе Балтийского моря на современном этапе. В первую очередь этому способствуют и макрорегиональные факторы, охватывающие весть европейский континент. Так, 10 мая 2005 г. в Москве прошла традиционная, уже 15-я по счету, встреча руководителей России и Европейского Союза. Главным итогом саммита стало одобрение «дорожных карт» по четырем общим пространствам сотрудничества Россия—ЕС, а именно: в области экономики; свободы, безопасности, правосудия; внешней безопасности; науки, образования и культуры. Очевидно, что дальнейшее развитие европейской интеграции благотворно скажется и на развитии трансграничных региональных связей в различных субрегионах Европы, в том числе и в регионе Балтийского моря.

С другой стороны, в регионе Балтийского моря активизируются процессы и на субрегиональном уровне. В настоящее время в рамках приграничного сотрудничества РФ и ЕС насчитывается 134 проекта: из них 94 являются завершенными, 20 находятся в стадии завершения, 22 начали действовать или находятся в процессе заключения контрактов.

В июне 2005 г. правительство РФ подписало документы, необходимые для запуска Программы соседства. Среди них следует отметить следующие Программы, в которых Санкт-Петербург принимает непосредственное участие, а именно: «Юго-Восточная Финляндия — Санкт-Петербург, Ленинградская область»; «Регион Балтийского моря»; Эстония/Латвия/Россия — Ленинградская и Псковская области, Санкт-Петербург.

Программа соседства «Юго-Восточная Финляндия — Санкт-Петербург, Ленинградская область», по оценкам специалистов, является одной из наиболее перспективных. В качестве ее приоритетов определены следующие направления взаимодействия: развитие транспортных сетей и защита окружающей

среды, развитие бизнеса и условий его развития, экспертиза и улучшение условий сотрудничества, техническое содействие.

Подводя итог, можно констатировать, что северо-запад России превращается в органическую часть системы международных региональных отношений в зоне Балтийского моря. Развитие в регионе трансграничных связей — проявление процесса глобализации, весьма активно идущего в региональном измерении на северо-востоке Европы. Региональное трансграничное взаимодействие в регионе охватывает все основные сферы жизни — от политики до экономики, от культуры до экологии. В этих условиях перед Российской Федерацией стоит серьезная задача по обеспечению активного и эффективного участия всех ее субъектов в децентрализованном региональном международном сотрудничестве. Решение этой задачи требует новых теоретических подходов и инновационных практических действий.

---

[1] Северное измерение. СПб., 2003. С. 2.

[2] The Vision 2013. «To make our common area a better place to live and generate new business». Centre of Expertise in Southeast Finland, 2005. P. 3.

[3] Доклад Европейской комиссии «Внедрение нового механизма установления добрососедских отношений. Европейская комиссия. XXX. Com. Брюссель. 2003 (393). С. 1—2.

[4] Там же. С. 4.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Т. А. Базарова

ШВЕДСКИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ ПЕТЕРБУРГА И КРОНШЛОТА 1703—1708 гг. *

Русские и шведские картографические материалы являются важными источниками по истории военных действий в Приневье, основании Петербурга и Кроншлота.

Изобразительные и картографические материалы русского происхождения по военным действиям в Приневье не многочисленны. Известно, что после осады и взятия Нотебурга и Ниеншанца были сделаны рисунки штурмов шведских крепостей, ставшие основами для гравюр, оперативно выполненных голландцами А. Шхонебеком и П. Пикартом. Так, для гравирования завоеванного 11 октября 1702 г. Шлиссельбурга в конце того же года в Оружейной палате приступили к изготовлению первых больших медных досок [1]. Вначале гравюры издали отдельными листами, а затем они вошли в Книгу Марсову [2]. Изображения первых побед в Ингерманландии создавались с целью пропаганды успехов русской армии и флота. Распространялись они при царском дворе, среди соратников Петра I, в армии, а также рассылались русским послам в Западную Европу для поднесения иностранным государям и членам правительств.

* Автор выражает признательность Шведскому институту (Стокгольм) за оказание содействия в возможности исследования в Государственном и Военном архивах Швеции.

После одержанной летом 1705 г. важной победы у острова Котлин, когда вице-адмирал К. И. Крюйс успешно отразил атаку шведского флота и препятствовал высадке на остров вражеского десанта, в Голландии по русскому источнику Генрих Донкерк гравировал план этого морского сражения [3]. По запискам Ю. Юля, в марте 1710 г. К. Крюйс с гордостью демонстрировал свой экземпляр гравюры иностранцам [4].

Неудачные кампании в Ингерманладнии и Карелии в русских картографических источниках отражены незначительно. Надо полагать, во время и после стражений в русской армии создавались рукописные безмасштабные чертежи и рисунки. В частности, 14 октября 1706 г., после неудачного штурма Выборга, Петр I послал описание и чертеж хода сражения А. Д. Меншикову [5]. Однако несмотря на то что в письменных источниках содержатся многочисленные упоминания о подобных чертежах, до наших дней они почти не сохранились.

Шведские картографические материалы о военных действиях в Приневье многочисленнее и разнообразнее. Это утверждение справедливо по отношению ко всем фронтам Северной войны и связано с высоким уровнем развития шведской картографии. Во второй половине XVII — начале XVIII в. шведские картографы и военные инженеры были одними из лучших в Европе. Многие из созданных ими планов городов, крепостей и сражений, маршрутных карт, раскрашенных акварелью, с затейливыми картушами и аллегорическими фигурами стали настоящими произведениями искусства.

В шведских архивах и библиотеках есть немало карт и чертежей, посвященных военным действиям в окрестностях Петербурга и Кроншлота начала XVIII в. Отдельные картографические материалы имеются в Библиотеке Упсальского университета в фонде морских карт («Sjokartor»), в Шведской Королевской библиотеке (Стокгольм) и в других собраниях.

В Государственном архиве основная часть картографических материалов выделена в специальный фонд картографии (Lantmateristyrelsen leveranser). Однако рукописные планы городов, крепостей и сражений встречаются и в других фондах, в частности, в бумагах архива Комиссии по обороне.

В начале XVIII в. шведскими войсками, которые вели военные действия в окрестностях Петербурга, командовал генерал

И. Г. Майдель, а затем Г. Любеккер. Они регулярно посылали в находившуюся в Стокгольме Комиссию по обороне донесения о ходе боевых операций и положении в армии. Свои доклады генералы иногда сопровождали рукописным изображением маршрута войск и разведывательными чертежами. Большеформатные рукописные карты из дел Комиссии по обороне были изъяты и перенесены в фонд картографии, а чертежи малого формата так и осталась вложенными в донесения.

Самым большим картографическим собранием Швеции обладает Военный архив в Стокгольме, который организационно является частью Государственного архива. Всего в Военном архиве хранится 4000 разнообразных карт и планов. По мнению главного архивариуса Бьёрна Эрферта, это одно из крупнейших картографических собраний мира. Из них России (в основном Северо-Западным регионам XVII—XIX вв.) посвящены 600 карт и чертежей, в том числе 265 чертежей городов и крепостей [6] (25 планов Выборга, около 25 планов Ниена и 90 Петербурга), а также 60 военных планов.

Все карты и рисунки объединены в одно собрание «Карты и чертежи» («Kartor och ritningar»). В нем выделен фонд «Шведских войн» («Sveriges krig»), один из разделов которого посвящен Великой Северной войне («Stora Nordiska kriget»). Материалы по истории военных действий в Приневье сосредоточены также в собрании Иностранных карт, Морских карт, а также Планов городов и крепостей (разделы «Провинции Восточного моря», «Ниен», «Нотебург», «Кронштадт» и «Петербург»).

Сохранившиеся до наших дней военные карты, планы и чертежи различаются по содержанию и назначению, масштабу, языку, способу воспроизведения, оформлению, а также времени, месту и цели составления, поэтому они имеют разную степень достоверности.

Среди военных чертежей выделяют планы отдельных сражений, крепостей и оборонительных сооружений, маршрутные, разведывательные и другие карты. Масштабы карт и планов тесно связаны с их содержанием и назначением. Планы сражений и крепостей, чтобы подробно передать детали, обычно составлялись в более крупном масштабе (50—500 сажен в дюйме). Средне- и мелкомасштабными (несколько верст

в дюйме) делали карты маршрутные и обзорные, которые охватывали значительные территории [7].

Автором одной из самых известных шведских карт невской дельты стал старший штурман Адмиралтейства Карл Эльдберг, который в 1701—1703 гг. занимался гидрографическими съемками Невы, Финского залива и Ладожского озера. Под его руководством шведы выполнили точные замеры глубин Ладожского озера, Невы и Финского залива. Работы продолжались до тех пор, пока на Невские берега не вступили русские войска, а сам К. Эльдберг был вынужден спешно укрыться в Выборге.

По результатам топографических съемок начала XVIII в. было составлено несколько чертежей, в том числе и «Гидрографическая карта верхнего течения Невы от Ниенского рейда в Соленом море (Финский залив. — *Ред.*) до Нотебургского рейда в Ладожском озере с его правильным местоположением и обозначениями глубин, а также мелей и банок...» 1701 г. [8] В начале XVIII в. с нее сняли несколько копий, в том числе и с уменьшением масштаба. В настоящее время они хранятся в архивах и Петербурга, и Стокгольма [9]. По чертежу К. Эльдберга весной 1703 г. ориентировался адмирал Г. Нумерс, который возглавлял контролировавшую Ладожское озеро и Финский залив шведскую эскадру. Этот чертеж был вложен в донесение адмирала, отправленное из Выборга в Стокгольм 30 марта 1703 г. [10] Очевидно, «Гидрографическую карту верхнего течения Невы» использовали и в следующих военных кампаниях. Ее отличала точность съемки, поэтому карту применяли для создания планов Петербурга и его окрестностей всю первую половину XVIII в. Не обошли ее вниманием и русские историки XIX в., которые на этой основе выполнили карты-реконструкции Петербурга XVIII в. [11]

К началу XVIII в. Ингерманландия была тщательно картографирована. Однако если шведские адмиралы владели новейшими гидрографическими картами Невской дельты, то для командования сухопутных войск Швеции Финляндской армией такие чертежи оказали недоступны. Точные землемерные планы незадолго до Северной войны из приграничных областей отправили в Стокгольм. Составленные во время военных действий по распоряжению генералов И. Г. Майделя и Г. Любеккера карты не имели в основе данных топографической съемки [12].

В июле 1704 г. шведские армия и флот впервые увидели Кроншлот и Петербург. Возглавляемые И. Г. Майделем войска вышли по Выборгской дороге к правому берегу Невы, но успешные действия обер-коменданта Петербургской крепости Р. В. Брюса помешали шведам осуществить переправу и начать штурм крепости.

По приказу И. Г. Майделя из полевого лагеря на Выборгской стороны шведский прапорщик М. Бютнер сделал зарисовку окрестностей. Его «Чертеж Ниеншанца и заложенного ныне называемого русского Петербурга, снятый 19 июля 1704 г.» И. Г. Майдель отправил вместе со своим донесением в Стокгольм [13]. М. Бютнер изобразил крепость Ниеншанц с пылающими за ее стенами домами, отметил две деревни на другом берегу Невы, а также «верфь неприятеля» и склады корабельных материалов. В левой части чертежа он показал деревоземляную Петербургскую крепость, десять построек на Березовом острове, в том числе и двухэтажный дворец первого петербургского губернатора А. Д. Меншикова. Второй дворец губернатора отмечен на Васильевском острове. Поскольку М. Бютнер рисовал отдаленные от него территории, на его чертеже заметно искажена перспектива и неверно передан масштаб сооружений и островов [14].

Тем же летом 1704 г. пыталась прорваться к Петербургу и эскадра вице-адмирала Де Пру. Однако зарисовка форта Кроншлот, как и Петербурга, была сделана по приказу командующего сухопутной армией И. Г. Майделя. Анонимный автор рисунка изобразил восьмиугольную крепость с недостроенной крышей, бойницами на каждом из трех ярусах и казармами на нижнем [15].

Эти сделанные шведами в июле 1704 г. два рукописных чертежа ценны для исследователей не только как памятники истории военных действий, но как самые ранние из известных в настоящее время изображений Петербурга и Кроншлота.

Существовало и русское изображение тех же событий у острова Котлин. 9 июля 1704 г. Р. В. Брюс из Петербурга сообщил губернатору А. Д. Меншикову: «Прислал ко мне с ведомостью с Кроншлота полковник Трейден порутчика племянника своего Трейдена, что пришло к Котлину острову неприятельских судов с 30 да при них мелких немалое число. И из них одна

шкута выбегает за остров к урочищу к Лисью носу. А в которых местех те их суды стоят, послан к вашей милости чертежик» [16]. К сожалению, в фонде Походной канцелярии А. Д. Меншикова находится только письмо Р. В. Брюса, а «чертежик», скорее всего, до наших дней не сохранился.

После неудачной летней военной кампании 1704 г. и для подготовки нового наступления шведскому командованию было необходимо иметь точные сведения об обороноспособности Петербурга, Кроншлота и батареях острова Котлин.

В годы Северной войны враждующими сторонами широко практиковалась передача денег и писем для военнопленных. Во время зимней кампании 1705 г. И. Г. Майдель воспользовался такой возможностью и отправил в Петербург проверенного офицера, которым стал М. Бютнер. 7 января 1705 г. шведский прапорщик передал Р. В. Брюсу три запечатанных мешка с письмами и деньгами, после чего задержался в Петербурге еще на четыре дня. За это время он постарался как можно внимательнее рассмотреть Петербургскую крепость и первые русские постройки на Березовом острове. Вернувшись в шведский лагерь, М. Бютнер нарисовал все, что смог увидеть и запомнить. 18 января 1705 г. И. Г. Майдель отправил Комиссию по обороне новый чертеж [17], на котором без масштаба изображены шестиугольная Петербургская крепость с двумя равелинами и Березовый остров. Внутри крепости перспективными рисунками обозначены Петропавловский собор, «кордегардия» и «дом коменданта». Над протокой между крепостью и Березовым островом М. Бютнер поместил надпись: «Здесь стоит неприятельский флот». Согласно чертежу, на Березовом острове находилось только 16 построек, в том числе дома Петра I и А. Д. Меншикова. Конечно же, М. Бютнер немного мог увидеть в занесенных снегом городе и крепости. Швед ошибся с числом бастионов и равелинов Петербургской крепости, но приведенное нами исследование позволяет утверждать, что архитектурные детали главных сооружений будущей российской столицы он изобразил удивительно точно [18].

Если в 1704 г. шведы занимались фиксацией новых русских укреплений, то кампания 1705 г. представлена изображениями морских сражений.

В июне и июле 1705 г. неудачные попытки прорваться к Петербургу через укрепления Кроншлота и острова Котлин предпринял адмирал К. Д. Анкаршерна, под началом у которого было три эскадры. После завершения операции сделали два раскрашенных акварелью чертежа. На одном их них — «Чертеже десанта около Ретуссаари 1705 года 15 июля, а также как каким образом шведский флот тогда размещался» [19] — тушью и акварелью изображены шведские военные корабли возле северного берега острова Котлин. Их названия перечислены в расположенной в правой части листа экспликации. На чертеже перспективным внемасштабным рисунком изображена крепость Кроншлот и остров Котлин, на котором отмечены дома и русские полевые укрепления. Как известно, в 1704 г. там поставили несколько изб и увеселительный домик царя, построили первую батарею, а весной—летом 1705 г. перед вражеским нападением возвели еще три [20]. Судя по тому, что изображение Кроншлота во многом условно и у построек на острове отсутствуют индивидуальные архитектурные детали, анонимный автор чертежа не был непосредственным участником сражения и рисовал по указанию очевидцев.

В 1706—1707 гг. шведские армия и флот не предпринимали крупномасштабных действий в окрестностях Петербурга, тревожа гарнизон и местных жителей нападениями небольших отрядов. Последний большой поход шведских войск к Невским берегам состоялся летом 1708 г.

Перед походом шведы приступили к подготовке необходимых разведывательных чертежей. По приказу Г. Любеккера в расположение русских войск засылались шпионы, допрашивались пленные и дезертиры, расспрашивались местные жители. Полученные таким способом данные легли в основу «Карты Петербурга и его окрестностей, составленной по показаниям дезертиров и пленных» [21]. На этом громадном чертеже, выполненном зимой 1708 г. на нескольких склеенных в одну ленту листах длиной более полутора метров, поместились изображения всех русских укреплений. Это Петербургская и Адмиралтейская крепости, Кроншлот и батареи на острове Котлин. Возле нанесенного пунктирной линией фарватера нарисованы установленные К. Крюйсом в 1705 г. плавучие рогатки. Па плане достоверно переданы укрепления Петербургской крепости, но этого нельзя сказать об Адмиралтейской. Согласно рисунку, она настолько велика, что занимает большую часть одноименного острова. Автор плана ошибся и в количестве бастионов, которых было пять, а не одиннадцать. Эта, как и другие глазомерные карты, созданные на основе неполных и противоречивых сведений шпионов и дезертиров, передает очертания островов и русел рек в сильно искаженном виде.

Г. Любеккер выступил из Выборга 1 августа 1708 г. Этот последний поход подробно зафиксирован на дорожной карте, несколько экземпляров которой хранится в Военном архиве [22]. Маршрутная карта показывает часть Выборгской дороги, по которой шли шведы с 10 по 31 августа, с населенными пунктами и кабаками, расположенными по обеим ее сторонам.

27 августа войско Г. Любеккера остановилось в окрестностях села Колтуши, а шведский флот в составе 22 кораблей появился у острова Котлин. Несколько дней спустя армия Г. Любеккера, переправившись на левый берег Невы вблизи устья реки Тосны, двинулась по направлению к Дудеровой мызе [23].

Событиям, связанным с переправой шведских войск на левый берег Невы, посвящен небольшой чертеж под названием «Десант на реку Неву под командованием высокорожденного господина барона и губернатора генерала майора Георга Любекера 30 августа 1708 г.» [24]. Длительное время этот план оставался без внимания исследователей, и поэтому заслуживает более подробного описания.

Судя по карандашной сетке, это копия с оригинала. Чертеж имеет ориентацию на северо-запад, внизу приведена масштабная линейка. В левом нижнем углу помещена экспликация, где расшифрованы имеющиеся на плане литерные обозначения.

Судя по чертежу, для переправы через Неву Г. Любеккер выбрал место между двумя русскими шанцами (литеры «G»). Литерами «A» показано расположение готовившейся к переправе пехоты, которую у берега прикрывала шведская артиллерия («J»). Квадратиками и литерами «B» отмечен десант на понтонах. Очевидно, одними из первых на левый берег Невы перебрался батальон из 600 человек лейтенанта Крузенштерна («K»), 500 человек под командой майора Скютена («L») и саксонские гренадеры лейтенанта Винтера («M»). Эти шведские

части были встречены русскими отрядами, численность которых, по мнению Г. Любеккера, достигала 7000 человек («E»). Действия сухопутных русских частей на Неве по обе стороны от переправы поддерживались атаками галер («F») [25].

Таким образом, содержание чертежа отражает детали одного из важных этапов летней кампании 1708 г. Прежде чем начать переправлять свою 13-тысячную армию на левый берег Невы, Г. Любеккер построил несколько ложных укреплений и предпринял обманные действия. Не зная, где именно шведы намереваются перебраться на другой берег, Ф. М. Апраксин был вынужден рассредоточить свою армию возле ключевых позиций, поэтому в нужный момент ему не удалось собрать силы, достаточные для сдерживания неприятеля. Позволив шведам переправиться на левый берег Невы, Ф. М. Апраксин, не вступая в генеральное сражение, начал громить неприятеля в небольших стычках. Вскоре у Г. Любеккера стал ощущаться недостаток продовольствия, и началось дезертирство. Так и не сумев подойти к Петербургу, остатки шведской армии погрузились на корабли адмирала К. Д. Анкаршерны, стоявшие в Финском заливе недалеко от устья реки Луга [26].

Итак, картографические материалы двух шведских архивов отражают основные события всех сухопутных и морских кампаний в Приневье 1703—1708 гг. Среди них выполненные во время военных действий рукописные чертежи Петербурга и его окрестностей, Кроншлота, сухопутных и морских сражений, а также одна маршрутная карта. Это глазомерные внемасштабные чертежи, которые чаще всего ориентированы на юг, по направлению движения войск. Все они нарисованы чернилами и тушью, а также раскрашены. Источниковедческое исследование шведских чертежей, планов и карт позволяет утверждать, что они содержат уникальную информацию по истории военных действий в окрестностях Петербурга и Кроншлота.

---

[1] В начале 1703 г. А. Шхонебеку вернули деньги за купленных им для «добрых чертежей Шлисельбурка» 500 листов александрийской бумаги (*Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613—1725. Выпуск второй. М., 1883. С. 477).

[2] *Малэ А. М.* Книга Марсова или воинских дел. СПб., 1713.

[3] Опубл.: *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. Приложения. Лист 4.

[4] *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1710—1711) // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 153.

[5] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IV. Вып. 1. № 1388. СПб., 1900. С. 401—405.

[6] *Гэфверт Б.* Исторические карты России в шведских архивах // Санкт-Петербург и Ингерманландия в архивах Швеции. Швеция в архивах Санкт-Петербурга: Материалы российско-шведского семинара. 25—26 октября 2004 г. СПб., 2005. С. 71.

[7] *Гольденберг Л. А.* Картографические источники XVIII в. о военных действиях в 1708—1709 гг. // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. статей. М., 1959. С. 364.

[8] *Эренсверд У.* Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы: Сборник статей. Стокгольм, 1998. С. 25; *Эренсверд У.* Нева, Ингерманландия и Ниеншанц: (Из истории картографии) // *Гиппинг А. И.* Введение в историю Санкт-Петербурга, или Нева и Ниеншанц. М., 2003. С. 444—445.

[9] Напр.: РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 539; Kungliga Krigsarkivet (Stockholm). Sveriges krig. N 09:048.

[10] Об этой карте говорится в письме адмирала от 30 марта 1703 г. (SRA (Stockholm). Defensions-kommisionen. Vol. 108. 30.III.1703). Согласно вложенной в архивное дело записки, карта находилась в нем до 1935 г., после чего ее перенесли в фонд картографических материалов.

[11] *Горбатенко С. Б.* Карты Ингерманландии и Карелии XVII в. в Швеции и России // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 5. СПб., 1997. С. 16; *Базарова Т. А.* Планы-реконструкции петровского Петербурга: Общий обзор // Петровское время в лицах—2004: Материалы научной конференции, посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 55.

[12] *Базарова Т. А.* Шведские разведывательные планы Санкт-Петербурга 1704—1708 годов // Санкт-Петербург и Ингерманландия в архивах Швеции... С. 240—241.

[13] SRA (Stockholm). Defensions-kommisionen. Vol. 121. 21.VII.1704.

[14] *Базарова Т. А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 36—41.

[15] *Базарова Т. А.* Крепость Кроншлот на шведских разведывательных планах начала XVIII в. // Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2005. С. 177—178.

[16] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.

[17] SRA. (Stockholm). Defensions-kommisionen. Vol. 135. 18.I.1705.

[18] *Базарова Т. А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. С. 41—46.

[19] Kungliga Krigsarkivet (Stockholm). Sveriges krig. N 11:098, 11:099.

[20] *Шелов А. В.* 1) Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 47—48; 2) Очерк развития крепостных построек в Кронштадте //

Морской сборник. СПб., 1906. № 5. Неофициальный раздел. Л. 15—16; *Елагин С. И.* Начало Кронштадта. Кронштадт, 1866. С. 6—16.

[21] Опубл.: *Bagrow L., Köhlin H.* Maps of the River Neva and Adjacent Areas in Swedish Archives. Malmö, 1953. P. 8.

[22] Kungliga Krigsarkivet (Stockholm). Sveriges krig. N 12:106, 12:107, 12:108a, 12:108b.

[23] *Предтеченский А.В.* Основание Петербурга // Петербург Петровского времени: Очерки. Л., 1948. С. 36.

[24] Kungliga Krigsarkivet (Stockholm). Sveriges krig. N 12:109.

[25] Согласно сведениям Ф. Ф. Веселаго восемь скампавей под командованием И. Ф. Боциса находились на Неве выше места впадения в нее р. Тосны. Затем к месту переправы подошли две русские бригантины. (*Веселаго Ф. Ф.* Указ. соч. С. 190—191).

[26] *Тимченко-Рубан Г. И.* Военные действия в Ингерманландии в 1706—1708 гг. // Военный сборник. 1900. № 10. С. 217—224; *Бородкин М. М.* История Финляндии: Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 82—85.

В. Е. Возгрин

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕТЕРБУРГЕ 1730-х гг. В ЗАПИСКАХ ДАТСКОГО ПАСТОРА П. ХАВЕНА

Датский пастор Педер фон Хавен (1715—1757), посетивший северо-восточную, центральную и южную Россию в 1736—1739 гг., был человеком ученым. Причем разбирался он не только в теологии и практическом богословии. Защитив магистерскую диссертацию по философии, он был автором трудов по лингвистике, перевода с латыни «Бесед» Эпиктета, серьезно интересовался физической географией, климатологией и другими областями знания. И его обширный труд (512 стр. in octavo), посвященный России и написанный по материалам путевых записей, лишь условно можно отнести к весьма распространенному в XVIII в. жанру путешествий, хотя именно такое название дал ему автор: «Путешествие в Россию» [1]. На деле же это весьма необычное сочинение выходит далеко за пределы каких-либо жанровых рамок.

В нем нередки пространные экскурсы как в историю Московского государства и более современной России, так и вставные эссе, посвященные климату и географическим особенностям страны, религиям народов, ее населяющих, рассуждениям о строении земной тверди, о гидрологии пресных вод и соленых бассейнов планеты, о круговороте воды в природе и т. д. Значительное место в книге занимают и антропологические описания народов Северного Причерноморья включая бассейны Кубани, Дона и Днепра, т. е. кубанских ногайцев, калмыков волго-донских степей, донских казаков, крымских татар, украинцев, а также весьма непростых взаимоотношений этих и иных племен и народов.

Нужно отметить, что свою окончательную форму книга П. Хавена приняла лишь в 1743 г. А время, прошедшее между возвращением из России и завершением «Путешествия...», пастор провел в неустанном повышении своих научных знаний в голландских и германских университетах. Здесь, в г. Галле, ему посчастливилось стать учеником одного из крупнейших ученых эпохи, немецкого ученого-энциклопедиста Христиана Вольфа (1679—1754). Профессор Х. Вольф был известен далеко за пределами германских земель как критик пиетизма, господствовавшего в религии и духовной жизни тогдашней Европы, как создатель новой философской системы, основанной на приоритете национальных духовных ценностей, в чем он во многом пошел дальше своего старшего современника и учителя Лейбница. Целью развития личности Х. Вольф ставил достижение положительных знаний, разработку научного инструментария и четких критериев, с помощью которых можно было бы решать сколь угодно сложные проблемы духовной, культурной и политической жизни. Во главе угла его системы стояла практическая философия, включающая в себя этику, политику, экономику, а также рациональные психологию и теологию.

Это новое учение еще при жизни ученого стало господствующим в германских университетах. На рационализме вольфианства, в котором философия рассматривалась как наука возможного, в частности, вырос И. Кант. Что же касается П. Хавена, то его, судя по некоторым пассажам «Путешествия...», в учении профессора из Галле интересовали вопросы политической теории и практики, а также нравственные аспекты межчеловеческих отношений в целом. Наконец, при изложении своих идей о высоком смысле духовной толерантности и общечеловеческого гуманизма Х. Вольф также не мог не найти в лице датского пастора-студиозуса благодарного слушателя и горячего последователя.

Если же учесть, что П. Хавен засел за рукопись своей книги сразу же после возвращения из Галле, то станет понятным, отчего в главах, где затрагиваются национальные проблемы столь далеких от Дании народов, явственно сквозит стремление к гуманной и объективной их оценке. Нетрудно предположить, что и этим качеством своей творческой палитры пастор был во многом обязан старому германскому профессору, как

и своему острому интересу к национальным проблемам в целом.

В России эти проблемы оказались столь своеобразными и сложными, что П. Хавен, не пожалев времени для изучения их, счел нужным четко дифференцировать собранные сведения в предметном плане — иначе датскому читателю было бы просто невозможно разобраться в столь экзотическом для него материале.

Первый блок такого рода можно условно обозначить общей темой иностранцев в России 1730-х гг. Нельзя не признать, что П. Хавен был едва ли не первым, кто поднял эту проблему, в будущем обреченную на жгучий интерес у российских авторов и читающей публики (феномен «бироновщины» и пр.).

Второй предметный блок посвящен имперской политике России в отношении этнических групп Северного Причерноморья (включая закубанских подданных крымского хана и калмыков Придонья). Нужно заметить, что в обоих случаях авторский анализ национальных проблем сознательно ограничен «всего лишь» изложением российской действительности. Чувствуется, что в своем стремлении к объективности П. Хавен жертвовал возможностью вынесения собственных суждений, предоставляя его читателю. Он избегает похвал и осуждений, но делает все от него зависящее, чтобы проникнуть как можно глубже в предметную основу своих записок, — а оценки пусть расставляет тот, кто не слеп.

Сама тема «Иностранцы в России» была в 1730-х гг. столь же старой, как и Немецкая слобода в Москве. Новым было иное — если при Екатерине I и отчасти Петре II роль всесильного временщика досталась «своему» А. Д. Меншикову, то в эпоху Анны Иоанновны Россия оказалась под немцем Э. И. Бироном, да и относительное число иноземцев также увеличилось по сравнению с петровской эпохой. И протест против нежданно возникшего «немецкого засилья» (более позднее понятие) возник в России почти одновременно, и он не мог ускользнуть от внимания П. Хавена. Как и оставить его равнодушным, — ведь в Европе гражданских и военных специалистов ценили не по национальному признаку, а профессиональным достоинствам, честности и тому подобным качествам. Отнюдь не де-

монстрируя своего удивления и неприятия этой странной аллергии на «чужую кровь», пастор пытается взвесить плюсы и минусы иностранного присутствия на русской земле. Для этого он исследует десятки человеческих судеб, так или иначе отразившихся в истории России, честно рассказывая о них читателю.

В короткой статье невозможно даже кратко перечислить эти биографические фрагменты книги, крайне интересные с научной точки зрения. Проще резюмировать общую их мораль: в ситуации, когда России все так же остро, как и при Петре, не хватало специалистов в самых различных областях экономики и военного дела, управления и науки, сама возможность широкого заграничного найма оставалась необходимым условием дальнейшего развития державы.

Что же касается некоего нерусского «духа единой команды», объяснявшего предпочтение, которое Бирон якобы отдавал пришлым немцам, то П. Хавен, как бы предчувствуя появление в недалеком будущем такой гипотезы, превентивно разрушает саму ее основу. Он показывает, во-первых, что Бирон не встречал никакой поддержки именно у немцев, А. И. Остермана и Б. Х. Миниха, пользовавшихся в России немалым авторитетом и влиянием. В свою очередь Миних враждовал с Остерманом и Людвигом Гессен-Гомбургским, его высокомерия и жестокости терпеть не могли иностранцы-генералы Кейт, Карл Бирон и другие; барон фон Левендаль был готов по этой причине вообще бросить царскую службу, а кое-кто из офицеров и исполнил эту угрозу, навсегда покинув Россию [2].

В книге неоднократно говорится, как о деле обычном, что иностранцев, бесполезных на государственной службе, высылали прочь. Те же из них, кто совершал служебные преступления, подлежали суду, причем приговоры им выносились не менее жесткие, чем природным русским. Но таких случаев было крайне мало — наемники честно отрабатывали свой хлеб. Куда более многочисленны примеры, когда даровитые иноземцы, руководя крупными проектами, успешно завершали их. Так, только Миних смог вдохнуть новую жизнь в затянувшееся строительство Ладожского канала и железной рукой довести его до конца, несмотря на помехи, создаваемые ему могущественным князем А. Д. Меншиковым [3]. Столь же пристальное

внимание уделяет П. Хавен и А. И. Остерману, вклад которого в преображение России огромен.

В военно-политической сфере эти успехи были особенно заметными. Во время путешествия датского пастора политика России резко активизировалась. Не прошло и десятка лет после заключения судьбоносного для России союзного договора с Австрией (1726), как в Петербурге было решено использовать возможности этого альянса. Его смысл был прост — страны-участницы взаимно гарантировали друг другу политическую и военную поддержку в борьбе с общими врагами — Турцией и Крымом. Собственно, чисто военная помощь была бы даже излишней. Обеим державам был вполне достаточен взаимный дружественный нейтралитет, который впервые позволял сосредоточиться на направлении главного удара, не опасаясь вмешательства третьих сил.

Это направление уже становилось для России традиционным — достаточно вспомнить Азовские и Прутский походы Петра. Однако попытка царя вести войну на два фронта окончилась тогда неудачей, все завоевания на юге были, как известно, утрачены. Но политика имперской экспансии не была забыта и при ближайшей преемнице Петра, Екатерине I, хотя тогда острое противоборство А. Д. Меншикова и А. И. Остермана мешало реализации таких амбициозных проектов, как вторжение на территорию Дании или Норвегии.

При Анне Иоанновне ситуация была иной. А. Д. Меншиков давно сгинул в ссылке, и А. И. Остерман, программировавший внешнюю политику страны, практически не встречал помех со стороны крупнейших лидеров эпохи: Э. И. Бирон занимался в основном дворцовой и внутренней политикой, а Б. К. Миних — руководством вооруженными силами державы.

Напомню, что упомянутый австро-российский союз 1726 г. был детищем А. И. Остермана. И теперь именно он приступил к реализации скрытых потенций этого договора. В чисто военном аспекте новый план войны против Турции предусматривал наступление на двух стратегических направлениях — донском и днепровском. Это обеспечивало выход армий к побережью Азовского и Черного морей, а в дальнейшем — нанесение фланговых ударов по Крыму с моря, в обход сильных укреплений, созданных на Перекопском перешейке. В качестве бли-

жайшей цели ставился захват мощных турецких крепостей Азова, Очакова и Кинбурна, преграждавших выход из Дона и Днепра к морю.

При этом А. И. Остерман учел слабое место Прутского похода, осуществленного исключительно сухопутными войсками. И когда он в 1732 г. возглавил новое центральное морское ведомство России (Военно-морская комиссия), то выступил инициатором возрождения Азовского флота. Отныне, полагал Остерман, строившиеся на речных верфях полугалеры и прамы должны будут участвовать в южных кампаниях России, производя набеги на побережье Крыма [4].

Идея активного использования флота не была единственным вкладом А. И. Остермана в стратегию широкой экспансии России в южном направлении. Граф пришел к мысли о действенности использования во время похода национального фактора, т. е. искусственной активизации латентного этноконфессионального конфликта среди пестрого населения Северного Причерноморья, который можно было использовать в борьбе против будущего противника России. Свидетелем осуществления этого проекта на местах и стал П. Хавен. В одной из глав «Путешествия» он вводит европейского читателя в сложную обстановку сосуществования у южных границ России калмыков, казаков и татар, находя в обычаях и традициях этих этнических групп много общего:

«Калмыки идут на войну добровольно и с охотой, без оплаты, в надежде на добычу. Казак также стремится прежде всего уцелеть вместе со всем тем, что он награбит у врага во время походов... Я могу также сравнить калмыков и казаков в отношении склонности обоих народов к разбою и грабежу даже в мирное время. Наверняка сомнительным было бы любое заключение о том, кто именно из тех народов больше грабил и разорял: русские — турецких подданных, или татары — русских. Любой калмык считает прямым долгом перед самим собой добыть посредством насилия как можно больше. И полагает, что каждый обязан делать в этом отношении все возможное. Совесть казака в этом деле уступает [калмыцкой и татарской] ненамного. Он так же точно не упускает возможности воспользоваться случаем, когда может, — не хуже лошади, которая не сдерживает своего аппетита, когда проходит мимо

воза сена. Таким образом, как калмыки, так и казаки не могут оставить в покое своих соседей, крымских татар. Год за годом они ведут взаимную войну. И калмыцкая орда, если видит [малейшую] к тому возможность... вплавь пересекает Дон, отбивает у казаков отару овец и возвращается с добычей. С другой стороны, казаки, едва заметят неосторожность или небрежность своих [недавних] гостей, тут же и тем же манером мстят за дерзость и беззаконие своих неверных соседей. Я могу говорить об этом с тем большей уверенностью, что сам наблюдал всё это, а во время своих поездок среди них слышал каждый божий день обоюдные свидетельства и жалобы по этому поводу» [5].

Такие этнопсихологические особенности калмыков и ногайцев, казаков и татар значительно упрощали поэтапное осуществление проекта А. И. Остермана. Была здесь, правда, трудность политического характера. Запланированный в Петербурге поход на Азов и на крымских вассалов Турции означал бы объявление войны Оттоманской Порте. В таком случае России пришлось бы вести войну на три фронта — донском, крымском и дунайском. Тогда как проще было бы разбить мусульман на тех же направлениях, но поочередно, по возможности оттягивая объявление войны главному противнику — султану. В качестве повода к такому выступлению годился бы очередной набег кубанских ногайцев или крымских татар. Но в том-то и дело, что в большие походы (сефери) на Россию Крым не отправлял войска уже много десятилетий, и не было никакой надежды на их возобновление. А случавшиеся время от времени мелкие татарско-казацкие стычки никак не могли оправдать удар по мирному турецкому Азову.

Но русский резидент в Стамбуле И. И. Неплюев подал здравую мысль: «...хотя бы паче чаяния и татары зачем (т. е. “по какой-либо причине”. — *В. В.*) не пошли, можно законные причины найти к ним привязаться» [6].

Именно так в 1735 г. российские стратеги и поступили: не трогая пока Азов, они обрушились в октябре на Крым, якобы в отмщение за небольшой набег ногайцев Дикой степи (т. е. отнюдь не Крыма!) на украинские городки. Целью похода было «вступить в середину полуострова и тамошние места опустошить» [7]. Поход окончился провалом. Русские, которым не

удалось даже приблизиться к Перекопу, потеряли от болезней 9000 солдат[8]. Но удалось угнать с собой и уничтожить почти весь ногайский скот — единственный источник существования в этом сплошь скотоводческом регионе.

Поэтому casus belli должен был возникнуть сам по себе, что и случилось: ранней весной 1736 г. ногайцы и их крымские братья были вынуждены двинуться на север, отбивать угнанных коров и баранов. Рассказывая об этих событиях, датчанин делает любопытное замечание насчет того, что в подобных случаях противостоять набегу весьма трудно. В ситуации голодного мора тюркский воин утрачивает страх смерти: «Татары сражались отчаянно, поскольку у них [дома] все разорила война, и у них не оставалось ничего иного, чем они могли бы себе пособить»[9].

Для русских же, повторяю, главным было не отбить это нашествие, а максимально использовать его политически. Что тут же и было сделано, — в 1736 г. Россия официально объявила войну Турции (военные действия продлились до 1739 г.).

П. Хавеном великолепно описаны дальнейшие события на юге, многим из которых он был свидетелем. Он показывает, как Миних предал огню древние Гезлев (н. Евпатория), Бахчисарай и Акмесджид (н. Симферополь), как он не сумел сберечь десятки тысяч голов захваченного скота и его армия стала помирать с голоду в цветущих долинах крымских рек, когда от истощения и болезней погибло до 30 000 чел. Пастор приводит новые для науки сведения об очередном «ответном» походе татар за скотом в феврале 1737 г., малоизвестные детали «очаковской» кампании Миниха и т. д.[10]

Все это весьма интересно историку войн, но для нашей темы важнее иные, с виду не столь эффектные факты и сведения, помогающие ответить на вопрос: как России удалось впервые в истории захватить (пусть на время) недоступный Крым? Какие новые политические и тактические приемы были использованы Петербургом в кампании 1736 г.? Как реагировали нейтральные племена и народы на появление в Причерноморье российских войск?

Не будет преувеличением сказать, что именно в 1736 г. открывается новая страница в многовековой истории Крымских походов, ставшая провозвестницей их успешного завершения

в 1771 г. Отныне Петербург начинает вести отдельные операции чужими руками, используя при этом местные, южные узлы этнических противоречий. Весной этого года, еще до объявления войны, российские эмиссары склонили калмыцкого хана Дондука Омбо к нападению на кубанских подданных Бахчисарайского престола, гарантировав калмыкам нейтралитет донских казаков (обычно использовавших такие случаи для набегов на калмыцкие стойбища). А кубанская орда играла важную роль в системе обороны Крымского ханства, особенно в 1736 г., когда основное крымское войско участвовало в войне Турции с Персией.

Поэтому поход калмыков на Кубань резко ослабил военную мощь ханства, и оно не смогло оказать должного сопротивления войску Миниха. Это было торжество политики А. Остермана: было сожжено пол-Крыма, а Дондуку удалось не только страшно разорить Кубань, перебив или лишив средств к существованию многие тысячи местных татар, но и заставить 10 000 татарских семей, обреченных на голодную смерть, просить о российском подданстве. Удача первого опыта такого рода вдохновила петербуржских политиков, принявшихся с новой энергией раздувать пламя межнационального конфликта в предгорье Северного Кавказа.

В кампании 1737 г. калмыкам была предназначена почти та же, что и ренее, роль. После того, как войсками генерал-фельдмаршала П. П. Ласси был занят и уничтожен крупнейший город Крыма, Карасубазар, то командующий, не желавший рисковать солдатами, отправил вдогонку поднявшимся в горы беженцам-татарам калмыцкую орду. Вместе с примкнувшими к ней казаками эти степняки совершили глубокий карательный рейд, дойдя до Бахчисарая, уничтожив массу местного населения, предав огню сотни деревень и уведя с собой тысячи рабов и огромные гурты скота.

Надо признать, такое использование иррегулярного воинства было оптимальным. Как записывал П. Хавен, «калмыки плохо держатся воинской дисциплины, и казаки тоже. Калмыки атакуют врага с громким криком и ужасающей яростью, толпами и без какого-либо порядка... Когда они побеждают, то никого не щадят; и не просят помиловать их самих, когда уступают, поскольку в таких случаях они мастера пускаться в бегство,

[мчась] на своих резвых лошадях с невероятной скоростью. Казаки пользуются той же тактикой и поэтому могут, как и первые, использоваться скорее для преследования [уже] бегущего врага, чем для принуждения его к бегству; скорее для участия в рейдах, чем для сражения в правильной баталии» [11].

Подготовка к кампании 1738 г. началась еще в декабре 1737-го. Калмыки вновь обрушились на кубанские селения ногайцев. «Разделив свое войско на отряды, Дондук Омбо пошел на неприятеля и напал на него с нескольких сторон зараз; разбил его и затем прошел весь край вдоль реки Кубани до Азовского моря, совершенно разорив орду. Все жилые места на реке разграблены; Дондук Омбо проник даже в город Капиль, обнесенный стенами, обыкновенное местопребывание начальника этих татар, султана Бахти-Герея, и взял его приступом, после чего разрушил. Эта экспедиция продолжалась с 1 по 14 декабря, и захваченная калмыками и казаками добыча оказалась весьма значительной. 10 тысяч с лишком женщин и детей взято в неволю. Количество скота было чрезвычайное: на долю калмыков досталось до 20 000 лошадей, сверх рогатого скота и овец». При этом погибло, «по крайней мере, 30 000 душ, включая сюда попавших в неволю; 15 000 [пленных] было убито на месте, прочие утонули в реке Кубани, бросившись в нее вплавь, но берега обледенели...» [12].

По мнению П. Хавена, и в летней кампании 1738 г. татары пострадали больше от калмыков и казаков, чем от регулярной армии России: «Ласси взял Перекоп в этом, как и в прошлом году. Но, поскольку он не мог ожидать какого-то дополнительного суккурса от флота, то был вынужден ретироваться, постоянно обеспокоиваемый противником, который носился стаями вокруг него. После чего он отошел с армией на зимние квартиры.... Дондук Омбо со своей калмыцкой армией поллета страшно разорял кубанских татар, его соседей и врагов России. И лишь когда он получил известие, что турецкий флот утвердил свое положение на море и что генерал Ласси со своей армией покинул Крым, он тут же отступил со всеми своими ордами далеко назад, поскольку опасался, что кубанцы получат подкрепление от крымских татар и турок» [13].

Таким образом, вместо того чтобы подвергать нерусских аборигенов юга репрессиям (вспомним массовые казни украинцев в 1709 г.), Петербург впервые начинает проводить прямо противоположную политику, т. е. использовать их в собственных интересах, не останавливаясь перед сталкиванием лбами казаков с крымскими татарами и калмыками, калмыков — с кубанскими и крымскими татарами и т. д. При этом потери в армии — среди русских рядовых и офицеров — снижались настолько заметно, что практику эту можно назвать «загребанием жара чужими руками».

Что же касается других, европейских иноземцев-наемников, то и их роль в событиях войны П. Хавен освещает иначе, чем более поздние историки и даже его современники. Объективность ученого не позволяет датчанину оценивать «засилье иностранцев» при Анне Иоанновне как однозначно негативное. Напротив, в его книге едва ли не впервые столь наглядно показано, какую важную роль сыграли иностранные офицеры, генералы и командующие в эпохальном, неслыханном в истории России событии — оккупации Крыма и начале победоносного шествия империи на юг вдоль западного и восточного берегов Черного моря.

При этом П. Хавен счастливо избегает противоположной опасности, т. е. идеализации иноземных специалистов. Он ярко рисует отрицательные черты Миниха (презрительное отношение к русским соратникам, готовность жертвовать многими тысячами рядовых в сомнительных операциях, жестокость фельдмаршала) и Бирона (то же презрение к русским и нерусским подчиненным, крайний эгоизм, деспотизм, алчность). С другой стороны, датский пастор с удивлением отмечает, что русские считают иноверцев юга (татар, калмыков, ногайцев) людьми «второго сорта», недостойными человеческого отношения. Более того, даже к православным украинцам или казакам русские офицеры относились жестче, чем к самым бесправным (но великорусским!) рабам-холопам. Помещик, к примеру, не имел права наказания чужого крепостного, тогда как офицер мог беспричинно высечь свободного донского казака, не опасаясь последствий. Приведу пример из книги:

Некий русский офицер, ехавший по степи в коляске с местной девкой, спросил у встречного казака, далеко ли до ближайшего города. Казак «...честно ответил, что осталось верст тридцать с лишним. “Что, — говорит офицер, — ты врешь, ты

хочешь надуть меня”. Затем он выпрыгивает из кареты и тут же приказывает своему кучеру и слугам растянуть казака и отделать его батогами. После чего казак спрашивает, что он сделал, и за что его отхлестали. “Ты соврал, — говорит офицер, — никак не может оставаться так много, я наверняка проехал больше, лгун”. “Твоя воля, — сказал казак, — а я говорю правду”. Кучер и слуги тут же вновь достали батога и готовились растягивать казака, который, будучи невинным и беззащитным, едва не плакал, в то время, как господин гнул свое: “Клади его, клади его!” Наконец, девушка из коляски закричала казаку: “Ну и дурак ты, да скажи, что с тебя господин требует!” После чего казак, уже растянутый и ждущий ударов, молвил чуть не плача: “Так и есть, ваше благородие уже проехали больше половины пути, осталось едва 20 верст”, после чего он был отпущен и продолжил свой путь, то и дело оглядываясь со страхом и недоумением» [14].

Для контраста, точнее, для демонстрации иного уровня этнической толерантности приведу личное высказывание последовательного вольфианца П. Хавена по поводу национальных черт турок, которых, напомню, в ту эпоху вся Европа считала какими-то извергами, заклятыми «врагами рода человеческого» и т. п.:

«Турки не такие варвары и недоумки, какими их у нас выставляют. Если отбросить в сторону все, что основывается на их религии, законах, восточных обычаях и их организации (и что по большей части представляется нам странным единственно потому, что это для нас непривычно), то они, безусловно, [окажутся] людьми со всеми человеческими свойствами, вполне цивилизованными и просвещенными, как все, кто носит имя человека, хоть многие другие [нации] они и не превзойдут» [15].

Напомню, как официальный Петербург «отблагодарил» А. И. Остермана, столь много сделавшего для России. При Елизавете Петровне, когда начались судебные расправы с людьми Анны Иоанновны, он был приговорен к колесованию. Оказывается, этот петровский птенец «...к важным делам, которые до целости всего государства касались, в предосуждение всего российского народа употреблял чужих наций людей, а не российских природных и, будучи в своем министерстве, имея все

государственное правление в своих руках, многие славные и древние [русские] фамилии опровергать и искоренять... старался» [16].

О том, какие привилегии предоставлял осужденный Андрей Иванович «чужих наций людям», видно из того же хавеновского «Путешествия...», где встречаются сотни иностранных имен — главным образом в среде младшего, среднего и старшего офицерства в южных армиях и флоте. И привилегия у них была одна — пасть на поле чести от вражеской пули. Или же взорвав себя вместе с кораблем, чтобы не сдаться туркам, как это сделал французский капитан де Фреммери из флотилии норвежца П. Бредаля, которая по приказу немца Б. Миниха сопровождала в крымском походе армию шотландца П. Ласси [17].

В то же время на турецком фронте подозрительно мало встречаются отпрыски «многих славных и древних фамилий», — видимо, именно так стремился их «опровергать и искоренять» немец А. И. Остерман, имевший «все государственное управление в своих руках...».

---

1 *Havens P.* M. Ph. Reise udi Rusland. Kjøbenhavn, 1743.
2 Ibid. S. 8, 84, 234, 448.
3 Ibid. S. 235.
4 *Веселаго Ф.* Краткая история Русского флота. Вып. I. СПб., 1895. С. 83, 85, 87—89; *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия Российского флота, XVIII в. СПб., 2003. С. 313—314.
5 *Havens P.* Op. cit. S. 180, 183—184.
6 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1988—1996. Кн. X. С. 383.
7 Таврикия, или Известия древнейшия и новейшия о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. Сочинения Польского Епископа Адама Нарушевича... Киев, 1783. С. 158.
9 *Havens P.* Op. cit. S. 266.
10 Ibid. S. 82—84, 86—87.
11 Ibid. S. 217—221, 179.
12 *Манштейн К. Г.* Записки о России. 1727—1744 гг. СПб., 1875. С. 104—105.
13 *Havens P.* Op. cit. S. 454—455.
14 Ibid. S. 296—297.
15 Ibid. S. 230.
16 Цит. по: Очерк царствования Елизаветы Петровны // Сочинения С. В. Ешевского. Т. II. СПб., 1870. С. 389—390.
17 *Havens P.* Op. cit. S. 215—216.

Л. В. Выскочков

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I О ФИНЛЯНДИИ И О ФИННАХ

Финляндская окраина России попадает в поле внимания Николая Павловича задолго до вступления на престол. Впервые судьба свела его с Великим княжеством Финляндским в марте 1816 г., за три месяца до его двадцатилетия. По примеру университетов в Швеции университет г. Або (Турку) в начале 1816 г. всеподданнейше ходатайствовал, не удостоит ли Александр I монаршей милостью даровать ему канцлера в особе Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Павловича [1].

По замечанию историка М. М. Бородкина, эта «мысль всецело принадлежит Тенгстрему, епископу Абоской епархии, стороннику России. Яков Тенгстем имел в виду не только частные интересы университета. Он не без основания придавал значение тому обстоятельству, что великий князь в качестве канцлера неизбежно будет посвящаться в дела Финляндии» [2]. После личного доклада Тенгстрема Александром I был дан Высочайший рескрипт от 25 мая (6 апреля) 1816 г. на имя проканцлера консистории. В нем говорилось, что Его Величество «в доказательство особенной своей милости к Абоскому университету» назначает канцлером университета великого князя Николая Павловича. Несколько дней спустя уже сам великий князь Николай уведомил рескриптом о своем назначении. В нем на французском языке говорилось: «Финляндия, счастливая под отеческою державою государя императора, счастливая своими постановлениями и успехами образованности, всегда будет наслаждаться процветанием наук и искусств доколе оставит пути, по которому поныне следовала» [3].

Надежды, которые финляндцы возлагали на двадцатилетнего Николая, понятны.

В своем письме к Р. И. Ребиндеру от 11 мая 1816 г. (н. ст.) Яков Тенстрем писал: «Радостно было слышать... что молодой канцлер начинает заниматься нашими академиками. Легко представить себе, что он, который никогда раньше не занимался делами и еще меньше может знать наши законы, должен вначале быть непривычен и не осведомлен в собственном служебном деле... Мы желаем и надеемся, конечно, что он мало-помалу ближе ознакомится с делами и вместе с тем поймет дух вообще нашего конституционного правления и академического в особенности. Что в настоящее время он не может дать каких-либо объяснений в наших делах своему высокому господину брату — очень понятно; но безошибочно мы желаем все-таки, чтобы он впоследствии по крайней мере присутствовал у государя, когда будут докладываться наши дела. Так всегда наши канцлеры присутствовали у короля, когда статс-секретарь ему излагал академические дела, а вы, господин барон, хорошо знаете, как наш народ дорожит старыми формами» [4].

Эти замыслы тогда не могли полностью осуществиться. Во-первых, Александр I мало бывал в Петербурге, преодолев за вторую половину своего царствования более 200 тысяч верст. Во-вторых, сам Николай Павлович не был склонен к «конституционному правлению». Но надежды на практическую помощь вполне оправдались. Как всегда, Николай Павлович добросовестно выполнял свои обязанности. Ведь к моменту назначения канцлером он не был обременен общественными обязанностями, являясь только по службе шефом двух гвардейских полков — Измайловского полка и Северского конно-егерского полка. Благодаря поддержке великого князя уже 18 (30) октября 1817 г. произошло освящение нового университетского дома [5].

Он не забыл о своей общественной, по сути, должности и после вступления на престол. Без какого-либо напоминания, буквально через две недели после восшествия на престол, Ни-

колай Павлович рескриптом от 30 декабря 1825 г. назначает своего сына Александра Николаевича канцлером Абовского, будущего Александровского (в Гельсингфорсе) университета. Верный традиции, он преемственно передал ему свою должность: «По определению судьбы Всевышним, после кончины Его Величества Государя Императора Александра I блаженной памяти, наследовав престол Российской Империи, первою из Наших забот при обращении Нашего попечения на Великое княжество Финляндское было заняться Абоским университетом, благосостояние которого составляло предмет Наших желаний в течение десяти лет, в кои Мы исполняли должность Канцлера сего университета» [6]. И в дальнейшем Николай Павлович проявлял детальное знание всех кадровых и хозяйственных вопросов его деятельности. Первоначально университет готовил специалистов для работы в пределах княжества, но 1 августа 1834 г. вышел указ о правах выпускников университета на гражданскую службу в самой России.

Постепенно (на основании указа от 27 марта 1812 г.) функции административного управления Финляндией переходят к расположенному ближе к Петербургу Гельсингфорсу. После пожара в Або осенью 1827 г. Николай Павлович способствовал организации университета в Гельсингфорсе (в Або осталась гимназия). Помощь заключалась и в щедрых книжных пожертвованиях из разных библиотек. В 1828 г. он разрешил передать в дар библиотеке университета собрание из 24 тысяч книг, принадлежавших ранее Павлу Константиновичу Александрову (1808—1857), внебрачному сыну великого князя Константина Павловича, которые были доставлены из Мраморного дворца. Из своих личных книг император передал университету две небольшие, но ценные библиотеки научных книг. Это были коллекции Иоганна Геннинса (около 3000 томов) и Жозефа фон Рейманна (около 2800 томов) [7].

Как пишут супруги Йорма и Пяйви Туоми-Никула в книге «Императоры на отдыхе в Финляндии», «наследнику престола Николаю Павловичу было 24 года, когда он первый раз посетил Финляндию» [8]. Эта поездка состоялась 9—17 июня 1820 г. Фрегат «Свеаборг» доставил наследника престола из Ревеля (Таллинн) в Гельсингфорс 9 июня, на три дня опередив запланированное время визита. «Большой парусный корабль, — пишут финские авторы, — действительно прошел весь путь всего за пять часов» [9]. Во время этой поездки Николай Павлович совершил инспекцию Свеаборга, затем, одновременно знакомясь с новыми местами и отдыхая, побывал также в Або (Турку) и на Аландских островах [10].

Таким образом, к моменту восшествия на престол Николай Павлович был достаточно знаком с Финляндией и не забыл о ней при составлении первых указов.

Еще 12 декабря 1825 г. в манифесте по случаю восшествия на престол подтверждались коренные законы, права и преимущества жителей княжества Финляндского, которыми «по конституции их доселе пользовались», обещая «хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии».

Николай I остался верен букве Манифеста. Известно, что генерал-губернатор А. А. Закревский привел финляндский Сенат, должностных лиц и все населенные пункты Финляндии к присяге по общей форме, как во всей России. Закревский тем самым считал де-факто уничтоженным обособленное положение Великого княжества. Но Николай I, несмотря на все просьбы Закревского, подтвердил постановления Абоского сейма и автономию Финляндии. Граф подчинился распоряжению самодержавной власти, но до конца своей жизни горячо доказывал, что если бы было поддержано его распоряжение, можно было достигнуть полного слияния Финляндии с Россией [11].

Не одобряя конституционные проекты, Николай I считал необходимым придерживаться законов, доставшихся ему в наследство от старшего брата. Николай I был человеком долга верным своему слову. Николай Павлович чтил законы и традиции. По возможности старался играть роль конституционного монарха как по отношению к Польше, так и по отношению к Финляндии. Во втором случае это получилось, в первом — нет. Напрасно, выступая в мае 1830 г. в Варшаве, он призывал поляков благоразумно пользоваться конституционными правами. Тем не менее восстание в Польше в ноябре 1830 г. явилось для него полной неожиданностью. Как отмечают финские историки, тогда Польша потеряла автономию, а Финляндия — ее упрочила.

В Финляндии автономное управление благополучно пережило царствование Николая Павловича. Хотя это было не

просто. Позднее помощник статс-секретаря К. И. Фишер констатировал: «С Финляндией довольно трудно управляться, если не считать в числе дозволенных средств — насилие» [12].

В конфиденциальном разговоре с начальником канцелярии кавказского наместника в сентябре 1846 г., когда императору не было нужды скрывать свои взгляды, он заявил: «Мы не ищем завоеваний, но прочного устройства там, где владеем, и благосостояния присоединенных к России народов» [13].

Став императором, Николай Павлович также трижды посетил княжество: в 1830, 1833 и 1854 гг. Это были годы, когда степень лояльности финнов к России была наиболее важна во внешнеполитических расчетах. Относительно редкие посещения великого княжества, конечно же, были объяснимы. Как отмечают авторы «Политической истории Финляндии», «высшие сословия и чиновничество Финляндии были настолько преданы императору, что Николай I не преминул заметить своим соотечественникам, которые хотели урезать привилегии, которыми пользовались финны: «Оставьте финнов в покое. Это единственная провинция моей державы, которая за все время моего правления не причинила мне ни минуты беспокойства или неудовольствия» [14].

Беспокоиться, конечно же, приходилось. Посещения российскими императорами Финляндии были, прежде всего, высочайшими ревизиями края, но в определенной мере и пропагандистскими акциями, демонстрирующими связь между Петербургом и Гельсингфорсом.

Начало этой традиции заложил еще Александр I. В марте и июле 1809 г. Александр I дважды побывал в Финляндии, знакомясь со страной и присутствуя на Боргоском сейме (ныне г. Порво). В последующие годы еще дважды Александр I посещал Финляндию. Второе посещение произошло в июле 1812 г. накануне войны с Наполеоном, когда состоялась его встреча в Або (Турку) с наследником шведского короля Карлом Юханом. Третье турне было в августе—сентябре 1819 г., когда он проехал по наиболее проблемным районам на севере Финляндии. Следует отметить, что ранее, летом 1802 г., в Выборге побывала императрица Елизавета Алексеевна, которая проследовала на границу для встречи со своей сестрой, шведской королевой. Указом от 19 декабря того же 1802 г. Выборгская

губерния была переименована в Финляндскую. В марте 1803 г. в Выборге побывал и сам Александр I [15]. По манифесту от 11 декабря 1811 г. Выборгская губерния была присоединена к Великому Княжеству Финляндскому и ее вновь предписывалось именовать Выборгскою [16].

Первая поездка Николая I в Великое княжество Финляндское состоялась вскоре после получения известия об Июльской революции во Франции. «Между тем эти события не остановили нашей поездки в Финляндию, — вспоминал сопровождавший его А. Х. Бенкендорф. — Мы отправились в дрожках — экипаже, в котором Император Николай всегда езжал по Финляндии» [17]. По своему обыкновению император выехал в путь из Елагинского дворца в ночь с 30 на 31 июля (с 11 на 12 августа по н. ст.) 1830 г. [18] (финские авторы датируют поездку 10—16 августа по н. ст.).

Об этой поездке рассказывалось на страницах газеты «Северная пчела»: «...Его Императорское Величество, находясь в пределах княжества Финляндского с половины 3-го часа сегодняшнего утра, благополучно прибыл в Выборг в 9 часов...» [19] Перед православным Спасо-Преображенским собором государя встречали протоирей Виноградов, комендант Выборгской крепости генерал-лейтенант Берг, ландсгевдинг Выборгской губернии Рамзай. После молебна купцы и почетные граждане поднесли императору хлеб-соль. При посещении Выборга Николай Павлович по заведенному порядку осмотрел войска, госпиталь, казенные учреждения. Переночевав в Выборге, на следующий день, 1 (13) августа, Николай Павлович проследовал во Фридрихсгам (Лаппенранта).

Как известно, в конце 1811 г. Александр I включил так называемую «Старую Финляндию», отвоеванную еще при Петре I, в состав Великого княжества Финляндского. Многие русские были недовольны этим решением. По показаниям арестованного после событий 14 декабря бывшего члена Союза благоденствия Г. А. Перетца, будущие декабристы рассуждали о преимуществах «завоеванных финляндцев» и «о причислении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому» [20]. Не одобряли они и планы Александра аналогично присоединить западные губернии к Царству Польскому.

Занимал этот вопрос и Николая I. Из переписки Константина Павловича в 1826 г. известно мнение цесаревича и ответ на него Николая.

В письме от 5 (17) февраля 1826 г. цесаревич Константин пишет о «своих поляках»: «Кроме того, все эти господа видят, что старая Финляндия была присоединена к новой, а не новая к старой: теперь спрашиваю я вас, хотите вы, чтобы подобный пример не вскружил им голову?» Николай Павлович не одобрял ни присоединения Польши к России в 1815 г. Неизвестно, как он относился к включению Финляндии к России, но присоединение Выборгской губернии к Великому Княжеству Финляндскому не одобрял. Он считал, что «Литва и прочие русские провинции не могут возвратиться к Польше, потому что это значило бы посягать на целостность империи, — пример того, что было испробовано с Выборгскою губерниею, влечет уже за собою до того важные неудобства, что возможно возвращение ея к империи в собственном смысле слова» [21]. Тем не менее при Николае I каких-либо принципиальных изменений в статусе губернии не произошло.

После Выборга Николай I направился далее в «Новую Финляндию». Там он осмотрел войска и Финляндский кадетский корпус.

По пути из Выборга во Фридрихсгам в округе Виролахти император посетил знаменитые Пюттерлакские ломки, где вырубался монумент для Александровской колонны. В городе Тавастгусе (Хамина) император осмотрел кадетское училище и остался доволен увиденным. Далее через Ловизу путь лежал в Борго (Порво). Его узкие улицы были полны народа, приветствующего царя. Николай посчитал, как пишут финские историки, «что пришло время расширить «царственный город страны песен», и впоследствии его распоряжение было выполнено» [22].

1 (13) августа, незадолго до полуночи, Николай I, сопровождаемый свитой, прибыл в освещенный факелами Гельсингфорс, где императора встретил А. А. Закревский с представителями русской и финляндской администрации [23]. Йорма и Пяйви Туоми-Никула пишут: «Улицы были полны народа, слышны были крики “Ура!”». На следующий день Николай принял знатных людей города и проинспектировал стрелковый батальон финской гвардии. Довольный правитель одарил каждого унтер-офицера и солдата рублем денег, фунтом рыбы и чаркой водки. Вечером в доме генерал-губернатора был устроен большой бал, на который было приглашено 400 гостей. Император соизволил танцевать полонез с самыми красивыми дамами, прежде чем в положенное время отправился спать. На следующий день, 2 (14) августа, было объявлено, что финляндский генерал-губернатор А. А. Закревский «возведен в графское Великого княжества Финляндского достоинство». В рескрипте говорилось, что государь «оказывает сей знак монаршего благоволения с тем большим удовольствием, что оный согласуется с желанием, изъявленным финляндским Сенатом; соединить его, Закревского, теснейшими узами с согражданами финляндской нации и считать его в числе его сочленов» [24].

3 (15) августа император на катере отправился осматривать «второй Гибралтар» — Свеаборг. Затем он пообедал на линейном корабле «Кульм» у гельсингфорской набережной. На этом корабле прибыл начальник Главного морского штаба А. С. Меншиков.

А. Х. Бенкендорф свидетельствует о хорошем настроении императора и делает следующий вывод: «Сердечный прием, сделанный государю всеми классами населения, возрастание столицы, наконец общий вид довольства не оставляли сомнения в выгодах благого и отеческого устройства, данному этому краю. Прежние навыки, предания и семейные союзы не могли не поддерживать еще до некоторой степени симпатической связи его со Швецией; но материальные интересы и управление, столько же либеральное, сколько и национальное, уже производили свое действие, и все обещало России в финляндцах самых верных и усердных подданных» [25].

Во время пребывания в Гельсингофорсе Николай I принял развод лейб-гвардии Финского стрелкового батальона. Для «человека в мундире», каковым являлся император, финский стрелковый батальон был любимым детищем.

Еще в 1829 г. Финский батальон впервые прибыл в Красное Село на сборы частей Петербургского военного округа. На следующий день стало известно, что «его будет смотреть государь император: «Репетицию смотра батальон произвел ночью. На смотр государь выехал в мундире, совершенно неизвестном

его многочисленной свите. Смотр прошел блестяще, Николай I остался очень доволен выправкой финнов. По окончании смотра монарх благодарил батальон и тут же поздравил его со званием “молодой гвардии”. “Вот ваша новая форма”, — прибавил он, указывая на свой мундир. Естественно, что ликование в батальоне было всеобщим» [26].

Через полгода после смотра в Гельсингфорсе, в 1831 г., батальон принял участие в походе гвардии для подавления польского восстания.

К 1831 г. относится и статья о Финляндии, приготовленная, видимо для публикации в газетах с пометками Николая I. Статья, вероятно, предназначалась, как пишет М. М. Бородкин, «для опровержения польской лжи» [27]. Она сохранилась в бумагах Н. К. Шильдера и неизвестно, была ли опубликована. Известно, что Николай Павлович обычно считал ниже своего достоинства заниматься контрпропагандой. Данная статья практически полностью, за исключением высказывания о начальнике дивизии, генерал-лейтенанте Штевен-Штейнгеле, чье имя зачеркнуто рукой императора, была напечатана через много лет М. М. Бородкиным [28]. После зачеркнутого отрывка следовал текст о л.-гв. Финляндском стрелковом батальоне: «По восстании бунта в Польше, когда решено было гвардии идти в поход, призван был участвовать в оном и л.-гв. Финляндский стрелковый батальон, за два года пред сим сформированный. Усердие и восторг, с коим сей призыв принят был, неизъясним; батальон следовал по все Финляндии на подводах по собственному вызову жителей». Далее рукой Николая I было дописано: «Уже во многих делах успел сей прекрасный батальон доказать свою храбрость и отличное искусство в меткой стрельбе, и ныне в последних делах гвардии батальоном командовал достойный полковник Рамзай и получил рану» [29].

Сохранилось несколько резолюций Николая I в связи с этим походом. На решение начальства направить гвардейцев на подводах император надписал: «Согласен, если не будет сопряжено с стеснением придорожных жителей» [30]. Форсированный марш для батальона оказался очень тяжелым, и на пути следования до Польши он потерял 86 чел. (из них 81 человек отморозили руки и ноги (56 человекам пришлось произвести ампутации). Николай I выразил свое неудовольствие малой

заботливостью начальства о здоровье солдата [31]. В марте 1832 г. батальон высадился в Гельсингфорсе, где на казарменной площади был встречен громадным стечением жителей [32].

Еще дважды батальон покидал пределы края: в 1835 г. для участия в маневрах в Калише и в 1849 г. во время подавления восстания в Венгрии, когда батальон дошел до Бреста, где нес караульную службу. Один из мемуаристов приводит следующую легенду, подтверждающую общее мнение о добром отношении Николая I к финским стрелкам: «Подъехав однажды к стрелкам, он сказал, что дает 10 р. каждому, кто попадет в яблоко мишени. Началась стрельба, и ни один не дал промаха. “Хорошо наказали”, — заявил государь и приказал выдать 10 000 рублей» (в батальоне было 1000 человек) [33].

В упомянутой статье давалась общая оценка положения в Финляндии, которая не вызвала замечаний императора, за исключением незначительной поправки в стиле: «Кто имеет хотя малейшее понятие о праве и характере финляндской нации и о действительном положении Княжества, знает, впрочем, и то, что собственная революция в Финляндии даже невозможна. Флегматический характер народа причиною, что его нелегко ввести в заблуждение обманчивыми внушениями. Финляндцы трудолюбивые, честные, преданные своей вере, неоспоримо имеют великие преимущества в нравственном отношении, хотя в умственном до сего времени еще должны уступать многим другим народам. Такой народ трудно довести до возмущения. Пока дойдет до того, надобно, чтобы с ним в продолжении многого времени поступали жестоко и несправедливо, и притеснениями довели его до отчаяния. Но этого нет в Финляндии, где счастливо живут в кругу своем, под кровом благотворных законов [положивших основание благоденствию предков и коих исполнение никогда не зависит от лицемерия (зачеркнуто императором Николаем I. — *Л. В.*). Взгляд на различные классы народа в Финляндии подтверждает мнение о невероятности мятежа в сем Княжестве. Что касается до протестантского духовенства, то по справедливости можно сказать, что оно просвещено, образованно в нравственном отношении и искренно предано правительству. В Финляндии духовенство имеет значительное влияние на низшие классы народа и заслуживает того, ибо достаточным образом упот-

ребляет оное. Добрая нравственность, коею отличается большая часть прихожан, есть плод неусыпных попечений и наставлений духовенства. Дворянство в Финляндии небогато, не блистательно великими историческими воспоминаниями, но оно от предков своих наследовало любовь к отечеству и правительству и во всем отношении может выдержать сравнение с дворянством всякого другого государства. Оно никогда не обнажало меча иначе как по гласу долга, и никогда не обращало оружия против правительства. Такие же чувства одушевляют и граждан и крестьян. Довольные своим жребием и от души преданные своему правительству, они никогда не водрузят знамя бунта. К тому же Финляндия так счастлива, что не только не имеет больших многолюдных городов, в коем праздная с низкими помышлениями чернь легко может быть соблазняема к отчаяннейшим предприятиям, но не знает и тех искусителей народа, которые под личиною усердия к свободе и правам имеют в виду только притеснения и собственную выгоду» [34].

Второе посещение состоялось 10—11 июня по н. ст. 1833 г. вместе с императрицей Александрой Федоровной. К этому визиту готовились и финны. Жители Гельсингфорса встречали паровой корабль «Ижора», борта которого украшали позолоченные изображения двуглавого орла. Это было всего второе появление этого парохода у берегов Финляндии, что вызывало большой интерес. Йорма и Пяйви Туоми-Никула пишут: «Толпа людей, собравшаяся в гавани, заволновалась и зашумела, когда император с супругой Александрой Федоровной в девять часов утра появился на палубе. Народ увидел своего императора «еще более горделивым, красивым и веселым, чем прежде», и когда император на виду у всех поцеловал супругу, радости не было конца» [35].

Во время этой поездки Николай I дважды посетил университет и был удовлетворен университетскими помещениями и поведением студентов. Правда, как отмечают финские авторы, «войска, участвовавшие в параде, вызвали у него нарекания. На взгляд государя, солдаты шли слишком медленно» [36]. Через два года на этом месте, «где императрица Александра Федоровна впервые вступила на финскую землю, на собранные в качестве пожертвований деньги был установлен первый

в Финляндии памятник — Камень Императрицы» [37]. Он и ныне украшает набережную Хельсинки. Следует добавить, что за шесть лет до этого, в 1827 г., в Финляндии появилось и первое памятное здание, но связанное с посещением страны Александром I. Позднее, в 1919 г., конюшня, в которой император завтракал, была перенесена как мемориальный объект с прежнего места в Вуолийоки в местечко Палтамо [38].

Вероятно, это был пик популярности Николая I в Финляндии. В июне этого года в одном из писем к И. Ф. Паскевичу Николай Павлович с удовлетворением упомянул о Финляндии: «Посылаю тебе из любопытства письмо ко мне графа Ребиндера [39] и адрес мне врученный депутацией в Гельсингфорсе; как бы везде так хорошо думали, куды как бы нам легко было» [40]. Уже после этого визита в Гельсингфорсе особенно пышно было отпраздновано 6 (18) декабря тезоименитство императора («Никола Зимний»). В новых помещениях гостиницы «Cociete» был дан по подписке бал. В зале гостей встречал бюст императора; всем присутствующим были розданы стихи в его честь, написанные И. Г. Линсеном [41].

Последующие годы николаевского царствования стали важными в плане постепенной переориентации экономических связей от Швеции к России. В 1840 г. был осуществлен переход от шведской денежной единицы к русскому рублю, а на следующий год повышены таможенные пошлины. В 1837 г. было открыто регулярное пароходное сообщение с Ревелем, а в 1845—1856 гг. построен Сайменский канал, соединивший Восточную Финляндию с Петербургом. Наиболее тесно была связана с Петербургом экономика Выборгской губернии.

Во время одного из разговоров с сенатором К. И. Фишером «о таможенном кордоне» Николай I «коснулся положения Финляндии» и «сделал общее заключение об экономическом положении Финляндии»: «Финляндия благоденствует, — сказал он, прибавив с горькой улыбкою, — если меня не обманывают» [42].

Николай I часто высказывал положительное суждение о финнах. Проверяя отчет о двадцатилетии своего правления, на разделе, посвященном Финляндии, он написал со значением: «Вот вам отчет!» [43]

Начавшаяся в 1853 г. Восточная (Крымская) война заставила императора вновь обратить внимание на автономную окраину с точки зрения стратегической. Это была его третья и последняя поездка в Финляндию, состоявшаяся 12—16 марта по н. ст. 1854 г., буквально накануне официального вступления в войну Англии и Франции. Николай хотел убедиться в верности своих подданных. Сопровождавший его будущий адмирал И. А. Шестаков пишет: «Усилия союзников склонить на свою сторону Швецию вынудили его удостовериться лично в чувствах подданных, помнивших еще шведское владычество. Государь был мрачен, не скрывал трудностей и обстоятельств, при всяком случае говорил воинственные речи и, кажется, остался убежден, что финляндцы будут действовать как подданные России» [44].

Он прибыл в Гельсингфорс вместе с наследником цесаревичем Александром и многочисленной свитой в 4 часа утра. Встреча была торжественной и судя по всему искренней. Газета «Helsingfors Tidningar» от 18 марта 1854 г. так передавала общие впечатления в самом благонамеренном духе: «Он пришел — и все сказали друг другу: “Император все тот же. Пусть время лет, не щадящее и сильнейших, наложило свою печать на чело возлюбленного монарха, — высокий (его рост был равен 189 см. — *Л. В.*), могучий, как раньше, стоял он среди нас; все, что могли сделать годы и испытания, сводились к тому, что его лик стал еще более властным и вселяющим преклонение; точно новое трогательное сияние разливалось вокруг его благородного чела”» [45].

Император вновь нанес визит в университет. Студенты встретили императора в Актовом зале пением гимна «Боже, царя храни» впервые на финском языке, за что император выразил им глубокую благодарность. Император произнес речь на русском языке, в которой рассказал о корыстных планах Англии и Франции.

В 10 часов утра на Сенатской площади состоялся смотр лейб-гвардии финского батальона, собравший 8—9 тысяч зрителей. Профессор Эстландер в своих воспоминаниях, отметив несколько изменившийся облик императора, его похудевшее, но оставшееся волевым лицо, писал: «Государь смотрел на волнующуюся массу народа, которая по площади подвигалась

к нему... Весьма вероятно, что императору Николаю не часто приходилось наблюдать такое непритворное приветствие от народной массы; но в его лице не заметно было ни волнения, ни улыбки, ни малейшего удовольствия» [46]. Затем, несмотря на свежий мартовский ветер, без шинели, он вышел на балкон в мундире лейб-гвардии финского стрелкового батальона. Собственно в реакции Николая Павловича не было ничего особенного. Он и раньше во время поездок по России не спешил радоваться восторженным изъявлениям чувств.

Финские авторы пишут: «...Финляндский императорский Сенат заявил, что расходы на вооруженные пушками корабли, которые его императорское величество заказал для обороны Хельсинки, будут оплачены из государственной кассы Финляндии. Растроганный правитель заверил Сенат, что никогда не подвергал сомнению верность своих подданных и что это решение еще более укрепило его доверие. Все завершилось прочтением торжественного стиха, который сочинил Сакари (Захарий) Топелиус. <...> Стихи заканчивались словами: “Финская гвардия не предаст своей чести, государя и отечества!”<...> Ввиду угрозы войны, император не стал устраивать балов, вместо этого высшие чиновники были приглашены на праздничный обед. <...> Вечером Гельсингфорс, включая университет и казармы, был иллюминирован» [47]. Смотр войск на этот раз также прошел безукоризненно.

В годы Крымской войны Финляндия неоднократно привлекала внимание Николая I. Один из последних указов императора был связан с городом Ваза.

Сенатор К. И. Фишер по-своему рассказал об истории с переименованием города. В связи с тем, что бывший приморский город оказался в 2—3 верстах от берега моря, встал вопрос о «постройке нового города опять у моря». Николай I разрешил строительство города на новом месте. В знак благодарности, магистрат просил государя «позволения назвать город Nicolaistad, но государь не принял этого» [48]. Комментируя этот сюжет, историк М. М. Бородкин, весьма критически относящийся к К. И. Фишеру как «типу Хлестакова» [49], заметил: «Мимоходом укажем, что это неверно. Государь собственноручно на докладе написал “Согласен” (Архив Финл. Статс-Секр. Дело 1855 г. № 5)» [50]. Вероятно, для Николая I было важно, что го-

род, называвшийся ранее в честь шведского короля, будет носить имя русского императора. Конечно, Фишер мог и не знать о действительной резолюции Николая I, состоявшейся в начале 1855 г. Но странно, что К. И. Фишер, скончавшийся в 1880 г., не знал о реальном переименовании, все-таки состоявшемся после кончины Николая Павловича. Йорма и Пяйви Туоми-Никула пишут: «Судя по всему финны были довольны императором, а император — своими подданными. После смерти Николая отцы города Васа просили разрешения назвать этот город именем императора. Просьба была удовлетворена и город стал называться Николаевском. Прежнее название было возвращено ему только в 1917 году» [51].

Конечно же, Николай I был сторонником централизованного государства, в форме абсолютной монархии, соответствовавшего, по его мнению, многоплеменной и географически обширной России. В 1846 г. он более четко сформулировал свои общие принципы национально-государственной политики в отношении другой национальной окраины России — Закавказья: «Не судите о Кавказском крае, как об отдельном царстве. Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россиею, чтобы все составляло одно целое. Я к этому стремлюсь и должен стремиться. Я стараюсь, чтобы все истекало отсюда (здесь он показал на свою грудь), чтобы тамошние жители знали и чувствовали, что они зависят от Севера, что на них падают лучи тамошнего солнца, и что они получают свою жизнь и свое благосостояние, наравне с другими частями обширного Царства Русского, от одного светила. Вот к чему я стремлюсь. Я говорю с тобою откровенно; а Вы желаете, предоставляя Закавказскому краю свободную торговлю, заставить жителей оного быть уверенными, что все хорошее получают они не от России, а извне, и вместо слития края, стремитесь к разъединению» [52]. В 1844 г. на докладе графа П. Д. Киселева, упомянувшем о Букеевской орде как об отдельном образовании, где еще сохранялась ханская власть, Николай Павлович тут же наложил резолюцию: «В царстве другого царства быть не может» [53].

Эти убеждения не помешали тем не менее Николаю I соблюдать основы финляндской конституции и доброжелательно относится к Финляндии и финнам.

---

[1] Цит. по: *Бородкин М. [М.]* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1908. С. 539.

[2] Там же.

[3] Цит. по: Там же. С. 540.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 541.

[6] Цит. по: *Хартонович М.* Ученое сословие России: Императорская академия наук во второй четверти XIX в. СПб., 1999. С. 148—149.

[7] *Хякли Э.* Научные и библиотечные связи Финляндии и Санкт-Петербурга до 1840 г. // Библиотеки Петербурга, Петрограда, Ленинграда. Сб. науч. тр. СПб., 1993. С. 147—148. См. также: *Павлова Ж.* Императорская библиотека Эрмитажа. 1762—1917. Л., 1987; *Павлова Ж.* Судьба русских и императорских книжных собраний: По материалам научных библиотек Нью-Йорка и Библиотеки Конгресса (Вашингтон) // Библиотеки Петербурга-Петрограда-Ленинграда. Сб. науч. тр. СПб., 1993.

[8] *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П.* Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб., 2003. С. 27.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 28. Не совсем понятно, как Николай Павлович мог 10 июня 1820 г. осмотреть университет в Гельсингфорсе, находившийся тогда в Або.

[11] *Друцкий-Соколинский Д. В.* Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского... // Сб. РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. IX.

[12] Записки сенатора К. И. Фишера // Исторический вестник. 1908. Т. 113. № 7. С. 51.

[13] Разговор Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 38. М., 1892. С. 274.

[14] *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 32—33.

[15] *Новоселова З. А.* Российские императоры и Выборг. СПб., 2005. С. 30.

[16] Там же. С. 31.

[17] *Бенкендорф А. Х.* Портфель графа А. Х. Бенкендорфа. Мемуары шефа жандармов // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 344.

[18] *Шильдер Н. К.* Император Николай I и Польша. 1825—1831 гг. // Русская старина. 1900. Т. 102. № 5. С. 267.

[19] Цит. по: *Новоселова З. А.* Указ. соч. С. 30.

[20] Восстание декабристов. Т. 20. М., 2001. С. 47.

[21] Письма великого князя Константина к Опочинину // РС. Т. 8. № 9. С. 374—377. — В публ.: Цесаревич Константин Павлович. 1816—1831.

[22] *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П.* Указ. соч. С. 29.

[23] Портфель графа А. Х. Бенкендорфа: Мемуары шефа жандармов. С. 345.

[24] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 242.

[25] Там же. С. 346.

[26] Частное письмо командира батальона, полковника А. Рамзая, А. Закревскому отражает общее настроение. См.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина в Москве. Ч. VII. С. 315—316.

[27] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Николая I. СПб., 1915. С. 89.
[28] Там же. С. 89—93.
[29] Там же. С. 92—93.
[30] Там же.
[31] Там же. С. 85—86.
[32] Там же. С. 87.
[33] Воспоминания Константина Карловича Жерве // Исторический вестник. 1898. № 6. С. 770.
[34] *Бородкин М.* История Финляндии. Время Николая I. С. 91—92.
[35] *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П.* Указ. соч. С. 30.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Там же. С. 24.
[39] Ребиндер Роберт Иванович — министр, секретарь Великого княжества Финляндского.
[40] Николай I — И. Ф. Паскевичу, 12 (24) июня 1833 г. // Николай I: Муж. Отец. Император. С. 465.
[41] *Бородкин М.* История Финляндии: Время императора Николая I. С. 497.
[42] *Фишер К. И.* Указ. Соч. С. 795.
[43] *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П.* Указ. соч. С. 32.
[44] Российской государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16 (*Шестаков А. И.* Полвека обыкновенной жизни...) Л. 192.
[45] Цит. по: *Бородкин М.* История Финляндии: Время императора Николая I. С. 624.
[46] Там же. С. 627.
[47] *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П.* Указ. соч. С. 31—32.
[48] *Фишер К.И.* Указ. соч. № 7. С. 70.
[49] *Бородкин М.* История Финляндии: Время императора Николая I. С. 516.
[50] Там же. С. 703.
[51] *Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П.* Указ. соч. С. 32.
[52] Разговор Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 г. // Архив князя Воронцова. С. 274 или С.388.
[53] Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // Русский Архив. 1885. Кн. 1. № 2. С. 218.

В. В. Цоффка

ФИНЛЯНДСКИЕ СТРАНИЦЫ В ПУТЕВОМ ОЧЕРКЕ Е. Л. МАРКОВА «ПО ШВЕЦИИ»

Известный русский писатель второй половины XIX и начала XX в., Е. Л. Марков (1835—1903), ныне незаслуженно забытый, отправился в свое едва ли не последнее путешествие летом 1899 г., представляя журнал «Вестник Европы». Именно для этого журнала предназначался его путевой очерк «По Швеции», который был напечатан в 1900 г.[1] Он мог бы со всеми удобствами добраться до Швеции прямым путем на корабле из Санкт-Петербурга, но избрал сложный, неудобный для него и его жены маршрут в Швецию через Финляндию, которой он посвящает первую главу своего очерка «Чрез Финляндию».

Историческим фоном этого путешествия было время, когда обозначалась новая политика царского правительства в отношении составной части Российской империи — Великого Княжества Финляндского. Эта политика русификации была связана с именем нового губернатора Финляндии генерал-адъютанта Н. И. Бобрикова и получила название «бобриковщины».

В конце XIX — начале XX в. финляндский вопрос настолько обострился, что он выплеснулся не только на страницы русской и финской прессы, но и на страницы различных изданий в самой России. Журнал «Вестник Европы», в котором печатались очерки Маркова, в конце XIX в. принадлежал издателю и ответственному редактору М. М. Стасюлевичу, бывшему профессору Петербургского университета. К тому времени это издание было преобразовано в исторический, политический

и литературный журнал. Его девизом стали слова: «Труд, дело, знание». Надо ли говорить о том, что даже по своему определению этот журнал был западническим. «Западником» был и сам писатель Евгений Львович Марков.

Целью его путешествия была Швеция, но интересовала и Финляндия. Поэтому он и изменил маршрут своей поездки, рассматривая эту российскую окраину как преддверие Швеции, а ее исторические памятники как осколки шведской истории. Но была и скрытая от посторонних цель поездки — политическая, сильно замаскированная, как и у А. С. Пушкина во время похода в 1829 г., когда Россия вела войну против Персии и Турции: посмотреть на народы российских окраин в их домашней обстановке, на их законы, права и обычаи, на их культуру. Эта цель сводилась к тому, чтобы выяснить, достаточны ли условия и обстоятельства для успешной русификации столь чуждого для России края, не является ли такая политика утопией царского правительства?!

В русской литературе Е. Г. Марков был известен как мастер жанра путевых очерков. В этом жанре ему не было равных. Критики отмечали: «Гораздо выше беллетристики его многочисленные путевые очерки, отчасти написанные в беллетристической форме. Марков — прекрасный стилист, у него есть живое чувство природы. В очерках путевых много страниц истинно поэтических, а также приподнятость тона, часто увлекается и впадает в риторику» [2]. К сожалению, ни С. Венгеров, строки которого процитированы выше, ни В. А. Викторович, написавший большую словарную статью о писателе в словаре «Русские писатели» [3], совсем не упоминают замечательного путевого очерка «По Швеции».

Очерки и заметки о северных странах Европы, в данном случае о Финляндии и Швеции, насчитывают свыше ста страниц.

В своем комментировании путевого очерка Маркова целесообразно остановиться только на узловых моментах его повествования, образах-метафорах, имеющих какое-либо отношение к России. Для очерка характерно «страноведческое» сопоставление, критическое отношение к сложившимся в России порядкам и установлениям и их сравнение с северными странами. Писатель часто стремится установить происхождение того или иного иностранного названия, нередко пытается его «этимологизировать».

Предыдущие книги Маркова, созданные в жанре путевого очерка, изображают южные страны. В последнем очерке писатель противопоставляет север югу, которым он оказался пресыщен и утомлен, и это несмотря на то, что «юг — это солнце, а солнце — это жизнь, радость, красота и счастье».

От полуденных стран к полнощным вела писателя его скромная муза. Но манила его к себе не только северная природа и таинственные саги Скандинавии: «...мне хотелось еще вглядеться поближе в современную жизнь честного и умного народа, который сумел, при самых суровых и неблагоприятных условиях, превратиться из кровожадного морского разбойника в образцового гражданина, образцового хозяина, образцового работника; хотелось наглядно поучиться у него самой трудной и самой нужной науке — умно и честно устроить свою ежедневную жизнь, не для политического блеска и треска, не для тщеславного показа другим, а для самого себя, для самых униженных и обиженных братьев своих».

Писатель направляет свой путевой корабль вместе с перелетными птицами на далекий север — «*к полярной звезде*, ко льдам и снегам стран гиперборейских...» (курсив мой. — *В. Ц.*).

Видимо, каждой поездке, каждому путешествию предшествовала большая подготовительная работа писателя; такого рода странствия, пользуясь выражением «путешествователя» по Италии конца XVIII в., князя Б. В. Голицына (1769—1813), можно назвать «образовательными путешествиями». Образ Полярной звезды под пером писателя возникает неслучайно, он тесно связан с древней мифологией, языческой религией и фольклором финнов и родственных им народов.

...В 1966 г. в Москве вышел в свет роман Вяйне Линны (в переводе В. Богачева) «Здесь, под северной звездой». Финское название романа «Täälä, Pohjantähden alla». В русском переводе книги В. Расилы «История Финляндии», осуществленном профессором Л. В. Суни, встречается другое название романа: «Здесь, под Полярной звездой» [4]. Последний перевод романа самый точный, самый верный. Действительно, звезд Северного полушария много, а Полярная звезда — одна. Более того, в метафизическом смысле Финляндию часто называют «Стра-

ной Полярной звезды», ибо «...с финских небес спускается неподвижная ось мира, на небе ей соответствует Полярная звезда. Сами же небеса — обширный свод неба, освещаемый тысячами звезд. Тут живут божества и духи финнов, а также давно умершие хорошие финны» [5]. Книга профессора финской литературы из Тампере Юрьё Варпио, посвященная введению в историю литературы и культуры Финляндии, также называется «Страна Полярной звезды» [6]. Заменяя Полярную звезду северной, мы тем самым лишаем финнов самоидентификации.

Вообще говоря, само сочетание «Полярная звезда» для советского читателя являлось слишком коннотативным: во-первых, с 1824—1826 гг. это было название литературного альманаха, издававшегося декабристами, — К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым; во-вторых, это название литературного журнала «Полярная звезда», который издавался с 1855 по 1862 г. А. И. Герценом и Н. П. Огаревым (Лондон—Женева), т. е. все названия были радикальные, революционные.

Некоторые ученые считают, что картина мира в карело-финских рунах трехчастная, и в этой картине верхний мир — светлый. К нему относятся солнце, луна, звезды, Млечный путь, Большая медведица, Полярная звезда... Рассматривая Сампо * как мировой столп со «скрепляющей» неподвижной Полярной звездой, ученые соотносят древнюю семантику Сампо с космогоническими мифами. Кроме того, в своем схематическом изображении Полярная звезда похожа на крест и выполняет важную практическую функцию — путеводительницы, ибо всегда указывает на север.

«В образе Сампо угадываются и древнейшие космологические представления, — пишет Э. Г. Карху. — Этот образ чаще всего используется вместе с параллельной поясняющей метафорой “пестрый свод”, “пестрая крышка”: Сампо как бы символизирует звездный небосвод и одновременно ось мироздания, скрепленную неподвижной Полярной звездой (небо не было абстрактной сферой, оно воспринималось очень конкретно и осязаемо в виде пестрой крышки, которая всегда над головой... И вместе с тем это образ-метафора» [7].

* Сампо — в карело-финском эпосе «Калевала» сказочная чудо-мельница, создающая богатство и обеспечивающая материальное благополучие. В представлении древних людей Сампо — столб, поддерживающий небосвод.

...Но вернемся к очерку Маркова... Миновав Тавастгус (Хямеенлинна), автор делает первый, предварительный вывод: «Финляндия поистине преддверие Швеции, и ее исторические памятники — обрывки шведской истории. Для русского глаза, для русского уха, для *русского духа** (курсив мой. — *В. Ц.*) — это чужая страна. По-русски понимают только немногие кондукторы и жандармы... Все же остальные не только по-русски или по-немецки, а даже по-шведски не понимают, — везде одно только сплошное финляндство, или, говоря слишком выразительным русским термином, сплошная *чухна* (курсив мой. — *В. Ц.*)».

Если судить по физиогномике, то русские и финны очень похожи друг на друга. Это говорит об их близком генетическом родстве, так считает финский историк Т. Вихавайнен *. В глубокой древности эти народы жили в тесном соседстве друг с другом, более тесном, чем сегодня. Славяне, сошедшие с Карпатских гор, пришли на земли, которые мы сейчас называем центральной и средней полосой России. На этих землях тогда жили угро-финны и жили давно. Соединение этих народностей произошло бескровно, без войны. В древности финский народ даже называли «уступчивым».

Остановимся на понятиях, которые выражаются словами: «чухна» — «ryssa». Сначала эти слова давали простонародное представление русских о финнах и финнов о русских, но со временем в процессе употребления этих слов произошло снижение стилистических характеристик лексических единиц; слова получили пейоративное, «ухудшающее» значение. Так, финское название русских (от шведского слова «ryss») получило презрительно-уничижительное значение в более позднее время, вероятно, в годы так называемого «первого периода угнетения», в 1899—1905 гг. Во времена А. С. Пушкина чухонцами именовали людей из прибалтийских финнов и эстонцев, а также жителей предместий Петербурга, где проживали финны. В переносном же значении так говорили о невежествен-

* В этих словах все понятно, кроме понятия «русский дух». По нашему мнению, «русский дух» — метафизическое, содержательное понятие, обозначающее нечто духовное, а именно духовный смысл жизни нации, связанный с национальным обретением смысла бытия; сюда включается и мировоззрение, мировосприятие и православная вера.

ных, малокультурных людях, выполнявших грубую, грязную работу.

Марков в своем очерке пользуется уже словом с пейоративным значением. Автор сетует на то, что часто приходится ему и его жене пересаживаться с одного поезда на другой, чтобы доехать до Або (Турку), ибо туда нет прямого сообщения. Зато на каждой станции — еда. «Оригинален и, вместе, трогателен обычай финнов — кормить путешественников, который потом мы ежедневно встречали во всей Скандинавии... Дело делается быстро, дружно и, вместе, дешево. Какие-нибудь две деревенские девушки успеют заранее установить столы приготовленными кушаньями и посудою, и огромная толпа удовлетворена гораздо скорее и полнее, чем услуги целой своры официантов-татар, получающих большое жалование и взыскивающих вдобавок с публики огромный косвенный налог в виде нелепого «на чай».

Здесь мы встречаемся с явлением, которое во второй половине XX в. будет названо «шведским столом», (по-фински «seisova poytä» — «стоячим столом», т. е. столом с холодными и горячими закусками).

Обращает внимание автор очерка и на своеобразие сооружений изгородей из жердей (aita). Еще Карл Линней в своей книге «Философия ботаники»[9] призывал путешественников обращать внимание на хозяйственные объекты, к которым он относит садоводство, сельское хозяйство и архитектуру, в частности архитектуру домов и изгородей. Особенности изгородей описаны нашим автором подробно. «Деревьев нет, одни леса. Зато вся дорога, все леса, поля на сотни верст протяжения обнесены утлою оградою из положенных навкось жердочек. У нас, русских людей, жердочки были бы повалены, сломаны, сожжены, раскиданы на другой же день после их постановки, коровы чесались бы об них, пастушонки пекли бы на них картошки; у финна они бережно охраняются каждым проезжим, как священный признак чужого владения».

Такая изгородь встречается на острове Валаам, в Кижах и других местах Карелии, а также в Эстонии; ею огораживают, как правило, не огороды в сельской местности, а участки на отшибе. Стройматериал под рукой. По своей конструкции они просты, «экономичнее», чем вертикальные заборы. И в то же время, поскольку стоят под углом, на них трудно наступить и сломать (в отличие от горизонтальных палок, которые должны быть достаточно толстыми)....

Остановившись на национально-особенных явлениях, которые бросились в глаза впервые попавшему в Финляндию русскому путешественнику рубежа XIX—XX вв., была сделана пытка прокомментировать их. Взгляд писателя оказался достаточно проницательным, объективно-субъективным и заинтересованно-любовным. Ему удалось живо и поэтично, просто и непосредственно передать русскому читателю «чувство Севера», фантастику и мистику финской природы, «безмолвную и покорную сосредоточенность финского духа», в котором проявлялась и сила национального характера (sisu), и непоколебимая стойкость, трудолюбие и мужество народа.

---

[1] Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. Т. II. СПб. Март 1900. С. 209—263; Апрель 1900. С. 429—485.

[2] *Венгеров С.* Словарная статья об Е. Л. Маркове // Энциклопедический словарь. Т. 12. 1896. С. 806—807.

[3] *Викторович В. А.* Биографическая статья об Е. Л. Маркове // Русские писатели 1800—1917. Т. 3: К.—М., 1994. С. 526—528.

[4] *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 261.

[5] *Паасалинна А.* Предисловие к роману «Сын бога грома» // Финская языческая мифология (Сокращенный справочник по К. Ганандеру). СПб., 2003. С. 22.

[6] *Варпио Ю.* Страна Полярной звезды. СПб., 1998. 94 с.

[7] *Карху Э. Г.* Элиас Лённрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. С. 172.

[8] *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000. С. 47—48.

[9] *Линней К.* Философия ботаники. М., 1989. С. 254.

А. В. Кутузов

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ О ФИНЛЯНДИИ 1941—1942 гг.: СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

Осенью 1941 г. на всю страну прозвучал из Ленинграда голос академика А. А. Байкова: «...я хочу говорить с вами, друзья мои, о борьбе. К нашему чудесному городу, его сокровищницам лезут выродки человечества, каннибалы, дегенераты. Они хотят превратить наш прекрасный город в... мрачную пустыню... Я — старый металлург. Я привык думать, что нет ничего на свете крепче стали. И сегодня я убедился в своей ошибке. Да, я ошибся. Есть, оказывается, материал крепче стали. Этот благородный материал — советские люди. В дни... когда фронтом стал Ленинград, я увидел, что нет предела мужеству советских людей» [1].

Между тем в то время, 8 сентября, немецкие самолеты сбросили на город 12 тыс. зажигательных бомб. Только в наиболее пострадавшем Московском районе возникло 144 очага пожара. Гигантский пожар на Бадаевских складах долго не могли потушить [2]. Официально на всю страну в то время об этом еще не говорилось. Не было сказано сразу и о начале блокады, когда в этот день пал Шлиссельбург.

Но писатель Павел Лукницкий так характеризовал бойцов, преградивших путь врагу в город: «Вот они — уверенные в движениях, точные в словах, спокойные, хладнокровные, горящие гневом, спаянные неукротимой ненавистью к врагу, чтящие родину, как святыню. Фронтовики-комсомольцы... по лесам, озерам, гранитным нагромождениям Карельского перешейка они множили свои боевые подвиги, готовясь... к великому празднику 24-летия Октябрьской социалистической революции... Каждого из них в этот день можно спросить: Какой подарок он приготовил родине?.. Я, — мог ответить татарин шофер

Ибрагим Сабитов, — увидел 9-летнего мальчика Женю Нилова, который пришел к нам из леса с оторванным белофином ухом, со звездой, вырезанной ножом на груди. Я узнал от него, что наше подразделение впереди... ведет яростный бой, что патроны... на исходе; Женя Нилов, вызвавшийся сообщить нам об этом... был перехвачен по дороге... и, несмотря на пытки, ничего врагу не сказал: ему удалось убежать. Тогда я нагрузил машину патронами и помчался в лес... сшиб одного бандита пулей, уничтожил пять “кукушек” гранатами... застрелил на бегу еще двух... возвратился к машине... вовремя доставил патроны товарищам, помог им выиграть бой...» [3] И кто может недооценить этих людей? Ведь именно такие воины, обладавшие стойкостью и мужеством, помешали немцам соединиться с финскими войсками в 1941 г.

Судьба Ленинграда вызывала в значительной части стран демократического мира огромное беспокойство. Из Лондона в начале сентября 1941 г. Черчилль писал Сталину, что Великобритания окажет любое возможное давление на Финляндию, включая немедленное объявление ей войны, если она попытается выйти за пределы старых границ. При этом Англия обещала обратиться за помощью к США «предпринять все необходимые шаги, чтобы повлиять на Финляндию» [4]. Одной из причин для такого беспокойства было, в частности, опасение, что расположенный в Финском заливе советский Балтийский флот в случае падения Ленинграда мог попасть в руки врага, и использоваться против Великобритании.

В Финляндии же явно тогда ожидали падения Ленинграда. Об этом открыто писали финские газеты. Так, в частности, 21 октября 1941 г. «Похьян Поика» напечатала передовицу о важности «для финского народа» уничтожения Ленинграда [5].

11 ноября 1941 г. Финляндия отправила ноту правительству США, в которой заявлялось о давних намерениях финского руководства занять рубежи, находящиеся далее границ 1939 г. Именно по территории Ленинграда должна была проходить «стратегическая граница», которая гарантировала бы Финляндии «постоянную безопасность» [6].

В этом отношении весьма любопытным является то, как отражалась позиция Финляндии в советской прессе в самый драматический для Ленинграда момент истории, связанной

с начальным периодом блокады города с сентября 1941 г. по весну 1942 г. Все это невозможно не рассматривать на фоне изменяющейся ситуации как на фронте, так и в самом городе. Правда, писавшие тогда об этом советские газеты, явно изобиловали «пропагандистскими штампами». Хотя, конечно, публиковавшиеся материалы содержали немало сведений реально отражавших складывающуюся ситуацию.

В частности, в одной из центральных газет можно было почерпнуть в сообщениях на международные темы информацию и по финляндской проблеме. В ней осенью 1941 г. резко осуждалась политика финского руководства. 18 ноября в газете «Правда» в статье под рубрикой «От народного комиссариата иностранных дел» сообщалось: «Американское правительство считает, что политика Финляндии направлена к продолжению наступательных военных операций на советской территории, что продолжение внешней политики Финляндии приблизит войну к США... Нынешняя позорная роль Финляндии... подтвердила в глазах народов всего мира, насколько обоснованной была озабоченность Советского Союза... за подступы к Ленинграду» [7]. Из этого видно, как в Москве стремились повлиять на Вашингтон, стремясь его подтолкнуть к более решительным действиям в отношении Финляндии.

Далее, 24 ноября, вновь в печати публикуется материал о Финляндии, где говорится по поводу заседания в Хельсинки парламента, где президент страны Р. Рюти заявил, что он не закончит войну до тех пор, пока финская армия не достигнет жизненно важных для страны рубежей. Когда один из американских корреспондентов, говорилось в «Правде», спросил Рюти, что он понимает под «жизненными рубежами», то тот ответил, что это «военная тайна». Финская же пропаганда в действительности никаких секретов по этому поводу не делала.

В советской печати воспроизводились тогда и высказывания финских военнопленных относительно существовавших представлениях о целях в войне. «Для нас это не тайна, — заявил пленный офицер Тахтеля. — Под жизненными рубежами мы подразумеваем захват всей Карелии и Беломорья. Ленинград нам не нужен, этим большим городом мой маленький народ может подавиться. И Кольский полуостров пусть берут немцы...» [8]

Не менее важным являлось также и то, чтобы показать на страницах газет достаточно тяжелое внутреннее положение у стран фашистского блока. 7 января 1942 г. в советской печати отмечалось ухудшение продовольственного положения в Германии. «Отпуск и без того нищенских продовольственных норм в январе, — писалось тогда в прессе, — начнется значительно позже, чем обычно. Мясные лавки будут открыты только один — два дня в неделю...» [9] 11 и 23 января говорилось и о голоде в Финляндии. При этом использовалась информация иностранных агентств, поступавшая в СССР. «Как сообщает стокгольмский корреспондент агентства Оверсис Ньюс, — отмечалось в печати, — вернувшийся из Хельсинки шведский врач заявил, что Финляндия является, по-видимому, одной из самых голодающих стран в Европе... физическое состояние финской молодежи, еще оставшейся в тылу, очень плохое» [10]. И в данном случае, действительно, продовольственное положение в Финляндии зимой 1941—1942 гг. было особенно тяжелым [11].

Несомненно, появление в советской прессе материалов о сложном экономическом положении в Финляндии преследовало и другую цель. Важно было показывать надвигающуюся продовольственную катастрофу у государства, войска которого участвовали в блокаде Ленинграда.

А как обстояли дела с освещением в газетах «продовольственного вопроса» в блокированном Ленинграде?

Советская пресса касалась и этого вопроса, но весьма своеобразно. Примером может служить переданная по телефону из Ленинграда статья Д. Руднева, озаглавленная так: «Неприступный рубеж». В ней рассказывалось, как командир разведгруппы Овчинников с группой бойцов ходил за линию фронта в расположение войск противника. «...Вчера, — отмечалось в статье, — он вернулся... с богатыми трофеями: принес в часть два ручных пулемета, один станковый пулемет, несколько винтовок. А днем раньше притащил семь автоматов, *да мешок с сахаром* (выделено нами. — *А. К.*)». По этому поводу Овчинников, по версии корреспондента газеты, дал такое объяснение: «*У нас своего вдоволь, но пусть немцы голый чай пьют* (выделено нами. — *А. К.*)... Здесь стальной рубеж, неприступный для врага» [12]. В результате из такого рода информации в стране в це-

лом могло складываться представление, что в Ленинграде с продовольствием не так уж плохо: даже сахара «вдоволь».

Была публикация и с таким содержанием: «...сегодня 3 ноября, в седьмых—десятых классах ленинградских школ начался учебный год... учащиеся единодушно заявляют, что в сложных прифронтовых условиях они будут учиться на “отлично”. Школьники полностью обеспечены учебниками и тетрадями. *Во всех школах организовано горячее питание учеников* (выделено нами. — *А. К.*)...» [13]

А в статье «Богатыри Балтики» описывался 22 ноября воздушный бой: «...тревога! На наш аэродром шло свыше 20 “Юнкерсов” и “Мессершмиттов”. Кузнецов и Калашов взлетели, врезались в немецкий строй... сбили два “Мессершмитта”... Друзья в этот день получили премиальные — бутылку шампанского выпуска 1812 г. ”Героям отечественной войны 1941 года — в память отечественной войны 1812 года”» [14].

Заметим, что такого рода статьи появлялись в сочетании с материалами о тяжелом продовольственном положении у противника. К примеру, 24 ноября 1941 г. в публикации, названной «Черные дни “Голубой дивизии”», воспроизводился рассказ о тяжелом положении народа Испании на основе данных пленного испанского солдата Бланко. «У нас в стране голод и нищета, — сообщал он. — Дают по карточкам 150 граммов хлеба, 9 граммов оливкового масла и 75 граммов риса в день... Люди ходят по улицам, подбирают объедки и окурки» [15].

Подобного рода материалы должны были, очевидно, както повлиять на восприятие ленинградцев, читавших, что на Западе ситуация довольно мрачная. Вместе с тем из сообщения от 26 ноября читатели узнавали о следующем: «На одной из московских фабрик вырабатываются высшие сорта шоколада и концентрата пшенной и гречневой каши. Значительная доля вырабатываемой продукции отправляется ленинградцам» [16]. Причем это писалась в условиях, когда советские войска вели напряженные бои в районе Тихвина и существовала реальная угроза соединения немецких и финских войск в районе реки Свирь, что означало бы создание второго блокадного кольца. В этом случае продовольственная помощь из Москвы была бы практически трудно осуществимой.

Центральная же печать и в это время давала довольно оптимистическую информацию: «*Население стойко и мужественно переносит продовольственные лишения* (выделено нами. — *А. К.*,) твердо веря в разгром врага...» Правда, следовало предостережение о том, что «не должна успокаивать мысль, что врагу прегражден путь к Ленинграду. Фашистские полчища стоят еще на подступах к городу и не оставили еще мечты о его захвате. *Блокадой* (выделено нами. — *А. К.*) они надеются сломить упорство и стойкость защитников города» [17]. В данном случае впервые встречается в «Правде» это не упоминавшееся ранее слово. Однако другое слово — «голод» так и не звучало.

Но вернемся к событиям, связанным с финляндской тематикой, касаясь уже того, как представлялась в советской прессе пропаганда в странах, воевавших против СССР, и внутреннее положение в этих странах. 4 февраля 1942 г. Совинформбюро в статье «Гитлеровцы запугивают финский народ» сообщало: «В один и тот же день, 1 февраля германское информационное бюро и римское агентство Стефании передали очередную фальшивку, заимствованную на этот раз из финской печати. Берлин и Рим дружно цитируют передовую статью финской газеты “Аян Суунта” от 30 января, в которой говорится: “Москва намеревается в случае советской победы отправить финский народ в Сибирь... Речь идет об уничтожении финского народа...”... Новый приступ лжи финской военщины рассчитан таким образом на то, чтобы запугать финский народ мнимой угрозой со стороны СССР и задержать дальнейший рост недовольства финского населения и антивоенных настроений в армии и народе...» [18] В этом же номере продолжение этого сюжета в статье «Гробокопатели финско-фашистской лжи»: «...финский народ знает, что его заставляют воевать в интересах фашистской Германии. В Финляндии растет враждебное отношение к немцам. Происходят стычки между немецкими и финскими солдатами. Настроения уныния и тревоги широко распространены в финской армии. Командир третьего финского армейского корпуса генерал-майор Сийласвуо писал в секретном приказе, попавшем в руки Красной Армии: “Подтверждаются явления физической и моральной усталости солдат. Главнокомандующий призывает начальников обратить серьезное внимание на это”. <...> Кто может, бежит из финской армии. Вот

приказ полковника Фагернеса, командира 3-й финской стрелковой дивизии... фигурируют фамилии 15 солдат и унтер-офицеров, приговоренных полевым судом к различным срокам заключения за отказ от выполнения приказаний, уход с поста, обман офицеров, самовольную отлучку и дезертирство...» [19]

В советской центральной прессе также приводились сведения из других финских и шведских газет, характеризовавших внутриполитическое положение в Финляндии. Так, 10 февраля в «Правде» был опубликован материал под заглавием «Голод в Финляндии», взятый из финской газеты «Суомен Сосиалидемокраатти». В нем рассказывалось: «Жители Хельсинки часами стоят на морозе за салакой (мелкая рыба), но лишь десятки из тысяч могут получить жалкую порцию салаки». Далее приводя данные, шведские газеты сообщали «о ряде случаев, когда финские дети, стоявшие в очередях за продовольствием, замерзали насмерть» [20].

Реакция на такое положение находило отражение в воспроизводившихся в советской печати заявлениях финских военнопленных, дававших оценку своему государственно-политическому руководству, втянувшему страну в войну. «Правда» приводила, в частности, высказывание одного из пленных финских солдат — Тауно Аувинена, бывшего сапожника из местечка Вуоксенниски. В статье говорится о том, что он сообщил корреспонденту газеты. Аувинена заявил: «...начав вместе с Гитлером поход против СССР, нынешние правители на все лады твердили, что Финляндия якобы защищает европейскую цивилизацию», и далее в «Правде» пишется, что пленный финский солдат, уже обращаясь к своим бывшим сослуживцам, прямо их призвал: «Решительно требуйте немедленного прекращения войны...» [21]. Естественно, что подобного рода заявления носили сугубо пропагандистский характер. Очевидно, что тогда, информируя читателей о настроениях в Финляндии, советская печать нередко допускала в своих оценках явные преувеличения, говоря о происходивших там «бунтах, о стихийных демонстрациях протеста... о расстрелах демонстрантов», о том, что «полоса волнений охватила страну...» [22].

В целом, анализируя материалы, содержащиеся в советской прессе 1941—1942 гг. в контексте отражения событий, связанных с оценками финляндского фактора в войне и положения

блокадного Ленинграда, можно заключить, что в идеологическом плане у советской общественности шел процесс создания образа опасного для СССР противника — Финляндии, ставшей союзницей фашистской Германии. Но вместе с тем обращалось внимание и на те процессы, которые свидетельствовали о кризисных явлениях во внутриполитическом положении у неприятеля, что должно было привести его в конечном счете к катастрофе. Иными словами, важной составляющей публиковавшихся тогда советской печатью материалов являлось стремление показать обреченность участия Финляндии в войне, осветить те трудности, которые переживал финский народ, что должно было явиться, очевидно, существенным элементом в моральном плане для защитников Ленинграда в условиях самых суровых для них испытаний.

---

1 Правда. 1941. 9 сент.

2 *Алексеенков А. Е., Барышников Н. И., Белозеров Б. П., Бурлаков А. И., Вишняков-Вишневецкий К. К., Дзенискевич А. Р., Ежов М. В., Захаров И. З., Иноземцев И. Г., Ковальчук В. М., Козлов Н. Д., Колосов Ю. И., Комал Ф. Б., Крюковских А. П., Кутузов А. В., Махнев В. А., Мусаев А. Г., Олейников Г. А., Рожков А. М., Соболев Г. Л., Сухов В. Н., Федотов В. Г., Фролов М. И., Цамутали А. М.* Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941—1944. СПб., 1994. С. 43.

3 Правда. 1941. 14 нояб.

4 *Ломагин Н.* Ленинград в блокаде. М., 2005. С. 255.

5 *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб; Хельсинки, 2002. С. 119.

6 Там же. С. 144—145.

7 Правда. 1941. 18 нояб.

8 Там же. 24 нояб.

9 Там же. 1942. 7 янв.

10 Там же. 23 янв.

11 См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 195—196.

12 Правда. 1941. 2 нояб.

13 Там же. 4 нояб.

14 Там же. 22 нояб.

15 Там же. 24 нояб.

16 Там же. 26 нояб.

17 Там же. 1 дек.

18 Там же. 1942. 4 фев.

19 Там же. 4 фев.

20 Там же. 10 фев.

21 Там же. 18 фев.

22 Там же. 10 марта.

И. Бекман

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УЧАСТИЯ ФИНЛЯНДИИ В ВОЙНЕ В 1941—1944 гг. В РАБОТАХ ФИНСКИХ ИСТОРИКОВ, ЛИТЕРАТОРОВ И ПУБЛИЦИСТОВ

Известно, что даже в XXI в. финские историки все еще создают ложное представление о событиях Второй мировой войны в Финляндии, утверждая, что Финляндия вела «войну-продолжение» («jatkosota») и «отдельную войну» («erillissota») против Советского Союза, не являясь политическим и военным союзником нацистской Германии. Эта проблема стала причиной того, что в среде историков, политиков и журналистов вот уже в течение 60 лет ведутся многочисленные дискуссии.

Еще в 1945 г. во время судебного процесса над финскими виновниками войны, в итоге которого восемь ведущих политиков страны были приговорены к тюремному заключению, бывший президент Ристо Рюти утверждал, что Финляндия вела свою собственную, отдельную «оборонительную войну» [1].

В финских исторических исследованиях до сих пор принято полностью отрицать тот факт, что Финляндия участвовала в блокаде Ленинграда вместе с Германией, а также то, что ее руководители являлись организаторами массового террора против русского гражданского населения Советской Карелии. Дело дошло даже до того, что финские историки, напротив, стали утверждать, что «Финляндия защищала Петербург» и что Финляндия предоставляла значительную «гуманитарную помощь» населению Советской Карелии.

Парижский мирный договор 1947 г. признал Финляндию союзником Гитлера, а также виновной в развязывании войны. В современной Финляндии принято интерпретировать договор по-разному. В частности, утверждение о факте союза с Гитлером отрицается. Известно, что ссылаясь на Парижский мирный договор, президент Финляндии Тарья Халонен отказывается к тому же от выплаты компенсаций бывшим узникам финских концлагерей на территории Советской Карелии [2].

Характер политических, стратегических, военных, экономических и культурных союзнических отношений между Финляндией и гитлеровской Германией, а также его история до сих пор остаются неосвещенными в полной мере. Сведения о сущности различных аспектов всего этого стараются в Финляндии скрыть.

Примером тому может служить, в частности, факты того, что уже весной 1941 г. в Финляндии создавались десятки военных баз немецких ВВС, все побережье страны было занято тогда судами военно-морского флота Германии, а в Лапландию прибыли сотни тысяч немецких солдат. Однако такого рода сведения о происходившем в финской историографии стараются затушевать [3], и в финской исторической литературе получается так, как будто немецкие солдаты появились в Лапландии «случайно». Умалчивается также и то, что еще до начала Финляндией войны против СССР в июне 1941 г. немецкие самолеты и флот, используя финскую территорию, уже совершали попытки нападения на Советский Союз, нанося удары по району Ленинграда.

Когда же советские военно-воздушные силы в июне 1941 г. произвели ответный налет на военные аэродромы в Финляндии, президент Ристо Рюти объявил, что с советской стороны предпринимаются варварские действия, направленные против гражданского населения, и Финляндия должна начать «оборонительную войну» [4].

Из финской истории полностью вычеркнуты факты о действительно существовавших планах Финляндии об уничтожении Ленинграда. В частности, известный историк Охто Маннинен утверждает, что у Финляндии не было никаких планов по отношению к Ленинграду [5]. Тем не менее летом 1942 г. в записях президента Ристо Рюти содержится такая пометка, сде-

ланная со слов Гитлера: «А гражданское население Петербурга может гибнуть, ведь русские такие ненадежные и изворотливые, что жалеть их совершенно незачем» [6]. Не очень также известны слова, высказанные Андреем Ждановым финнам уже после войны: «По крайней мере половину умерших от голода в Ленинграде я отношу на совесть финнов, так как они наравне с немцами участвовали в блокаде Ленинграда» [7].

Известно, что президент Рюти очень уважал Гитлера. В своем знаменитом выступлении по радио летом 1941 г. Рюти назвал Гитлера «гениальным» вождем [8]. В своих записях Рюти охарактеризовал Гитлера летом 1942 г. так: «Он человек теплый, сердечный, с добрыми намерениями, чувствительный» [9].

Теперь же многие финны добиваются получения от русских благодарности за то, что, по их мнению, «Маннергейм спас Петербург». Профессор в области изучения истории России Тимо Вихавайнен сказал к тому же, что ленинградцы были сами виноваты в своей трагедии, так как могли бы избежать ее, сдавшись финнам. Однако, говорит Вихавайнен, Красная Армия не давала гражданскому населению возможности сдаться. Известный журналист и историк Ярмо Вирмавирта требовал установления в Санкт-Петербурге памятника Маннергейму в знак оказания почести человеку, который «действительно» спас Петербург. Финны не стали еще, однако, заходить так далеко, чтобы настаивать на переименовании Невского проспекта в проспект Маннергейма.

В Советской Карелии все русские были по приказу Маннергейма собраны в концлагеря, которые на практике превратились в ликвидационные резервации. Террор, происходивший в них, привел к геноциду, жертвами которого стали десятки тысяч людей. Известный финский герой войны полковник Каарло Хейсканен говорил, что русские — это «нелюди», и поэтому обращаться с ними нужно жестоко.

Деятельность финских концлагерей была засекречена. Их охранникам не разрешалось рассказывать никому постороннему, что там делалось. Варварство их устроителей стало известным только в 1980-х гг. после выхода книг Антти Лайне и Хельге Сепляля [10]. Работа Марьи-Леены Миккола «Потерянное детство» (2004) является документальным повествованием о деятельности лагерей, написанном на основе свидетельств

очевидцев [11]. Упоминавшийся же профессор Тимо Вихавайнен требует вопреки этому признать вклад финнов в «гуманитарную работу», проделанную в Восточной Карелии.

Имеется еще несколько белых пятен финской истории: об использовании в ходе войны рабского труда польских граждан при постройки дорог в Финляндии, о выдаче Германии тысяч евреев и представителей других народов, оказавшихся в Финляндии, о массовом дезертирстве из финской армии, о секретных смертных приговорах своим же финским солдатам, а также о проявлении сопротивления финнов и, в частности, об увеличение до десятков тысяч количества политических заключенных во время войны.

О последствиях войны финский писатель Пентти Нисканен говорит следующее: «Поражение Гитлера во время мировой войны, а вместе с этим и крушение грандиозных планов Финляндии, оставило глубокие раны особенно в душе финского образованного населения, и раны эти залечить может только психиатр» [12]. Известный историк Кеийо Корхонен также отмечает, что отношения между Россией и Финляндией стали для финнов «вопросом психического здоровья» [13].

Молодой финский исследователь Вилле Кивимяки пишет, что еще во время войны десятки тысяч финских солдат были отправлены к психиатру, особенно в тех случаях, когда они понимали характер войны особенно четко или «испытывали ненормальную жалость по отношению к врагу». После войны психиатр Лаури Саарнио отмечал, что еще до войны финское общество находилось во власти психоза и фанатичного национализма. Другой финский психиатр, Свен Доннер, писал, что особенно вопрос о привлекательности войны вызывал в среде солдат психические симптомы [14].

Художественная литература стала терапией против финского военного психоза. В 1954 г. в Финляндии вышли два романа о войне. Один из них был написан Юсси Талви «Друзья и Враги», а другой Вяйне Линна «Неизвестный солдат». Талви рассказывал в своей книге о сотрудничестве финнов и немцев, а в романе Линна близкие отношения с немцами не затрагивались. Солдаты в романе Линна были симпатичными, но упавшими духом и обвинявшими офицеров. По духу «Неизвест-

ный солдат» напоминает послевоенную литературу Германии, например книгу Теодора Плиевиера «Москва» [15].

В «Неизвестном солдате» автор маскирует агрессивный характер войны, разделяя войну на три части: нападение, позиционная война и отступление. Т. е. из содержания романа вытекает, что Финляндия выступает в качестве захватчика только на короткое время. Это является также и официальной версией, которая преподносится также в финских учебниках по истории.

Книга Юсси Талви была забыта, а роман Линна стал самым популярным романом за всю историю Финляндии, и снятые по нему два фильма постоянно показывают по телевиднию. Стратегический союз Финляндии и Германии легко отрицать, когда на него не делается и намека в «неизвестном солдате». Как пишет профессор Пертти Хаапола, Вяйне Линна «лишил финских историков власти рассказывать о событиях прошлого».

Писатель Пааво Ринтала затронул моральную проблему союзничества между Финляндией и Германией в романе «Парни» (1958), который рассказывает о психологически трудных взаимоотношениях между финским населением и немецкими солдатами с точки зрения ребенка [16]. Документальный роман Ринтала «Ленинградская симфония судьбы» (1968) впервые поведал правду о роли финнов в геноциде ленинградцев [17].

Финская художественная литература разобралась с вопросом о виновных в разжигании войны самым жестоким способом. Согласно исследованию Тины Киннунен, вызванное войной разочарование и опустошение получило реализацию, когда финскую женщину, служившую на фронте, изображали как грязную шлюху, прислуживавшую немецким солдатам и офицерам [18]. Негативный образ финской женщины на войне стал широко известен благодаря романам Линна и Ринтала. Книга Ринтала «Лейтенант-партизан» (1963) включала в себя такое негативное представление о финской женщине, что финские генералы выступили с массовыми протестами [19].

Пожалуй, самым веским доказательством близких отношений между Германией и Финляндией являются те тысячи детей, которые родились у финских женщин от немецких солдат.

Но так как после войны о союзе Германии и Финляндии говорить было нельзя, детям тоже было лучше это замалчивать.

Однако народный депутат Паули Саапунки начал уже разрушать ледяное молчание, выпустив автобиографичное произведение «Сын немецкого солдата» (1996) [20]. Лишь в 2006 г. журналист Ирья Вендиш опубликовал книгу «Тайные дети», в которой на нескольких примерах рассказывается о чувствах детей, рожденных финскими матерями от немецких солдат. По немецкому законодательству у этих детей нет права на наследование [21].

Неплохо также вспомнить и последнее обещание, которое Маннергейм дал Гитлеру в личном письме в сентябре 1944 г. Маршал обещал сохранять о немцах добрую память и назвал отношения между финнам и немцами «сердечными». «Память о наших немецких братьях по оружию будет здесь жить», — заверил он Гитлера [22].

Тем не менее в только что выпущенном сборнике документов (под редакцией Роберта Альфтана) говорится совсем иначе: «Отношение немцев к финскому гражданскому населению стало деспотичным. Поведение немцев просто наглое и высокомерное». Так писали финские чиновники во время войны [23].

Последней услугой, оказанной Германией Финляндии, стали мемуары Виперта фон Блюхера, бывшего долгое время посланником Германии в Хельсинки. Блюхер писал, что Финляндия якобы была просто «бревном в бурном водовороте». Это заявление дало финнам новый шанс заявить о своей невиновности. Финские историки и журналисты искусно маскировали действительный факт, уверяя, что якобы автором теории о «бревне» был историк Арви Корхонен [24].

Даже финскому национальному композитору Сибелиусу была отведена важная роль в союзничестве Германии и Финляндии. Финнов давно беспокоила критика известного философа Теодора Адорно, который говорил, что в музыке Сибелиуса присутствует «нацистская эстетика». Исследователь Антти Вихинен пишет, что музыка Сибелиуса является важным символом в священном «уравнении судьбы» Финляндии и Германии. Геббельс назначил Сибелиуса главой нацистского международного союза композиторов еще в 1934 г., а Гитлер наградил Сибелиуса медалью Гете в 1935 г. Геббельс организовал в 1942 г.

общество Сибелиуса, после чего в ответ в благодарственной речи Сибелиус упомянул «уравнение судьбы» Германии и Финляндии. После войны Сибелиус впал в депрессию и сжег рукопись своей последней симфонии [25].

Но самым удивительным поворотом предстает значение свастики как важного национального символа для финнов. По официальной версии финнов, свастика является древним финским символом. Каким-то образом это касается Швеции, так как свастика была счастливым символом Эрика фон Росена, который нарисовал его на самолете, подаренном Маннергейму в 1918 г. Заметим в связи с этим, что Маннергейм и Геринг встречались в замке фон Росена. Там Геринг познакомился со своей будущей женой-шведкой Карин, являвшейся невесткой фон Росена. Говоря далее о свастике, упомянем и то, что на официальном флаге президента Финляндии есть свастика, а также на многих орденах и медалях.

В настоящее время у Финляндии существуют проблемы, касающиеся свастики. Дело заключается в том, что в Европейском Союзе рассматривается вопрос о запрете на использование свастики или криминализации открытого отрицания фашистских преступлений времен войны.

Финская историография по периоду Второй мировой войны является типичной «военной историей побежденного». В таких интерпретациях осознание военных событий является травматичным. Инстинкт самосохранения отрицает травматичные воспоминания. Отрицательное событие объясняется как положительное, героическое, а цепочка событий передается заведомо ложно. Из предмета национального стыда рождается для следующих поколений предмет гордости. Именно об этом идет речь в утверждении, согласно которому Финляндия не была союзником Гитлера, а защищала демократию. Этот самообман является очень важным для духовного равновесия финнов и их детей. Такое не встречается больше ни в одной стране мира, кроме Финляндии.

Но какие бы могли быть последствия, если бы финское руководство признало бы участие страны в войне на стороне гитлеровской Германии и извинилось бы за причиненные страдания?

Во-первых, канцелярия президента Финляндии утонула бы в заявлениях о военных компенсациях, которые стали бы приходить от бывших узников концлагерей, военнопленных, польских рабов-рабочих, жертв блокады Ленинграда и, возможно, от каких-нибудь родственников финских погибших солдат.

История Финляндии периода Второй мировой войны доказывает, что финские «профессиональные историки» не способны ни на что иное, кроме цитирования защитной речи Ристо Рюти, произнесенной в 1945 г.

---

[1] *Lehtinen L., Rautkallio H.* Kansakunnan sijaiskärsijät. Sotasyyllisyys uudelleen arvioituna. Hels., 2005.

[2] Suomen tasavallan presidentin Tarja Halosen vastauskirje Entisten alaikäisten leirivankien Karjalan yhdistyksen puheenjohtajalle 4. kesäkuuta 2004.

[3] *Baryšnikov N.* Leningradin piiritys ja Suomi 1941—1944. Hels.; Pietari., 2003; *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941—1944. Murhenäytelmän sävyttämä voitto. Hels.; Pietari., 2003.

[4] Presidentti Risto Rytin radiopuhe 26.6.1941.

[5] *Manninen O.* Suur-Suomen ääriviivat. Hels., 1980.

[6] *Manninen O., Rumpunen K.* (Toim.) «Käymme omaa erillistä sotaamme». Risto Rytin päiväkirjat 1940—1944. Hels., 2006. S. 191.

[7] *Leino Y.* Kommunisti sisäministerinä. Hels., 1991. S. 103.

[8] Presidentti Risto Rytin radiopuhe 26.6.1941.

[9] *Manninen O., Rumpunen K.* Op. cit. S. 191.

[10] *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941—1944. Hels., 1982; *Seppälä H.* Suomi miehittäjänä 1941—1944. Hels., 1989.

[11] *Mikkola M.-L.* Menetetty lapsuus. Suomalaismiehittäjän vankeudessa 1941—1944. Hels., 2004.

[12] *Niskanen P.* Ryssävihalla Brysseliin. Historiallisia esseitä ja muistikuvia. Hels., 2003. S. 48.

[13] *Korhonen K.* Ruotumies. Hels., 2006. S. 129.

[14] *Kivimäki V.* Psykiatrien paperisota: Psyykkisten vammojen diagnoosit ja hoito sotakokemuksen muokkaajina Suomessa vv. 1939—1954 // Esitelmä konferenssissa «Psyykkisten ilmiöiden historiat». Joensuun yliopisto 12—13.1.2006.

[15] *Linna V.* Tuntematon sotilas. Porvoo, 1954; *Talvi J.* Ystäviä ja vihollisia. Romaani. Hels., 1954; *Plievier T.* Moskova. Romaani. Porvoo, 1953.

[16] *Rintala P.* Pojat. Kuvia vv. 1941—44 Oulun poikien suhteesta ajan suureen ihanteeseen, sotaan ja sen edustajiin, saksalaisen vuoristoarmeijan alppijääkäreihin. Hels., 1958.

[17] *Rintala P.* Leningradin kohtalosinfonia. Saksalaisten ja suomalaisten vuosina 1941—1943 piirittämän kaupungin ja sen asukkaiden tarina. Hels., 1968.

[18] *Kinnunen T.* Kiitetyt ja parjatut. Lotat sotien jälkeen. Hels., 2006.

[19] *Rintala P.* Sissiluutnantti. Proosaa rinta- ja kurkkuäänille. Hels., 1963.

[20] *Saapunki P.* Saksalaissotilaan poika. Hels., 1996.

[21] *Wendisch I.* Salatut lapset. Saksalaisten sotilaiden lapsen Suomessa. Hels., 2006.

[22] *Mannerheim C. G. E.* Muistelmat. Osa 2. Hels., 1952.

[23] *Alftan R.* (Toim.). Aseveljet. Saksalais-suomalainen aseveljeys 1942—1944. Hels., 2005. S. 136—137.

[24] *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935—44. Porvoo, 1950; *Korhonen A.* Barbarossa-suunnitelma ja Suomi. Jatkosodan synty. Porvoo, 1961.

[25] *Vihinen A.* Sibeliuksen kahdeksannen sinfonian mysteeri // Antti Vihinen. Musiikkia ja politiikkaa. — Esseitä Wagnerista Sibeliukseen. Hels., 2005.

В. В. Фокина

СТРАТЕГИЯ И КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Интеграционные процессы занимают одно из важнейших мест в современном региональном развитии и отражаются во многих исследовательских концепциях.

Данные концепции включают в себя рассмотрение разного рода моделей наиболее перспективного устройства политического пространства, а также поиск наилучшего территориального устройства национальных и трансграничных сообществ.

При этом необходимо сосредоточить наше внимание на рассмотрении следующих актуальных проблем развития регионов, в том числе Северной Европы: выявление внутренних предпосылок, стимулирующих участие государств в трансрегиональном взаимодействии; рассмотрение в качестве приоритетного направления внешней политики внутрирегионального взаимодействия; анализ механизмов межрегионального сотрудничества.

В данной связи интеграционное развитие региона Северной Европы, а также связанные с ним процессы постепенного привлечения к сотрудничеству стран Балтийского моря представляет собой адекватный ответ на потребности современной эпохи, которая диктует принципиально новые подходы к таким традиционным институтам и категориям, как государство, суверенитет, территориальные границы, нации, безопасность и т. д.

Пять стран Северной Европы — Дания, Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия имеют огромный потенциал для развития своего региона, этому способствуют давние культур-

но-исторические связи, специфика политических традиций, общие жизненные ценности и приоритеты.

При этом все интенсивнее становятся контакты с соседними государствами и территориями, достаточно значительная роль в этом процессе отводится углублению отношений с Северо-Западным регионом России (в том числе с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью). Реализуется программа Северного Совета в области развития региона, примыкающего к региону пяти стран Северной Европы, основными направлениями которой являются: приграничное сотрудничество местных администраций; вопросы здравоохранения, культуры и образования; защита окружающей среды и разработка инновационных технологий; развитие спорта и туризма; обмен информацией; развитие транспортных коммуникаций.

Углубление межрегиональных связей способствует поиску новых механизмов сотрудничества и взаимодействия для всех вовлеченных в этот процесс сторон, разрешению таких проблем, как территориальные споры, трудности в перемещении (людей, ресурсов), особый статус приграничных районов и т. п.

Способ разрешение данного рода противоречий становится все очевиднее и обозримее. В частности, присоединение стран Северной Европы к Шенгенским соглашениям, действующим в рамках ЕС, при участии Норвегии и Исландии, обусловило собой возможность для изменения самой структуры территориального деления на центральные и периферические области. Это связано с тем, что в результате региональной кооперации ранее периферийные регионы могут стать стратегическими связующими центрами. Вместе с тем в некоторых случаях возможно более свободное общение этнических групп, ранее разделенных границами суверенных государств (Аландские острова в Финляндии). Российский исследователь И. Бусыгина рассматривает вероятные перспективы качественной трансформации межрегиональных отношений в свете современных интеграционных процессов: «Отмена внутренних границ между странами ЕС наиболее сильно затронет приграничные территории... Властям приграничных районов приходится приспосабливаться к совершенно новой позиции, отличной от позиции периферийного района в национальном государстве» [1] или в системе международных отношений.

Территории, находящиеся на стыке государств, уже не столько несут на себе бремя второстепенного положения, сколько получают ряд преимуществ. Благодаря своему географическому положению региональные сообщества сочетают в себе элементы разных культур, что позволяет им стать посредником в неизбежном международном и межнациональном диалоге. Наряду с этим, наиболее интенсивные экономические и торговые связи развиваются, как правило, между соседними областями, имеющими общие стратегические цели.

Ранее сложившиеся традиции культурного и экономического взаимодействия позволят руководству приграничных регионов быстрее и эффективнее адаптироваться к изменившимся условиям и научиться сотрудничеству на политическом уровне.

Северо-Запад России представляется своеобразным связующим звеном между Европой, Америкой и Азией. Через Финский залив проходят кратчайшие пути из Азиатско-Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии в Западную Европу. Балтика является основной составляющей Евроазиатского транспортного коридора «Север-Юг», соглашение о создании которого было подписано между Россией, Ираном и Индией.

Следует отметить, что тенденции межрегиональной интеграции находят свое отражение во многих современных работах из этой области. В частности, для целей нашего исследования важное значение имеет концепция «Открытое общество», разработанная американским ученым Карлом Поппером, которая может быть использована как основа для создания концепций и проектов региональной интеграции.

Поппер акцентирует внимание на центральном вопросе политического развития — политических предпосылках становления демократических государств и указывает в качестве приоритетных направлений развития демократических режимов внутреннюю и внешнюю открытость обществ.

Первая предполагает взаимный обмен экономическими, информационными, культурными ресурсами между субъектами политической системы, что способствует укреплению горизонтальных связей на уровне регионов.

По мнению нижегородского исследователя А. Макарычева, следование этому принципу означает признание «равного граж-

данства» для всего населения, терпимость и уважение региональных различий, но в то же время интеграцию различных этнических, религиозных и культурных групп, проживающих на территории страны, в одну нацию, что может служить инструментом мягкой ассимиляции [2].

В свою очередь, внешняя открытость подразумевает восприимчивость общества к идеям и инновациям, идущим извне, а также готовность к целенаправленному и сознательному взаимодействию с факторами внешней среды. Данная тенденция может проявляться в форме заимствования идей, моделей регионального развития, а также в превращении региона в самостоятельного участника внешнеполитических отношений.

Немецкий теоретик Й. Делбрюк отмечает: «Суть этой доктрины — «сделать внутреннюю открытость эффективной на международном и глобальном уровнях» [3].

Интеграционные процессы, происходящие в современном мире, рассматриваются также в концепции «Общества открытых достижений». При этом причины постепенной ассимиляции этнокультурных групп, а также стирания этнокультурных различий обосновываются исходя из процессов модернизации, индустриализации, урбанизации, информатизации, а также роста уровня образования и развития коммуникаций.

Главной темой концепции «Открытый регионализм», также развивающей интеграционные идеи, выступает политика перемещения финансовых потоков в трансграничном региональном пространстве.

В рамках данного подхода исследователи процессов регионального развития рассматривают в качестве основного инструмента политики так называемые геофинансы. Термины «геофинансы» (и «геоэкономика») в конце 80-х гг. XX в. ввел в научный лексикон консультант Совета по национальной безопасности и Государственного департамента США Эдвард Люттвак.

Следуя данной традиции, экономист-международник С. Ф. Бергстен указывает, что концепция «Открытый регионализм» представляет собой такую модель организации торгово-финансовых отношений, которая сочетала бы в себе как соблюдение глобальных соглашений, так и поощрение практики договоренностей, достигнутых на региональном уровне [4], при этом экономическая заинтересованность способствует политическому сотрудничеству посредством упрощения процедур, связанных с пересечением политико-правовых пространств.

Проекты совместного развития разрабатываются главным образом в целях создания механизмов эффективного межрегионального сотрудничества и представительства на международной арене.

В данной связи развитие регионального взаимодействия на Севере Европы станет важным фактором для реализации региональных интересов в рамках ЕС и в современном мире. Участие в этом процессе Северо-Запада России также будет иметь взаимовыгодные последствия для всех участников интеграционного процесса.

---

[1] Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза. М., 2000. С. 8.

[2] См.: *Макарычев А. С.* Регионализм, Федерализм и ценности открытого общества // Регион в составе Федерации: Политика, Экономика, Право. Н. Новгород, 1998. С. 47.

[3] *Delbruck J.* Global Migration — Immigration — Multiethnicity: Challenges to the Concept of the Nation-State // Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 2. Is. 1. 1994. P. 8.

[4] *Bergsten C. F.* Open Regionalism. Institute for International Economics, Working Paper. P. 3.

С. Г. Халипов

ЧТО ЗНАЧИТ *КЛЯЗЬМА*?

Севернее Москвы по Москворецко-Окской пониженной равнине протекает река Клязьма длиной в несколько сот километров и впадает в Оку. Для русского уха слово «Клязьма» не имеет никакого значения. К тому же гидроним Клязьма к настоящему моменту не объяснен в топонимических словарях.

Как найти язык, на котором данный «темный» гидроним будет иметь значение? Простой взгляд на карту убеждает, что этот гидроним по звучанию схож с несколькими другими гидронимами. Начнем с ближних гидронимов:

1. Гидроним Кинешма (впадает в Волгу с юга).
2. Гидроним Колошма (впадает в реку Суда, приток Волги).

Перейдем к дальним гидронимам. Это река Кёнгяс-йоки в Финляндии. Примечательно, что название финской реки прозрачно, так как «кёнгяс» (порог). Имеются водоемы, в которых «кёнгяс» является гидронимическим суффиксом: Хепокёнгяс, Комоланкёнгяс и др. Это понятно, так как реки в Финляндии текут по пересеченной местности.

Интересно, что недалеко от Кёнгяс-йоки, около Мурманска есть ручей Княжий, который, по мнению многих геологов, называется так потому, что здесь якобы побывал «князь». Разумеется, в русском гидрониме основой является финское слово «кёнгяс» (порог), употребляемое в диалектах северной Финляндии.

Отталкиваясь от «порожистых» водоемов Севера Кёнгяс-йоки и Княжьего ручья, будем искать сходный по звучанию гидроним ближе к Клязьме. Это правый приток Волги Кинешма. Местные жители знают, что данная река имеет по меньшей мере три порога [1].

Река Кинешма протекает по Волжско-Окской низменности, где тысячу лет назад обитало племя меря, язык которого является родственным финскому [2]. Считается, что мерянский язык образует звено, некогда связывавшее ряд финно-угорских языков — прибалтийско-финские, мордовские и марийский. Позднее мерянский язык полностью растворился в русском. Важно установить поэтому, какое влияние мерянский субстрат мог оказать на развитие русских диалектов [3]. Важно отметить, что мерянистика определяется, черпая свои данные в том числе из топонимики.

С помощью гидронимики можно установить грамматические формы мерянского языка, такие, как генитив, засвидетельствованный в единичных примерах. Таким примером является левый приток Клязьмы река Яхрен (сейчас Яхрома [4]).

Стоит упомянуть, что северным соседом мери была весь (нынешние вепсы). Показательным гидронимом веси является имеющийся на всех картах населенный пункт восточнее Череповца — Ирдоматка [5].

С юго-востока меря граничила с племенами мурома, мещера и мордва, а на востоке с черемисами (нынешними марийцами).

Рассмотрим названия рек на *-ма*, протекающих по Среднерусской низменности: Клязьмы, Кинешмы и Колошмы. Примечательно, что гидронимический суффикс *-ма* — это остаток мерянского слова, соответствующего финскому «uoma» (русло).

Встречается много топонимов со значением «порожистый»: город Прага, столица Чехии на реке Влтава; Прага, предместье Варшавы, на правом берегу реки Висла и др.

Клязьма имеет много притоков: Киржач, Шерна, Воря, Теза, Лух и др., из который пойма Клязьмы в течение тысячелетий принимала отложения в виде песка и шлама, что способствовало образованию порогов.

Порожистость Клязьмы общеизвестна. Даже жители подмосковного поселка Болшево называют Клязьму порожистой рекой.

Итак, по значению Клязьма, как и река Колошма, — порожистая. Но в финно-угорских языках речной порог имеет в качестве второго согласного «н»: финское «kynnys», карельское «кюннюш», вепсское «кюндуз», эстонское «künnis», саамское «гевнгис», мордовское «кянкш». Исходя из данного обстоя-

тельства можно предположить, что звукосочетание «клязьма» это бывшее «князьма». Подобная мена звуков *н* → *л* имеет место в русском языке. Словарь Даля дает следующие примеры: «талабонить»(болтать); «талаболка»(лепёшка); «инно» (даже); «ильно» (по-иному); «илонды» (иногда) и др.

Таким образом, конечное *-ма* может означать окончание родительного падежа мерянского слова «княз» (порог), за которым в древние времена шел географический суффикс, т. е. мерянское слово «река», подобно финскому «kuusjoki» (еловая река), ср. гидроним реки под Владимиром Гусь «еловая». Оканье в Колошме, бывшей Коношме, зависит от окающего диалекта.

Итак, родительный падеж мерянского «князенг» (порога) в результате мены *н* → *л* стало русским гидронимом Клязьма или «порожистая река»[6]. Есть соответствующий мерянско-русский пример мены звуков: гидронимическая фамилия Шеблыгин, ср. финское Sayne-joki (язовая река). Название Клязьма не одиночно, так как есть еще гидроним Кляс западнее Московской области.

---

[1] Более подробно: astarta59@mail.ru

[2] См: *Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев, 1985.

[3] Там же. С. 192.

[4] Там же. С. 96.

[5] Ср. с финским irto-matka (прерванная дорога), что соответствует действительности, так как Ирдоматка находится на мысе Рыбинского водохранилища.

[6] Гидрологический ежегодник. М., 1965.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. Г. Бурков

К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ ДАНИИ

Основные государственные символы Дании имеют нормандские корни и связаны с широкой нормандской экспансией в конце VIII — середине XI вв. Именно к этому времени относится появление двух нормандских символов: герба в виде красного щита с изображением золотого коронованного «идущего леопардового льва» и белого полотнища с красным прямым крестом (знамя Св. Георгия).

Первый герб Датского королевства: три коронованных синих леопардовых льва с красными языками один под другим на золотом поле с девятью красными сердцами появился в 1190 г. при датском короле Кнуде VI Вальдемарсене [1]. Это изображение сохранилось в гербе Дании при всех правителях и дошло до наших дней в виде государственного герба Дании, а также первой и четвертой частей Королевского герба Дании.

В 1219 г. появляется знаменитое знамя «Данеброг». Это произошло 15 июня 1219 г. во время битвы датчан с эстами у крепости Линданиссе, когда в самый ответственный момент дрогнувшим воинам датского короля Вальдемара II Победителя пришел на помощь резервный отряд (скорее всего иоаннитов-госпитальеров), действующий под красным знаменем с белым прямым крестом (обратные цвета нормандского флага Св. Георгия). Так появился «Данеброг» — «Датское знамя». Пройдя через столетия, оно сохранилось неизменным и сейчас является государственным флагом Королевства Дания. От него берет свое начало целый ряд государственных флагов стран

Северной Европы: Швеции, Норвегии, Финляндии, Исландии, автономных образований: Аландских и Фарерских островов, Гренландии, а также временных государственных образований Ингерманландии и «независимой Карелии» [2].

В 1219 г. был учрежден непосредственно связанный с «Датским знаменем», старейший в Европе орден Данеброг. Разделенный на 5 классов (степеней) он дважды, в 1671 и 1808 г., возрождался и дошел до наших дней. Его девиз «Pietati et Justitae» («Благочестие и справедливость») отражает отношение датчан к своему главному символу — «Датскому знамени». В расцветке орденской ленты и в дизайне орденских знаков ярко проявляется бело-красное сочетание цветов «Данеброга».

В XIV в., в процессе объединения Дании, Норвегии и Швеции, завершившемся подписанием в 1397 г. Кальмарской унии, появляется флаг объединенного королевства — штандарт датского короля Эрика Померанского, где присутствуют государственные символы трех стран [3]: три датских леопардовых льва на золотом поле, три шведские золотые короны на синем поле и норвежский золотой лев с боевым топором в передних лапах на синем поле (помимо этого на флаге Эрика Померанского было изображение черного грифона на красном поле — фамильного герба Померанского дома, а также Св. Марии с младенцем на руках). С этого же времени формируется Королевский герб Дании. Он включал геральдические символы, указывающие на исторические связи стран скандинавской группы и вексиллологическое их единство в присутствии орденского бело-красного креста Данеброга. Так, в гербе, установленном датским королем Фредериком IV в 1719 г., представлены изображения гербов: Ольденбурга, Дельменгора, Гольштинии, Стормана, Дитмартена, Лауенбургска, Шлезвига, Швеции, королевств Готов и Вендов, гербовых знаков Исландии (белый сокол), Фарерских островов (белый баран) и Гренландии (белый медведь) [4]. Еще раньше, в 1449 г., при короле Христиане I появились щитодержатели: два бородатых дикаря в набедренных повязках с дубинами. В 1625 г. король Христиан IV установил для военных кораблей «Данеброг» флаг с длинными косицами. В 1856 г. косицы флага были укорочены. 11 июля 1948 г. в Дании были установлены три государственных вексиллологических символа: национальный и торговый флаг, го-

сударственный и морской флаг, а также Королевский флаг. В их основе лежит все тот же «Данеброг». Национальный и торговый флаг представляет собой прямоугольное красное полотнище с белым прямым крестом. Точно такой же флаг, но с косицами является государственным и морским флагом Дании, а Королевский флаг имеет в перекрестии белого прямого креста белый квадрат с изображением Королевского герба.

В 1960 г. были утверждены Государственный и Королевский гербы Дании. Государственный герб представляет собой золотой фигурный щит с тремя синими коронованными леопардовыми львами с красными языками и девятью красными сердцами. Верх щита украшает королевская корона с драгоценными камнями. Королевский герб имеет сложную структуру и пышные украшения. Датская королева Маргрет II в 1972 г. ввела некоторые уточнения в Королевский герб, и сейчас он представляет собой геральдический щит, в центре которого находится щиток с гербом Ольденбурга (две красные горизонтальные полосы на золотом поле). Щит разделен на четыре части прямым бело-красным крестом (расцветка «Данеброга»). В первой и четвертой части дан старинный герб Дании (на золотом поле три синих коронованных леопардовых льва с красными языками один под другим и девять красных сердец). Во второй части — герб герцогства Шлезвиг (на золотом поле два синих леопардовых льва один под другим). В третьей части на синем поле, разделенном, в свою очередь, на три части, даны: в верхней части — три золотые шведские короны, а в двух нижних — белый баран (эмблема Фарерских островов) и белый медведь (эмблема Гренландии). В качестве шитодержателей выступают два бородатых дикаря в набедренных повязках с дубинами. Вокруг щита — цепи со знаками высших орденов Дании: Слона и Данеброга. Все центральное изображение Королевского герба дано на фоне красной мантии с горностаевой подкладкой, увенчанной королевской короной с драгоценными камнями.

С датскими государственными символами нераздельно связаны Государственный герб и флаг Гренландии, а также основные геральдические символы Фарерских островов.

Крупнейший остров в мире Гренландия был открыт европейцами около 875 г. С 1262 г. он принадлежал Норвегии.

В 1380 г., после объединения королевств Норвегии и Дании, датский король Олаф II был объявлен сувереном над Гренландией, и с конца XVII в. эта территория имела свой геральдический знак в Королевском гербе Дании — белый медведь на синем поле. В 1814 г., при расторжении датско-норвежской унии, Гренландия осталась за Данией, и в 1846 г. был утвержден колониальный флаг Гренландии: «Данеброг» (красное прямоугольное полотнище с белым прямым крестом) с двумя скрещенными эскимосскими гарпунами в крыже. За основу этого флага был взят флаг датской Королевской гренландской торговой компании, основанной в 1774 г. и имеющей с 1795 г. свой флаг: «Данеброг» с двумя скрещенными эскимосскими гарпунами в крыже, символизирующие местное население и его занятия, и с первыми буквами датского названия компании в центре креста. Колониальный флаг действовал до 1953 г., когда Гренландия получила статус заморского амта (губернии) и была объявлена «равноправной частью Датского королевства». С этого времени Гренландия находилась под датским флагом. 1 мая 1979 г. Гренландия была провозглашена «самоуправляющейся территорией» в составе Датского королевства, и в 1985 г. местный парламент (данстинг) утвердил Государственный флаг и герб Гренландии. Флаг представляет собой красно-белое полотнище с красно-белым кругом, символизирующим яркое солнце, сияющее на фоне вечных снегов и льдов, а герб — синий щит с изображением белого медведя олицетворяет природно-климатические условия острова, расположенного в полярных широтах и окруженного водами Атлантического и Северного Ледовитого океанов. (Сторонники полной независимости Гренландии выступают под зеленым флагом с изображением того же белого медведя[5].) Выбор круга для флага Гренландии, а не креста, характерного для скандинавской группы вексиллологических государственных символов и эмблем, говорит об ориентации на символику коренного населения и о самостоятельном внутри- и внешнеполитическом курсе гренландских властей. Однако цветовая гамма флага и рисунок герба взяты из государственных символов Дании.

Фарерские острова в 1035 г. стали леном Норвегии, а в 1380 г., после заключения датско-норвежской унии, вошли в состав Датского королевства. В XVI в. в Королевском гербе

Дании Фарерские острова были обозначены особым геральдическим знаком — белым бараном. 5 декабря 1947 г. для Фарерских островов был утвержден свой флаг — белое полотнище с красным крестом (обратные цвета «Данеброга»), окантованным синей каймой (как напоминание о принадлежности Фарер к Норвегии). 23 марта 1948 г. датский ригсдаг принял закон о введении на Фарерских островах местного самоуправления, по которому этот флаг был признан официальным символом Фарер.

---

[1] См.: История Дании. С древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 87.

[2] *Бурков В. Г.* К истории скандинавской группы государственных геральдических символов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 189.

[3] Там же. С. 187.

[4] Там же. С. 188.

[5] Там же.

Л. И. Харченкова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКИ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Межкультурная коммуникация — это сложный многоуровневый процесс, в котором наряду с вербальными средствами общения важную роль играют невербальные, к числу которых относится и цветовая символика. Интерес к цвету не случаен. Способность видеть цвет имеет для человека очень большое значение, прежде всего — в эстетическом плане. Можно даже сказать, что это одна из важнейших предпосылок нашей повседневной культурной жизни.

В культурном контексте каждый цвет имеет свою символику. Символика опирается на объективные особенности психики: на всевозможные ассоциации, нередко довольно простые: *зеленое* — весна, пробуждение, надежда; *синее* — небо, чистота; *красное* — огонь, кровь; *желтое* — солнце, жизнь; *черное* — темнота, страх, неясность, смерть. Такая мотивировка имеет в своей основе обыденный опыт, который дополняется мифологическими, религиозыми и эстетическими воззрениями. Так, *синий* цвет обозначает мышление, *желтый* — интуицию, *красный* — волнение, *зеленый* — функцию восприятия. Однако бывает, что в одном и том же цвете совмещаются противоположные значения, например, *желтый* — цвет женственности и измены. С другой стороны, одному и тому же абстрактному понятию соответствуют различные цвета: любовь материнская — *белый*, любовь к Богу — *синий*, к себе — *желтый*, к любимому — *красный*, к другу — *зеленый*. В научной литературе обычно выделяется 10 условных групп, которые служат осново-производными источниками для цветонаименований:

1. Неживая природа (вода, огонь, земля, закат...).
2. Флора (трава, мох, ель, листья...).
3. Фауна (мышь, попугай, таракан...).
4. Пищевые продукты (кофе, шоколад, молоко...).
5. Плоды и овощи (лимон, помидор, огурец...).
6. Цветы (роза, сирень, василек, мак...).
7. Драгоценные камни и металлы (изумруд, рубин, сапфир...).
8. Продукты человеческой деятельности (чернила, фарфор...).
9. Названия различных красителей и красок (охра, сурик...).
10. Названия со сложной этимологией (эта группа неоднородна, в нее входят антропонимы, топонимы: тициановский, бордо и т. д.) [1].

При изменении оттенка цвета его символика тоже меняется. Так, например, *красный* — активность, страсть — при добавлении *белого* становится *розовым*, что символизирует нежность. С добавлением *черного* получается *бордовый*, который имеет «аморальный» символический смысл. Самым торжественным сочетанием цветов считается *белый*, *красный* и *позолота*. Следует отметить, что существуют расхождения в семантике цветообозначений, которые выполняют роль государственных символов.

С XVII в. до 1809 г. Финляндия была частью Швеции, и это повлияло таким образом, что после провозглашения в 1917 г. независимости был утвержден национальный флаг по образцу шведского. Подобные флаги были введены в обращения финскими яхт-клубами более чем на полвека ранее, когда Финляндия входила в состав Российской империи. Первый яхт-клуб был основан в 1861 г. в Хельсинки, он и утвердил белый флаг с синим крестом и гербом своего кантона. Другие яхт-клубы последовали этому примеру, взяв за основу белое поле с синим крестом, но с гербами соответствующих кантонов. Первый, кто предложил сделать белый и голубой национальными цветами Финляндии в 1862 г., был поэт Топелиус. Голубой крест — это тысячи финских озер и чистое небо; белый — это снег, покрывающий страну долгими зимами.

Голубой и *белый* цвета финского флага как нельзя лучше отражают финский национальный характер: спокойствие, умеренность, верность, искренность, чистота, мудрость, безмятежность.

Что касается символики цветов национального флага России, то тут существуют разные трактовки. Традиционно на Руси *белый* цвет означал мир, чистоту, правду; *синий* — небо, верность, веру; *красный* — смелость, доброту, честность, огонь и кровь.

Официально бело-сине-красный флаг был утвержден как государственный флаг России только накануне коронации Николая II в 1896 г. (до этого государственным флагом Российской империи считался черно-желто-белый флаг, который в настоящее время используется различными монархическими движениями, а бело-сине-красный флаг со времен Петра I был торговым или коммерческим флагом). Тогда *красный* цвет означал державность, *синий* — цвет Богоматери, под покровительством которой находилась Россия, *белый* — цвет свободы и независимости. Существует и еще одна «державная» трактовка значений цветов флага, которая означает единство трех восточно-славянских народов: *белый* — цвет Белой Руси (Белоруссии), *синий* — Малороссии (Украины), *красный* — Великороссии.

В настоящее время чаще всего (неофициально) используется следующая трактовка значений цветов флага России: *белый* цвет означает мир, чистоту, непорочность, совершенство; *синий* — цвет веры и верности, постоянства; *красный* цвет символизирует энергию, силу, кровь, пролитую за Отечество.

Кроме того, *бело-сине-красный* флаг России можно назвать его своеобразной этнической картой. Как известно, *красный* цвет имел сакральное значение у славян; *синий*, цвет вечного неба, — священный для тюркских и монгольских народов; *белый*, цвет снега, — традиционный для народов уральской семьи. Славяне, тюрки, финно-угры и самодийские народы составляют почти 95% населения России.

Если в символике цветов Финляндии преобладают «холодные» цвета, то русскими национальными цветами всегда были насыщенные, яркие, теплые цвета.

В национальном костюме финнов присутствуют *зеленый, красный, белый* цвета, что свидетельствует о близости финских жителей к природе, о любви к земле, к людям. В русском национальном костюме преобладают яркие, насыщенные цвета: *красные, желтые*. По старинному обычаю невесту наряжали в *красное.* Рубахи к сарафанам украшали затейливой вышивкой: ромбами, квадратами, «грабельками» — древними символами солнца и плодородия. *Белые* пышные рукава рубах расшивались *красной* нитью.

В русском фольклоре встречаются постоянные эпитеты: «*красна девица*», «*красно солнышко*», «*сине море*», «*белый свет*». Это, как нам кажется, говорит о принципиальном различии не столько русского и финского характеров, сколько о разнополюсности восточного и западного мышления в целом.

Несовпадение цветовой символики может служить источником непонимания и неприятия чужой культуры. Целый ряд таких несовпадений обнаруживается при сопоставлении *синего* и *белого* цветов. В финской культуре «синий» ассоциируется с тоской, печалью, грустью. В русской фразеологии семантика цвета приобретает иную специфику: «зеленый» является атрибутом концептов скука, тоска («тоска зеленая» — о томительной скуке, тоске).

А. П. Василевич рассматривает особенности цветовой символики в русском и финском языках. Автор отмечает, что «в финском языке *sininen* — понятие синкретическое, включающее в себя различные цвета и оттенки, относящиеся к голубой, синей, а также в некоторой степени зеленой и фиолетовой части спектра. Это позволяет определить “синий” как цвет василька... Анализ словарей позволяет заключить, что “синий” — одна из важнейших цветовых этноэйдем в финском языке. Не случайно Финляндия — страна *синих о*зер»[2]. С этим цветом связываются различные эмоциональные состояния человека: надежды, грезы, идеалистические представления, но это может быть также цвет возмущения, тоски, печали и грусти (*sininen suuttumuksesta, sininen kaipuu*).

Белый цвет в обеих культурах символизирует невинность — на невесте белое подвенечное платье (*viattomuuden valkoinen asu*). Душевная чистота в финской культуре соотносится с белизной лилии («*словно белая лилия чиста и изящна твоя душа*»)... Если для русских, с определенными оговорками, белый — цвет радости, то для финнов — это также цвет печали, смерти. Одним из символов смерти в национальной поэтической традиции, восходящей к древним рунам Калевалы, считается белый лебедь, а также белый журавль valkoinen tounenkurki, букв. «белый журавль смерти»[3].

С целью выявления этнокультурных особенностей восприятия цвета нами было проведено анкетирование, включающее ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие 24 респондента (12 русских и 12 финнов) в возрасте от 15 до 17 лет.

Ассоциативный эксперимент состоял из двух частей: в первом случае в качестве слов-стимулов предлагались цветовые прилагательные, во втором случае словами-стимулами выступали слова, обозначающие явления и реалии окружающего мира. Такой двусторонний эксперимент был проведен для того, чтобы лучше выявить общность и различия в мышлении и восприятии окружающего мира у представителей разных лингвокультурных общностей.

При сопоставлении ассоциативных реакций на исходные слова с обозначением цвета А. А. Залевская выделяет следующие основные виды связи, общие для экспериментальных групп из разных стран: подведение исходного цветообозначения под общее понятие; увязывание исходного слова с некоторым объектом окружающего мира, для которого наиболее типичен данный цвет; включение исходного цвета в некоторое фразосочетание; символическое переосмысление исходного слова[4].

Результаты ассоциативного эксперимента свидетельствуют о том, что первый из названных А. А. Залевской видов связи не реализуется ни у одного из испытуемых.

Реализация связи исходного цветообозначения с некоторым объектом окружающего мира, для которого наиболее типичен соответствующий цвет, занимает основное место среди наиболее частых ассоциативных реакций, однако называемые объекты у русских и финнов совпадают не всегда. Так, в каждом ассоциативном поле есть слова, общие для обеих групп испытуемых: *белый* — снег, зима; *зеленый* — природа, трава, деревья, газон, лес; *желтый* — солнце; *красный* — любовь, страсть; *синий* — море, озеро, небо; *черный* — смерть.

При этом следует отметить, что общие ассоциаты являются преимущественно словами одной лексико-семантической группы, в то время как несовпадающие ассоциаты относятся, как правило, к абсолютно разным объектам действительности.

Ср.:

БЕЛЫЙ

мир, простыня, небо (*фин.*) | обои, мороженое, лист (*рус.*)

ЖЕЛТЫЙ

звезды (*фин.*) | цыпленок, тюльпан, пляж (*рус.*)

ЗЕЛЕНЫЙ

любимец, собака, полеты (*фин.*) | прогулки, дом, кофта, мир, спокойствие (*рус.*)

КРАСНЫЙ

полиция, коммунизм (*фин.*) | роза, огонь, машина (*рус.*)

Очевидно, что разные ассоциации вызваны различными особенностями рассматриваемых культур. Так, ассоциаты «дом», «любимец», «собака» в связи с исходным словом «зеленый» свидетельствуют о том, что в финской культуре *зеленый* цвет изначально связан с представлением о домашнем тепле, уюте. Ассоциат «хороший доход», очевидно, обусловлен восприятием либо финских марок, либо американских долларов. Здесь важно отметить, что у русских благополучие ассоциируется не с зеленым цветом, а с *синим*.

У финнов *красный* цвет связан с коммунизмом и флагом красного цвета, у русских же такие ассоциации отсутствуют. Специфической для финнов является реакция «Пасха» на *желтый* цвет (религиозные традиции в Финляндии выражены сильнее, чем в России), при этом *желтый* цвет у русских ассоциируется с разлукой, изменой; для финнов же он является символом радости, праздника.

«Обратный» ассоциативный эксперимент позволил выявить такие общие тенденции в восприятии окружающего мира, которые ускользнули при внутриязыковом анализе реакций только на слова-цветообозначения. Например, и русские и финны на слово-стимул «Россия» на первое место поставили *красный* цвет.

В целом «цветовые» ассоциации на исходное слово в большинстве своем являются одинаковыми для обеих групп участников эксперимента: мечта — *голубой, розовый;* любовь — *красный;* ненависть — *черный, красный;* невинность — *белый;* молодость — *зеленый;* старость — *серый.*

Следует отметить, что в лексиконе носителей как русского, так и финского языков существует свое «ядро» активных цветообозначений — это *синий, серый, коричневый* для финнов и *голубой* для русских. Общее наиболее частотное цветообозначение — *красный* и *белый.*

Данные ассоциативного эксперимента подтверждаются результатами анкетирования. Так, любимыми цветами финнов являются *синий, коричневый, зеленый.* У русских самый любимый цвет — *зеленый.* В европейской традиции *зеленый* цвет имеет как положительные, так и отрицательные коннотации. С одной стороны, это цвет надежды, жизни, бессмертия, здоровья, молодости, успеха; с другой — цвет зависти, ревности. Отмечается также модный *черный* цвет, который преобладает в одежде. Финны также предпочитают носить одежду темного цвета.

Положительные эмоции у русских вызывают *синий, белый, оранжевый, голубой* и *фиолетовый* цвета, а у финнов — *белый, синий, зеленый, коричневый.*

Отрицательные эмоции у русских связаны с *коричневым, серым, рыжим, бордовым,* у финнов же — это *желтый, оранжевый, багровый, пурпурный, розовый.*

Свой дом русские хотели бы окрасить в *синий, голубой, зеленый,* или *желтый* цвет, а финны — в *коричневый, белый, красный.*

Таким образом, утверждение о специфичности цветосимволизма в разных культурах не противоречит межкультурной универсальности цветовой символики. Национально-специ-

фичным является скорее отношение к содержанию, кодируемому цветом. Налицо не различие цветовой символики, а различие в переживании и трактовке бытия.

---

[1] *Василевич А. П.* Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений // Этнопсихолингвистика. М., 1988. С. 43—44.

[2] Там же. С. 51.

[3] Там же. С. 55.

[4] *Залевская А. А.* Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин, 1972. С. 34.

А. Ю. Жуков

ПОГОСТ И ПРИХОД — ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ РОССИИ (На примере Карелии. XIII—XVI вв.)

С первых веков русской государственности погост являлся единицей сельского административно-территориального и податного деления новгородского Севера. При этом сельские погосты на землях язычников прибалто-финнов, по-разному охваченных влиянием Древнерусского государства, возникали вне церковно-государственной структуры. Так, в Ипатьевской летописи о походе Мстислава Владимировича с новгородцами и псковичами «на Чюдь» в 1116—1117 г. сказано: «И взя городъ ихъ именемъ Медвежа глава и погостъ бещисла взяша...» [1] С начала XIII в. погосты стали центрами церковно-государственного административного строительства на землях прибалто-финнов. В эпоху крестовых походов действовал неписаный принцип: «Чья вера, того и власть». В 1227 г., сразу после похода 1226 г. новгородского князя Ярослава Всеволодовича и новгородцев на емь, карелы были крещены: «Князь Ярославъ Всеволодичь послав крести множство Корелъ, мало не все люди» [2]. Крещение корелы в православие служило целям религиозного приобщения неофитов сначала к церковной, а затем и к государственной и военной структуре вечевой республики более тесным, определенным образом.

Несомненно, крещение сопровождалось постановкой церквей и новой, приходской организацией жителей. Можно с уверенностью говорить, что немногочисленные на первых порах

церкви ставились только в самых населенных и главных центрах проживания различных групп корелы. Отсюда следует неизбежный вывод о том, что новое деление племенных территорий на *погосты-приходы* постепенно подменило собой старое, уже отживавшее разделение на мелкие племенные группы, а христианство как вероучение служило интегрирующим началом для консолидации недавних язычников в единый народ. Этносоциальное объединение на основе новой приходской структуры оказалось столь важным в глазах карелов явлением, что не позднее рубежа XIV—XV вв. вызвало к жизни самоназвание *корела погоская*[3], т. е. те карелы, которые проживали в погостах Корельской земли.

Тесная связь погоста с церковным делением карелов на приходы доказывается документально на материалах ряда независимых друг от друга источников. Отмеченное выше самоназвание «корила погоская» содержит берестяная грамота № 248 (1396—1422 гг.). Это жалоба «Господину Новугороду» от «корилы погоской Кюлолаской и Кюриеской» на грабежи шведов[4]. На первый взгляд, из нее можно заключить, что речь идет о местах проживания этих групп карелов — в местностях Кюлолакша и Куркиёки в пределах одного Кирьяжского погоста, а не о двух разных погостах. Но это не так. В ряде летописей за 6904 (1396—1397) г. помещено сообщение о нападении шведского отряда на Корельскую землю, конкретно о том, что шведы «повоеваша 2 погоста: Кюрьескыи и Кюлоласкыи, и церковь сожгоша»[5]. Ясно, что в обоих источниках речь идет об одних и тех же местах (хотя и необязательно об одном событии). Но во втором случае Кюлолакша названа погостом, как и хорошо известный погост в Куркиёки, и говорится о сожженной церкви. Между тем в писцовой книге Корельского уезда 1500 г. описан Кирьяжский погост с церковью Рождества Богородицы, а все деревни в Кюлолакше отмечены как его поселения; при этом у кюлолакшан нет отдельной церкви[6].

Приведенные сведения приводят к выводу: потеряв в 1396/97 г. церковь и не отстроив ее заново, кюлолакшане не только потеряли статус самостоятельного прихода, но и отдельного погоста. Поэтому в XV в. они влились в Богородицкий приход, а их деревни — в Кирьяжский погост. Данный пример показывает, что церковное деление на приходы непосредственным образом поддерживало административное районирование на погосты. Потеря какой-либо общиной статуса отдельного прихода вела к ее подчинению соседней общине, имевшей собственную церковь. Для Новгорода сожжение «какой-то» сельской церкви оказалось столь значимым событием, что оно отразилось в летописи. Ведь по этой причине государству пришлось внести изменения в административно-территориальное деление Корельской земли.

Церкви становились центрами погостов, а погосты — новым низовым административно-территориальным делением в землях корелы. Одновременно новая церковная структура развивала институты самоуправления в древнекарельском обществе, причем на уровне погостов, соединявших в своих пределах несколько общин. Первейшим долгом общинников стала выплата налогов, собираемых по погостам.

Доказывают данное положение материалы Писцовой книги Корельского уезда 1500 г. В ней бывшие государственные земли Великого Новгорода описывались по общинам-*переварам*. В основе деления на перевары лежала общинная организация населения[7]. Новгород «положил в тягло» в пользу наместников и Дома св. Софии не отдельные семьи или деревни, а перевары как более устойчивые объекты фиска. Когда из-за переселения общинников на незанятые земли некоторые перевары выходили за границы своих районов-погостов, то люди становились прихожанами церкви того погоста, куда они пришли. На это ясно указывают примеры по нескольким деревням Соральской перевары Кирьяжского погоста, стоявших в Иломанском погосте, и по некоторым деревням Чангольской перевары «на Иломанце», располагавшихся в Сердовольском погосте[8]. Но в сфере налогообложения все они приписывались к тому погосту, где располагался центр их перевары. Данный принцип действовал даже тогда, когда общинники выходили за пределы не только своего погоста, но и за административные границы своей области.

Приведем пример. На западе Олонецкого погоста Обонежского ряда, т. е. в совсем другой административной области, граничившей с землей карелов, до 1478 г. появились 33 карельские деревни на Тулмозере. Но писцы даже в 1563 г. подчеркивали, что хотя деревни и стоят на территории Олонецко-

го погоста, принадлежат они все же Соломенскому погосту, выплачивая налоги в Салми, поскольку основали их соломенские крестьяне[9], что и не удивительно. По крайней мере, в XV в. все эти земли к западу и востоку от административной границы Корельской земли и Обонежья, принадлежали Дому св. Софии. Очевидно, переселение разрешил архиепископ.

Пример интересен еще и тем, что тесно связывает приходское общинно-волостное самоуправление с административным размежеванием на погосты. Оказывается, тулмозерская община салминцев постаралась заявить о себе как о самостоятельной общности, поставив часовню — около деревни с названием «У часовни». К 1563 г. там встала церковь во имя св. Николая[10]. Между тем в XV в. граница граница Олонецкого погоста с Соломенским была уже определена. Поэтому тулмозерская община и часовенный приход не попали в писцовую книгу Корельского уезда 1500 г., а значились в Обонежской пятине и в 1496 и 1563 гг. Часовня, часовенный приход, объединявший в себе общинников данной местности, являлись такими же элементами структуры погоста, как сама главная церковь погоста и все ее прихожане. Новая церковная организация поддерживала, воспроизводила и развивала общинные институты крестьянского волостного самоуправления, и не только внутри каждого из карельских погостов, но даже и вне их пределов.

Итак, любая община могла рассчитывать на самоуправление только тогда, когда являлась церковным или хотя бы часовенным приходом. Церкви в каждом погосте по праву являлись главными, основными центрами местного самоуправления в пределах каждого из районов. Очевидно, именно поэтому при власти Новгорода в каждом из сельских погостов стояла только одна церковь, какую бы большую территорию он не занимал. Появление в нем другой церкви и соответственно прихода из жителей окружавших новую церковь деревень неизбежно привело бы к разделению старого погоста и созданию на его основе двух погостов.

Материалы новгородских времен и более поздние источники XVI—XVII вв. показывают, что членение территории Корельской земли и Обонежья и их населения на погосты и приходы подчинялось единым принципам. Остановимся теперь на материалах по Обонежской части Карелии.

Обонежский административно-территориальный округ возник, видимо, к 1259 г.[11] Как таковой, округ впервые указан в приписке к «Уставу» Святослава Ольговича 1136/37 г. под особым подзаголовком «А се Обонезьскыи ряд»[12]. В писцовых книгах эти погосты значились по наименованию главной церкви и по названию местности, где она стояла. Но в «ряде» они, как местные центры сбора налогов и суда, названы по-другому и в двух разных манерах. Одни погосты записаны по именам вепсских старейшин («у Тоивота», «у Пермина» и т. д.), а другие, в том числе «во Олонци», — по местности. Следовательно, христианизация веси не играла ведущей роли в деле создания структуры первых погостов. Они образовывались на основе родоплеменной самоорганизации веси и ее колонизационных усилий. И из текста Обонежского ряда вытекает, что в старинных центрах древневепсской оседлости прочно управляли старейшины. Но по окраинам древневепсской колонизации (в Олонце, на Свири, в Юсколе и др.) их роль была уже не столь высока, что и воплотилось в «географичности» названий этих погостов. Но в обоих случаях погосты олицетворяли наличие местного самоуправления, на которое и опирались епархия, князь и в целом Новгород при управлении вепсским Обонежьем. Пример такого подчинения дает отрывочный текст берестяной грамоты № 279 старосты Пашеозерского погоста новгородским сотским, которые принимали налоги и вершили суд: «Поклонъ от старосте от Михале и от всехъ пашазерчевъ къ сотскымъ къ Мазиму и ко Онании и к Къст...»[13]

Один подлинный архивный источник датирует образование погостов в колонизировавшемся весью северном Обонежье серединой XIII в. В 1650 г. воевода Олонца проводил опрос под присягой всех глав семей Толвуйского погоста в Заонежье. И они поклялись, что их погост с церковью существуют уже «лет с четыреста» — т. е. с середины XIII в.; с того же времени толвуяне выделяли отрезки земель под богадельню при церкви для устройства и прокормления стариков-односельчан, оставшихся без кормильцев. И потом во всех погостах у Онежского озера поступали также[14]. Издавна так заботились о земляках на Новгородчине и Псковщине, поскольку русские селяне дав-

но жили соседскими общинами, а не кровнородственными. Прибалто-финны же селились патронимиями (патриархальными семьями—«*племенами*», состоявшими из близкой и дальней родни) [15], и им богадельни не требовались. Наличие при заонежских церквах богаделен говорит о раннем русском проникновении в северное Обонежье. Напомним, что волны русской колонизации Севера относится только к XIV в. Тем не менее, судя по источнику 1650 г., в Заонежье возникали христианские приходы поначалу, скорее всего, в форме часовенных приходов.

Материалы из области языкознания подтверждают раннюю дату XIII в. Исследование лингвиста А. С. Герда обнаружило, что говор современных русских заонежан восходит как к нерасчлененному еще новгородско-псковскому диалекту древнерусского языка (а отдельные новгородский и псковский диалекты образовались как раз во второй трети XIII в.), так и к древневепсским говорам с реки Ояти (южное Присвирье) [16].

Имеется интереснейший по содержанию документ, датированный 1375 г., который доказывает, что заонежский берег заселялся вепсами из оятского Присвирья и подселявшимися к ним русскими [17]. По нему «староста Вымоченского погосту Артемеи, прозвищем Оря, со всем племянемъ, да шунския смерды Иванъ Герасимовъ да Василеи, прозвищем Стоиворъ Глебовъ, да Игнатеи, прозвищем Игоча, да Остафеи Перфильевы дети, да и вси шунжане и вси толвыяне, и вси кузарандцы, и вси вымоченцы» заключили соглашение с чёлмужским боярином Григорием Семеновичем. К тому времени процесс христианизации вепсов зашел уже далеко, но их имена, как видим, все еще не утратили второе языческое имя-«прозвище». Далее, если названия трех групп крестьян не вызывает сомнений — это жители Шуньги, Толвуи и Кузаранды (селений на восточном берегу полуострова), то «Вымоченский погост» и «вымоченцев» грамоты следует расшифровать. В. Л. Янин считает, что под названием *Вымоченский* скрывается Выгозерский погост и даже предполагает его ошибочное написание: правильно было бы писать *Вымолченский*, подразумевая Вымольцев — один из пяти родов «корельских детей» [18]. Не согласимся с такой трактовкой. В писцовых книгах конца XV—XVI вв. нет никаких свидетельств того, что Толвуя, Шуньга и Кузаранда

когда-либо входили в Выгозерский погост [19]. Зато хорошо известен вепсский оятский погост «в Имоченицах». В новгородском написании он мог принимать форму «Вымоченский» [20], а его жители звались *вымоченцами*.

То, что Шуньга, Толвуя и Кузаранда во второй половине XIV в. продолжали относиться к старинному вепсскому погосту в Приоятье, староста которого (а вовсе не староста Шунгского либо Толвуйского погостов) «со всем племянемъ ... миръ взяли и межу в Челмужском погосте урядили», имеет для нас принципиальное значение. Это доказывает колонизационные усилия веси в северном Обонежье. Оказывается, вновь освоенные земли долгое время оставались территорией того погоста, жители которого и принимали активное участие в освоении севера. От длительной связи с Оятью, очевидно, и проистекает вепсско-оятская составляющая говора заонежан.

Кроме того, документ отметил полномочия вепсского старейшины (в государственной властной вертикали — старосты погоста) по защите интересов жителей Вымоченского погоста. Его правоспособность включала: заключение *мира* («*Се докончаша миръ*») — в данном случае объявление о прекращении состояния конфликта всего погоста с частным лицом по поводу владения землями и угодьями, узаконение границы-*межи* жителей погоста со сторонним феодалом и вообще вступление с последним в юридически обязывающие обе стороны соглашение — *уряженье*. Данные полномочия не вытекали из права на частно-феодальную собственность. Они ярко характеризуют *самоуправление в рамках погоста*.

Источник 1375 г. не вызывает сомнений в том, что в нем отображено именно самоуправление на уровне погоста, причем строго ранжированное. Оказывается, что контроль осуществляли: во-первых, староста, во-вторых, весь его правящий род («племя»), и только в-третьих, местные заонежане, о землях которых и шел спор, и, наконец, в-четвертых, все простые жители коренного вепсского погоста в Имоченицах, которые хотя и не владели землями на севере, но как жители погоста сохраняли право участия в юридическом процессе. Следовательно, основная власть на уровне погоста оставалась за его центральными властями, не делегируясь окраинным общинам.

Последние участвовали в договоре не отдельной равноправной стороной, а всего лишь третьей, после старосты и его «племени» массой.

Впрочем, из этой массы также выделены некоторые крестьяне, поименованные в «мировой», — они и представляли общины шунжан, толвуян и кузаранцев и являлись, очевидно, старостами нарождавшихся местных общин, на которые стали делиться заонежские вымоченцы[21]. В этом нет ничего удивительного, так как упоминавшийся выше «обыск» 1650 г. свидетельствует о раннем выделении толвуйского (часовенного?) прихода уже в середине XIII в. Приход, напомним, и являлся церковным отображением наличия общины.

Шунгский же погост как самостоятельная низовая единица, не входящая уже в Имоченский погост, однозначно засвидетельствован в «Данной» середины 1470—1480-х гг. шунжан своей церкви св. Николая навыморочные земли[22]. Этот документ содержит большой список древневепсских и русских имен и прозвищ, причем явно вепсские дарители указаны «с племенем», а явно русские — с детьми и братьями[23]. Первыми в числе дарителей названы, очевидно, вепсы: староста Шунгского погоста и другие лица, жившие «с племенем». Хотя погост уже и вышел из подчинения вепского старосты в Имоченицах, но вепсы как основатели Шунгского погоста и, возможно, как более многочисленные среди шунжан продолжали возглавлять погост. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что община сохранила право на выморочные земли и на их отчуждение, несмотря на то что к тому времени Обонежская Карелия, в том числе и Шунгский погост, был давно разделен на частные феодальные вотчины[24]. Наконец, большая часть земель досталась погостской церкви на территории соседнего Толвуйского погоста[25]. Очевидно, бывшее совместное бытие шунжан и толвуян в пределах одного Вымоченского погоста привело к чересполосице землевладения и деревни могли находиться в любом месте погоста.

Подведем итоги. Наличие низовой церковной организации давало право общинам на выделение своего самоуправления из общепогостской организации. Путь и этапы такого обособления следующий: сначала — часовенный приход, затем — самостоятельная, отдельная от соседей община и, наконец, отдельный погост. Карельские источники XIV—XVI вв. доказывают, что в основе данного пути лежала самоорганизация местного населения, зарождение его самоуправления, которое тем не менее приобретало на месте всю полноту самоуправления лишь став отдельным погостом. Из приведенных сведений и их анализа вполне обоснованно следует вывод, что административное деление Корельской земли и Обонежской Карелии на погосты нельзя выводить из боярско-новгородской колонизации. Да, оба эти процесса синхронны и поддерживали друг друга. Но вместе с тем оба они базировались на первоначальном крестьянском освоении северного края. Складывавшаяся в ходе него общинная структура органично вылилась в разбивку Карелии на отдельные погосты и внутрипогостское общинно-приходское разграничение. Возникшие при крестьянском освоении поселенческие очаги — главные территории проживания отдельных общин — становились и центрами погостов, и центрами приходов. Погосты и приходы действительно являлись основой для административно-территориального становления Карелии и ее внутреннего районирования.

---

[1] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. Стб. 283. О «замке Оденпэ, что означает «Голова медведя» писал и Генрих Латвийский (Хроника Ливонии. М., 1938. С. 108).

[2] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Стб. 449.

[3] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (далее: НГБ). С. 72—73.

[4] НГБ. С. 72.

[5] См., напр.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 387.

[6] Переписная окладная книга по Новугороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник имп. МОИДР. Кн. 12. Материалы (далее: ПК 1500 г.). М., 1852. С. 120, 122—123.

[7] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001 (далее: ИК). С. 75—76.

[8] ПК 1500 г. С. 122, 128—131, 172, 174—175.

[9] Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1 (далее: ПК 1563 г.). Л., 1930. С. 71—73.

[10] ПК 1563 г. С. 73.

[11] ИК. С. 83.

[12] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 147—148.

[13] НГБ. С. 105—107 (№ 279: 8 ярус, 1369—1382 гг., из усадьбы знатного новгородца из Неревского конца Новгорода Максима Онцифоровича). Как

сравнение: чуть позже, между 1396 и 1422 гг. «корила погоская» из Кюлолакши и Куркиёки «била челом» не сотским, а непосредственно всему «Господину Новугороду» (Там же. С. 72—73 (№ 248)), что указывает на вассалитет Корельской земли непосредственно Новгороду.

[14] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 3. Д. 145. Л. 1—6. О наличии богаделен при погостских церквах Обонежской Карелии мы писали ранее: *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие к Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999. С. 46—47.

[15] О патронимическом характере семейных общин веси (см: *Витов М. В.* Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 3—40).

[16] *Герд А. С.* Русские говоры бассейна реки Ояти // Очерки по лексике северорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188—194; *Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья // Северорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 206—211.

[17] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (ГВНП). С. 285 (№ 284). С. Н. Валк высказал сомнение в подлинности источника: его список середины XVII в. в заключительной части содержит черты актового делопроизводства времен Московской Руси (*Валк С. Н.* Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 314). Его поддержал и В. И. Корецкий (*Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 443—445). Исследование документа Л. В. Даниловой, однако, опровергло эту точку зрения. Она доказала, что основной текст документа содержит реалии явно новгородских времен, и лишь впоследствии, в середине XVII в., при переписке он был оформлен в соответствии с современным способом составления актовой документации (*Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV—XV вв. М., 1955. С. 16—17). В. Л. Янин солидаризуется с ней, в свою очередь найдя неопровержимые доказательства существования Челмужской вотчины «боярина Семена Григорьевича» и его потомков и разработав генеалогию этого рода; он датирует документ шире — второй половиной XIV в. (*Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 236—244).

[18] *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 237.

[19] Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Л., 1930. С. 1—9 (описание Шунгского погоста); ПК 1563 г. С. 137—147 (описание Толвуйского погоста, в его состав входит и Кузаранда); 147—155 (описание Шунгского погоста), 155—165 (описание Выгозерского погоста).

[20] См., напр., в неопубликованных в 1930 г. отрывках «Писцовой книги Обонежской пятины письма Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрянина» 7072 (1563/64) г.: «В Обонежской пятине в Ымоченитцком погосте...» (Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. СПб., 1999. С. 100). Писцы, несомненно, передали новгородское произношение и написание названия Имоченского погоста — через заглавное *Ы*. Причем они упорно придерживались именно такого написания, так как в приведенных этим изданием двух отрывках о землях Имоченицкого погоста оба раза название дано одинаково: *в Ымоченитцком*.

[21] На четыре крестьянские общины (шунжан, толвуян, кузаранцев и вымоченцев) указывает и Л. В. Данилова в своей последней обобщающей монографии о средневековой сельской общине. См: *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 217.

[22] ГВНП. С. 309—310 (№ 323). Датировка: *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 268.

[23] На эту особенность документа еще в 1955 г. обращала внимание Л. В. Данилова. При этом вепсские семьи-патронимии названы у ней «семейными общинами-патронимиями» — группами семей под властью главы, связанными между собой и родственными, и хозяйственными, и культурно-религиозными узами (*Данилова Л. В.* Очерки... С. 268). Навряд ли мы имеем дело с собственно родственными общинами, скорее всего — с родом во главе со старшим мужчиной-главой.

[24] Л. В. Данилова, определив на основании данного источника, что сельская община Шуньги еще свободна от власти частных феодалов, тем не менее утверждает, что к концу новгородской независимости все крестьянские земли Обонежья были захвачены феодалами, а крестьяне превратились в лично зависимых людей (*Данилова Л. В.* Сельская община... С. 218).

[25] Данные четыре толвуйские деревни Шунгской церкви во имя св. Николая перечислены в писцовой книге 1563 г. именно в пределах территории Толвуйского погоста (ПК 1563 г. С. 139).

К. С. Плохова

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ РУССКОГО И ФИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Тема «русские в Финляндии» и «финляндцы в России» не теряет своей актуальности в силу исторических, географических, экономических и культурологических причин, так как типы контактов между Россией и Финляндией, а значит, и между жителями этих стран, были разнообразны и остаются таковыми по сей день, а живой интерес к данному комплексу вопросов проявляется как в России, так и в Финляндии. Однако тема русских в Финляндии и финляндцев в России в первой четверти XIX в. остается малоизученной, несмотря на то что эти годы стали поворотными в истории финляндцев и Великого княжества, а также Российской империи.

В первой четверти XIX в. нарастает процесс взаимопроникновения русского и финляндского населения. Именно в этот период можно выделить три этапа постепенного усиления контактов, обусловленных историческими событиями. Это *шведский период взаимоотношений народов*, относящийся ко времени, когда Великое княжество Финляндское входило в состав шведского государства, и продолжавшийся до начала войны 1808—1809 гг. Далее непосредственно *период отношений в ходе войны*. И последний этап взаимодействия русского и финляндского населения в первой четверти XIX в. — *период после окончания войны* и присоединения Великого княжества Финляндского к Российской империи *до 1825 г.* — конца правления императора Александра I.

Русские начали селиться в Великом княжестве Финляндском еще до присоединения его к России. Но число русских в шведской Финляндии до 1809 г. было незначительно: они преимущественно жили в городах как торгующие купцы, военнослужащие, священнослужители, больше всего в Гельсингфорсе и в Выборгской губернии [1].

Как относились финляндцы к русским? Расположение к России тогда было не везде, а особенно русских опасались в местностях, ближайших к границе. Войны XVIII в. отличались не столько кровопролитными сражениями, сколько разорением жителей, истреблением их домов и захватом имущества. Население с приближением русских войск покидало жилища и скрывалось в лесах. В XVIII столетии каждое поколение было свидетелем войн с Россией. Шведское правительство и местная печать со своей стороны прилагали все усилия к тому, чтобы усилить среди населения Финляндии недоверие к России.

В отличие от русского населения Великого княжества, финское население России уже в конце XVIII в. было достаточно значительно. Главными объектами переселенческого движения финнов являлись Петербург (49%) и Петербургская губерния (34%). Мигранты из Финляндии были преимущественно горожанами, значительное число финнов служило в русской армии. Многие финны приезжали в Россию торговать. Культурные контакты помимо приезжающих из Финляндии в Россию служить и учиться офицеров, ученых и студентов устанавливало лютеранское духовенство. В то же время именно пасторы пытались противостоять русификации финнов. В России имелось множество лютеранских общин, преимущественно на Северо-Западе, где богослужение велось только на шведском и финском языках.

В шведский период русско-финляндских взаимоотношений русских на территории Великого княжества находилось значительно меньше, чем финляндцев в России, и, что характерно, уже тогда начинают проявляться стремления финляндцев противостоять русификации, формировались зачатки национальной самоидентификации, что не было так ярко выражено у русского населения княжества в силу его малочисленности.

С началом войны 1808—1809 гг. за присоединение Великого княжества Финляндского к России начинается новый этап

взаимоотношений русского и финляндского народов. Присоединение Финляндии к России в 1809 г. не было актом заведомой агрессии и не носило характера исторически случайного завоевания. Оно было логическим следствием всего предшествующего по меньшей мере столетнего исторического развития и было обусловлено как глубокими историческими причинами, так и мотивами военного и внешнеполитического порядка.

Состоя под шведским владычеством, Финляндия и финляндцы никакими особыми преимуществами не пользовались. Финляндия была провинцией Швеции, законы которой распространялись на Финляндию так же, как и на другие части шведского государства. Крепостной зависимости финляндцы не знали, все права и привилегии приходились на долю высших сословий, а вся тягость денежной, натуральной и воинской повинности падала на крестьян. Шведское правительство оставляло без внимания требование финского народа о включении финского языка в число естественных народных прав финна [2]. Финская национальность не признавалась. На финском языке имелось только Священное Писание и разрешалась церковная проповедь [3]. С другой стороны, через шведов финляндцы восприняли христианское учение и были приобщены к европейской цивилизации.

В войнах с Россией — шведы ли наступали на русских, русские ли на шведов — Финляндия в течение веков была местом битв и пропитания своих и неприятельских войск. Войны отличались жестоким отношением к неприятелю. С переходом во власть России финны считали, что они попадают из огня да в полымя [4]. Разорительные войны с Россией вызывали страх и ненависть к последней. Шведское правительство выставляло своего соседа зачинщиком, но оно само не могло не вызывать нареканий. Перед началом последней войны финляндцы были обложены налогами не менее чем по 37 статьям [5]. Эти невзгоды финляндского населения подчеркивались в сообщениях императору Александру I. В итоге император заботился не столько об устройстве внутреннего управления, сколько о расположении финляндцев [6]. Но благоприятно влиять на умы финляндцев в пользу России представляло достаточно трудную задачу. Приемы воздействия заключались в издании прокламаций, предшествовавших и сопутствовавших продвижению русских

войск, действие которых на население не было достаточно сильным. Шведское начальство внушало финляндцам, насколько для них будет тяжело находиться под русским правительством: сообщалось о множестве налогов и в особенности о рекрутских наборах и отсылке далеко от родины. Страх перед рекрутчиной, вместе с боязнью крепостного права, решительным образом влияли в пользу шведов и против русских.

После опубликования декларации о том, что Финляндия признается областью, «российским оружием покоренною, и присоединяется навсегда к Российской Империи» [7], было решено привести жителей завоеванной части Финляндии к присяге для устранения внешней официальной связи населения со шведским государством. Желая приобрести привязанность финляндцев, император даровал им значительные льготы, которые должны были расположить большинство жителей в пользу русских. Действительно, в местах, занятых русскими войсками, жители оставались спокойны и миролюбивы. Русским солдатам запретили грабежи и разбои, своим поведением они должны были склонить финнов на свою сторону [8]. Но чувства, питаемые вековыми тесными узами, соединявшими их со Швецией, преобладали, а обещания стране различных льгот мало содействовали уничтожению враждебного отношения к действиям русских [9]. Вскоре финский народ, от которого ждали присяги царю, начал партизанскую войну. Как пишут участники этих событий, финны еще отчаянней дрались, чем шведы, и, действуя по-партизански, окружали и истребляли отдельные отряды русских [10]. Нападая врасплох на отдельные русские подразделения, повстанцы зверски расправлялись с захваченными пленными. В этих условиях русскому командованию пришлось отбросить гуманистические настроения и воевать по-настоящему. Было объявлено, что «каждый из партизан, взятый с оружием в руках, будет повешен, как изменник, и каждый крестьянин, уличенный в бунте, — расстрелян» [11]. Взбунтовавшихся призывали успокоиться.

Постепенно население завоеванных местностей приводилось к присяге, но многие не считали ее для себя обязательной, как принесенную вынужденно, и в некоторых случаях под угрозами. Наблюдая явную приверженность финнов к шведскому королю, Государь обратился к обывателям страны в ма-

нифесте (от 5 июня 1808 г.) с уверением, что Финляндия ни в каком случае не будет возвращена Швеции. Согласно подписанному Фридрихсгамскому мирному договору, вся территория Финляндии отошла к России [12].

Несмотря на успешные результаты, война со Швецией оказалась весьма непопулярной среди российской «прогрессивной общественности». Как отмечал в своих воспоминаниях Ф. Ф. Вигель, «в первый раз еще, может быть, с тех пор, как Россия существует, наступательная война против старинных ее врагов была всеми русскими громко осуждаема, и успехи наших войск почитаемы бесславием» [13]. Но он же считал войну со Швецией вполне оправданной, а заключенный по ее результатам мир «славным и выгодным» для России: «Те из русских, кои несколько были знакомы с историей, не столько негодовали за присоединение Финляндии, сколько благодарили за то Небо. Обессиление Швеции упрочивало, обеспечивало наши северные владения, коих сохранение с построением Петербурга сделалось для нас необходимым. Если спросить, по какому праву Швеция владела Финляндией? По праву завоевания, следственно, по праву сильного; тогда тот из соседей, который был сильнее, и воспользовался им, имел еще более ее прав» [14].

Начало XIX в. ознаменовало конец многовекового пребывания Финляндии под властью Швеции. Вхождение Финляндии в состав России с исторической точки зрения — прогрессивный шаг, который сказался благоприятно на национально-культурном развитии финского народа и содействовал превращению финнов в нацию [15]. Финляндия в результате получила огромные выгоды, решающим образом сказавшиеся на судьбах самих финляндцев.

Отношение финляндцев к русскому государству и к вхождению в состав Российской империи разнилось. В начале XIX в. финны вместе со шведами оказались на одной стороне, несмотря на то что положение простых финляндцев сильно отличалось от положения жителей Швеции, а в сознании первых глубоко укоренилось чувство своей ущемленности, знание, что шведам безразлично, будет ли Финляндия разорена или нет [16]. Привилегированные слои населения Финляндии оказались в несколько ином положении: уже в войну 1808—1809 гг. русские власти призывали финляндцев из привилегированных

слоев общества к службе в империи. Эта политика имела целью отдалить Финляндию от Швеции и сблизить ее с Россией. В целом присоединение Финляндии к России произошло достаточно быстро. Сопротивление, несомненно, имело место (прежде всего «партизанская война», которую крестьяне вели во многих местах), как и во время всякой войны. Но выбора у финляндцев не было, а положение в составе Швеции также было тяжелым.

В ходе войны вынужденно усиливаются контакты между русским и финляндским населением. Этот процесс нарастает соответственно и после окончания войны, когда Великое княжество становится частью Российской империи и начинается новый, имперский период взаимоотношений русских и финляндцев.

С того времени как Финляндия была присоединена к Российской империи в 1809 г., финны начали эмигрировать в Россию и особенно в Санкт-Петербург. Переселенческие движения были важной частью контактов между двумя странами. Они в значительной степени были приграничными, на относительно короткие расстояния. В 1820 г. финское население Петербурга составило 1,5% от населения города. Петербург становился центром русско-финляндского обмена.

Контакты в первой четверти XIX в. осуществлялись, прежде всего, посредством офицеров, ученых и стипендиатов, лютеранского духовенства и чиновников, которые работали в финской администрации в русской столице. Финляндцы могли поступать на службу в русские военно-учебные заведения наравне с русскими. Во многих из них имелись места, резервированные специально для финляндцев. Русская армия была стабильным и надежным работодателем, который предоставлял безграничные возможности для карьеры.

В ряде русских учебных заведений имелись особые места для финляндских стипендиатов. Власти, стремившиеся к поощрению изучения русского языка, учреждали стипендии для финляндских студентов, проходивших курс русского языка при некоторых педагогических учреждениях. Массе финляндцев пришлось в качестве финских чиновников переехать в Россию. Эта часть финляндцев, которые в большинстве случаев переехали с семьями, образовала значительную группу населения.

Миграция из Финляндии в Петербург не была новым явлением, но в 1810-х гг. масштабы ее значительно увеличились. В 1820 г. в Петербурге проживало с паспортами 5776 финляндцев [17]. Такой отток людей вызвал тревогу: в самой Финляндии была нехватка населения, препятствовавшая развитию сельского хозяйства и кустарного ремесла, в то время как работники без всяких сложностей попадали в Россию. Против миграции начали принимать меры: в 1819 г. были изданы два постановления о положении мигрантов, которые основывались на предпосылке, что миграция в Россию — явление временное и что мигранты должны оставаться прикрепленными к постоянному месту жительства и возвращаться туда через три года. Но позже выяснилось, что невозможно заставить мигрантов вернуться на родину. В 1824 г. были внесены поправки — паспорт можно было получить на неопределенный срок при условии уплаты казенных податей [18].

Финляндцы хлынули в Россию, породнились с русским дворянством, приобрели доходные имения, открыли конторы, фабрики, аптеки, заняли профессорские кафедры и разместились на службах в высших должностях [19]. Десять лет спустя писали в одной финляндской газете: «Когда наша родина была соединена с могущественной русской державой, мы не без боязни ожидали последствий. Но великодушный монарх, подобно ангелу мира распространил лишь благодеяния и счастье среди своих финских подданных» [20].

После установления русской власти в Великом княжестве Финляндском русских насчитывалось все еще весьма незначительное количество. Существование иного, чем в основной части империи, официального языка, вероисповедания и наличие особого института гражданства не способствовали притоку населения из России. На ведение предпринимательской деятельности русскими в пределах автономии после объединения были наложены ограничения. Процедура перехода в финское гражданство была сложной и длительной: в каждом отдельном случае требовалось согласие императора. С 1809 г. русское гражданское население в Финляндии стало расти, что было закономерно. В Гельсингфорсе за двадцать лет оно увеличилось до 200 человек, что составляло примерно 3% от общего числа жителей. Русскоязычное население Финляндии состояло преимущественно из купцов, фабрикантов, мелких предпринимателей, духовенства. Временно на территории княжества пребывали русские чиновники, военные, рабочие и прислуга [21].

Гуманное стремление Императора Александра I сохранить в присоединенной стране шведские учреждения и традиции в свою очередь не было благодетельным для Православной Церкви. Хотя православное духовенство было уравнено в правах с лютеранским, лютеранство оставалось в Финляндии государственной религией, и православные священники редко получали поддержку от чиновников-лютеран [22]. Православной церкви нередко приходилось действовать на основании финских местных узаконений, изданных исключительно для лютеранской церкви.

К концу 1827 г. православное население Гельсингфорса составило 312 человек. В Петербурге уже в 1820 г. было 5776 финляндцев [23]. Сравнивая положение финляндцев в России и русских в Финляндии, можно прийти к выводу, что в первой четверти XIX в. финнов больше обрусело в России, чем русских «офинилось» в Финляндии [24]. Поток русских в Великое княжество Финляндское был меньше потока финляндцев, устремившихся в Россию.

В первой четверти XIX в. положение финляндцев в России и русских в Финляндии с течением трех выделенных этапов постепенно менялось. Отношения соседних народов друг к другу далеко не были лишены предубеждений в силу определенных географических и исторических причин. Но несмотря на это, межэтнические контакты и взаимовлияния пограничных территорий имели место независимо от исторических событий еще до соединения России и Финляндского княжества. Русские из вековых врагов «шведских» финляндцев за несколько лет формально превратились в их соотечественников, подчиненных одному монарху. Именно в течение первой четверти XIX в. финляндцы преодолели тот рубеж, который отделял их от начала становления самосознания как финнов по национальности, но в то же время еще не произошел тот критический перелом, который впоследствии отрицательно повлияет на взаимоотношения русских и финляндцев. Часто встречающееся мнение о том, что финляндцы негативно относились к русским, если можно считать верным, то только отчасти: об этом свидетель-

ствует отсутствие массовых выступлений финляндцев во время войны за присоединение Россией Финляндии и после ее окончания (действия партизан в большинстве своем были разрозненными и должны рассматриваться как характерные в условиях ведения войны). Финляндцы испытывали неприязнь к русским как к историческим врагам Шведского государства, которому принадлежали.

В 1808—1809 гг. Финляндия в войне против России сильно пострадала. Княжеству и его гражданам были дарованы льготы и привилегии, которые должны были способствовать установлению отношений между Россией и Финляндией, а также между русскими и финляндцами. После присоединения к Российской империи Финляндия и финляндцы были удовлетворены своим автономным положением[25]. Самосознание финнов росло вместе с развитием их языка и литературы[26]. Углублялись взаимоотношения финляндцев и русских, усиливались миграционные процессы, и Великое княжество Финляндское постепенно уже в первой четверти XIX в. приобретало черты трех культур — шведской, финской и русской, что свидетельствовало о том, что процессы взаимопроникновения народов шли и нарастали постоянно: до 1809 г. и особенно после, несмотря на войны и вспышки этнического отчуждения.

---

[1] *Федорова Ф. А.* Финляндия в нынешнем ее состоянии, с описанием достопримечательных событий настоящей войны, до этого края относящихся. СПб., 1855. С. 36.

[2] Финляндия // Северная пчела. СПб., 1863. 14 июня. С. 5.

[3] Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб., 1906. С. 7—8.

[4] *Лялина М. А.* Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908. С. 200—201.

[5] *Ордин К. Ф.* Покорение Финляндии. СПб., 1889. Т. 2. С. 2—7.

[6] *Дубровин Н. Ф.* Рукописное сочинение К. Ф. Ордина «Покорение Финляндии». Отзыв. СПб., 1890. С. 19.

[7] *Бородкин М. М.* Справки о «конституции» Финляндии. СПб., 1900. С. 16.

[8] *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 58.

[9] *Гусев П. В.* Исторический очерк эпохи образования Финляндской конституционной монархии. СПб., 1912. С. 11.

[10] *Золотусский И.* Они и мы. Субъективные заметки // Родина. № 12, 1995.

[11] *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 2000. С. 154.

[12] Дипломатический словарь. Т. III. М., 1986. С. 525.

[13] Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Часть третья. Издание «Русского Архива» (дополненное с подлинной рукописи). М., 1892. С. 20.

[14] Там же. С. 64—65.

[15] Финляндская окраина в составе Русского государства. С. 32.

[16] *Лайдинен А. П.* Очерки истории Финляндии второй половины XVIII в. Л., 1972. С. 19.

[17] *Энгман М., Юнгар С.* Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809—1917 гг. // Материалы VI советско-финского симпозиума историков. Россия и Финляндия 1700—1917. Л., 1980. С. 118.

[18] *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 24—69.

[19] *Абов Г.* Балтийская Финляндия и Финляндская Балтика. М., 1894. С. 21.

[20] *Лялина М. А.* Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908. С. 245.

[21] *Baschmakoff N., Leinonen M.* Из истории быта русских в Финляндии 1917—1939 // Studia Slavica Finlandensia. T. VII. Helsinki, 1990. С. 6—7.

[22] *Куркимиес И. Н.* Православные храмы в Финляндии // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. 5. СПб., 2001. С. 472—507.

[23] *Энгман М., Юнгар С.* Указ. соч. С. 118.

[24] Статьи газеты «Россия» с 6 нояб. 1909 по 30 дек. 1910 г. // Уроки истории от 30 мая 1910 г. № 1387.

[25] *Руссобтовский М.* Историческое освещение Финляндского вопроса. СПб., 1912. С. 2.

[26] *Бородкин М.* Итоги столетия. Харьков, 1909. С. 7.

О. А. Кривдина

НЕСКОЛЬКО ПОРТРЕТОВ К ИКОНОГРАФИИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ (1847—1928)

В последние годы отечественные историки обратили пристальное внимание на время царствования императора Александра III, а ряд специалистов привлекла к себе непосредственно императрица Мария Федоровна. Особенно этот интерес возрос в связи с предстоявшим осенью 2006 г. перевозом из Копенгагена и перезахоронением в Санкт-Петербурге останков русской императрицы. К этим событиям была приурочена выставка, посвященная Марии Федоровне, в Санкт-Петербурге, в Центральном выставочном зале «Манеж».

Значительный вклад в изучение биографии Марии Федоровны внесла кандидат исторических наук Ю. В. Кудрина. Итогом ее многолетней работы в российских и датских архивах явилась книга «Императрица Мария Федоровна (1847—1928 гг.) Дневники. Письма. Воспоминания», изданная в 2000 г. [1] В 2005 г. сенсационной публикацией стали «Дневники императрицы Марии Федоровны» (1914—1920, 1923 гг.), изданные под руководством Ю. В. Кудриной. Появление в свет дневников стало возможным благодаря их приобретению известным музыкантом М. Л. Ростроповичем, который предоставил право на их публикацию московскому издательству «Вагриус». Особо отметим каталог «Николай и Александра. Двор последних русских императоров. Конец XIX — начало XX века», изданный к одноименной выставке Государственным Эрмитажем в 1994 г. [2]

Все это важно, когда сосредотачивается внимание на ряде живописных и скульптурных произведений, увековечивших образ датской принцессы Дагмар — императрицы Марии Федоровны в разные годы ее жизни.

Датская принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмар (Мария Федоровна — после принятия православия), супруга императора Александра III и мать последнего российского императора Николая II, прожила в России более пятидесяти лет. Она глубоко полюбила свою новую родину и ее народ, о чем свидетельствуют, в частности, строки ее письма к сыну Георгию: «Можно гордиться от сознания того, что принадлежишь к такому великому и прекрасному народу» [3]. Отметим, что принцесса Дагмар была младшей дочерью датского короля Христиана IX и королевы Луизы. В 1864 г. она была помолвлена с российским наследником-цесаревичем великим князем Николаем Александровичем. После его смерти в 1865 г. через год стала супругой его брата великого князя Александра Александровича (с 1881 г. — Российского императора Александра III). Она приняла православие и получила имя Марии Федоровны.

Сильный характер, ум, развитое чувство долга, глубокая религиозность, непоколебимая уверенность, что «на все воля Божья», позволили Марии Федоровне не только не согнуться под ударами судьбы, но и остаться в памяти современников «императрицей с головы до ног». Князь Ф. Ф. Юсупов, супруг ее внучки Ирины Александровны, признавался, что, «несмотря на маленький рост, в ее манерах было столько величия, что там, куда она входила, не было видно никого, кроме нее». Ему же принадлежит замечание, что «по своему уму и политическому чутью Мария Федоровна играла заметную роль в делах Империи» [4].

«Схожие оценки встречаются и у государственного секретаря А. А. Половцова, и в известных “Воспоминаниях” премьер-министра графа С. Ю. Витте, выделявшего два главных качества Марии Федоровны — ум и дипломатические способности» [5].

«Главная прелесть Марии Федоровны, — писал в своих воспоминаниях князь С. М. Волконский, — была ее детская свежесть, которую никогда она не утрачивала; ни потери ее, ни претерпленные несчастья, ни возраст не сняли с нее яркости ее детской души» [6].

Ей посвящали стихи и романсы. Великий П. И. Чайковский написал 12 романсов, посвященных императрице, многие из них на слова известного поэта великого князя Константина Константиновича Романова.

В 1865 г. во время прибытия русского корабля «Генерал-Адмирал» в Копенгаген в числе первых поднесений в дар невесте цесаревича Александра Александровича от новгородцев была модель памятника «Тысячелетие России», выполненная по рисунку М. О. Микешина. Как отмечалось в печати, на этой модели «...предстанут перед Ее Величеством все наши замечательные деятели на поприщах духовном, государственном, военном, на поприще науки и искусства, в продолжение тысячи лет постепенно содействовавшие образованию и славе Русской Земли, которая так Ее теперь любит» [7].

«Образ Дагмары, 16-летней девочки, соединяющей в себе нежность и энергию, выступал особенно грациозно и симпатично. Она решительно всех пленяла детскою простотою сердца и естественностью всех своих душевных движений», — писал И. С. Аксаков [8]. Эти слова ярко иллюстрируют фотографию принцессы Дагмар, выполненную в 1864 г. в Копенгагене Элефельтом [9]. Внимательно и немного напряженно смотрит на зрителя юная девушка, изящно одетая в светлое бальное платье, украшенная жемчужными ожерельем и браслетом.

1 сентября 1866 г. Дагмар на датском судне «Шлезвиг» покинула родину. Царская яхта «Штандарт» под командованием контр-адмирала А. Ф. Гейдена сопровождала юную принцессу в Россию. Дания трогательно простилась со своей маленькой принцессой. Огромное количество людей собралось на копенгагенской пристани, чтобы проводить в далекий путь принцессу. Среди них был знаменитый датский сказочник Ханс Кристиан Андерсен, который в письме графине Мими Хольштейн 26 сентября 1866 г. так рассказал об этом эпизоде: «Вчера наша дорогая принцесса Дагмар прощалась с нами. За несколько дней до этого я был приглашен в королевскую семью и получил возможность сказать ей до свидания. Вчера на пристани, проходя мимо меня, она остановилась и протянула мне руку. У меня навернулись слезы. Бедное дитя! Всевышний, будь милостив и милосерден к ней! Говорят, в Петербурге блестящий двор и прекрасная царская семья, но ведь она едет в чужую

страну, где другой народ и религия, и с ней не будет никого, кто окружал ее раньше...» [10]

26 (14) сентября 1866 г. Дагмар сделала в своем дневнике следующую запись: «Никогда я не смогу забыть ту сердечность, с которой все приняли меня. Я не чувствовала себя ни чужой, ни иностранкой, а чувствовала себя равной им, и мне казалось, что то же чувствовали и они ко мне... Я не могу описать, что происходило во мне, когда я впервые ступила на русскую землю» [11].

Из реликвий, которыми была отмечена встреча в России Марии Федоровны, имелась композиция и модель серебряного блюда и солонки скульптора Д. И. Иенсена (по происхождению датчанина, награжденного российским Орденом Св. Анны 3-й степени) [12]. Заметим также, что 1870 г. датируется овальный портрет Марии Федоровны, исполненный неизвестным художником (собрание Государственного Эрмитажа — ГЭ). На этом портрете повзрослевшая принцесса, теперь уже русская великая княгиня, сосредоточенно смотрит в сторону от зрителя. Изображенная на темном фоне в светлом платье и в жемчужных бусах, она производит исключительно серьезное впечатление. Образ дополнен художником изображением нежных роз, украшающих ее грудь и голову [13]. Близкий по времени портрет был создан в 1874 г. популярным в те годы в Европе живописцем Генрихом фон Ангели. В 1874 г. он получил приглашение на приезд в Россию для выполнения ряда портретов членов царской семьи. Прибыв в Крым в Ливадийский дворец, он первым написал портрет великой княгини Марии Федоровны. Монументальный поколенный портрет представляет ее смотрящей прямо на зрителя. Парадное платье, выдержанное в серебристо-серых и перламутровых тонах, перекликается с колористической гаммой неба, изображенного в верхнем левом углу картины. Образ нежной и привлекательной женщины художник оттенил ветками куста роз, изображенного на фоне стены, и букетиком роз у нее на груди. Судя по тому факту, что этот портрет был подарен Марией Федоровной мужу на Рождество 1875 г. [14], ей понравился образ, созданный художником. Воспроизведение портрета было включено А. В. Праховым в его работу «Император Александр III как деятель русского художественного просвещения», изданную в 1903 г. [15]

В 1880-е гг. был написан парадный портрет императрицы Марии Федоровны, стоящей в рост. Автор живописного полотна — Ф. Фламенг. Портрет был воспроизведен в технике цветной литографии и хранился в эрмитажном собрании. В этом исключительно репрезентативном портрете Мария Федоровна удивительно хороша. Ее красоту и величественность оттеняют императорские аксессуары — бриллиантовый орден на груди, жемчужная диадема, великолепный мех, изящно спускающийся с руки. Коричневый цвет меха ярко контрастирует со светлой кожей лица, груди и рук. Особую насыщенность колориту полотна придает ярко-красный цвет платья. При всей парадности изображения обращает на себя внимание скромное и простое выражение лица Марии Федоровны, внимательно и спокойно смотрящей на зрителя. И снова вокруг ее тонкой шеи мы видим в несколько рядов обвитую жемчужную нить. «Первое впечатление от императрицы-матери было, как это можно с таким маленьким ростом сочетать эту царственную величавость? Ласковая, любезная, простая в обращении, Мария Федоровна была императрицей с головы до ног и умела сочетать свою врожденную царственность с такой добротой, что была обожаема всеми своими приближенными», — писала в своих воспоминаниях М. П. Бок — дочь П. А. Столыпина [16].

В ноябре 1879 г. во время приезда в Париж цесаревич великий князь Александр Александрович со своей супругой великой княгиней Марией Федоровной посетили мастерскую жившего в те годы в столице Франции скульптора Марка Матвеевича Антокольского. Об этом факте скульптор сообщал в письме своему другу художественному критику В. В. Стасову. Во время официального визита он смог близко рассмотреть цесаревну. Посещение оказалось очень удачным для Антокольского, цесаревич приобрел статую бронзового «Христа» за 25 000 франков и за 7000 —серебряную статуэтку «Ивана Грозного» [17].

Осень 1887 г. Антокольский провел в Петербурге. «Вчера я представлялся Государю, который положительно очаровал меня своим обхождением. Тут была и Государыня с детьми. Бюст Государя я начну через 10 дней... По всей вероятности буду также делать бюст Государыни» [18]. В Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств (НИМ РАХ) имеется портрет Марии Федоровны (гипс тонированный), где

она изображена в русском кокошнике, с жемчужными украшениями на груди. Этому скульптурному бюсту близок живописный погрудный портрет, выполненный в эти же годы И. Н. Крамским, изобразившим императрицу в аналогичных ювелирных украшениях. Этот портрет постоянно хранился в Эрмитаже [19]. При сравнении портретных характеристик, данных живописцем и скульптором, выявляется особая утонченность и аристократизм черт лица Марии Федоровны в скульптурном бюсте. В живописном портрете — лицо проще, черты крупнее и грубее. Отметим, что в 1883 г. Крамской присутствовал в Москве в Успенском соборе Кремля на церемонии коронации императора Александра III. На основании его зарисовок был издан альбом, посвященный этому событию.

Антокольский выполнил три варианта портретного бюста Марии Федоровны. Об одном мы уже упомянули. Другой портрет сохранился в двух материалах — гипсе (НИМ РАХ) и мраморе (ГЭ). На этих портретах плечи обнажены, торс изящно задрапирован, шею и грудь украшает жемчужная нить. Мраморный бюст поступил в музейное собрание Эрмитажа из личных комнат императора Александра III в Зимнем дворце. Мраморный портрет из собрания Государственного Русского музея [20] отличается строгой простотой композиции, изображение жемчужной нити отсутствует, что способствует усилению восприятия гармонии обнаженной груди и тонкой, изящной шеи. Этот портрет до 1917 г. экспонировался в Белоколонном зале Русского музея вместе с портретами императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, созданными Антокольским в 1896 г. (мрамор, ГРМ). Все эти портретные работы Антокольского, хранящиеся в музеях Санкт-Петербурга, необычайно понравились датской делегации, отобравшей для выполнения копии бюст из собрания НИМ РАХ, где Мария Федоровна представлена с жемчужной нитью. Эта акция была посвящена 150-летию со дня рождения императрицы, торжественно отмечавшемуся в Копенгагене и в Москве в ноябре 1997 г. Тогда же бронзовый отлив портрета был установлен во дворе Русской церкви Александра Невского в Копенгагене [21].

Отметим, что Е. А. Лансере и А. Е. Тимашев в 1870-е гг. создали изящную конную статуэтку, изображающую великую княгиню Марию Федоровну в костюме амазонки. Отлив из се-

ребра хранится в собрании Государственной Третьяковской галереи, куда он был передан в 1931 г. из Александровского дворца Музея-заповедника «Царское Село». На постаменте статуэтки имеется надпись: «Государю наслѣднику цесаревичу 1-ая гвардейская пѣхотная дивизия» и даты: 1870—1874 гг. В Государственном Русском музее имеется бронзовый отлив этого произведения, поступившего в 1934 г. из Музея Революции. На изображенном спокойно стоящим коне грациозно восседает Мария Федоровна, держа в руке хлыст. Выполнение статуэтки отличается техническим совершенством. Эта работа в 1886 г. экспонировалась на выставке Е. А. Лансере и А. Л. Обера в Императорском Обществе поощрения художеств в Санкт-Петербурге [22].

Коснувшись прежде всего обзора портретов Марии Федоровны, остановимся также и на ряде многофигурных композиций, в которых значительное место отведено императрице. Момент коронации императора Александра III и императрицы Марии Федоровны запечатлен на полотне французского художника Ж. Беккера в 1888 г. Коронация проходила 15 мая 1883 г. в Успенском соборе в Москве. Представлен кульминационный момент, когда Александр III и Мария Федоровна поднялись с тронов, чтобы Александр III принял из рук митрополита Петербургского Исидора императорский скипетр как символ власти. Александр изображен в общегенеральском мундире с генерал-адъютантским аксельбантом, на груди — цепь ордена Св. Андрея Первозванного, через плечо — лента ордена Св. Владимира. Мария Федоровна в белом глазетовом платье с лентой ордена Св. Екатерины. На их головы возложены бриллиантовые короны, на груди сверкают бриллиантовые знаки ордена Св. Андрея Первозванного, дополняют эффект торжественности горностаевые мантии. Художник расположил фигуру Марии Федоровны почти в центре картины, задерживающей на себе внимание зрителя, чему способствует и светлый колорит ее костюма.

Обратим внимание на фигуру императрицы Марии Федоровны, изображенную во время венчания ее дочери — великой княжны Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича 25 июля 1894 г. в церкви Большого Петергофского дворца. Эту многофигурную сцену документально точно

передал на своем рисунке 1894 г. чешский художник К. О. Брож. Известно, что он выполнял зарисовки для многих петербургских журналов, в том числе для «Всемирной иллюстрации», где заведовал художественным отделом [23].

Несомненный интерес представляет и парадная картина — «Коронация императора Николая II и императрицы Александры Федоровны», написанная в 1898 г. датским художником Л. Р. Туксеном. Картина широко известна, в последние годы она экспонировалась на ряде выставок. На полотне представлена коронация, состоявшаяся 14 мая 1896 г. в Успенском соборе Московского Кремля. Вид интерьера собора значительно отличается от изображенного при коронации, происходившей 15 мая 1883 г., так как специально для этого события были проведены реставрационные работы. Несущие купол опоры были задрапированы малиновым бархатом, на помосте под бархатным балдахином были установлены тронные кресла для императора Николая II, императрицы Александры Федоровны и для вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Последовательность торжественной церемонии была такой же, как и при коронации Александра III. Туксен представил момент, когда митрополит Петербургский Палладий предлагает Николаю II прочесть «Символ веры». Николай II изображен стоящим, он держит в руках державу и скипетр, Александра Федоровна и Мария Федоровна представлены коленопреклоненными. Свет выхватил из полумрака собора фигуру Марии Федоровны. Освещающий ее луч сделал белоснежной горностаевую мантию, заискрилась бриллиантовая корона на ее голове и ярко осветилось лицо. Все это придает особую значимость именно ее фигуре. Увидел ли художник этот момент в действительности или таким образом вообразил свою композицию, можно лишь догадываться. «Изображая конкретный (ключевой) момент церемонии, он призван был передать портреты всех основных действующих лиц со всеми знаками отличия, расположить персонажей на специально отведенных местах и придать им позы, соответствующие чину, рангу и эпизоду. Из-за требований парадности Туксен должен был сочинять картину, следуя не столько действительным событиям, сколько предписаниям придворного церемониала», — отмечал В. Гринвальт в статье о Л. Р. Туксене [24].

Благодаря последним изысканиям можем включить в иконографию Марии Федоровны еще один портрет, информация о котором была любезно предоставлена В. В. Пахатовым. Это миниатюрный скульптурный бюст, вырезанный из бивня мамонта. В надписи он имеет дату — 1882 г. Предположительно портрет отнесен к работам русского скульптора-костореза Я. П. Серякова, так как документального подтверждения этому нет. Это произведение было вывезено из России А. Хаммером и до 1949 г. находилось в его галерее в Нью Йорке. В дальнейшем бюст был приобретен Вашингтонским «Hillwood Museum» [25]. В погрудном бюсте Мария Федоровна изображена в детально проработанном платье, декоративно оформленном, вокруг шеи обвита в несколько рядов жемчужная нить. Портрет этот имеет свою пару — аналогично выполненный бюст императора Александра III, хранящийся в Государственном Эрмитаже.

Рассмотренные в статье портреты Марии Федоровны относятся к разным периодам в ее жизни, представляют ее юной и зрелой женщиной. Эти работы выполнены и русскими и европейскими мастерами. Несмотря на то что эта подборка произведений фрагментарна, но даже она воссоздает яркий и запоминающийся образ этой удивительной женщины. А. Н. Бенуа вспоминал: «...я вообще был очарован императрицей, даже ее маленький рост, ее легкое шепелявенье и не очень правильная русская речь нисколько не вредили чарующему впечатлению» [26].

После смерти императора Александра III в 1894 г. и восшествия на престол ее сына Николая II Мария Федоровна жила преимущественно в Аничковом дворце, хотя и принимала участие в придворной жизни, занималась широкой благотворительной деятельностью и возглавляла Ведомство императрицы Марии.

В 1917 г. после отречения Николая II и Михаила Александровича от престола она вместе с младшими дочерьми Ольгой и Ксенией уехала в Крым, а затем в Данию, где и прожила до конца своих дней.

---

[1] *Кудрина Ю. В.* Императрица Мария Федоровна (1847—1928 гг.). Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2000.

[2] Николай и Александра. Двор последних русских императоров. Конец XIX — начало XX века. СПб., 1994.

[3] Дневники императрицы Марии Федоровны (1914—1920, 1923 годы) / Сост. Ю. В. Кудрина. М., 2005. С. 7.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 9.

[7] Новгородские губернские ведомости. 1865, № 41. 18 сентября.

[8] ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1123. Л. 1—2.

[9] Фотография воспроизведена в кн.: *Кудрина Ю. В.* Указ. соч. Вклейка между с. 96—97.

[10] Andersen's Dagbøger. Copenhagen, 1972. Vol. VII. P. 190. Цитата в переводе на русский язык опубликована в кн.: *Кудрина Ю. В.* Указ. соч. С. 13.

[11] ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 8. Л. 6. В переводе с датского на русский язык цитата приведена в кн.: *Кудрина Ю. В.* Указ. соч. С. 13—14.

[12] *Кривдина О. А.* Скульптор Д. И. Иенсен (1816—1902). Проблемы изучения творческой деятельности // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. Российская Академия наук. СПб., 1999. С. 311—319.

[13] Николай и Александра. Двор последних русских императоров. Конец XIX — начало XX века. С. 276, № 38, воспр. на с. 27.

[14] Там же. С. 54.

[15] *Прахов А. В.* Император Александр III как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. 1903. Т. 3. Табл. 45.

[16] *Бок М. П.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Л., 1990.

[17] Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи. СПб.; М., 1905. С. 391.

[18] Там же. С. 611—612.

[19] Николай и Александра. Двор последних русских императоров. Конец XIX — начало XX века. С. 275, № 15.

[20] Марк Антокольский. Каталог выставки произведений к 150-летию со дня рождения. СПб., 1994. С. 21—22, 64, воспр. на с. 21, 64, 65, кат. № 26.

[21] Фотография воспр. в кн.: *Кудрина Ю. В.* Указ. соч. Вклейка между с. 224—225.

[22] Иллюстрированный каталог скульптурной выставки Е. А. Лансере и А. Л. Обера в Императорском Обществе поощрения художеств. СПб., 1886, С. 13, № 61. — «Е. И. В. Государыня Императрица, конная фигура; лѣплена ген.-ад. Тимашевымъ и Е. А. Лансере».

[23] Николай и Александра. Двор последних русских императоров. Конец XIX — начало XX века. С. 277, № 52.

[24] *Гринвальт В., Лауритс Р. Т.* Art & times // Искусство и время. Скандинавия. Специальный выпуск. 2003. С. 25.

[25] Hillwood Museum // http://www.hillwoodmuseum.org/art_collection/other/other_a3.htm1. (Выражаю благодарность В. В. Пахатову за предоставленные сведения.)

[26] *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: В 2 т. М., 1980. Кн. 1—3. С. 697.

С. Е. Ивлева

ЭСТЛЯНДИЯ И ФИНЛЯНДИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ИЛЛЮСТРАЦИЯ» В 1845 г. К ИСТОРИИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ИЗДАНИЙ 1840-х гг.

Дальние страны, неизвестные народы, путешествия, полные опасностей — эти темы всегда вызывали интерес. Читатель желал не просто знакомиться с литературным текстом, но и получать наглядное представление о прочитанном. Важнейшей частью восприятия текста становилась иллюстрация или «картинка», которая в данном случае не просто украшала книжный лист, а делала знакомым то, что читатель никогда не смог бы увидеть сам. Значимую роль в «визуальном» знакомстве читателя с неизвестным миром играли русские иллюстрированные журналы.

К середине 1840-х гг. Петербург стал центром журнального дела, постепенно оттеснив Москву с лидирующих позиций, которые она занимала в предшествующее десятилетие. В столицу переместилась бурная издательская жизнь и связанные с ней новые журналы.

Петербургский журнал «Иллюстрация» [1] стал самым известным из иллюстрированных периодических изданий 1840-х гг. Еженедельные, размером во вторую долю листа, субботние тетрадки «Иллюстрации» с эффектно размещенными на каждой странице тремя колонками текста и наполненные гравюрами выходили с марта 1845 до начала 1849 г. Его редакторы — известный литератор Нестор Кукольник, а потом Александр Башуцкий — создали журнал, ни в чем не уступавший аналогичным зарубежным изданиям, и прежде всего самому популярному парижскому иллюстрированному журналу «Illustration», который и послужил образцом для «Иллюстрации» отечественной.

Задумывая новое издание, Н. В. Кукольник надеялся сделать «Иллюстрацию» литературной и изобразительной хроникой жизни России и Европы. Журнал намеревался сообщать читателям о жизни, быте, истории и архитектуре стран и народов. На его страницах предполагалось публиковать художественные произведения, статьи по истории, литературе, музыке, театральному искусству, помещать рецензии на художественные выставки и давать сведения о выходящих книгах. Кукольнику удалось, опираясь на огромные личные связи в литературных кругах, привлечь для сотрудничества в «Иллюстрации» Николая Полевого, графа Владимира Соллогуба, Константина Кавелина и Владимира Даля. Помимо литературной Кукольник предложил и программу декоративно-графического оформления «Иллюстрации».

Основу ее составило широкое использование гравюры на дереве, как главной для журнала техники иллюстрации. Русская гравюра на дереве вообще многим обязана Н. В. Кукольнику. Благодаря его стараниям на страницах «Иллюстрации» ксилография получила поддержку, как активно развивающаяся печатная техника, чрезвычайно органичная для полиграфического производства. Вокруг редакции были собраны лучшие мастера ксилографии России: К. Клодт, Г. Дерикер, Е. Бернардский, Б. Грейм, Д. Дунин, а впоследствии Г. Гогенфельден и Л. Серяков. Они выполняли для журнала основную часть гравюр-иллюстраций.

В рекламном проспекте (еще до выхода первого номера) Кукольник как редактор сообщал будущим читателям: «...у нас — слово будет душой, а гравюра — телом. Наше издание будет слито из двух этих стихий нераздельных...» Так что одинаковая важность литературной и художественной частей журнала предполагалось заранее. В редакционной статье, предваряющий первый номер от 31 марта 1845 г., объявлялось, что главная задача издания «...описание России...в подвигах и трудах замечательных соотечественников, в нравах и обычаях населявших ее народов...» [2] и «знакомство с жизнью ближайших

соседей России». В том числе и «знакомство» со странам Скандинавии — «ближайшими соседями», интерес к которым у русского читателя был постоянным.

В развитии этой задачи в третьем номере журнала от 14 апреля 1845 г. появился раздел «Путешествие по всей России». «Всегда было нашей мечтою совершить путешествие по безмерному Царству, занимающему... седьмую часть земли нашей Планеты...» [3] — сообщала редакция во вступлении перед новым разделом. Именно «Иллюстрация», первая из иллюстрированных журналов, задалась благородной целью как можно подробнее знакомить русских читателей с неизвестными областями огромной страны, в том числе с ее Балтийскими губерниями и Финляндией, сопровождая литературные очерки иллюстрациями отечественных художников, выполненных специально для этих текстов.

Для первого раздела о путешествии и была выбрана ближайшая к Петербургу Эстляндия. Еще за несколько лет до выхода «Иллюстрации» Н. Кукольник размышлял в «Художественной газете» о темах, наиболее интересных для освещения в будущем энциклопедическом иллюстрированном издании. Он считал, что Прибалтийские губернии и Финляндия, несомненно, заинтересуют отечественного читателя: «...Финляндия, Ревель, Рига, рыцарские замки в Лифляндии и Эстляндии. Подумать страшно, сколько любопытного <...> для потомков в обширных пределах Империи...» [4]

В 1844 г., за год до начала издания «Иллюстрации», Н. Кукольник совершил путешествие на пароходе из Петербурга в Ревель и Финляндию. Он ознакомился с местными достопримечательностями и в своих «записных книжках» [5] составил краткий план будущих очерков об Эстляндии и Финляндии. Скорее всего, именно личные его впечатления и определили тему, которая открывала раздел «Путешествие...» в журнале, — прибалтийская губерния Эстляндия.

Знакомство начиналось с рассказа о первом пограничном городе — Нарве. Очерк сотрудника «Иллюстрации» Петра Фурмана [6] о Нарве, городе «...малоизвестном не только отдельным провинциям, но и в Петербурге» [7], печатался в двух номерах — третьем и четвертом. Автор максимально подробно (и занимательно) знакомил читателей с историей Нарвы, городскими

преданиями, нравами и обычаями жителей и, самое главное, с местными достопримечательностями. О дворце Петра I в Нарве он писал: «У самого вала, близ темных ворот стоит простой 2-х этажный каменный дом с мезонином — дворец Петра Великого. <...> Начальство города бережет этот домик, как святыню: он чист, выкрашен светлой краской; перед ним на мостовой<...> вы не уведете ни одной травинки, между тем, как в нескольких шагах мостовая похожа на лужок» [8]. Или описание двух других знаменитых памятников Нарвы: «Широкой полосой лежала передо мной Нарова. По обеим сторонам, на высоких берегах выселись крепости: по правую — Левонская, прекрасно уцелевшая, <...> а на лево Русская пограничная крепость Иван-город» [9].

Не обошел вниманием Петр Фурман и знаменитый Нарвский водопад: «В тихую погоду у самого города слышится однообразный шум. Но по мере приближения к нему шум усиливается и обращается в оглушительный рев. Рассказывают, — продолжал Фурман, — что Державин <...> уединился поблизости водопада и там написал последнюю строфу оды “Бог”» [10]. Очерк о Нарве сопровождался иллюстрациями с видами самых известных городских достопримечательностей. Их с рисунков П. Фурмана гравировали для журнала К. К. Клодт и Г. Линк. Самая эффектная из иллюстраций представляла «Вид двух крепостей на Нарве» и была гравирована Клодтом. Деревянные гравюры — политипажи занимали одну треть каждой страницы. Умело вкомпонованные в текст, состоящий из трех столбцов набора, гравюры придавали всей странице декоративный вид и создавали особый стиль оформления «Иллюстрации».

В журнале предполагался большой объем иллюстративного материала. Поэтому не все рисунки, выполненные отечественными рисовальщиками, были поручены для исполнения отечественным же граверам. Часть видовых гравюр, в том числе и для раздела «Путешествие...», редакция заказала в Париже, в мастерской известных французских ксилографов Беста и Лелуара, выполнявших гравюры и для «Illustration». Это было вполне обычной практикой для всех иллюстрированных журналов Европы. Сложности возникли с доставкой гравюр в Россию. «С первым пароходом мы ожидаем гравюр, исполненных

в Париже по рисункам Е. Мейера и других русских художников. Виды... Финляндии и южного побережья Балтийского моря уже в дороге, другие гравируются и будут присланы в течение настоящей навигации» [11], — так объясняла долгое отсутствие в журнале новых статей к «Путешествию по всей России» редакция.

Следующий очерк смогли напечатать только в 26 номере. Журнал предлагал читателям продолжить путешествия по Эстляндии почти с того же места, где оно было прервано. После Нарвы читателя знакомили с Эстлянской столицей — Ревелем и его окрестностями. Текст написал также Петр Фурман.

В этом обширном очерке несколько слов было уделено замку Вайзенберг, «построенному в начале 13 столетия, <...> часть развалин которого существует и поныне» [12]. Гораздо большее впечатление произвели на Фурмана развалины монастыря святой Бригитты близ Равеля: «Одни стены монастыря уцелели. Истинно замечателен фронтон на главном фасаде. Этот огромный треугольник <...> держится на стене собственной своей тяжестью и изумительно рассчитанною перпендикулярностью, не имея, решительно ни какай опоры». И с философским пониманием того, как проходит любое величие и остаются лишь воспоминания о былом, Фурман заметил: «Основание здания существует и теперь с темными, мрачными, сырыми подвалами из которых, как гласит предание, раньше был даже подземный ход в Ревель, и в котором теперь устроены стойла для скота» [13].

О столице Эстляндии, Ревеле, Фурман написал довольно критично: «Ревель имеет характер совершенно древнего германского города <...> он живописен, замечателен, как древность, но вместе с тем не удобен. Улицы вообще узки, и даже главные из них можно сравнить лишь с хорошими петербургскими переулками» [14].

Наибольшее впечатление произвела на автора очерка церковь Святого Николая, «называемая русскими, проживающими в Ревели — Липовою». Описание ее интерьера сопровождала великолепная ксилография.

Все эстонские виды, представленные в «Иллюстрации», показывали места, почти неизвестные основной части населения империи: «Замок Вайзенберг», «Развалины монастыря святой Бригитты», «Гапсаль» и «Внутренний вид церкви святого Николая в Ревеле» — их с рисунков выпускника Академии художеств Е. Мейера гравировали в Париже в мастерской Беста и Лелуара.

Для большинства читателей «Иллюстрации» гравюры с рисунков Мейера дали возможность впервые увидеть неизвестные памятники архитектуры. Четкие, хорошо отпечатанные гравюры были расположены по две на листе, гармонично сочетались с набором и делали каждую страницу журнала чрезвычайно живописной.

В «Записных книжках» за 1844 г. Н. Кукольник восторженно описал свое пребывание в Финляндии в том же 1844 г. и отметил основные памятники Гельсингфорса, которые поразили его больше всего: «Шведский собор», «Троицкая русская церковь», «Столб Александра» и «Иматра» [15].

Возможно, о каждом из этих памятников Кукольник собирался написать отдельно. Но серии очерков о Финляндии в журнале не появилось. На страницах «Иллюстрации» были напечатаны, и то без сопроводительного текста, лишь только несколько гравированных видов Гельсингфорса. Отдельный очерк, помещенный в раздел «Путешествие...», был посвящен только знаменитому финскому водопаду в Иматра. Начинался очерк восторженным описанием Финляндии: «Финляндия стоит внимательной и продолжительной прогулки с одного конца до другого. <...> Прибрежные города старой и новой Финляндии, озеро Сайма со своим архипелагом и водопадом у Иматра <...> понравятся, и запечатляться навсегда в памяти, хотя бы объехали все страны света» [16].

И далее во всей красе описан знаменитый финский водопад: «Справедливо назвать это падение водостремлением <...> волны точно бешеные бросаются с горы, встречаются с тайными камнями, которые их подбрасывают на значительную высоту и расхлестывают в мелкие брызги» [17]. Похоже, именно эти строки нашли отражение в журнальной гравюре — иллюстрации, выполненной с рисунка Егора Мейера в парижских мастерских.

Очерки об Эстляндии и Финляндии печатались в первом томе за 1845 г. Для большинства читателей «Иллюстрации», и провинциальных, да и для многих жителей Петербурга и Мос-

квы. Эти очерки и иллюстрации к ним стали первым знакомством с совершенно неизвестными местами и памятниками «Великой Империи» [18].

Кроме того, номера за 1845 г. явились своеобразным ориентиром для номеров последующих лет. Они задали высокий уровень для дальнейших литературных материалов журнала и иллюстраций к ним.

---

[1] Журнал выходил с марта 1845 до 1849 г. (№ 3).

[2] Иллюстрация Т. 1. 1845. № 1. С. 1.

[3] Там же. Т. 1. 1845. № 3. С. 36.

[4] Художественная газета. 1837. № 2. С. 33.

[5] ОР ИРЛИ (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН) Ф. 371. Кукольник Н. В. Ед. хр. 83. Записные книжки 1844—1848 гг.

[6] Фурман Петр Романович (1809—1856) — писатель и журналист, автор книг для детей: «Сын рыбака М. В. Ломоносов» (1847), «Г. А. Потемкин» (1845), «А. В. Суворов-Рымникский» (1848), «Саардамский плотник» (1849) и др.

[7] Иллюстрация. Т. 1. 1845. № 3. С. 36.

[8] Там же. С. 37.

[9] Там же. С. 38.

[10] Там же. № 4. С. 52.

[11] Там же. № 12. С. 177.

[12] Там же. № 26. С. 403.

[13] Там же. С. 405.

[14] Там же. Нужно заметить, что впечатления Фурмана об Эстлянской столице во многом перекликались с путевыми впечатлениям издателя «Иллюстрации». «Записные книжки» 1844 г. испещрены сердитыми замечаниями Кукольника о Ревеле. Ему не понравились ревельские гостиницы, «где клопы в великом множестве», кондитерские «с жидким кофием», темные улицы и даже парк с Екатеринентальским дворцом, который «в роде Царских покоев на почтовых станциях» (ОР ИРЛИ Ф. 371. Ед. хр. 83. Л. 5, 9).

[15] ОР ИРЛИ Ф. 371. Ед. хр. 83. Л. 13.

[16] Иллюстрация 1845. № 33. С. 517.

[17] Там же.

[18] В 1846 г. в № 26 «Иллюстрация» напечатала два очерка о Прибалтийских замках Гельмед и Кокенгузен. Гравюры к очеркам были выполнены по рисункам Е. Мейера.

И. В. Кириленко, Т. В. Папаскири

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИЗАЙНА ИЗДЕЛИЙ ИЗ СТЕКЛА И КЕРАМИКИ В ШВЕЦИИ И ФИНЛЯНДИИ

Анализируя развитие производства скандинавского стекла за 100 лет (начиная с 1880 г.), историки и искусствоведы считают, что оно охватывает диапазон идей от раннего «модерна» искусств и ремесел до современных принципов дизайна, сложившихся в последние десятилетия[1].

Поэтому в целях сохранения традиций и совершенствования творческих поисков скандинавы постоянно создавали выставки дизайна различных изделий, стекла, мебели, проводили симпозиумы, публиковали материалы по истории скандинавского дизайна, критические материалы, характеризующие его художественную ценность и социальное значение. Ремесленное производство зависело от капризов рынка, на котором интерес к одним изделиям мог быстро исчезнуть, если появлялась какая-нибудь экзотическая новинка.

История шведского стекла, бывшего в течение многих лет бесспорным лидером в этом виде искусства, неразрывно связана с именем Эдварда Хальда. Более четкое представление о нем и его искусстве дает специальный каталог выставки в Национальном музее в Стокгольме. Через 11 разделов каталога, в которых авторы с большим мастерством описывают страницы жизни и творчества Хальда, проходит основная мысль о причинах выбора художником именно этого вида деятельности — ведь изначально он был ближе и живописи.

Его личное знакомство с известным французским художником Матиссом (1869—1954), многолетние творческие поиски

в стекле, фарфоре, керамике привели к тому, что он создал стиль, отличающийся неповторимостью форм. Влияние Матисса на творчество Хальда сказалось на ряде его известных изделий, выполненных методом гравировки. В частности, традиционная для Матисса тема танцовщиц получила пластическое развитие в изделиях из стекла, сделанных Хальдом. Из ранних работ — это гравированный графин, из более поздних — ваза с изображением девушек, играющих в мяч.

Сын художника Артур Хальд в глубоком вдумчивом описании портрета отца, сделанном лично в последнем дневнике, дает ответ на вопрос о выборе Хальда. Сам Хальд пишет, что работа в одиночестве перед мольбертом сочеталась с радостью общения с мастерами в процессе выплавки изделия, энтузиазмом коллективной работы, особенно с его другом и коллегой Симоном Гейтом.

Имена этих двух выдающихся мастеров как бы слились с историей стекольного завода «Оррефорс Гласбрук». Созданный в 1726 г., «Оррефорс Гласбрук» поначалу был металлургическим заводом, но в конце прошлого столетия, когда производство постепенно стало утрачивать свою рентабельность, возникла идея организации стекольного предприятия. Мировую известность «Оррефорс» приобрел в 20-е гг. прошлого столетия , начиная с сотрудничества с дизайнерами Симоном Гейтом и Эдвардом Хальдом. Используя оригинальность и богатство своих идей, они заложили основу широкого признания оррефорского хрусталя. Этот завод превратился в крупнейшую фирму и по настоящее время удивляет своими изделиями.

В 1983 г. в музее стекла в Вёксе в их честь была устроена выставка «Защитники стекла», полная поэзии и фантазии, но в то же время и трезвого подхода к развитию промышленности, основанной на художественных традициях. На выставке можно было увидеть знаменитое стекло «Грааля» — прозрачное или тяжелое, различное по цвету, но всегда прекрасное по форме, совершенству линий и функциональности. Образ изделий этой технологии чем-то связан с темой средневековой легенды (в средневековой мифологии «Грааль» — название чаши из цельного изумруда, которой пользовался Христос во время тайной вечери).

Особенности техники «Грааль», разработанной и внедренной Симоном Гейтом, заключается в том, что узор включен в стекло. Для этого стеклянное сырье с различными по цвету слоями подвергается плавлению, шлифуется и гравируется до того момента, пока готовый бокал, чаша или кувшин после окончания термообработки и выдувания не отделяется от трубки стеклодува.

В ранних изделиях «Грааль» материал был светлый, прозрачный, тонкостенный, а с 30-х гг. изделия тяготеют к тяжелым, массивным формам, на которых рисунок располагался глубоко в основном бесцветном слое. Затем технику «Грааль» стали комбинировать с техникой «Ариель», которая создает воздушно-пузырчатый материал, и в современном производстве продолжают технику «Грааль» с техникой «Ариель».

Это были первые изделия, которые открыли дорогу на мировой рынок шведскому стеклу.

Два других дизайнера — Гуннар Сюрен (р. 1931) и Бертил Валлиен (р. 1938) — не только продолжили традиции шведского стекла, но и создали в нем совершенно новые направления, как бы объединив в своем творчестве прошлое с современностью.

Гуннар Сюрен начинал в «Оррефорсе» как мастер по стеклу, а затем, работая в собственной мастерской в Евле, соединил хрусталь с серебром. Сначала хрусталь подвергался грубой опиловке алмазной пилкой, с помощью алмазного круга шлифовались контуры, использовался крупнозернистый круг, потом более мелкий. Края закруглялись и постепенно вышлифовывался рисунок. Полировка производилась механическим способом с помощью войлочного круга, снабженного пемзой, а затем кислотой. Так обрабатывались бокалы, представленные осенью 1983 гг. в Стокгольме, которые смело можно назвать образцом наивысшего искусства ручной работы.

Впрочем, оригинальные работы Сюрена со светлым стеклом обратили на себя внимание на всех скандинавских выставках.

Оригинальные решения скульптурного декоративного стекла в своих работах создают Эва Энглунд (р. 1937), Энн (р. 1937) и Гёран Вэрфф (1933). Эва Энглунд варьирует композиции

и формы, напоминающие чаши, сформированные из пластической массы гутного стекла.

В своих скульптурных формах Энн и Гёран Вэрфф создают особые пластические изделия, напоминающие традиционные формы, например чайник, и в то же время они решены символически, осмыслены как текучая пластическая скульптурная масса. Их образы несут нечто фантастическое, наивное и непосредственное. Авторы максимально используют возможности расплавленного стекла, В период 70—80-х гг. возникли мобильные формы производства, основанные на экспериментальных поисках, что позволило более гибко реагировать на все дифференцирующие вкусы и потребности населения.

В такой ситуации проявили себя художники, работавшие в индивидуальных мастерских, непосредственно следившие за развитием вкусов потребителей. Среди этого направления выделились Эва Ульберг, Анн Вэффф (р. 1937) и другие.

Эва Ульберг создала запоминающиеся бокалы, стаканы, даже картины на стекле лаконичной формы и живописной фактуры за счет «вплавления» в стеклянную массу различных изображений, например летящей птицы. В творения стекла постоянно свою новизну вносит Ульрика Хюдман-Валлиен, которая является мастером и поклонницей многослойного цветного стекла. Диапазон ее направлений велик: живопись, графика, керамика и стекло. И все эти направления нашли свое сконцентрированное отражение в ее дизайне стекла: изображения, связанные с фауной и флорой, разные существа, в том числе женщины, находящиеся в движении с глубоко запрятанным, застывшим смыслом жизни и радости. В основе сюжетов использованы разные фантастические сказания, саги, легенды, связанные с лесами Смоланда (в котором они с Бертил Виллиеном творили большую часть своей жизни с 1963 г.) на маленьком предприятии Афорс. Некоторые ее творения воплощают мечты о чаше «Грааля». С Эвой Энглунд они стали инициаторами инновационного движения в стекле 80-х гг.

Ульрика Хюдман-Валлиен и Бертил Валлиен — это не единственная супружеская пара, успешно созидающая в творческом процессе, хотя их изделия технически различные.

Работу в интерьере успешно в тот период выполняла Анн Вэрфф. В ее витражном искусстве сочетаются лаконичность

и строгость художественных форм наряду с богатством технологических приемов.

Художники влияют на массовую культуру и дизайн производства изделий. Акцент на эксперименте и поиске тесно сливается с разработкой направлений массовой продукции, причем качество и культура производства столь высоки, что не позволяют проводить резкой грани между уникальной работой художника и серийным изделием. Это сложилось в результате неразрывной преемственности особенностей ремесла, широкого обмена идеями наряду с жесткой рыночной конкуренцией. Жизнь заставляла шведских художников и менеджеров быть, с одной стороны, особо внимательными к наследию национальных бытовых обычаев, с другой — быть внимательными к новациям и в области технологии. Как можно было заметить, все перечисленные художники были родом из Швеции. И это не случайно. Здесь дизайн развивался более организованно, целенаправленно, с ясно сформированными целями: больше красивых вещей для повседневного пользования. Швеция служила как бы точкой отсчета и источником вдохновения для других скандинавских стран вплоть до недавнего времени.

Однако, несмотря на очевидные успехи шведского стекла, самой удивительной чертой скандинавского современного искусства стал его интернациональный характер — сегодня на первый взгляд трудно определить место рождения изделия. Отличительные национальные особенности в значительной степени утрачены, новые тенденции выходят за рамки национальных границ. Особенно это заметно на примере Исландии, где стекольное мастерство появилось сравнительно недавно.

И все же, несмотря на то что новое сегодня появляется одновременно в нескольких местах с утратой четких стилистических особенностей, здесь нельзя не сказать о финском дизайне.

Традиционный финский дизайн обычно отождествляется с представлениями о высоком техническом качестве, строгости и стабильности форм и щедром использовании возможностей цвета. Большей движущей силой развития национальной школы является творчество ярких индивидуальностей (подкрепленное коммерческим интересом и продуманной рекламой), чем опора на глубинные течения исторического развития [2].

Огромное влияние на финский дизайн оказала культура Швеции, имеющая опыт урбанистического развития. Финский дизайн заявил о себе в 1900 г. на Парижской Всемирной выставке, где финны построили свой павильон, спроектированный тремя молодыми архитекторами — Саариненом (1873—1950), Линдгреном (1874—1929) и Гесселиусом (1874—19I6). В его архитектуре и экспозиции были успешно использованы национально-романтические традиции. Экспонаты были богато декорированы мотивами флоры, животного мира, они отражали характер типичной природной среды — финского леса. В павильоне экспонировалась мебель, которую проектировал художник Галлен Каллела (I865—193I), придавая ей характер романтичной сказочности.

В дальнейшем на формирование стиля национального романтизма огромное влияние имело рациональное в своей основе творчество Элиела Сааринена (1870—1956).

В начале 20-х гг. начался период развития промышленного искусства. Были организованы общество финских ремесленников — «Товарищество финского ремесла» и объединение искусства и ремесел «Орнамо». Их усилиями финское индустриальное искусство пришло к позициям национальной дизайнерской школы. На международной выставке декоративного искусства в Париже в 1925 г. был первый международный успех финского дизайна. После 1925 г. выставки финского национального искусства за рубежом, где доминировали объекты национального дизайна, стали традицией.

Современное финское стекло привлекает внимание дизайнеров Европы и всего мира. Как говорят сами чехи, это достойный соперник чешского стекла.

Его стремительное развитие началось после 30-х гг., когда прозвучало имя Алвара Аалто (1898—1978). Решающую же роль в истории финского стекольного дела сыграла творческая деятельность талантливой художницы Гуннель Ньюман (1909—1948). Ее работы, сочетавшие благородную строгость и грациозный лиризм, экспонировались в 1937г. на Всемирной выставке в Париже. Художница предпочитала бесцветное прозрачное стекло, лишь иногда помеченное налетом молочно-белого. В ее многочисленных «завернутых» образцах проявилось особое чувство мягкой гибкости.

Формы этих изделий восходят не столько к особенностям технологии выработки, сколько к изначальному качеству материала, для которого существует бесчисленное множество превращений. В основе «завернутых» ваз есть что-то общее с драпировкой тканей. Сдержанностью цвета и фактуры отличаются и другие ее вазы, в которых используются приемы включения цветной массы и воздушных пузырей ради образного воздействия изделий.

Свою прелесть и красоту получили и изделия из стекла для массового тиражирования. Тимо Сарпанева [3], Тапио Вирккала [4] и Кая Франка в изделиях массового производства убедительно показали, как много таят в себе простые широко распространенные цилиндрические формы. Сарпанева широко использует контрасты прозрачности, фактуру стекла, совмещение других материалов со стеклом, например в столовых наборах. Интересны и его наборы для питья, которые выполнены из двухслойного непрозрачного отекла. Одна из ваз Сарпаневы после миланской Триеннале в 1951 г. была провозглашена «самым красивым предметом в мире». В 80-х гг. он экспериментирует с цельными скульптурными глыбами из стекла, создавая коллекцию стекла. Вес этих глыб, выполненных из стекла и гранита на плавильных печах «Итталы», достигает 100 кг. Эти глыбы изготовлены различными методами, отгравированы и отполированы. Созданию коллекции предшествовал тяжелый шестимесячный труд. Сарпанева говорит, что его мечты больше вписываются в ночь и таким образом все больше забирают его дневное время. Эта коллекция предъявила требования к пространству. По его словам, «самым важным является уравновешенность пропорций пространства вокруг экспонатов. Пространство и время окружают нас, а также все вещи, которые мы создаем, но значение пространства раскрывается во всей его бесконечности посредством его соответствия тем формам, которые оно принимает».

Среди имен, еще неизвестных в России, можно назвать, к сожалению, навсегда ушедшего большого мастера по керамике Биргера Кайпиайнена (1915—1988) и современного Маркку Сало (р. 1950).

Легендарная слава на международной арене также принадлежит русскому керамисту и скульптуру Михаилу Шилкину

(1890—1962), который в 1936 г. был приглашен на фабрику Арабия. Его искусство керамики достигло наивысшей ступени в технике шамотных глин с использованием специальных технологий обжига и выразительной глазури. Он является основателем особого направления в керамике, создавая баланс между выразительностью изделия и декоративностью, никогда не забывая основных характеристик керамики. Тематику его скульптур составляет животный мир, экзотические темнокожие женщины, темы мифологии, религиозные сюжеты. В его больших настенных рельефных панно изображены трудовые люди — представители разных экономических групп.

Основным источником вдохновения его изделий был животный мир. Его объекты изображены в различных положениях, при этом он с помощью сложных техник и цвета шамота, мастерски передает иллюзию шерсти, перьев и других натуральных оттенков, присущих животным.

Его изделия высоко оценены, например, в 1937 г. вручением международного приза и золотой медали в Париже на Всемирной ярмарке. С гордостью за своего соотечественника можно сказать, что его скульптурные работы стоят в одном ряду с изделиями таких финских керамистов, как Тойни Муона (1904) и Биргера Кайпиайнена.

Тойни Муона создала на фабрике Арабия школу керамистов, основанную на европейских керамических студиях, но идеалы вдохновения их творчества исходят из классического искусства керамики Восточной Азии, которым овеяны работы самой Муона.

В 1989 г. в небольшом городе Ретрети было организовано 5 выставок, среди которых экспонировались изделия из керамики Биргера Кайпиайнена. Каждое его произведение — это новый смысл, гимн цветам и краскам. Его творение — декоративные настенные тарелки и скульптурные работы, например птица на каркасе из проволоки, на которую нанизаны разноцветные керамические частицы. Его работы украшают музей фирмы «Арабия».

В художественном и скульптурном стекле и кобальтовой керамике Ойва Тойкка воплощает непредсказуемые идеи, уникальные формы и объемы, оригинальное применение цвета, фантазии, юмора. И что особенно интересно, что его творения — это особый язык знаков декоративного искусства. В настоящее время он является художественным директором предприятия.

Маркку Сало использует при создании изделий из стекла свой талант художника-графика. Его светильники, вазы и сосуды с использованием металла являют собой, по мнению искусствоведов, прыжок в другой мир.

Дизайн скандинавов обошел весь мир и завоевал уважение. Скандинавских дизайнеров по стеклу приглашают для оформления общественных зданий во все уголки света, в том числе в России. В настоящее время в магазинах России можно приобрести уникальные изделия Оррефорса, именитых дизайнеров Финляндии и других скандинавских стран.

Большой интерес к скандинавскому дизайну возник в США в 1930—40-х гг., который не ослабевает и по настоящее время. Например, влияние мастерства знаменитых дизайнеров по стеклу Хальда и Гейта использованы американскими фирмами «Либби» и «Фостория» в производстве столовой посуды. Музей стекла в Корнинге и другие музеи США организовывали выставки скандинавского стекла и других изделий дизайна. А многие изделия скандинавских мастеров различных направлений являются классикой мирового искусства и составляют постоянную экспозицию музеев США и др. музеев Европы.

---

[1] Skandinavian modern design 1880—1980. N. Y., 1982; *Кириленко И., Папаскири Т.* Скандинавский дизайн: традиции и современность. М., 1996; Design in Sweden: collection of art. Malmo, 1977; *Makela A.* Oiva Toikka first winner of the Kaj Franck design prize // Form Function. № 1. 1993.

[2] Finnish Design 1875—1975. 100 years of Finish industrial design. Hels., 1975; Ornamo Book of Finnish Design. Hels., 1962

[3] *Sarpaneva T.* Selection from a coming book on artic and technically innovatory achievement in Form, Colour, Function. Hels., 1981.

[4] *Wirkkala T.* Catalog of the exhibition. Hels., 1981.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Е. А., канд. ист. наук, Государственный Эрмитаж.

Базарова Т. А., канд. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Барышников В. Н., докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Барышников Н. И., докт. ист. наук, профессор Северо-западной академии государственной службы.

Бекман Й., докт. наук, Хельсинки

Бурков В. Г., докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Возгрин В. Е., докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Вуорисярви Э., докт. наук, Финское военно-историческое общество.

Выскочков Л. В., докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Гёуст К.-Ф., докт. наук, Авиационный музей Финляндии

Демидов В. И., член Санкт-Петербургского Союза писателей

Дубровская Е. Ю., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН.

Дуров И. Г., докт. ист. наук, профессор Нижегородского государственного университета.

Жуков А. Ю., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН.

Журавлев Д. А., канд. ист. наук, Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга.

Ивлева С. Е., Государственный Русский музей.

Катцова М. А., Санкт-Петербургский государственный университет.

Кириленко И. В., дизайнер, Москва.

Косов Ю. В., докт. полит. наук, профессор Северо-западной академии государственной службы.

Кривдина О. А., канд. искусствоведения, Государственный Русский музей.

Кротов П. А., докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Кутузов А. В., канд. ист. наук, доцент Санкт-Петербургской государственной правовой академии

Кутузов В. А., докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Макуров В. Г., канд. ист. наук, Карельский научный центр РАН.

Мусаев В. И., докт. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Новикова И. Н., канд. ист. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Омшина А. С., искусствовед, Красноярск.

Пааскари Т. В., искусствовед, Москва.

Партала М. А., канд. воен. наук, доцент Военно-морского института радиоэлектроники им. А.С. Попова.

Петров П. В., канд. ист. наук, Российский государственный архив Военно-Морского Флота.

Плохова К. С., Российский государственный исторический архив.

Садова Л. В., Институт Всеобщей истории РАН.

Смолин А. В., докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного педагогического университета.

Терюков А. И., канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии РАН.

Фишер А. Е., Русская Христианская гуманитарная академия.

Фокина В. В., канд. полит. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Халипов С. Г., канд. филол. наук, доцент Русской христианской гуманитарной академии.

Харченкова Л. И., докт. педаг. наук, профессор Санкт-Петербургского университета водных коммуникаций.

Цамутали А. А., докт. ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Цоффка В. В., канд. фил. наук, Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина.

Шрадер Т. А., канд. ист. наук, Музей антропологии и этнографии РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Preface 7

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ 9

А. И. Терюков
Адмирал Этолин — правитель русской Америки. История финна в российском флоте 10

А. В. Смолин
Восстание в Гельсингфорсе 3—4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина 22

В. Н. Барышников
О судьбе финского населения на занятой советскими войсками территории Финляндии в 1939—1940 гг. 34

В. А. Кутузов, В. И. Демидов
А. А. Жданов и советско-финляндская война 1939—1940 гг. 51

Н. И. Барышников
Известный финляндский общественный деятель и литератор Армас Эйкия в блокадном Ленинграде в 1941—1944 гг. 72

А. С. Омшина
Финский сибиряк, художник Тойво Васильевич Ряннель . . . 77

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА 87

Е. А. Андреева
Местное население и гарнизоны шведской Ингерманландии и Карелии и строительство Петербурга (в 1703—1710 гг.) . . 88

П. А. Кротов
Рекрутский набор финнов в русскую армию в конце Северной войны (1720) 96

Т. А. Шрадер
Беженцы Выборгской губернии в конце XVIII века 99

А. Е. Фишер
Политика Наполеона и русско-шведская война 1808—1809 гг. 110

А. Н. Цамутали
Русские офицеры о совместных маневрах русских и финляндских войск (1863, 1888 гг.) 123

Л. В. Садова
Российская Империя и расторжение шведско-норвежской унии в 1905 г. 131

М. А. Катцова
К вопросу о так называемой «русской военной опасности» для Швеции накануне и в начале Первой мировой войны . . 150

И. Н. Новикова
О побегах немецких и австрийских военнопленных через Финляндию в годы Первой мировой войны 168

В. Н. Барышников
«Кратковременная оттепель» или перспективная программа сотрудничества? (к итогам визита министра иностранных дел Финляндии в СССР в 1937 г.) 183

К.-Ф. Гёуст
Финские разведывательные аэрофотосъемки до «зимней войны» 207

Д. А. Журавлев
Обобщение опыта медицинского обеспечения Красной Армии в период советско-финляндской войны 1939—1940 гг. 224

Э. Вуорисярви
Петсамо 1940—1941 гг.: нужен ли был России никель в действительности? 241

В. Г. Макуров
Петрозаводск в оккупации 1941—1944 гг. 249

В. Н. Степаков
Освоение Карельского перешейка Советским Союзом в 1940-е — пер. пол. 1950-х гг. 263

Н. И. Барышников
Судьба Ленинграда на карте финляндского руководства (1941—1942 гг.) 276

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ 287

П. А. Кротов
Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (пролог основания Санкт-Петербурга) 288

И. Г. Дуров
Провиантское обеспечение военно-морского флота Швеции в Северную войну 304

М. А. Партала
Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну. Вопросы организации 325

Е. Ю. Дубровская
Гельсингфорс — главная база Балтийского флота в годы Первой мировой войны: город и моряки-балтийцы 338

В. И. Мусаев
Финляндия и Кронштадтское восстание 1921 г. 350

П. В. Петров
Расширение системы базирования и береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота летом 1940 г. 365

Ю. В. Косов
Развитие трансграничных региональных связей в зоне Балтийского моря 380

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ 387

Т. А. Базарова
Шведские картографические источники по истории военных действий в окрестностях Петербурга и Кроншлота 1703—1708 гг.: По материалам Государственного и Военного архивов Швеции (Стокгольм) 388

В. Е. Возгрин
Национальная политика в Петербурге 1730-х гг. в записках датского пастора П. Хавена 399

Л. В. Выскочков
Император Николай I о Финляндии и о финнах 412

В. В. Цоффка
Финляндские страницы в путевом очерке Е. Л. Маркова «По Швеции» 429

А. В. Кутузов
Советская печать о Финляндии 1941—1942 гг.: создание образа врага 436

И. Бекман
Психологический аспект участия Финляндии в войне в 1941—1944 гг. в работах финских историков, литераторов и публицистов 444

В. В. Фокина
Стратегия и концепции региональной интеграции стран Северной Европы 453

С. Г. Халипов
Что значит *Клязьма*? 458

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ 461

В. Г. Бурков
К истории государственных символов Дании 462

Л. И. Харченкова
Сопоставительный анализ цветовой символики России и Финляндии 467

А. Ю. Жуков

Погост и приход — основы административного деления Северной России (на примере Карелии. XIII—XVI вв.) 475

К. С. Плохова

Взаимопроникновение русского и финского населения в первой четверти XIX в.: основные этапы 486

О. А. Кривдина

Несколько портретов к иконографии императрицы Марии Федоровны (1847—1928) 496

С. Е. Ивлева

Эстляндия и Финляндия на страницах журнала «Иллюстрация» в 1845 г. К истории иллюстрированных изданий 1840-х гг. 506

И. В. Кириленко, Т. В. Пааскари

Национальные особенности дизайна изделий из стекла и керамики в Швеции и Финляндии 513

Краткие сведения об авторах 522

CONTENTS

Preface 7

PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY 9

A. A. Teryukov

Admiral Etolin — the governer of Russian America. The Finn's story in the Russian Navy 10

A. V. Smolin

Rebelion in Gelsingfors 3—4 March in 1917 and assassiation of vice- admiral A. I. Nepenin 22

V. N. Barishnikov

On the fate of Finnish population on the Finnish territory occupied by Soviet troops in 1939—1940 34

V. A. Kutusov, *V. I. Demidov*

A. A. Zhdanov and Soviet-Finnish war 1939—1940 51

N. I. Barishnikov

Famous Finnish public benefactor and man of letters Armas Eikiia in besieged Leningrad in 1941—1944 72

A. S. Omshina

Finnish Siberian painter Toivo Vasilievitch Riannel 77

ECONOMICS, WAR AND POLITICS 87

E. A. Andreeva

Native population and garrisons of Swedish Ingermanland and Karelia and construction of Petersburg (1703—1710) 88

P. A. Krotov
Recruitment of Finns to the Russian army at the end of the Northern war (1720) 96

T. A. Shrader
Refugees of Viborg region at the end of XVIII century 99

A. E. Fisher
Napoleon's policy and Russian-Swedish war 110

A. N. Zamutali
Russian officers on joint manoeuvres of russian and finnish troops (1863, 1888) 123

L. V. Sadova
The Russian Empire and cancellation of Swedish-Norwegian unia (agreement) in 1905 131

M. A. Katzova
On so called Russian military danger and Swedish army on the eve and at the beginning of the First World war 150

I. N. Novikova
On escapes of German and Austrian prisoners of war through Finland during the first World war 168

V. N. Barishnikov
"Short time thaw" or perspective programme of cooperation? (the results of Finnish foreign affairs minister's visit to the USSR in 1937) 183

C.-F. Geust
Finnish intelligence air photography before "winter war" 207

D. A. Zhuravlev
Generalization of the medical supply experience in the Red Army during the Soviet-Finnish war of 1939—1940 224

E. Vuorisiarvi
Petsamo 1940—1941: did Russia really need nickel? 241

V. G. Makurov
Petrozavodsk in occupation 1941—1944 249

V. N. Stepakov
Development of the Karelian isthmus by the Soviet Union in 1940 — first half of 1950 263

N. I. Barishnikov
Leningrad's fate on the map of Finnish leaders (1941—1942) . . 276

THE BALTIC SEA: COOPERATION AND CONFRONTATION 287

P. A. Krotov
New materials on Osudareva road 1702 (prologue to Saint-Petersburg foundation) 288

I. G. Durov
Provisions supply of the Swedish Navy during the Northern war 304

M. A. Partala
The Baltic Fleet intelligence in the first World war. Problems of organization 325

E. Yu. Dubrovskaia
Gelsingfors-the main base of the Baltic Fleet during the first World war: town and Baltic sailors 338

V. I. Musaev
Finland and Kronshtad's rebellion 350

P. V. Petrov
The expansion of base system and shore defence of Baltic Red Banner Fleet in summer 1940 365

Yu. V. Kosov
The development of transfrontiers regional contacts in the Baltic sea area 380

HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS 387

T. A. Bazarova
Sweden cartographical sources on warfare history in Petersburg and Kronshflot area in 1703—1708: based on materials of Sweden State and Military archives (Stokholm) 388

V. E. Vozgrin
National politics in Petersburg in 1730th in pastor P. Haven's papers 399

L. V. Viskotchkov
The Emperor Nikolai I about Finland and Finnish people 412

V. V. Zoffka
Finnish pages in travel essay of E. L. Markov(1835—1903) "Round Sweden" 429

A. V. Kutusov
Soviet press in Finland 1941—1942: creating enemy's image . . . 436

Y. Bekman
Psychological aspect of Finland's participation in war of 1941—1944 in works of Finnish historians, men of letters and publishers 444

V. V. Fokina
Strategy and concept of regional integration of North European countries 453

S. G. Khalipov
What does *Klayzma* mean? 458

SCIENCE, CULTURE AND RELIGION 461

V. G. Burkov
To the history of state symbols in Denmark 462

L. I. Harchenkova
Comparative analysis of colored symbols of Russia and Finland . 467

A. Yu. Zhukov
Graveyard and churchyard — main basis of administrative division in Nothern Russia (Karelia as an example. XIII—XVI centuries) 475

K. S. Plohova
Mutual penetration of Russian and Finnish population in the first quarter of the XIX century: main stages 486

O. A. Krivdina
Some portraits to icon painting of emperor Maria Fedorovna (1847—1928) 496

S. E. Ivleva
Estlandia and Finland on the pages of the magazine "Illustration" in 1845. To the history of illustrated periodicals 1840th 506

T. V. Papaskiri, I. V. Kirilenko
National peculiarities of glass and ceramic goods' design in Sweden and Finland 513

Information about authors 522

Санкт-Петербург
и
страны Северной Европы

Материалы восьмой ежегодной Международной
научной конференции

Редактор *В. Н. Подгорбунских*
Верстка *С. В. Степанова*

Лицензия № 00944
от 09.02.2000 г.

Подписано в печать с готового оригинал-макета 05.02.07.
Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$. Бум. офсетная. Гарнитура Octava.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,50. Тираж 1000 экз.
Заказ №

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,
Издательство Русской Христианской гуманитарной академии.
Факс: (812) 311–30–75;
e-mail: editor@rchgi.spb.ru. URL: http://www.rchgi.spb.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии Издательского Дома
Санкт-Петербургского государственного университета
199061, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., 41